

*К столетию со дня рождения
академика
ЕВГЕНИЯ МИХАЙЛОВИЧА СЕРГЕЕВА*

Академик Е.М. Сергеев

1914–1997

Е.М. Сергеев

ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ГОДЫ

Воспоминания

Москва
ГЕОС
2014

УДК 94; 624.131.1; 378.4

ББК 26.323

С 67

Сергеев Е.М. Взгляд сквозь годы. Воспоминания / Под ред. В.И. Осипова. – М.: ГЕОС, 2014. – 480 с. + 48 с. илл.
ISBN 5-978-89118-651-4

Книга издается к 100-летию со дня рождения ее автора, Евгения Михайловича Сергеева (1914–1997) – выдающегося советского и российского ученого – инженера-геолога и организатора науки, академика, лауреата Ленинской и Государственных премий СССР. Основой для настоящего издания послужили книги Е.М. Сергеева «За строкой фронтового письма» (М.: Воениздат, 1985), «Московский университет: взгляд сквозь годы» (М.: Изд-во МГУ, 1992), а также и не публиковавшиеся ранее мемуары ученого. Эта книга – правдивый рассказ о жизненном пути ровесника Октябрьской революции, неразрывно связанном с историей нашей страны, о предвоенном студенчестве и трудных дорогах Великой Отечественной войны, о становлении ученого, о жизни Московского университета 1930–1980-х годов, об учителях, коллегах и учениках академика Е.М. Сергеева.

Для широкого круга читателей, специалистов в области истории науки, инженерной геологии, аспирантов и студентов.

Главный редактор: *В.И. Осипов*

Составители: *О.Н. Еремина, Н.Е. Сергеева*

Издание осуществлено при финансовой поддержке
ИГЭ РАН и ООО «Геомассив»

© ИГЭ РАН, 2014

© ГЕОС, 2014

Предисловие

Дорогие коллеги и друзья!
Вашему вниманию предлагается уникальная книга мемуаров, подготовленная к изданию спустя 17 лет после смерти ее автора — академика Е.М. Сергеева.

Евгений Михайлович Сергеев (23.03.1914 — 23.03.1997) — академик АН СССР (с 1991 г. — академик РАН), крупнейший советский и российский ученый в области грунтоведения, инженерной геологии и охраны геологической среды, выдающийся организатор науки и талантливый педагог высшей школы, лауреат Ленинской (1982) и Государственных премий СССР (1977, 1988), ветеран Великой Отечественной войны.

Е.М. Сергеев родился в Москве в семье служащих. После окончания Московского топографического техникума в 1932 г. три года работал топографом на Дальнем Востоке. В 1935 г. поступил на геолого-почвенный факультет Московского университета, с которым в дальнейшем была связана вся его жизнь. В 1940 г. он окончил с отличием кафедру грунтоведения; его учителями в университете были профессора М.М. Филатов, И.В. Попов, С.С. Морозов, Н.В. Орнатский и др. После окончания университета Е.М. Сергеев был оставлен на кафедре грунтоведения в должности ассистента. С первых дней Великой Отечественной войны ушел добровольцем на фронт, участвовал в боях с немецко-фашистскими захватчиками (1941 — 1943), вернулся в университет осенью 1943 г. после тяжелого ранения под Сталинградом. В 1944 г. он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Теплота смачивания грунтов», а в 1952 г. — докторскую диссертацию «Генезис и состав грунтов как основа классификации и изучения их свойств».

Евгений Михайлович внес большой вклад в развитие Московского государственного университета. С 1954 г. в течение почти 35 лет он был заведующим кафедрой грунтоведения и инженерной геологии геологического факультета МГУ (с 1986 г. — кафедра инженерной геологии и охраны геологической среды). Под его руководством кафедра стала бесспорным лидером инженерной геологии страны, центром, вокруг

которого объединились инженеры-геологи всего СССР, а грунтоведение и инженерная геология из сугубо прикладных дисциплин превратились в фундаментальные отрасли геологической науки. Е.М. Сергеев занимал пост декана геологического факультета МГУ (1954 – 1957, 1963 – 1964), проректора МГУ (1964 – 1969), первого проректора МГУ (1969 – 1978). В 1941, 1945 – 1948 гг. он избирался секретарем парткома МГУ. Примечателен факт, что, будучи секретарем парткома МГУ, Евгений Михайлович Сергеев был одним из инициаторов строительства нового здания университета на Ленинских горах. В последние годы жизни (с 1989 по 1997 г.) Е.М. Сергеев являлся советником ректората МГУ.

Основными направлениями научной деятельности Е.М. Сергеева были грунтоведение, региональная инженерная геология, охрана геологической среды, теория и методология инженерной геологии. Значителен его вклад в развитие генетического грунтоведения. Е.М. Сергеев разработал учение о формировании физических, физико-химических и физико-механических свойств горных пород в процессе литогенеза, о грунтах как многокомпонентных динамических системах. Им изучены природа и инженерно-геологические особенности глинистых, лессовых и песчаных пород, установлена роль связанной воды в грунтах и изучены физико-химические явления на границе раздела минерал – вода; выполнены фундаментальные исследования глинистых грунтов при взаимодействии с инженерными сооружениями в зависимости от присутствия в глинах различных видов воды. Е.М. Сергеев создал общую инженерно-геологическую классификацию горных пород. В области региональной инженерной геологии под его руководством проведены исследования по трассе Главного Туркменского канала (1951 – 1953), по долинам рек Оби, Иртыша, Енисея, Амура (1954 – 1961), в Восточной Сибири (1960 – 1963), Западной Сибири (1961 – 1975), Нечерноземной зоне европейской части РСФСР (1976 – 1981). В процессе региональных исследований была разработана методика мелкомасштабного инженерно-геологического картирования обширных территорий; определенным этапом работ этого направления явилось издание под редакцией Е.М. Сергеева 8-томной монографии «Инженерная геология СССР», отмеченной Ленинской премией СССР (1982). В области теории, истории и методологии инженерной геологии Е.М. Сергеевым было развито положение, что инженерная геология должна быть наукой о «ноосфере», изучающей земную кору как среду жизни и деятельности человека; предложено и разработано учение о геологической среде, ее рациональном использовании и охране.

После избрания членом-корреспондентом (1966 г.), а затем действительным членом (1979 г.) АН СССР Е.М. Сергеев развернул активную

работу по продвижению инженерной геологии и созданного им нового направления — охраны геологической среды — в Академии наук. Е.М. Сергеев — создатель и председатель Научного совета АН СССР по инженерной геологии и грунтоведению при Отделении наук о Земле (1966 — 1990 гг.), преобразованного в 1980 г. в Научный совет по инженерной геологии и гидрогеологии, председатель секции инженерной геологии Национального комитета геологов; инициатор создания (совместно с академиком А.В. Сидоренко) Института литосферы в составе Академии наук и образования в нем сектора геологии окружающей среды. По инициативе академика Сергеева в 1978 г. в издательстве «Наука» был открыт академический журнал «Инженерная геология» (сейчас существующий под названием «Геоэкология: инженерная геология, гидрогеология, геокриология»), главным редактором которого он являлся до 1987 г. Евгений Михайлович приложил много усилий для организации самостоятельного научного учреждения в системе Академии наук по инженерной геологии и геоэкологии. Эти усилия увенчались успехом в 1990 г., когда по его инициативе был создан Инженерно-геологический и геоэкологический научный центр РАН (ИГЦ РАН), в 1996 г. реорганизованный в Институт геоэкологии РАН (ИГЭ РАН).

Е.М. Сергеев был выдающимся ученым и педагогом. В Московском университете он на протяжении многих лет читал курс лекций «Грунтоведение» (1944 — 1981), а также «Инженерная геология» (1978 — 1982). Им опубликовано более 500 научных трудов, в том числе фундаментальные учебники «Грунтоведение» (выдержавшее пять изданий), «Инженерная геология», «Методическое пособие по инженерно-геологическому изучению горных пород» в двух томах и многие другие. Под его непосредственным руководством 75 человек защитили кандидатские и 12 — докторские диссертации. Среди его учеников — граждане многих стран бывшего СССР, Болгарии, Чехословакии, Польши, Китая, Вьетнама. К созданной академиком Сергеевым научной школе инженеров-геологов относятся многие известные ныне ученые: академик РАН В.И. Осипов, академик РАЕН В.Т. Трофимов, профессора Р.С. Зиангиров, Ю.Б. Осипов, В.А. Королёв, Е.А. Вознесенский, К.А. Кожобаев, доктор наук В.Н. Соколов и др.

Огромен вклад академика Е.М. Сергеева в организацию международного инженерно-геологического сообщества, в развитие и упрочнение международных научных связей. Он являлся почетным доктором Братиславского (1972) и Варшавского (1974) университетов, иностранным членом-корреспондентом Бельгийского Королевского геологического научного общества (1974); членом административного совета, (1965 — 1970), ответственным секретарем оргкомитета (1970 — 1975) Международной ассоциации университетов (МАУ).

Е.М. Сергеев был одним из основателей Международной ассоциации по инженерной геологии (МАИГ), образованной в 1964 г. Будучи вице-президентом (1972 – 1978), а затем президентом (1978 – 1982) этой ассоциации, он приложил много усилий для вовлечения стран Восточной Европы в международное научное сообщество, для объединения усилий инженеров-геологов разных стран, невзирая на различия существовавших тогда политических систем. Его деятельность в МАИГ получила международное признание: за выдающиеся заслуги перед Ассоциацией Е.М. Сергеев был награжден высшей наградой МАИГ – медалью Ганса Клооса.

Научно-организаторская и общественная деятельность Е.М. Сергеева была многогранна и разнообразна. В разные годы помимо своей основной научно-педагогической деятельности он занимал различные ответственные административные, партийные и общественные посты. Е.М. Сергеев был ректором Академии народного хозяйства при Совете министров СССР (1981 – 1986), председателем научно-методического совета по высшему геологическому образованию Минвуза СССР, членом Пленума ВАК при Совете министров СССР, членом и председателем геологической секции ВАК при Минвузе СССР, председателем и заместителем председателя геолого-геофизической секции Комитета по Ленинским и Государственным премиям СССР, председателем Общества культурных связей «СССР – Иран» (1973), депутатом Московского городского Совета народных депутатов (1982 – 1984), членом Пленума и бюро Краснопресненского (1944 – 1949), Ленинского (1965 – 1981) и Гагаринского (1982 – 1985) РК КПСС г. Москвы, председателем Комиссии по инженерной геологии г. Москвы (1979), председателем комиссии по проблемам рационального использования и охраны геологической среды на территории Москвы и лесопаркового защитного пояса (1985), вице-президентом (1980) Московского общества испытателей природы, членом бюро Межведомственного совета АН СССР по сейсмологии и сейсмостойкому строительству (1985) и др.

За научные, трудовые и военные заслуги академик Е.М. Сергеев был удостоен многих правительственных наград. Он награжден двумя орденами Ленина (1967, 1984), орденом Октябрьской Революции (1974), тремя орденами Трудового Красного Знамени (1961, 1971, 1980), двумя орденами Отечественной войны I и II степени (1943, 1985), орденом Красной Звезды (1941), медалями «За оборону Сталинграда» (1943 г), «За победу над Германией» (1945), «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» (1946), «За трудовую доблесть» (1952) и др. Он являлся лауреатом Государственных премий СССР (1977, 1988) за цикл работ и специальных карт по инженерной геологии, обеспечивающих эффек-

тивное народно-хозяйственное освоение Западной Сибири; Ленинской премии (1982) — за монографию «Инженерная геология СССР» в 8 томах; Ломоносовской премией Академии наук СССР (1976) — за цикл работ по инженерно-геологическому картированию Западной Сибири. Академик Сергеев удостоен Золотых медалей ВДНХ СССР (1970, 1972) и медали за заслуги в разведке недр (1974). В его честь назван минерал «сергеевит» из подкласса карбонатов.

Е.М. Сергеев был не только крупнейшим ученым и педагогом, но и выдающейся личностью. Талант ученого, организатора и педагога в нем сочетался с глубокой гражданственностью и ответственностью перед народом. Его самоотверженная влюбленность в науку, величайшее трудолюбие, нацеленность на постоянный творческий поиск, активная гражданская позиция, преданное служение Родине — великолепный пример для молодого поколения.

Предлагаемая книга подготовлена к 100-летию со дня рождения Евгения Михайловича Сергеева — ученого, гражданина и Человека с большой буквы. Книга воспоминаний Е.М. Сергеева состоит из трех частей, каждая из которых отражает определенный этап его жизни (довоенная юность, война, послевоенные годы).

Данный том составлен на основе книг воспоминаний, изданных при жизни ученого, и ранее не публиковавшихся мемуаров Е.М. Сергеева. В 1985 г. к 40-летию победы в Великой Отечественной войне в издательстве «Воениздат» вышла книга военных воспоминаний майора в отставке академика Е.М. Сергеева «За строкой фронтового письма». Книга вызвала большой интерес у читателей и, несмотря на внушительный тираж 65 000 (!) экземпляров, быстро стала раритетом. Эта книга вошла в настоящий том мемуаров как их вторая часть.

Большую часть своей жизни Евгений Михайлович посвятил горячо любимому им Московскому университету. Свои воспоминания о Московском университете конца 1930 — начала 1980-х годов опубликованы в книге «Московский университет. Взгляд сквозь годы», вышедшей в издательстве МГУ в 1992 г. тиражом 700 экз. и быстро ставшей библиографической редкостью. Текст этой книги лег в основу первой и третьей частей настоящего издания: «Юность» и «Московский университет. Учителя и ученики».

Кроме этих двух книг использованы и ранее не опубликованные воспоминания Е.М. Сергеева. В последние годы жизни Евгений Михайлович работал над рукописью «Учителя и ученики». Рукопись осталась незавершенной и при жизни автора не увидела свет. Мы взяли на себя смелость и ответственность дополнить текст ранее опубликованных воспоминаний фрагментами неизданной рукописи. Так была составле-

на третья часть книги, озаглавленная «Московский университет. Учителя и ученики».

Евгений Михайлович всегда живо интересовался историей своей семьи, жизнью своих предков. В начале 1980-х годов он написал для детей и внуков мемуары о семье, предках, родителях, о своем детстве. Эта книга не предназначалась для публикации. Однако сейчас, по прошествии нескольких десятилетий мы сочли возможным дополнить мемуары впечатлениями Е.М. Сергеева о его детских и юношеских годах, поскольку даже на первый взгляд чисто семейные бытовые эпизоды, будучи крупными историей, передают дух тех времен, атмосферу 20-х и 30-х годов ушедшего 20-го столетия.

Идея подготовить и издать к 100-летию со дня рождения Е.М. Сергеева том, который бы объединил под одной обложкой все мемуары Евгения Михайловича, родилась по нескольким причинам. Об этом выдающемся человеке помнят его коллеги, ученики. Имя Е.М. Сергеева увековечено в названии созданного им Института геоэкологии РАН. В память о нем ежегодно проводятся научные конференции «Сергеевские чтения», собирающие раз от разу все большее число участников, многие из которых знают об академике Сергееве лишь понаслышке. Хочется, чтобы для молодого поколения специалистов в инженерной геологии за именем Е.М. Сергеева стояла не абстрактная символическая фигура, а живой человек, многогранная личность, умный, честный и ответственный гражданин своей страны.

О Евгении Михайловиче написано много статей к юбилейным датам. В 1994 г., к 90-летию со дня рождения Е.М. Сергеева его учениками была выпущена книга «Воспоминания об академике Е.М. Сергееве», в которой рассказывается о разных сторонах его деятельности. Каждый помнит что-то свое, каждый освещает прошлые события по-своему. С течением времени что-то забывается, что-то искажается в человеческой памяти. Однако, как нам представляется, никто лучше и правдивее самого человека не может рассказать о себе, своей жизни, своих учителях и учениках, коллегах, друзьях и однополчанах.

Евгений Михайлович прожил трудную, насыщенную и очень интересную жизнь. На его долю выпало много испытаний, но судьба берегла его. Как он сам писал: «Мальчишкой я часто думал: как жаль, что я так поздно родился, не участвовал в Октябрьской революции, не участвовал в Гражданской войне. Потом понял, что каждому поколению — свое. Жизнь моего поколения четко делится на три этапа — предвоенный, военный и послевоенный. Каждый из них по-своему был трудным и по-своему интересным». Он очень любил людей, был чутким и внимательным к окружающим, заботился о них. Будучи очень активным и

энергичным человеком, он любил жизнь, природу, имел массу увлечений, и как теперь говорят, «хобби». Евгений Михайлович был великолепным рассказчиком, умевшим заговорить и завлечь слушателей. Все, кому посчастливилось слушать его речи и доклады, помнят, каким прекрасным лектором был Евгений Михайлович. И говорил, и писал он просто, легко и доступно для восприятия. Книга воспоминаний, написанная свойственным ему легким и непринужденным языком, не только поможет читателю, не знавшему при жизни академика Е.М. Сергеева, понять личность этого выдающегося человека, но и познакомит молодых людей с возможно неизвестными им событиями в истории нашей страны. Нам представляется, что воспоминания уже, к сожалению, ушедших от нас очевидцев — бесценное свидетельство подлинной истории страны, не искаженное сиюминутными веяниями политической конъюнктуры.

Книга подготовлена и издана Институтом геоэкологии им. Е.М. Сергеева РАН и Научным Советом РАН по проблемам геоэкологии, инженерной геологии и гидрогеологии. Главным редактором книги является ближайший ученик и последователь академика Е.М. Сергеева — академик В.И. Осипов. Составление и подготовку текста книги к изданию осуществили дочь и внучка Е.М. Сергеева — кандидат геолого-минералогических наук, старший научный сотрудник Геологического факультета МГУ Нат.Е. Сергеева и кандидат геолого-минералогических наук, ведущий научный сотрудник ИГЭ РАН О.Н. Еремина. В редактировании третьей части рукописи «Учителя и ученики» принимали участие доктор геолого-минералогических наук В.М. Кутепов и старший научный сотрудник ИГЭ РАН Н.Г. Анисимова. Книга не могла бы увидеть свет также без финансовой поддержки другого ученика Е.М. Сергеева — ныне генерального директора ООО «Геомассив» к.г.-м.н. С.Д. Филимонова, которому составители выносят искреннюю благодарность.

Книга издана полностью в авторской редакции. Все в ней от первого до последнего слова, хотя и написано в разные годы, принадлежит перу Евгения Михайловича Сергеева. «Взгляд сквозь годы» — именно так назвал Евгений Михайлович книгу своих воспоминаний о Московском университете.

В предисловии к книге «Московский университет. Взгляд сквозь годы» Евгений Михайлович Сергеев писал: «Я думаю, что мои воспоминания дадут некоторые дополнительные сведения о первом вузе нашей страны. Они как бы явятся частичкой воспоминаний поколения, которое можно условно назвать “ровесниками Октября”. Их становится все меньше и меньше, через 5 — 10 лет останутся единицы. Эта книга — не

хронологическое описание всех событий, происходивших в университете, не характеристика всей его научной и учебной деятельности. В рукописи могут оказаться неточности, могут даже быть пропущены важные события, неизвестные автору. Ведь это мои воспоминания, моя жизнь! Судите сами».

Итак, слово Евгению Михайловичу Сергееву – его «взгляд сквозь годы».

*В.И. Осипов,
О.Н. Еремина,
Н.Е. Сергеева*

ЧАСТЬ I
ЮНОСТЬ

Глава 1

Деды и прадеды

Много раз в жизни приходилось мне писать автобиографию. Писал автобиографии большие, подробные и совсем коротенькие, с «уклоном» в научно-педагогическую деятельность и с «акцентом» на общественно-партийную работу. Разные писал автобиографии, но все они начинались одними и теми же словами: «Родился я 23 марта 1914 года в Москве в семье служащих. В то время мой отец Сергеев Михаил Епифанович работал инженером, мать Сергеева Елена Николаевна — статистиком». Эта стандартная фраза писалась много раз. А вот подробнее рассказать об отце и матери, о своем детстве попробую впервые. Наверное, даже начинать надо не с них, а с дедушек и бабушек, которых я хорошо помню.

Дедушка Епифан родился в 1856 году в Таганроге. Он был старшим в семье, и еще двенадцатилетним мальчиком его отправили в Москву «в люди». Взяли его в армянскую семью Масловых, торговавших галантереей. У них он прослужил 50 лет, до того самого времени, когда Советская власть реквизировала магазин, а когда магазин стал государственным, дед продолжал в нем работать до самой своей смерти (1925 г.).

Когда он умер, мне было 11 лет. Тогда мне и в голову не приходило расспросить дедушку о его родителях, о том, почему его отдали «в люди», а бабушка Варя и мой отец сами об этом толком ничего не знали.

У Масловых дед начал с того, что делали все мальчишки, жившие «в людях», — чистил обувь и платье, ставил самовар, бегал с различными поручениями.

Время шло. Мальчик превратился в юношу, которого поставили торговать за прилавок.

Дедушка Епифан был человеком исключительной честности, очень верующим и очень добрым. Он не пил и не курил. Этими своими качествами он завоевал доверие хозяев, и его стали посылать с партией

товара в разные городки, к лавочникам, которым фирма Маслова продавала галантерею. Так он оказался в городе Судже, где познакомился с Варварой Васильевной Жилкиной (1868 – 1941), ставшей его женой и моей бабушкой.

12 апреля 1980 г. я впервые был в Таганроге. Смотрел там новый музей – «лавку Чехова». И при этом подумал, что вот в такой же лавочке, но только не в Таганроге, а в Судже, сидела 18-летняя девушка Варя и, подобно А.П. Чехову, помогала торговать своему отцу Василию Ильичу Жилкину, а точнее матери Евдокии Ивановне (1842 – 1916).

Василий Ильич – это уже мой прадед. О нем я хоть немного, но все же кое-что знаю со слов бабушки Вари.

В детстве меня тянуло к голубям, певчим птицам. Родители сердились, а бабушка за меня заступалась:

– Оставьте его, он в прадеда, в Василия Ильича. Известный в Судже голубятник и птичник был.

– Бабушка, расскажи про него что-нибудь.

– Ну, что еще. Кулачные бои любил. Один раз простыл, чирями покрылся. Лежал на печи. Вдруг вбегают дружки: «Василий, наших бьют!». Его с печи как ветром сдуло. А вернулся, все чирии побиты. Так и зажили вскорости».

– Бабушка, расскажи еще что-нибудь.

– Нечего больше рассказывать, – сухо отвечала бабушка.

Бабушка Варя была молчалива, любила больше слушать радио, читать (в том числе и газеты), слушать, как рассказывают другие.

Дедушка Епифан, наоборот, любил поговорить, рассказать, что было на работе, о чем говорили в парикмахерской (он там часто бывал – это была его слабость). Меня, своего единственного внука, он очень любил. И в возрасте далеко уже за 65 лет делал большой крюк, возвращаясь домой с работы, чтобы принести мне яблоко или конфету. Ласкал меня и говорил: мы с тобой донские казаки. При этом щурил глаза и указательным пальцем правой руки ударял по столу. То ли он имел в виду, что родился в Таганроге, то ли действительно родители его были из казаков. Не знаю.

Отец родился в 1889 году в Судже. Дедушка делал всё, чтобы дать образование моему отцу и младшей сестре, моей тете Кате (Екатерине Епифановне Жеромской). Они сначала оставались с матерью в Судже и здесь учились в гимназии, а затем переехали в Москву, и отец поступил учиться в Коммерческий институт (ныне Институт народного хозяйства им. Плеханова).

Жили в это время Сергеевы в небольшой квартире в доме №50 по Малой Ордынке (сейчас ул. А.Н. Островского). А рядом, в доме №44

жила довольно многочисленная семья Вознесенских, и среди пяти сестёр была моя будущая мать — Елена Николаевна Вознесенская. Так судьба свела отца с матерью. Они познакомились.

Думаю, что в семье Вознесенских отец встретил вначале не очень тёплый прием. Он был из типичной мещанской семьи, в то время как Вознесенские имели дворянское звание, и материально их семья была лучше обеспечена, хотя никогда богатой не была. Дедушка Коля (Николай Николаевич Вознесенский, 1862 — 1927) работал недолгое время сельским учителем, а затем в Москве бухгалтером у фабриканта Солодовникова.

Дворянство Вознесенских началось с Отечественной войны 1812 года. Именно в этом году юноша из семьи Князевых бежал из дома, явился к священнику церкви Вознесения в Москве и просил его благословения на поступление добровольцем в армию вопреки воли своих родителей. Священник благословил его и выдал документы (метрику, по-видимому) на имя Ивана Яковлевича Вознесенского с тем, чтобы родители не могли разыскать беглеца.

Иван Яковлевич оказался храбрым человеком. Получил офицерский чин и был официально причислен к героям Отечественной войны. Имя его золотыми буквами было насечено на стене храма Христа Спасителя. Это давало потомственное дворянство и право всем последующим поколениям на бесплатное обучение в государственных гимназиях. Этим правом пользовалась моя мать, её сестры и брат.

На Даниловском кладбище в Москве до сих пор сохранился простой гранитный памятник, на котором написано, что под ним похоронен в 1850 г. в возрасте 65 лет подполковник и кавалер Иван Яковлевич Вознесенский и его жена, урожденная Афанасьева Елена Михайловна, которая пережила его на 10 лет и умерла в возрасте 50 лет.

Единственный сын Ивана Яковлевича, Николай Иванович Вознесенский женился на татарке из Касимова Тарбаевой Марии Михайловне, которая в связи с этим приняла православную веру. Поэтому мой дед Николай Николаевич наполовину был татариним. Естественно, что и во мне есть немного татарской крови.

Дедушка Коля в моей памяти сохранился в образе довольно грузного старика, в синем халате, подпоясанном поясом с кистями, которыми он любил играть. Хорошо помню один случай, который вызвал у меня глубокое мальчишеское восхищение дедом. Оказывается, дед хорошо играл в шашки. Выяснилось это так.

К отцу зашел в гости киевский знакомый (кажется, Слезкин), который специально приехал в Москву для участия во Всесоюзном шашечном чемпионате. Я смотрел на него во все глаза: подумать только,

человек приехал в Москву, чтобы бороться за звание чемпиона страны по шашкам.

Дед предложил ему сыграть в шашки и не только выиграл у него партию, но и запер шашки своего противника «в уборную». И очень довольный, посмеиваясь в усы, отправился в свою маленькую комнату при кухне.

Бабушка Лёля, Елена Сергеевна, в девичестве тоже, как и дед, имела «поповскую» фамилию — Дьячкова и тоже, как дед, никакого отношения к церковному сословию не имела. В отличие от моих дедушек и бабушки Вари, бабушка Леля была какая-то «беспокойная» или лучше сказать «уж очень инициативная». Имея на руках большую семью, она постоянно что-то затевала, о чем-то беспокоилась и приносила много хлопот своим близким. Так было в молодости, так было и в старости. Умерла она на 92-м году жизни и до 90 лет вела хозяйство у своего сына-вдовца — Николая Николаевича Вознесенского, моего дяди, много лет проработавшего на фабрике «Трехгорка», воспитала его маленькую дочку Таню, которая потеряла мать сразу же после родов. Много она делала доброго, хорошего, но много было и «инцидентов», связанных с ее постоянной «инициативой».

Вот один из них. Приходит дядя Коля домой с работы. Бабушка подает обед и торжественно ставит на стол черную икру.

— Колюшка, мне сегодня повезло — черную икру в магазине купила. Она редко бывает, так я ее взяла про запас. Хорошо, что ты вчера как раз мне свою зарплату отдал. Деньги были. Ты уж где-нибудь теперь займи, а то нам ведь еще две недели надо жить.

Только, наверное, один дядя Коля со своим мягким, добрым характером мог при этом не раздражаться. Вообще же семья Вознесенких была очень дружной. Все сестры имели свои семьи и, несмотря на это, регулярно встречались у бабушки Лёли, которая намного пережила дедушку Колю, умершего сравнительно рано, в 1928 году.

После женитьбы отца, дедушка Епифан переехал из дома на Малой Ордынке в квартиру, в дом 68 по ул. Большая Ордынка. Квартира находилась на шестом этаже, но зато была большая. В этой квартире я и родился. Говорят, горластый был младенец, особенно по ночам.

В это время отец работал инженером под Москвой, в Балобанове. Началась первая мировая война, и отец вместе с нашей семьей переехал на работу в Донбасс, в Рубежную. По-видимому, этот переезд был связан с тем, что с химических заводов в армию специалистов не брали. Может, были и еще какие-то другие соображения. Вместе с нами в Рубежную поехала моя няня, Ирина Ивановна Гребенникова, которая была для меня второй матерью.

Ирина Ивановна познакомилась с моими родителями в Москве. Сама она была из Моршанска. Не знаю, при каких обстоятельствах это случилось, но у нее был внебрачный сын, которого звали, так же как и меня, Евгением. Он умер. Ирина Ивановна, познакомившись с нашей семьей, решила, что я ей богоданный сын, и так относилась ко мне до последних дней своей жизни. Бескорыстная искренняя любовь не могла остаться без ответа. Тем более у ребенка. И я отвечал своей няне тем же, это чувство сохранилось у меня и тогда, когда я стал седовласым мужчиной.

Глава 2

Первые детские воспоминания. Родители

Рубежную я помню плохо. Революция в памяти у меня не сохранилась. Сохранилось другое. Из Москвы мне прислали мяч, синий с красным. Такого у меня еще никогда не было. Дело было летом. Я вышел во двор поиграть с мячом. Подбросил его, и мяч перелетел через забор на улицу. Я бросился к калитке, распахнул ее. Мяча нет. Сердце оборвалось. Такой замечательный мячик. Куда он мог деться? Ведь улица пуста и укатиться ему некуда. Но мяча нет. Потрясенный горем, пошел к себе во двор. И, о чудо, о радость — мяч лежит во дворе. Мать объяснила: наверное, пока ты бежал к калитке, прохожий перебросил его обратно через забор, а сам свернул в переулок.

Происшествие — пустяк. А так потрясло детскую душу, что я ясно себе все представляю, как будто это было вчера. А ведь прошло больше 60 лет.

Второй случай напомнила мне фотография. Во дворе, за столом сидим втроем: отец, мать и я. Под столом, на переднем плане, лежат дыни и арбузы. Они положены явно для декорации. У меня в руках кусок то ли дыни, то ли арбуза, но я помню хорошо, что мне его дали тоже только для того, чтобы сфотографироваться. Есть категорически запрещено — расстройство желудка. Очень обидно. Но все же не та «катастрофа», которая была с мячом.

Есть еще одна фотография. На ней я в фуражке железнодорожника и с рожком в руках. Мама мне рассказывала, что я любил играть в «железную дорогу». Причем любимой фразой была: «Станция Петушки, горячие пирожки. Поезд стоит пять минут». Не знал я тогда, что станция Петушки недалеко от Москвы по Горьковской дороге. Сейчас до нее ходят пригородные электрички. И никто тогда не мог предположить, что Петушки войдут в нашу жизнь. Нет, не сама станция, хотя мне на ней приходилось бывать много раз, а Петушинский район, который, начиная

с 1957 года, станет для нас вторым домом, потому что именно в это время недалеко от Петушков мы построили себе дачу. На ней отдыхали последние годы своей жизни мои родители, выросли на ней дети и внуки. Вся наша семья любит не только саму дачу, но и весь Мещерский край, символом которого для нас явились «Петушки».

Во время Гражданской войны остановились Рубежанские заводы. Наша семья переехала в Киев. Нашлась комната на первом этаже дома №7 по Левандовскому переулку. Этот переулок находится в районе Арсенала и Киево-Печерской лавры.

Двор мне тогда казался большим, а дом огромным. После войны, будучи в Киеве, я разыскал места своего детства. И удивился. Двор оказался маленьким, дом небольшой, всего в три этажа.

Здесь мы прожили большую часть гражданской войны, вплоть до 1922 года.

Киев я помню лучше, чем Рубежную. Известно, что во время войны он переходил из рук в руки. Кто в нем только не побывал. И каждый раз наступавшие стремились овладеть нашим районом, где не только был завод «Арсенал», но и который еще возвышался над другими частями города. Все начиналось с артиллерийского обстрела. При этом жители нашего дома спускались в подвал. Помню, что один раз заснул я в своей кровати, а проснулся на руках у няни, в полутьме, в подвале. Кругом плотно сидят и стоят люди, а на столике горят две свечи.

В Киеве я пошел учиться в первый класс. Школа находилась довольно далеко от дома. Надо было спуститься с горы к Крещатику, пересечь его и опять подняться в гору.

Из учения ничего не получилось. Очень быстро я заболел коклюшем и вынужден был сидеть дома. Но и за то короткое время, когда я ходил в школу, произошло два «эпизода», хорошо сохранившихся в памяти. Первый из них связан с первым днем занятий в школе. Ранца у меня не было. Мама дала мне сумку с ремнями и ручкой, объяснив, что с этой сумкой она сама ходила в гимназию и что обращаться с ней надо бережно. В сумку были уложены тетради, учебники, письменные принадлежности и завтрак, состоящий из хлеба с маслом и яйца. Довели меня до школы и даже до класса и строго предупредили, чтобы сам я домой не ходил, что за мной кто-нибудь придет.

До звонка оставалась минут 10 – 15. Этого было достаточно, чтобы между нами, мальчишками, возникла драка, не серьезная, а скорее шутивная, что-то вроде игры в войну. Стукали друг друга ранцами, книгами, чем придется. Очень удобно было хлопать «противников» маминой сумкой, держа ее за ручку.

Прозвучал звонок. Вошел учитель.

— Здравствуйте, дети. Достаньте ваши тетради для письма и буквари тоже. Я покажу вам, как надо писать буквы.

Все засуетились. Я тоже развязал ремни и открыл сумку. О, ужас! Яйцо оказалось сваренным всмятку. В драке оно было разбито и залепило все книги, тетради. Все было перемазано. Доставать было нечего. Оставалось одно — продемонстрировать все учителю под дружный смех класса и с нетерпением ожидать окончания первого школьного дня.

Последнего урока не было. Никто за мной еще не приходил. И я решил проявить самостоятельность, сам отправился домой. Пришел домой, квартира заперта. Жду во дворе. А няня меня ждет у выхода из школы. Пришлось выслушивать от родителей внушение сразу за все «провинности» этого дня, но зато больше меня уже не провожали и не встречали.

Стало прохладнее, пошли дожди и по этому случаю меня одели в новое пальто, сшитое из материала с большим ворсом. Иду в этом пальто из школы домой. Пересек Крещатик, поднимаюсь в гору. И, о счастье. Трудно поверить в это. В гору медленно поднимается трамвай, и задний буфер у него свободен. Сколько раз я мечтал прокатиться на буфере, но он всегда был занят. А тут свободен. Ничего не стоило догнать трамвай и усесться на буфере. Сажу с гордым видом и не могу понять: почему люди на задней площадке трамвая с интересом смотрят на меня и заливаются смехом.

Вот и поворот, остановка, дальше которой ехать мне уже ни к чему. Хочу соскочить с буфера, но я к нему прилип. Отталкиваюсь рукой, и она погружается в вязкую черную массу. Хохот на площадке усиливается. Сейчас тронется трамвай. Я делаю рывок и соскакиваю с буфера. Там, где я сидел — пук ворса из моего пальто. Оно все перемазано дегтем, штаны — тоже. В таком виде я вернулся домой. Опять нагорело. И за дело. Уже много позже я понял, что в то время родителям в Киеве жилось тяжело. Отец работал химиком в частной мастерской, изготавливавшей резиновые изделия (соски и др.). Мать приносила домой бесконечные «простыни» цифр, которые надо было обсчитать. Бюджет семьи был весьма скромным. Второе пальто не купишь.

Вот два эпизода, связанные со школой. А дальше начался тяжелый коклюш. В школу ходить было уже нельзя.

В начале зимы произошло большое событие: родители решили вернуться в Москву. Там были все родственники, там не было уже так голодно, как в первые годы после революции.

Когда ехали в поезде, первое время в вагоне только и было разговоров о каких-то «зеленых», которые все еще скрываются в лесах и нападают на поезда. Потом кто-то заявил, что опасные места уже проехали, и все разговоры на эту тему прекратились.

В Москве мы поселились у маминых родственников в четырехэтажном доме на Малой Полянке (дом 7) на втором этаже, а потом получили хорошую комнату в 25 м² в этом же доме на четвертом этаже. Мамины родные: дедушка Коля и бабушка Лёля, две замужние сестры (семьи Тутуновых и Корнеевых) жили в этом же доме на втором этаже. Было очень удобно: и врозь и вместе.

Первые впечатления о Москве. Много снега, в Киеве столько его не было. Вдоль тротуаров выстроились снежные кучи. Много извозчиков. Самых разных: и более богатых и более бедных. По улицам тянутся обозы. Иногда не тянутся, а едут на рысях. Это когда розвальни пустые. Мужики в тулупах лежат лицом вперед, и это дает возможность мальчишкам подсаживаться на сани сзади. Но надо быть начеку. Хозяин может огреть кнутом не глядя куда. Безопаснее прикрутить коньки и крючком из проволоки уцепиться за сани. Но это все же не то удовольствие.

Среди прохожих на улице легко отличить городских от деревенских. Последние часто ходят в лаптях. Иногда женщины с котомками и ребятишками просят милостыню.

Названия улиц мне показались странными. Например, в первый же день я увязался за тетей Шурой, которая шла в булочную за хлебом и калачами к Калужским воротам (теперь Октябрьская площадь). Пришли, а никаких ворот нет. Спрашиваю: «А где же ворота?» — «Да это просто так называется. Они когда-то здесь были».

— Как же можно площадь называть воротами?

— Дорога шла на город Калугу, вокруг Москвы — земляной вал, ров, а между ними были ворота в этом самом месте. Вот и называли их Калужскими воротами», — объясняла тетя Шура. Но я был разочарован. Шел посмотреть ворота, а оказалось, что их нет, одно лишь название. Никак не мог понять, как можно называть «воротами» место, где нет ворот. Это было странно.

Нравился колокольный звон. Церквей было много. Только около нашего дома четыре церкви: две на Большой Полянке и две на Большой Якиманке. Как начнут звонить, особенно в праздники. Красота!

Позднее мальчишки из нашего дома и я в их числе завели каким-то образом дружбу со звонарем церкви Петра и Павла (кажется, так она называлась). Он разрешал лазить к нему на колокольню при одном условии: не трогать живших там голубей-сизарей. Колокола гудели. И под их гул это условие иногда нарушалось. Слишком велик был соблазн. И какой-нибудь зазевавшийся голубь оказывался за пазухой у одного из «любителей» колокольного звона. Что бывало, то бывало.

Надо было продолжать учиться в школе. И меня устроили в первый класс в ближайшую начальную школу, которая находилась в красивом

доме на Большой Якиманке. (Сейчас в нем находится французское посольство). Дом этот имел много проходных комнат и мало подходил под школу. Дело кончилось тем, что я и в эту школу ходил недолго: еще до окончания учебного года школа была закрыта. Дом понадобился для каких-то других целей.

В другую школу поступить не удалось. Не так их было много в Москве. Все школы работали в две смены и все были переполнены. По крайней мере, так было в нашем Замоскворецком районе.

Отец поступил работать инженером-химиком в Центральную научно-исследовательскую лабораторию химической промышленности. Это определило всю его дальнейшую судьбу. Лаборатория была реорганизована в научно-исследовательский институт, который разместился на ул. Пятницкой, в доме №74. Работая в этом институте, отец защитил кандидатскую, а во время войны уже докторскую диссертацию. И все по химии кожи. Он был крупным ученым в этой области. Еще до войны отца пригласили на педагогическую работу, на должность доцента, на кафедру товароведения института им. Плеханова. Того самого института, который он оканчивал, когда институт назывался «Коммерческим».

После защиты докторской диссертации отец стал сначала профессором, а потом сам заведовал кафедрой товароведения. Он написал ряд учебников, читал основной курс товароведения, стал известным специалистом в этой области. Его пригласили заведовать кафедрой товароведения в Институте (академии?) внешней торговли. Отец перешел на работу туда. Произошла очередная реорганизация, и Институт внешней торговли превратился в один из факультетов Московского государственного института международных отношений (МГИМО). В этом институте отец проработал много лет, до конца своей жизни, заведывая кафедрой товароведения.

Отец был человеком увлекающимся. Он увлекался то рыбной ловлей и рыбами вообще, то фотографией, то радиоприемниками, то оперными пластинками. Одно время, когда мы только приехали в Москву, живо интересовался так называемой «обновленческой» церковью. Ходил слушать проповеди епископов Антонина и Введенского. На этой почве он познакомился с Иваном Васильевичем Пеутиным, который работал бухгалтером на Дербеневском заводе и у которого был сын моих лет Володя.

Нас познакомили. Мы стали товарищами и друзьями на всю жизнь. В своих воспоминаниях я буду еще много раз возвращаться к Володе Пеутину, к Владимиру Ивановичу Пеутину.

После приезда в Москву маме не сразу удалось устроиться на работу. Была безработица. Мама стала на учет на бирже труда. Её привлекли к переписи населения, которую впервые проводила Советская власть. И только после этого ей удалось устроиться работать по своей специаль-

ности статистика в организацию, занимавшуюся цветной металлургией. В должности статистика и проработала мама до самой пенсии. Мама была более спокойной и уравновешенной, чем отец. Бюджет семьи был небольшой. Приходилось экономить, и в то же время не хотелось быть хуже других.

В 1923 году такие слова, как «НЭП», «нэпман», «нэпманы» были в ходу. Давая мне деньги на тетради или еще какие-то мелкие покупки, мама говорила:

— Только у нэпманов не покупай, у них все дороже. Зачем переплачивать, когда в государственном магазине можно дешевле купить.

И в то же время мама любила вместе с папой и со мной пойти в театр, в Большой, Малый, к Вахтангову. На этом старались не экономить. Так, мне и Володе Пеутину родители купили абонемент в Малый театр на утренние воскресные спектакли во втором ряду амфитеатра. Мы сидели рядом и чувствовали себя чуть ли не взрослыми. Эти спектакли нас еще больше сблизили.

Отец никогда не был в партии, но его политическое лицо очень точно охарактеризовать одним словом, которое одно время было официальным, — «сочувствующий». Всю жизнь он активно и очень добросовестно вел общественную работу, начиная от председателя домкома (в 20-х годах) и кончая председателем месткома МГИМО, когда он был заведующим кафедрой и уже профессором в «почтенных» годах (около 70).

На всю жизнь мне запомнилось, как зимой 1929 или 1930 года мы ехали в переполненном трамвае из «центра» к себе на Большую Полянку. Какой-то тип разглагольствовал на тему о предстоящих «праздниках»:

— Как удачно получилось, — говорил он, — три дня подряд праздников, за воскресеньем идут 9 января и смерть Ленина.

Отец взорвался и рявкнул на весь трамвайный вагон:

— Гражданин, Вы думаете, что говорите? Или для Вас действительно нерабочие траурные дни, связанные с расстрелом рабочих и смертью Владимира Ильича Ленина, являются «праздниками»?

«Гражданин» на это прореагировал тем, что стал усиленно пробиваться к выходу, бормоча:

— Вы не выходите на следующей? Пропустите.

Когда мы вышли из трамвая, отец довольно усмехнулся:

— Здорово я этого болтуна одернул. Ну а остальные что же? Слушают его глупую болтовню и молчат. Не могу этого понять.

Вот в этом эпизоде весь отец, настоящий советский человек. Этот случай запомнился мне на всю жизнь, многому научил.

Глава 3

Школьные годы

Летом 1923 года мы снимали комнату на даче, на окраине Москвы в Богородском. Это было недалеко от работы отца. Лето было какое-то скучное. От него не осталось бы никаких впечатлений, если бы не поездка на дачу к тете Мане (Мария Николаевна Гебель — мамина сестра), которая вместе с мужем сняла комнату на станции Бица. Эта поездка запомнилась потому, что во мне «развивали мужество». Именно так и сказал дядя Коля (Николай Осипович Гебель).

— Сейчас, Женя, мы будем развивать у тебя мужество. Становись на перила террасы.

Дом, где Гебели снимали комнату, стоял на крутом склоне оврага. Терраса одной стороной повисла над ним. Вот мне и предлагалось пройти по перилам над оврагом. Вначале было страшно (а вдруг упаду), а потом на меня уже надо было прикрикнуть, чтобы я перестал бегать по полюбившимся мне перилам.

К концу лета мне сказали, что меня устроили, наконец, в школу-семилетку. Сделать это было не так легко. Я был сын служащих, а в первую очередь принимались дети рабочих. Устраивать меня помогала дальняя родственница мамы, Мария Степановна Буткевич. Устроила она меня в 3-ю школу Москворецкого РОНО, туда, где сама преподавала математику. Школа находилась довольно далеко от нашего дома, на Зацепе, точнее помещалась школа в здании на углу улицы Зацепы (д. 41) и Б. Строгановского переулка, которое принадлежало институту им. Плеханова. Днем в этом помещении занимались рабфаковцы, а вечером — мы, школьники.

Приняли меня во второй класс. Учителем у нас был Николай Павлович (фамилию не помню), который до четвертого класса включительно занимался с нами по всем предметам, в том числе и по экономгеографии РСФСР. Этот предмет давался явно преждевременно. Мы просто механически заучивали, где что производится. Николай Павлович был

хорошим учителем, но излишне нервным. Иногда он останавливался посреди урока, смотрел, кто разговаривает и мешает ему, и в виновника летел кусок мела. Один раз он довольно ловко попал мне в затылок, когда я, повернувшись назад, обсуждал какие-то свои дела с ребятами, сидящими на парте сзади. Николай Павлович мог и высмеять. Экономгеографию ему надо было сдавать вне уроков. В назначенное время приходила группа ребят, и каждый отвечал на его вопросы.

Была весна. Учить экономгеографию не хотелось. Значительно интереснее было гонять голубей. И я пришел, почти ничего не запомнив из того, где и сколько добывается угля и руды, в какой области разводят молочный скот, а в какой преимущественно овец и т.д. На все вопросы Николая Павловича я молчал, говорить было нечего. Он рассердился и вдруг спросил:

— Тогда, может быть, знаешь, отчего луна не из чугуна?

У меня вертелся на языке ответ:

— Оттого, что на луну не хватило чугуна.

Но я вовремя понял его неуместность и опять промолчал.

Николай Павлович справедливо поставил против моей фамилии «ну», что означало «неудовлетворительно». В то время в школе существовали только три оценки: «ву» — весьма удовлетворительно, «у» — удовлетворительно и «ну».

На этом дело и кончилось. Никто не заставил получивших «ну» вновь продемонстрировать свои знания.

С 5-го класса у нас уже были разные учителя: по математике, русскому языку и литературе, географии, немецкому языку и др. Последний почему-то особенно не любили школьники и всячески выводили из себя «немку». А зря.

Мама немного знала немецкий язык. В 20-х годах он был у нас значительно более популярен, чем английский или французский. Мама хотела, чтобы я выучил немецкий язык, и вела со мной войну: в течение двух лет заставляла меня ходить к старушке заниматься немецким языком. Учительница моя была требовательная и не хотела получать деньги зря. Заставляла учить немецкие слова, грамматику, читать, переводить, рассказывать по-немецки. Приходилось все это делать, но дома только был разговор, что зачем я изучаю этот немецкий язык, что никто из ребят не изучает, а я должен изучать, что у меня нет времени погулять, что вообще я самый несчастный мальчик.

Наконец, маме надоело мое нытье, и она сказала:

— Хорошо, не хочешь учить немецкий язык, не учи. Но запомни мои слова: вырастешь большим — жалеть будешь об этом. И меня еще упрекнешь, что разрешила тебе бросить заниматься немецким языком.

Много раз я вспоминал эти мамины слова. Никогда ее не упрекнул, хорошо помнил свое нытье. А вот самого себя ругал по этому поводу часто.

Два года занятий с учительницей немецкого языка дали мне возможность, ничего не делая, получать «отличные» оценки в университете, сдать кандидатский экзамен без подготовки на «хорошо», во время войны, когда не было переводчика, допрашивать пленных немцев, и даже пытаться объясняться по-немецки во время своих многочисленных поездок за границу.

А если бы я проучился у этой старушки не два, а три, четыре года, я бы владел в совершенстве немецким языком, и это позволило бы мне избежать многих трудностей при общении с иностранными учеными. Что подделаешь, молодо-зелено, как любила говорить бабушка Варя.

Мне легко давалась география. Преподавал её сам директор школы. Он спросил:

– Марки собираешь?

– Да.

– Очень полезное дело, продолжай.

Но получилось так, что по окончании школы я перестал увлекаться марками. А затем, после войны, подарил свой альбом сыну хорошего знакомого.

Больше всего я увлекался голубями. Под № 7 на Малой Полянке было три дома: четырехэтажный, в котором мы жили и который стоял во дворе, небольшой одноэтажный домик, который выходил на улицу, и трехэтажный дом, стоявший на углу М. Полянки и Казачьего переулка. Большая часть трехэтажного дома была занята под детский дом. Детдомовцы и гоняли голубей. Заводилой у них в этом деле был мальчишка по прозвищу «Барабан». По пожарной лестнице ребята забирались на крышу, где у них была устроена голубятня. Выпускали на волю своих голубей и зорко всматривались в небо. Раздавался крик:

– Барабан, трехай, трехай, чужак летит.

Барабан лихо свистел в два пальца, размахивал шестом с тряпкой. Голуби срывались с крыши, и стая начинала кружить над домом. Все мы стояли, запрокинув головы, любуясь голубями, и ждали: подлетит «чужак» или нет? Это было так красиво и интересно.

Довольно часто чужак присоединялся к стае, вместе с нею садился на крышу, затем настороженно подходил к голубятне, и тут его накрывала сетка. Чужак оказывался в руках. Его бережно осматривали, оценивали и решали, что сделать: продать или оставить у себя, приручить.

Нам, мальчишкам, жившим в четырехэтажном доме, страшно хотелось иметь свою голубятню, своих голубей.

На первом этаже жила семья Егоровых. Два младших брата приняли меня в свою компанию, и мы построили небольшую голубятню, где держали главным образом сизарей. Один раз родители дали мне денег, и я купил пару наиболее дешевых «чернышей». Это были белые голуби с черными и красными беспорядочно разбросанными пятнами. Они мне казались лучше всех. Но через несколько дней голубятню сломали, а голубей украли. Это было большим огорчением.

Пришлось обратиться к родителям с новой просьбой о деньгах. На это последовал категорический отказ. Мотивы его были следующими:

— Плохо занимаешься, только о голубях и думаешь, пора с этим кончать, а если новых купишь, их все равно украдут.

Все это была правда, но оторваться от голубей я никак не мог. И поэтому сдружился с детдомовцами и вместе с ними стал лазить на крышу трехэтажного дома.

Тут уже мои родители забеспокоились всерьез. Боялись, что могу сорваться с лестницы, с крыши и разбиться. И последовал строгий приказ: не смей лазить на крышу. Этот приказ, конечно, меня сдерживал, но все же время от времени я его нарушал.

Отец старался отвлечь меня от голубей певчими птицами, рыбами. У нас с осени до весны в двух клетках жили то щеглы, то чижи, то снегири. Много лет в аквариуме жили золотистый красавец телескоп, меченосец и две золотые рыбки, со временем выросшие до таких размеров, что их можно было бы ловить на удочку. Все это требовало ухода, все это живо меня интересовало. Но не могло заменить голубей.

Со временем мое увлечение голубями прошло само. Но и сейчас, изредка бывая на «птичьем рынке» в Москве, я люблю потолкаться среди голубятников и полюбоваться почтовыми и чистыми, белыми и монахами и другими, названия которых я уже не знаю. О таких голубях в детстве мы могли только мечтать.

Учился я в школе средне, но скорее хорошо, чем плохо; отношения с товарищами были нормальные. Хотя я неоднократно «стыкался». Было такое выражение. Запетушатся два мальчишки и вдруг один другому говорит:

— Ах так, давай соткнемся.

— Давай.

Каждый оповещает своих друзей, что после уроков будет «стычка».

Собирались мы где-нибудь у фонаря (все время занятия были в вечернюю смену), где мало бывает прохожих. Сопровождающие становились вокруг, стыкающиеся — внутри круга и начиналась драка один на один. Старались в первую очередь разбить противнику нос. Начинала

идти кровь, и пострадавший вынужден был признать себя побежденным.

Пройдет 2—3 дня, и стыкавшиеся вновь мирно разговаривают друг с другом как будто ничего и не было. Наши стычки были похожи на боксерские встречи. Кончится бой, и все в порядке.

Один раз я, уже будучи в шестом классе, привязался к одному из своих одноклассников. Был он мальчишкой угрюмым и молчаливым, маленького роста, значительно ниже меня. И вдруг он заявляет:

— Ты что, соткнуться хочешь? Давай.

— Давай, — отвечаю я.

Я и тогда понимал, что был не прав. Но подойти к своему «противнику» и сказать ему об этом не мог. Меня бы засмеяли как труса.

Вышли на стычку. Мой противник бросился на меня с неожиданной яростью. Несколько раз ударил по лицу. Сам получил сдачи. Но как-то ловко подставил мне подножку и ударом сбил с ног. Я был побежден. Всем было это ясно.

Шли мы возбужденные домой, обсуждая прошедшую стычку. Шли и покуривали. У меня были папиросы. Потихоньку от родителей я стал курить с мальчишками. Деньги мне выдавались на завтрак, а тратились они на папиросы. У мосельпромщицы покупались хорошие папиросы, десяток «Герцеговины Флор». Название одно чего стоило. Портфель мой никогда не проверялся, и папиросы лежали в нем.

Прихожу домой. Мама открывает дверь.

— Где ты это так?

Сразу соображаю, что, наверное, у меня синяк и бодро отвечаю:

— Скользко на улице. Вот и упал.

— Да у тебя и под правым глазом и выше него.

— Ледышка тонкая лежала, одним ребром она ударила выше глаза, другим ниже.

— Посмотришь в зеркало.

Подошел я к зеркалу и понял, что врать больше нельзя.

Не синяки, а глубокие разрезы были выше и ниже правого глаза. Противник мой оказался нечестным, в руке у него была «закладка» — острая железяка, с помощью которой он меня и разукрасил.

— Прости меня, мама. Я хотел тебя обмануть, чтобы ты не сердилась. Это я подрался.

— Да у тебя и губа разбита. Подойди. Покажи. Да от тебя табаком пахнет. Ты что же куришь?

Пришлось и в этом сознаться, что иногда и немного.

На следующий день мой «противник» нахально утверждал, что это не он нанес мне разрезы, а кто-то другой уже после стычки. Я был воз-

мущен, но связываться с ним еще раз побоялся, так как мальчишка был «зацепский», а они славились тем, что умели и сами драться и постоять друг за друга.

Курить я скоро бросил. Меня напугал врач. Не помню, по какому поводу я был у него, но хорошо помню наш разговор:

— Вы курите?

— Немного.

— Не советую, у Вас легкие слабые. Будете курить, будет у Вас туберкулез, иначе говоря чахотка. А там дело Ваше. Я предупредил.

После этого разговора всякая охота курить у меня пропала.

Примерно одна треть класса у нас состояла в пионерской организации. Большинство ребят не были пионерами. Я был в этом большинстве. Не потому, что меня удерживали принципиальные соображения или родители не разрешали. Нет, не поэтому. А просто так сложилось. Никто не предлагал, никто ничего не рассказывал о пионерах. А тут голуби, уроки немецкого языка. Не до них, не до пионеров.

Но я твердо знал, что бойскаутов надо бить. Одно время была такая организация в Москве. Члены ее ходили в форме, в специальных шляпах (панаме) и с черными галстуками. К нам в дом приходил один бойскаут, в гости к своим родственникам. И каждый раз мы поджидали его возвращение обратно, чтобы «наподдать». Вообще мы, мальчишки, недоброжелательно относились к «буржуям». Это понятие было у нас весьма туманное. В «буржуи» мы могли зачислить и людей, отличающихся от других по своей одежде. Так, в категорию буржуев у нас попала семья Приклонских.

В доме, где располагался детдом, третий этаж был занят жильцами. У них был отдельный вход. Среди жильцов этого этажа была семья Приклонских: мать, сын, его жена и их ребенок.

Моя мама с особым уважением относилась к матери Приклонского.

— У неё была частная гимназия. Гимназия Приклонской, на Малой Ордынке, — говорила мама.

Кстати, в годы советской власти в здании этой гимназии была школа-семилетка, которую окончила моя будущая жена. Внешне старушка-Приклонская мало чем отличалась от остальных жильцов дома и поэтому не привлекала к себе нашего мальчишеского внимания. Но вот сын ее обращал на себя внимание, особенно в летнее время, когда он в хорошо выглаженном костюме с галстуком появлялся во дворе, в инженерной фуражке и рядом с ним шла такая же нарядная молодая жена.

Я думаю, что больше всего из-за инженерной фуражки, которая уж очень лихо и нарядно сидела на голове Приклонского, наша компания отнесла его к «буржуям».

Все это были, конечно, ребячьи выдумки.

Виктора Александровича Приклонского со временем я хорошо узнал. Это был крупный ученый, работавший в области инженерной геологии. В.А. Приклонский заведовал кафедрой инженерной геологии в Московском геолого-разведочном институте (МГРИ), а затем был директором Лаборатории гидрогеологических проблем им. Ф.П. Саваренского АН СССР. Он был избран членом-корреспондентом АН СССР. Виктор Александрович был милейший человек, и ничего «буржуйского» на самом деле в нем не было. Детская фантазия иногда может незаслуженно вознести человека, а иногда также незаслуженно опорочить.

Я никогда не задумывался: есть бог или нет. В таком возрасте над такими вопросами, наверное, никто не думает. В церковь мы ходили, главным образом, в последнюю неделю Великого поста и на Пасху. Это было интересно. В Страстной четверг была длинная служба, после которой существовал обычай донести зажженную свечку домой. Я старался ускользнуть от своих родителей и присоединиться к знакомым ребятам, которые задували свечки у верующих, идущих из церкви домой. Игра эта была опасная. Верующие были в ряде случаев весьма серьезные, и если бы мы попали им в руки, так бы отдубасили, что сразу отбили бы охоту к подобным шуткам. В пятницу был крестный ход вокруг церкви и святили куличи и пасхи. Тоже было интересно. Но самое интересное — это, конечно, ночь с субботы на воскресенье. Заутреня. Торжественная церковная служба. Целый день ничего есть не дают, а после заутрени все разговляются. Придешь домой — на столе закуска, куличи, пасха, крашеные яйца. Ешь, сколько хочешь. А на следующий день, первый день Пасхи, идешь поздравлять, то к одной бабушке, то к другой, то к теткам, и везде пасхи, куличи. У каждой хозяйки свой рецепт, но везде вкусно.

Все это было интересно, торжественно, вкусно. Механически говорилось: «Христос воскрес», «Воистину воскрес». Но глубоко над этими словами я никогда не задумывался. Так было до 1928 года.

В 1928 году, когда я был в шестом классе, шли мы с Володей Пеутинным по Октябрьской площади, и вдруг он говорит:

— А ты знаешь, я решил, что бога нет.

Я даже не стал спрашивать, почему он так решил, и чтобы не отставать от своего друга, тут же отозвался.

— Правильно, конечно нет. — Сказал, а самому страшно стало. А вдруг бог есть, и он за эти слова накажет.

Решили оба, что мы проведем соответствующую антирелигиозную кампанию дома.

Не знаю, как она проходила у Володи, а у меня она проходила так. Войдя в нашу комнату, я застал там маму, папу и няню. И без всякой дипломатии объявил:

— Мы сегодня с Володей решили, что бога нет, и поэтому в церковь я больше не пойду, и пасху с куличами есть не буду.

Каждый прореагировал на это по-своему. Няня заохала, запричитала: «Что ты, что ты, опомнись, что говоришь? Бог накажет».

Мать ничего не сказала, только посмотрела на меня, как мне показалось, укоризненно. А отец отнесся к этому более спокойно, чем я ожидал.

— Ты еще мал об этом рассуждать. Вырастешь, тогда и будешь поступать как тебе совесть подскажет.

— Ничего не мал. Мне уже 14 лет, — возразил я. На этом пока и закончился наш разговор.

Приближалась Пасха. Я заявил еще раз, что в церковь не пойду, поститься не буду, пасху и кулич есть тоже не буду. Надо мной родственники смеялись, ребята во дворе обозвали дураком. («Чего же пасху-то да куличи не есть. В бога можно не верить, а пасху и куличи есть».) Но я был тверд в своем решении. Так было несколько лет, а потом я тоже решил, что в бога можно не верить, а куличи и пасху есть можно — они вкусные.

Кажется, в том же 1928 году были объявлены выборы в Советы. Право голоса имели трудящиеся. Все нетрудовые элементы лишались права участия в выборах, появилось новое слово и новая категория людей — «лишенцы».

Лишенцы не только лишались права голоса на выборах, это бы еще полбеда. Они в административном порядке высылались из Москвы за 100 км, без права въезда в Москву. Это была уже большая беда.

К лишенцам относились не только какие-нибудь крупные бывшие буржуи или нэпманы. Это была довольно широкая категория лиц, куда зачислялись и домовладельцы, и лица, занимавшиеся торговлей, независимо от ее размера.

К нам в школу пришел представитель Замоскворецкого райсовета, который находился тогда в том же здании, что и сейчас, на Большой Полянке. И по какому-то, наверное, известному только ему принципу (я думаю, уж не по росту ли, потому что вопросов он нам никаких не задавал) отобрал десять человек ребят для проведения кампании с лишенцами. Среди них оказался и я.

Списки лишенцев были разосланы по домкомам. Лишенцы были поставлены в известность, что в определенный срок они могут обжаловать это решение. Естественно, что многие бросились в райсоветы. Вот для

помощи в их приеме и решили на несколько дней взять на работу в райсовет школьников.

Не помню, что делали другие ребята, а меня посадили на прием заявлений. В большой пустой комнате стоял письменный столик, за которым восседал я, а перед ним два стула для посетителей.

Обязанности у меня были несложные. Надо было принять заявление, поставить на нем номер, а затем записать за этим номером в книгу учета фамилию, имя, отчество гражданина, подавшего заявление. Если посетитель выражал свое возмущение, недовольство или хотел что-то более подробно объяснить, мне надо было сказать: «Пройдите, пожалуйста, в комнату такую-то, к товарищу такому-то, там Вы сможете все рассказать». Вот говорить или не говорить это решать должен был я сам. Я и решал как мог.

Среди посетителей оказался глава большой семьи Тарасовых, живших в одноэтажном маленьком домике на Малой Полянке, дом 7, о котором я уже упоминал. Его лишили права голоса за то, что этот домик раньше принадлежал ему. Около домика росла чудесная сирень, которая тщательно оберегалась от нас, мальчишек, и поэтому мы считали его «жадюгой». Но в этом случае ему я сам подсказал, куда надо обратиться.

Самое интересное, что ко мне с заявлением пришла моя собственная бабушка, бабушка Лёля.

— Женя, кому тут надо заявление подавать, чтобы прав не лишали?

— Мне, бабушка.

Бабушка удивленно посмотрела на меня, спорить не стала и отдала свое заявление. Но потом дома говорила:

— До чего же мы дожили, мальчишки нами управляют.

Произошло следующее. Когда был объявлен НЭП и тысячи дельцов бросились открывать частные предприятия, магазины, мастерские и другие организации, бабушка тоже решила попытать счастья и в компании с одним из своих родственников решила открыть лавочку по розничной продаже муки. Мука должна была закупаться по более дешевым ценам в «хлебных» губерниях, привозиться в Москву, развешиваться по пакетам от фунта и больше и продаваться по более дорогой цене.

Вся семья протестовала против этой затеи. Но бабушка и слышать ничего не хотела. «Мука всем нужна, — рассуждала она, — а за труды нам полагается. Жизнь сейчас трудная. Что вы там все получаете? Пустяки. Надо подкормить семью».

Из этой затеи ничего не вышло. На деле оказалось все значительно сложнее, чем на словах. Предприятие «бабушка и К^о» просуществовало

меньше месяца и лопнуло. Все облегченно вздохнули. Но оно было зарегистрировано на имя бабушки и, естественно, она попала в список лишенцев.

Ее заявление последствий не имело. Надо было выезжать из Москвы. Бабушке подыскали комнату в г. Воскресенске (за 100 км) и перевезли ее туда. К этому времени дедушка Коля уже умер (1927 г.). Еще раньше, в 1925 г. умер дедушка Епифан.

Все дети бабушки начали хлопотать о возвращении ее в Москву. В своих заявлениях они указывали, что лавочка эта существовала меньше месяца, существовала более юридически, чем фактически, что при этом не было наемного труда, что все они (дети) работают с первых дней у советской власти, служили в рядах Красной Армии, что бабушка уже в преклонном возрасте и т.п.

Это помогло, и через несколько месяцев бабушку привезли обратно в Москву.

Многому хорошему я обязан семье Пеутиных. С Володей мы подружались. Несколько лет мы ходили в гости друг к другу каждое воскресенье. Одно воскресенье он у меня в гостях, другое — я у него. У меня мы больше играли. Играли в солдатики, в пинг-понг. У него тоже играли, но в более серьезные игры, вместе со взрослыми. Например, в китайскую игру ма-джонг. Но главное занятие — это были книги.

Отец Володи, Иван Васильевич Пеутин, был уроженец Палеха.

— Мы владимирские богомазы, — шутил он.

Никаких учебных заведений Иван Васильевич не кончал. Был он самоучкой. Страшно любил книги. Приходил с работы, брался за книгу. В воскресенье, если дома, опять с книгой. Любовь к книге он привил не только Володе, но и мне. Из своей библиотеки, а она у него была хорошая, давал он мне домой то, что может увлечь 10 — 12-летнего мальчика: «Три мушкетера», «Граф Монте-Кристо», Фенимора Купера и др. От этих книг я перешел к Гоголю, Чехову, Толстому. Но впечатление от героев Александра Дюма не исчезало. Мы воображали себя Д'Артаньяном и Атосом, согласны были взять на себя роль Арамиса, но никто не хотел быть Портосом.

Кажется, в 1925 году мне пришлось пережить приключение, напоминающее похождения любимых героев.

После майских праздников прихожу я из школы домой, звоню четыре раза (у нас в квартире жило пять семей и каждая семья имела свое количество звонков), дверь тут же распаивается и ... на меня направлен наган. И голос мамы: «Это мой сын, мой сын!» Все произошло так быстро, что я даже испугаться не успел. Оказалось, что в нашей квартире засада уголовного розыска.

В комнате, расположенной рядом с входной дверью, жили муж и жена; кажется, по фамилии Воронковы, где-то служили, тихие, скромные, ничем не примечательные. Бывали у них гости, но редко. Все было в рамках приличия. И вот оказалось, что Воронковы вступили в банду. Точнее, муж, но жена знала об этом. Оказалось, что и план ограбления банка разрабатывался у них в комнате при последнем посещении гостей.

Решено было провести ограбление отделения госбанка, находившегося в районе московской бойни. К нему подъехала автомашина. В банк вошли несколько человек и угрожая оружием, заставили работников банка и посетителей лечь на пол. Лег и вахтер, стоявший у двери, лег так, что под ним оказалась кнопка сигнализации, проведенной в ближайшее отделение милиции.

Там по тревоге направили к банку наряд конной милиции. Между тем бандиты, ничего не подозревая, забрали все деньги из кассы. Их оказалось не так много, 20 тыс. рублей. Перед майскими праздниками все организации выдали зарплату, а после майских поступлений денег в банк еще не было.

Забрав деньги, бандиты выбежали из банка с криком: «Банк горит!», и бросились к машине. Навстречу им скакал наряд милиции, пришлось разворачивать машину в противоположную сторону. Время было потеряно. Милиционеры стали настигать грабителей. Они открыли огонь. Впереди ехал ломовой извозчик. Поняв, в чем дело, он развернул свой полок поперек улицы. Машина ударилась в него. Перевернула полок, но дальше ехать не могла. Завязалась перестрелка. В этой перестрелке было убито семь человек: милиционер, проходившая по улице женщина, мальчишка-газетчик и четверо бандитов. Воронков сам застрелился. Главарь их был взят живым.

Во время перестрелки шофер захватил чемоданчик с деньгами и скрылся. Его и разыскивали. У главаря банды узнали адреса ее членов и везде устроили засады. Вот такая засада и находилась в нашей квартире.

Засада оказалось очень эффективной, но только не в отношении разыскиваемого бандита, он не появлялся, а в отношении всех, кто приходил к нам в квартиру. Всех впускали и никого не выпускали.

Когда я вернулся из школы, у нас в квартире уже находились: молочница, старьевщик-татарин, две подружки нашей соседки, которые зашли к ней в гости после работы. Но самое интересное началось вечером.

Как я уже писал, мамыны родственники жили в этом же доме на втором этаже. Тетя Шура зашла проведать маму. Пришла и осталась. Ее муж, Иван Петрович Тутунов ждал, ждал ее и потом рассердился:

— Да что она, в самом деле, Вовку надо спать укладывать. Пойду за ней.

Пришел к нам и тоже остался.

Другие мамы родственники, которые жили в той же квартире, тетя Зина и дядя Петя (Корнеевы) решили:

— У Сергеевых что-то интересное случилось. Тутуновы пошли и пропали. Пойдем узнаем.

Долго ли подняться на два этажа. Поднялись, позвонили и тоже оказались в «мышеловке». Тетя Зина пробовала протестовать:

— У меня дочка совсем маленькая. Отпустите меня.

— Понимаем. Но не имеем права.

Потом решили, надо привести к нам ребят. Спустилась домой тетя Зина, вместе с ней один из сотрудников УГРО и забрали Володю и Таню. Тете Зине было сказано, чтобы она ни с кем не разговаривала, ни на какие вопросы не отвечала.

Бабушка спрашивает:

— Зачем ребят к Сергеевым берешь?

А она:

— Так надо.

— Что значит так надо. Это что за товарищ?

Тетя Зина молчит.

Все понял мамин брат, дядя Коля. Говорит бабушке:

— Мама, ну что они не понимают, что делают? Раз хотят, чтобы ребята у Сергеевых ночевали, пусть ночуют.

А когда ушла тетя Зина с ребятами и вместе со своим провожатым, дядя Коля первый догадался:

— Мама, ни в коем случае к Сергеевым не ходи. У них в квартире засада.

В нашей 25-метровой комнате оказалось 10 человек. Но это восприняли как забавное приключение. Хотя и проскальзывали нотки тревоги: а вдруг начнется перестрелка, ведь дверь комнаты находилась как раз напротив входной двери квартиры.

Утром возникла новая проблема — не было столько запасов продуктов, чтобы прокормить всех собравшихся. Одна из наших соседок в сопровождении сотрудника уголовного розыска, с большой корзиной отправилась за хлебом, молоком и другими продуктами по магазинам. Естественно, ее стали спрашивать встречные жильцы дома: «Что это у Вас за массовые закупки?» А что она могла ответить? Только одно: «Так надо».

То ли по этому поводу, то ли бабушка кому-то по секрету сказала, но по дому поползли слухи, что в нашей квартире засада.

Сижу я на подоконнике открытого окна, ребята со двора кричат:

– Выходи гулять!

– Не могу, у меня нога болит.

– Знаем, какая нога. Вас никого не выпускают, засаду УГРО у вас устроило.

Два с лишним дня мы были в «мышеловке». Потом сотрудники уголовного розыска ушли, оставив на всякий случай свой телефон. Дали нам понять, что бандита еще не поймали, но поймают непременно.

Так я и рос, учился в школе, учился и у жизни. У последней научился, пожалуй, не меньше, чем в школе.

Каждый год я с нетерпением ждал летних каникул. Каждое лето оставило своеобразные, яркие впечатления.

Глава 4

Летние каникулы

Летом 1924 года мне было 10 лет, и я перешел в третий класс. Еще ранней весной был снят на лето дом в Тарусе на три семьи: нашу, Корнеевых и Тутуновых.

Таруса и сейчас славится как один из уютных и красивейших уголков Подмосковья. А тогда большинство улиц было покрыто изумрудно-зеленой травой, около домиков сады и две реки: величественная Ока и маленькая быстрая Таруска.

В Тарусе я впервые узнал, что такое настоящая рыбная ловля. Первоклассными рыболовами-любителями были братья Томины. Оба они были зубные техники и оба были женаты на зубных врачах, родных сестрах. Старший брат, Василий Андреевич был женат на младшей сестре Лидии Ивановне, а младший — Федор Андреевич, на старшей, Елене Ивановне. Жили они в одной квартире на Арбате, и я вспоминаю о них, как о милых, симпатичных людях, которых я изредка навещал, будучи уже взрослым.

В Тарусе Томины арендовали две лодки: одну хорошую, на которой они ездили ловить рыбу, а другую — развалюху, которая нарочно была наполовину затоплена, и в которой жили наловленные пескари, чтобы под рукой всегда были живцы.

Меня поразили их рыболовные снасти. Да не только меня, но и отца тоже. Удочки с катушками, тонкие прочные лески, маленькие, но тоже прочные, острые крючки и, наконец — кружки.

Кружки были сделаны из пробки. Посередине кружка дырка, в которую вставлялась палочка; по ребру кружка леска, которая перебрасывалась через палочку и свисала в воду. На конце лески свинцовый груз, металлический поводок, и, наконец, крючок-якорек. На него и насаживался живец. Судак, щука, окунь и другая хищная рыба хватала живца, дергала леску, при этом кружок переворачивался, леска начинала разматываться. Хищник, не чувствуя сопротивления, заглатывал живца все глубже. А кружок при этом кружился и иногда даже плясал на воде.

Когда кружок плывет с живцом сам по себе, у него над водой красная сторона и из центра торчит палочка высотой около 20 см. Схватил живца хищник, кружок переворачивается и вот уже над водой белая сторона с черной шишечкой, в которую вставляется палочка.

Кружки Томиных произвели на меня в 1924 году неизгладимое впечатление. Тогда этот способ рыбной ловли был мало известен. Сейчас многие им увлекаются. Увлекался и я, гоняя кружки уже в послевоенные годы по подмосковным водохранилищам.

На кружках обычно ловят на озерах, на водохранилищах, там, где нет сильного течения. А Томины умели ловить на кружках на Оке.

Иногда они брали меня с собой в лодку, и я хорошо видел, как это все происходит. Один из братьев садился на весла и греб поперек реки. Другой быстро распускал леску кружка, сажал на крючок пескаря и пускал кружок по течению. Река как бы перегораживалась кружками.

И вот «перевертка». Кружок перевернулся, на поверхности белая сторона. Он крутится. Лодка идет к нему. Один из братьев ловит кружок, подсечка и в лодке судак (чаще всего) или щука. А в это время другие кружки уже далеко уплыли. Их надо догонять. И вот опять перевертка. Что делать? Ехать к крутящемуся кружку или скорее догонять те, которые попали на быстрину. Надо решать. Все это происходит быстро, динамично. Все страшно интересно. Никогда я еще за десять лет своей жизни до Тарусы такого не видел.

Немудрено, что кружки стали моим любимым видом рыбной ловли когда я стал взрослым.

Однажды я ловил с берега пескарей. Подходят Томины.

— Поедем, Женя, с нами.

Я конечно с удовольствием залезаю в лодку. Но на этот раз не все получилось удачно. Перевернулся кружок у противоположного берега в момент, когда большинство других кружков попало на быстрину.

Томины не обратили внимания на перевернувшийся кружок, несмотря на то что я кричал:

— Перевертка, перевертка!

— Нельзя, Женя, нельзя. Кружки дороже рыбы. Рыбу еще поймаем. А не будет кружков, не будет и рыбы.

И лодка понеслась за уплывающими кружками.

Когда мы вернулись к перевернувшемуся кружку, он мирно покачивался около берега. Василий Андреевич вынул его из воды и начал наматывать леску. И вдруг:

— Есть. Сидит. Сам засекся.

Вытаскивает, большой голавль. Такой красавец:

— Да в нем фунта 2–3 будет. Держи, Женя. Мы тебя высадим на берег. Отнесешь домой.

И вот я иду по Тарусе. В одной руке удочка, в другой кукан, на котором надеты десятка два пескарей, и сверху голавль. Вечереет. На улицах на лавочках сидят местные жители. Переговариваются:

— Ты смотри, какого голавля пацан поймал.

И хотя я знаю, что не я его поймал, я все же горд.

Ловили Томины и в проводку. Ставили лодку на два якоря поперек течения, подвешивали катушку. Течение подхватывало поплавок, леска на катушке сама разматывалась. Поплавок уже далеко от лодки, его уже еле видно. Вот он скрылся под водой. Подсечка. Катушка ставится на тормоз. Удочка гнется. Катушка трещит. И к лодке подходит большой подуст. Мгновенье — и он в лодке. И так часа 3–4. За это время в лодке образуется куча подустов.

Интересно смотреть, но хочется самому поймать. Увы, моя удочка самая обычная, и поплавок отходит от лодки всего на 4–5 метров. Подуст — рыба осторожная, и так близко к лодке не подходит. Приходится ограничиваться ельцами, да и те клюют не так часто. Лодка с кучей подустов подъезжает к берегу. Несколько подустов берут к себе Томины, сколько хочу — могу взять я, а остальное хозяину лодки, который всегда терпеливо поджидал ее на берегу с надеждой, что рыбалка была удачная.

Мне так понравилась ловля рыбы в проводку с лодки, что я уговаривал своих приятелей, и мы много раз ходили с Малой Полянки на Москву-реку к храму Христа Спасителя, чтобы посмотреть, как ловят рыбу таким способом. Как раз в этом месте на Москве-реке была быстрина, и здесь стояло на якорях 10–15 лодок. За ними присматривал сторож. Он же и перевозил хозяев лодок туда и обратно. Конечно, смотреть с берега было не так интересно, как сидя в лодке. Но что поделаешь? Знакомых рыболовов на Москве-реке у нас не было.

Томины показали еще один из способов рыбной ловли. На вечерней зорьке ловили ершей. В лодку садились четверо: Томины и мы с отцом. Удочки брались покороче. Насадка — черви.

На лодке мы поднимались немного выше Тарусы и останавливались на глубоком месте, под глинистой кручей. Клев начинался на вечерней зоре. Не успеваешь забросить удочку, поплавок ныряет. И вытаскиваешь большого «сопливого» ерша.

Я сначала старался насадить червя получше. Но Василий Андреевич сказал:

— Это ни к чему. Ерш и так схватит, был бы на крючке хоть кусочек червя.

И действительно хватали. Уже поздно вечером, в темноте возвращались мы с папой домой со своим уловом. Мама ворчала:

— Опять так поздно. Ребенку спать уже пора.

И действительно, ребенок моментально засыпал. А отец еще чистил ершей. И на следующий день все с удовольствием ели уху.

В Тарусе меня научили плавать. Пошли купаться большой компанией. Мужчины отдельно, женщины отдельно.

Дядя Петя (Петр Александрович Корнеев) взял меня на руки и сказал:

— Сейчас я научу тебя плавать. Отнесу на глубокое место и отпущу. Ты не бойся. Бей ногами по воде и подгребай руками воду под себя. Не будешь бояться?

— Не буду.

— Вот и молодец. Ведь все мы рядом с тобой.

Дядя Петя отходил от берега все дальше. Вот ему уже вода «по шейку».

— Плыви.

И оттолкнул меня от себя. Я забарахтался и поплыл. Подплыл к берегу, встал на ноги. И сам попросил:

— Дядя Петя, еще раз!

Получилось лучше. Барьер был преодолен, а дальше уже пошло все хорошо. Я даже научился лежать на воде, на спине, без движения, и она тихо несла меня своим течением.

Подружился я с местными ребятами. Сначала мы вместе ловили пескарей на берегу Оки и с мостика на Таруске. Потом достали где-то лодку и стали переезжать Оку. На противоположном берегу находился песчаный пляж, куда ездили все купаться. Купались там и мы.

Сейчас я думаю, как бы я отнесся к тому, если бы мой внук в 10 лет с ребятами такого же возраста стал самостоятельно переезжать Оку в районе Тарусы. Наверное бы испугался и рассердился, ведь река здесь широкая. Точно так же прореагировали и мои родители. Без взрослых было запрещено переезжать Оку.

Однажды по инициативе Томиных мы большой компанией отправились в гости к художнику Поленову, в его усадьбу.

Переехали Оку, шли чудесными заливными лугами, затем парком и, наконец, подошли к дому Поленова. Встретил он нас вместе с женой очень приветливо. Показывал свои картины, и в частности пейзажи европейских столиц. Впервые я почувствовал красоту живописи. Впервые увидел настоящего художника и дела рук его.

На прощанье Поленов и его жена сфотографировались вместе с нами на крыльце своего дома. Эта фотография сохранилась в нашем семейном альбоме.

Отец очень любил живопись Поленова. Особенно ему нравился «Московский дворик». Он заказал сделать с этой картины себе копию. Получилось удачно. После смерти отца эту картину я повесил к себе в кабинет. Она напоминает мне и отца, и наше посещение Поленова.

Летом 1925 года мне было уже 11 лет, и я перешел в 4-й класс.

На этот раз для летнего отдыха облюбовали себе барский дом, стоявший рядом с деревней Аносино, которая находится в 3–4 км от железнодорожной станции Снегири, в 44 км от Москвы.

Место было отличное. Река Истра светлая, чистая. То мель и пережат, а за ними глубокие заводи, поросшие камышом. Солнце светит, с крутого берега видно, как большие голавли плавают, а вот поймать их никто не мог. Увидят человека, уходят в глубину.

На правом крутом берегу — помещичье имение: барский дом, подсобные постройки, большой фруктовый сад и огромный запущенный парк — все это было отдано участникам гражданской войны, пожелавшим объединиться и создать колхоз. Если мне память не изменяет, он так и назывался, не «коммуна», а «колхоз». Землю для колхоза частично отобрали от женского монастыря, частично у кулаков деревни Аносино.

Деревня Аносино была расположена еще выше, чем барская усадьба, примерно в одном километре от нее. Рядом с деревней женский монастырь. (Борисоглебский Аносин женский монастырь — действующий женский монастырь в деревне Аносино Истринского района Московской области, в 7 км от города Дедовска. Основан 25 июня 1823 года княгиней Авдотьей Мещерской, родной тёткой поэта Фёдора Тютчева. С 1927 года и весь дальнейший советский период был закрыт. Возвращён Русской Православной церкви в 1992 году. В качестве монастыря вновь начал действовать с 29 декабря 1999 года. — *Прим. ред.*) Он как раз возвышался над усадьбой. От усадьбы до монастыря шла аллея, которую образовывали огромные вековые, а может быть и того старше, ели.

Колхозников было немного, семей 10–12. Хозяйничали они с расчётом. И вот решили: комнаты в барском доме сдавать на лето дачникам. В этом доме сняли комнаты мама и ее сестры. Опять лето проводили все вместе, как в Тарусе.

В Тарусе мне очень нравилось, а в Аносино еще больше. Истра рядом, не надо идти к реке через весь город, как в Тарусе. Можно купаться, можно рыбу удить. Недалеко лес, там были грибы. Бывали они и в парке. Около дома — старый пруд. В нем оказались золотые карасики. Но главное, это лошади. Лошади для верховой езды, которых тоже можно было арендовать у наших хозяев.

Не помню, на каких условиях договорился дядя Петя, но две лошади были в нашем распоряжении: одна для него, а другая для меня. Счастьем моему не было предела.

Сначала мы с дядей Петей ездили вместе. Он меня учил, как надо седлать лошадь, подогнать стремена, как держаться в седле. Учил, когда можно с шага переходить на рысь, потом в галоп и наоборот. Через месяц я уже так с этим освоился, что стал уезжать сам, когда не было дяди Пети или когда ему не хотелось. Требовалось только одно — сказать свой маршрут.

Вдвоем мы ездили до Нового Иерусалима. Один я дальше десяти километров не ездил. И не разрешали, и сам побаивался: а вдруг что-нибудь случится.

И действительно, один раз случилось. Ехал я рысью, после дождя. Объезжал угол пашни, наклонился внутрь круга, как меня учили, и вылетел из седла. Не успел опомниться, как уже лежал на земле. Хорошо, что это была пашня, мягкая от дождя и, самое главное, хорошо, что умная лошадь не ускакала, а остановилась и ждала, пока незадачливый наездник к ней подбежал.

Седло на боку. Вот поэтому я и упал. А на боку седло потому, что подпруги не были хорошо затянуты. Все объяснилось просто.

Хуже могло быть в другой раз. Я с деревенскими ребятами поехал на незнакомой лошади на водопой. Естественно, без седла. Лошади бросились вскачь с крутого, высокого берега к реке. Единственное, что я мог делать, это держаться за гриву своего коня. Когда мы прискакали к реке, положение мое было критическим: я уже не сидел на спине, а висел на одной ноге на шее у лошади, судорожно вцепившись ей в гриву.

Это не охладило мою любовь к лошадям. За лето я так научился ездить верхом, и это пригодилось мне в жизни. Работая топографом на Дальнем Востоке, я иногда проезжал верхом в день до 100 км. Понадобилось мое умение ездить верхом и в годы Великой Отечественной войны, когда мне полагалась верховая лошадь с коноводом.

Отец увлекался рыбной ловлей. Но ее нельзя было сравнить с тем, что было в Тарусе. Ловили мы с берега на обычные удочки. Попадались ерши (но маленькие, не такие, как на Оке), окуньки, плотвички.

В августе, когда вода стала холоднее, дядя Петя сказал:

— Что вы все мелочь ловите. Я тебя, Женя, научу ловить на перемет.

Стали делать перемет. На длинную веревку привязали поводки с крючками. Наживка — лягушки. Ставили перемет с лодки на песчаных отмелях. Вечером в темноте поставим, утром бежим проверять. Два-три больших голавля сидят.

Отец ворчал:

— Какая это рыбная ловля. Рыбная ловля должна быть активной, на удочку с поплавком.

Но мне было интересно и ставить и проверять перемет.

Ходили мы и за грибами. Лес был грибной. Березняк с молодыми елочками, много полянок. Но много грибов никогда набирать не удавалось; 20 — 30 белых — вот и весь наш сбор. Это и не удивительно. Бывало, встанем пораньше, еще до завтрака идем в лес, а навстречу нам уже старушки-монашки семят с полными корзинами белых. опередить их было невозможно: только светает, а они уже в лесу молча шмыгают по своим заветным местам.

Летом 1925 года я узнал, вернее, воочию увидел, что такое классовая борьба. В школе нам часто говорили о классовой борьбе. С одной стороны, верилось — учителя приводили убедительные факты, с другой — не очень, кругом было мирно, спокойно.

Наши хозяева, колхозники, собрали хороший урожай. Большая рига, стоявшая на окраине усадьбы, была вся забита не обмолоченными снопами ржи.

Ночью меня будит мама. Гудит монастырский колокол тревожным набатом. В черных окошках появляются вспышки пламени.

— Одевайся скорее, пожар в усадьбе. Надо пойти посмотреть, где. Может быть, и нашему дому угрожает.

Пошли на огонь. Далеко ходить не надо было — горела большая колхозная рига, куда завезли весь урожай необмолоченной ржи. Полыхало так, что горящие снопы высоко взлетали вверх и улетали куда-то в поле. Страшное было зрелище. Хорошо еще, что ветер был не в сторону усадьбы. Тушить было бесполезно. Спелая рожь горела, как один большой факел. Подойти к огню было невозможно. Все смотрели только издали. Недалеко от риги нашли жбан, ведро; все нюхали — пахло керосином. Явный поджог. Глядя на горящие снопы, я подумал, что, наверное, это и есть классовая борьба.

От монастыря к пожару двинулось шествие. Впереди священник, иконы, хоругви, хор. Но пока они дошли, огонь сам уже погас.

Колхозники встретили монашек неприветливо.

— Уходите. Нам сейчас не до представлений.

На следующий день приехала милиция. Началось следствие. Арестовали по подозрению несколько кулаков. Посадили на телеги и увезли. Вечером из Аносино доносился протяжный бабий вой.

Прошел еще год. Наступило лето 1926 года. Я окончил школу первой ступени (4 класса) и перешел в 5 класс. Было мне 12 лет. Ошеломляющая новость. Мы едем летом на Черное море. Едут также Корнеевы, Туту-

новы и, самое главное, Володя Пеутин со своей мамой, Марией Александровной.

Город Анапа. До него надо было добираться от Москвы до станции Тоннельная поездом, а дальше на лошадах или автобусе. Анапа славилась своими песчаными пляжами, обилием фруктов и дешевыми продуктами. Это все привлекало туда тысячи людей на отдых.

Когда мы приехали в Анапу, все было не так заманчиво, как это казалось в Москве. С трудом удалось снять дом на лето на окраине города, далеко от песчаных пляжей. Питание в государственных столовых было организовано плохо, а в частных пансионатах стоило очень дорого. Один раз мы там пообедали, и больше уже в частный пансионат не ходили.

Пришлось маме и ее сестрам готовить обеды дома по очереди. Но базар оказался далеко, и продукты были уже не такие дешевые. Осталось в памяти, что обсуждалась стоимость большого арбуза. Стоил он один рубль, и это считалось очень дорого.

Впрочем, все эти заботы были у взрослых, а мы с Володей были всем очень довольны. Далеко на пляж ходить и не надо, будем ходить купаться на высокий берег. Это близко от дома. Дорого арбузы стоят, а зачем они нам, когда чуть ли не задаром отдают мелкие абрикосы — жардель. Ну, а что касается готовки и прочих хозяйских дел, мы мальчишки, и это нас не касается.

Целыми днями мы с Володей пропадали на море, на высоком берегу. Это действительно был высокий крутой и обрывистый берег. Узкая тропинка спускалась к морю. Берег был каменистый и не очень удобный для купанья, но зато под камнями водились крабы. А самое главное, уткнувшись носом в берег стояла старая канонерка.

В годы Гражданской войны революционная канонерка была окружена судами белогвардейцев. Положение казалось безвыходным. Но команда нашла выход: на полном ходу канонерка врезалась в берег. Революционные матросы полезли под огнем по крутому обрывистому берегу вверх. И ушли. Не в Анапу, она уже была в руках белых, а в горы в сторону Абрау-Дюрсо.

Канонерку разоружили, сняли с нее все, что можно, но с места сдвинуть не смогли. И осталась она как память о гражданской войне.

Забраться на нее было не так просто. Надо было лезть по якорной цепи, спускавшейся в воду. Самого якоря не было. Цепь раскачивалась. Но зато, если подняться на палубу, она глухо ухала под ногами, и можно было играть в кого хочешь, в революционных матросов и даже в морских пиратов.

В Анапе со мной произошел курьезный случай. Отец записал меня (одного!) на многодневную экскурсию на катере Анапа — Сухуми и

обратно. Я не мог дожидаться дня отплытия. Но жизнь шла пока по-прежнему.

Утром мы уходили с Володей на море ловить крабов и купаться. Идем по узкой прибрежной полоске и видим, что навстречу бежит собака. Морда вниз опущена. Почему-то оба мы решили, что она бешеная. Володя говорит:

— Давай возьмем камни и камнями ее отгоним.

— Нет, — говорю я, — камни не помогут. Давай залезем в море, бешеная собака воды боится.

Мы вошли в море, захватив с собой на всякий случай камни. Собака пробежала мимо нас, низко опустив голову, изо рта у нее падала пена.

«Бешеная», — окончательно решили мы. Действительно, собака оказалась бешеной.

К морю спустились мои двоюродные брат Володя и сестра Таня. Они были совсем маленькие, шли со своими матерями, впереди них. Собака побежала на них и укусила обоих. Затем она вбежала в город и до того, как была убита, искусала еще 11 человек. Вскрытие установило — бешенство. Всем укушенным немедленно стали делать прививки.

На другой день я стал дразнить своего братишку Вовку (теперь он полковник в отставке) и довел его до такого состояния, что он бросился на меня и укусил. Укусил здорово за руку, до крови.

Создалась такая ситуация: бешеная собака укусила его, а он укусил меня. Родители забеспокоились и повели меня к врачу. Врач задумался:

— Первый раз сталкиваюсь с таким случаем и никогда раньше о таких вещах ничего не читал. Для того чтобы быть спокойным, давайте сделаем и вашему сыну курс прививок против бешенства.

А это значит, надо было ходить на прививку каждый день. Плакала моя экскурсия в Сухуми. Пришлось отцу деньги брать обратно.

Сравнительно недавно мои внуки Оля и Коля побывали в Анапе, будучи примерно в том же возрасте, что и я в 1926 году (Оле — 14, Коле — 11 лет). Они жили в хороших пионерлагерях, объединенных в комплекс «Жемчужина России». Пионерлагеря стоят недалеко от моря, у самого пляжа. Когда они рассказывали мне о своей жизни, о своих поездках, я вспоминал свои детские годы и думал, как далеко шагнула вперед наша страна во всех отношениях за прошедшие полвека. И это несмотря на то, что нам пришлось вынести на своих плечах самую тяжелую войну из всех войн, которые приходилось вести нашей Родине.

Когда мы ехали с Володей Пеутиным в поезде из Анапы обратно в Москву, загорелые до черноты, мы твердо решили, что будем ездить только на юг и только всегда вместе. Жизнь распорядилась иначе: больше никогда на юге, у моря вместе мы не отдыхали.

Летом 1927 года (мне 13 лет, и я перешел в 6-й класс) родители решили вместе с тетей Маней и ее мужем дядей Колей (Гебель) ехать на лето в Елатьму, городок, стоящий на Оке. (Ныне поселок городского типа в Тамбовской области. — *Прим. ред.*)

Ехали мы в Елатьму пароходом прямо из Москвы. Ехали хорошо, в каютах второго класса. Проезжали мимо г. Касимова, откуда мой прадедушка увез в Москву себе в жены девушку-татарку.

Елатьма — небольшой городок, на правом, крутом берегу Оки. Городок, утопающий весь в зелени. Особенно много было вишни. Вишневые сады спускались по крутому склону к Оке. Здесь я поел столько вишни, сколько никогда в жизни больше не ел. Родители приехали только на время отпуска. В течение месяца мы с отцом ловили рыбу. Мечтали поймать стерлядь. Но это так мечтой и осталось. Стерлядь ели только покупную.

Потом мама с папой уехали в Москву. А я остался с няней и тетей Катей (сестрой отца). Началось соревнование между мной и тетей Катей, кому заказывать обед. Я стоял на своем: супов не надо, каждый день будем есть варенец, кур больше не покупать, вместо них будут жареные дикие утки. Тетя Катя возмущалась таким однообразием стола и просила сделать куриную лапшу и вареники с вишнями. Няня старалась нас примирить и вообще занимала мою сторону.

— Екатерина Епифановна, ну уступите Жене. Ему же расти, много бегаёт.

Мы могли позволить себе подобные споры, потому что базары в Елатьме были и богатые и дешевые. Хорошо помню, что живая курица стоила 40 — 60 копеек.

К нам домой через день приходил сельский почтальон, из одной из дальних деревень левобережья Оки. Приходил он в Елатьму за почтой, за газетами. Шел несколько километров лесом, лугами. Был он страстный охотник-любитель. И по дороге стрелял уток. Отдавал пару чирков за 25 копеек, а крякву — за 30 копеек. С самого начала сказал:

— Я наживаться не хочу, мне бы только стоимость боеприпасов оправдать.

Один раз почтальон принес глухаря. Впервые я увидел эту большую и красивую птицу. Запросил за него рубль. Няня решила, что это дорого и, несмотря на все мои просьбы, глухаря не купила.

С местными мальчишками у меня вначале возникли сложные отношения. Мы подрались. Подрались из-за пустяков. Я бежал по улице к тете Мане. На улице играла группа ребят и среди них парень моего возраста, остальные поменьше. Вот он и крикнул:

— Эй, москвич, иди, я тебе что покажу.

Я остановился. А потом решил подойти, не потому, что мне было интересно, что же он мне покажет, а потому, чтобы не подумали, что я его испугался. Но подходил я медленно, настороженно. И вот, когда до парня оставалось два-три шага, он сделал какое-то неизвестное мне движение губами, сопровождающееся резким звуком, и смачный плевок оказался у меня на рубашке. Этого я уж никак не ожидал. Все во мне возмутилось, и я бросился на обидчика.

Никогда я еще не дрался так удачно. Несколько раз попал ему в лицо, сбил с ног, вывернул руку и заставил просить прощения.

Гордый, я отправился дальше, а вдогонку услышал угрозу:

— Ну, ходя (я был черный, коротко стриженный, скуластый и, может быть, действительно немного похож на китайца), все равно попадешься. Так избежем, что и до Москвы своей не доедешь.

С тех пор я стал замечать, что за мной следят, и мне стало страшно одному ходить. Я старался быть при взрослых, но родителям о случившемся не говорил.

После того как они уехали, я стал ходить на рыбную ловлю с тетей Катей. Какая уж это была рыбная ловля! Но, что поделаешь.

Ходили мы с ней ловить уклейку на старицу Оки. Там ее было очень много. Считалось так, сколько есть мух, столько должно быть и уклеек. Если уклейка стащит муху с крючка, то в другой раз на одну и ту же муху поймает две уклейки. Технику ловли уклеек я освоил полностью, а вот тетя Катя... Только и слышишь:

— Женя, у меня опять нет мухи. Надень, пожалуйста.

Наконец, мне это надоело, и я пошел на хитрость. Вместо мухи надел ей пойманную уклейку и сказал:

— Ты лучше щук лови, тут щуки должны быть.

Не прошло и пяти минут как раздается крик:

— Женя! У меня поплавок потонул!

— Это его сама уклейка топиг.

— Но он то тонул, то всплывал, а сейчас не всплывает.

Я посмотрел на удочку. Леска натянута, конец удилища согнут.

— Тащи скорей! Это щука! — заорал я.

Тетя Катя обеими руками дернула удилище вверх. Из воды буквально вылетела щука и упала на берег.

Она могла перекусить, оборвать леску, зацепись она за крючок. Но крючок был маленький для мухи: щука заглотнула уклейку неглубоко. Вот она и вылетела по инерции на берег от мощного рывка тети Кати.

Сейчас тете Кате 89 лет, она живет в Москве, в пансионате для престарелых. У нее прекрасная память. И мы недавно вспоминали с ней этот интересный случай.

Щука была небольшая, по тогдашним меркам, фунта на два. Но для нас обоих она казалась завидным трофеем. Я решил показать ее тете Мане, а тетя Катя пошла домой.

Прибежал к тете Мане, показываю ей щуку. А она говорит:

— Вот я тебе покажу щуку так щуку, дядя Коля на той стороне поймал на донку, сейчас на безмене взвешивала, ровно 5 фунтов.

Я так и обомлел. Наша щука была перед той раза в три меньше.

— А где дядя Коля?

— Спит после рыбалки. Ты оставь свою щуку. Я их обеих зафарширую. Няня этого не умеет делать.

Шел я домой и раздумывал, из чего мне сделать донку, чтобы поймать такую же, а может быть, еще большую щуку.

И вдруг:

— Ну, что, попался!

Вокруг меня четверо ребят. Один уже лет шестнадцати, остальные мои ровесники. А ко мне откуда-то пришло удивительное спокойствие. И потом в жизни бывало такое спокойствие в критическом положении.

— Что же, бейте.

Помолчали. Самый большой говорит:

— А он парень неплохой. Давайте его в свою компанию примем. Не бойся, тебя никто не тронет. Это я, Иван, тебе говорю, и вы это тоже все слышите, ребята. А Ваньке ты за дело выдал (и моего обидчика, и этого большого парня звали Иванами). Пошли с нами купаться.

— Вы идите, я вас сейчас догоню.

Влетел домой.

— Няня, я с ребятами подружился! Пойду с ними играть!

И бегом догонять. Догнал. Подошли к Оке.

— Плавать умеешь?

— Умею.

— Ну, тогда поплыли на ту сторону.

— Поплыли.

А у самого сердечко ёкнуло. Ока под Елатьмой широкая, пароходы большие ходят. Как бы не утонуть. Да что я хуже других ребят?

Немудреную свою одежонку спрятали в кустах. Остались в трусиках и поплыли.

Плыли не поперек, как я думал, а наискосок по течению. Течение сносило здорово. И выплыли мы на противоположный берег не меньше, чем за километр от того места, где осталась наша одежда.

Вылезли из воды посиневшие, зубы стучат от холода. А хорошо. Во-первых, переплыли такую реку, а во-вторых, воздух совсем другой, се-

ном пахнет. Пошли пешком вверх по течению. Километра два прошли. Иван-большой говорит:

— Отсюда поплывем. Как раз к одежде попадем.

Поплыли. И верно. Вышли на пляж недалеко от того места, где прятали свою одежду.

Три раза устраивали мы такой заплыв, а на четвертый раз меня увидел на противоположном берегу дядя Коля. Сидел, ловил рыбу. И вдруг в компании ребят появляется его племянничек.

Ох, и ругали меня тогда, и дядя Коля, и тетя Маня. Я дал слово, что больше переплывать Оку не буду. И только об одном просил:

— Вы только няне ничего не говорите, — понимал, что она будет очень волноваться и больше уж никогда меня одного не отпустит.

Сейчас, когда я все это вспоминаю, мне самому кажется, что это фантастический рассказ. Неужели в 13 лет я переплывал Оку в Елатье? Да еще не один раз. Да, переплывал.

В Елатье произошел еще один случай, которому я в то время никакого значения не придал. Однажды в пойме Оки появился человек с рюкзаком за плечами, с молотком на длинной ручке и с большой лупой в кармане. На боку у него была полевая сумка, а в ней тетради, в которые он что-то записывал и зарисовывал. Мы, ребята, обступили его и смотрели, как он ловко разбивает молотком большие комья глины и что-то достает из них.

— Дяденька, а что вы делаете?

— Я геолог, ищу фауну.

Слово-то какое — «фауна».

— А что это такое — фауна?

— А вот смотрите: это аммониты, это белемниты, вы их «чертовыми пальцами» называете, а это раковины... (латинское название я тогда не запомнил). Это все остатки живых организмов.

— А зачем вам фауна?

— По ней можно узнать, что тут раньше было.

— А что было?

— Море.

Вот примерно, какой у нас был разговор. Правду сказать, это тогда особенно меня не заинтересовало. И мысли не было, что сам я могу стать геологом. Однажды нашел на берегу большую раковину, привез ее в Москву. И теперь она у меня дома, в кабинете как один из самых дорогих сувениров.

Летом 1928 года наша семья отдыхала на Украине в селе Ново-Санжары на Ворскле, недалеко от районного центра Кобеляки. Лето в Ново-Санжарах было скучным. Ворскла — не Ока. Купаться, конечно,

можно, но разве сравнишь ее с Окой. Вот он другой берег, рукой можно достать. Рыба не клевала, да и не видно ее было. Единственно, что было интересным, это лазить по противоположному крутому берегу Ворсклы, по оврагам и собирать остатки одного из сражений, которое произошло в этом месте во время Полтавской битвы. Чаще всего попадалась шрапнель, совсем ржавая, но сохранившая свои размер и форму. Нашел я еще рукоятку сабли и какие-то куски железа, уже настолько разрушенные, что трудно было определить, что это такое. Перед отъездом в Москву все было выброшено. И только потом, когда я читал о Петре Первом, я понял, что держал в руках исторические реликвии, и пожалел, что не привез их в Москву. А тогда, мальчиком я пытался представить себе, что же здесь произошло. И фантазировал, представлял себя участником этого сражения.

Товарищей в Ново-Санжарах у меня не было. Скучно. И родителям было скучно. Они тоже жалели, что приехали сюда на Полтавщину, так далеко от Москвы. Кто бы мог подумать, что в сентябре 1941 года именно здесь, на поле около Ново-Санжар, мне придется участвовать в одном из самых страшных для меня боев. Здесь мы дрались не на жизнь, а на смерть. Это не звонкая фраза. Такая была обстановка. Не убьешь ты, убьют тебя. После боя, ночью, когда Ново-Санжары уже были заняты немцами, я показывал своему батальону, как уйти с этих проклятых бугров. Вел своих товарищей дорогой, которую хорошо знал еще с детских лет. Мы прошли водой по Ворскле под мостом и миновали Ново-Санжары, где уже хозяйничали фашисты. Вот ведь судьба! Для меня приезд в Ново-Санжары в 1928 году оказался как бы маленькой репетицией перед драмой 1941 года.

Глава 5

В топографическом техникуме

По окончании средней школы отец спросил меня, куда я буду подавать документы для дальнейшего образования. Я ответил: «Хочу быть ближе к природе, больше всего хотел бы быть, как Арсеньев — первопроходцем, первооткрывателем. В вуз меня сейчас не примут и по возрасту и из-за отсутствия трудового стажа. Надо поступать в техникум или на спецкурсы, после окончания поработать по специальности, а там видно будет». Папа одобрил мое решение и посоветовал подать заявление на топографические спецкурсы: «по окончании будешь работать, как Арсеньев».

В день моего рождения отец подарил мне охотничье одноствольное ружье — «берданку», которые тогда по дешевке и без всяких особых разрешений продавались в магазинах. Думаю, что этим подарком он хотел поддержать мои мечты об экспедициях в неисследованных краях, придать им какую-то реальность.

Жили мы в Замоскворечье, на Малой Полянке, а рядом на Большой Якиманке был объявлен прием на спецкурсы по топографии. Туда я подал заявление и с трудом был зачислен. Время было такое: принимали только по анкетным данным, а я был сын служащего.

Летом 1931 года мы, студенты-топографы, были направлены на топографическую съемку 1 : 100 000 масштаба, туда, где впоследствии поднимали целину, в ковыльные степи на границе между Северным Казахстаном и Южным Уралом. К этому времени мы уже изучили теодолит, нивелир, мензулу, кипрегель, приемы работы с ними. К месту работы мы прибыли в начале июня, когда степь еще цвела. На наших глазах она преобразилась, покрылась ковылем. Ветер на огромных пространствах гонял по нему волны. Я думаю, что сейчас это можно увидеть только в степных заповедниках.

Мне не повезло. Уже в июле я заболел малярией, и в тяжелой форме, с ежедневными приступами. Каждый день в двенадцать часов начинало

всего ломать, болела голова, потом трясло, как от холода, я ложился на солнышко и натягивал на себя все, что только мог. Затем бросало в жар, пот струился по лицу и я лез под телегу в тень, в холодок. И так часа три – четыре. Около четырех я опять начинал работать, но делал это уже через силу – слабость была большая. Обратился к фельдшеру.

– Это у тебя малярия. Хину надо пить, но у меня ее нет. Да и вряд ли она сейчас поможет. Уезжать тебе надо, парень, отсюда. Перемена места – лучшее лекарство.

Но уезжать я не хотел. Считал для себя это позором. Так, с малярией и проработал полтора месяца. Смирился с ней, как с неизбежным злом. На рассвете начинал работать, с двенадцати до четырех – приступ. Затем опять работа дотемна. Из-за боязни, что меня отправят раньше времени в Москву, я ничего не говорил ребятам. Знали, конечно, начальник партии и Шура Федорова, с которой нас все больше связывала дружба. В глубине души я с нетерпением ждал, когда закончится работа и мы уедем в Москву. Последний приступ малярии был в поезде, а когда приехал в Москву, приступы прекратились. Но каждый год, как только пригревало весеннее солнышко, приступы возобновлялись. Окончательно я избавился от малярии только в 1942 году, в Сталинграде, когда во время «внеочередного» тяжелого приступа, вызванного пребыванием в подземелье, я, почти в бессознательном состоянии, проглотил все содержимое пакетика акрихина и запил его водкой.

Еще одно сильное впечатление от производственной практики – степной пожар. О степных пожарах нам много страшного рассказывали местные жители, причем как о деле обычном и неизбежном. Пришлось это пережить и нам.

Сначала на горизонте появился дым. Старик-подводчик забеспокоился.

– Ветер-то в нашу сторону. Уезжать надо.

Я послушался его. Собрали инструмент, вещи и поехали. Поехали так быстро, как будто бы огонь уже наступал нас. Подводчик лошадей не жалел. Доехали мы до речушки с широкой заболоченной долиной. С трудом перебрались на другой берег.

– Ну вот, бог даст, огонь к нам не перейдет.

А огонь уж рядом, идет стеной. Впереди летят пучки горящей травы, падают на землю и тут же сухой ковыль вспыхивает. Попадая на сырую траву, на мокрую землю, на воду, они шипели и гасли. Огонь к нам не перекинулся. Пожар повернул вдоль берега и пошел уже с меньшей силой. Ночью выли волки. Лошади жались к людям.

Когда в сентябре вернулись в Москву, то узнали, что в техникуме организуется группа комсомольцев-добровольцев для работы в Карелии

в октябре — декабре, в общем, до Нового года. Работа в Карелии будет зачтена как пятый семестр.

Я пошел к директору техникума.

— Скажите, пожалуйста, а могут не комсомольцы добровольно поехать в Карелию?

— Могут. А кого вы имеете в виду?

— Нашу учебную бригаду: себя, Шуру Федорову, Сергея Добровольского, Тасю Вознесенскую и Валью Алексееву.

— Ну, что же, хорошо. Мы включим вас в приказ по техникуму.

— А что за работа, нельзя узнать?

— На месте узнаете, но уверен, что вы с нею справитесь. Иначе не посылали бы.

Спецодежду мы получили в Москве. Еще только сентябрь, а нам выдают вместе с сапогами полушубки, ватные штаны, стеганые куртки, шапки-ушанки, теплые рукавицы.

Собралось нас всего человек тридцать. Доехали до Ленинграда. Целый день бродили по городу. Смотрели и удивлялись. Ведь это была для нас первая встреча с замечательным городом. А ленинградцы посматривали с удивлением на наши полушубки.

Вечером сели в поезд Ленинград — Мурманск. Но спали мы плохо. Несколько раз нас будили. Только заснешь:

— Граждане, проверка документов.

Проверки документов систематически проходили и в дневное время.

Места назначения у нас были разные. Большинство ехало в Медвежьегорск. Меньшая часть группы — еще севернее, на железнодорожную станцию Май-губа. Я и мои друзья оказались среди тех, кто направлялся в Май-губу.

Приехали в Май-губу утром и стали выгружаться. Недаром нам выдали теплую спецодежду. Тут уже зима. Снег лежит, холодно. Люди снуют вдоль поезда. Двое подходят к нам.

— Студенты-топографы?

— Да.

— Забирайте свои вещички и пойдете с нами.

Дошли до нужного дома. Зашли в большую комнату, даже, можно сказать, зал, где работали топографы. На нас с любопытством посматривают. Встречавший спрашивает:

— Вы знаете, куда и зачем вы приехали?

— Нет, не знаем.

— Вы приехали на строительство Беломорско-Балтийского канала. Канал соединит Белое море с Балтийским. Вы понимаете, как это важно. Работают на строительстве и заключенные. Поэтому режим у нас особый.

— И вы заключенные?

— И мы заключенные. А вы — вольнонаемные. Ваш начальник партии тоже. Но подчиняться вы должны общему режиму. Впрочем, не пугайтесь. Режим этот для вас нестрашный.

— А что мы должны будем делать?

— Работа и простая, и сложная. Трасса канала покрыта аэрофото-съемкой масштаба 1:16 000 — 1:17 000. На снимках надо будет с помощью мензулы отбить горизонталь, соответствующую границе зоны затопления, которая образуется в связи со строительством канала. На отметках выше этой горизонтали лес следует сохранить. На более низких отметках срочно вырубать, так как он там все равно будет затоплен. Ошибиться нельзя.

— А если ошибемся?

— Лучше не ошибаться.

О строительстве Беломорско-Балтийского канала много написано. Написано по-разному. Думаю, что дело не только в различном восприятии действительности. Сама жизнь на различных этапах и участках этого огромного строительства была различной. Одно дело, когда работает на трассе канала большая масса заключенных под надзором охранников, другое — когда небольшие группы заключенных не только выполняют несложные работы на отдаленных друг от друга участках, но даже живут вне лагеря: такова специфика их работы. В этом случае охранники сами были заключенными, осужденными по бытовым статьям. Больше того, среди начальников небольших лагерей тоже встречались заключенные. Так было, по крайней мере, у нас: комендантом небольшого лагеря, где мы жили первое время, был бывший военнослужащий, осужденный по 58-й статье. Было ясно, что заключенных хотят «перемешать», чтобы в каждом отряде оказались люди, осужденные по разным статьям. Делать какой-то анализ в этом отношении я не собираюсь, тем более, что тогда над этим мы не задумывались — и работы хватало, и было нам по 17 — 18 лет.

Отряд состоял из начальника (топографа), вольнонаемного, стрелка — заключенного, вооруженного винтовкой, отслужившего в Красной Армии и осужденного по бытовой статье, и десяти рабочих. Стрелок, который нес охрану в моем отряде, — молодой крестьянский парень, отслужил действительную службу в Красной Армии. Вернулся домой с самыми хорошими характеристиками. По этому поводу устроил гулянку. Самогону было выпито достаточно. И вот кто-то шепнул ему, что пока он служил, жена «гуляла» с соседом. Парень схватил топор и убил соседа. Когда протрезвел, то пришел в ужас. Поздно. Суд. Семь лет заключения.

Но настоящим вожаком в отряде, чье слово было законом для заключенных не только нашего отряда, но и соседних, был Виктор — профессиональный вор, который специализировался по ограблению меховых магазинов. Виктору было лет тридцать с небольшим. Несколько блестящих коронок во рту. «Платина восполняет потери», — говорил он небрежно. Небольшого роста. Очень сильный. Работал так, чтобы каждый месяц был засчитан за три. И остальных заставлял также работать. Не скрывал, что хочет как можно скорее выйти на свободу, чтобы «пришить свою шмару», которая «продала» их шайку милиции. В разговоре с нами Виктор редко применял блатной жаргон. Дал команду:

— У техников ничего не трогать, где бы они ни работали. Они вольнонаемные. Понятно? Ничего.

Чемоданы мы не запирали. Не было смысла. И никто до них не дотронулся.

Второй уголовник Вася — кубанский казак, старше и много крупнее Виктора. Был приговорен к расстрелу за участие в банде, убийство и изнасилование, но потом расстрел заменили десятью годами заключения (больше тогда не давали). Третий — цыган, вор на ярмарках. Шестеро политических. Четверо раскулаченных с Украины — молчаливых, обособленно державшихся людей, и два священнослужителя: молодой здоровенный дьякон и уже старенький, слабенький попик. Работали они всегда вместе. Были ли они действительно врагами советской власти, трудно сказать. По этому поводу у меня возникали большие сомнения. Раскулаченные работали плохо, хуже даже, чем «священнослужители». Вот такой пестрый был состав отряда.

Девушек оставили работать в Май-губе, а меня и Сергея Добровольского отправили на полевые работы на железнодорожный разъезд южнее Май-губы, где был небольшой лагерь. Там мы и остановились.

В районе наших работ протекала река Пизега, которая впадала в Линд-озеро. Местность исключительно болотистая. Температура достигала — 10 °С, но болота под снегом не замерзали, и мы часто брели по колено в воде, а потом, выбравшись на сухое место, выливали воду из сапог, отжимали портянки, разводили костер, чтобы обсушиться. Без этого мокрая одежда на морозе быстро превращалась в ледяной панцирь.

Самыми любимыми местами были небольшие горки, попадавшиеся среди болот, сложенные коренными породами.

Рабочий день наш был очень короткий. На севере в ноябре — декабре рано темнеет, поздно светает. В темноте шли к рабочему месту, на «точку». Туда, где из-за темноты была прервана работа накануне. В светлое время, а его было всего 4—5 часов, перерывов не было. Трудно было в густом лесу. Чтобы увидеть в кипрегель рейку, проложить «мензульный

ход», надо было все время валить деревья. Этим и занимались рабочие. Но и нам, техникам, тоже доставалось около инструмента на морозе, часто в обледеневшей одежде, потому что обсушиться у костра не было времени. Рабочие подменяли друг друга, а нас никто не мог подменить. Будешь сушиться, работа всего отряда станет.

Один день остался в памяти. Нам с Сергеем Добровольским надо было двумя отрядами переехать на другой, левый, берег Пизеги и в течение дня отработать там два небольших участка. Нужна была лодка. Мы послали рабочего в поселок, где жили карелы, попросить у них лодку. Он вернулся и сообщил, что в поселке здорово гуляют, но он договорился с одним из карелов, и тот разрешил взять лодку. Рабочий расколол припай льда на Линд-озере, спустил лодку на воду, доехал до устья Пизеги, поднялся до указанного ему места, где должна быть переправа, и привязал лодку на нашем берегу.

— Но, — закончил свой рассказ рабочий, — вода в Пизеге очень высокая, вышла из берегов, затопила деревья. Между ними не проедешь. Пришлось прямо в воду из лодки вылезать. А от лодки до лагеря не меньше двух километров. Я их еле пробежал.

Перед нами открывалась перспектива не очень приятная. Но ничего не поделаешь. Участки на левом берегу Пизеги должны были быть отработаны. На следующий день двумя отрядами мы пошли к лодке. К сожалению, все было так, как рассказал рабочий. Вода вышла из берегов, затопила лес. На воде образовалась тонкая корочка льда, которая не могла держать человека. Надо было прямо по воде, ломая лед, идти к лодке. Затем, переехав реку, снова прыгать в воду, чтобы выбраться на сушу.

Сделали мы несколько рейсов, перевезли на лодке всех людей, инструменты и рейки. Было еще темно, и мы могли обсушиться у костров. Мы с Сергеем договорились сделать все возможное, чтобы в течение дня закончить работу. Рабочие нас поддержали:

— Не сомневайтесь, граждане техники, будем работать изо всех сил, чтобы только завтра опять в этой ледяной воде не купаться.

Последний отсчет я сделал в сумерках. Еле разглядел рейку. Собрали инструмент и пошли к переправе. Подходим к месту, где оставили лодку. А там уже Сергей со своим отрядом. Сообщают нам печальную новость: лодку угнали. Пришлось несколько километров идти к берегу Линд-озера. Темно, болотистый берег. Болото под снегом не замерзло. Идем по морозу мокрые. На берегу озера нашли «горку». Развели огромный костер. Горели сухостоины, поваленные друг на друга. Ближе подойти к огню было нельзя. Стояли кольцом вокруг костра в чем мать родила несмотря на мороз. Все было мокрое, от сапог до рубашек и ватных курток. Единственно, что нас украшало, были шапки-ушанки. Стоишь грудью

к костру — спина мерзнет. Повернешься спиной — грудь мерзнет. Так и крутились все время, держа в руках сначала нижние рубахи, потом кальсоны, а затем другие вещи. К двенадцати ночи мы были сухие. Жить снова стало хорошо. Есть только здорово хотелось.

В это время на озере появились два огонька. Ближе к нам, ближе. И вот уже различимы два больших баркаса. Как мы предполагали, нас в лагере хватились. Начальник лагеря знал, что мы должны были взять лодку у карелов. Пошли к ним. Выяснилось, что им лодка самим понадобилась.

— Да ведь по ту сторону Пизеги люди остались. Четырнадцать человек.

— Люди не пропадут. На Линд-озеро выйдут.

Спустили два баркаса на воду и поехали в нашу сторону. Баркасы к берегу подойти не смогли. Мелко и припай льда мешает. Пришлось нам забрать инструменты, вещи и вброд — к баркасам. Приехали в лагерь и опять сушиться.

У начальника лагеря узнали, что по окончании работ нам надо переезжать на станцию Сегежа.

— Ваши девчата сегодня ночью, — сказал он, — туда поедут со своими отрядами. Так что вам веселее будет. Вместе будете работать. Когда у вас работа кончается?

— Уже кончилась, — ответили мы весело. — Поэтому мы имеем полное право подсесть в поезд к девушкам, а отряды наши пусть завтра приедут. Вы их отправите.

— Ну что же, хорошо, — согласился начальник.

Но уехать поездом не удалось. Обсушившись, мы только на минутку прилегли отдохнуть и... проспали поезд. Решили идти на станцию Сегежа пешком по шпалам. Не помню точно, сколько было километров до нее. Думаю, что около двадцати. Расстояние нас не смущало. Но идти было небезопасно. Вдоль железной дороги, единственного здесь пути, попадались люди разные, бывали и беглые. Ради документов и одежды убивали.

— Запретить не могу, а по-человечески не советую, — сказал нам начальник лагеря.

Но мы его не послушались и пошли прямо по шпалам, не таясь, громко между собой переговариваясь. К утру были на станции Сегежа. Первые, кого мы встретили, были стрелки из отрядов наших девушек. На вопрос, где они, стрелки смущенно указали на заброшенный лагерь.

— Почему там остановились?

— Да уж так получилось.

— А вы куда идете?

— В действующий лагерь. У нас малость недоразумение вышло.

Мы с Сергеем вмешались:

— Все отряды сейчас же перейдут в действующий лагерь. А недоразумение на месте выясним.

Вошли в пустующий барак. На нарах, в уголке сидят Шура, Тася и Валя и плачут.

— Что случилось?

— Нас обокрали. Чемоданы стащили. Когда мы проснулись, вещей нет, а кругом пьяные.

— Да как вы в этом заброшенном лагере очутились?

— Нам сказали, что здесь спокойней.

— Глупые вы, глупые. Хорошо еще, что только обокрали. Собирайтесь и сейчас же пойдём в лагерь.

По дороге мы расспрашивали стрелков.

— Кто взял вещи?

— Растратчики.

— Какие растратчики?

— Старший рабочий из отряда Федоровой, да его дружок из отряда Алексеевой.

— Почему так думаете?

— Они водку принесли и всех угощали.

— И вы пили?

— Немного. Да ведь мы не знаем, откуда взялась водка. Принесли, говорят: всех угощаем. Ну и мы выпили.

В разговор вмешались девушки.

— Врут они все, напились вместе со всеми. А потом испугались, что им отвечать, и давай из винтовок прямо в бараке вверх стрелять. Мы от выстрелов и проснулись. А вещей уже нет. Знали они, что наши вещи стащили и их пропивают. Все они заодно.

В лагере «растратчиков» посадили в карцер. Это была маленькая рубленая избушка с небольшим оконцем. Сидевшие в карцере выходили под охраной во двор и кололи дрова для лагерной кухни.

Из лагеря все пять отрядов переселились в лес, в заброшенные бараки лесорубов, которые находились километров в десяти от лагеря.

Новая территория, на которой нам пришлось работать, оказалась менее заболочена. Но деревья здесь были очень толстые. Рубить их было нелегко. Поэтому и работа продвигалась медленно.

Жило нас в бараке более пятидесяти человек. Привели его в порядок. Нары в два яруса. Мы заняли место наверху, недалеко от «буржуйки», которая топилась круглые сутки. Стены барака были со щелями, сильно дуло.

Жили без особых происшествий. С девушками было веселее, а им с нами спокойнее. Только очень долго тянулись вечера, которые начинались уже с пяти часов, когда мы возвращались с работы. Откуда-то появилась гитара. На ней играл Виктор. Он же и пел. Пел, конечно, исключительно блатные песни. Наслушались мы их вдоволь.

К Новому году вернулись в Москву. И, странное дело, несмотря на все трудности и переживания, вспоминали Карелию с удовольствием и, конечно, немного гордились перед своими товарищами, которые оставались в Москве. Работу нашу оценили высоко. И она действительно была очень нужна.

Шестой семестр прошел быстро. Приближалось время распределения. Заявок на оканчивающих было много, начиная от Тулы и кончая Хабаровском. Мы с Шурой Федоровой решили ехать в Хабаровск, а все наши друзья стали устраиваться по московским местам. После производственных практик мы с Шурой продолжали дружить. И это светлое чувство становилось все более крепким. Жили рядом на одной улице (на Малой Полянке) и часто заходили друг к другу домой. Наши родители к этому привыкли. Отец Шуры, Михаил Яковлевич, был рабочим на обувной фабрике «Парижская Коммуна», часто после ночной смены он отсыпался у себя в комнате, а мы с Шурой в соседней тихонько разговаривали о своих делах, делились планами, мечтали о будущем. В Хабаровск записались преимущественно более взрослые люди, с которыми мы были не очень близки, но это нас не смущало. Для себя мы твердо решили: Хабаровск.

Глава 6

На Дальнем Востоке

Оказалось, что отъезжающим на работу на Дальний Восток полагаются подъемные. Я принес домой больше тысячи рублей. Никогда не забуду, как отец сказал:

— Первый раз в жизни вижу столько денег сразу. За что же тебе их дали?

— Не знаю. Так подсчитали в бухгалтерии. Тут и стоимость билета и оплата провоза багажа и еще что-то.

Но почувствовал я себя перед отцом неловко. Никогда не думал о том, какие расходы у родителей, бюджет наш был весьма скромным.

— Ну, если ты такой богатый, — говорит отец, — я тебе билеты по брони Совнаркома на скорый поезд достану «Негорелое — Владивосток». Это лучший поезд у нас в стране. Недаром идет за номером первым. Я учился вместе с Горбуновым, а он теперь управляющий делами Совнаркома. Говорил мне: если что нужно будет — скажи. Ты знаешь, я не любитель просить. А для тебя бронь попрошу.

— Папа, но ведь мне и для Шуры надо. Мы вместе поедем.

— Да, конечно. Я это и имел в виду.

И вот нас провожают на Ярославском вокзале. Поезд «Негорелое — Владивосток» до Хабаровска шел десять суток. У нас купейный вагон. В купе помимо нас с Шурой еще двое: советский дипломат, переезжающий на работу из Берлина в Токио, и участник Гражданской войны, воевавший в Забайкалье и на Дальнем Востоке, который назначен в Хабаровск директором завода. Дипломат рассказывает о Германии, о набирающем силу фашизме (это ведь был июнь 1932 г.). Показывает томик Пушкина, изданный в Берлине на русском языке. Наверное, это было последнее довоенное издание Пушкина в Германии.

Другой наш спутник молчалив. Он оживился только за Байкалом. Вспоминает места походов и боев, ахает, когда видит вновь построенные заводы.

Поезд летит как сумасшедший (так нам тогда казалось), вагоны бросает из стороны в сторону. Остановки только в крупных городах. Пассажиры торопливо идут на вокзал за газетами, за сувенирами.

Из окна поезда разглядываем Сибирь. Большое впечатление оставил величественный Байкал. Проезжаем станции Сковородино, Магочи. Начало июня, а в этих местах еще холодно. Весна только начинается. Проводник говорит:

— Бог создал Крым и Сочи, а черт — Сковородино, Магочи.

Мы все едем и едем. И все больше осознаем, как далеко остались наши семьи. В дальнейшем мы регулярно ездили из Хабаровска в Москву в отпуск, и с каждым разом путь нам казался короче и короче. Хотя из Хабаровска мы не могли ехать скорым поездом (в свободной продаже билетов на него не было), а ездили ускоренным, который по расписанию шел до Москвы двенадцать суток. Впрочем, опоздания были большие. Один раз мы опоздали на трое суток.

Попадались интересные, хорошие соседи и ехать с ними было приятно, время проходило быстро. Но когда в купе оказывался пьяница, да еще скандальный — поездка становилась мучением.

Доехали до Хабаровска хорошо. Сдали вещи в камеру хранения и отправились разыскивать Дальневосточный геолого-гидрогеодезический трест.

Управляющим трестом был Ермаков, главным инженером — Михаил Николаевич Беккер. Оба встретили нас приветливо. Ведь мы были первые ласточки из Москвы. Вслед за нами подъехали и другие ребята.

Хабаровск нам понравился. Замечательная панорама открывалась из городского сада, расположенного на мысу, против впадения Уссури в Амур, чувствовалась мощь обеих рек. За ними горы, покрытые лесом — хребет Хикцир.

В городе тогда были много китайцев. Занимались они мелкой торговлей и разной подсобной работой. стакан семечек стоил «рюбль». «Рюбль» — это была самая распространенная цена на продававшиеся товары. Много китайцев работали носильщиками. Несмотря на жалкий изможденный вид они обладали большой физической силой. Мы с Шурой были поражены, увидев на улице китайца, несшего на спине шкаф, наверху которого была укреплена кадка с фикусом.

Еще в поезде договорились с Шурой, что в Хабаровске объявим себя мужем и женой. Иначе могут послать в разные экспедиции, а мужа и жену разлучать не будут. Так мы и сделали. Нас обоих зачислили в экспедицию, которая работала в низовьях Амура, в районе озера Кизи. Несколько дней нам давалось на сборы. На базе не было сапог. Их надо было самим купить на рынке. На толкучке я облюбовал себе пару, как

мне казалось, прекрасных иссиня-черных сапог с новыми подбитыми подметками. Поторговавшись, купил их и счел, что обувью на время экспедиции обеспечен.

База экспедиции находилась в селе Мариинское, недалеко от озера Кизи.

Доехали мы до Мариинского хорошо. Амур оставил на всю жизнь незабываемое впечатление. Величавая, мощная река. По правому берегу круто поднимаются вверх залесенные сопки Сихотэ-Алиня, а слева раскинулась широкая пойма с тысячьо озер и речушек. Деревни встречались по обоим берегам. В заливе, на левом берегу стояла небольшая деревня Пермское. Пароход сделал около нее остановку. На берег сошли немногочисленные пассажиры, выгружались кое-какие грузы. Слышим разговор:

— Здесь будет строиться Комсомольск.

Никакого впечатления это сообщение тогда не произвело.

На экспедиционной базе в Мариинском нас встречали: начальник экспедиции, его заместитель по административно-хозяйственной части и наш однокурсник по техникуму Шагинян. Сразу было решено, что Шура остается камеральничать на базе, а я во главе топографического отряда буду вести мензурную съемку масштаба 1:100 000. На этом масштабе мы как раз работали во время производственной практики, и поэтому казалось, что ничего сложного в этом нет. Но так только казалось. Во-первых, участок работы был труднодоступным. Надо было на двух лодках подняться против течения по Амуру, от Мариинского до озера Кизи, пересечь озеро, а ширина его превышала 20 километров, найти устье реки Яй (в переводе с нанайского — змея) и подняться на шестах больше пяти километров до просеки, по которой проходила телеграфно-телефонная линия, соединявшая бухту Де-Кастри на Татарском проливе с селом Софийское на Амуре. По просеке следовало еще пройти двадцать километров по направлению к Де-Кастри.

Весь этот путь мы и проделали с отрядом, который состоял из меня и шестерых рабочих. К сожалению, среди них не было ни одного местного жителя. Все это были люди, приехавшие на Дальний Восток за длинным рублем. Только двое работали раньше в экспедициях. Поэтому рассчитывать надо было только на себя. А у меня в восемнадцать лет знания и опыт были небольшими.

Но добрались мы до своего участка благополучно. Страшно было переправляться через озеро Кизи. Волна большая, захлестывает лодки. Берегов не видно. Ориентировка по компасу. Но мы могли убедиться, какими замечательными ходовыми качествами обладают нанайские лодки, с виду такие примитивные и ненадежные.

Я думал, что река Яй называется так потому, что она вьется как змея. Но оказалось, что она получила свое название от большого количества змей, живущих по ее берегам. То и дело можно было видеть змею, переплывающую реку, а на отмелях они грелись на солнце, свернувшись в клубок по нескольку штук. Зрелище было не очень приятное.

Мы достигли телеграфной линии. Втащили и замаскировали лодки. Взвалили рюкзаки и другой груз на плечи и двинулись по просеке на восток.

В первом же болоте я почувствовал, что у меня в сапогах вода. Вылез из болота, взглянул на ноги и не узнал своих новых сапог. Их иссиня-черная окраска исчезла, они стали старыми, серо-бурыми, искусно замаскированные заплатки отвалились и на левом сапоге зияли большие дыры. Новых подметок как не бывало. Вместо них старые тоненькие, тоже дырявые. А ведь мне предстояло проработать в этих сапогах в тайге три месяца.

Тайга на меня произвела тяжелое впечатление: непроходимый хвойный лес, бурелом, мхи. И тишина. Иногда тайга вдруг оживала. попадались участки, где прошли когда-то лесные пожары. Хвойные деревья здесь выгорели и их место заняли привольно разросшиеся березки. Высокая трава. Огромные крепкие подосиновые красные грибы, которые здесь никто никогда не собирал. Здесь и ягоды. А потом опять мрачный лес, где не слышно птиц, где в солнечный день стоит полумрак, лес, который хочется назвать безжизненным.

Недалеко от просеки, у речушки мы разбили свой лагерь. Расчистили место для костра, оборудовали места для умывания и мойки посуды. Повыше, метрах в десяти, поставили палатку. Рядом, на деревьях устроили настил для продуктов.

Наварили ведро полусупа-полукаши и с аппетитом всемером его уничтожили. Пошел морозящий дождь, из палатки не вылезешь. Тесно. Кусаются комары. Усталость взяла свое — заснули.

Посреди ночи меня будит рабочий:

— Евгений Михайлович, медведь пришел.

Вылезаю из мешка. Прислушиваюсь. Хорошо слышны шаги, сопенье. Загремело ведро, звякают миски. Мишка их обследует.

Беру свое двуствольное ружье. В патронташе нащупываю патроны с жаканами. Вставляю их. Взвожу курки и выглядываю из палатки. Ночь темная, хоть глаз выколи. Сначала решил, что буду стрелять только в том случае, если медведь пойдет к палатке. Стрелять в упор, а так — лучше не трогать. Потом передумал. Вынимаю патрон с жаканом, вставляю обычный патрон с дробью и стреляю в воздух. Сразу же слышим треск сучьев, шум убегающего медведя. Утром по следам установили, что он

был не маленький. Чтобы покончить с медвежьей темой, скажу, что их не так много попадалось на нашем пути.

Наш участок был не только труднодоступным и труднопроходимым, он еще и очень сложным для мензульной съемки. Триангуляционные пункты стояли на гольцах, на наиболее высоких сопках. Добраться до них было нелегко, так как между тайгой и гольцами обычно шла полоса стланика — стелющегося кедра, пробираться через который было мученье. Довольно часто приходилось прокладывать себе дорогу топором. И все же мы радовались таким оголенным сопкам, потому что обычно вершины не были покрыты таежным лесом. На других сопках, чтобы хоть что-нибудь увидеть, приходилось прорубать просеки, как в Карелии. Даже для того чтобы просто ориентироваться на местности, надо было лезть на дерево. Бывали дни, когда раз десять, а то и больше приходилось влезать на деревья высотой двадцать и более метров. Самыми коварными были лиственницы. Внешне они такие привлекательные — толстые, развесистые сучья. Лезь себе спокойно, как по лестнице. А на самом деле сучья у них очень хрупкие. Два раза чуть не разбился. Лезть на лиственницу надо осторожно, ногу ставить на сучок как можно ближе к стволу и стараться не очень передавать на нее тяжесть. Вот ель — другое дело. Ветви гнутся, а не подведут.

Заедали комары, мошка, от укусов опухали лица, заплывали глаза, потом мы научились повязывать головы так, что открытыми оставались только глаза, нос и рот. Научились и накомарник из марли натягивать так, чтобы можно было ночь проспать спокойно. И над ним балаган сделать из коры от дождя. Климат ведь муссонный — лето дождливое.

Ориентироваться в тайге было трудно. Случалось, попадали не туда, куда надо. В таких тяжелых условиях приходилось отступать от инструкций и по существу проводить полуинструментальную съемку. При этом точки стояния были редкими, через три — четыре километра.

К концу подходил второй месяц нашей работы в тайге. Наступал срок, когда красноармейцы должны были привезти нам продукты. Мы отправились к своей палатке с надеждой, что они уже там. Приходим, никого нет. Сварили последнее пшено с последней солью. Похлебали супчик и улеглись спать с полной уверенностью, что продукты привезут завтра. Утром попили один чаек. Ждем. Никого. Пошли набрали грибов. Пытались их жарить на палочках, как шашлык, но без соли есть нельзя. Переключились на ягоды. Подстрелили двух рябчиков, общипали, поджарили и съели без соли. Но на этом и патроны с дробью кончились.

Второй день ожидания. Живем на голубике. Утром на четвертый день я принял решение свертывать лагерь и идти навстречу продуктам. К обеду двинулись по просеке к реке Яй. И тут стало все ясно. Пока мы

работали, почти каждый день лили дожди. Маленькие ручейки, которые мы легко перепрыгивали, когда шли к месту работы, превратились в бурные реки, теперь их надо было переходить вброд по пояс или даже по грудь, а порой и сооружать плот, чтобы их преодолеть. В таких условиях подвезти нам продукты на лошадях было невозможно.

Надо сказать, что купленные на рынке сапоги дорого мне обошлись. Два месяца я почти ежедневно ходил с мокрыми ногами. На левой стопе образовались незаживающие язвы и начали меня тревожить всерьез. Дошли до реки. Она превратилась в мощный поток, по которому плыли коряги, сучья. Кусты, где были спрятаны наши лодки, затоплены и оказались чуть ли не посередине этого потока, до них не доберешься. А значит и лодки, если они сохранились, достать нельзя. Оставалось только одно — развести костер и ждать. Должны же о нас вспомнить. Под вечер услышали голоса. Потом всплески от весел. Появилась лодка, которая с трудом пробивалась между кустами вверх по течению.

— Эй, на лодке! Подъезжайте сюда!

В ответ — отборный мат. Это было так неожиданно, что мы сначала оторопели, а потом возмутились. Я схватил ружье, заложил жаканы и, не целясь, выстрелил в сторону лодки. Хорошо, что никого не задело. Но свист жаканов оказался, по-видимому, настолько внушительным, что на лодке закричали:

— Что вы делаете? Убьете — отвечать будете.

— Подъезжай сюда.

Подъехали. В лодке трое.

— Вы кто такие? Почему не хотели подъезжать, когда люди просят?

— Так ведь не знаем, что вы за люди. А у нас задание срочное, нам надо продукты доставить в отряд нашей экспедиции. К Сергееву.

Продуктов было не так много. В записке от начальника экспедиции говорилось, что доставка продуктов вьюками невозможна и работы временно прекращаются. На следующий день мы тремя лодками пересекли озеро Кизи и прибыли в Мариинское.

Военный врач осмотрел мои ноги, назначил лечение и сообщил начальнику экспедиции, что в таком состоянии в тайгу меня больше посылать нельзя. Пришлось задержаться в Мариинском. Но нет худа без добра. Если бы я не задержался на базе, я не встретился бы с одним из отрядов экспедиции по выбору трассы БАМа. Этот отряд рассматривал вариант трассы, выходившей к озеру Кизи, от которого Татарский пролив отделялся перешейком всего в семь километров, а само озеро имело длину более ста километров и соединялось с Амуром. К сожалению, в памяти у меня не сохранились фамилии участников отряда.

Наступил 1933 год. Мы съездили в отпуск в Москву, вернулись в Хабаровск и стали готовиться к новой экспедиции.

В 1933 году штаб ОКДВА (Особая Краснознаменная Дальневосточная армия) поставил перед нашим трестом задачу выполнить топографическую съемку по границе с Китаем. К тому времени японцы захватили Манчжурию и создали марионеточное государство Манчжоу-Го во главе с императором Пу-И. Обстановка на границе изменилась. На противоположном берегу Амура в открытую строились казармы для размещения японских солдат. Естественно, что возникла необходимость строительства оборонительных сооружений на нашей стороне. А для этого нужны были топографические карты разных масштабов. Их не было. Задачей нашей экспедиции и было восполнить этот пробел.

Первоочередным районом съемки была территория между реками Бирой и Биджаном, находящаяся против устья Сунгари — большого притока Амура, на котором стоит Харбин.

Незадолго до этого была создана Биробиджанская Еврейская автономная область. Административным центром ее был объявлен поселок Тихоньяка, который переименовали в город Биробиджан. Идея создания Еврейской автономной области заключалась в том, чтобы удовлетворить желание некоторых евреев иметь свою автономную территорию. По этому поводу много писали в печати. Евреи стали переселяться в Биробиджан. Но в большинстве своем это были городские жители — парикмахеры, продавцы, бухгалтеры и др. Сельским хозяйством, охотой, рыболовством продолжали заниматься коренные жители этого края — амурские казаки. Их быт до революции, события гражданской войны хорошо описаны в романе Седых «Даурия».

Среди амурского казачества также произошло резкое расслоение, как и среди донского. Часть казаков поддержала советскую власть, другая — сражалась на стороне белогвардейцев и вместе с ними ушла за границу, в Китай. Многие жили недалеко от границы, на другом берегу Амура, каким-то образом поддерживали друг с другом связь. В 1933 году, когда в этом районе проходила паспортизация, часть казаков, выступавших в свое время против советской власти или поддерживавших связи с родственниками, находящимися за границей, паспорта не получили. Это означало депортацию их за сто километров от границы. Для пребывания в приграничной полосе границы требовался специальный пропуск. Присутствие в полосе 500 метров от границы без разрешения рассматривалось уже как нарушение границы.

Мы с Шурой были зачислены топографами в партию Маманцева. В глазах девятнадцатилетних пожилые люди кажутся старыми. Но думаю, что Маманцев действительно был старик. Походка у него была старче-

ская, шаркающая. До революции он занимал крупный пост в русской армии — был начальником топографической службы в Манчжурии и имел чин генерал-лейтенанта. О себе Маманцев не любил говорить, но много рассказывал интересного о военных топографах, работавших на Дальнем Востоке. За день до нашего отъезда, когда мы получали документы для работы в погранзоне и в том числе в 500-метровой полосе, Маманцева в списках не оказалось. Разрешение на работу ему выдано не было: он остался в Хабаровске. Исполнение обязанностей начальника партии временно возложили на меня.

На этот раз мы ехали пароходом от Хабаровска вверх по течению до базы нашей экспедиции, которая находилась в селе Ленинское. В составе экспедиции было пять — шесть партий. Наша партия должна была заснять несколько планшетов стотысячного масштаба. База находилась в селе Биджан, на берегу реки. Аккуратные домики утопали в садах. В больших огородах росли подсолнухи, кукуруза, картофель, тыква и другие овощи. Земля была хорошая, и все росло буйно. В огородах шныряли фазаны, и крик их по утрам «ке-ке-ке» раздавался чуть ли не под окнами.

Ближе к Амуру Биджан образует широкую пойму, прорезанную протоками. В них среди многочисленных островов нелегко было разобраться. Южной границей нашей территории был берег Амура, северная доходила до хребта Даурский и терялась в залесенных сопках. Большая часть нашей территории составляла обширную долину Амура, в значительной степени занятую уже в то время колхозными полями. В общем район для топографической съемки был отличный. Хорошо выраженный рельеф, малая залесенность, много дорог, возможность использовать лодки при съемке на пойме, большие населенные пункты. О такой местности топограф может только мечтать.

В партию входило несколько топографических отрядов, которые возглавляли лица, окончившие топографические техникумы, но были и студенты, присланные на производственную практику. Из нашего Московского топографического техникума выпуска 1932 года помимо меня и Шуры были из нашей группы Дуня Тараканова и из параллельной — Шалва Шаутидзе. Дуня приехала в Хабаровск весной 1933 года под впечатлением наших рассказов.

Мы выгрузились с парохода в Ленинском. Наняли подводы, погрузили на них инструменты, вещи и уселись сами. Пятьдесят километров пройти пешком тяжеловато.

Хозяин подводы, на которой ехала Тараканова, потребовал, чтобы она слезла с подводы и шла пешком. Она отказалась. Вспыхнула ссора, во время которой подводчик стал угрожать Дуне. Та отвечала ему очень

резко. Пришлось мне вмешаться и обещать хозяину подводы заплатить дополнительно за проезд пассажирки. На этом как будто все и успокоилось.

В Биджане несколько дней мы устраивались по квартирам, нанимали рабочих, проверяли инструменты. Потом приступили к рекогносцировке участков, к установке вех. Мне как исполняющему обязанности начальника партии пришлось побывать во всех отрядах. Приехал я и к Дуне. Ее планшет захватывал пойму Амура и Биджана и состоял из сплошных островов. Стояла чудесная летняя погода. Кругом все зелено. Много цветов. Ничего похожего на мрачную тайгу района озера Кизи.

— Как я рада, что к вам приехала. Вот благодать-то, — говорила Дуня.

Я убедился, что она хорошо ориентируется на своем участке. Мы распрощались. Меня подбросили на лодке до места, где находилась моя лошадь, и я верхом уехал в Биджан. Кстати говоря, вот когда пригодились навыки верховой езды, полученные в детстве. Был случай, когда пришлось в день верхом сделать около ста километров. Чуть лошадь не загнал, а сам чувствовал себя прекрасно.

Часа через три после того, как я вернулся в Биджан, к дому, где мы с Шурой жили, подкатила пароконная подвода. Еще из окна увидели, что лошади мокрые, а с подводы спрыгивает и бежит в дом один из рабочих отряда Таракановой.

— Нашего начальника убили!

— Когда?

— Да как только вы уехали.

— Кто?

— Не знаю.

— А где она сейчас?

— В деревню отвезли.

— Садись на подводу. Гони в деревню.

В деревне мне представилась ужасная картина. Девушка, которую я несколько часов назад видел живой, веселой, лежала в крови с простреленной головой. Пуля вошла в затылок и вышла в висок.

Не буду останавливаться на том, как шло следствие. Было установлено, что после того как мы простились, Дуня подъехала к другому острову. Вышла на берег. Увидела «релку» (так местные жители называли возвышенности в пойме) и послала на нее двух рабочих поставить очередную вежу. Третий рабочий остался в лодке и стал удить рыбу. Дуня сняла кофточку, села на бережок и свесила ноги с обрыва. Ее светлые белые волосы были ничем не покрыты. Примерно в то же время, с другой стороны острова причалил баркас, на котором ехали рабочие за дровами. Несмотря на то что это было начало лета и охота не была разрешена, один из

рабочих выскочил из баркаса с ружьем посмотреть нет ли косуль. По его словам он увидел двух косуль и стал их скрадывать. Когда расстояние по его расчету стало небольшим, он пополз. Приподнялся из травы — косуль не видно. Среди зелени увидел желтое пятно. Оно шевельнулось, это решило дело. Раздался выстрел. Рабочий в лодке оглянулся. Ноги Таракановой по-прежнему свисали с обрывчика, но сама она прилегла.

И вдруг раздается голос:

— Господи, я человека убил.

Рабочий в лодке вскакивает и видит своего родного дядю с ружьем.

— Слышь, паря, ты молчи, никому не говори, что это я ее убил, — сказал и побежал к баркасу.

Но паря рассудил иначе: дядя дядей, а ведь если не скажешь, тебя самого могут заподозрить. И он во весь дух бросился бежать навстречу двум другим рабочим, уже установившим веху и спокойно идущим к лодке.

— Тараканову убили.

— Кто?

— Да звон человек бежит. Догоняйте его, а я ее покараулю.

Убийцей Дуни Таракановой оказался тот подводчик, с которым она поругалась по дороге в Биджан. Конечно, убийство это было непреднамеренное. К такому выводу пришел суд и приговорил убийцу к восьми годам заключения.

Ну, а Дуню мы похоронили далеко от ее родной Москвы. Похоронили с чувством какой-то вины перед ней. Ведь это мы сагитировали ее поехать на Дальний Восток. Тяжелым ударом была ее смерть для нас, девятнадцатилетних.

Работа началась неудачно, трагически неудачно. Но работать было надо. К тому же приехал военпред, в обязанности которого входили контроль за качеством нашей работы и ее приемка. Он был военным топографом по образованию и носил две или три «шпалы», т.е. был для нас большим начальником. Худощавый, неутомимой энергии, он не только следил за качеством нашей работы, но и вмешивался во все организационные дела, но, правда, лишь те, которые, по его мнению, могли сказаться на качестве съемки. Так, он мне заявил:

— Мне нравится, как начинает работать ваша партия. Да, да, ваша. Нечего вам оглядываться и ждать, когда «настоящий» начальник партии приедет. У вас уже дело пошло, и я дал телеграмму Ермакову (наш управляющий трестом): нового начальника партии присылать не надо, а надо вас утвердить в этой должности. Так что рассматривайте себя как человека, который будет сдавать мне работу. Думайте, что надо сделать, чтобы поставить на пустующие планшеты топографов.

На мои просьбы прислать еще двух человек ответ был категоричный: «Людей нет и не будет; обходитесь своими силами». Помог случай. Два топографа перешли в мою партию из соседней и приступили к работе.

Неожиданно возникла новая трудность. В Биджан приехал секретарь обкома, кажется, его фамилия была Геллер. За мной из правления колхоза прибежал посыльный.

— Слышь, паря, тебя самый главный начальник требует. Шибко сердит. Айда скорее к нему.

Для солидности я надел пистолет, полевую сумку, почистил сапоги и отправился с посыльным. Встретил меня Геллер сурово.

— Ты что же, решил вредительством заниматься? Хлеб колхозный вытаптывать? Десять лет захотел получить? Видите ли, они снимают! Девочек на селе снимайте и карточки им дарите. А если хоть один человек по хлебу пройдет, не он, а ты под суд пойдешь. Все. Можешь идти.

— А ты, — обратился он к военному в форме войск ОПТУ, — проследи и мне доложишь.

— Но тогда мы не сможем выполнить задание штаба ОКДВА.

— Я сказал. Повторять не буду. Иди.

При всей моей неопытности я понял, что дело это серьезное. Верхом объездил все отряды, рассказал о полученном нагоняе и каждому отряду велел проводить работы там, где нет посевов. После этого поехал к военпреду с вопросом: что делать?

— Что делать? Съемку делать.

— Но ведь есть указание секретаря обкома.

— Ему разъяснят, что к чему. Зря, конечно, топтать хлеб не надо. Главное, помни — качество топографических карт. Они могут нам, ой, как понадобиться.

— А если посадят?

— Не посадят. За это я отвечаю.

— Хорошо, я вам верю. Но про себя подумал: вот между двух огней попал.

— Да, кстати, — обратился военпред. — Вы хорошо проверили, как заснята пойма Амура? Очень сложный участок. Вам надо самому пройти вдоль всего берега в пределах своей партии. Советую попросить проводника в колхозе. Пойма Амура, что тайга — заблудиться можно.

Колхоз выделил мне уже пожилого казака, который согласился быть проводником.

— Вы винчестер с собой прихватите. А у меня собака хорошая.

— Зачем? Ведь охоты нет.

— Это у вас в Москве нет, а у нас завсегда охота. Да и на границе он может сгодиться.

Винчестер я взял. Целый день мы пробирались по протокам, пока не вышли в нужное место на берегу Амура. Пойма казалась безлюдной. Ни одного человека не встретили. Оставили лодку и пошли пешком вверх по течению.

Странное было чувство. Идешь, смотришь на другой берег и знаешь, что там уже другое государство. В одном месте к самой воде подходил массив тальника. Собака забежала туда. Залаяла. Раздалось хлопанье крыльев. И затем характерное для фазана, но какое-то сердитое, резкое «кэ-кэ-кэ».

Проводник зашептал.

— Фазан на дерево сел. Да ведь такое не часто бывает. Пойди в тальник, срежь его из винчестера.

И я пошел. Забыл, что я на границе, в 500-метровой полосе, что стрелять здесь категорически запрещается. Забыл обо всем кроме того, что где-то рядом на дереве сидит фазан. Я увидел его. Он сидел на толстой ветке ивняка и, свесив голову вниз, отвечал на лай собаки своим «кэ-кэ-кэ». Выстрел был удачный, и красавец манчжурский фазан свалился на землю не разбитый, не потерявший своей красоты.

Заночевали мы на берегу Амура, на прирусловом валу. Я думал, что на выстрел придут пограничники. Но никого нет. Разожгли костер. Подумал: теперь уже обязательно придут. Никого. Проводник ловко выпотрошил фазана, зажарил, его над костром на пруте, как на вертеле. Получилось очень вкусно. После ужина улеглись спать. Я достал из рюкзака легкий спальный мешок, а мой проводник прилег поближе к костру на дерюжке и прикрылся пиджаком.

— Ничего, мы привычные.

Утром встали вместе с солнышком. Опять целый день шли. Вечером были дома, в Биджане. А на следующее утро я узнал, что мой проводник арестован. При обыске у него нашли наган и фонарь со свечой.

Ко мне на базу зашел начальник заставы, молодой командир с тремя кубиками. Доверительно рассказал:

— Давно мы за ним следили. Были у нас сведения, что он хочет к белякам в Китай уйти. А вчера ночью засекали, что кто-то световой морзянкой просит с той стороны лодку. Но ответа не было. А потом узнали, что он у тебя в проводниках.

— Не я его себе подбирал. Первый раз его вижу. Колхоз мне его выделил.

— Знаю. Приехал новый председатель, никого не знает. Но ты счастливый. Если бы лодка подошла, он тебя скорее всего отправил бы на тот свет. Ты не говорил, что еще раз с ним пойдешь?

— Говорил, что он будет работать здесь с отрядом.

— А, тогда все понятно. Он тебя поэтому трогать и не стал. Надеялся в следующий раз вызвать лодку. А фазана мы тебе простили, — засмеялся начальник погранзаставы, — ты нам здорово помог своим выстрелом. Вот тебе премия за это, а то ведь у вас каждый патрон на учете. — И он дал мне пять винтовочных патронов.

Работа во всех отрядах протекала нормально. Один только отряд сильно отставал — Шалвы Шаутидзе. Он сам себе выбрал самый дальний северный планшет, почти весь состоявший из залесенных сопок. И не столько работал там, сколько охотился. Надо сказать, что Шалва в лесу, в горах ориентировался замечательно. Он всегда приходил на намеченную точку, и бывало, что по дороге ему удавалось подстрелить рябчика или еще что-нибудь на ужин. Но вот о его рабочих этого сказать было нельзя. Они обычно путались. В результате много времени тратилось непродуктивно.

Шалва был значительно старше меня, и поэтому я стеснялся ему делать замечания. Наконец, все же сказал, что прошу его больше так не делать.

На что Шалва отвечал:

— Понимаешь, друг, у себя в Грузии пять медведей убил. На Дальнем Востоке ни одного. Как вернусь домой?

Эти пять медведей стали притчей во языцех. О них знали не только все сотрудники нашей партии, но и все жители села. Кто верил, а кто нет.

Уже осенью от Шаутидзе пришел рабочий (а идти надо было двадцать километров).

— Шалва просит двух лошадей с вьючными седлами прислать.

— Зачем?

— А он трех медведей убил.

— Врешь!

— Нет, правда.

— Тогда поедем вместе.

Приехали к Шаутидзе. Оказалось, что действительно рабочий был неточен. Шалва убил медведицу и двух уже подросших медвежат.

Начальника соседней партии, которая вела съемку масштаба 1:25 000, призвали в армию. Полевые работы партия уже закончила, и оставались лишь небольшие недоделки. Приказом по экспедиции эта партия тоже была подчинена мне. Работы прибавилось. Встретили шестнадцатую годовщину Октября. Выпал снег. Начал устанавливаться лед на Амуре, а у военпреда возникал то один вопрос, то другой. Наконец, он объявил мне, что все хорошо, но что он просит проверить еще один участок поймы Амура. Опять пойма!

— Поезжайте сами, — сказал он мне, — и сделайте эту работу. За день можно обернуться, если пораньше выехать. На Амуре лед крепкий. Выходите прямо поближе к середине. Определите по методу Патенота свою точку стояния. А от нее мензурный ход по пойме вот до этой вехи.

С двумя рабочими на санях с инструментом мы приехали в намеченное место. Бросили лошади сено и втроем пошли по льду к середине реки. Идем, а я посматриваю — как бы не перейти эту середину. Ведь это граница! Наконец, определил свою точку стояния и стал работать. Пошел маленький снежок. Над инструментом раскинули большой зонт. Все это привлекло внимание китайских жителей, и они буквально усеяли берег, наблюдая за нашими действиями. В кипрегель хорошо была видна своеобразная одежда, шубы с длинными рукавами и большие меховые шапки. Во дворах стояли скирды необмолоченной чумизы и стаи фазанов летали от одной скирды к другой. Все это было так интересно, что рабочие то и дело просили меня дать посмотреть. Особенно удивляли летающие по дворам стаи фазанов. Обрато мы ехали на санях по своему же следу.

Через несколько дней военпред подписал акт о приемке всей работы двух партий на сумму более двух миллионов рублей. По тогдашним ценам это был огромный объем работы.

В Хабаровск мы возвращались через станцию Тихонькая. До нее доехали на грузовой автомашине, а дальше поездом. За работу в Биробиджане мне приказом по тресту была присвоена квалификация старшего топографа. Более высокой квалификации у топографов тогда не существовало.

В момент нашего возвращения в Хабаровск там проходила краевая партийная конференция. Мы узнали, что для делегатов конференции установлена прямая радиосвязь Хабаровск — Москва. В то время это казалось чудом. Я и еще двое моих товарищей решили во что бы то ни стало поговорить с Москвой.

Втроем мы отправились к уполномоченному Наркомсвязи по Дальнему Востоку и Сибири. Он принял нас. Мы рассказали ему, что только что приехали из экспедиции, давно не имеем сведений от родных, они тоже ничего не знают о нас, и мы просим его разрешения переговорить по радио вместе с делегатами краевой партийной конференции. Такое разрешение было дано. В радиостудию надо было явиться к трем часам ночи. В это время в Москве как раз был вечер, когда все дома.

В те годы будильник мне не требовался. Достаточно было приказать себе: проснуться в час тридцать ночи — и с точностью до пяти минут просыпался. В два часа ночи я вышел из дома. Улицы Хабаровска освеще-

щались плохо. Кругом никого. Мороз. По дороге надо было пересечь речку Чердымовку, сплошь застроенную китайскими хибарами. Над мостом горит фонарь и освещает две фигуры в длинных шубах и малахях, которые стоят так, что пройти надо между ними. Страшновато. Но обошлось.

Пришел в радиостудию. Светло, много людей. Как будто и не ночное время. Дошла и до меня очередь. Сажусь рядом с оператором, надеваю наушники. Зажигается надпись: «Говорите». Называю номер домашнего телефона. В Москве его повторяют. В наушниках раздаются длинные гудки и затем голос отца:

— Слушаю.

— Папа, это я, Женя. Я говорю из Хабаровска по радиосвязи. Здравствуй.

— Здравствуй. Ты почему так долго не писал?

— Был в экспедиции. Теперь вот мы с Шурой и другими ребятами вернулись в Хабаровск. У меня и у Шуры все хорошо.

— Мама с тобой хочет поговорить.

— Хорошо. Будь здоров.

Раздается мамин голос:

— Женя, Женя.

— Мама, здравствуй. Я слышу тебя.

— Женя, Женя, что же ты молчишь?

— Мама, я слышу тебя.

— Ну вот я и не успела поговорить.

— Мама, я слышу тебя.

Оператор говорит: «Все, связь прервалась. Слышимость стала одно-сторонней».

Я расстроен. А в очереди еще больше нервничают:

— Вы хоть немного да поговорили, а удастся ли нам — неизвестно.

После года работы нас снова потянуло в Москву. В этот раз мы с Шурой ехали в отпуск с твердым решением оформить там свой брак. Об этом мы и сказали своим родителям. 16 марта мы «расписались» в ЗАГСе Ленинского района г. Москвы. Мы «успели» в 1984 году отметить свою «золотую свадьбу» в ресторане «Прага». Тогда это было для нашего бюджета еще возможно. А тогда, в 1934 году, после ЗАГСа был просто чай с нашими родителями. Собрались самые близкие родственники. Посидели за столом, выпили и закусили.

Отпуск пролетел быстро, надо было возвращаться на работу. В Хабаровске как старых знакомых нас встретил Михаил Николаевич Беккер. Попыхивая трубкой, сказал:

— В этом году будем делать стотысячную съемку в районе Комсомольска и ниже по Амуру. Базу экспедиции создавать не будем. Все вы начальники партий, все будете прямо подчиняться тресту. Времени на полевой сезон остается мало. Надо укомплектоваться рабочими, получить оборудование и выезжать к месту работы.

— А как с техническим персоналом? Сколько будет топографов в каждой партии?

— Не будет технического персонала. Но ведь и каждая партия будет снимать по одному листу. Вот начальник партии его сам и заснимет. Исключение для Сергеевых. Их разлучать не будем. Но лист дадим ответственный, с Комсомольском.

И вот летом 1934 года нам предстояло работать в районе Комсомольска. В это время город усиленно строился. Вырубали тайгу. Вручную копали канавы, чтобы осушить территорию. Делали землянки. Строили бараки под общежитие. Ставили домики для инженерно-технического персонала.

Комсомольск был задуман как большой город, как один из промышленных центров Дальнего Востока. Для осуществления этих планов срочно нужны были топографические карты. Потому нас и торопили с выездом.

База нашей партии должна была находиться в деревне Верхне-Тамбовское, расположенной на правом берегу Амура, примерно в десяти километрах ниже Комсомольска. Выбрали мы себе под базу большой светлый дом. Это оказался дом бригадира осетровой бригады. Из окна виден противоположный берег. Там располагалась небольшая деревня и домики казались игрушечными. Эта деревня была как бы моим вторым опорным пунктом. Колхоз выделил мне трех молодых парней, сильных, ловких, в общем хороших парней. Выделил, и это было очень важно, две лошади под вьюки. И, наконец, туда можно было сразу же забросить продукты, муку и не ездить за хлебом в Верхне-Тамбовское.

Все бы хорошо, но за поймой тянулись низкие сопки, сплошь покрытые тайгой. Видимость — хуже не бывает. Нужен проводник. И я обратился с просьбой в нанайский колхоз, находившийся в деревне Бельго. Члены правления, старики-нанайцы (гольды) выслушали мою просьбу, помолчали, покурили в раздумье трубки. И один, наконец, сказал:

— Однако, Егор Самар.

Снова помолчали. Перебросились между собой на родном языке и вынесли постановление:

— Будет проводник — Егор Самар.

— А когда будет?

— На рыбалке он. Поезжай в Верхне-Тамбовское. Завтра в обед он придет.

Кто из нас не зачитывался книгами Арсеньева, где так отлично описан Дерсу Узала. И он, и Арсеньев были моими любимыми героями. И вот завтра я встречу с Егором Самаром, которого можно назвать двойником Дерсу Узалы, хотя они внешне совсем, наверное, не похожи.

Поджидая, когда придет Егор Самар, я сидел на берегу Амура и любовался его величавой красотой. Из-за поворота показалась нанайская лодка, которая шла против течения. Лодку тащили две собаки, запряженные в лямки. Впереди совсем белая лайка с закрученным бубликом хвостом и стоящими ушками, вторая — черная.

На корме лодки невозмутимо спокойно сидел человек с трубкой во рту и направлял ход лодки веслом. «Ну, тут-то тебе придется выйти или самому начать грести», — подумал я, видя, как собаки приближаются к участку берега, где сплошь стояли лодки. Белая собака легко перепрыгнула первую лодку, за ней черная, и они побежали дальше. Так были преодолены несколько лодок, пока на одной из них веревка не задела торчащую уключину, образовав петлю. Собаки остановились. Человек в лодке что-то закричал. Собаки дернули. Человек опять закричал сердито. Тогда отпрыгнув назад, белая собака обежала вокруг лодки и тем самым сняла веревку с уключины, черная точно следовала вслед за ней. Пробежали еще метров двадцать, поровнялись со мной. Еще окрик. Они остановились. Лодка уткнулась носом в отмель. Из нее легко выпрыгнул пожилой человек.

— Здравствуй. Егор Самар. Вместе работать будем. Твой проводник.

Вот так ко мне пришел Егор Самар, мой Дерсу Узала. На Егоре была вельветовая шляпа, из-под нее выглядывал черный платок, которым была повязана голова, легкая курточка и брюки, заправленные в ичиги.

— Когда, начальник, в тайгу пойдём?

— Я тебя ждал. Зови меня Евгений Михайлович.

— Нет, начальник — проще. Ты меня — Егор, я тебя — начальник. Сегодня все сам посмотрю. Завтра пойдём. Скажи, куда пойдём, что будем делать?

Слушал, кивал и в заключение сказал:

— Это хорошо. Карта будет, проводника уже не надо. С проводником как маленький ходит. Нет проводника — сам себе хозяин. Хорошо, далеко ходить не будем. Далеко давно не ходил, забыл маленько. Вокруг Бельго сто километров все хорошо знаю.

Во время разговора я заметил, что у Егора на левом глазу бельмо.

— Егор, а что у тебя с глазом?

— А, давно было. Совсем молодой был. Весной по глубокому снегу на лыжах сохатого гнал. С сопки спускался, шибко ехал, сучком глаз проткнул. Ты не бойся, начальник, и с одним глазом по тайге пойдем. Все в порядке будет.

— Собак обеих возьмем?

— Нет, одного Бельчика. Черного отпустим сейчас, домой побежит.

— Как ты назвал собаку?

— Бельчик.

— Ах. Бельчик. Он действительно весь белый.

— Ага, Бельчик. В тайге хорошо видно. С одним глазом надо такую собаку иметь, чтобы хорошо видеть.

На следующий день наш отряд собрался уезжать из Верхне-Тамбовского на месяц. Перед отъездом Шура сказала мне, что у нас будет ребенок.

Территория, которую предстояло покрыть мензуральной съемкой масштаба 1:100 000, оказалась еще сложнее, чем это представлялось. Поднимаешься на сопку — она вся покрыта лесом. Стоят высокие, толстые, ветвистые деревья. Ничего не видно. Залезешь на дерево — море леса. Пробовали пилить, рубить деревья, чтобы хоть отдельные просеки были, чтобы хоть какая-нибудь видимость была. На это уходило много времени, много труда, много губили леса, а эффект — минимальный. Вот тут мне пришла в голову мысль — поднимать мензулу на деревья, вернее на помосты, которые сооружались на деревьях. Делали мы это так. Выбирали три рядом стоящих больших дерева, обрубали сучья. Наверху (на высоте около 10 — 15 метров) выбирали на каждом дереве по крепкому суку, примерно на одинаковой высоте. На веревках поднимали два бревна, укладывали их на выбранные сучья и прибивали гвоздями. Потом поднимали на веревках самодельные доски, клали их на бревна и тоже прибивали гвоздями. Получался треугольник, на который устанавливалась мензула. Затем на помост поднимался я, обвязывал себя вокруг пояса толстой веревкой, привязывался к одному из деревьев и начинал работать. Все это наше сооружение было делом очень рискованным. Деревья, лишённые сучьев, легко качались от ветра и от любого моего движения. Долго приходилось ждать, пока все успокоится и можно будет приступить к замерам.

Первое время было страшно, а потом чувство страха прошло, но зато как быстро стала продвигаться работа. На каждой точке вырубали всего два — три мешавших дерева. А какой кругозор открывался с 15-метровой высоты! Конечно, точность съемки была невелика. Но что было делать? Дать недостаточно точную карту на всю территорию или заснять по всем существующим требованиям маленькую приближенную к Амуру

полоску, где была хорошая видимость? Я считал, что лучше первое, так как пусть не точное, но будет общее представление о всей территории. А со временем, когда она будет осваиваться, будут выполнены более крупномасштабные исследования, которые дадут материалы необходимой точности. Уверен, что именно так все и было.

Ко мне приехал военпред познакомиться с ходом работы. Это был уже другой, новый для меня человек. Небольшого роста, в хорошо пригнанной военной форме, с бородкой лопаточкой.

— Здравствуйте. Как идут дела? Пожалуйста, покажите ваш планшет и исходные данные, журналы.

Все это я разложил перед военпредом. Он внимательно начал просматривать материалы и сразу же обратил внимание на высоту инструмента.

— У вас тут ошибка в высоте инструмента. Вместо 1,48 м написано 14,8. Как же вы не заметили, что инструмент приобрел высоту в 14,8 метра. Хотел бы я посмотреть, как бы вы стали наблюдать в такой инструмент.

— Нет, это не ошибка, — ответил я и объяснил в чем дело, методику своей работы.

Военпред слушал меня с недоверием.

— Едем на ближайшую такую точку.

— К сожалению, придется идти пешком. Верхом не проедешь. Тут всего около шести километров. Придется одну вьючную лошадь взять, чтобы самим не тащить мензулу, веревки и кое-какой инструмент.

Шесть километров — расстояние небольшое. Но чтобы пройти его в тайге, поднимаясь в гору и помогая лошади, понадобилось более двух часов, хотя нас и вел Егор Самар.

Пришли мы на место. Стоит наш помост. Я говорю рабочим: «Поднимайте инструмент». Подняли на помост мензулу. Спустились вниз. Я полез. Обвязался веревкой, оторвался от дерева, сориентировал планшет. Проверил как «бьют» видимые ориентиры. Спустился вниз. Говорю военпреду:

— Теперь ваша очередь. Можно подняться и проверить.

— Вы просто сумасшедший. Но полез. Трудно лез, осторожно, может быть, впервые в жизни взбирался на дерево.

— Покрепче обвяжитесь веревкой.

Обвязался веревкой. Подошел к инструменту. А это действительно страшно — смотреть в кипрегель на такой высоте. Думаю, что мой проверяющий ничего в него не увидел. Наверное, мысль была только одна: лишь бы не сорваться.

Спустился военпред вниз.

— Нет, вы действительно сошли с ума. Работать на такой высоте. Там все дрожит, качается. Лишний шаг сделать нельзя. И это называется мензурная съемка! Предупреждаю, я ее буду активировать только как полуинструментальную.

— А что вы можете другое предложить?

— Предупреждаю, что я буду ее активировать, как полуинструментальную.

— А я не возражаю. Активируйте, как хотите.

— Кто-нибудь разобьется — вы будете отвечать.

— Это тоже понятно.

Расстались мы недовольные друг другом. Егор резюмировал так:

— Плохой начальник. Говорит — надо, а что надо — сам не знает.

Зато Шуриной работой военпред остался доволен. Там можно было контрольную точку выбрать почти в любом месте на земле. Проверка показала хорошую точность съемки.

Больше я с военпредом не встречался и даже не знаю, как он заактивировал нашу работу.

В Комсомольске мы были дважды. Один раз вместе с Шурой и двумя рабочими поехали посмотреть на будущий город. К тому же надо было купить кое-что из продуктов и выяснить, есть ли какие-нибудь крупномасштабные топографические материалы на территорию города. Начали мы с этого вопроса. Но оказалось, что все интересующие нас люди ушли на стройплощадку завода.

— Зачем?

— А сегодня срок настал: бутылки из земли выкапывать.

— Какие бутылки?

— С водой. Их закопали на разную глубину. А сегодня срок обратно выкапывать. Если вода замерзла в бутылках, значит есть вечная мерзлота, а не замерзла — нет. Ну, а при вечной мерзлоте порядок строительства совсем другой. Всем интересно. Вот и пошли посмотреть, как бутылки будут откапывать.

Пока мы были в Комсомольске, погода резко изменилась. Подул холодный ветер с севера — «низовик». Ветер против течения сразу же вызвал на Амуре большую волну. Ехать обратно по такой волне было опасно. Сколько времени продержится такая погода — неизвестно. Ночевать негде. Продуктов нет. Решили ехать. Забрались в лодку и никак не можем отчалить от берега — волна прибывает. Наконец, оторвались от берега и течение понесло нас на середину реки. Теперь и при желании вернуться на берег было уже трудно.

Лодка была у нас нанайская, но большая, на две пары весел. Рабочие гребли. Шура сидела на днище, а я на корме рулил. Этому делу я

научился еще на озере Кизи. Идет волна на лодку — режь ее носом, ни в коем случае не давай ударить в борт; при таком положении лодку и залить и перевернуть может. Взобралась лодка на волну — можно ее поставить в нужном направлении, прошла она несколько метров, подходит новая волна — снова поворачивай лодку к ней носом, снова режь волну и так далее. Лодка таким образом идет все время зигзагами. Волны были большие. Когда лодка проваливалась между ними, казалось, что ничего кроме воды и неба не существует. Обернувшись назад, чтобы посмотреть, как далеко мы отъехали, я к своему удивлению увидел, что на берегу толпится народ. Некоторые махали нам руками, шапками. Что это было — пожелание счастливого пути или призыв вернуться назад? Раздумывать некогда было — приближалась новая волна.

Все шло хорошо. Скорость течения в этом месте пять километров в час. Хотя встречный ветер снижал ее, можно было надеяться, что через два — три часа мы доберемся до Верхне-Тамбовского. Больше всего брызг доставалось мне. Промок я, как говорят, до костей. И встречный холодный ветер бьет прямо в лицо. Чувствую, что замерзаю, трясет как в лихорадке.

— Ребята, кто может поручить. А мне бы веслами помахать, немного согреться. Замерзаю.

Один говорит: «Не могу», другой тоже. А Шура: «Женя, да разве мож-но сейчас пересаживаться, мы же перевернемся. Потерпи, пожалуйста».

Наконец, пристали к Верхне-Тамбовскому. Я как сидел, согнувшись, так в той же позе и дошел до нашей базы. Вошел в дом. Хозяйка увидела.

— Михалыч, да что с тобой?

— Замерз.

— Ах, грех какой. На-ко, выпей, — и подает мне стакан водки. — Лезь скорей на печь. Покройся овчиной.

И как в тумане слышу Шурин голос:

— Лезь, Женя, лезь.

Залез на печь, подрожал еще какое-то время, заснул. Чувствую — жарко, а проснуться не могу. Потом уже ничего не чувствовал. Проснулся утром. Все хорошо. В доме никого нет. Спрыгнул с печи, вышел во двор, а там хозяин дрова колет.

— Э, брат, пароход проспал. Да твоя жинка молодец, деньжат дала. Так что бутылочку пятидесятишестиградусной я там прихватил. Ну, как, паря, под осетринку тяпнем?

Второй раз я побывал в Комсомольске после двухнедельного пребывания в тайге. Пришли мы изрядно грязные и небритые. Все на нас внимание обращают. Замечаем, что встречные как-то франтовато вы-

глядят — в костюмах, начищенных ботинках, чистых рубашках, а некоторые даже галстуки надели.

— В чем дело?

— Да сейчас девушки приезжают! Целых три парохода! По призыву Хетагуровой, «хетагуровки». Будем вместе работать, семьи себе создадим. Без семьи как проживешь! Айда на пристань, сейчас пароходы должны прийти.

Встречали с духовым оркестром. Радостно махали руками и ребята на берегу, и девушки на палубах. Ребята пробивались поближе к трапу, чтобы лучше рассмотреть сходящих девушек, познакомиться, «захватить» их вещички и тем самым как бы и самих девушек. В общем, это был радостный день для Комсомольска. Ну, а нам, нашему отряду, снова надо было возвращаться в тайгу, на комара. Кстати, о комарах. Переносились они уже легче. Возможно, в организме появился иммунитет, не было того зуда, не опухало так лицо.

Егор Самар не любил сидеть на одном месте. Пока мы строили помост, «отрабатывали точку», он обычно уходил на охоту, а то и просто на денек-два домой. Не было его с нами и в этот раз. Лагерь наш был под сопкой, на вершине которой сооружен помост. Мне хотелось закончить работу до темноты. Слез я с помоста и принялся за вычисления и записи. Рабочие сняли и опустили инструмент.

— Идите в лагерь. Я вас догоню.

Минут через двадцать пошел и я. Стало смеркаться. Я прибавил шаг. Хоть и под гору, но особенно быстро не пойдешь — бурелом. Неожиданно слева от меня в кустах что-то заворчалось и шумно вздохнуло. Посмотрел — большой медведь. Стоит от меня в нескольких шагах, голову повернул в мою сторону и смотрит на меня. Пистолетик у меня был с собой, но против медведя это не оружие. Сознаюсь, здорово перетрусил и, забыв про бурелом, бросился вниз бежать что было сил. Слышу сзади треск. Оглянулся — нет медведя, и треск затих. На следующий день я специально разыскал место нашей встречи и убедился, что медведь испугался еще больше, чем я: следы «медвежьей болезни» остались.

Егор сказал:

— Сейчас медведь не тронет, весной может. Однако, хорошо, что не медведица с медвежатами. Тогда тебе бы, начальник, от нее не уйти.

Под конец работы произошел неприятный эпизод. За лошадьми у нас ухаживал рабочий, который только что освобожден из заключения, бывший колхозный конюх. Ухаживал он за ними с любовью, от себя хлеб отрывал, лишь бы угостить лошадей посоленной горбушкой. Шел последний месяц работ. Кончились продукты, и я послал Кузьмина за провиантом в деревушку километров в десяти от нашего лагеря. Он

оседлал обеих лошадей, сел на крупного серого жеребца, а послушного гнедого мерина за узду привязал к задней луке седла.

На следующий день Кузьмин не вернулся. Прошел еще день. Места себе не нахожу. Егор говорит:

- Оставим балаганы и айда все в деревню, мыться.
- Ну, что же, завтра утром пойдём.

Утром ушли. На половине пути Бельчик стал подавать знаки — люди. Прижимался к Егору, скалил зубы, но при этом радостно повизгивал, совсем не так злобно, когда подходили незнакомые люди в тайге.

- Однако это наш идет, — сказал Егор и закричал.
- А-та-та-та-та. Иди к нам, не бойся.

Через несколько минут к нам подошел Кузьмин. Подошел и тут же опустился на землю, сбросив с плеча перевязанный мешок с хлебом и продуктами.

- Что случилось?
- Лошади утонули.
- Как утонули?

— Доехал я до заездка нормально. (Нас отделяла от деревни протока, соединявшая озеро с Амуром, перегороженная частоколом, около которого, когда начинался спад воды, накапливалась рыба, ее коллективно вылавливали и солили впрок на зиму. Это и называлось «заездок».) Смотрю, лодка на той стороне заездка. Привязал жеребца и полез по частоколу за лодкой. Долез со серединки. Жеребец заржал. Это он кобылу увидел на той стороне. Рванулся, оборвал повод и прямым ходом к ней. А мерин, привязанный, за ним тащится. А тут, как на грех, кобыла еще голос подала, позвала его. Жеребец прямо с обрыва в воду, узда потащила за собой мерина. Мерин на жеребце, барахтаются, только брызги летят, и потонули оба. Я скорей в деревню. Людей на помощь зову, объясняю, как было. Помогли мне, вытащили лошадей, да ведь они уже дохлые. Тут кто-то сказал: «Мясу-то чего же пропадать. Ишь его сколько». И начали лошадей рубить на мясо. Сейчас в каждом доме уже третий день мясо и варят, и коптят. А отвечать-то мне придется. Я сразу хотел хлеба взять да к вам идти. А председатель колхоза говорит: «Нет, не пущу. Навредил и сбежать надумал. Сейчас уполномоченного ОГПУ вызову. Он тебя, голубчика, сразу заберет». Приезжал уполномоченный, акт составил, но не забрал. Сказал: «Разберемся, а он пока пусть в тайгу хлеб отнесет».

К счастью, никто не был обвинен во вредительстве. Дело кончилось тем, что колхоз представил нашему тресту счет, по которому требовал возместить стоимость лошадей по рыночной цене.

Настала пора уезжать в Хабаровск. Шура тоже давно закончила свою работу. При взгляде на нее каждому было ясно, что она готовится стать

матерью. Пришел пароход, погрузили наши вещи. Пока плыли до Комсомольска, все вокруг было знакомое, все исхоженное. Посмотрели с парохода на Комсомольск. Больше в нем мы не бывали, а если бы сейчас туда попали, то вряд ли узнали, ведь прошло более полувека.

В Хабаровске нас ждали новости. Нас трест превратился в отделение, а отделение треста, находившееся во Владивостоке, — в трест. Чтобы уволиться, теперь надо было ехать из Хабаровска во Владивосток. А вернуться в Москву мы решили твердо. Вместо двух лет работали на Дальнем Востоке почти три года. Дальний Восток с его бесконечными просторами мы полюбили. Но у нас должен был появиться ребенок, и мы понимали, что нам, двадцатилетним, в это время лучше быть поближе к родителям. Вернулись в Москву 14 января 1935 года. 15 января родилась дочь Нина.

Глава 7

Студент Московского университета

«Ускоренный» поезд шел из Хабаровска в Москву двенадцать суток. Но с самого начала он начал «набирать опоздание». Прибыли на Ярославский вокзал по расписанию минута в минуту, но с опозданием на трое суток, вместо 11 января — 14 января 1935 года. А на следующий день родилась дочка Ниночка, как заявила врач, «хороший, здоровый ребенок, всем бы таких». Значит, всем нам троим повезло.

Молодой маме хватало дел, несмотря на помощь бабушек и прабабушек. А вот мне, главе семьи, надо было думать о работе, куда и на какую должность поступить.

В техникуме близким моим товарищем был Виктор Герасименко. По распределению он остался в Москве и был направлен на работу на 2-ю картфабрику НКВД.

— Мы сейчас работаем над составлением географического атласа мира, — говорил Виктор. — Кадры нужны, особенно для составления физико-географических карт. Редакторами у нас крупные ученые географы. Хочешь, познакомлю с главным инженером картфабрики? Я ее немного знаю.

Вторая картфабрика находилась в центре Москвы, недалеко от улицы Куйбышева, во дворе, позади здания бывшей биржи.

Главным инженером фабрики оказалась сравнительно молодая женщина, которая подтвердила: «Да, нам работники нужны, могу вас зачислить техником-картографом первого разряда». Я набрался то ли храбрости, то ли нахальства и решил «поторговаться».

— Вы посмотрите мою трудовую книжку. Мне присвоена самая высокая квалификация, какая есть у топографов, — старший топограф. Это соответствует должности инженера. А вы меня хотите техником зачислить. Если можете зачислить инженером-картографом, я согласен,

а на должность техника, имея квалификацию «старший топограф», мне идти неудобно.

— У нас оплата сдельная, независимо от занимаемой должности. Но если для вас это важно, я согласна.

И меня зачислили на должность инженера-картографа самого низкого разряда в составительский отдел для работы над картами атласа мира. В мою обязанность входило изображение рельефа на картах «Германия» и «Европейская часть СССР». Научным редактором был профессор Московского университета Александр Сергеевич Барков. Главным научным редактором всех физико-географических карт был тоже профессор Московского университета Александр Александрович Борзов. С последним мы встречались редко, с Александром Сергеевичем — очень часто. Оба советовали мне поступить в Московский университет на почвенно-географический факультет на специальность «геоморфология».

— Геоморфолог с топографическим образованием и опытом работы — это, поверьте, очень хорошо, — сказал Борзов.

Это была моя давняя мечта. Я все чаще и чаще вспоминал лето 1929 года, скверик перед Московским университетом, юношей и девушек в нем и надпись на фронтоне здания «Наука — трудящимся». Три года я честно трудился после окончания техникума и, как мне казалось, получил моральное право на поступление в университет.

В техникуме общеобразовательные предметы — математика, физика, химия — изучались в очень небольшом объеме на первом курсе и за пять лет мною полностью были забыты. Надо было начинать с нуля, а шел уже апрель, до первого августа оставалось всего три месяца.

Я поступил на платные курсы по подготовке в вузы, но очень скоро понял, что эти курсы не для меня. На них обучались главным образом десятиклассники, отшлифовывавшие знания, полученные в средней школе. А мне нечего было отшлифовывать. Мне шел двадцать второй год, и я выделялся среди семнадцати-восемнадцатилетних юношей и девушек. Наверное, из хороших побуждений преподаватели довольно часто вызывали меня к доске. Обычно дело кончалось тем, что я клал мел и говорил: «Нет, эту задачу я не могу решить». И пока я шел на место, меня провожали удивленно-сочувственные взгляды. Я перестал ходить на курсы.

Между тем дочка подрастала. Надо было после работы с ней погулять и помочь Шуре. Подходило лето. Мы сняли комнату в Одинцове. Возник вопрос, как все совместить — работу в Москве, жизнь в Одинцове, подготовку к экзаменам? Я перешел работать во вторую смену, которая заканчивалась в двенадцать часов ночи. Каждый день с Белорусского вокзала последним поездом возвращался в Одинцово и около трех часов

ночи, когда уже светало, приходил домой. Спал до девяти утра, а в десять сидел уже за учебниками часов до двух.

Шура освободила меня от всех домашних дел, поэтому четыре часа можно было заниматься на даче и не меньше одного-двух — в дороге. Пять-шесть часов самостоятельных занятий в день плюс воскресенье. Это уже кое-что. В таком режиме прошли два с половиной месяца.

Многое мне удалось подучить, но я понимал, что к экзаменам еще не готов. И все же подал документы в МГУ на почвенно-географический факультет. Решил так: пойду хотя бы посмотрю, что это за экзамены. Конечно, провалюсь, но буду иметь о них представление, год еще занимаюсь и тогда поступлю обязательно.

Экзаменов было четыре, три устных — математика, физика, обществоведение и один письменный — сочинение. Первым был экзамен по математике. Экзаменационный билет попался удачный. Немного волновало то обстоятельство, что на экзамене присутствовал проректор университета профессор Кадак. Но все же я отвечал неплохо и, думаю, оценку «хорошо» заслужил. Легко, с той же оценкой сдал экзамен по обществоведению. И появилась надежда поступить. Но дальше все было не так просто.

На экзамене по физике мне достался билет, в котором третьим вопросом значилось: принцип устройства динамомашин. Первые два вопроса я знал, а этот — нет. На два раздела физики: электричество и магнетизм у меня просто не хватило времени. Принимал экзамен молодой аспирант физического факультета Белов. Теперь Константин Петрович Белов профессор, известный ученый. Тогда же это был совсем молодой человек, старавшийся держаться солидно. Мои ответы на первые два вопроса его вполне удовлетворили. Но как только дело дошло до третьего вопроса, мне ничего не оставалось, как сказать: «А третьего вопроса я не знаю».

— Как не знаете? Ведь это простой вопрос.

— А я ничего не знаю по электричеству и магнетизму.

— Почему?

— Я учился в топографическом техникуме, физики у нас почти не было. А когда готовился к экзаменам, у меня не хватило времени не только выучить, но даже посмотреть эти два раздела.

— Так что же мне с вами делать?

— Не знаю.

— Если я вам поставлю «удовлетворительно», обещаете посмотреть эти разделы до сентября?

И в экзаменационном листке против физики у меня появилась отметка «удовлетворительно». Этот разговор я напомнил Константину Петровичу за обедом в профессорской столовой МГУ, будучи уже ряд

лет первым проректором университета и членом-корреспондентом АН СССР.

Константин Петрович рассмеялся:

— Неужели я таким либералом был?

А с экзаменом по русскому языку дело обстояло еще хуже. Не помню тему сочинения, но хорошо помню отметки, которые я за него получил. Их было три: содержание — «отлично», грамотность — «неудовлетворительно», общая оценка — «неудовлетворительно». Все. Можно забирать документы и готовиться к следующему году.

Пришел в приемную комиссию факультета. Ее секретарем была студентка второго курса Люба Коган. Говорю ей: «Получил неуд за сочинение. Пришел за документами».

— Не спешите, подождите до завтра. С такими же оценками, как у вас, человек двадцать. Среди них много ребят с производственным стажем. Может быть, разрешат тем, у кого «отлично» за содержание, еще раз написать сочинение.

Люба оказалась права. Получившим «отлично» за содержание разрешили написать сочинение повторно. На этот раз я старался писать более короткими фразами и по возможности простыми словами. В результате в экзаменационном листке «удовлетворительно». Итак, из 20 возможных — 14 баллов. Вряд ли с такими баллами зачислят. И все-таки в глубине души надежда была, а вдруг?

Принимали на почвенно-географический факультет 50 человек. В первую очередь рабфаковцев (это был последний выпуск рабфаков, после чего они были ликвидированы), а затем всех других, державших экзамены, с учетом результатов. Как только я подошел к списку зачисленных студентами на факультет, еще издали увидел, что моей фамилии в списке нет. Подошел поближе. Я даже не очень расстроился. Готов был к этому. Опять пошел в приемную комиссию забирать свои документы. А комната, где они находились, закрыта, где секретарь, никто не знает. Подождал немного и решил, что как-нибудь зайду в другой раз.

Вернулся на картфабрику и приступил к работе. Пока сдавал экзамены, ее поднакопилось много. Все некогда было сходить за документами. После экзаменов я перешел работать в первую смену. И теперь во время обеденного перерыва надо было еще успеть купить продукты, чтобы отвезти их в Одинцово. Бегу однажды за продуктами и на улице Горького встречаю Любу Коган. Вернее, она меня заметила первая и окликнула:

— Минуточку, вы, кажется, Сергеев?

— Да. Здравствуйте. Вот все не соберусь зайти к вам за документами.

— Не надо их забирать. Факультету разрешили принять дополнительно еще 25 человек. И мы вас зачислили. Второй список уже три дня как ви-

сит. Вам надо зайти получить студбилет и зачетку, справку о зачислении, чтобы сдать ее по месту работы, пройти медосмотр и так далее. Заходите.

С 1 сентября 1935 года я стал студентом Московского государственного университета имени М.Н. Покровского. Так тогда назывался МГУ.

Началась новая жизнь. Очень понравились первые лекции по общей геологии. Их читал профессор Александр Васильевич Костюкевич. Читал просто, ярко, мастерски. Мне не довелось слушать лекции А.П. Павлова — основателя московской школы геологов. Известно, что на его лекции по геологии приходили студенты-медики, юристы, люди, ничего общего не имевшие с геологической наукой. Но к этому времени А.П. Павлов тяжело заболел и поехал лечиться в Германию. Больше преподавать он не смог. Для меня же эталоном лекторского мастерства на всю жизнь остался профессор Костюкевич. Имею возможность сравнить лекции по общей геологии Костюкевича с теми, что читались после него. Я с удовольствием всегда присутствовал на первых лекциях по общей геологии при начале учебного года. Мне очень нравились лекции профессора О.К. Ланге, заслуженного профессора МГУ А.Ф. Якушовой и ряда других своих коллег. И все же на первое место я поставил бы профессора Костюкевича. Уже пожилой, седой, но стройный, с немного всклоченной шевелюрой, он старался вложить в нас основные понятия геологической науки, привить к ней интерес. Костюкевич хорошо знал немецкий язык, широко цитировал в своих лекциях работы известного ученого Штини — своего учителя — с ходу переводил их с немецкого на русский язык. Он умел выбрать наиболее сложные и актуальные проблемы с указанием пути их решения.

Лекции по общей геологии проходили в круглом зале на четвертом этаже «казаковского» здания, в крыле, выходящем на улицу Герцена и на Моховую. На первой лекции я оказался рядом с пареньком небольшого роста, который сразу же вызвал у меня чувство симпатии. После лекции мы обменялись впечатлениями и сошлись на том, что профессор читает «здорово и очень интересно». Тут же познакомились. Оказалось, что моего нового товарища зовут Марк Заславский. На следующем занятии мы уже сели рядом. И все наши студенческие годы и, теперь уже можно сказать, всю нашу жизнь, не только прошли рядом, но стали самыми близкими друзьями.

Профессор Марк Николаевич Заславский был крупным ученым в области эрозии почв, работал на Дальнем Востоке, в Молдавии, в Китае, а затем на географическом факультете Московского университета. Умер в 1983 г. по дороге в университет в возрасте 69 лет. Его жена Нина окончила химический факультет. Марк посвятил всю свою жизнь науке, а Нина — Марку и трем сыновьям. Двое из них — доктора наук.

Студентов первого курса разделили на два потока: военный и невоенный. В первом потоке были мужчины, годные к военной службе; срок обучения у них был пять с половиной лет. На полгода больше, чем у второго потока, в котором находились женщины и невоеннообязанные мужчины.

В военном потоке мужчины должны были не только выполнить обычный учебный план, но и пройти военную подготовку и получить командное звание. Часть студентов проходила подготовку для службы в авиации в качестве летчиков-наблюдателей (летнабы). Другая, большая часть, готовилась на должность командиров стрелкового взвода.

Мне приходилось дважды проходить медосмотр в поликлинике университета: в связи с зачислением в университет и при определении годности для службы в авиации. Оба раза я испытывал неловкость, что меня осматривает и выслушивает молоденькая женщина врач-терапевт. Это была Надежда Дмитриевна Шерер. Замечательный врач, которую хорошо знают и уважают очень многие сотрудники МГУ, Надежда Дмитриевна стала другом нашей семьи. Она продолжала работать в поликлинике университета до 1990 года. Более пятидесяти лет своей жизни Надежда Дмитриевна отдала службе здоровья студентов и сотрудников университета.

Военная группа первого курса почвенно-географического факультета одновременно являлась и академической. Марк и я оказались в одной группе. Избрали парторга, комсорга и профорга. Парторгом был избран Виктор Титов, пришедший в университет с завода, он был среди нас самым старшим. Профоргом избрали меня. Это сблизило меня с Титовым.

Виктор Титов выделялся среди нас своей зрелостью, политической и житейской. Его спокойный характер, благожелательное отношение и в то же время справедливая требовательность к товарищам вызывали у нас симпатию и уважение.

Единственное, что трудно давалось Виктору на первом курсе, — это математика. А мне, наоборот, математика нравилась, и я хорошо понимал и лекции профессора Кудрявцева, и материал, который нам давала на семинарских занятиях опытный педагог доцент М.И. Слудская. Мы стали вместе с Виктором заниматься математикой по вечерам в свободных аудиториях. Объясняя ему какую-нибудь теорему, я сам лучше ее понимал. Может быть, именно поэтому экзамены по математике я сдавал на «отлично».

Виктор Титов дал мне очень много в политическом развитии. Потом я понял, что он сознательно готовил меня для вступления в партию. Во многом я обязан ему, что стал коммунистом. Виктор прямо меня спро-

сил: «Женя, а у тебя не было желания вступить в партию?» Я рассказал ему свою жизнь и закончил, в свою очередь, вопросом: «А разве меня примут в партию?»

— Тебе надо сначала вступить в комсомол.

— Я еще в техникуме собирался, да не оформил тогда свое вступление. На Дальнем Востоке мы уже себя считали взрослыми, «переростками» для комсомола. А сейчас и подавно! У меня уже дочке годик исполнился. Ребята спросят, а где ты раньше был?

— И все же ты подумай об этом. Я тебе советую — подай заявление в комсомол.

Этот разговор у нас состоялся в начале тридцать шестого года, после первой экзаменационной сессии. Виктор сказал мне: «Знаешь, Женя, у нас было партийное собрание университета и там твою фамилию упоминали среди отлично успевающих студентов».

— Откуда же это известно? Я ведь беспартийный.

— Парторганизация все должна знать и все знает, — убежденно ответил Виктор.

Вскоре Виктор Титов ушел из университета. Встретил я его во дворе с пачкой книг. Шел он задумчивый.

— Вот иду в библиотеку учебники сдавать. Ухожу из университета, больше не буду учиться.

— Что случилось? Почему?

— Партия посылает на работу в органы госбезопасности. Так надо, Женя.

Лишь после войны мы случайно встретились. Затем опять долго не виделись. Наконец, пришла от него весточка, что он находится, как говорят, «на заслуженном отдыхе», живет в Москве, у него уже взрослые внуки. Мы встретились вновь в 1984 году. Стали переписываться, перезваниваться. Однажды позвонила его дочь и сообщила печальное известие: «Скончался папа. Я хочу, чтобы вы знали, что он всегда хорошо о вас говорил». Спасибо ему за все.

Среди профессоров, читавших нам лекции на первом курсе, многие сразу завоевали нашу симпатию. В первую очередь надо назвать Ивана Дмитриевича Удальцова, читавшего курс политической экономии.

Лекции Ивана Дмитриевича были содержательными и доходчивыми. Это было очень важно, так как в то время учебников по политэкономии не существовало и единственная книга, которую мы изучали (именно изучали, а не читали), была «Капитал». Иван Дмитриевич обладал широкой эрудицией, культурой речи, был всегда подтянут и опрятно одет. Все это imponировало нам. К тому же мы знали, что Иван Дмитриевич еще в 1905 году возглавлял подпольную организацию большевиков в

Московском университете. Знали и о том, что он встречался с Лениным до революции, на квартире у своего брата.

Иван Дмитриевич пропустил одну лекцию, по заданию ЦК партии уехал из Москвы в командировку. Его подменили профессором Хвалисом, который читал лекции в этой же аудитории гражданскому потоку, где резко преобладали девушки. Было такое впечатление, что кто-то сыграл злую шутку. У профессора был далеко не «профессорский» вид: измятый грязный костюм, всклокоченные волосы, бритва давно не прикасалась к самодовольному лицу. В руках, как полагается, конспект.

Обращение к аудитории: «Ну, чему вас обучает проф. Удальцов? И как он это делает?» Поднялся географ Юра Васильев и звонким голосом со своего места рассказал о методике изучения «Капитала», да и вообще политэкономии, которую проводит Иван Дмитриевич.

— Так кто же готов выйти на эту кафедру и своими словами рассказать абзац, который я зачитаю в «Капитале» Маркса?

— Если Вы разрешите мне, — говорит Юра, — я могу попробовать это сделать.

— Прошу Вас. Внимание, товарищи, сначала зачитаю я, — говорит Хвалис, — абзац из книги Маркса, а потом уже более подробно расшифрует нам его (как Ваша фамилия? — Васильев).

К сожалению, я даже приблизительно не помню, о чем шла речь. Кажется, о прибавочной стоимости. Но в конце концов это принципиального значения не имеет. Юра громко и четко рассказал, как он понимает написанное Марксом. Аудитория аплодировала. Хвалис: «Удачно, очень удачно получилось, но ведь не каждый же из вас может это сделать с другими формулировками «Капитала». Поднялось довольно много рук. Реакция Хвалиса: «Скоро окончание лекции. На этом сегодня и закончим». Реакция Ивана Дмитриевича Удальцова после возвращения — молчание, никаких к нам вопросов, как будто ничего не было, хотя встретили мы его аплодисментами. Реакция ректора университета Александра Сергеевича Бутыгина: через два года Хвалис был отчислен из МГУ; по-видимому, не так это просто было сделать.

Сейчас мы знаем, что в 1935 — 1936 годах уже проходили массовые репрессии, а на нашем факультете этого не чувствовалось и его коллектив работал в достаточно спокойной обстановке. Не слышал я об арестах студентов и преподавателей на других факультетах. А на нашем первом курсе геолого-почвенного факультета существовала обстановка доверия и доброжелательности и в то же время требовательности. Выражалась она, в частности, в том, что каждый студент должен был дать объяснение группе, почему он не был на занятиях. Причем это происходило немедленно, как только появлялся отсутствовавший, в ближайший перерыв и

занимало не больше пяти минут. Но иногда в течение этих пяти минут были хоть и краткие, но очень резкие выступления. Не выполнена домашняя работа, плохой ответ на семинаре — объясни группе, в чем дело. Если надо было помочь, принималось конкретное решение. Если дело в том, что ты лодырь, то держись. Бывало, принималось такое решение: если еще раз повторится, ходатайствовать перед деканатом, чтобы перевели в другую группу, не желаем с таким учиться. И этого было достаточно. Никто из группы уходить не хотел.

Спокойную обстановку в университете во многом создавал его ректор, Алексей Сергеевич Бутягин, соратник С.М. Кирова во время гражданской войны. Во френче и пенсне он имел какой-то особенный интеллигентный вид. Человек очень мягкий, может быть, даже слишком мягкий для должности ректора, он в большинстве случаев мог добиться того, что считал принципиально важным для университета. До назначения Бутягина ректором в университете были тяжелые времена, когда «вырывали» отдельные факультеты и на базе их создавали институты. Могу понять необходимость создания медицинских институтов на базе медицинского факультета, но выделение гуманитарных факультетов в отдельные институты (ИФЛИ, юридический) — бессмыслица, которая усугублялась тем, что Московскому университету в то же время было присвоено имя М.Н. Покровского (видного советского историка и политического деятеля, зам. наркома просвещения РСФСР. — *Прим. ред.*). Дело в том, что до Октябрьской революции Московский университет был «императорским». Необходимо было срочно его переименовать. Я не историк и не могу судить, насколько удачно слово «императорский» было заменено фамилией Покровского, но это было сделано. Так что в 1935 году я поступал в Московский государственный университет имени Покровского. С большим трудом ректор МГУ Бутягин добился снятия из названия Московского университета «имени Покровского».

Когда я уже учился на четвертом курсе, в 1940 году Бутягин опять «добился» постановления правительства о праздновании 185-летия Московского университета. Странный это был юбилей. Из-за рубежа приехал только ректор Братиславского университета. Торжественное заседание проходило в Колонном зале Дома Союзов. Небольшая группа профессоров и преподавателей университета была награждена орденами. Среди них — проректор Московского университета М.М. Филатов был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Университет награжден орденом Ленина и ему присвоено название Московский ордена Ленина Государственный университет им. М.В. Ломоносова. Это название он носит с честью до наших дней.

Много хорошего сделал А.С. Бутягин для университета, но во время войны, к сожалению, повел себя не так, как следует вести себя ректору. Университет эвакуировался в Ашхабад, а его ректор вместе с Академией — в Куйбышев. Когда он умер, на гражданской панихиде пришедших проститься с ним можно было пересчитать по пальцам.

Что можно сказать о своем первом годе обучения в Московском университете? Окончил я первый курс на «отлично» и дальше тоже имел отличную успеваемость. Значит, не всегда вступительные экзамены показательны. Десятиклассники, сдавшие их на «отлично», имели в университете значительно худшую успеваемость, чем ребята, уже поработавшие. У первых жизнь еще не выработала то чувство ответственности, которое было уже у нас.

Лето 1936 года прошло скучно. От учебной практики по геодезии я был освобожден. Мы сняли комнату недалеко от станции Большево по Щелковской дороге, и единственным моим развлечением была полугодовая Нинушка.

Под влиянием моих рассказов об университете, об экспедициях к нам на факультет на первый курс поступил мой близкий товарищ Володя Пеутин, с которым мы дружили с детства. Он окончил химический техникум, работал мастером на заводе, сдал экзамены в университет и мы опять оказались рядом.

С 1 сентября 1936 года наш факультет переехал в новое, специально построенное для него здание. К концу 1936/37 учебного года почвенно-географический факультет разделился на два факультета: географический и геолого-почвенный. Таким образом, восстановилась подготовка геологов в Московском университете. Мы все трое: Заславский, Пеутин и я подали заявление на геолого-почвенный факультет. Наше желание было удовлетворено.

Деканом геолого-почвенного факультета был назначен профессор Владимир Васильевич Геммерлинг. Фигура очень колоритная. Он возглавил кафедру почвоведения в Московском университете в 1922 году, после кончины предыдущего заведующего кафедрой — Сабанина, будучи избран по всероссийскому конкурсу. Правда, избрание его на Ученом совете университета не было единогласным. Выступил против Владимира Васильевича академик Н.Д. Зелинский, указавший, что у того мало опубликованных работ. Но большинство членов совета отдали ему свои голоса. Уже будучи заведующим кафедрой почвоведения, Геммерлинг организовал в МГУ научно-исследовательский институт почвоведения и был его директором до 1948 года.

От кафедры почвоведения «отпочковались» кафедры физики и мелиорации почв — заведующий профессор Н.А. Качинский, химии почв —

заведующий профессор Е.П. Троицкий, географии почв — профессор Д.Г. Виленский и моя родная кафедра грунтоведения — заведующий профессор М.М. Филатов. Геммерлинг не только не противодействовал этому процессу, но и всячески способствовал ему, желая с помощью этих кафедр дальше развивать «в глубину» почвенную науку, независимо от того, какие личные отношения у него складывались с человеком, который намечался на должность заведующего будущей кафедрой. Меня радует, что между В.В. Геммерлингом и М.М. Филатовым, являвшимся тогда проректором Московского университета им. М.Н. Покровского по учебной работе, всегда были равные деловые отношения, и попытки «столкнуть» их никогда успеха не имели. Поэтому, когда был поставлен вопрос об организации кафедры грунтоведения во главе с М.М. Филатовым, он был решен деканом Геммерлингом быстро и положительно. При активном участии Геммерлинга была создана кафедра агрохимии, которой первое время заведовал академик Д.Н. Прянишников, и воссоздана кафедра геологии, которой заведовал профессор А.Н. Мазарович.

В значительной степени благодаря Геммерлингу в Московском университете возникло крупное почвенное отделение, сложилась школа почвоведов. Позднее (в 1973 году) это позволило создать в Московском университете первый в мире (среди университетов) самостоятельный факультет почвоведения. Если бы было принято присваивать факультетам имена ученых, то факультет почвоведения МГУ следовало бы назвать «имени В.В. Геммерлинга». Факультет почвоведения под руководством известного ученого члена-корреспондента АН СССР, сейчас действительного члена (академика) Российской академии наук, Г.В. Добровольского — ученика Геммерлинга — в основном сохранил традиции, которые возникли при Геммерлинге. Руководящие должности на факультете занимают его ученики и ученики его учеников. Так, на пост декана факультета в 1990 г. был избран профессор А.Д. Воронин — ученик Г.В. Добровольского, «научный внук» Геммерлинга. Я думаю, что главной заслугой Геммерлинга и было создание школы почвоведения Московского университета.

Владимир Васильевич, по национальности немец, родился в России, в Поволжье. Его семья была одной из тех, кто приезжал в Россию по приглашению правительства осваивать пустовавшие в то время плодороднейшие приволжские черноземы. Владимир Васильевич Геммерлинг считал Россию своей родиной. Могу об этом смело говорить, потому что сам он мне рассказывал о своем участии в первой мировой войне с Германией, о том, как ему удалось поднять в атаку русских солдат при первой химической атаке хлором с нашей стороны. Один из великих

князей дома Романовых, наблюдавший за ходом этого боя, лично вручил ему высокий орден «Владимир с мечами». Я уверен, что все так и было, как он рассказывал. Он был человеком, не способным что-либо «приукрасить», а тем более солгать. Перед войной его приняли в партию. Высокий, несмотря на возраст статный, дородный, он был очень представительен. Говорил басом, всегда держался по-солдатски прямо, ни перед кем не заискивал и поэтому производил впечатление человека сурового. Студенты побаивались Владимира Васильевича и совершенно напрасно. Он тянулся к молодежи и даже искал у нее опоры, поддержки, но никогда не либеральничал, не заигрывал с ней.

Владимир Васильевич страдал какой-то странной болезнью, о которой я ни от кого больше не слышал. Он немедленно засыпал на всех собраниях, заседаниях и даже во время экзамена. Голова держалась прямо, но глаза закрывались и раздавался богатырский храп. В то же время он все слышал во сне. В этом я убедился на собственном опыте. Во время экзамена, когда я рассказывал об исследованиях Гедройца по обменной способности почв в отношении катионов, а Владимир Васильевич вовсю храпел, он вдруг встрепенулся, открыл глаза и уставился на меня: «Что, что Вы сказали?» Я сразу сообразил, что ошибся и сформулировал свой ответ по-другому.

— Ну, вот теперь правильно, — с удовлетворением отметил он и снова захрапел.

Из всех профессоров почвенных кафедр больше всего я получил знаний и навыков ведения научной работы от Евгения Петровича Троицкого. Он вел у нас на втором курсе занятия по качественному и весовому анализу, которые проходили в лабораториях химфака, и силикатный анализ на четвертом курсе. Небольшого роста, полный, с довольно длинными волосами, всегда в темных очках, всегда спокойный, говорил негромко. У него, как и у Геммерлинга, тоже мало было опубликованных работ, но это не мешало ему быть очень хорошим педагогом. Не потому, что он обладал ораторскими способностями. Евгений Петрович и на лекциях, и особенно на практических занятиях учил студентов главному — думать.

Со мной, например, был такой случай. Чтобы получить зачет по качественному анализу, надо было побеседовать с преподавателем несколько раз по отдельным группам катионов и анионов, предварительно определив их содержание в колбе, которую студент получал от преподавателя. Мне казалось, что я все определил верно, выучил все реакции, которые при этом протекали. И первым из группы подошел к Евгению Петровичу с просьбой побеседовать со мной:

— Евгений Петрович, можно Вам сдать первую группу катионов?

— Хе-хе-хе. Сдать и забыть. Пожалуйста. Так что у Вас было?

Я назвал, какие катионы были определены. Евгений Петрович посмотрел в своей записной книжечке и подтвердил, что все верно.

— Ну, а как же Вы их определяли?

Я начал рассказывать. И посыпались вопросы: «А почему?» Каждый раз, когда я отвечал, следовал вопрос: «А почему?» Мы давно уже отошли от реакций, описанных в учебниках. Дошли до строения атома. Речь шла об орбитах, на которых вращаются электроны и т.п. Естественно, что чем дальше мы уходили от учебника, тем труднее мне было отвечать. Я начал задумываться, а потом и замолчал совсем. Евгений Петрович сказал: «Да, над этим стоит подумать. Подумать всегда стоит. А Вы говорите «сдать». Вот будете сдавать следующую группу катионов, к этим вопросам и вернемся». Встал и пошел между лабораторными столами. Я сидел и думал: как же так получилось? Считал, что все знаю, а оказывается, ничего не знаю. И стал читать книги по химии, уже не для того, чтобы сдать зачет, а для того, чтобы найти ответ: «почему?»

Когда я снова пришел к Евгению Петровичу, он произнес всего два слова: «Давайте зачетку». Поставил «зачет» и спрашивать не стал. А у меня с той первой встречи с Троицким всегда всплывает вопрос: «а почему?».

Евгений Петрович, как я сейчас понимаю, и на 10% не использовал своих способностей. Нет, это не значит, что он не работал. Он много читал научной литературы, многое знал из самых разнообразных областей химии. Но эти все знания оставались при нем, он приобретал их как бы для собственного удовлетворения. Ни он сам, никто другой перед ним не поставил большой цели в жизни, а по своей натуре человек он был неорганизованный. Вот пример. Собралась наша группа еще на втором курсе в лаборатории аналитической химии химфака. Должен прийти Евгений Петрович и каждому дать контрольную задачу. Времени на качественный анализ отводилось шесть часов, а работать можно было целый день. Проходит час, Евгения Петровича нет. Идет второй час — его все еще нет. Я и Марк Заславский, как самые нетерпеливые, решили сходить к нему в кабинет и узнать, на работе он или, может быть, заболел. Робко стучусь в дверь. Ее открывает сам Евгений Петрович и рассматривает нас через свои темные очки.

— Евгений Петрович, Вы не забыли, что у Вас занятия по качественному анализу?

— Заходите, пожалуйста. Нет, не забыл. Но знаете, у нас ужасно плохо работает учебная часть. Подумайте только, на одни и те же часы поставили мне занятия у вас по качественному анализу и на четвертом курсе по силикатному анализу. Вот сидишь, думаешь, думаешь: куда

пойти? Так время и проходит. Сейчас к вам приду. — Все это было сказано серьезно, без тени юмора.

В 1940 году проходило упорядочение занимаемых должностей в соответствии с учеными степенями и званиями. Все старые профессорские звания, ранее присвоенные, были отменены. Профессор должен был иметь докторскую степень. У Евгения Петровича докторской степени не было. Об этом он своевременно не побеспокоился, да и не за что было ее присваивать, работы не оформлялись, не публиковались, все, как я уже говорил, делалось «для себя». Евгения Петровича должны были перевести с должности профессора на должность старшего преподавателя. Этим обстоятельством он был потрясен, у него опустились руки.

Вот тут вмешались мы, его ученики, пытаясь доказать Евгению Петровичу, что он должен и, главное, может быстро написать докторскую диссертацию, а мы сделаем все, чтобы отсрочить его перевод на должность старшего преподавателя.

Евгений Петрович воспрянул духом, через несколько месяцев закончил работу над докторской диссертацией. По своему содержанию работа, по-видимому, была глубокой. Так ее оценили ученые и специалисты, работавшие в области химии почв.

По окончании третьего курса нам надо было сделать выбор — почвенное или геологическое отделение. Я выбрал геолого-почвенный факультет под влиянием профессора А.В. Костюкевича и, казалось бы, мне надо было записаться на геологическое отделение. Но мы оба с Марком выбрали почвенное отделение. Я это сделал в значительной степени под влиянием профессора Е.П. Троицкого. Это он показал нам, какими могут быть интересными исследования в области химии почв. На третьем курсе надо было выбрать и кафедру, по которой студент хотел специализироваться, так как на IV и V курсах было уже много кафедральных спецкурсов.

Мы с Марком стояли перед расписанием занятий и анализировали, что нам придется изучать, если мы пойдем на ту или иную кафедру. Дошли до кафедры, о которой раньше ничего не знали, до кафедры грунтоведения. Смотрим перечень предметов. Грунтоведение, механика грунтов, основания сооружений, инженерная геология, мерзлотоведение и др. Все стало ясно — эта кафедра занимается изучением почв и горных пород в связи со строительством. Как всегда, у нас с Марком сразу же возникло общее решение: это как раз то, что нам нужно. Ведь в нашей стране такое огромное идет строительство и чем дальше, тем оно будет больше. Надо подробнее разузнать об этой кафедре. Чем больше мы узнавали, тем больше нравилась нам кафедра грунтоведения.

Первые курсы по грунтоведению стал читать профессор кафедры почвоведения Михаил Михайлович Филатов в 1925 году. Эти спецкурсы были связаны с дорожным строительством. На базе их в рамках кафедры почвоведения в 1930 году возникла новая специализация — грунтоведение. Ее организатором явился Филатов. А в феврале 1938 года, т.е. когда мы были студентами третьего курса, была создана кафедра грунтоведения. Ее заведующим утвердили, естественно, человека, который все начал с нуля в этой области — Михаила Михайловича Филатова.

Как мы и предполагали, кафедра грунтоведения изучала в связи со строительством не только почвы, но и горные породы, главным образом рыхлые четвертичные отложения. На кафедре проводились хозяйственные работы по изучению растворимости соленосных пород и самих солей из района Соликамска в связи с проектированием в этом районе на Каме гидроэлектростанции. Все это нам очень понравилось, и мы с Марком подали заявление на кафедру грунтоведения.

Михаил Михайлович много рассказывал нам, студентам, о том, как, будучи студентом Московского университета, он участвовал в революции 1905 года. Вместе со студентами-медиками Филатов оказывал помощь рабочим Красной Пресни, раненым на баррикадах. И это, по видимому, стало одной из причин, почему не было удовлетворено ходатайство заведующего кафедрой почвоведения профессора А.Н. Сабанина об оставлении Филатова на кафедре почвоведения для подготовки к профессорскому званию. По окончании университета Михаил Михайлович долго оставался без работы. Он пытался поступить в Киевский университет, но ему в этом было тоже отказано. В деле Михаила Михайловича, хранящемся в архиве МГУ, сохранился конфиденциальный запрос ректора Киевского университета о Филатове и его политических взглядах. Копия ответа Московского университета отсутствует. Но можно догадаться о ее содержании. Ему отказали.

Несмотря на то что Филатов родился и вырос в довольно богатой семье, он сочувствовал революционному движению и не боялся жизненных трудностей. Первые его экспедиционные работы проходили в тяжелых условиях Забайкалья. Михаил Михайлович первым из профессоров геолого-почвенного факультета вступил в партию большевиков. После Октябрьской революции в середине двадцатых годов Филатов работал проректором по административно-хозяйственной части, а с 1939 года и до самой своей смерти (1942 г.) — проректором по учебной работе. Он не боялся организационной работы. Она ему нравилась, а совмещать большую организационную работу с научной и педагогической деятельностью — ох, как нелегко! В 1939 году в связи с 60-летием Михаила Ми-

хайловича ему присвоили звание «Заслуженный деятель науки РСФСР». В связи с 185-летием Московского университета Михаил Михайлович был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Михаил Михайлович выглядел старше своих лет. Его старили морщины. Беспокоило сердце. В отношениях с людьми он был сдержан, уравновешен, но всегда поддерживал своих учеников.

Михаил Михайлович написал первый учебник по грунтоведению. Возникли трудности с его изданием. «Дориздат» был согласен издать его, но при условии, что будет добавлена глава по дорожным изысканиям и книга получит другое название, отражающее специфику «Дориздата». Михаил Михайлович согласился, и в 1936 году вышел его учебник «Основы дорожного грунтоведения». Эта книга была большой научной заслугой Филатова, так как в ней вопросы грунтоведения излагались с генетических и физико-химических позиций.

Нам, студентам, приятно было видеть, с каким уважением к Михаилу Михайловичу относятся другие ученые. К нему из Ленинграда часто приезжали посоветоваться Вениамин Васильевич Охотин — заведующий кафедрой грунтоведения Ленинградского университета, Борис Михайлович Гуменский, работавший в Ленинградском институте инженеров железнодорожного транспорта. Хорошие отношения были у Михаила Михайловича с Иваном Михайловичем Сумгиным, одним из основателей нового направления в науке — мерзлотоведения.

Кафедра грунтоведения была небольшая. Заведующий кафедрой М.М. Филатов. Штатных профессоров на кафедре был всего один — П.П. Смиренкин и два по совместительству — И.В. Попов и Н.В. Орнатский. Они вели следующие учебные курсы и все, что к ним относилось: П.П. Смиренкин — фундаменты, И.В. Попов — инженерная геология, Н.В. Орнатский — механика грунтов. Доцентом работал П.Ф. Мельников. Несколько человек по хоздоговорной тематике и ассистентом — Г.Г. Рогов.

Большое значение в моей жизни помимо М.М. Филатова имели три моих учителя из числа сотрудников кафедры. Это профессора И.В. Попов, Н.В. Орнатский и доцент С.С. Морозов. Ближайшим помощником по кафедре у Филатова, самым активным в учебной и научной работе, был Сергей Сергеевич Морозов. Он помогал во многих вопросах М.М. Филатову, и, в частности, в организации курса «Техническая мелиорация грунтов». Сергей Сергеевич вел у нас практические занятия по грунтоведению. Объем их был большой — 180 часов, и продолжались они до конца четвертого курса. На пятом курсе я выполнял спецработу под руководством Сергея Сергеевича (дипломных работ тогда не было), зашел к нему посоветоваться по поводу темы спецработы.

Сергей Сергеевич подумал и сказал:

— Возьмите теплоту смачивания грунтов.

В курсе общего грунтоведения это свойство не рассматривалось. Поэтому, естественно, я спросил: «А что это такое?».

— При смачивании сухого грунта выделяется теплота, но природа этого явления неизвестна. Попробуйте разгадать.

Совет Сергея Сергеевича оказался очень удачным. Моя спецработа докладывалась на юбилейной научно-студенческой конференции МГУ, превратилась затем в кандидатскую диссертацию, которую я защитил, вернувшись после ранения с фронта в 1944 году. Поэтому я искренне считаю, что путь в науку мне указал Сергей Сергеевич Морозов.

У Сергея Сергеевича была исключительная память. Он помнил житейские мелочи и уж конечно хорошо помнил, когда, где и что опубликовано. Часто я пользовался его консультациями. Сергей Сергеевич был очень добрым человеком. Пожалуй, единственным его недостатком, мешавшим ему в работе, была некоторая флегматичность и медлительность. Но это возмещалось тщательностью экспериментов, которые он проводил. Каждой опубликованной цифре можно было верить безоговорочно. Впоследствии у нас установились дружеские отношения, мы часто вместе проводили отпускное время. Его супруга, Анна Дмитриевна, которая в результате ртутного отравления теряла зрение, из-за своей болезни не всегда могла быть вместе с нами. А Сергея Сергеевича наша семья устраивала. И в картишки он любил сыграть и в то же время по делам поговорить. И всегда удивлялся: «Да как же Вы этого не помните?». «Сергей Сергеевич, так уж больше 5 лет прошло». «Ну, 5 лет — это вообще не срок».

Когда я защитил докторскую диссертацию и был утвержден в звании профессора (1953 г.), Сергей Сергеевич передал заведование кафедрой грунтоведения мне, оставшись в должности профессора. Но и тогда я продолжал у него многому учиться, не только в научном, но и в житейском плане.

Совсем другим человеком был профессор Николай Васильевич Орнатский, читавший курс механики грунтов. Его можно охарактеризовать как человека очень собранного, четкого, энергичного. Лекции его по механике грунтов были строго логичными, хорошо увязанными между собой; их можно было назвать блестящими. Подготовка студентов для понимания этого курса была слабая: небольшой курс сопромата, который читал нам сам профессор Орнатский, а практические занятия проводил доцент Александр Яковлевич Тулаев. Учебника по механике грунтов не было. А курс был очень важным и нужным. Мы старались ни в коем случае не пропустить лекции Николая Васильевича. Я помню

хорошо, что, болея ангиной, с температурой 38°, в зимнее время, я приехал на последние вечерние часы занятий в университет, чтобы не пропустить лекцию Орнатского. Николай Васильевич был требовательным педагогом. Не скрою, мне очень приятно, что в моей зачетной книжке стоят отличные оценки, выставленные Николаем Васильевичем, так же он оценил мои знания и на госэкзамене по механике грунтов.

Мне не пришлось слушать лекции профессора Ивана Васильевича Попова по инженерной геологии. А между тем, это человек, у которого я многому научился. Больше того, это один из моих любимых учителей. Имея широкий круг геологических интересов, именно Иван Васильевич взял на себя инициативу написать многотомную монографию «Инженерная геология СССР». Правда, из этого ничего не получилось, но я думаю, что в таком масштабе, как была запланирована книга, она вряд ли могла быть написана одним автором. Но ведь инициатива, постановка самого вопроса принадлежали Ивану Васильевичу. «Инженерная геология СССР» и в то же время физико-химические процессы, происходящие в высокодисперсных, многофазовых грунтах; влияние их на различные инженерные сооружения — все это интересовало Ивана Васильевича. И при этом я никогда не назвал бы это «верхогладством». Нет, более точно подходит выражение «широкий круг вопросов».

Иван Васильевич Попов был из дворянской семьи, традиционно служившей на флоте, и готовился стать морским офицером; но когда его отчислен из морского корпуса за «левые» убеждения, он тут же пошел вольноопределяющимся на фронт в артиллерию. «А разве не все равно в каких частях защищать Родину». Эту фразу я сам от него слышал. Во время Гражданской войны Иван Васильевич не служил ни в Красной армии, ни у белых. Уехал в Нижний Новгород и отсюда, возможно, появился у него интерес к инженерной геологии Волжских и других водохранилищ, при использовании их энергетических ресурсов.

Жизнь близко свела меня с Иваном Васильевичем Поповым и с его семьей. Иван Васильевич был у меня официальным оппонентом по кандидатской диссертации и «черным» оппонентом по докторской диссертации. Но это не главное. Главное — я постоянно учился у Ивана Васильевича при совместной работе на кафедре, во время совместного отдыха, учился не только работе, но и жизни.

Один раз он со своей супругой Татьяной Николаевной и я со своей женой Александрой Михайловной отдыхали в академическом санатории в Кисловодске. Задерживался ужин и администрация санатория решила заполнить невольную паузу бальными танцами в фойе. Заиграли вальс и Иван Васильевич (ему уже было под 70 лет) пригласил мою супругу на тур вальса. У Шуры была натерта нога и она благоразумно отказалась.

Тогда Иван Васильевич на следующий вальс с такой же просьбой обратился к пышной брюнетке, до этого выделившейся среди прочих пар первого вальса. Та с удивлением посмотрела на «старичка», ее пригласившего, и, наверное, решив сделать его более скромным и осмотрительным, дала свое согласие. Через 10 минут она уже кричала: «Ради Бога, посадите меня, я больше не могу кружиться в таком темпе!» А Иван Васильевич, посмеиваясь, направился вместе со всеми на ужин. Почему я так много внимания уделил этому маленькому эпизоду? Я был рад, что у моего учителя еще много осталось жизненной энергии. И невольно подумал: вот с кого надо брать пример.

В 1959 году тепло отметили в Московском университете 70-летний юбилей Ивана Васильевича. Я делал доклад о его научной, педагогической и общественной деятельности. На следующий день он пришел ко мне и сказал:

— Евгений Михайлович, я знаю, что на юбилеях всегда преувеличивают достижения юбиляра, но если хотя бы половина того, что вы говорили, правда, то я, наверное, имею моральное право попросить у вас рекомендацию в партию. — В партию он был принят единогласно. В наше время это не звучит так сильно, как тогда, но и сейчас вряд ли кто подумает, что в 70 лет человек вступал в правящую партию из-за карьеристских целей, а кто знал Ивана Васильевича, у того и мысли такой не могло зародиться. Думаю, что этот шаг был сделан в расчете на то, что будучи в партии он сумеет принести больше пользы своему народу, своей Родине.

Филатов, Попов, Орнатский, Морозов, Троицкий — вот мои наиболее любимые учителя. В своей научной работе я старался развить некоторые положения, начатые в их работах, привлекая для этого уже своих учеников, работающих над кандидатскими диссертациями.

Когда после войны ввели докторские и кандидатские ученые степени, звания профессоров и доцентов и, главное, стали строго приводить в соответствие с ними звания и ученые степени давно работавших в ВУЗах и научно-исследовательских институтах людей, и переводить некоторых из профессоров в преподаватели. Я очень был обеспокоен судьбою С.С. Морозова и Е.И. Троицкого. Но, к счастью, у Сергея Сергеевича Морозова был собран и проанализирован большой материал по грунтам Калининской области (Тверь), который он все откладывал до окончательной обработки из-за других дел. В создавшейся обстановке «все другие дела» были отброшены и написана докторская диссертация, которую он защитил, а ВАК ее утвердил. А вслед за докторской степенью пришло (теперь уже официально) и профессорское звание. Е.П. Троицкий написал небольшую докторскую диссертацию (стр. 70 — 80) по

химии почв и тоже был утвержден в степени доктора и звании профессора.

В моей зачетной книжке стоит подпись Иннокентия Петровича Герасимова, академика, известного ученого-географа. В то время он был еще сравнительно молодым профессором. Когда мы с Марком обратились к нему с просьбой принять у нас досрочно экзамен по геоморфологии, Иннокентий Петрович ответил:

— Хорошо, но при условии — спрашивать буду в объеме двух томов учебника И.С. Щукина «Геоморфология».

Курс геоморфологии, который читал нам Иннокентий Петрович, был кратким. И вдруг такое условие: знать два тома учебника Щукина, по которым готовились студенты, специализировавшиеся по геоморфологии. Но делать было нечего и мы «засели за Щукина». За месяц мы одолели эти два тома. Явились на экзамен. Но обстановка сложилась так, что Иннокентий Петрович торопился и не мог уделить нам много времени.

— Щукина вы действительно читали, но лекций моих не слушали. Поэтому больше, чем «хорошо» поставить не могу.

Так, против графы «геоморфология» появилась отметка «хорошо». А знали мы ее действительно на «отлично».

Университет я закончил с двумя «хорошими» оценками: по геоморфологии и физической химии. По всем остальным предметам экзамены прошли на «отлично».

Наиболее тесные связи кафедра грунтоведения поддерживала с кафедрой физики и мелиорации почва, которой заведовал профессор И.А. Качинский, с кафедрой географии почв, заведующий которой Дмитрий Гермогенович Виленский вскоре сменил на посту декана геологического факультета В.В. Геммерлинга, с кафедрой исторической геологии и кафедрой минералогии. Заведующие двух последних кафедр были не только известными учеными, но и интересными людьми.

Кафедрой исторической геологии заведовал известный ученый А.Н. Мазарович, всегда куда-то «стремившийся», с необычайной энергией и инициативой. Вот эта особенность его характера отрицательно сказывалась на качестве его лекций. Стремление как можно больше дать материала на лекции не всегда себя оправдывает.

Заведующий кафедрой минералогии Г.П. Барсанов, наоборот, был очень спокойным человеком, и может быть, это качество спасло ему жизнь на войне. Говорят: «Сапер ошибается один раз», и еще: «Тот не ошибается, кто ничего не делает». Георгий Павлович пошел на войну, имея написанную докторскую диссертацию. Он был сапером и ошибся. Ему повезло, он остался жив, но защитить диссертацию в обычном порядке не мог из-за полученной контузии. Ее зачитали, а на вопросы

диссертант отвечал в письменном виде — в то время речь еще полностью не восстановилась. Я не мог не вспомнить об этом потому, что это характеризует его как человека, преданного и Родине и науке.

Одним из первых академиков, приходивших на геолого-почвенный факультет, когда он был еще на Моховой, и по существу руководивших кафедрой палеонтологии, был Юрий Александрович Орлов. Он быстро перезнакомился и с преподавателями, и с сотрудниками факультета, любил побалагурить, пошутить, вызвать смех, оживление у людей, доставить им пусть коротенькую, маленькую, но радость.

Прошло много лет, а я до сих пор помню его рассказ о своей первой поездке за границу после окончания войны, на какой-то форум ученых. Писатели не преувеличивают, когда они в свои произведения обязательно включают сотрудников органов разведки и контрразведки, участвующих во встречах и заседаниях такого рода. В этом я сам убедился позже, но тогда, после окончания войны, слышать это было несколько неожиданно. Вот что примерно рассказал Юрий Александрович, когда закончилось обсуждение научных вопросов:

— Хочу Вас немного повеселить. Я ездил без переводчика, так как хорошо знаю основные европейские языки. И это обстоятельство уже насторожило сотрудников КГБ, присутствовавших в шумной толпе во время большого перерыва. Вдруг слышу за своей спиной такое указание на испанском языке: «Вот за этим русским посмотри, что-то он себя чувствует, как рыба в воде, свободно владеет английским, французским и немецким языками». Я поворачиваюсь и говорю: «А самым любимым моим языком является испанский. Да к тому же у меня слух хороший. Давайте познакомимся, академик и профессор Московского университета Орлов, но, к сожалению, не граф». Если бы вы видели лица этих двух товарищей! — И Юрий Александрович весело смеется, а за ним и мы, его слушатели.

Мне в студенческие годы пришлось обучаться у многих талантливых педагогов. На первом курсе хорошо запомнились лекции Кречетовича по ботанике и Буровой по общей химии. На третьем курсе прекрасно читал лекции по диалектическому и историческому материализму профессор Светлов. Остались в памяти занятия по кристаллографии, минералогии и петрографии Игоря Владимировича Лучицкого. Уже один перечень курсов показывает, какой широкий профиль подготовки получали студенты геолого-почвенного факультета.

На первом курсе меня избрали профоргом группы, а осенью тридцать шестого года, на втором курсе — в профком факультета. У меня установились добрые отношения с парторгом Титовым, я старался помогать ему в общественной работе, чем мог. Однажды он спросил меня, почему

я не вступаю в комсомол? А я уже решил для себя, что хоть и не очень удобно «женатику» вступать в комсомол, но надо все объяснить ребятам, почему так поздно я подаю заявление. Мне было неловко перед своими товарищами, что я не комсомолец. Поэтому я ответил, что давно готов вступить в комсомол, если ребята дадут мне рекомендацию. Рекомендацию мне дали. И на нашей комсомольской группе, и на бюро факультета, на общем собрании факультета, в комитете комсомола университета и на бюро Краснопресненского РК ВЛКСМ я очень волновался, так как каждый раз приходилось объяснять, почему так поздно вступаю в комсомол и почему у меня... тетка оказалась за границей.

А было так. Старшая сестра мамы года за два — три до моего рождения познакомилась в Москве с молодым красивым сербом, вышла за него замуж и уехала к нему на родину. Все уговаривали ее этого не делать, но она была непреклонна. Потом — мировая война и революция в России, образование Югославии — все это не дало ей возможности приехать на Родину, навестить своих родных. Первое время после революции между сестрами была переписка. Потом отец стал иметь отношение к закрытым работам и запретил маме отвечать на письма. Несколько писем тети Жени остались без ответа и переписка прекратилась. Вот все это и приходилось рассказывать при приеме в комсомол и потом — в партию. Приятного в этом мало. Время было суровое. Ведь в комсомол меня принимали в 1937 году, а в кандидаты в члены ВКП(б) — в 1938 году.

Получилось так, что я вступил в кандидаты в члены партии в 1938 г. в разгар сталинского террора, когда уничтожались лучшие партийные кадры, уничтожалась ленинская гвардия. Хотя истинное положение в стране мало кому тогда было известно. Тысячи коммунистов, многие мои товарищи, пополняли ряды партии, ничего не зная о сталинском терроре. Среди них был и я.

Осенью 1937 года я был избран в состав профкома МГУ, и мне было поручено руководство учебно-производственной комиссией профкома университета. В то время в университете было две профсоюзных организации: одна объединяла сотрудников, и ее возглавлял местком университета, другая была профсоюзная организация студентов во главе с профкомом МГУ. Надеяться на «старших» мы не могли, самим надо было решать все вопросы. Я понимал, что профком и, в частности, наша комиссия должны работать в тесном контакте с вузком ВЛКСМ университета. Там учебную комиссию возглавлял очень энергичный, умный и инициативный студент химического факультета Ленья Агрономов. Мы хорошо с ним сработались.

Некоторые вопросы, связанные с улучшением организации учебного процесса, мы не могли решить своими силами без помощи ректората. По-

этому мне пришлось довольно часто обращаться к ректору университета Алексею Сергеевичу Бутягину. Алексей Сергеевич всегда внимательно относился к нашим просьбам и предложениям и охотно их поддерживал, если считал разумными. Еще чаще приходилось обращаться к проректору по учебной работе Григорию Ивановичу Двухшерстному. Он был выдвинут на эту работу с должности доцента механико-математического факультета. Проработал Григорий Иванович проректором недолго: его перевели на работу в Наркомпрос РСФСР. На его место пришел Василий Васильевич Потемкин — очень яркая, колоритная фигура. Говорили, что он пришел в университет с должности главного врача ЦК партии.

Вспоминая свои первые шаги в составе профкома МГУ, я думаю, что наряду с хорошим, что было сделано, были и промахи, объяснявшиеся моей неопытностью. В мае 1938 года проходило Первое Всесоюзное совещание работников высшей школы. На совещании выступали руководители вузов, профессора и очень мало студентов. Я был увлечен тогда идеей социалистического соревнования в вузах и попросил слово для выступления, указав, по какому вопросу хочу говорить. С.В. Кафтанов (председатель Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР. — *Прим. ред.*) сразу предоставил мне слово, потому что этой темы никто раньше не касался. Выступил я неудачно. Слишком обще. В отличие от меня хорошо выступила студентка первого курса Библиотечного института, которая горячо говорила об отсутствии учебников, о необходимости их создания.

На совещание приезжал Молотов, бывший в то время председателем Совнаркома, он посидел в президиуме, листая стенограмму выступлений участников совещания, а затем выступил сам. Основная идея, которую он высказал, была та же, что и у студентки Библиотечного института: необходимы хорошие учебники. После отъезда Молотова Кафтанов объявил, что правительство приглашает участников совещания на прием в Кремль на следующий день, 17 мая. Пригласительные билеты мы получили утром 17 мая. Впяť часов я впервые в своей жизни прошел через Спасские ворота в Кремль. Вошел в Кремлевский дворец, через главный подъезд поднялся вверх по величественной лестнице из белого мрамора, повернул направо и вошел в один из красивейших залов дворца — Георгиевский. Он весь был уставлен сервированными столиками, а вдоль белых мраморных стен стояли корзины красных роз. В глубине зала на небольшом возвышении виднелся стол для членов правительства. Рядом с ним небольшая сцена с роялем. К сожалению, у меня был билет не в Георгиевский зал, а в другой — Святые сени. В Святых сенях и в Грановитой палате тоже были накрыты столы. Те приглашенные, кто имел билеты туда, были несколько разочарованы, так как между ними

и Георгиевским залом был Владимирский зал. Сидящие в Святых сенях и Грановитой палате могли только слушать, что говорят в Георгиевском зале, но ничего не видели.

Естественно, что весь прием был организован так, чтобы поразить воображение присутствующих. Первым выступил С.В. Кафтанов, предложил тост за советскую высшую школу, за ним студентка Библиотечного института — за Сталина. Между тостами исполнялись один-два концертных номера, и поэтому банкет затянулся. В конце его выступил Сталин. Он говорил о том, что такое передовая наука, что будущее науки принадлежит молодежи.

После выступления Сталина Кафтанов обратился ко всем присутствующим: «Товарищи! Кто желает продолжать разговор за столами, пожалуйста, продолжайте, а кто хочет потанцевать — прошу пройти в круглый зал» (Владимирский зал имеет круглую форму).

Мне было тогда 24 года и, естественно, что я был одним из первых, вошедших во Владимирский зал. Там уже играл духовой оркестр. Немного погодя во Владимирский зал вышли Сталин, Жданов, Ворошилов, Ежов, Папанин. Сталину устроили овацию. Пробыв там 30 — 40 минут, Сталин и сопровождающие его лица покинули зал.

Как я уже писал, председателем профкома у нас был Федор Иванович Коровин. Высокий, стройный, с выразительным лицом, веселый, всегда опрятно одетый, хотя, как правило, он носил гимнастерку, он был одним из тех коммунистов-вожаков, которые умели повести за собой студенческую молодежь. Федор Иванович был сибиряк: пришел он в Московский университет после комсомольской работы на Алтае. В партию вступил в 1927 году. У него был не только опыт организационной работы, но и политическая зрелость. Поэтому не случайно его избрали членом президиума ЦК профсоюза работников высшей школы и научных учреждений.

Меня Федор Иванович поддерживал в работе, а после того как летом 1938 года мы вместе отдыхали в Геленджике, в доме отдыха, который принадлежал профкому МГУ, у нас установились дружеские отношения. Эти отношения можно охарактеризовать как дружба между старшим и младшим. Старший — он, младший — я. Так оно и было и по возрасту, и по жизненному опыту. Я обращался к Коровину — «Федор Иванович» (между прочим, все к нему так обращались, никто не называл его «Федя»: это была дань уважения), а он называл меня долгое время «Сергеев» и только под конец своей жизни стал звать по имени и отчеству. И для меня это звучало непривычно.

Несмотря на разницу в годах, Федор Иванович в Геленджике то и дело приглашал меня в свою компанию. Он любил организовать какую-

нибудь экскурсию или просто посидеть за столом и за разговором выпить стакан-другой сухого вина. Немного выпить и потом попеть в компании песни, особенно свои сибирские — это он очень любил. Я фотографировал Федора Ивановича в Геленджике. На фотографиях запечатлен красавец-мужчина, способный заставить дрогнуть любое женское сердце. Женой Федора Ивановича стала студентка пединститута Галина Георгиевна Морехина, много лет проработавшая профессором и зав. кафедрой истории КПСС Московского университета. У Галины Георгиевны много учеников и еще больше опубликованных работ.

Осенью 1938 года Федор Иванович неожиданно ко мне обратился: «Послушай, Сергеев, есть у меня к тебе разговор. Переизбираться в профком я не буду, ухожу на профсоюзную работу, буду университет заканчивать по индивидуальному плану заочно. Советовались мы на партгруппе профкома и все сошлись на твоей кандидатуре на должность председателя профкома. Говорил я и с секретарем парткома университета (тогда им был Константин Калашников, историк), он — за».

Для меня это было неожиданно. Мне казалось, что во главе профкома университета должен стоять коммунист. В общем человек такой, как Коровин. Поэтому первое, что я сказал, было: «Но ведь я не член партии».

— А ты что же, не думаешь вступать в партию?

— Да ведь я только недавно в комсомол вступил. Кто же меня в партию примет?

— Коммунисты университета, если сочтут, что ты достоин. Что касается меня, я готов тебе дать рекомендацию, если ты у меня ее попросишь.

— Спасибо, Федор Иванович. Но ведь я служащий и мне надо пять рекомендаций от членов партии со стажем более десяти лет (такие тогда были уставные требования).

— Плохо знаешь устав. Рекомендация райкома комсомола за две считается. Неужели у тебя нет еще двух знакомых коммунистов, которые смогут тебе дать рекомендации? (Тогда необязательно было получать рекомендацию от коммунистов с места работы. Считалось, что знание человека в быту не менее важно, чем знание его по работе. Вместе со мной принимали в кандидаты партии девушку, у которой среди рекомендующих был ее отец. Это вызвало смех в зале. Но он спокойно вышел на трибуну и сказал: «Я член партии с 1917 года и горжусь тем, что воспитал так свою дочь, что могу рекомендовать ее в партию. При этом я понимаю, какую я несу ответственность перед партией. Не вижу причин для смеха». Девушка была принята единогласно).

— Федор Иванович, неужели Вы думаете, что я справлюсь с обязанностями председателя профкома МГУ?

— А если бы не думали, и разговора не было бы. Если захочешь, справишься.

Вот так неожиданно передо мной встал вопрос не только о дальнейшей работе в профкоме, но и о вступлении в партию. Мне тогда это казалось неосуществимой мечтой. А Федор Иванович говорил об этом так уверенно, что невольно возникла надежда, и я подал заявление в кандидаты. Меня рекомендовали кандидатом в члены ВКП(б): Ф.И. Корюхин, секретарь партбюро нашего факультета Саша Андрианов, Мария Васильевна Федорова, член ВКП(б) с 1919 года и Краснопресненский РК ВЛКСМ. Прием в партию и все другие персональные дела решались тогда на общеуниверситетском партийном собрании. Обычно собирались в Коммунистической аудитории. Несколько сот человек набивались так плотно, что и в амфитеатре, и на балконе, который тогда существовал, не только сидеть, но и стоять было тесно. Член парткома докладывал дело, и на человека, стоявшего на сцене, сыпались со всех сторон вопросы, справа, сверху, снизу, слева, с балкона. Вопросы острые, иногда не очень точно сформулированные.

Для меня это стало одним из событий, которые запоминаются на всю жизнь, которые являются определенным этапом в жизни человека. Да так оно и было. Осенью 1938 года я был принят кандидатом в члены ВКП(б), а незадолго до этого избран председателем профкома МГУ.

Федор Иванович помогал мне в работе, будучи членом президиума ЦК профсоюзов, прежде всего тем, что правильно направлял мою деятельность как председателя профкома. Вернувшись в Москву в 1943 году после ранения, я застал Федора Ивановича на работе в МГК ВКП(б), несколько раз был у него. Затем Федор Иванович работал в бюро культуры Совета министров СССР, а я работал секретарем парткома МГУ. И когда мне надо было посоветоваться, опять заходил к нему. Когда я работал над докторской диссертацией, ездил в экспедиции, мы встречались реже. Потом Федор Иванович был назначен ректором Библиотечного института на Левобережной, реорганизовал его в Институт культуры, развернул большое строительство, пригласил на работу квалифицированные педагогические кадры. В это время я работал проректором Московского университета. Федор Иванович пригласил меня приехать посмотреть институт. Я уже был достаточно опытным администратором, чтобы понять, какая большая работа была выполнена Федором Ивановичем за короткое время.

В 1976 году Федор Иванович заболел, и я навестил его в больнице. Он был «ходячим» больным. Настроение бодрое, хорошее. Расспрашивал о жизни, о работе. Я ему поплакался, что трудно решается вопрос с развитием моей специальности, инженерной геологии.

Федор Иванович удивился и сказал:

– Слушай, ты должен по этому вопросу написать короткую, но обстоятельную записку в правительство. А я вот выйду из больницы и смогу помочь, чтобы к ней отнеслись внимательно.

Возвращался я от него в приподнятом настроении, а через несколько дней Галина Георгиевна позвонила и ошеломила словами:

– Федор Иванович скончался.

Это было большое горе не только для его семьи, но и для многих его товарищей. К числу их я отношу и себя. Сорок лет дружбы «старшего» с «младшим». Разве забудешь человека, который в твоей юности в значительной степени определил дальнейший ход твоей жизни? Рано ушел из жизни Федор Иванович Коровин – настоящий коммунист, он мог бы еще много сделать хорошего людям.

Тогда в 1938 году в профкоме МГУ у нас сложилось дружное «ядро», если так можно выразиться, которое поддерживало своего председателя: Володя Игошин – зам. председателя профкома, отвечавший за идеологическую работу профкома, студент биофака; Володя Пеутин – председатель учебно-производственной комиссии, студент геолого-почвенного факультета; Петр Горшков – председатель соцбыткомиссии, студент биологического факультета; Тимофей Соколовский – председатель культурно-массовой комиссии, студент исторического факультета; Саша Буров – казначей профкома, студент механико-математического факультета.

В составе профкома от геолого-почвенного факультета были еще два студента: Петр Иванович Фадеев, мой однокашник, и Петр Петрович Тимофеев, студент первого курса, которого мы за молодость между собой ласково называли Петушком.

Петр Иванович Фадеев, кандидат геолого-минералогических наук, вместе со мной после войны работал на своей родной кафедре грунтоведения и инженерной геологии в должности старшего научного сотрудника. Здоровье у него пошаливало, и, несмотря на то что в течение длительного времени он был под наблюдением врачей, мы все-таки потеряли его.

Что же касается Петра Петровича Тимофеева – он известный ученый, лауреат Государственной премии, член-корреспондент РАН, был заместителем директора и исполняющим обязанности директора Геологического института АН СССР, заведующим кафедрой литологии и морской геологии Московского университета. Петра Петровича хорошо знают во многих странах мира.

Профком МГУ находил средства и возможности проводить большие, ответственные мероприятия, например мы арендовали Большой театр

и провели там торжественное заседание, посвященное XXI годовщине Октября. Тогда несравнимо легче было достать билеты в Большой театр, чем сейчас. И все же у всех создавалось торжественное настроение от одной мысли, что мы отмечаем наш праздник в Большом театре. В клубе МГУ проходили отличные концерты для студентов. Они были бесплатными. Обычно на этих концертах выступали из артистов Большого театра Михайлов и Кругликова, тогда еще начинающая певица. Она всегда волновалась и спрашивала за кулисами: «Ну, как сегодня у меня голос, нормально звучит?» Ответом на это ей были бурные аплодисменты из зала. Но когда на сцене появлялся Михайлов, студенты устраивали овацию. Пел он перед студентами много и охотно. Михайлов любил завершать концерт «Дубинушкой». Подходил к краю сцены и говорил: «Помогайте». Запевал, а припев пел вместе со всем залом и сам им дирижировал.

Помимо концертов в клубе проходили и серьезные мероприятия. Хорошо помню выступление Марии Ильиничны Ульяновой. Много интересного рассказала она о Владимире Ильиче. Говорила о нем просто как о своем брате.

Очень интересным был доклад о международном положении В. Потемкина, который тогда был назначен заместителем наркома по иностранным делам, после длительного пребывания в Париже в качестве посла Советского Союза. С небольшим перерывом доклад продолжался четыре часа, и зал слушал докладчика, затаив дыхание. Потемкин выступал без текста, без какой-либо шпаргалки. Четыре часа прошли незаметно. А вскоре мне пришлось в составе делегации МГУ возлагать венки к постаменту, сооруженному в здании ГУМа, где стоял гроб с телом Потемкина. Вместе с нами к гробу подошел пожилой, но стройный генерал, в котором мы сразу же узнали Игнатьева, автора книги «50 лет в строю». Долго стоял он у гроба и что-то шепотом говорил покойнику. Мы невольно подумали, что Игнатьев благодарит покойного за помощь вернуться на родину.

Еще до моего поступления в МГУ профком университета имел собственные мастерские, где изготавливались разные мелкие бытовые предметы. Студенты подрабатывали в этих мастерских. На вырученные деньги от продажи мастерских профком купил домики на побережье Геленджикской бухты. Были построены столовая и курзал, оборудован пляж. Получился отличный дом отдыха на берегу Черного моря. Студенты его очень любили.

Трудно было с дотацией со стороны профсоюза и ректората. Поэтому каждый год возникали трудности с приобретением инвентаря и дальнейшим развитием дома отдыха. ЦК профсоюза подготовил решение взять

«Геленджик» к себе на баланс. Узнав об этом, я пошел к ректору Алексею Сергеевичу Бутягину с предложением взять «Геленджик» на баланс ректората. Обычно мягкий и доброжелательный, Алексей Сергеевич на этот раз занял твердую и, к сожалению, отрицательную позицию.

— Нет, никаких ваших развалюх брать на баланс я не буду. Хозяйственная часть университета и так из рук вон плохо работает.

Пришлось срочно распродать путевки на весенне-осенний период, когда студенты там не бывали. На полученные деньги все привели в порядок. Затем мы с секретарем парткома А.М. Пивоваровым, уговорили ректора съездить в Геленджик, на месте все посмотреть самому.

Приехали в Геленджик в апреле. На деньги от проданных путевок все отремонтировано. Белые, чистенькие домики стоят среди цветущих деревьев. На деревьях заливаются скворцы, отливая перламутром в лучах солнца. Рядом плещет море. Как в сказку попали.

— Да, не думал я, что у профкома может быть такое хозяйство, — сказал Алексей Сергеевич.

И вопрос был решен. Санаторий остался за университетом. Во время войны он мало пострадал. Последний раз я был в нем летом 1948 года. К сожалению, в середине 50-х годов «Геленджик», как и другие ведомственные здравницы, решением правительства передали в ВЦСПС.

Отчетно-выборная профсоюзная конференция МГУ всегда проходила осенью. Так было и в 1939 году. Мне не пришлось на ней быть. В это время я служил в Красной Армии, куда был призван как младший лейтенант в связи с событиями на Западной Украине и в Западной Белоруссии. Председателем профкома был избран мой друг Володя Пеутин. Я уже перешел на пятый курс и собирался досрочно окончить университет в феврале 1940 года. Совмещать напряженную учебу с профсоюзной работой было невозможно.

В декабре 1939 года меня и Володю Пеутину Краснопресненский РК ВКП(б) в один и тот же день принял в члены партии. Меня рекомендовали в партию А.С. Бутягин, А.М. Пивоваров и секретарь парторганизации геолого-почвенного факультета Н.Н. Большев.

После заседания бюро райкома мы с Володей зашли в кафе отметить это событие. Выпили за здоровье друг друга, за нашу дружбу, за МГУ. Но окончить университет Владимиру Ивановичу не удалось. Осенью 1940 года его направили учиться в Высшую партийную школу. В начале войны он был направлен на партийную работу, организовывать работу промышленности в Сибири, затем на дипломатическую работу. Труд его отмечен правительственными наградами. 60 лет мы прошли в жизни рядом, плечом к плечу. А в 1984 году я потерял Володю — ушел он из жизни.

Военная подготовка у нас начиналась на первом и длилась до четвертого курса. Не помню, сколько часов на нее отводилось. Примерно 20% учебного времени на I, II и III курсах уходило на военную подготовку. Плюс к этому четыре месяца лагерных сборов, по два месяца после окончания второго и третьего курсов (июнь и июль). Готовили из нас командиров стрелковых взводов и присваивали звание младших лейтенантов. В зимнее время мы подробно изучали материальную часть тогдашнего вооружения пехотных войск: винтовку, ручной и станковый пулеметы, наган и пистолет ТТ, ручные гранаты. Много времени отводилось на тактические занятия, в том числе на решение задач на макете местности.

Первый раз мы выехали в военные лагеря летом 1937 года. Располагались они под Ковровом — «Ковровские лагеря». В качестве командиров рот были назначены преподаватели военной кафедры, а командирами взводов — студенты, получившие уже звание лейтенантов. Я попал во взвод, которым командовал Петр Горшков, мой товарищ по работе в профкоме МГУ, и был назначен помкомвзвода. На петлицах появились три треугольника.

Впечатлений от первого лагерного сбора осталось немного. Строевая подготовка, стрельбище, занятия по тактике и по связи. В результате первого лагерного сбора все студенты были аттестованы на должность командиров стрелковых отделений. Второй раз мы были в лагерях летом 1938 года. У всех у нас были на петлицах по два треугольника. Месяц мы должны были стажироваться в должности командиров отделений. Одна из групп была направлена на снайперско-пулеметный сбор. В эту группу попал и я.

Марк Заславский, Леша Смирнов, Вася Коновалов и я были назначены в стрелковый взвод, которым командовал лейтенант Рыгов. Молодой, красивый, высокий, стройный, всегда подтянутый, доброжелательный и одновременно требовательный, он был в наших глазах идеалом командира. И поэтому, когда во время Великой Отечественной войны в приказах Верховного главнокомандующего стала появляться фамилия Рыгов, мне очень хотелось, чтобы это был именно наш Рыгов. Так ли это? Не знаю. Да это, в конце концов, и не так важно. Самое главное, что тогда мы попали во взвод, во главе которого стоял подготовленный командир. И встретил он нас по-хорошему.

— А, студенты. Очень хорошо. У меня командиров отделений полный комплект, и все хорошие знающие люди. Но это ничего. Вы ведь стажеры и приехали всего на месяц. Вот я распределю вас по одному на отделение. Будете учиться у командиров отделений, помогать им, а если что случится, то и подмените.

Режим был такой: чередовались дни — день бега и день марша. День бега начинался с подъема. Встакивали, бежали на озеро умыться, бегом обратно в палатки. Вместо зарядки пробежка в один километр. Бегом строим в столовую на завтрак, бегом строим из столовой в палатки за оружием. Бегом на стрельбище. Ходить по стрельбищу не разрешалось, можно было только бегать. Со стрельбища строим бегом к палаткам. От палаток снова строим бегом в столовую. После обеда возвращались в палатки тоже строим, но уже шагом. Какое это было удовольствие — наконец идти обычным шагом.

На следующий день марш с утра. После завтрака 800 метров быстрыми длинными шагами, 200 метров — бегом. И так весь маршрут. Не помню сейчас длину маршрутов. Они бывали разные. Когда снайперские взводы соревновались между собой, длина маршрута была 18 километров. Взвод Рытова занял второе место. Мы преодолели этот маршрут с винтовками, противогазами, со скатками из шинелей и с вещевыми мешками, заполненными «НЗ» и бельем, за 1 час 58 минут. Сейчас мне кажется, что это фантастически быстро. Были различные варианты маршей. Но все они заканчивались выходом на стрельбище. И прямо с марша на огневой рубеж. Пот льет, ручьями, сердце колотится как сумасшедшее, руки трясутся, а надо поразить мишень.

Все ждали воскресенья — дня отдыха. Из четырех воскресений только полтора (если можно так сказать) были такими. Три воскресенья нас поднимали по тревоге и мы шли в поход. Из этих трех воскресений два дня отдыха пропали полностью, вернулись мы поздно. А на третье к ужину и после ужина было объявлено свободное время.

На танцплощадке играл духовой оркестр, и мы, естественно, направлялись туда. Там встретили своего лейтенанта Рытова вместе с женой. Ее фигура говорила о том, что она должна скоро стать матерью. Но глаза у нее горели. Видно было, что ей так хочется хоть немного потанцевать.

Леша Смирнов обратился к Рытову:

— Товарищ лейтенант, разрешите я с вашей женой немного потанцую.

— Сделай милость. Я сам, к сожалению, не танцую.

Леша бережно повел счастливую женщину и протанцевали: они в медленном темпе очень недолго. А утром разнесся слух: «У Рытова сын родился!»

После стажировки мы вернулись в основной лагерь и стали под руководством преподавателей готовиться к госэкзаменам на звание младшего лейтенанта. Кто не сдаст госэкзамен, будет служить по окончании университета в армии еще один год.

У меня слабым местом была физическая подготовка. На турнике, кольцах, брусьях требовалось выполнить довольно сложные упражнения, которые у меня не получались. Была реальная угроза получить по физической подготовке «2», а это означало быть недопущенным к другим экзаменам. Побаивался я немного и экзамена по связи: полевую радиостанцию знал слабовато. Подошла очередь экзамена по физической подготовке. Экзаменующий объявил: «Сергеев, прыжок через коня в длину». Мне повезло: прыжок через коня в длину, пожалуй, было единственным упражнением, которое я довольно чисто делал. Остальные экзамены сдал без большого труда. Сдавали мы их вместе с Марком и по окончании могли поздравить друг друга со званием младшего лейтенанта.

В первых числа сентября 1939 года ночью на квартире раздается звонок. Посыльный из райвоенкомата принес повестку — к 9.00 явиться в казармы, в которых, как я знал, размещалась Первая Московская (раньше — Пролетарская) дивизия. В 9.00 я был по указанному адресу. Доложил о прибытии и получил назначение на должность командира стрелкового взвода. Через два часа уже был в форме младшего лейтенанта, с пистолетом в кобуре и запасом к нему боевых патронов, со служебным удостоверением. Превращение студента-дипломника в командира Красной Армии произошло мгновенно. Вечером нас отпустили домой отвезти гражданскую одежду и поставить в известность родных, что мы отбываем из Москвы в Алабинские лагеря.

Учения, стрельбища, походы были ежедневно с раннего утра до позднего вечера. Обучение, сколачивание воинских подразделений проходили очень интенсивно. Все взводы, в том числе и мой, были полностью укомплектованы личным составом и полагающейся материальной частью. «Солдатская почта» принесла, что нас могут в любое время погрузить в эшелоны и направить в Польшу, если произойдет столкновение при встрече советских и немецких войск. Такое не исключалось. И поэтому мы находились в резерве наркома обороны. Похоже было на правду.

Как известно, в 1939 году обошлось без этого. Наша дивизия вернулась в Москву и началась подготовка к параду на Красной площади. В октябре был подписан наркомом обороны приказ о демобилизации студентов вузов. И я с удовольствием вернулся в МГУ.

Январь и февраль 1940 года ушли на защиту дипломных работ (назывались они «спецработами») и сдачу государственных экзаменов. Последний госэкзамен мы сдавали 29 февраля, после него получили дипломы об окончании университета и в тот же день вечером отметили это событие в уютном банкетном зале ресторана «Москва». Выпуск по

кафедре грунтоведения был небольшой, всего 11 человек, в основном поступивших в 1934 году. Только Марк и я «догнали» эту группу, поступив в университет в 1935 году, благодаря полученному разрешению сдавать экзамены в течение учебного года.

Вечер наш длился недолго, у всех были какие-то свои неотложные дела. На следующий день Марк и я ехали уже в поезде Москва — Симферополь отдыхать в Крым. Бесплатные путевки мы получили в профкоме как поощрение за досрочное окончание университета и активную общественную работу. Получить их было несложно, так как мало кто из студентов имел возможность отдыхать в марте.

Еще до призыва в армию, в августе 1939 года я стал задумываться: что со мной будет по окончании университета. Мне хотелось совместить свою старую специальность топографа с новыми знаниями, полученными на кафедре грунтоведения. Смущали и бытовые условия. Жили мы втроем в проходной десятиметровой комнате, выгороженной для нас моими родителями. Жили так уже около пяти лет. Неизбежно возникали мелкие семейные неприятности. Хотелось прежней самостоятельности, как в Хабаровске, когда мы только начинали свою семейную жизнь. Шура не возражала вернуться на Дальний Восток. В то время она продолжала работать в должности геодезиста в Мосгеотресте. Сложности возникали только с Нинушкой, которой было пять лет. Несмотря на это, я связался с представительством Дальстроя в Москве. Моя кандидатура их заинтересовала по многим причинам: и что раньше работал на Дальнем Востоке, и две специальности, имеющие отношение к строительству, и готов ехать с семьей, и жена специалист, и анкетные данные подходят. Должность мне предложили очень интересную для молодого специалиста — начальник экспедиции по изысканиям под дорогу, которая должна была строиться на Колыме, чтобы соединить эти суровые, необжитые края с побережьем Охотского моря. Посоветовавшись с Шурой, я дал согласие.

Наступил день распределения. Это был январь 1940 года. Распределение проходило в ректорате. Председателем комиссии был начальник главка университетов Наркомпроса РСФСР, членами комиссии — представитель ректората и декан нашего факультета Дмитрий Гермогенович Виленский.

Подошла моя очередь. На вопрос «Где бы вы хотели работать?» я назвал Дальстрой. Было видно, что у председателя возражений нет. Ответ ему понравился. Но тут выступил Виленский и от имени деканата и партбюро факультета попросил оставить меня на кафедре грунтоведения. Он говорил о том, что среди преподавателей мало коммунистов, что надо укрепить новую кафедру грунтоведения, что у меня диплом с отличием,

что кончаю я университет досрочно на полтора года и т.д. Это показалось председателю убедительным, и он обратился ко мне:

— А как Вы отнесетесь, если мы Вас оставим на кафедре младшим научным сотрудником?

— Я знаю мнение партбюро по этому вопросу. Но мне хочется больше на педагогическую работу, поэтому, если Михаил Михайлович Филатов и комиссия согласятся зачислить меня на должность ассистента, то я буду благодарен. А быть просто научным сотрудником мне не хотелось бы.

Председательствующий попросил соединить его по телефону с Филатовым. Михаил Михайлович сразу же дал свое согласие. И комиссия приняла решение распределить меня на должность ассистента по кафедре грунтоведения. Я с радостью подписал согласие на это распределение. Все меня поправляли.

А вот мой друг Марк Николаевич Заславский поехал работать на Дальний Восток. Но он правильно сделал, выбрав для себя более южные районы (у него уже была семья и на севере ему пришлось бы трудно). До окончания войны мы ничего не знали друг о друге. Последнее письмо Марк получил от меня с сообщением о том, что я уезжаю на фронт. После этого переписка прекратилась.

Я благодарен своему другу и его жене Нине, что своего второго сына, родившегося на Дальнем Востоке, они назвали Евгением. Но это было потом. А 1 апреля 1940 года кончились мои студенческие годы. Начался новый этап в жизни — работа в Московском университете.

Глава 8

На пороге науки

Я спросил Михаила Михайловича, что мне надо делать на кафедре. — Готовьтесь к проведению практических занятий по грунтоведению. И главное, продолжайте исследования по теплоте смачивания грунтов. Интересные результаты получаются.

То же самое сказал мне и Сергей Сергеевич Морозов: «Занимайтесь теплотой смачивания грунтов».

В начале XIX века французский физик Пулье опубликовал данные о том, что при смачивании сухого порошка (глины, кожи и др.) выделяется теплота, которая легко фиксируется термометрами. Ртуть поднимается на два-три градуса в зависимости от того, какое вещество смачивается. Исследования Пулье были опубликованы в трудах французской Академии. Но они не стали широко известными, поскольку тепловой эффект при смачивании был невелик и, казалось, не имел большого практического значения. В 1920 – 1930-х годах этим явлением заинтересовались некоторые немецкие и американские ученые, занимавшихся физико-химическим изучением почв. В частности, Янерт установил постоянство соотношения между количеством адсорбируемой парообразной воды сухой почвой и ее теплотой смачивания. Эти данные были подтверждены в нашей стране П.И. Андриановым. Получалось так, что теплоту смачивания можно рассматривать как показатель гидрофильности вещества. Гидрофильность дает представление, насколько активно происходит взаимодействие между водой и твердыми частицами. А ведь от этого зависят все свойства горных пород. Так нельзя ли по величине теплоты смачивания прогнозировать эти свойства? Чтобы ответить на этот вопрос, надо знать, от каких факторов изменяется сама теплота смачивания горных пород. Вот это и рассматривалось в моей спецработе на основании литературных данных и небольших собственных экспериментальных исследований. Свою работу я докладывал на общеуниверситетской научной

студенческой конференции в апреле 1940 года. Тезисы докладов ее были опубликованы. Среди них и тезисы моего доклада: «К вопросу о теплоте смачивания грунтов». Это был мой первый шаг в науку.

В конце 1939 года установили стипендии имени Сталина для студентов вузов, для лиц, готовящих кандидатские и докторские диссертации. Когда стали выдвигать кандидатов от МГУ, выдвинули и мою кандидатуру для подготовки и защиты кандидатской диссертации на тему «Теплота смачивания грунтов». Выполнить работу надо было в течение двух лет. Точно не помню, но думаю, что от Московского университета было выдвинуто таких кандидатур около двадцати.

Стипендии для подготовки кандидатских и докторских диссертаций присуждались совместным решением коллегии Комитета по делам высшей школы (КВШ) и президиума АН СССР. Стипендии были высокие: 1000 рублей для подготовки кандидатской диссертации и 1500 рублей — для докторской. Было их очень ограниченное количество. Кажется, на всю страну всего пятьдесят докторских и сто кандидатских. Я считал, что у меня нет никаких шансов, но независимо от этого составил план диссертационной работы, который был одобрен М.М. Филатовым, взявшим на себя функции научного руководителя. В соответствии с этим планом предусматривалось определение теплоты смачивания у различных грунтов, в том числе и у лёссов.

Наиболее изученными в то время были лёссы Украины. Туда и запланировали командировку для отбора образцов. Вместе со мной поехал Володя Пеутин. Он был студентом пятого курса нашей кафедры, и ему тоже нужен был материал для дипломной работы. Сначала мы приехали в Харьков. Отобрали образцы лёссов в его окрестностях, а затем решили самолетом лететь в Киев, где находятся классические разрезы лёссовых пород.

Купили билеты на рейс Харьков — Киев. Тогда эту линию обслуживали маленькие одномоторные самолеты «Сталь-3». Аэродром был обычным зеленым полем. Несколько пассажиров подошли к самолету. К нему была приставлена небольшая лесенка. Нам сказали: «Залезайте». И мы полезли в самолет со своими вещичками, благо их было немного. Уселись. Летчик начал заводить мотор, а он «чихает» и заводиться не хочет. Вылезли. Уселись на травку в тени самолета. Летчик часа полтора — два копался в моторе вместе с механиком, пришедшим к нему на помощь. Наконец, мотор «прочихался» и заработал нормально.

Снова погрузились. Поднялись в воздух. Качка началась ужасная. Все внутренности выворачивало наружу. Когда сели в Киеве, пассажиры вышли бледно-зелеными. Про себя я подумал: никогда больше не полечу. Но вышло по-другому: начиная с войны, я все летал и летал. Теперь

странно даже подумать, как можно было жить без этого. Давно уже и самолеты стали другими, и, самое главное, темпы жизни другими. Но тогда, в 1940 году мы с Володей решили больше не испытывать судьбу и благополучно вернулись в Москву поездом.

На факультете меня ждали. Декан факультета Дмитрий Гермогенович Виленский и его заместитель Николай Федорович Полтев оба хотели уйти в отпуск и решили исполнение обязанностей зам. декана возложить на меня, чтобы, когда нужно, я бы представлял и декана тоже. Никаких особенно сложных дел не предвиделось, за исключением приема на первый курс.

В университет стали приходиться извещения из КВШ об утверждении Сталинских стипендиатов для подготовки кандидатских и докторских диссертаций. Это были, главным образом, представители механико-математического и физического факультетов. Кажется, их было 7–8 человек. Об остальных — молчание. Все ясно: они не прошли. В отношении себя я воспринял это как вполне нормальное явление.

Приходит ко мне зав. канцелярией с большим пакетом из Ленинградского университета. На пакете надпись: Москва, МГУ, Геолого-почвенный факультет, декану факультета, лично.

— Будете вскрывать или пусть декана подождет?

— Буду. Тут же не написано лично Виленскому. Может быть что-нибудь срочное.

Вскрыл пакет, в нем другой, такой же большой, но со штампом КВШ, и маленькое сопроводительное письмо. Письмо всего из одной строчки: «Направляем вам пакет из КВШ, как ошибочно присланный в ЛГУ, для вручения его адресату». Посмотрел на конверт КВШ, на нем странный адрес: «Ленинград, Ленинградский университет. Геолого-почвенный факультет МГУ, ассистенту кафедры грунтоведения Сергееву Е.М.». Нарочно не придумашь!

Вскрываю конверт, и в нем лежит выписка из совместного решения коллегии КВШ и президиума АН СССР о назначении мне стипендии имени И.В. Сталина. Подписано С.В. Кафтановым и президентом АН СССР. Смотрю и глазам не верю. И тема диссертации зафиксирована, и срок обозначен — два года.

Вот над сроком я задумался. Ведь сюда входили и экзамены по кандидатскому минимуму. А они были такие же, как сейчас: философия, спецпредмет и иностранный язык. И тогда тоже у аспирантов уходило на подготовку и сдачу этих экзаменов не меньше года. Я решил наряду с экспериментальными исследованиями форсировать подготовку и сдачу кандидатских экзаменов. Михаил Михайлович Филатов одобрил такое решение.

— Забирайте, Евгений Михайлович, мой кафедральный кабинет. Превращайте его в свою лабораторию. А кафедральные дела мы можем решать и в кабинете проректора.

Сергей Сергеевич Морозов подсказал мне, что надо больше изготовить калориметров. Работать, так сказать, на потоке. Такая возможность была. На факультете был всего один мастер-приборист по фамилии Заика. Но это был мастер — золотые руки. Он все мог сделать и часто даже подсказывал, как можно лучше сделать. Вот он-то в кратчайший срок, без всяких нарядов, изготовил мне серию калориметров Андрианова. А затем, когда у меня возникла мысль об их усовершенствовании, воплотил ее в калориметр усовершенствованной конструкции, который был описан мною в журнале «Почвоведение» в статье «Новое в методике определения теплоты смачивания грунтов».

Мой рабочий день всегда начинался до девяти и кончался после девяти вечера. Вынужденные паузы по условиям эксперимента заполнялись чтением книг по философии. В трамвае они же; в воскресенье — то же. И оказалось, что одолеть обязательный список литературы, который необходимо было знать при сдаче экзамена по философии, не так уже сложно. На это ушло два месяца.

В конце сентября явился я на кафедру философии с письмом от деканата нашего факультета, где говорилось, что деканат просит проэкзаменовать ассистента кафедры грунтоведения Сергеева Е.М. в объеме кандидатского минимума.

Из состава комиссии мне запомнился профессор Асмус. Члены комиссии, узнав, что я окончил университет только в феврале этого года и уже в сентябре пришел сдавать кандидатский экзамен по философии, переглянулись, а некоторые даже, не скрывая своего удивления, и усмехнулись. Были даны два вопроса: первый — работа В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» и второй — французские социалисты-утописты XVIII века. Сразу же сознаюсь, что мои знания по второму вопросу ограничивались университетской программой. Лекции по ней прекрасно читал профессор Светлов, но так как объем курса был невелик, то и знания мои были такими же. Что же касается первого вопроса, то лучшего придумать для меня было нельзя. Через десять минут я уже начал рассказывать о работе Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Рассказывал обстоятельно. Настроение комиссии изменилось, и дело кончилось тем, что мне сказали: «Хватит, отлично». Я был спасен от малоизвестных мне французских социалистов-утопистов.

За несколько дней до экзамена по философии меня и Володю Пейтина пригласили в Краснопресненский райком партии и предложили пойти учиться в Высшую партийную школу. Это был второй набор в

ВПШ. Володя, не задумываясь, дал согласие и был принят. Я, наоборот, просил дать мне возможность закончить работу над кандидатской диссертацией.

Второй экзамен, по грунтоведению, был в ноябре сорокового года. В назначенное время в кабинете Филатова собралась комиссия: Михаил Михайлович (он был председателем), декан факультета Д.Г. Виленский, профессор В.В. Геммерлинг и ученый секретарь факультета Татьяна Ивановна Евдокимова. Мне были предложены вопросы: содержание книг А.Ф. Лебедева «Почвенные и грунтовые воды» и П. Фагелера «Режим катионов и воды в минеральных почвах», а также об укреплении грунтов битумами. Михаил Михайлович перебивал, задавал вопросы, иногда не имевшие прямого отношения к теме, высказывал свою точку зрения. Геммерлинг, как всегда, мирно спал, то усиливая, то, наоборот, смиряя свой храп. Дмитрий Гермогенович сердито тер себе глаза, а Татьяна Ивановна смотрела на меня далеко не ласково, как на главного виновника, из-за которого приходится тратить время. Наконец, Виленский не выдержал и сказал:

— Михаил Михайлович, мы начали экзамен в десять, а сейчас уже два. Может быть, пора и закончить его?

— Да, конечно, конечно. Извините, товарищи. Это мы увлеклись с Евгением Михайловичем. Но нет худа без добра. Я думаю, что теперь мы сможем смело поставить ему отличную оценку.

Никто не возражал, и протокол был тут же подписан.

Война прервала работу над диссертацией. Но когда я вернулся в 1943 году после ранения домой, у меня оказалось достаточно данных, чтобы можно было (конечно, с использованием литературного материала) написать диссертацию. Экзамен по немецкому языку я сдавал почти накануне защиты. Сдавал плохо. За время войны перезабыл специальную терминологию. Думаю, что только доброжелательное отношение членов комиссии позволило им выставить хорошую оценку.

Отчетно-выборные партийные собрания в университете проходили ежегодно в весеннее время. Число коммунистов в университете приближалось к тысяче, а по уставу в партком можно было выбрать не более 11 человек. В список для тайного голосования было принято выдвигать 15–17 кандидатов. Названа была и моя кандидатура. Она не встретила возражений, и я оказался избранным в партком МГУ. Было объявлено, что новый состав парткома должен собраться на следующий день.

Уже на собрании шли разговоры, что секретарем парткома будет Жора Пондопуло — аспирант мехмата, до этого возглавлявший комсомольскую организацию университета. Зам. секретаря по оргработе — Иван Павлович Андреев — историк, который тоже поработал секрета-

рем вузкома комсомола МГУ. Вторым заместителем секретаря, ведающим идеологической работой, должен был быть Петр Матвеевич Огибалов — преподаватель мехмата. Остальные члены парткома должны были в основном распределиться по этим двум секторам.

Назначенное заседание парткома не состоялось. Мне позвонили и передали, что заседание откладывается, дополнительно будет сообщено, когда оно состоится. Я все же зашел в партком, чтобы поговорить с А.М. Пивоваровым, теперь уже бывшим секретарем парткома. Он сидел расстроенный.

— Ты, наверное, слышал, что намечалось избрать секретарем парткома Пондопуло?

— Слышал, конечно.

— Так вот, в день собрания ЦК партии принял решение направить его на другую работу, вне университета. Горкому и райкому партии это стало известно только сегодня. Поэтому избирать секретарем Пондопуло теперь нельзя. Несколько дней уйдет на согласование новой кандидатуры. А мне надо сидеть и ждать, когда это произойдет, хотя я уже и не секретарь. Настроение паршивое.

Через неделю нас пригласили на заседание. Собрались все, в том числе и Жора Пондопуло. Мелькнула мысль: «А может быть, решили его оставить в университете?» Заседание проводит первый секретарь Краснопресненского РК ВКП(б) Сергей Абрамович Ухолин. Он спрашивает:

— Ну как, товарищи, пора избирать секретаря парткома?

— Пора, Сергей Абрамович, — чуть ли не хором отвечают члены парткома.

— Горком и райком партии внимательно обсудили этот вопрос и рекомендуют избрать секретарем парткома товарища Сергеева.

Никогда не думал, что от неожиданности можно подпрыгнуть на стуле. Оказывается, можно. Молчание. Я встаю.

— Разрешите, Сергей Абрамович?

— Подождите. Вы потом. Кто хочет выступить?

Кто-то задает вопрос:

— А можем ли Сергеева избирать секретарем парткома? Мы же его недавно в партию принимали.

— По уставу необходим год стажа. Сейчас у нас сорок первый год, а принимали вы его в тридцать девятом. Больше года прошло. Можем избирать.

Я опять прошу слова.

— Ну, давайте, что у вас?

Стараюсь говорить спокойно. Прошу снять мою кандидатуру и потому, что недавно в партии, что опыта партийной работы мало, и потому,

что должен, нет, просто обязан оправдать утвержденную мне сталинскую стипендию, подготовить и защитить диссертацию за два года.

— Все?

— Все.

— Тогда голосую, кто за рекомендацию горкома и райкома партии: избрать товарища Сергеева секретарем парткома МГУ, прошу поднять руки. — Единогласно, при одном не голосовавшем.

Дальше, как и намечалось, заместителями секретаря были избраны Иван Павлович Андреев с исторического факультета и Петр Матвеевич Огибалов с мехмата.

На следующий день я был в райкоме у Ухолина.

— Сергей Абрамович, как же могло так получиться, что со мною даже не поговорили перед заседанием парткома?

— Так уж получилось. МГУ это МГУ. Кому быть секретарем парткома — решает сам Щербаков. (А.С. Щербаков в то время был членом политбюро, секретарем ЦК ВКП(б) и первым секретарем МК и МС.) Попасть к нему на прием сложно. Вчера приехал к нему докладывать. Он прошелся по всему списку. О каждом члене парткома расспрашивал. А потом подчеркнул твою фамилию и сказал: «Вот этого молодого выбирайте и не тяните, проведите заседание парткома как можно скорее». Так что, начинай работать.

— Сергей Абрамович, но ведь я же не справлюсь. У нас в парткоме члены партии с семнадцатого года, бывшие комиссары дивизий. Они же сейчас, наверное, посмеиваются между собой.

— Забудь, что ты мне сейчас говорил. И не вздумай плакаться еще кому-нибудь. Тебе партия доверила эту работу и изволь ее выполнять. Справишься, если будешь всегда стоять на принципиальных позициях. Требуя невзирая на лица, если считаешь, что это надо для дела. Тебе ведь скоро ответ держать перед горкомом партии за воспитательную работу в университете. Самому надо понять ее недостатки. На парткоме посоветуйтесь. Комиссия у вас серьезная, работает, спуску не даст. Действуй.

Действительно, в университете работала комиссия в связи с подготовкой вопроса на бюро горкома «О состоянии идейно-воспитательной работы в МГУ».

Партгруппы среди студентов были малочисленные, а профессора, преподаватели университета к воспитательной работе не привлекались. Ректор, проректоры и деканы факультета никогда и не задумывались, что работа со студентами во внеучебное время должна входить в их служебную обязанность. Алексей Сергеевич Бутягин возмущался, когда узнавал о том или ином скандальном случае, но в силу мягкости своего характера ни одного виновного не наказывал.

Можно было ожидать, что обсуждение на горкоме будет трудным. Но для себя я решил: если меня будут все же утверждать секретарем парткома, повторить свой самоотвод, хотя понимал, что это может быть плохо для меня воспринято.

А.С. Щербаков дал мне для доклада 20 минут. Доклад был резким, признавались ошибки парткома и партбюро, но в то же время ставился вопрос о том, что в советском вузе преподаватели не могут стоять в стороне от политического воспитания студентов и на это их должен ориентировать не только партком университета, но и ректор.

Раздался звонок председателя. Посмотрел на часы, прошло всего 17 минут.

— Александр Сергеевич, Вы мне разрешили выступать 20 минут, прошло только 17.

— Это я заранее предупреждаю.

— Спасибо.

Ровно 20 минут понадобилось на доклад. Это Щербакову понравилось. А самое главное, он поддержал мысль о важной роли профессорско-преподавательского состава в воспитании студентов. Всех преподавателей, а не только тех, кто преподает марксизм-ленинизм.

По окончании обсуждения вопроса А.С. Щербаков задержал меня на заседании бюро.

— Как, товарищи, утвердим товарища Сергеева секретарем парткома МГУ?

— Утвердим.

Я обратился к Щербакову:

— Разрешите мне, Александр Сергеевич?

— Да.

— Я благодарю за доверие. Но у меня нет опыта для руководства такой большой партийной организацией, как МГУ. Потом я единственный коммунист, кто получил в университете стипендию имени Сталина для подготовки кандидатской диссертации. Нехорошо будет, если все беспартийные выполнят взятые на себя обязательства, а коммунист — нет. Я прошу это учесть при решении вопроса о моей будущей работе.

Щербаков ответил:

— Начали правильно. Опыт придет. А диссертацию за два года надо обязательно сделать. Кто рядом с парткомом размещается?

— Хозяйственная часть университета.

— Немедленно выселить ее оттуда. Пусть ищут себе место. Скажите ректору, чтобы в течение двух недель там была оборудована ваша лаборатория. Можно это сделать?

— Вполне.

— Вот значит так. И двух лаборантов пусть даст. Есть свободная минутка, заскочил в лабораторию. Вдруг понадобился в парткоме — звонок. И ты на месте. Пораньше приходишь, позднее уходишь. Все. Утверждаем секретарем парткома и чтобы диссертация в срок была готова. Это тоже партийное задание.

Вот и все. Дальше обращаться некуда. Хорошо хоть, что наша кафедра приобрела лабораторию «круглый зал» в «казаковском» здании университета площадью не менее 100 метров. Мы ею пользовались до 1953 года, когда переехали в новые здания университета, построенные на Ленинских горах.

После заседания бюро МГК снова меня пригласил к себе в райком С.А. Ухолин.

— Чем думаешь заниматься?

— Составляем план реализации решений бюро МГК, готовимся к проведению первомайских праздников, собираемся послушать, как работает комсомольская организация.

— Все хорошо, но пусть этими вопросами занимаются твои заместители. А тебе есть персональное поручение. Ты назначаешься председателем комиссии МГУ по подготовке к 1 июня этого года бомбо- и газоубежищ в подвалах университета на 2000 человек. Членов комиссии сам себе подберешь. Обязательно включи в состав комиссии главного инженера. Всю техническую документацию он и получит. А тебе хочу сказать две вещи. Во-первых, все должно быть сделано добротнo, и чтобы людям, которые будут там укрываться, было удобно. Во-вторых, к этим работам как можно меньше привлекайте внимание окружающих. Как можно меньше вокруг них разговоров. К 1 июня все должно быть готово. Государственная комиссия будет принимать. Сейчас это главное партийное поручение, за которое персонально отвечаешь ты — секретарь парткома.

К 1 июня 1941 года мы выполнили это поручение. Эти бомбоубежища прослужили по своему назначению всю войну. Но сделать это в такой короткий срок (разговор был в апреле) оказалось совсем непросто. К тому же чувствовал я себя неважно. Простудился. Ходил с кашлем. Врач нашей университетской поликлиники Надежда Дмитриевна Шерер настаивала на отдыхе.

— Евгений Михайлович, поезжайте в Геленджик, погрейтесь на солнышке, отдохните, и все будет хорошо. А так — доходите до какого-нибудь осложнения.

Отпуск мне дали. Шел июнь сорок первого.

ЧАСТЬ II

**За строкой
фронтового письма**

Вернувшись в ноябре 1943 года после тяжелого ранения с фронта в Москву, я обнаружил в ящике стола две папки своих фронтовых писем. Родители и жена бережно сохранили более двухсот моих посланий. Поскольку все пережитое на войне было еще свежо в памяти, я не стал их перечитывать, а аккуратно завернул папки в газеты и на какое-то время забыл об их существовании.

Врачи вернули меня к любимой специальности — геологии, дали возможность продолжить работу. Жизнь была интересной, насыщенной до предела. Особое удовлетворение получал, участвуя в экспедициях в Каракумы, Западную Сибирь, верховья Амура, Восточные Саяны, а затем обрабатывая привезенный материал. Словом, времени на то, чтобы заняться чем-нибудь еще, практически не оставалось.

И только в 1975 году, когда отмечалось тридцатилетие Победы и ветераны Великой Отечественной войны разыскивали однополчан, фронтовых друзей, вспоминали о былых сражениях, я достал и перечитал эти письма. Как и следовало ожидать, в них содержалось очень мало подробностей — только в пределах, допускавшихся военным временем. Поэтому постороннему человеку они почти ничего бы не сказали. А передо мной, как на экране, кадр за кадром оживали события тридцатилетней давности — все то, что стояло за скупыми, торопливыми строками.

И мне захотелось написать о том, что вспомнилось, для семьи, детей и внуков, для друзей и товарищей. Но в ходе работы над рукописью все больше казалось, что мои воспоминания могут быть интересны и другим людям. И наконец, созрело решение — написать книгу об увиденном и пережитом на фронте, о боевых друзьях. Нелегко мне досталась эта книга, труднее, пожалуй, чем любая из 250 опубликованных работ по специальности, написанных мною лично или в соавторстве. И дело не только в различии тематики и жанра. Тяжеловато оказалось еще раз пройти крутыми дорогами войны. Я думаю, это чувство особенно хорошо поймут боевые друзья — фронтовики.

*Е. Сергеев,
майор в отставке,
академик АН СССР,
лауреат Ленинской и Государственной премий СССР*

Глава 9

Война началась

Поезд «Москва – Новороссийск» отходил от Казанского вокзала Москвы 22 июня 1941 года около двух часов ночи. Пока я с матерью и шестилетней дочкой пробирался на посадку сквозь присущую вокзалам курортного направления толчею, промокли до нитки под внезапно обрушившимся непродолжительным, но обильным дождем. Такая «водная процедура» была для меня нежелательной после недавнего воспаления легких. Впрочем, болезнь уже привела к своеобразному осложнению: по настоянию врачей мне был досрочно предоставлен отпуск, и вот я со своими родными еду в Геленджик, где на живописном берегу черноморской бухты раскинулся санаторий родного Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Наконец, оказались в своем купе, разложили по местам вещи, сменили одежду на сухую и улеглись спать. Проснулся поздно, часов в одиннадцать. После завтрака вышел в коридор и закурил. На станции Грязи в вагон вошел милиционер. Задержался около меня, спросил, не угощу ли папиросой.

— Вообще-то я не курю, — смущенно пояснил он, неумело затягиваясь дымом. — Но ведь такое дело...

— А что случилось, если не секрет?

— А вы не знаете? Только что выступал по радио Молотов и объявил, что немецко-фашистские войска без объявления войны перешли на всем протяжении нашу западную границу, вражеские самолеты бомбят города. Это — война!

— Мама, — сказал я, войдя в купе. — Сейчас разговаривал с одним товарищем. Он сообщил о нападении Германии на нашу страну. Собирай вещи, в Воронеже сходим, возвращаемся в Москву.

Я совсем забыл о соседе по купе, а тот вышел в коридор и, поскольку милиционер уже куда-то ушел, начал расспрашивать пассажиров о том, что услышал от меня. Оказалось, что никто ни о чем не знает.

В вагоне заволновались, стали возмущаться. Послышались реплики: «Паникер», «Провокатор». Но тут поезд замедлил ход и замер у перрона воронежского вокзала. Я соскочил со ступеньки и торопливо зашагал по перрону.

Открыв дверь с табличкой «Военный комендант», попал в небольшую комнату, заполненную возбужденными, взволнованными людьми, главным образом военнослужащими. Оправдываясь тем, что оставил в вагоне ребенка, я протиснулся к письменному столу, за которым сидел хозяин кабинета. По разговорам, вопросам и ответам уже и сам понял: да, война! Все же решил уточнить некоторые детали.

— Товарищ военком! Пассажиры московского поезда не слушали утренних радиопередач...

— Понятно, — прервал меня собеседник. — Действительно, в заявлении Советского правительства сообщалось о внезапном нападении на нас фашистской Германии. Чем еще могу быть полезным?

Решив воспользоваться случаем, объяснил, что согласно мобилизационному листку мне необходимо явиться на сборный пункт к десяти часам в первый день мобилизации, и попросил помочь приобрести обратные билеты. Военком ознакомился с моими документами, немного подумал и выдал талончик в кассу. Когда я прибежал к своему вагону, пассажиры встретили меня уже иначе: успели получить свежую информацию. Некоторые из них, наскоро собравшись, также прервали свой путь в Воронеже. А через несколько часов поезд «Новороссийск — Москва» вез нас обратно в столицу.

23 июня в 11 часов утра я уже был дома, на Большой Ордынке. Быстро собрал в чемоданчик самое необходимое, попрощался с родными и почти бегом отправился по указанному в моблистке адресу. Вот и гудящее, как улей, здание школы. Ученики разъехались на каникулы, а коридоры, классы заполнены взрослыми. Предъявляю документы. Волнуюсь, что опоздал, жду по меньшей мере строгого внушения, а вместо этого слышу: «Идите на работу и ждите вызова в райвоенкомат».

В парткоме МГУ меня встретили словами: «Как хорошо, что вернулся! Вчера в университете стихийно собрались чуть ли не все студенты. И тогда мы провели в Коммунистической аудитории открытое комсомольское собрание, участники которого единодушно объявили себя мобилизованными для выполнения любых заданий Родины на фронте и в тылу».

Тут же выяснилось, что набившиеся в помещение парткома студенты — это те комсомольцы, которые рвались первыми получить боевую задачу. С трудом уговорил их оставить здесь человек пять-шесть, на случай если срочно понадобятся посыльные, а остальным предложил вернуться на свои факультеты.

Молодежь с видимой неохотой, но все же постепенно разошлась. Невольно подумалось, что хорошие они ребята, только вряд ли успеют до фронта добраться. Разве не ясно, что Красная Армия, отразив первый натиск противника, отбросит его и разгромит.

Телефонный звонок. В трубке — знакомый голос секретаря райкома:

— Сергеев? Знаю, что вернулся, но почему сам не доложил об этом? Не успел, говоришь? Ладно, перестраивайся на военный лад, да побыстрее. А пока хочу подсказать: считай партком фронтовым штабом, а каждое задание партии — боевым.

Едва закончился разговор с Ухолиным, открылась дверь и вошли два командира со шпалами в петлицах. Представились работниками Генерального штаба, предъявили удостоверения. В ответ назвал себя, предложил сесть. С чем-то они пришли? Тот из них, который был заметно старше по возрасту, а наверное и по должности, спросил, сможем ли мы к середине завтрашнего дня подобрать пятьдесят добровольцев из числа коммунистов и комсомольского актива, ребят, морально устойчивых, физически крепких, способных решительно действовать в тылу противника. Я сразу же ответил: «Сможем!»

Военные попросили отнестись к этому делу с величайшей серьезностью и откровенно разъяснять каждому, что для успешного решения предстоящих задач одного энтузиазма мало. Необходимо отчетливо представлять все трудности и опасности, связанные с боевой работой в тылу противника. Вот почему их решения должны быть всесторонне обдуманными и, конечно, бесповоротными.

Командиры назначили сбор добровольцев на 12 часов 24 июня и ушли. Я, посоветовавшись с членами парткома, стал приглашать к себе кандидатов. Некоторые приходили по своей инициативе. Вот заходит совсем молодой паренек — учится, наверное, на первом, от силы на втором курсе. Глаза блестят, видно, что сильно волнуется. Представляется и говорит:

— Я родился и детство провел в Берлине, немецким языком владею в совершенстве. Доложите кому надо, чтобы меня направили туда, где можно использовать мои знания. Готов выполнить любое задание командования, если даже это будет стоить мне жизни.

Ну что тут скажешь: парень словно присутствовал при разговоре с работниками Генштаба. Как такому отказать? Внес фамилию студента в список, предложил явиться завтра к полудню. Он поблагодарил за доверие и радостно-возбужденный выскочил за дверь.

В партком группами и поодиночке начали заходить приглашенные студенты. Какие это были замечательные ребята! Беседовал я с каждым в отдельности, каждому говорил все то, о чем просили представители

Генштаба. И почти все, кто с ходу, кто поразмыслив, отвечали, что готовы бить врага там, куда пошлет их Родина.

Пришел студент пятого курса географического факультета Владимир Фомин. Прекрасный спортсмен — лыжник, был добровольцем в комсомольском лыжном батальоне во время войны с Финляндией. Мы с ним учились вместе еще на первом курсе в 1935 году, но он и сейчас понял меня буквально с полуслова, на правах товарища-однокурсника перебил:

— Не трать зря время — вон в коридоре еще сколько нашего брата. Говори прямо, когда и куда явиться?

Не хотелось бы, чтобы те ребята из сорок первого выглядели в глазах современного читателя эдакими бодрячками, представлявшими себе войну безобидной прогулкой, хотя, конечно, с высоты сегодняшних знаний о прошедшем некоторые представления того времени могут показаться несколько наивными. Да, когда началась война, большинство советских людей, и особенно молодых, не думали, что она будет для нас такой тяжелой. Многие верили, что в ближайшие же дни наступит перелом в ходе боев и Красная Армия разгромит немецко-фашистские полчища, выбросит их за пределы советской земли.

И конечно, молодежь рвалась скорее на фронт, спешила принять участие в боях, в событиях исторического значения, хотела на деле доказать преданность своей социалистической Родине. Ведь мы были воспитаны на подвигах героев гражданской войны, ее участники жили среди нас, были свидетелями и творцами разгрома белогвардейцев и иностранных интервентов.

На наших глазах проходили конфликт на КВЖД, бои у озера Хасан, на реке Халхин-Гол, война с белофиннами... Мы знали о войне не понаслышке, не из пятых рук и не строили иллюзий насчет того, что все с нее благополучно вернутся домой, продолжат прерванную работу или учебу. Но мы рвались на фронт, чтобы выполнить свой гражданский, партийный или комсомольский долг — защитить Родину.

Этим благородным устремлением объяснялось и то, почему большинство ребят, не колеблясь, соглашались идти в тыл врага для выполнения опасных заданий командования.

Правда, не все приглашенные на беседу оказались готовыми, а точнее, способными к работе в тылу противника. Некоторые, подумав, отвечали, что больше пользы принесли бы на фронте, в действующей армии, куда их можно направлять хоть сейчас. Эти ребята были вполне искренни: годами они готовились к встрече с врагом лицом к лицу, плечом к плечу с товарищами по оружию. А вот работать во вражеском тылу может далеко не каждый.

Когда отбор добровольцев окончился, я почувствовал большое удовлетворение — первое задание в интересах фронта было выполнено. А маховик войны неумолимо раскручивался с нарастающей скоростью, настойчиво требуя быстрой перестройки на военный лад и образа мышления, и практических действий. Одно на другое громоздились новые задания, к выполнению которых раньше просто не был готов. На первый план вышло властное, безапелляционное понятие — «надо!».

Хорошо запомнилось 25 июня. Утро началось со звонка из райкома партии. Последовало указание срочно направить в райком всех военнообязанных коммунистов и кандидатов в члены ВКП(б) — от красноармейцев до младших лейтенантов запаса включительно.

Говорю:

— Хорошо, но я тоже младший лейтенант запаса. Разрешите прибыть вместе со всеми?

Ответ разочаровал: мне предложили оставаться на месте.

Понимал я, что одно дело подбирать добровольцев, спрашивая их согласие, другое — направлять своих товарищей коммунистов, таких же младших лейтенантов, как и я сам. В этом случае уже ничего не надо было с ними согласовывать. Приказ приказом, а ведь дело-то имеешь с людьми, со своими товарищами. О чем думали они, получая от меня указание о мобилизации? Не о том ли, что сам-то ты, дескать, сидишь за письменным столом, а меня посылаешь... Сидела в голове у меня эта мысль и не давала спокойно жить и работать. Вот в кабинет зашел младший лейтенант запаса Григорий (для меня — Гриша) Гринштейн, с которым я учился в одной группе. Я знал, что он женат, у него две дочки, и все же вынужден был сказать:

— Иди, Гриша, в райком. Если направят на фронт, пиши, не забывай «альма матер».

Простился он со мной довольно холодно. Однако, как оказалось, ненадолго. Когда он, побывав в райкоме, снова вошел в мой кабинет, я уже знал из телефонограммы, что младших лейтенантов больше посылать не нужно, но продолжать направлять красноармейцев. На душе стало легче: Гринштейн пока остался со своими дочурками.

Наконец-то и мне пришла долгожданная повестка из Москворецкого райвоенкомата с вызовом на 29 июня. Беседуя там с одним из его работников, понял, что он заранее хорошо изучил мои документы. На вопрос капитана, не мешает ли мне что-либо оставить университет, я ответил, что таких причин нет. О своей брони как секретаря парткома МГУ — ни слова.

Несмотря на то что у дверей кабинета собралось, ожидая приема, немало людей, разговаривали мы неторопливо, обстоятельно. Капитан

поинтересовался, как работает в новых условиях, нет ли у парткома в данный момент каких-либо особо важных и экстренных заданий. Услышав, что все в порядке, самые ответственные задания партком уже выполнил, он удовлетворенно кивнул головой. Капитан коротко сообщил о том, что ЦК ВКП(б) принял постановление о мобилизации коммунистов и комсомольцев и направлении их в армию для усиления партийно-политической работы в войсках.

— Нам известно, — заключил он, — что вы желаете вступить в Красную Армию. И так как не вижу к этому каких-либо препятствий, то считайте, что пришли в нее по партийному набору.

С этими словами он вручил предписание, которым мне предлагалось отбыть в распоряжение командования Киевского Особого военного округа. Вместе с предписанием я получил и билет на поезд «Москва — Киев», отправлявшийся 30 июня вечером. Времени на оформление всех дел и сборы оставалось в обрез, и я прямо из военкомата направился в Краснопресненский РК ВКП(б). Снялся с партийного учета. В здании толпа народа. Снимают с партучета не только секретари, но и зав. отделами. К одному из них я и зашел. Он, правда, удивился, что я не забронирован, но с учета снял.

В университете сдал партийные дела своему заместителю Ивану Павловичу Андрееву. Забегая вперед, скажу, что И.П. Андреев был тоже потом призван в ряды Красной Армии, прошел всю войну. Удостоен боевых наград. А после победы, вплоть до выхода на пенсию, преподавал историю в высших учебных заведениях города Львова. Сейчас его нет среди нас.

После парткома зашел проститься к ректору университета Александру Сергеевичу Бутягину. Он все еще был сердит на меня за резкий доклад на бюро горкома и настроен скептически по поводу моего отъезда. Говорит: «Зря все это задумано. Какой из вас вояка. Транспорт только будете загружать, ездить туда и обратно». Но простились хорошо.

Чуть ли не в полночь добрался до дома. Еще по дороге продумал, как надо себя вести. Встретив вопросительные взгляды родных, сразу же бодро объявил, что все в порядке — меня призвали в армию. Тут же добавил, что еду в Киев, находящийся в глубоком тылу, так что ничего опасного не предвидится. Даже хорошо снова побывать в этом прекрасном городе, воспоминания о котором храню с детства, посмотреть, как он выглядит сейчас.

Не знаю, этот ли ход помог или характер у моих женщин оказался сильным, но и мама, и жена проявили, во всяком случае внешне, большую выдержку. Подтвердилась и моя уверенность в том, что отец полностью меня поймет и поддержит. Всплакнула только няня, Ирина Иванов-

на, да и та втихомолку, прикладывая носовой платочек к покрасневшим от слез глазам. Жена пыталась поехать провожать меня на вокзал, но я категорически запротестовал. Пусть в памяти и их, и моей останется не горечь расставания в многоголосой вокзальной толчее, а тепло и уют родного дома. Прощаясь, пообещал, что при каждой возможности буду писать. Посидели молча, на дорожку, расцеловались. И за мной мягко закрылась дверь, за которой словно бы остались детство, юность, счастливая мирная жизнь, где все было понятно и прочно.

Здесь мне кажется уместным сказать несколько слов о членах семьи, с которыми весь свой фронтový отрезок жизни я был связан и мыслями, и письмами, без которых не появились бы на свет эти воспоминания.

Моя мать, Елена Николаевна, москвичка, родилась в многодетной семье служащего. Окончив гимназию, большую часть своей трудовой жизни проработала статистиком.

Я был у нее единственным сыном, конечно же любимым, но она была требовательной, особенно когда дело касалось учебы. Поощряла мою самостоятельность. Когда в 18 лет, в 1932 году, окончив топографический техникум, я заявил, что хочу поехать работать на Дальний Восток, никаких возражений не последовало.

Отец, Михаил Епифанович, после окончания Коммерческого института (ныне институт имени Г.В. Плеханова в Москве) работал инженером на химических заводах, затем в научно-исследовательском институте. Без защиты диссертации, по опубликованным работам, ему присвоили ученую степень кандидата химических наук, а в годы Великой Отечественной войны отец защитил докторскую диссертацию, стал профессором, заведующим кафедрой. Только в восемьдесят один год он перешел на должность профессора-консультанта.

С Александрой Михайловной Федоровой, ставшей впоследствии моей женой, мы вместе учились в Московском топографическом техникуме, были в одной учебной бригаде, ездили на учебную и производственную практику. Нас сближали не только совместная учеба и работа, но и совпадение увлечений. Вместе мы уехали и на Дальний Восток.

После окончания университета я стал геологом, а Шура — геодезистом. Вскоре после начала войны жену направили в экспедицию в поселок Кувандык Чкаловской (ныне Оренбургская) области. С нею была и дочь...

К этому краткому отступлению хотелось бы добавить, что чувство неразрывной связи со своей семьей, любовь к родным, признательность за все, что они отдали ради детей, помогали воинам бить врага, вдохновляли на подвиги, согревали сердца мыслью о том, что их возвращения

с победой ждут дорогие и близкие люди. Защищая Родину, каждый советский воин защищал также свой дом и очаг.

Снова вокзал, но теперь уже Киевский. Направление то же, что и неделю назад, но обстановка совсем другая. Среди пассажиров очень мало женщин и совсем нет детей — они только провожают. Вокруг объятия, поцелуи, слезы. В темноте на перроне Киевского вокзала довольно быстро нашел поезд вагон. Занял место для себя и на всякий случай еще одно. До отхода поезда оставалось несколько минут. Вагон набит до отказа. А я все надеюсь, что вдруг кто-нибудь из знакомых появится, и твердо отвечаю: «Занято». И оказалось, не зря. Лязгнули буфера, и вдруг в проходе, с тяжелым чемоданом, потный, запыхавшийся, возник (не найду другого слова) Гринштейн, мой сокурсник по кафедре. «Гриша, — позвал я, — иди сюда. Сколько же тебе место можно держать?» Честное слово, он прямо остолбенел от неожиданности. Отдышался и предложил выйти покурить в тамбур. И вдруг признание: «Извини, виноват перед тобой. Когда ты меня послал в РК сниматься с учета, подумал: хорошо устроился за бронью».

— Нет, Гриша, мне самому повоевать хочется. И об этом больше ни слова.

Потом мы разговорились. Оба были рады, что вместе едем в Киев, где будет решаться наша судьба.

Утром со станции Михайловская отправил домой открытку — первое и самое короткое свое послание с дороги длиной в два года: «Еду хорошо». В чем-то это было правдой. Но, как говорят, еще не всей правдой. Я просто не стал добавлять, что уже почувствовал дыхание войны. Особенно в Бахмаче.

Поезд подошел к этой узловой станции днем. Нещадно пекло полуденное, уже июльское, солнце. Перрон и здание вокзала были забиты людьми, главным образом женщинами. Многие из них держали на руках спящих малышей, да и сами дремали, обессиленные трудной дорогой. Картина сама по себе безотрадная. Однако больше всего меня не просто удивило, но поразило прямо в сердце то, что по лицам и взрослых, и детей безнаказанно ползало множество мух и ни у кого не было сил их отогнать. Казалось бы, мелочь, но в апатии этих людей отчетливо виделась предельная усталость. Увидев все это, я, кажется, впервые по-настоящему понял, какие страдания несет народу война.

В Киев прибыли глубокой ночью. Теплой, безветренной, звездной. Невольно вспомнилось: «Тиха украинская ночь, прозрачно небо, звезды блещут...». Все так. И совсем по-другому. Город затемнен, поэтому трудно судить, каков он сейчас, военный Киев, на который уже с рассветом 22 июня вражеская воздушная армада обрушила бомбовый груз.

Большой группой идем по указанному в предписаниях адресу. Часто нас окликают гражданские патрули — в большинстве своем пожилые люди с красными повязками на рукавах. Где отшучиваемся, где предъявляем документы.

Когда добрались до места назначения, то ко всеобщему удовлетворению дежурный командир, ознакомившись с предписаниями, тут же направил всю группу на ночевку в общежитие, оборудованное в классах школы. Спалось в ту ночь на редкость крепко.

Утром без проволочек получили обмундирование, оружие, патроны. Выдали нам кавалерийские карабины образца 1938 года: они короче и легче винтовок, удобнее для носки. Мы считали, что нам повезло. Отсутствие же штыка не смущало: казалось, что штыковой бой безвозвратно ушел в прошлое, а врага на близком расстоянии нетрудно просто застрелить. Мало кто верил, что придется врага колоть штыком.

3 июля получил я назначение в населенный пункт с ничего мне не говорящим названием Белокоровичи. С трудом удалось выяснить, что он имеет отношение к укрепрайону, оборудованному вдоль старой государственной границы. Сформировали команду, назначили в ней старшего.

3 июля мы собрались уже было идти на вокзал, когда по радио началось выступление И.В. Сталина. Вокруг похожего на граммофонную трубу репродуктора, укрепленного на столбе во дворе военного городка, быстро собрались все, кто был поблизости.

Сквозь шорохи эфира из Москвы донесся знакомый голос. Та же неторопливая, взвешенная речь, но интонация совсем другая. В ней улавливались глубокая тревога и одновременно непривычная мягкость, пожалуй, даже душевность: «Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои!..»

От такого необычного вступления невольно защемило в душе. Слышно было, как во время выступления Сталин пил воду, наливая ее из графина в стакан. Значит волнуется. И это еще больше дало почувствовать, в какой опасности находится наша Родина. И одновременно мысль: а не преувеличиваем ли мы значение Сталина, его несокрушимую волю? Я ее тут же отогнал прочь. Затаив дыхание, слушали мы суровую правду о неблагоприятном для Красной Армии развитии боевых действий, о причинах сложившегося положения и мерах, необходимых для достижения перелома в нашу пользу. С каждой минутой голос Сталина крепчал, формулировки становились жесткими. И заключительный призыв «Вперед, за нашу победу!» прозвучал вечевым колоколом, поднимающим советских людей на всенародную Отечественную войну.

С минуту все стояли молча, буквально потрясенные услышанным. К действительности нас вернул вой сирен, извещавших о воздушной

тревоге, а вслед за этим, почти без паузы, грохот рвавшихся неподалеку авиабомб. Фашистские летчики действовали нагло и самоуверенно, нанося удар по Киеву среди бела дня. Не успели мы отреагировать на запоздалую команду «Воздух!», как услышали нарастающий гул мотора, и над нами, чуть ли не касаясь крыш домов, пролетел самолет с черными крестами на крыльях и паучьей свастикой на руле поворота. Хорошо была видна голова летчика в шлеме. У всех были патроны и... ни одного выстрела. Полная растерянность.

Воздушный налет окончился. Пора было отправляться к месту назначения. Прибыли мы на вокзал. Такого наплыва людей я, пожалуй, раньше не видел: даже привокзальная площадь оказалась до предела запруженной народом, а на перроне и подавно яблоку негде было упасть. Удалось выяснить, что поезда на запад не идут и когда пойдут, неизвестно. Вопрос «Почему?» показался наивным: «Не понимаете, что ли, что пути разбомбили?»

Что же делать? Кто-то из военной комендатуры посоветовал: «Идите в Ботанический сад, там сейчас много таких, как вы». Старший группы решил последовать этому совету, оказавшемуся вполне обоснованным. Действительно, там собралось немало командиров, призванных, как и мы, из запаса, о чем можно было судить по новенькому, кое-как подогнанному обмундированию и пока еще гражданской выправке.

Двое суток мы протомились в неизвестности. Порой казалось, что о нас попросту забыли. Но вот появились представители штаба округа, переписали нас, построили в колонну и, видимо для закалки, пешим порядком отправили под Бровары, хотя в этот город из Киева ходили не только поезда, но и полупустые в ту пору трамваи.

Под Броварами в сосновом лесу находился опустевший лагерь курсов усовершенствования командного состава Киевского военного округа; слушатели по тревоге в первый день войны ушли на фронт. Разместились в палатках в сосновом бору, гадая, надолго ли оседем в этом благодатном уголке. Через несколько дней объявили, что все мы зачислены в резерв только что образованного главного командования Юго-Западного направления. Именно сюда будут прибывать представители армий за пополнением командными кадрами. Наши прежние назначения были аннулированы.

Глава 10

В резерве направления

В резерве все началось с заполнения довольно подробных анкет, в которых помимо всего прочего требовалось указать последнее место работы и выполнявшиеся партийные поручения. Думается, что именно ответы на эти вопросы да еще выступление на первом здесь партийном собрании сыграли определенную роль в моей дальнейшей судьбе. Что касается анкеты, то все понятно: руководство выяснило, что я был секретарем парткома университета. А вот на партсобрании я, все еще находясь под сильным впечатлением от выступления И.В. Сталина, увлекся, говорил взволнованно, от души и даже с разрешения коммунистов превысил регламент. Кончилось тем, что меня избрали секретарем партбюро батальона, а вслед за этим назначили командиром взвода, в состав которого входили не только такие, как я, призванные из запаса, младшие лейтенанты, но и лейтенанты.

В те дни я писал родителям: «Доехал до места назначения. Правда, ознакомиться как следует с городом не успел — пока не до экскурсий. Не добрался еще и до фронта. Сейчас учусь воевать и, представьте себе, учу этому других, ибо получил командную должность. Дело очень ответственное — ведь от боевой выучки на фронте зависит все, в том числе и жизнь. Поэтому приходится трудиться, как говорят, до седьмого пота».

Нелегко было ежедневно проводить с подчиненными многочасовые занятия еще и потому, что сам я разбирался в военном деле не намного больше, чем они. Хорошо, что у меня в активе была трехмесячная служба командиром стрелкового взвода в 1-й мотострелковой Московской дивизии, куда меня направляли по призыву в 1939 году во время освободительного похода Красной Армии в Западную Украину. Очень мне та практика сейчас пригодилась.

Линия фронта, еще при выезде из Москвы казавшаяся такой далекой, стремительно двигалась на восток. Вот уже и Киев перестал быть тыловым городом. 11 июля вражеские моторизованные войска прорвались

на подступы к нему и были задержаны только на рубежах реки Ирпень, в 15–20 километрах от столицы Украины. Естественно, в этих условиях боевая учеба резервистов проходила с предельным напряжением. День за днем на занятиях в поле мы отрабатывали действия взвода в обороне, наступлении, атаке, разведке, совершенствовали навыки владения оружием, тренировались в ориентировании на местности. Каждый понимал, что приобретенные на занятиях знания могут понадобиться уже в ближайшее время.

Учеба учебой, но кроме нее на мне лежала еще одна ответственная обязанность — руководить большим партийным коллективом батальона. И хотя располагались мы в одном месте, приходилось находить небольшие «зазоры» в плотном графике боевой учебы, чтобы провести заседание партбюро или партийное собрание. Главным при этом я считал хорошую подготовку к каждому мероприятию, обсуждение самых острых и актуальных вопросов, связанных с боевой и политической подготовкой командиров резерва, путями повышения действенности учебы. Особое внимание уделялось обеспечению примерности коммунистов в овладении военным делом. Должен сказать, что коммунисты с большой ответственностью относились к учебе, образцово выполняли свои обязанности. Так что не припомню случая, чтобы с кого-нибудь из них пришлось спрашивать за нерадивость.

Тщательно продуманные и подготовленные с помощью членов партбюро и партийных активистов партийные собрания проходили по деловому, коммунисты вносили немало ценных предложений. Именно они подняли вопрос об изучении трофейного оружия, чтобы знать его возможности, а в случае необходимости и применить в бою.

В тот период мне как-то удалось на короткое время вырваться в Киев в надежде связаться по телефону с Москвой. Город трудно было узнать: повсюду возводились заграждения из мешков с песком, устанавливались противотанковые ежи, подвальные окна домов превращались в амбразуры и бойницы. По безлюдным улицам маршировали пестрые колонны пожилых и совсем юных народных ополченцев. Общее у них было одно — суровые лица, выразившие твердую решимость отстоять родной город от ненавистного врага.

Между тем пробил час, когда резерв начал таять. Один за другим убывали командиры на разные участки нашего Юго-Западного направления. В конце июля вызвали в штаб резерва и вручили направление в одну из частей действующей армии Григорию Гринштейну. Так получилось, что проститься нам, пожать друг другу руки пришлось буквально на ходу.

- Ты куда?
- В Одессу.

— Желая тебе, Ахилл, удачи в боях.

Нет, это не метафора, не комплимент, каким, несомненно, стало бы сравнение кого-либо из современников с прославленным в древнегреческой мифологии храбрейшим из осаждавших Трои греческих воинов. Дело в том, что Гринштейна действительно звали Ахилл, но это данное родителями редкое имя ему не нравилось, он всем представлялся как Григорий. Мое пожелание, высказанное Гринштейну в минуту разлуки, увы, не сбылось, в боях за Одессу он погиб. На мраморной доске, установленной на пятом этаже главного корпуса МГУ, на геологическом факультете, вместе с именами других студентов, отдавших жизнь за Родину, значится и «А. Гринштейн».

Теперь, когда враг подошел вплотную к Киеву, участились ночные и дневные бомбардировки города и его окрестностей. В один из солнечных августовских дней я проводил со взводом занятия по тактике. Услышали гул самолетов и увидели проходившую неподалеку на средней высоте колонну немецких пикирующих бомбардировщиков. Сирена завывала, когда неожиданно колонна развернулась и «лапотники» вслед за ведущим, один за другим переворачиваясь через крыло, ринулись в пики на наш лагерь. Я был дежурным по батальону. Приказав подчиненным укрыться в щелях, я, увидев, что к нам неторопливо шел командир резерва полковник Е.Ф. Макарчук, остался на поверхности. Полковник подошел, поздоровался и стал рассматривать в бинокль и без того растущие на глазах «юнгерсы».

Неподалеку от нас, за шоссе, располагалась батарея зенитных орудий. Зенитчики встретили самолеты запоздалым и, увы, неточным огнем. Подавив батарею, «лапотники», не встречая противодействия, с душевраздирающим воем сирен устремились на лагерь. Полковник Макарчук, а вслед за ним и я прыгнули в щель. И вовремя — вздрогнула земля, бомбы разорвались совсем близко. И тут мне на шею мягко шлепнулось что-то маленькое, почти невесомое. Стекла и упали на рукав гимнастерки несколько капель крови. Взяв рукой это «что-то», я увидел на ладони еще теплого, но уже мертвого окровавленного чижика. Невольно вспомнилось детство и чижики в клетках. Эти маленькие, такие симпатичные птички быстро начинали петь в неволе, летали свободно по всей комнате, доверчиво садились на плечо — в общем доставляли много радости. И вот — мертвый, окровавленный чижик. Война не пощадила и его...

Сколько погибло людей, мы узнали после окончания бомбежки — восемь человек. При таком массивном налете потери могли быть и больше. Прямых попаданий в щели не было, и никто из находившихся в них не пострадал. Так война сразу же научила нас ценить щели. И сколько же они спасли человеческих жизней!

В письме, отправленном 1 сентября 1941 года, я писал жене: «За эти два месяца здорово окреп. Прохожу в день свободно 50 км... За последние дни пришлось увидеть много украинских сел. Хорошее впечатление: большие, чистенькие, утопающие в садах. Население к армии относится замечательно, часто приходится долго уговаривать местных жителей, чтобы взяли деньги за продукты, которые они пытаются отдать даром. Больно думать, что война может в любую минуту в той или иной форме докатиться до этих тихих уголков».

К несчастью, вскоре докатилась и сюда. А содержание этого письма связано с тем, что наша резервная группа тронулась наконец с места. В последних числах августа мы построились в колонну и направились к новому месту базирования. Переход, даже после полуторамесячных основательных тренировок, оказался утомительным. Вещи везли на подводах, а мы шли в строю с карабинами, с шинелями в скатках и с противогазами. Но все же через трое суток, оставив за спиной полторы сотни километров пути, командиры резерва дошли до места назначения и обосновались опять же в лесу, неподалеку от города и железнодорожного узла Прилуки.

Сюда же стали прибывать командиры, уже принимавшие участие в боях. Среди них были и отставшие от своих частей. Признаться, не сразу удалось понять, как может отстать от своего подразделения командир. И только слушая взволнованные рассказы о тяжелейших условиях, в которых пришлось сражаться против превосходящих вражеских сил, о стремительных маневрах танковых и механизированных частей противника, перерезавших коммуникации, нарушавших связь и управление войсками, о том, как группами и поодиночке пробивались наши воины из окружения, мы, еще не испытавшие всего этого, яснее представляли, какой страшной силы удар обрушила гитлеровская Германия на нашу Родину, сколько еще потребуются сверхчеловеческих усилий, чтобы остановить, разгромить, уничтожить немецко-фашистских захватчиков.

В группе фронтовиков, пополнивших мой взвод, был старший лейтенант Олейник, к которому, как я заметил, все прибывшие с ним относились с особым уважением. «Храбрый командир», «настоящий герой» — так отзывались о нем товарищи. Кто-то показал мне и армейскую газету, в которой рассказывалось о командирской зрелости и личной отваге в бою Олейника. Еще подумалось тогда, что ему бы и командовать взводом, передавать молодым, необстрелянным командирам свой фронтовой опыт. И надо же, спустя несколько дней Олейник на самом деле стал командиром бывшего моего взвода. А произошло это так.

Для ознакомления с личным составом резерва и его переаттестации приехала к нам комиссия. Начали по одному вызывать на собеседова-

ние. Дошла очередь до меня. К столу, за которым сидели четыре старших командира, я подошел строевым шагом, отдал честь, представился. Заметил, что перед полковым комиссаром — председателем комиссии лежала заполненная мною еще под Броварами подробная анкета, но биографию пришлось рассказать сначала. Потом пошли вопросы, касавшиеся пребывания в резерве, здоровья, настроения... Спросили, есть ли какие-нибудь пожелания. Ответил, что только одно — прошу отправить в действующую армию.

— Подумаем, — сказал полковой комиссар и, опросив других членов комиссии, объявил: — Вы имеете университетское образование, опыт партийной работы, командовали взводом в Московской дивизии (три месяца в 1939 году). Аттестуем Вас адъютантом старшим стрелкового батальона. Думаем, что справитесь. Можете идти.

— Есть, адъютантом старшим стрелкового батальона, — ответил я и, когда возвращался в расположение взвода, все ломал голову: а что же это такое? Улучив удобный момент, справился об этом у Олейника.

— Да то же самое, что начальник штаба батальона, — ответил он. — А Вам предложили эту должность? Тогда поздравляю с повышением.

От привычного «штаб батальона» стало спокойнее.

— Думаю, что скоро Вас отправят на передовую, — продолжил разговор Олейник. — Объясню почему. Почти все аттестованы с повышением, да еще на конкретные должности. Надо полагать, что именно в этих категориях сейчас особенно нуждается фронт. А потери в командном составе, особенно в среднем, поверьте мне, достаточно велики — ведь в атаках командиры идут впереди своих подразделений. Так что комиссия сюда приехала не случайно.

Вскоре я узнал, что председатель комиссии остается у нас комиссаром резерва. Я решил к нему обратиться с просьбой об ускорении отправки меня на фронт. Попросился к нему на прием.

Выслушал меня комиссар внимательно. Вспомнил некоторых профессоров с истфака нашего университета, которые одновременно преподавали и в Военно-политической академии имени В.И. Ленина, в которой он учился. И когда услышал, что многих из них я знаю, проникся, очевидно, ко мне чувством симпатии: «Знаете что, сказал он мне, я Вас понимаю. Или надо ехать на фронт, или Вас надо отправлять в Военно-политическую академию». — «Нет, товарищ комиссар, я очень прошу удовлетворить мою просьбу». — «Хорошо, дам распоряжение отделу кадров, и с ближайшей партией поедете воевать. Желаю успеха».

Прошел день, другой. Приехали представители 38-й армии — набирать командный состав. Меня не вызывали. Пошел в отдел кадров. «В чем дело?» — «А им адъютанты старшие стрелковых батальонов не тре-

буются». — «Пошлите на любую другую должность». — «Командиром стрелковой роты подойдет?» Ответил, что согласен. «Хорошо, собирайте вещи».

И вот сбылось! Вместе с другими командирами забираюсь в кузов грузовика. Приехали в городок со странным названием — Кобеляки. Для меня-то оно памятно: довелось побывать недалеко отсюда в 1928 году. Мне было четырнадцать лет, когда с родителями по совету знакомых ездил отдыхать в поселок Новые Санжары. До места от станции Кобеляки ехали подводой, и город со столь звучным именем остался тогда в стороне. Теперь, спустя более десятка лет, представилась возможность утолить то детское любопытство.

После долгого бивачного жития в палатках в лесу этот городок показался мне таким уютным, таким славным, будто лучше и сыскать нельзя. Были мы в нем недолго, поэтому 9 сентября я написал родителям на клочке бумаги всего ничего: «Нахожусь в дороге. Здоров. Целую...».

В штабе 38-й армии нас распределили по соединениям. Несколько человек были направлены в 199-ю стрелковую дивизию. Среди них оказался и я.

Позднее я узнал, что 199-я стрелковая дивизия славилась как одно из боевых соединений Красной Армии, которое разбило 68-ю пехотную дивизию врага. Это именно о ее боевых действиях в сводке Совинформбюро от 12 августа 1941 года сообщалось, что в боях у железнодорожной станции Мироновка, на правом берегу Днепра, враг потерял 7500 солдат и офицеров убитыми и ранеными, 15 танков, десятки орудий, минометов, пулеметов, сотни винтовок и автоматов. В 1974 году была издана Воениздатом книга «Киевский Краснознаменный», где бои у станции Мироновка охарактеризованы как «подвиг личного состава 199-й стрелковой дивизии комбрига Д.В. Аверина».

Но тогда, получив назначение в дивизию, всего этого я, конечно, не знал, а просто отправился в соединение, имевшее индекс «199 сд». В штабе дивизии произошло уточнение адреса — в 617-й стрелковый полк. Туда я пошел в сопровождении связного — пожилого, очень словоохотливого красноармейца в выгоревшей гимнастерке. И как это нередко бывает, когда человек много говорит, даже по делу, ничего не удается сохранить в памяти. Не исключено, что я тогда плохо его слушал, думая о своем или прислушиваясь ко все более явственно доносившейся артиллерийской канонаде.

— Пришли, товарищ младший лейтенант, — сказал связной, указывая на несколько домиков, — здесь штаб 617-го полка.

Глава 11

В действующей армии

Издали показалось, что домики стояли пустыми, вокруг них — ни души. Но когда мы подошли поближе, то увидели тщательно замаскированные автомашины, лошадей у коновязей, снующих в разных направлениях бойцов. Встретил нас молодой красивый лейтенант, стоявший непринужденно, заложив пальцы рук за туго подпоясывавший гимнастерку ремень.

Связной, как видно здесь свой человек, обратился к нему не совсем по форме:

— Товарищ начштаба, вот младшего лейтенанта привел, направлен к нам в полк.

Слово «к нам» он произнес как-то особенно значительно, однако меня удивило другое: лейтенант — начальник штаба полка! Что-то о подобном и слышать не приходилось. Но надо было представляться:

— Товарищ лейтенант, младший лейтенант Сергеев прибыл в 617-й стрелковый полк для прохождения дальнейшей службы в должности командира стрелковой роты.

— Здравствуйте. Сироткин Петр Иванович.

Обменялись рукопожатиями. Не знал я в ту минуту, что пожимал руку человеку, который станет одним из моих ближайших друзей.

Из завязавшегося разговора выяснилось, что командиры рот в полку очень нужны, ибо некоторыми ротами командуют старшины. Однако только командир полка может решить, дать ли мне роту сейчас, или придется подождать до прибытия пополнения. Выяснилось также, что командир полка капитан Гриднев находился на КП в селе Пригаровка и что лучше всего воспользоваться полуторкой, которая повезет сейчас туда патроны.

Сироткин поинтересовался, есть ли у меня оружие. Узнав, что есть карабин, похвалил:

— Штука удобная в походе и в окопе. Но для ближнего боя командиру необходим револьвер или пистолет. Только где бы их достать?

Лейтенант на минуту задумался.

— Пойдите, сейчас найдем выход, — сказал он, увидев проходившего мимо военврача с двумя шпалами в петлицах.

— Товарищ Вилиг, — твердо, несмотря на разницу в званиях, сказал лейтенант, — у меня просьба: снимите, пожалуйста, свой пистолет и передайте его младшему лейтенанту. Он идет командовать ротой.

— Товарищ начштаба, а как же я без оружия?

— Обещаю, что скоро вам что-нибудь подыщем. Берите, младший лейтенант, и бейте без промаха.

Принял я от врача отличный пистолет ТТ и не расставался с ним более двух лет. По предложению лейтенанта Сироткина оставил я в штабе полка чемодан, явно более пригодный для поездок на курорт, перебростил через плечо полевую сумку и уселся рядом с шофером в кабине полуторки.

— Езжай быстро, — напутствовал Сироткин водителя. — Помни, что дорога, особенно на бугре, пристреляна фашистами. Попадешь под минометный или артиллерийский обстрел — не вздумай останавливаться или поворачивать назад — пропадешь. Меняй только скорость. Ясно?

Поехали. Вот и бугор, о котором шла речь. Машина то и дело подпрыгивала на ухабах, но водитель не снижал скорости. Еще несколько сот метров — и мы въехали в село. Остановились у дома, где находился командир полка. Вошел в дом и увидел моложавого, с симпатичным худощавым лицом человека, которого на гражданке никогда не принял бы за командира, занимающего такую высокую должность. Только добротная, хотя и выдававшая виды, коверкотовая гимнастерка да безупречная строевая выправка безошибочно выдавали в нем кадрового военного.

Капитан расспрашивал меня, тактично делая вид, что не замечал, как я невольно вздрагивал от близких разрывов мин: фашисты вели беспорядочный, непрекращающийся минометный огонь по селу.

— Это — беспоясый огонь, — спокойно пояснил Гриднев, когда мина шлепнулась где-то рядом, словно речь шла о елочной хлопушке.

— Вот что, товарищ младший лейтенант, — сказал капитан после непродолжительной беседы. — Несколько дней вы будете при мне для отдельных поручений. Попривыкнете, тогда и получите роту.

Когда стемнело, приехал верхом на кауром жеребце Сироткин. Минометный обстрел продолжался, но уже не производил на меня особого впечатления. Едва сели ужинать, вошел командир — танкист:

— Хочу проститься, товарищ капитан. Перебрасывают нас на другой участок фронта.

— Очень ты меня огорчил, друг, — ответил Гриднев. — Совсем другая жизнь, когда знаешь, что у тебя за спиной «коробочки». Ну, сие от нас не зависит. Желаю одного: будь здоров!

Вот так просто, силой приказа и обстоятельств, сходились и расходились на войне люди. Только что вместе, плечом к плечу стояли на одном огневом рубеже, а теперь разлучила судьба фронтовых побратимов, и никто не знал, увидятся ли они когда-нибудь вновь. Не оставалось даже времени на то, чтобы посидеть, проститься как следует, сказать друг другу добрые слова.

Едва закрылась дверь за танкистом, вошли трое разведчиков, принесли в вещмешке большую круглую противотанковую мину. Пояснили, что добрались до подбитых на «нейтралке» вражеских танков и там ее обнаружили. Похоже, что гитлеровцы уже успели оборудовать противотанковое минное поле.

Гриднев сразу же оживился:

— А ведь это может означать, что на нашем участке противник переходит к обороне. Нет ли немецкого боевого охранения около танков? Вот бы взять «языка»! (Мы тогда не знали, что 12 сентября враг уже начал наступление на кременчугском плацдарме. Поэтому и ушли от нас танки.)

Ночью поспать почти не удалось: нервы были напряжены, да и расположились мы пока для меня непривычно — прямо на полу, расстелив шинели. А главное, Гриднев и Сироткин разговорились вполголоса, вспомнили минувшие бои, вот я и прислушивался к воспоминаниям боевых командиров. Узнал немало интересного. Например, что под Мироновкой пьяные гитлеровцы устроили психическую атаку. У Гриднева хватило выдержки подпустить их на близкое расстояние и только тогда дать команду открыть огонь. «Похоже на то, что мы видели в кинофильме «Чапаев», — говорили командиры. — Но если по-честному, то психическая атака — не для слабонервных». Многие бойцы потом признавались, что едва выдержали напряжение, с трудом удержались от преждевременного открытия огня. Но уж потом-то, когда увидели, как валились под дружным огнем фашисты, как в панике бежали уцелевшие, поняли, что фашистских фанатиков лучше всего бить в упор, наверняка.

На следующий день Гриднев приказал мне сопровождать его при ходе переднего края обороны полка. С нами пошел также его адъютант лейтенант Токмачев — высокий и поэтому немного сутулившийся молодой человек. Он неотступно следовал за капитаном, не снимая руки с висевшего на груди автомата ППШ — предмета всеобщей зависти, ибо такого надежного и удобного оружия в полку было еще очень мало.

Погода стояла солнечная, немцы прекратили обстрел Пригаровки, и как-то не верилось, что мы идем на передний край обороны. А когда дошли, то он, долгожданный, меня просто разочаровал. Вместо представляемых ходов сообщения, окопов в полный рост, дзотов и прочих фортификационных сооружений, о которых нам говорили на тактических занятиях в университете и в лагерях во время сборов, я увидел наспех отрытые вдоль деревенской околицы, мелкие, по пояс, окопчики. Перед ними проходила проселочная дорога, а за ней стеной стояла высокая перезревшая пшеница. Обзора практически не было. Только поднявшись из окопа на бруствер и став в полный рост, можно было разглядеть метрах в трехстах впереди два подбитых немецких танка, о которых шла речь вчера вечером, а за ними — деревеньку, выходящую в нашу сторону садами.

— Там немцы, — коротко бросил Гриднев.

Поколебавшись, я все же сказал ему, что по пшеничному полю гитлеровцы могут скрытно подползти к нашей передовой и одним коротким броском оказаться в окопах. Внес и предложение: воспользовавшись тем, что ветер дует в сторону противника, поджечь пшеницу сразу вдоль всего занимаемого полком участка.

— Верно, — согласился капитан. — Только отдать такой приказ смогу, лишь согласовав его со штабом дивизии: там должны знать причину пожара. Свяжусь со штабом дивизии немедленно, после того как осмотрим позицию противотанковой батареи.

Батарея располагалась метрах в двухстах от переднего края. Молоденький лейтенант-артиллерист четко отдал рапорт. Гриднев поздоровался с ним как со старым знакомым. Стоим, разговариваем. Вдруг слышим со стороны противника минометный залп, зловещий свист мин над головой. Я их услышал впервые в жизни.

— Мины! — крикнул лейтенант. — Всем в укрытия!

И опять нас спасли щели, вырытые неподалеку от орудий, такие же узкие и глубокие, какие мы в свое время отрывали под Броварами.

Гитлеровцы точно засекли батарею. Несколько минут подряд вокруг нас рвались мины. Потом враг перенес огонь в глубину села, и тут же слышался треск автоматов. Было 12 часов 13 сентября 1941 года. Фашисты перешли в наступление на широком фронте в общем направлении на Полтаву и далее на Харьков.

Выскочив первым из щели, Гриднев крикнул командиру батареи:

— Отражать вражескую атаку! — и, обращаясь уже ко мне и адъютанту, добавил. — Бегом на КП!

Добежав до своего командного пункта, Гриднев по телефону коротко доложил обстановку, выслушал указания и, положив трубку, объявил:

— Приказано отходить в общем направлении на станцию Кобеляки, сдерживая всеми средствами продвижение врага и нанося ему максимальный урон.

Полк начал отход, когда враг уже вошел в Пригаровку. Я старался держаться рядом с капитаном. Остаток дня и всю ночь шли мы в направлении железнодорожной станции Кобеляки. Временами попадали под огонь немецких минометов. А к утру выяснилось, что части перемешались: в рядах нашего 617-го полка оказалось немало воинов из других частей. И наоборот, «исчезли» некоторые подразделения нашего полка. Только к обеду вышли к станции, но она горела и, как доложили высланные туда разведчики, находилась уже в руках противника.

Гриднев собрал командный состав подразделений, каждому определил маршрут, поставил задачу — собирать встреченных бойцов, командиров, отдельные группы, формировать из них команды и сосредоточивать на сборном пункте в колхозном саду севернее станции, куда подойдут и походные кухни.

Мне удалось собрать около 100 человек. Зрительная память на карту у меня была хорошая. Мы точно пришли на место сбора вместе с доброй сотней бойцов и младших командиров, «найденных» по дороге и сведенных в отряд. Здесь нас действительно уже ждали походные кухни, и после сытного горячего обеда настроение у всех несколько поднялось.

В большом колхозном саду, раскинувшемся в низине у сильно заболоченной речушки, под укрытием фруктовых деревьев собралось до шестисот человек. Капитан Гриднев, не мешкая, приступил к формированию подразделений и назначению командиров из числа тех, кого он лично знал и на кого мог положиться. В конце концов, пять или шесть командиров, в том числе и я, остались без войска.

— Вы — мой резерв, — объявил Гриднев. — Будете постоянно рядом.

Из пункта сбора станцию Кобеляки не было видно, ее заслоняла высота, на склоне которой поспешно окапывались немцы. Это было так недалеко от нас, что можно было разглядеть мелькавшие лопаты.

В саду оказалось несколько обложенных дерном погребов, сейчас пустых, предназначенных, вероятно, для хранения яблок. Около одного из них Гриднев приказал построить сформированные подразделения, поднялся на погреб, как на трибуну, и произнес речь, яркость которой поразила меня. «Товарищи! Командование приказало нам занять станцию Кобеляки и оборонять ее от немцев, но враг оказался там раньше нас. Поэтому, чтобы выполнить приказ, необходимо решительной атакой выбить противника с его позиции, захватить станцию и удержать ее. Подумайте, товарищи: за нами — Полтава. Это моя родина. За нами — наша Родина. Мы защищаем ее, защищаем Советскую власть. Я сын

рабочего и готов умереть за Советскую власть. Я смерти не боюсь. Я пойду в атаку вместе с вами...»

На этом речь Гриднева прервалась. Откуда-то из гущи деревьев полетела в нашу сторону цветная ракета, указывая, где скопились бойцы. И тут же на них, стоявших в тесном построении, посыпались мины. Один, второй, третий залпы. Произошло непоправимое — командир полка не выставил боевого охранения! На глазах у противника собрал остатки полка, которые попали под точный минометный огонь. Хорошая речь и плохие действия командира.

Когда грянул первый залп, Гриднев мгновенно оценил ситуацию и крикнул во весь голос:

— Строю — рассыпаться! Отходить к поселку!

После этого он соскочил с погребов на землю и оказался рядом со своим резервом. По блеску глаз и ходившим на скулах желвакам я видел, что капитан лихорадочно ищет выхода из создавшегося положения. Наконец, приказав нам лежать пока на месте, капитан пружинисто поднялся во весь рост и побежал к поселку, куда отходили люди. За ним, пригнувшись, последовал Токмачев.

Старшим никого из нас Гриднев не назначил, не до этого было. Кто-то проявил инициативу и предложил занять удобную позицию, чтобы можно было стрелять по врагу, который, скорее всего, может появиться со стороны, откуда пустили ракету. Все мы словно вдруг вспомнили, что находимся на фронте, в каких-то сотнях метров от фашистов. Быстро извлекли из кобур пистолеты, наганы — у кого что было. У меня кроме ТТ был еще и «киевский» карабин, еще у одного командира — винтовка со штыком. Вот и все наше оружие.

Мимо погребов, рядом с которыми развернулись события, проходила тропинка, скрывавшаяся метрах в 80 — 100 от нас за пирамидальными тополями. Из-за них-то и вышла группа фашистских солдат. Восемь или десять гитлеровцев шли без видимой опаски, переговариваясь между собой. У идущего впереди были засучены рукава, на груди болтался автомат. Его-то я и взял на мушку. Прямо в грудь.

— Огонь!

Недружно прогремели выстрелы. Тот, что с автоматом, словно споткнувшись, рухнул на землю. Думаю, что в него целились если не все, то большинство из нас. Уверен, что достала его и моя пуля. Остальные солдаты залегли и начали наугад строчить из автоматов в нашу сторону. Теперь превосходство врага в вооружении и плотности огня стало подавляющим. Пришлось нам сначала отползти за погреб, а потом перебежками добираться до поселка. В нем, однако, не оказалось ни души.

Покинув поселок, мы уже почти в полной темноте вышли к железной дороге и у переезда заметили большую группу людей. Оказались наши — из 617-го полка. Тут я прямо-таки столкнулся с Токмачевым. Спросил его, где командир полка?

— Убит капитан Гриднев, — с тоской в голосе ответил лейтенант и рассказал такие подробности.

Когда капитан вбежал в деревню, чтобы собрать бойцов, враги дали очередной залп из минометов. Услышав свист мин, Гриднев свернул за угол хаты, а Токмачев, находившийся от него метрах в десяти, упал на землю. Он видел, как одна мина разорвалась перед капитаном, а другая ударила в стену хаты, которая рухнула и накрыла уже распростертого на земле командира полка.

На душе было тяжело. Не успел я как следует познакомиться с первым своим фронтовым командиром, а его уже не стало. Отдавая дань личной храбрости Гриднева и глубоко переживая нелепую в общем-то потерю, я подумал о том, что зря капитан не выставил вокруг сада боевое охранение...

Уже за полночь прискакал на лошади посыльный из штаба дивизии. Не спешиваясь, спросил, какой полк, и, услышав, что 617-й, облегченно вздохнул.

— Вас-то мне и надо. Подскажите, где найти командира полка капитана Гриднева?

— Убит капитан, — ответил Токмачев. — Да и из штаба полка мы сами никого отыскать не можем. Так что, если хотите что-то передать, обращайтесь к командирам, которые здесь находятся.

— Ладно, — согласился конник, довольный, видимо, удачным завершением нелегкого и опасного пути. — Командир дивизии приказал занять окопы на этой высотке, за железной дорогой, — он указал рукой в сторону, где в густом мраке ничего не удалось разглядеть, — и держать здесь оборону до нового распоряжения. Если же натиск врага окажется очень сильным, то организованно, сохраняя людей и оружие, отойти по полю на Новые Санжары.

Посыльный ускакал, а мы отправились искать укрытую темнотой, неведомую пока высотку. Нашли окопы. Заняли.

Не сразу я задремал. Мрачные мысли не выходили из головы. Что же происходит? Где опытные командиры? Неужели все погибли в первые месяцы? Тогда я не мог ответить на мучивший меня вопрос. Прошло много времени, прежде чем была сказана правда народу, что в начале войны лейтенанты командовали ротами, а капитаны — полками не только потому, что были большие потери, а главным образом потому, что накануне войны были уничтожены армейские кадры.

К утру задремал. Как только стало светать, проснулся. Утро 16 сентября выдалось на редкость хорошее. Взошло солнышко. Тишина. Будто и нет войны. Сидим в окопах, отрытых на склоне высоты как надо: полного профиля, связанных между собой ходами сообщения. Кто-то сделал их очень добротнo. После того что пришлось видеть раньше, эта позиция выглядела «настоящей уставной». Но многое меня и смущало. Бугор-то мы оседлали, а о том, где находятся соседи слева и справа, да и есть ли они вообще, никто из нас не имел представления. Кроме того, имевшихся у нас сил (на глаз — человек 150 — 170) явно недоставало для надежной обороны рубежа, строившегося, судя по всему, в расчете на полк полного состава. И наконец, тревожил вопрос: кто же здесь командир, кто возьмет эти функции на себя. Хотя прибывшие из резерва на должность командира полка не годились, младшие лейтенанты все же поглядывали на лейтенантов как на старших по званию, а те либо стеснялись, либо, и это скорее всего, считали, что до начала боя кого-то пришлют постарше.

Все решило появление вражеских колонн, которые двигались с запада по двум параллельным дорогам, обтекавшим занятую нами господствующую над местностью высоту. Колонны солдат в серо-зеленых мундирах, двигавшиеся рядом с ними крытые грузовые автомобили и конные повозки неторопливо приближались к нам. Противник двигался без походного охранения, словно в своей вотчине. Что это: странная беспечность или переходящая всякие границы наглость самодовольных завоевателей?

Левая колонна была еще далеко, но правая приблизилась уже на расстояние верного выстрела, а команду на открытие огня все еще никто не подавал. Молчал и установленный на правом фланге пулемет «максим». Колонны поровнялись с нашим рубежом. А мы сидим и молчим.

Вдруг с левого фланга из окопа выскакивает на бруствер незнакомый мне чернявый скуластый лейтенант, бежит вдоль окопов на правый фланг и при этом высоким голосом виртуозно ругается:

— Это что же за война... Немцы идут..., а мы молчим... Слушай мою команду! По правой колонне противника — огонь!

Позже я узнал, что командование остатками 617-го полка принял на себя лейтенант Кочетков. А тогда тишину разорвала длинная пулеметная трель — это заговорил «максим». Тут же нестройно загремели винтовочные выстрелы, застрочил короткими очередями ручной пулемет ДП — «Дегтярев пехотный». Голова вражеской колонны, уже почти поравнявшаяся с занимаемой нами высотой, остановилась, а потом в рядах врага началась паника: застигнутые врасплох солдаты и офицеры бросились врассыпную, падали убитые и раненые. Фашисты несли из-

рядные потери. Гитлеровцы искали укрытия за любым бугорком, но с нашей высоты простреливалась вся прилегающая местность.

Как ни странно, но левая колонна, не обращая внимания на завязавшуюся перестрелку, продолжала движение по своему маршруту, удаляясь от нас все больше и больше, и в бой не вступила.

Появилось спокойствие. Как на стрельбище, старался брать фигурки на мушку и плавно нажимать на спусковой крючок. Думаю, что старался не зря.

Но вот фашисты перестали метаться: чувствовалось, что их офицеры навели порядок. Автомобили и повозки свернули с дороги и помчались подальше от места боя. Пехота залегла и стала отвечать винтовочным и автоматным огнем. Завязалась перестрелка. Заглянул в подсумок, а там уже не осталось и половины патронов — быстро же они тают! Похоже, не один я начал экономить боеприпасы: выстрелы из окопов слышались все реже. Умолк и «максим». А вот рассыпавшиеся по полю вражеские солдаты вели сильный огонь.

За нашими спинами, с той стороны, куда нам приказано было отходить, раздались приглушенные расстоянием знакомые уже хлопки минометных выстрелов. Серия мин разорвалась перед самыми брустверами окопов. Значит, враг нас обошел еще раньше, чем мы заняли позицию. То-то так беспечно двигались нарвавшиеся на нас колонны противника, знали, что где-то здесь уже прошли его передовые части.

После третьего залпа, услышав шелест мин, мы попадали на дно окопа. Мины взорвались, несколько попало в окопы. Раздались стоны. Понесли раненых. Остались лежать убитые.

Положение создалось критическое. И тут Кочетков распорядился: выполнять приказ комдива, вдоль телефонных столбов отходить на Новые Санжары. Бойцы стали вылезать из окопов и, пригнувшись, перебежать за восточный скат высоты.

В какой-то мере нам просто повезло: противник, вышедший в тыл 617-го полка, не завершил нашего окружения. Бойцы и командиры поспешно двигались к Новым Санжарам, до которых было километров 20 — 25. Преодолели мы это расстояние за 3 — 3,5 часа, не больше.

В Новых Санжарах выяснилось, что здесь расположился штаб 38-й армии. Об этом мы узнали от задержавшего нас и сопроводившего до небольшой площади военного патруля. Штаб был без войск. Где они находятся и что с ними происходит, не было известно. Во всяком случае там с удивлением восприняли, что в Новые Санжары вошли остатки подразделений 584-го стрелкового полка, а вслед за ними появились и остатки 617-го стрелкового полка с известием, что значительные силы немцев преследуют наши подразделения.

Группы бойцов и командиров нашего и 584-го стрелковых полков, а также только что прибывшей маршевой роты выстроились на площади. Появился всадник с орденом Красного Знамени на гимнастерке; запыленный, усталый, рука на перевязи.

— Комиссар нашего полка Бондаренко, — вполголоса сказал кто-то из командиров. — Недавно его после ранения увезли в лазарет, а он уже здесь, не иначе как сбежал.

Говорили о том, что орден комиссар получил за героизм, проявленный в советско-финляндской войне. И в ходе недавних боев он постоянно находился среди бойцов на передовой, вместе с ними отражал атаки фашистов.

Комиссар медленно проехал вдоль строя, внимательно вглядываясь в лица бойцов и командиров, узнавал многих из них, улыбался, приветливо кивал головой. Натянув поводья, остановился около нас и с трудом, держась здоровой рукой за седло, спрыгнул на землю. Подошел к незнакомому мне командиру и начал с ним о чем-то оживленно беседовать.

В это время на площадь вышел политрук с ППШ на груди и передал приказ строиться в две шеренги, а командирам и политработникам — впереди шеренг, отдельной группой. Нас, более или менее знакомых друг с другом лейтенантов и младших лейтенантов, оказалось шесть человек...

Прозвучала команда «Смирно!». К бойцам подошли член Военного совета армии бригадный комиссар Николай Кириллович Попель и начальник особого отдела.

- Кто командир полка? — глуховатым голосом спросил Попель.
- Убит командир, — нестройно откликнулось несколько голосов.
- Кто комиссар полка?
- Я, батальонный комиссар Бондаренко.
- Почему не стоите в строю?
- Я только что вернулся из госпиталя, товарищ бригадный комиссар.

Попель испытывающим взглядом обвел наши три отдельно стоявшие группы и решительно объявил:

— Слушать всем! Те, кто сейчас стоит на этой площади, образуют 617-й стрелковый полк 199-й стрелковой дивизии. Бойцы и командиры 617-го полка — первый батальон, группа 584-го полка — второй батальон, маршевая рота — третий батальон. Командиром полка назначаю... — генерал остановил свой взгляд на стоявшем вне шеренги, несколько в стороне, капитане, — Вас, капитан. Представьтесь.

Пожилой капитан в мешковато сидевшем на нем обмундировании явно растерянно отрапортовал:

— Помощник командира 617-го стрелкового полка по тылу капитан Ештокин. Но... я никогда никем не командовал, только руководил. Как же...

— А теперь будете командовать, — жестко перебил его Попель. — Вас учили в первую очередь воевать. Давно на фронте?

— С первого дня войны.

— Вот то-то. Принимайте командование немедленно. Комиссар есть, штаб будет. Командиром третьего батальона назначаю командира маршевой роты.

Попель вплотную подошел к нам, шестерым. Взгляд генерала остановился на лейтенанте, том самом, который принял на себя командование утром и приказал открыть огонь по вражеской колонне.

— Представьтесь.

— Лейтенант Кочетков.

— Назначаю командиром первого батальона.

Посмотрел на меня:

— Представьтесь.

— Младший лейтенант Сергеев.

— Давно на фронте?

— Два дня.

Генерал оценивающе смерил меня взглядом, секунду-другую помедлил и уверенно резюмировал:

— Назначаю начальником штаба первого батальона. — И еще раз, посмотрев мне уже прямо в глаза, добавил. — Видите, ваш батальон только недавно был полком. Предупреждаю, если станете терять людей не только в боях, но и где-то по дорогам, спросим не меньше, чем с командира.

Так я по стечению обстоятельств стал тем самым «адъютантом старшим батальона», на которого был аттестован еще под Прилуками.

Двое солдат, которые не могли дать объяснение, где их оружие, были по приказу Попеля расстреляны.

Через несколько минут бригадный комиссар отошел к ставшему 2-м батальоном 584-му полку, еще более сжато, чем нам, дал какие-то указания и вместе с сопровождавшими его проследовал к середине площади.

— Смирно! Слушать всем! — резко и требовательно заявил член Военного совета. — Там, за Ворсклой, справа — опушка рощи, слева — ветряная мельница. Это — рубеж обороны полка. Приказываю немедленно занять на этом рубеже оборону. Врага задержать во что бы то ни стало. Бейте беспощадно фашистскую сволочь! Исполняйте! Бегом марш!

Побежали. На бегу считал людей, на бегу получали боеприпасы. Когда миновали мост, сделали небольшую передышку. На коротком сове-

шании командир полка объявил о том, что будет на командном пункте, расположенном под крутым берегом Ворсклы, примерно за центром обороняемого участка. Как он собирался руководить, не видя поля боя и не имея средств связи, осталось для меня загадкой.

Занимать выделенный участок обороны было приказано немедленно, поэтому комбат Михаил Александрович Кочетков скомандовал подразделению следовать за ним бегом. По дороге мы успели обменяться лишь несколькими фразами. На вопрос, успел ли я пересчитать личный состав, я ответил, что всего в строю 128 человек: 122 бойца, 4 младших лейтенанта — командиры рот с заместителями — и мы с комбатом.

— Не густо, — заметил, досадливо качнув головой, Кочетков. — Передай-ка команду выделить в наше распоряжение от каждой роты по два бойца — понадобятся для связи и других поручений.

До рубежа обороны уже недалеко, но по стерне полусжатого пшеничного поля бежать тяжело, пришлось перейти на быстрый шаг. Убранная пшеница частично заскирдована, частично сложена в копенки. Впереди, знакомо уже, щетинится полоса перестоявшей пшеницы.

Когда говорят «Жизнь прожить — не поле перейти», имеют в виду, что поле перейти куда как проще. Но то колхозное поле, ставшее вдруг полем боя, нам перейти вообще не удалось.

Из рощи, в которую уходила пересекавшая поле грунтовая дорога, появилась группа немецких солдат, по-видимому, боевое охранение. Загремели автоматные очереди. По команде лейтенанта Кочеткова мы залегли и открыли ответный огонь из винтовок.

Плотность огня с опушки быстро возрастала. К тому же мы лежали на сжатом поле как на ладони, а гитлеровцы маскировались в кустах, между деревьями. Сразу же возникла мысль захватить участок необранной пшеницы. Но она была ближе к врагу, и немцы тоже стремились забраться туда.

У нас был лишь один ручной пулемет. Кочетков крикнул пулеметчику: «Не пускай фашистов в пшеницу, удержи их!» А сам вскочил во весь рост и отдал команду: «Батальон, за мной!» По тому, как все рванулись вперед, стало ясно, что об этом маневре думал каждый наш боец, каждый командир. Вбежали мы в пшеницу одновременно с противником, захватившим противоположный край несжатого поля.

Нашлось и место для КП батальона. Оно оказалось на редкость удачным. У самой кромки пшеничного поля стояла полуразрушенная мазанка. В какой-то мере она служила укрытием, а если подняться на крышу, то и наблюдательным пунктом: в бинокль хоть и плохо, но было видно, что происходит в пшенице. По тропинке, пролежавшей неподалеку от нашего КП, то и дело проходили бойцы, выносившие раненых. Их опрос

тоже давал возможность следить за ходом боя. Несколько раненых вышли к КП самостоятельно. Вскоре прибежал запыхавшийся красноармеец:

— Товарищ лейтенант, командир роты просит патронов и гранат. Мы заняли удобную позицию, но немцы все ближе и ближе подходят, а боеприпасов почти не осталось.

Лейтенант Кочетков решил:

— Вот что, беги по этой тропинке на КП полка, там должны быть поковки с боеприпасами. Да возьми с собой еще вот этого красноармейца.

Ответив «Есть!», бойцы побежали по тропинке и вскоре исчезли за поворотом.

А в пшенице шел почти неуправляемый ближний бой: стреляли друг в друга чуть ли не в упор, бросали гранаты. Но в конце концов какая-то «линия фронта» все же установилась.

И тут мы услышали далекое «ура» и сами закричали: «Наши! Наши атакуют!» Бойцы поднялись над колосьями и увидели, как с севера мчится конница. В лучах спускавшегося к горизонту солнца сверкали обнаженные клинки. Казалось, еще минута — и враг будет смят, повержен. Но из-за рощи, набирая скорость, выползло несколько немецких танков. Они ударили из пушек и пулеметов по кавалеристам. Словно споткнувшись, падали на землю и бились в предсмертной агонии лошади, вылетали из седел всадники. Атака конницы захлебнулась, кавалеристы повернули назад.

А за первыми немецкими танками, перечеркнутыми наши надежды на благоприятный исход боя, из леса стала выползать целая колонна, направлявшаяся к Новым Санжарам. На нас танкисты и внимания не обратили, хотя бой в пшенице продолжался.

Появился еще один боец:

— Товарищ комбат, патроны и гранаты кончаются. Много раненых лежат в пшенице. Командир роты просит указаний и помощи.

— Передайте: без приказа не отходить. Боеприпасов подбросим. Раненых готовьте к эвакуации, — и, обернувшись ко мне, спросил. — Куда же делись бойцы, которых мы дослали на полковой КП? Вот что, отправляйся-ка туда сам, доложи командиру полка обстановку и получи распоряжение о дальнейших действиях. Если надо держаться, то пусть выделит бойцов для доставки боеприпасов. Берите, сколько сможете унести, и, не мешкая, обратно.

Ответив «Есть!», я, пригнувшись, побежал по тропинке. Справа — кукуруза, слева — обрывистый берег Ворсклы. Вдруг я услышал свист пули. Сразу упал на землю. Чуть приподняв голову, заметил, что из посадки кукурузы поднялся голубоватый, быстро таявший клубок дыма.

Пополз медленно, по-пластунски, добрался до кукурузы и, осторожно раздвигая жесткие, предательски шуршавшие стебли, начал пробираться в глубь ее массива. Рядовая посадка кукурузы дала возможность в одном из просветов разглядеть затаившегося врага. Он лежал ко мне боком, лицом к тропинке в удачно маскировавшей его мышинного цвета форме. Тщательно прицелившись, я выстрелил из карабина. Гитлеровец ткнулся головой в землю.

Я встал и подошел вплотную к убитому. Передо мной, судя по нашивкам на погонах, был ефрейтор. Из-под каски на землю обильно вытекала кровь. Внимательно осмотрел фашиста: небольшого роста, коротконогий, нос крючком. Подумалось: «Вот так ариец!» Рядом — автомат «шмайсер» и запасная обойма. Перевернул гитлеровца на спину, достал из его карманов бумаги, документы. Повесив на шею трофейный автомат, с верным карабином в руках снова побежал по тропинке.

Через несколько десятков метров увидел распростершиеся поперек нее тела двух красноармейцев, посланных комбатом на КП командира полка. Понял, что это дело рук фашиста.

Капитан Ештокин встретил меня криком:

— Вы что, с ума там посходили? За все время — ни одного донесения! Только раненые приходят в санпункт, но они-то толком ничего не могут сказать.

«Хорошо, — подумал я, — что санпункт расположен в стороне от КП и к нему ведет другая дорожка. А то и раненые стали бы добычей фашиста».

Доложив командиру полка обстановку, спросил, что делать дальше.

— Что делать? Выходить из боя, идти сюда. Патроны и гранаты получите здесь — они понадобятся, если придется прорываться из окружения. А судя по всему, так оно и будет. Идите!

Смеркалось. Фашисты в темное время суток воевать не любили, и бой постепенно затих. Собрав с помощью связных остатки батальона, мы под прикрытием темноты спустились к Ворскле. На командном пункте оказался лишь «маяк» — старшина, передавший приказ командира полка выходить на дорогу Новые Санжары — Полтава и двигаться по ней. Там нас встретят.

Пока я, обжигая пламенем спичек пальцы, подсвечивал карту, Кочетков прикидывал какие-то варианты, потом, присвистнув, сказал:

— Все, гаси освещение! Чтобы попасть на эту дорогу, надо либо через Новые Санжары прорываться, что нереально, либо опять подняться наверх и обходить их, минуя позицию, которую только что оставили. В обоих случаях — фашистам в лапы.

Я вмешался:

— Командир, пойдем через Новые Санжары, но только вдоль реки, а может быть, где и по реке, к ней ведь только огороды выходят, ни одного дома близко нет. Если мост не охраняется, пройдем под ним, а там и до рога на Полтаву недалеко.

— А ты откуда это знаешь, местный, что ли?

— Да нет — отдыхал здесь в двадцать восьмом году. Это родители словно бы угадали, что мне тут воевать придется.

— А! Ну тогда давай, показывай дорогу. Кстати, — уже обращаясь к старшине, — а куда командование полка направилось?

— Да туда же, куда младший лейтенант показывает.

— А остальные батальоны?

— Точно не скажу, но и они, по-моему, туда же.

— Тяжелораненых нести, а остальных поддерживать, — отдавал приказание Кочетков. — Чтобы ни одного бойца здесь не осталось. Идти всем тихо — не разговаривать, не курить, ничем не греметь! Старшина, проверьте и наведите порядок. Младший лейтенант, пересчитайте людей!

— Уже пересчитал: в строю — сорок шесть, раненых — двенадцать. Остальные убиты или пропали без вести.

— Много потеряли, но и фашистов положили немало. Ну, веди, больше нам здесь делать нечего.

Память меня не подвела. Огородами без помех добрались до моста. Чтобы не подниматься на насыпь, тихо прошли под ним по колено в воде. Наконец вышли на полтавскую дорогу, но тут возникло неожиданное препятствие — путь преградил глубокий, с отвесными стенками противотанковый ров. Без каких-нибудь подручных средств его не преодолеть, тем более раненым. Помог случай. Послали красноармейцев вдоль рва. Один из них вернулся и доложил, что рассмотрел в темноте перекинутые через ров широкие доски. По ним и перебрались.

Выдвинув вперед походное охранение, прошли по дороге на Полтаву еще несколько километров. Подумывали уж было о привале, как вдруг услышали родное:

— Стой, кто идет?

Пока бойцы нашего охранения вели переговоры, подошли к ним Кочетков и я. Узнав, что мы — 1-й батальон 617-го полка, нам двоим разрешили пройти вперед, и через несколько минут, конвоируемые группой красноармейцев, мы предстали перед старшим лейтенантом, как выяснилось, командиром боевого охранения кавалерийской части. Он придирчиво изучил наши документы, задал несколько каверзных вопросов и, убедившись наконец, что мы именно те, за кого себя выдаем, сказал:

— Займете наши позиции и будете их оборонять. А наша часть переходит на другой рубеж.

— Так ведь нас, не считая раненых, меньше полусотни человек.

— Ничего, ваши уже частично там, вот их вы и пополните. Таков приказ командира дивизии.

Старший лейтенант отдал распоряжение о выдаче нам сухого пайка, успокоил, что окопы уже отрыты и копать ничего не придется.

Принял он у нас раненых для отправки в тыл, выделил сопровождающего, и мы попрощались.

Сопровождающий — младший лейтенант в длинной, кавалерийской шинели — вел в темноте уверенно. Пересекли вброд речушку. Стали подниматься на крутой берег. Скользко. Я приспособился — стал опираться прикладом карабина о землю. И вдруг перед самым лицом — пламя, оглушительный грохот. Выстрелил мой карабин. Там, в кукурузе, я перезарядил его и даже не поставил на предохранитель. И вот сейчас чем-то задел за спусковой крючок.

Выстрел, конечно, всех переполошил. Потом, когда разобрались, в чем дело, одни успокоились, а кое-кто и крепко отругал. Наш провожатый внимательно посмотрел на меня и не то с удивлением, не то с завистью воскликнул:

— Да вы ведь просто оружейный склад! Слушай, друже, — перешел он на «ты», — отдай мне карабин, пока он сам тебя не застрелил. Понимаешь, нам, кавалеристам, выдали обычные «мосинские» винтовки, а у тебя, пехоты, такая роскошь — карабин. Нечестно.

— Не нужна мне твоя винтовка. И вообще, я за карабин расписался.

— Лично мне твой подарок не для фасона нужен. Я винтовку подводчику отдам — ему она дороже золота. Карабин же мне, коннику, позарез нужен. Он ведь для нас специально создан. А у тебя еще и автомат немецкий, и пистолет. Арсенал, да и только. Расписался, говоришь. Но это же война! Может, скажешь, что и за немецкий автомат расписался?

Молчу, думаю. Замолк и провожатый, но, чувствую, огорчился. Пришли к окопам. Разместили людей по ячейкам, установили связь с правым соседом, оказавшимся действительно из нашего полка. Слева никого не было. Пожевали скудный сухой паек. Кавалерист опять попросил:

— Так дашь карабин?

— Бери.

И страшно, что отдал оружие, за которое действительно расписался, и в то же время сознаю — таскать все, чем обвешан, сил не хватит. Влез в свою ячейку, сжался в комок и заснул. Кончился день 16 сентября 1941 года. Думаю, именно в этот день приобщился я к славной семье фронтовиков.

Утром 17 сентября раздались крики: «Танки! Танки!» 18 – 20 танков развернутым строем не спеша накатывались прямо на наши окопы.

За ними – пехота, пока еще далеко, вне выстрела. А сколько же нас? 617-й стрелковый полк? Да, полк, он имеет номер. Мы помнили об этом. Знали и о том, что в полку-то не больше 150 человек, но и это не главное. Главное в другом – у нас практически не было средств для борьбы с этими ползущими стальными коробками. Все же мы стреляли, в надежде, что пуля залетит в смотровую щель, стреляли и потому, что просто сдавали нервы.

К тому времени я не раз уже слышал слово «танкобоязнь», произносимое порой и с ироническим оттенком. Но ирония уместна лишь в тех случаях, когда у людей есть хоть какие-нибудь средства для борьбы с танками, а они, забыв об этих средствах, не вступают с ними в борьбу. Думаю, если бы у нас тогда были противотанковые ружья, бутылки с горючей смесью «КС» или хотя бы с бензином, противотанковые гранаты или хотя бы связки ручных «РГД», мы бы не оставили рубеж, несмотря на то что оборудован он был слабо – одни лишь неглубокие ячейки. И признаюсь, я вздохнул с облегчением, когда услышал команду: «Прекратить огонь, отходить на полтавскую дорогу. Сбор – у следующего оборонительного рубежа».

Но стоило нам выскочить из окопов, как танки прибавили скорость, а от них по чистому полю не уйдешь. И тут раздались два мощных взрыва, потом еще один. Это сработали противотанковые мины, поставленные здесь нашими саперами. Я увидел, как танки, будто по команде, остановились перед рубежом, который только что мы занимали. Некоторые даже попятились назад. Это и дало нам возможность оторваться от них. Но, увы, ненадолго. Опять взревели моторы, несколько танков двинулось в сторону, обходя минное поле. Пришлось нам снова ускорить шаг.

Рядом со мной отходили три красноармейца. Они – гуськом, друг за другом, я – правее, около среднего. И тут произошло то, о чем никогда не смогу забыть. Мимо меня пронеслось что-то похожее на огненную струю и пронзило насквозь бежавшего рядом бойца. От прямого попадания снаряда он мгновенно превратился в бесформенный комок.

Но вот наконец и свежееотрытые окопы. Почти совсем обессиленный, с трудом перевалил через бруствер и свалился на дно одного из них. Еле переведя дыхание, спросил подошедших бойцов, из какой они части. Несколько человек назвали номер нашего полка, остальные – каких-то незнакомых частей. Тут же выяснилось, что среди них нет ни одного командира. Пришлось брать руководство на себя.

– Внимание! Слушать мою команду. Вы все – бойцы 617-го стрелкового полка. Я – ваш командир.

Подошел младший политрук, доложил, что он пропагандист из нашей части.

— Слушай, — говорю ему, — поскольку я принял командование, оставайся со мной, будем вместе воевать.

— Чем же мы будем командовать — ведь не полк же здесь на самом деле. Хорошо, если взвод наберется.

— Ну, назовем пока отрядом, а там видно будет.

Прикинул на глаз — что-то около сорока человек. А перед нами уже три вражеских танка, за ними до роты пехоты.

— Не стрелять, подпустим ближе! — крикнул я, рассчитывая, что враг нас не заметил, но было уже поздно — один боец застрочил из ручного пулемета.

Не знаю, возможно, это было и к лучшему. Во всяком случае, танки остановились и, не приближаясь, открыли огонь из пушек и пулеметов. Пехота же сразу залегла, вступила с нами в перестрелку. Я подал команду беречь патроны, стрелять по пехоте только наверняка. Немного удивило, что ружейный и автоматный огонь со стороны противника был довольно вялым: похоже, что он чего-то выжидал.

Так продолжалось 2 — 3 часа. А сколько времени нам вообще следовало здесь держаться, что делать дальше? Никто никакой задачи перед нашим отрядом не ставил. Просто мы знали, что за нами — Полтава и что врага по возможности надо задержать, не пускать вперед. Фашисты, видимо, решили, что перед ними новый оборонительный рубеж, перекрывающий путь на Полтаву, и ждали подхода подкрепления, чтобы действовать наверняка. Так я оценивал обстановку, изредка стреляя из автомата одиночными выстрелами.

У меня, как и у других бойцов, уже оставались считанные патроны, когда кто-то крикнул, что за спиной у нас немцы. Обернулись и увидели метрах в трехстах два вражеских танка, а за ними густую цепь пехотинцев. Обошли! Прием стандартный, но пока безотказный.

Для нас осталась открытой только дорога на восток. На этот раз я заранее наметил путь отхода и повел бойцов по ходам сообщения к недалекому зарослям кустарника. Пройдя через них километра полтора-два, мы выбрались на открытую местность и попали в расположение наших войск, выдвигавшихся к рубежу обороны в район населенного пункта Великий Тростянец.

Здесь оборонительный рубеж выглядел уже более солидно, да и занимал его хорошо укомплектованный бойцами полк. Можно было рассчитывать, что нас примут в него как пополнение. Да и командир части — капитан в лихо заломленной набок кубанке, выслушав меня, сказал вначале, что готов включить отряд в полк и даже назначить уча-

сток обороны. Потом, однако, добавил, что нас не сможет кормить, так как дополнительными фондами не располагает.

Это резко меняло положение. Посмотрев на изможденные лица бойцов отряда, давно не получавших горячей пищи, я сказал капитану, что оставляю с подчиненными младшего политрука, а сам пойду искать свой полк: надо ставить на довольствие людей.

— Смотри, — напутствовал он меня, — как бы не приняли тебя за дезертира.

Я и сам это понимал, но другого выхода не видел. Взял с собой двоих красноармейцев и отправился на поиски. Южнее Полтавы переправились по пешеходному мостику через Ворсклу. Предъявляли документы, расспрашивали, не знают ли, где находится штаб 199-й стрелковой дивизии. И нашли-таки! Трудно передать, какую радость я испытывал, направляясь по указанию одного из командиров к начальнику штаба дивизии.

В небольшой комнатке меня встретил коренастый, плотный полковник. Представился ему, доложил о том, чему был свидетелем в последние дни. И в ответ — совершенно неожиданное:

— Значит, вы были в окружении? Вот в особом отделе и дадите объяснения.

— Товарищ полковник, не были мы в окружении. В последнем бою враг обошел нас с тыла, вот и пришлось оставить рубеж. Все бойцы выведены из боя без потерь, находятся сейчас на переднем крае с другим полком, но их не ставят на довольствие. Что-то надо делать. Для этого я к вам и пришел.

— В этом и разберется особый отдел.

— В чем должен разбираться особый отдел? — раздался голос, и в комнату вошел худощавый комбриг. Я знал, что дивизией командует комбриг Аверин. Никогда его раньше не видел, но сразу же подумал, что это он и есть.

— Да вот младший лейтенант что-то плетет.

— В чем дело?

Стараясь не волноваться, я кратко доложил обо всех событиях, начиная с боя у станции Кобеляки. Комбриг слушал меня внимательно, пристально смотрел в глаза. Когда я закончил рассказ, он обратился к полковнику:

— Ты что же думаешь, ему немцы и свой автомат вручили, чтобы выделялся среди наших? Что-то я такого не припомню. Словом, отставить особый отдел! А вы, товарищ младший лейтенант, покажите на карте, где сейчас ваша группа. Так, понятно. А вот здесь, — отчеркнул он ногтем село Никольское, — штаб вашего полка. Теперь в нем новый

командир — майор Карапетян. Явитесь к нему и доложите, что к вечеру прибудет группа бойцов во главе с младшим политруком. Начальник штаба, пошлите две автомашины для доставки этих людей в 617-й полк.

Как я был благодарен комбригу Аверину! Какой груз он снял с моих плеч! На его доброжелательное «Можете идти!» ответил: «Есть!» — козырнул, вышел из дома и зашагал с легким сердцем в Никольское.

Первым в штабе полка мне встретился Сироткин. Шутливо приветствовал:

— А, москвитянин! Жив? Обстрелялся? Ну, пойдём к командиру полка.

Майор Карапетян Асканаз Георгиевич оказался человеком среднего возраста, очень спокойным и сдержанным. Кадровый командир, он после окончания учебы на курсах «Выстрел» направлялся в штаб 38-й армии в Новые Санжары за назначением, но опоздал: там уже был противник. Отходил вместе с нашей дивизией. Комдив поручил ему командовать 617-м стрелковым полком.

После короткого знакомства майор, немного подумав, принял почти такое же решение, что в свое время и капитан Гриднев:

— До прибытия пополнения будете при штабе полка для отдельных поручений.

Подходящее дело нашлось довольно скоро. К северу от нас проходила железная дорога. Можно было разглядеть и постройки небольшой станции. Поскольку с правым соседом связь отсутствовала, важно было узнать, в чьих руках эта станция. Это и поручили мне установить. Задание в общем несложное. С красноармейцем из комендантского взвода я и отправился в разведку.

Не вдаваясь в подробности, скажу, что у станции занимало оборону подразделение неизвестного мне полка. Связи у него ни с кем не было, а обстановка здесь складывалась крайне неблагоприятно: перед станцией сосредоточивались крупные силы врага.

С командиром подразделения, старшим лейтенантом, мы поднялись на чердак вокзального здания, и в бинокль через слуховое окно я отчетливо разглядел... обедавших гитлеровцев. На противоположном краю разделявшего нас, очень похожего на то, новосанжарское, поля в тени копенек сжатой пшеницы сидели немецкие солдаты и офицеры с котелками на коленях и усиленно работали ложками. «Эх, — с горечью подумал я, — подкормить бы их сейчас минами».

Гитлеровских солдат было много. Но еще хуже было то, что вдали за ними я разглядел угловатые силуэты замаскированных снопами танков. Их, увы, тоже оказалось немало. Поскольку ничего больше выяснить не удалось, я попрощался с заметно взволнованным старшим лейтенантом,

пообещав ему немедленно доложить своему командиру полка обо всем, что увидел.

Быстро, теперь уже зная, что здесь наши, в полный рост пошли в Никольское. Хлопок... шелест мины... Успел крикнуть: «Ложись!» — и мы оба бросились в придорожный кювет. Мина разорвалась почти рядом. Я почувствовал, что меня приподняли и ударили о землю. Ощутил сильную боль в голове. Подполз красноармеец, что-то говорил, но я не слышал. Попробовал подняться — голова пошла кругом, перед глазами все замельтешило.

Некоторое время лежал не шевелясь. Потом немного отдышался и с помощью красноармейца поплелся к деревне. Ноги не слушались, слабость, как после тяжелой болезни. Путь показался бесконечно долгим. Наконец добрались до штаба. В комнате — Карапетян, Бондаренко, Сироткин. Спрашивают о чем-то, а я все еще пребываю в мире безмолвия. Тогда взял лист бумаги и написал: «Не слышу ничего. Дайте карту». Писал, показывал на карте, говорил (позже уточнят: кричал). Не успокоился до тех пор, пока по выражению лиц не увидел, что поняли.

Положили меня на повозку и доставили в соседний поселок. Старший врач полка, военврач 2-го ранга Шурляков, определил: «Легкая контузия. Несколько дней полежишь, и все будет в порядке». Это он мне написал на клочке бумаги.

Всю ночь кружилась голова, почти не спал, зато к утру словно провалился, да на целые сутки. Проснувшись, обрадовался тому, что вновь услышал голоса, — значит, не оглох окончательно! Однако первые же два уловленных слова заставили вздрогнуть: «Мы окружены!»

Молча встал, оделся, забрал пистолет, автомат, плащпалатку и, не сказав никому ни слова, выскользнул за дверь — отправился к себе в полк. Первым делом зашел, конечно, к Сироткину.

— Ты что, удрал из санчасти? — удивился он. — Не поторопился?

— А что же ты мне прикажешь в постельке лежать, когда мы в окружении?

— Кто тебе об этом сказал? Похоже, что в медсанчасти у кого-то глаза квадратные с перепугу. Но, в общем-то, дело действительно дрянь. До окружения еще не дошло, однако попали мы как бы в мешок, из которого пока есть узенький выход. Через него и попробуем проскочить. А сейчас иди перекуси да отдыхай где-нибудь поблизости. Надо будет — позову.

В ночь на 26 сентября полк получил приказ скрытно выходить из мешка. Но по некоторым признакам можно было предполагать, что коридор врагом уже перекрыт. Если так, то следовало готовиться к прорыву из окружения.

Первой ушла разведка. За ней — головная походная застава. А дивизионную колонну возглавил 617-й стрелковый полк. Стало как-то поспокойнее, когда я увидел, что комбриг Аверин и командиры штадива шли впереди нашей части рядом с Карапетяном, Бондаренко, Сироткиным. За ними, приотстав на десяток шагов, двигалась группа командиров из нашего полка, не имевших своих подразделений. В их числе и я. А уже за нами вытянулась реденькая, малочисленная колонна полка, за ней и остальные части дивизии. Рядом с пешей колонной, на малом ходу двигались автомашины, повозки. Полуторка, на которой везли канцелярию штаба полка и на которой сидели писари во главе с одним из помощников начальника штаба, держалась рядом с командиром полка.

Пройдя несколько километров, мы вошли в какое-то село. В чистом небе висела полная луна, и в ее свете можно было разглядеть по сторонам от дороги украинские мазанки. Некоторые из них оказались повреждены, а иные и разрушены. На покрытых побелкой стенах тех, что располагались вблизи от дороги, отчетливо виднелись намалеванные красной и черной красками стрелы, номера, знаки, надписи на немецком языке. Оказалось, что тут уже хозяйничали оккупанты, а значит, находились мы в их тылу. Странное это было чувство — идти по своей земле, на которой уже хозяйничают немецкие фашисты.

Настроение, что и говорить, неважное. К тому же я еще не оправился после контузии, передвигался с трудом. Время от времени просто засыпал и просыпался оттого, что сталкивался с идущими рядом, или спотыкался о неровности дороги. Оказывается, понятие «спать на ходу» может иметь не только переносный, но и прямой смысл.

Товарищи, видя мое состояние, стали уговаривать сесть в штабную машину, а потом уловили момент и, подхватив под руки, буквально забросили меня в ее кузов, несмотря на протесты сидевших там писарей. Среди пассажиров оказался младший лейтенант Харченко с серьезно поврежденной ногой, который, как и я, самовольно покинул медсанчасть.

Мимо нас в голову колонны, к командиру дивизии провели пленного немца. Взяли его где-то спящего в пустой будке.

С полуторки обзор стал гораздо лучше, я смог разглядеть бойцов походной заставы, несколько опережавшей голову колонны. А вот разведчиков не видно — они где-то далеко впереди... Позднее узнали, что разведка сбилась с пути и свернула на другую дорогу. Это и привело к тому, что мы колонной вошли прямо в расположение гитлеровцев.

Их часовой расположился на скирде соломы и, по всей вероятности, спал. Когда же проснулся, то мы были от него так близко, что хорошо видели, как он ползет без оружия по скирде на четвереньках, и услышали его истошные вопли.

Чуть ли не в упор ударил по нам крупнокалиберный пулемет, но цветастые трассирующие пули от первой очереди пролетели над головой. Похоже, что фашистов мы застали врасплох. Но вот уже застучали автоматы, раздались винтовочные выстрелы. Некоторые из шедших впереди попадали, кое-кто бросился назад. И тут прозвучал уверенный голос комбрига Аверина:

— Стойте! Позади — смерть! Товарищи, только вперед! Бейте фашистов! За мной!..

Бойцы бросились вперед, стреляя на ходу. Прокатилось дружное «ура».

И тут наша автомашина вдруг резко свернула влево и, набирая скорость, помчалась, не разбирая дороги, назад. Впереди и следом за ней прыгали на кочковатом поле еще несколько автомашин. Эта гонка продолжалась минут десять — пятнадцать, пока не утих за спиной шум боя, исход которого остался мне неизвестным.

Остановились в поле. Кругом — тишина. С трудом спустился на землю, подошел к раскрытой правой дверце кабины и увидел сидевшего рядом с шофером совершенно измочаленного тряской старшего лейтенанта, которого раньше я встречал в штабе полка.

— Почему развернулись и покинули колонну?

— Имею приказ: ни в коем случае не рисковать перевозимой секретной документацией. За нее отвечаю головой.

Больше ничего выяснить не удалось. Оставалось только дожидаться рассвета, чтобы сориентироваться и решить, как действовать дальше. Наконец небо на востоке посветлело. Наступило утро 26 сентября.

Кроме нашей полуторки на поле оказалось еще несколько автомашин. Вскоре они одна за другой тронулись с места и направились к оказавшемуся неподалеку селу. Поехали вслед за ними и мы. Миновали окраину поселка, поднялись на бугор и остановились около большого дома, видимо, бывшего правления колхоза или совхоза. Из кабины вышел старший лейтенант:

— Хочу посоветоваться, что будем делать дальше?

— Надо здесь постоять и сориентироваться, — предложил я. — Подождать, не лезть никуда с закрытыми глазами.

Он согласился со мной. Между тем к нам подходили бойцы, командиры, спрашивали, из какой мы части. Трое оказались из нашей дивизии. Младший политрук Федоров из подразделения конных разведчиков, боец Иванов оттуда же и повар столовой штаба в один голос заявили, что дивизия прорвалась через вражеский заслон. Им же просто не повезло: под Федоровым в бою пала лошадь, и он отстал от ушедшего в прорыв взвода. Лишился лошади и Иванов, когда был в разведке. Повар же ехал

на повозке далеко от головной колонны. Когда началась стрельба, он остановил повозку и пошел вперед выяснить обстановку, а вернувшись обратно, повозки не обнаружил.

Пока мы беседовали, подошел лейтенант с двумя красноармейцами, спросил, из какой мы части, и, услышав ответ, огорченно вздохнул: «Нет, не наши». И вдруг предложил:

— Послушай, младший лейтенант, давай поменяемся автоматами.

Я посмотрел на висевший за его спиной автомат ППШ и ушам своим не поверил:

— Да зачем тебе это надо?

— Понимаешь, тяжело таскать ППШ после ранения, а немецкий — полегче. Поэтому и предлагаю.

Я с радостью согласился на обмен.

Неудержимо потянуло ко сну. Расположился было в тени около машины, хотел хоть полчаса подремать. Но тут подошла девушка в темном, ладно сидящем костюме и в берете.

— Здравствуйте, товарищи! Я местная учительница, — представилась она. — Вчера здесь проходили немцы, говорили: «Рус кольцо». И не пойму наших: стараются идти только ночью, когда ничего не видно и легко на немцев напороться. А вот через то поле идет дорожка. Немцы ее, точно знаю, не перекрыли. Я уже подсказала пулеметчикам, они сейчас поедут. Присоединяйтесь к ним, потом не раз меня вспомните.

Учительница ушла, а мы заволновались: «Ведь правду дивчина говорит — ЗИСы-то уже тронулись. А на каждом — по счетверенной зенитной установке, из такой, если полоснуть, сколько гадов уложить можно».

Словом, поехали и мы. Без труда догнали две перегруженные, до отказа набитые бойцами трехтонки. Дорожка плохая, труднопроходимая, влажный чернозем налипал на колеса, машины то и дело буксовали.

Но что это? Дорожка все ближе и ближе подходила к грейдерной дороге. Вот до нее осталась лишь пара сотен метров, и по ней на сближение с нами быстро ехал немецкий грузовик с пушкой на прицепе. ЗИСы спустились в балку, и с них эта машина не видна.

А она уже остановилась. Высыпавший из крытого брезентом кузова расчет сноровисто отцепил пушку, развернул ее на прямую наводку. Я прикинул расстояние: метров триста пятьдесят — четыреста. Не смог вспомнить, эффективен ли огонь из ППШ на такой дистанции, но решил стрелять. Опираясь локтями на крышу кабины, дал несколько коротких очередей. Немцы забежали, двое легли, стали отвечать. Вдруг сзади раздались два выстрела, рядом со мной просвистели пули. Обернулся и увидел у стога метрах в семидесяти двух целившихся в меня из винтовок людей в красноармейском обмундировании. «С ума сошли, — поду-

мал я. — А может быть, переодетые фашисты?» Перевалился через борт кузова на другую сторону, пристроился на подножке кабины и, сунув левую руку в проем окна, дал очередь правой. Ствол автомата увело вверх. Нет, с машины такая стрельба — пустая трата драгоценных патронов! Стрельбу прекратил, тем более что мы уже спускались в балку, из которой только что выбрались наверх ЗИСы. Слышно, что пушка бьет, а ответных пулеметных очередей нет, скорее всего, пулеметы без патронов.

Наша полторка остановилась в балке. Из кабины выскочили старший лейтенант и шофер с лопатой в руках. Боец быстро выкопал около стоявшего отдельно куста неглубокую ямку, в нее опустили небольшой сверток, засыпали землей и прикрыли аккуратно вырезанным куском дерна.

— Что там? — спросил я у командира.

— Списки личного состава полка, другие документы. Запомни это место. А теперь быстро поехали догонять зенитчиков.

Я снова встал на подножку. Выехали из балки. Увидели замершие, разбитые снарядами ЗИСы, рядом несколько убитых красноармейцев. Тут же грохнул близкий взрыв снаряда, капот нашей машины окутался паром. Надо уходить, и как можно быстрее. Направо — глубокий овраг. От него начиналась лесозащитная полоса, которая тянулась к грейдеру.

Спросил старшего лейтенанта как старшего по званию, что делать, куда идти? Он молчал — не то растерялся, не то просто не видел выхода. А время-то не ждало, каждая секунда была дорога. Поэтому сам дал команду:

— Взять оружие, бегом за мной!

Побежали к тому месту, где посадка подходила к оврагу. В овраг забираться нельзя — фашисты наверняка будут искать нас в нем и перестреляют сверху. Поэтому веду всех в посадку.

Тихо уходим подальше от оврага в сторону грейдера. Через просвет в кустарнике увидел, что враг получил солидное подкрепление — подъехали еще несколько крытых машин, из которых выпрыгивали солдаты и, растянувшись в цепь, бежали к оврагу. Судя по тому, что, добежав до его края, фашисты залегли и открыли огонь из автоматов, а в ответ слышались редкие винтовочные выстрелы, в овраге действительно пытались укрыться воины с ЗИСов.

Нас оказалось одиннадцать человек. На всех — один автомат, три винтовки, два нагана, пистолет, две гранаты «Ф-1». Реденькой цепью расположил своих товарищей вдоль лесопосадки. Через просвет в кустарнике наблюдал за тем, как немецкие солдаты во главе с офицером неторопливо шагали по полю в нашу сторону. Рядом со мной лежал младший политрук Федоров в своей длиннополой кавалерийской шинели.

И вдруг... Как часто на войне случалось это «вдруг»... Послышались голоса, потрескивание ломавшихся под ногами сухих веток. Кто-то шел по лесопосадке в открытую, не таясь. Я отдал Федорову гранату, а сам потихоньку продвинулся навстречу неизвестным. И что же увидел: в полусотне шагов от нас из посадки вышли на поле и направились навстречу немцам четыре человека: впереди — «учительница», за ней — «лейтенант» с бывшим моим «шмайсером» и два «красноармейца». Фашистские лазутчики?! Таких в нашем тылу тогда хватало. Федоров поднял наган:

— Я ее, сволочь, сейчас положу.

— Не смей! Если нас обнаружат, то ей — первая пуля. А пока подождем, что будет дальше.

«Учительница» подошла к офицеру, выкинула вперед руку в фашистском приветствии и начала ему о чем-то говорить, оглядываясь на «лейтенанта», будто призывая его в свидетели. Потом и тот вступил в разговор. Несколько раз он, явно встревоженно, указывал рукой куда-то в сторону от нас. Видимо, что-то там произошло серьезное, ибо офицер прервал «лейтенанта», бросил короткую команду и вместе с солдатами побежал обратно к машине, сделав знак всем остальным следовать за ним...

До вечера мы оставались на месте. Положение безрадостное: не было ни карты, ни хлеба, ни курева, ни воды.

Терпели. Больше всего мучило главное — где наши, куда идти?

Когда стемнело, поля вокруг осветило зарево костров — немцы жгли копны, скирды, не скупясь, пускали осветительные ракеты. Они, безусловно, знали, что в тылу у них еще немало командиров и бойцов Красной Армии, которые пойдут на все, чтобы вырваться из окружения.

Пока оставлять наше укрытие было очень рискованно. К сожалению, этого не хотел понять старший лейтенант, как я теперь знал — помощник начальника штаба полка.

— Надо идти сейчас, — твердил он, — а то ночи не хватит. Риск есть, но надо идти.

— Это не риск, а самоубийство, — возражал я. — Солома не может долго гореть, да и немцы не будут всю ночь ракеты жечь. Надо подождать.

Не удалось мне его переубедить. Он заявил, что подчиненные ему люди пойдут с ним, и увел шесть человек. Остались мы пятером.

— Знаешь, младший лейтенант, — сказал мне Федоров. — Будь у нас командиром. Должен один кто-то руководить: видишь, к чему ведет двоевластие.

— Ну если будешь комиссаром, то согласен, — ответил я.

К полуночи, когда костры все же угасли, я решил, что можно трогаться в путь. Повел группу на северо-восток, ориентируясь по звездам. Вот когда вновь пригодилось умение читать звездное небо, приобретенное

в геодезических и геологических экспедициях. На душе тревожно: принял командирские обязанности, ответственность за людей, а тут луница чуть ли не в полнеба, заливает всю округу мертвенным светом. Уж не прав ли был старший лейтенант? Нет, теперь все-таки больше шансов миновать вражеские заслоны.

Пока кругом — никого. Но вдруг издалека уловили какой-то неясный шум. Метрах в двухстах от нас оказался большак. Подошли к нему поближе и залегли. Вскоре услышали немецкий говор, топот ног. Мимо прошла колонна гитлеровцев (на глаз — до батальона). Выждав немного, наша группа пересекла большак и двинулась дальше. Шли через поля, кустарник, наконец поднялись на высоту и увидели озеро. Со стороны, откуда мы к нему вышли, вдоль берега рассыпалась цепочка мазанок, а за озером виднелось большое село. Осторожно, ежеминутно прислушиваясь, мы подошли к одному из амбаров. Харченко, Иванова и повара я оставил за углом, а сам с Федоровым направился к ближайшему домику.

За палисадником залилась лаем, загремела цепью собака. Лай подхватили собаки у соседних домов. Постучал в прикрытое занавеской окно.

— Кто? — чуть раздвинув занавеску, спросила женщина.

— Командиры, пустите, пожалуйста.

— Ой, боюсь! Нет, не пущу, я одна. Вон в соседней хате мужик живет, идите к нему.

— Вы хоть скажите — немцы-то здесь есть?

— В селе полно, а по нашему порядку не было.

Перешли к соседней хате, опять постучали в окно, слышим: «Жинка, отщепи». Подзываем жестом оставленную у амбара тройцу. Ребята подбегают к нам. Вместе входим в хату.

При тусклом свете зажженного хозяином фонаря увидели, что пол маленькой комнатухи засыпан толстым слоем зерна. Окна плотно завешены. Хозяин, окинув нас оценивающим взглядом и, видно, убедившись, что мы те, за кого себя выдаем, спросил, хотим ли мы есть. И, услышав честное признание, что голодны как волки, коротко бросил:

— Жинка, покорми.

Хозяйка подала молоко, хлеб. Пока, сидя на полу, закусывали, хозяин рассказывал:

— Это село называется Кошмановкой. Наши вчера здесь здорово германцев побили, но потом фашисты опять село захватили, а наши ушли, как я слышал, к районному центру — Максимовке. Это надо от нас по балке идти верст восемнадцать. По пути сельцо небольшое — Пятихатки. Через него к утру дойти и до Максимовки можно.

Попрощались мы и ушли. Теперь, когда определили свое местонахождение, подзаправились и знали, куда идти, стало легче на душе. А вот

физически уже так устали, что к рассвету дошли только до Пятихаток. Но заходить в село нельзя — в нем слышалось гулкое в предутренней тишине урчание танковых двигателей. Углубились в бескрайний массив высокой кукурузы, где почувствовали себя в сравнительной безопасности.

Мы понимали, что время работало против нас. Поэтому после короткого отдыха, преодолевая накапливавшуюся усталость, пошли дальше, к Максимовке. Как раз в этом направлении по полю шла дорога. Двигались вдоль нее, не выходя из кукурузы. Прошли несколько километров, не встретив ни души, и вот увидели всадника. На нем наша форма, но мы уже не верили внешним атрибутам. Подпустили почти вплотную, выскочили из укрытия:

— Стой!

Всадник левой рукой натянул поводья, правой — схватился за кобуру. А Федоров вдруг крикнул:

— Ребята, да это же командир батареи из нашего 617-го! Опускайте оружие.

Я тоже узнал командира батареи 45-миллиметровых противотанковых пушек.

— Ты куда?

Всадник осмотрел стоявших перед ним далеко не щеголеватых воинов, снял руку с уже расстегнутой кобуры:

— На рекогносцировку местности.

— Ну ты, друг, даешь! — изумился Федоров. — Один — на рекогносцировку. А если бы встретился не с нами, а с немцами — мы ведь из окружения выходим.

Командир батареи засмеялся:

— Не выходим, а вышли. Тут уже наши войска закрепляются, а Максимовка в трех километрах, до нее рукой подать. На окраине моя батарея, так что попадете как раз к обеду. Буду ждать.

Потребовалось больше часа, чтобы преодолеть три километра до окраины Максимовки, на которой действительно располагалась противотанковая батарея. Подкрепились здесь настоящим горячим обедом, я даже немного вздремнул, а потом отправился в штаб полка. Это было вечером 27 сентября. Сколько же пережито за неполные двое суток!

В штабе узнал, что, после того как комбриг Аверин поднял колонну в атаку, оборудованная на скорую руку вражеская оборона была быстро прорвана. Часть гитлеровцев перебили, другие разбежались. После прорыва колонна форсированным маршем дошла до Кошмановки — того самого села, куда минувшей ночью заходили и мы. В селе тогда размещался какой-то немецкий штаб. Дивизия с ходу вступила в бой. Заспанные, ничего не понимавшие фашисты выскакивали из домов в

одном белье, отстреливались, но наступательный порыв наших бойцов оказался таким высоким, что вскоре село было очищено от врага. Фашисты в панике бежали, оставив на улицах много автомашин, мотоциклов, велосипедов. Были брошены оружие и боеприпасы. В одном из домов обнаружили важные документы.

Утомленные до предела воины нуждались в передышке. Расположились отдыхать. А тем временем противник подтянул к селу танки, пехоту. Вновь завязался бой. И опять пришлось вырываться из кольца, да к тому же в дневное время.

Силы были неравны. Снова пробить брешь в боевых порядках противника не удалось. Бой сложился так, что подразделения распались на отдельные группы. Многим из них удалось прорваться, но потери оказались серьезными. В частности, пропал без вести первый помощник начальника штаба 617-го стрелкового полка. Вот теперь на эту должность командир полка и назначил меня.

Узнав, что майор Карапетян сделал это по предложению Сироткина, я обратился к последнему за разъяснением: чем же мне следует заниматься? Из его очень краткого инструктажа понял, что кроме текущей работы по всестороннему обеспечению жизнедеятельности и боеспособности подразделений, организации управления и взаимодействия в бою предстоит вести ежедневную отчетность и составлять описание боевого пути полка. Эту последнюю, не предусмотренную должностной инструкцией задачу начальник штаба назвал важной и ответственной. Тем более, сказал он, что за три месяца войны штаб сделал для этого очень мало. К тому же при выходе из окружения часть штабных документов, в том числе копии боевых донесений, оказалась утраченной. Так что восстанавливать события предстояло путем опроса бойцов и командиров, естественно, лишь в периодах затишья между боями.

— Всему остальному научит жизнь, практика, — заключил Сироткин. — А первоочередное, неотложное для тебя — учесть всех людей до единого, получить боеприпасы, принять и обеспечить всем необходимым пополнение. Нам выделено пятнадцать автомашин. Имей в виду, что полк будет действовать отдельно от дивизии, в стыке двух армий. Сегодня в ночь выступаем из Максимовки.

Так начался новый этап в моей военной биографии — служба в должности Пэ Эн Ша-один (в документах — ПНШ-1).

Глава 12

От Максимовки до Харькова. В боях под Шевченково

Личный состав полка ночью на машинах перебросили в село Милорадово, что северо-восточнее Полтавы. Из полученной ориентировки выяснилось, что здесь, на восемнадцатикилометровой участке фронта, вообще нет наших частей. Простая арифметика подсказывала, что прочно закрыть эту брешь силами одного лишь нашего полка, имевшего тогда в своем составе около трехсот бойцов и командиров да еще влившихся в него по дороге трех десятков милиционеров, невозможно. Получилась бы редкая цепочка стрелков, удаленных один от другого на 50—60 метров. Значит, основные силы полка надо было сосредоточить на каком-то одном узком участке.

Командир полка, оценив обстановку, решил, что если гитлеровцы пойдут на север или северо-восток, имея конечной целью Харьков, то они обязательно двинутся по дороге на Милорадово. На этом направлении он и приказал готовить оборонительный рубеж, выдвинуть сюда и приданную нам батарею «сокращенного состава» — две 76-миллиметровые пушки-трехдюймовки, которой командовал призванный из запаса младший лейтенант Мищенко, оказавшийся исключительно храбрым и грамотным командиром-артиллеристом. На окраине Милорадово батареи оборудовали огневую позицию, с которой надежно простреливалась дорога, идущая на Полтаву.

Кроме того, майор Карапетян решил организовать группы конников, которые систематически появлялись бы на оголенных флангах полка, создавая видимость сплошной обороны. Это было тем более необходимо, что вражеские разведчики еще до нашего прихода побывали в Милорадово, они пошныряли по селу и, разграбив сельмаг, уехали, однако, надо полагать, наблюдения с этого района немецкое командование не сняло. Вот и пусть думают, что сюда прибыли значительные силы.

Несколько дней, отпущенных нам войной на спокойную жизнь, использовали для рытья окопов, ходов сообщения, оборудования командных пунктов, развертывания средств связи.

В первых числах октября фашисты на нашем участке перешли в наступление. Двинулись они по дороге от Полтавы. Впереди колонны, с небольшим отрывом от нее, ехала примерно рота самокатчиков. За ними — колонна крытых грузовиков, многие из которых тащили за собой пушки.

Свой НП Мищенко вынес вперед и левее дороги. И когда самокатчики приблизились к нему, приказал открыть огонь. Первые же снаряды разорвались в самой гуще врагов. До половины из них осталось лежать, остальные бросились врассыпную по полю. И тогда заговорили винтовки и пулеметы. От роты остались единицы.

Вражеские автомашины остановились, и из них стали выпрыгивать солдаты. Но тут батарея перенесла огонь на колонну. Три машины загорелись, а над разбежавшейся пехотой начала рваться шрапнель.

Вдруг нарастающее урчание моторов и лязг гусениц заставили всех насторожиться. Танки выползли слева из балки: один... три... восемь...

— Эх! — крикнул с досадой майор Карапетян. — Ведь у Мищенко нет ни одного бронебойного снаряда.

Как сразу же стало ясно, главной целью танков и была батарея. Они развернулись и двинулись прямо на нее, стреляя из орудий с коротких остановок. Наши артиллеристы под огнем сноровисто прицепили пушки к автомашинам, и батарея умчалась по дороге, ведущей к Великой Рублевке. Туда же после жестокого боя отошел и весь наш полк.

Новый оборонительный рубеж, перекрывавший врагу дорогу из Милорадово, также оборудовали на окраине села. Приступили к его строительству немедленно, можно сказать, с лихорадочной поспешностью. Выполняя приказание командира части, я остался у отрываемых окопов и до поздней ночи помогал бойцам готовить позиции.

До здания штаба полка добрался уже в глубокой темноте. Все усталые, спали прямо на полу. Прилег и я, нащупал какое-то подобие подушки и уснул. Во сне почувствовал, что «подушка» двигается. Естественно, старался ее не упустить, приспособлялся к ней как мог. А утром, когда проснулся, не смог сразу понять, почему все посмеивались надо мной. Взглянул в зеркало и понял: спал я на чьем-то сапоге — все лицо в грязи и ваксе. Едва успел отмыться — как снова бой.

Гитлеровцы на этот раз действовали более осторожно. Из-за поворота дороги, скрытого пригорком, выскочила группа мотоциклистов. Надо полагать, что перед ними была поставлена задача разведать положение в районе Великой Рублевки. А дальше все напоминало вчерашний бой:

Мищенко подпустил гитлеровцев поближе, и батарея открыла по ним огонь. Только нескольким мотоциклистам удалось развернуть машины и удрать на полном ходу. Другие же, бросив мотоциклы, побежали вверх по склону и попали под огонь наших стрелков. По найденным у убитых документам мы установили, что против нас действует 29-я моторизованная дивизия. Полученные данные внесли какую-то ясность, но помочь нам, понятно, ничем не могли. И когда перед окопами появились до двух десятков вражеских танков, а за ними густые цепи пехоты, вновь пришлось отступать. На этот раз на северо-запад, к реке Мерла.

Поселок Колонтаев, в котором командир решил разместить штаб, оказался расположенным на высоком северном берегу реки Мерла, протекающей здесь в очень широкой болотистой пойме. Переправа через нее была довольно сложной — речку перегораживала дамба с тремя мостами. Охранявшие их саперы доложили, что все мосты заминированы и в соответствии с приказом будут взорваны при появлении перед ними противника.

— Как вы полагаете, товарищ майор, далеко еще отсюда немцы? — спросил сапер-лейтенант у командира полка.

— Идут за нами по пятам, — ответил Карапетян. — Будут здесь с часу на час. Но идут они не с запада на восток, а с востока на запад. Наш полк переправится в Колонтаев и займет круговую оборону. Предмостную оборону с востока тоже берем на себя.

Командир полка приказал все машины, батарею и комендантский взвод отправить в Колонтаев, а остальным подразделениям полка, срочно оборудовав предмостную оборону, быть в готовности к отражению атак. И уехал.

Командиры подразделений поставили задачи подчиненным, стали разводить личный состав на отведенные участки, чтобы рыть окопы. Неожиданно прямо в наше расположение въехала и остановилась около дамбы открытая легковая автомашинка «опель». В ней сидели два немецких офицера и водитель. Без команды поднялась стрельба, и все трое были убиты. К машине подошел мой однофамилец, комбат лейтенант Сергеев, недавно прибывший в наш полк. Вокруг столпились возбужденные необычным происшествием командиры и бойцы.

Сергеев передал мне портфель, обнаруженный в автомашине. В нем оказались документы, схемы, испещренные различными символами карты. Бегло просмотрев бумаги, понял, что на нас выскочили артиллерийские разведчики. Надо было немедленно доложить обо всем командиру полка, и я отправился в Колонтаев. Перешел через все три моста и подходил уже к окраине поселка, когда за спиной затрещали автоматы, раздались взрывы гранат...

Как потом выяснилось, пока Сергеев и бойцы его батальона толпились около автомашины, немецкие автоматчики, маскируясь в густом кустарнике, подобрались к ним и открыли огонь. Комбат и несколько красноармейцев были сразу убиты, остальные же бросились врассыпную в поисках укрытия. А немецкие автоматчики уже бежали по дамбе, скосили охрану и захватили первый мост. С оглушительным грохотом вздыбился и рухнул средний, самый большой мост — саперы все же успели его взорвать. Вражеские автоматчики остановились перед разрушенным пролетом. Но на том берегу лицом к лицу с противником остались отрезанные от командования подразделения нашего полка. Там шла отчаянная перестрелка. Вот и все, что нам было известно.

Ночью, несмотря на усталость, никто в штабе не спал, переживая за судьбу батальонов. Неужели полк прекратил свое существование как боевая единица? Какова же была наша радость, когда к утру в Колонтаев с севера вошли батальоны во главе со своими командирами М.А. Кочетковым и Н.К. Поляковым. К ним присоединились остатки подразделения погибшего комбата Сергеева.

Оказалось, что, быстро разобравшись в сложившейся тяжелой обстановке, командиры решительно повели батальоны в атаку на засевших в кустарнике автоматчиков, выбили их оттуда и, пройдя несколько километров вниз по реке, в одном из поселков обнаружили рыбацкие лодки, на которых переправились через реку, а затем совершили марш на Колонтаев. На это ушла вся ночь. В полку снова стало около трехсот человек, но этого было слишком мало, чтобы держать, по существу, чуть ли не круговую оборону — противника не было, кажется, только севернее нас.

Словом, проблемы, проблемы — и одна острее другой. А тут еще саперы, так и оставшиеся с нами, доложили, что гитлеровцы ночью работали на взорванном мосту: слышались стук топоров, голоса.

— Ясно, — сказал Карапетян. — Надо взрывать и третий мост. Кстати, почему он уцелел?

— Наверное, обрыв провода. Посмотрели бы на него — одни скрутки.

— Ну, это уже ваша забота. Вот что, Сергеев, поручаю это дело тебе. Делай, как сочтешь нужным: организуй или сам иди, но сегодня ночью третий мост необходимо взорвать — ведь фашисты от нас на расстоянии броска, а сил у них вдесятеро больше.

Было над чем задуматься. Мост — в нейтральной зоне, простреливался и нами, и противником. Обе стороны внимательно следили за тем, чтобы никто не появлялся не только на нем, но и на примыкавших к нему дамбах. Ночью враг то и дело пускал осветительные ракеты, вел профилактический огонь из автоматов.

Посоветовался с саперами, и решили идти на задание впятером: три сапера, знавшие систему минирования моста, боец из комендантского взвода для связи и я как командир, обеспечивающий выполнение приказа. Продумал, казалось бы, все до мелочей, и, как только стемнело, поползли вдоль дамбы. Рассчитывал оказаться на мосту к предполагаемому времени ужина у противника. Несколько раз с шипением взвивались осветительные ракеты. Мы замирали. Ракеты гасли, и наша группа снова ползла вперед.

Добрались до моста. Саперы нырнули под пролет, подсоединили к заряду другие проводники, и все мы, так же ползком, стали отходить обратно. Не знаю, то ли мы немного нашумели, то ли гитлеровцы что-то заподозрили, но они открыли огонь из автоматов, выпустили одну за другой несколько ракет. Им ответили специально на такой случай выделенные два ручных пулемета. Нам же оставалось только плотнее прижаться к земле и лежать не шевелясь между двух огней, дожидаясь окончания перестрелки.

Едва стрельба утихла, поползли снова. И только когда до ближайшего домика осталось 20 – 25 метров, поднялись и бросились к нему бегом. Отдышались. Саперы доложили, что для взрыва все готово, и, услышав «Давайте!», попросили меня спуститься в вырытый около дома окопчик. Сошел, присел на корточках.

Рвануло здорово! Рядом стали падать не только мелкие обломки, но и искореженные балки. Сначала – тишина, а потом – беспорядочная стрельба со стороны врага. Долго фашисты не могли успокоиться, – видно, в их планах этот мост играл не последнюю роль. Поблагодарив саперов за успешное выполнение задания, я отправился в штаб полка.

– Слышал, слышал, – остановил меня майор Карапетян, когда я приготовился отдать ему рапорт. – Не знаю, как только стекла из окон не повывлетали. Похоже, что на взрывчатку саперы не поскупились. Теперь с этой стороны мы на какое-то время в относительной безопасности.

...Вот уже третьи сутки держал полк оборону у поселка Колонтаев. Все немного отдохнули, привели себя в порядок. Поднялось и настроение. Противник особой активности не проявлял, вяло перестреливался, не нанося хорошо окопавшимся бойцам какого-либо ущерба. Вот только опять у него появились минометы, и сразу мы начали нести потери.

Командир батареи Мищенко долго прикидывал, откуда же бьют эти проклятые минометы. И наконец, его внимание привлек одиноко стоявший на том берегу длинный полуразрушенный сарай.

– Кто-то там внутри шевелится, а наружу днем не выходит, – сказал он мне. – Неспроста это. Прощупаю-ка я эту рухлядь огоньком.

Вскоре заговорила его батарея. После нескольких выстрелов за рекой раздался сильный взрыв, и сарай разлетелся в щепки, — наверное, снаряд попал в хранившиеся там мины. Перестали беспокоить нас минометчики.

К вечеру в тот же день, не помню уж каким путем, пришла радостная весть: из Краснокутска к нам движется крупное пополнение. И действительно, ночью в штабе появился старший лейтенант Ибрагимов, который доложил майору Карапетяну, что привел почти укомплектованные подразделения численностью около тысячи человек, как он выразился — «новый 617-й стрелковый полк». Обрадованный Карапетян предложил Ибрагимову временно стать его заместителем, с чем тот немедленно согласился.

Все воспрянули духом. Я, просматривая списки, просто глазам не верил: никогда еще за время моего пребывания на фронте полк не был таким полнокровным. В соответствии с переданной Ибрагимовым документацией в полку теперь были полностью укомплектованы артиллерийские и минометные батареи, пулеметные роты в батальонах и все другие штатные подразделения. Но какое же наступило разочарование, когда выяснилось, что эти «штатные» подразделения существуют только на бумаге. Точнее, людьми-то они были обеспечены, но орудий, минометов, средств связи и прочей техники не имели. Винтовки — вот и все их оснащение. Но, как бы то ни было, боеспособность части возросла сразу в несколько раз.

А затишье на нашем участке продолжалось. Никто не тешил себя иллюзиями, что оно будет хоть сколько-нибудь продолжительным. По доходившим до нас скудным сведениям, было известно о дальнейшем продвижении немецко-фашистских войск на различных направлениях, в том числе и на юге страны. Так что мы усиленно готовились к отражению вражеских атак. Еще до 9 октября удалось выкроить время для того, чтобы написать домой лаконичное письмо: «Мои дорогие! С 13 сентября не выхожу из боев, но жив и здоров. Писать мне пока некуда. Как только появится устойчивый адрес — сообщу. Напишите Шуре, что страшно соскучился по ней и дочурке. Целую всех крепко. Женья».

Едва успели вновь прибывшие подразделения подготовить и занять оборонительные рубежи, уяснить свои задачи, как противник начал наступление на Колонтаев одновременно с юга и запада. Наступали 239-я и 294-я немецкие пехотные дивизии, поддерживаемые значительным количеством танков. Противопоставить врагу хоть мало-мальски соизмеримые силы мы не могли, и полк с тяжелыми боями вынужден был отходить сначала на Краснокутск, а затем на Богодухов. В почти непре-

рывных неравных схватках подразделения несли большие потери, люди смертельно устали. Вспоминается: отойдя к городу Богодухов, мы сразу же начали рыть окопы на его западной окраине. Почти вся ночь прошла в работе. Когда утром противник открыл массированный минометный огонь по нашим позициям, все укрылись в окопах, и только на одном из брустверов сидел, словно бы в задумчивости, человек. Им оказался ответственный секретарь партийного бюро нашего полка политрук А.А. Виннер, который крепко спал после тяжелого ночного труда и не слышал даже близких разрывов мин.

Война накатилась на Богодухов внезапно, и большинство населения не успело эвакуироваться. Благодаря этому, в общем-то прискорбному обстоятельству я узнал, что Сироткин до войны успел закончить музыкальное училище, хорошо играет на пианино. Поздно вечером он неожиданно предложил:

— Составь мне компанию. Слышал, что в соседнем доме есть пианино. Очень хочется поиграть. Пошли вместе.

На деликатный стук в дверь откликнулись две маленькие седенькие старушки, обе в накинутых на плечи пуховых платках. Узнав о цели нашего прихода, пригласили в большую комнату со старинной мебелью и огромными фикусами у окон. Сироткин сел за инструмент, сосредоточившись, словно выступал с концертом перед большой аудиторией, заиграл что-то из классики, а потом перешел на импровизацию. Мы, все трое, слушали его как зачарованные. А сам Сироткин буквально преобразился: расправились нахмуренные обычно брови, широко открылись и заблестели оказавшиеся карими глаза.

Импровизированный концерт продолжался около часа, после чего исполнитель поднялся с круглого стульчика, посетовал, что устали нетренированные пальцы. На прощание гостеприимные взволнованные нежданным концертом старушки трогательно благодарили Сироткина за доставленную им радость, просили заходить в любой день и в любое время. Пообещали обязательно прийти завтра, не зная еще, что завтра Богодухов нам придется оставить.

На следующий день утром мы увидели у себя в штабе гостя — старшего лейтенанта, присланного от соседа слева. (Это было даже непривычно, что у нас есть сосед, по крайней мере для меня.) Старший лейтенант доложил Карапетыану, что их полк успешно продвигается на запад вдоль железной дороги, убеждал майора поднять в атаку и нашу часть. Карапетыан спокойно ответил:

— Имею приказ старшего начальника оборонять западную окраину Богодухова. Прикажут наступать — будем наступать, но своей властью оставить рубеж не могу.

Старший лейтенант уехал, явно раздосадованный. Очень скоро там, где, по его словам, находился штаб соседнего полка, и на нашем переднем крае послышалась перестрелка, а вскоре она поднялась у нас в тылу, в самом центре города.

Майор приказал командиру взвода конных разведчиков лейтенанту А.Л. Скрыннику выяснить, в чем дело, а старшему врачу полка — вывезти раненых на восточную окраину Богодухова.

Стрельба в городе постепенно затихла. Воцарилась тишина и на переднем крае. Впечатление такое, что вспыхнувшую перепалку погасил шумевший за окном дождь. Но что же случилось на самом деле?

Ясность внес вбежавший в штаб лейтенант Скрынник — мокрый, грязный, без головного убора:

— Товарищ майор, в Богодухове немцы! Мы прямо в них врезались. Они в мокрых плащ-палатках, так что не сразу разберешь, кто такие. Я понял, с кем имею дело, только тогда, когда моего коня за узду схватили да «Хендехох!» заорали. Хорошо, забор был рядом — успел прямо из седла перемахнуть через него. Не иначе как вошли они в город со стороны железной дороги.

Карапетян, уже надевая фуражку, посмотрел на нас осуждающе, будто мы во всем виноваты:

— Вот видите, какое наступление получилось у соседа? Хотел бы знать, кто его надоумил, что для успеха есть хоть малейшие шансы, когда у врага многократный перевес. Ну ладно, теперь вот что: Сироткин, предупредите комбатов об обстановке и передайте, что мы идем к ним. Штабное имущество отправить вслед за нами!

Быстро свернули штаб и в полнейшей темноте двинулись к расположению батальонов. Там командир, чтобы избежать окружения, повел батальоны к северу от Богодухова. На этот раз противник и ночью не отказался от преследования, какое-то время «сопровождал» нас, пуская ракеты и обстреливая из автоматов. Но, попав пару раз под огонь выделенных Карапетяном групп прикрытия, отстал.

После изнурительного форсированного марша заночевали в небольшом селе. Утром, выяснив с помощью разведчиков, что противник находится от нас в нескольких километрах и активности пока не проявляет, командир приказал занять здесь оборону. Целый день враг нас не беспокоил, и мы использовали время для оборудования позиций, приведения батальонов в порядок. А к вечеру стало известно, что где-то севернее нас расположился кавалерийский корпус под командованием генерала П.А. Белова. Майор Карапетян приказал мне во что бы то ни стало разыскать генерала, доложить ему обстановку в районе Богодухова и просить принять полк под его командование и на снабжение,

пока не восстановим связь со штабом 38-й армии. В мое распоряжение поступила полуторка.

Только около двух часов ночи, исколесив немало дорог и дорожек, нашел я штаб кавкорпуса. Адьютант генерала Белова вначале заявил, что командир отдыхает и придется ждать до утра, но потом подумал, вздохнул и сказал:

— Ладно. Все равно придется будить: есть документы для срочного доклада. Пойдемте.

Мы вошли в небольшую комнату. Генерал спал, раздевшись, в белоснежной рубашке и на настоящей кровати. Я так давно не видел всего этого, когда-то обычного, что невольно засмотрелся. Между тем адъютант, тронув генерала за плечо, разбудил его, тихо сказал несколько слов.

Мои опасения, что комкор рассердится на то, что нарушили его покой, оказались напрасными. Павел Алексеевич сразу открыл глаза, легко приподнявшись, оперся локтем о подушку, взял у адъютанта папку с бумагами и положил перед собой. Просмотрев документы и сделав пометки на своей карте, генерал, ни к кому не обращаясь, сказал: «Вот они уже куда прошли». Вернув папку адъютанту, внимательно посмотрел на меня:

— Слушаю вас, товарищ младший лейтенант.

Я представился, доложил об обстановке в районе Богодухова и передал просьбы командира полка. Генерал ответил, что обстановка в районе Богодухова ему известна, но все равно правильно сделали, что прислали к нему меня, так как все части и подразделения в районе Богодухова командующий 38-й армией подчинил ему.

— Передайте командиру полка, — сказал в заключение Белов, — что корпус имеет задачу овладеть Богодуховом и с этой целью шестнадцатого октября перейдет в наступление. А ваш полк должен занять исходное положение на северо-восточной окраине города и перейти в атаку во время, которое будет указано дополнительно.

Наступление на Богодухов началось, как и планировалось, 16 октября. Но неудача ли нашей разведки, успех ли немецкой привели к тому, что как раз на направлении главного удара — с севера на юг — враг сосредоточил основные силы, зарыл в землю танки, превратив их в своеобразные трудноуязвимые доты. Мощным артиллерийским и пулеметным огнем кавалеристы, действовавшие в пешеходных порядках, были прижаты к земле и не получили возможности развить первоначальный успех нашего полка.

А 617-й полк быстро продвигался от восточной окраины города к центру. Только правофланговый батальон, действовавший на стыке с

кавалеристами, с трудом преодолевал прочную вражескую оборону, а пробившись в Богодухов, увяз в уличных боях. Другой же батальон, атаковавший на левом фланге полка, без труда уничтожил мелкие группы автоматчиков и ворвался в самый центр города. Только тут гитлеровцы словно бы спохватились, ввели в бой резервы и, создав значительный численный перевес, сначала остановили продвижение подразделения, а затем и окружили батальон. Связь с ним была прервана.

Майор Карапетян, с нараставшей тревогой следивший за развитием событий, видимо, понял, что Богодухов ни взять, ни удержать нам уже не удастся, а потери можно здесь понести весьма серьезные.

— Вот что, — приказал он мне. — Возьмите комендантский взвод, пробейтесь в центр города к батальону и передайте приказ: немедленно с боем выходить из окружения.

Я попросил разрешения выполнять задание с двумя бойцами, так как фронт — не сплошной и втроем легче его пройти, нежели большой группой. Майор согласился.

Командир комендантского взвода выделил двух испытанных в боях красноармейцев. Я расспросил местных жителей, как попасть в центр города кратчайшим путем, и мы пошли. Осматривались, прислушивались, перебежали от дома к дому. Когда пересекали одну из безлюдных улиц, совсем близко застрочил автомат. Один боец как подрубленный упал лицом вперед. Теперь уже вдвоем забежали за угол дома. Осторожно выглянул, пытаюсь определить, откуда по нам стреляли, и увидел, как из калитки палисадника у одного из домов к лежавшему красноармейцу бросилась молодая женщина, нагнулась над ним и рухнула рядом, сраженная очередями из двух или трех автоматов. Оба лежали недвижимо. «Резвятся, сволочи, стреляя по беззащитной женщине!» — скрипнул я зубами.

Но дольше задерживаться было нельзя: отвечаем за судьбу целого батальона, и мы побежали дальше, туда, где слышались перестрелка, разрывы гранат. Вот звуки боя уже совсем близко... Нестройное «ура» — и нам навстречу бегут прорвавшие кольцо бойцы окруженного было батальона. Кричу им: «За мной!» — и вывожу знакомым путем на восточную окраину города, к своим.

Освободить от фашистов Богодухов не удалось. Пришлось отвести подразделения на исходные рубежи. Здесь мы узнали о том, что из штаба 38-й армии пришло распоряжение: 16 ноября к 21 часу нашему полку передать занимаемые им позиции и сосредоточиться в районе Холодной Горы на западной окраине Харькова. А там погрузиться на выделенные в распоряжение полка автомашины и следовать в район города Чугуев в резерв армии.

К назначенному сроку мы передали позиции подошедшему полку НКВД и, пожелав его воинам боевых успехов, тронулись в путь. Покидая последнюю для меня на этом отрезке войны линию обороны, я испытывал сложные и противоречивые чувства. Перед внутренним взором проходили картины отступления, память подсказывала имена и образы павших товарищей, названия оставленных нами оккупантам городов и сел с их мирными жителями, нередко глядевшими на нас с немым укором. И в то же время было чувство гордости тем, что, проведя почти в непрерывных боях тридцать три дня и тридцать три ночи, мы не сложились, давали многократно превосходящим нас силами фашистам отпор на каждом очередном рубеже, день за днем нанося им серьезный урон. И те из нас, кто выжил, остался в строю, — еще вернуться на поле боя, вернуться лучше вооруженные, умудренные фронтовым опытом, одухотворенные стремлением стереть ненавистный фашизм с лица земли. А рядом пойдут в бой новые бойцы, и не будет захватчикам пощады.

Это — не только раздумья. Примерно так я выступил и на партийном собрании, которое после перерыва, связанного с трудной обстановкой, удалось наконец провести на одном из привалов по пути к Харькову. И был очень рад, когда такой же боевой настрой, твердая убежденность в том, что под руководством ленинской партии фашизм будет разгромлен, прозвучали в выступлениях других коммунистов.

На подступах к Харькову были сооружены прекрасные оборонительные рубежи. И неудивительно. Говорили, что под Харьковом на строительстве оборонительных рубежей работало более 300 тысяч человек. Окопы, отдельные ячейки, ходы сообщения, блиндажи, дзоты — все было. Не было только бойцов. Усталые, потрепанные, малочисленные части, как наш полк, не смогли бы удержать эти рубежи.

Только прочитав книгу И.Х. Баграмяна «Мои воспоминания» (1979 г.), я узнал, что войскам Юго-Западного фронта угрожало окружение и, по решению Ставки, 17 октября они начали отходить на восток, на 12 — 150 км и более.

К нашему прибытию на западную окраину Харькова там уже оказались тыловые подразделения 617-го полка. А к вечеру, не успев хоть немного отдохнуть, мы получили приказ о переходе на восточную окраину города, к дороге, ведущей на Чугуев.

Через Харьков следовали ночью. Командный состав полка ехал верхом, остальные шли строем. Тяжело было идти по улицам города, который, как мы уже знали, удержать не удастся. Конечно, мы еще сюда вернуться, вышвырнем вон оккупантов, освободим от них и всю советскую землю. Но строй молчалив, мы ничего не могли сказать харьковчанам, ни один из которых, казалось, не лег в ту ночь спать. Жители толпились

в подворотнях, у подъездов домов, выглядывали в окна, и, наверное, к лучшему, что в темноте мы не видели их глаз.

— Быстрее, — торопили нас патрули. — Скоро будут взрывать мост через реку.

На восточной окраине города погрузились на автомашины, доехали до Чугуева, а затем свернули на город Печенеги, где и заночевали, затратив на это остаток ночи. Утром привели себя в порядок — ждали приезда члена Военного совета 38-й армии. Прибывший вскоре бригадный комиссар В.М. Лайок поздоровался, прошелся вдоль шеренг и приказал майору Карапетяну построить отдельно командиров и бойцов, принимавших личное участие в боях с немецко-фашистскими захватчиками.

Таких оказалось всего около двухсот человек. Член Военного совета поблагодарил личный состав полка за мужество, проявленное при выполнении боевых заданий, и предложил командованию представить отличившихся бойцов и командиров к наградам.

Из Печенег полк перебросили в Купянск. Там мы помылись в настоящей бане, получили новое обмундирование. Оттуда в конце октября я отправил родителям письмо: «Дорогие папа и мама! Сейчас живем в тихом тыловом городе, понемногу отходим от пережитого. Питаемся хорошо, спим достаточно. И уже создается впечатление, будто и не были в боях, хотя это, как вы знаете, не совсем верно. Думаю, что все перенесенное на фронте запомнится на всю жизнь».

Последняя фраза оказалась пророческой. Прошло более сорока лет, но многие фронтовые эпизоды живы в памяти, как будто все происходило лишь вчера...

Из Купянска штаб полка со всеми службами перебрався в большое село Староверовка, где уже расположился и штаб нашей дивизии, с которой мы наконец вновь воссоединились. А батальоны заняли оборону в ближайших населенных пунктах, контролируя дороги к западу от Староверовки.

Здесь Сироткин вдруг напомнил мне о забытой было обязанности восстанавливать, а затем повседневно описывать боевой путь полка. Не скажу, что дело это оказалось простым, тем более что от другой работы тот же начальник штаба и не думал меня освобождать. Все же путем опроса бойцов, командиров, политработников, сличения их рассказов, изучения сохранившихся документов удалось собрать если и неполный, то вполне достоверный материал, который и лег в основу боевого формуляра части. Думается, что я просто не имею права не сказать несколько слов о том боевом коллективе, в составе которого довелось пройти через суровые военные испытания.

В канун войны 617-й стрелковый полк располагался неподалеку от Киева. За неделю до вероломного нападения фашистской Германии на Советский Союз он по приказу штаба округа в составе дивизии начал переход в новый район дислокации — в город Гусятин Тернопольской области.

Полк был укомплектован по действовавшим тогда штатам мирного времени, иначе говоря, в каждом батальоне была развернута лишь одна рота, а остальные только обозначались. Правда, полковая разведка, артиллерийские, минометные и некоторые другие подразделения, подчиненные непосредственно командованию полка, были полностью обеспечены личным составом, вооружением и транспортом (лошадьми и повозками). Однако боеприпасов, кроме ящика винтовочных патронов для караула, полк не имел.

Четырехсоткилометровый форсированный переход выполнялся в пешем порядке в жаркую погоду. За сутки преодолевали по 30 — 35 километров. Люди выбивались из сил.

22 июня полк остановился на привал в лесу под Винницей. Личный состав был срочно созван на митинг, на котором впервые прозвучало слово «война». И в то же время над лесом появился самолет, не похожий очертаниями ни на один из наших. Это был немецкий самолет-разведчик «Фокке-Вульф-189», прозванный впоследствии «рамой». Уйти безнаказанным врагу в тот раз не удалось: на глазах у бойцов его догнали два наших краснозвездных истребителя, зажали с двух сторон и вынудили приземлиться прямо на дорогу. В полку появились первые пленные.

Получив, наконец, недостающие боеприпасы, дивизия, а с нею и полк, отправилась дальше на запад, навстречу уже вторгшемуся на нашу землю противнику. В тот же день несколько командиров из штабов дивизии и полков отбыли по железной дороге в Белую Церковь для приемки приписного состава. И уже 25 июня в соединение начали поступать эшелоны с бойцами, лошадьми, транспортными средствами.

Первый бой 617-й принял западнее Жмеринки. И в первый же его час был тяжело ранен командир полка майор Яковленко — участник Гражданской войны, удостоенный еще в те далекие годы ордена Красного Знамени. Командование полком принял его заместитель по строевой части капитан Гриднев.

С той поры полк с непрерывными тяжелыми боями под натиском превосходящих сил противника отходил в направлении Винница, Тетиев, Тараща, Черкассы.

Особенно упорные бои подразделения полка вели в районе Тараща, за что многие бойцы и командиры были представлены к наградам. В их числе капитан Гриднев и лейтенант Сироткин, бывший тогда сначала

командиром взвода конной разведки, а затем — помощником начальника штаба полка.

После кратковременного отдыха и пополнения личным составом полк из Черкасс снова был выдвинут на передовую линию и провел несколько успешных оборонительных боев, особенно в районе станции Мироновка.

Полк переправился на пароме через Днепр в районе Канева, держал оборону под Золотоношей, а затем в связи с прорывом врага был переброшен под Кременчуг. Так он оказался на полтавском направлении, где я и вошел в его состав...

После встречи с бригадным комиссаром В.М. Лайоком в Печенегах командование полка представило к наградам 23 человека. Среди них к ордену Ленина — командира батареи 76-миллиметровых орудий Мищенко, к ордену Красного Знамени — комбатов Кочеткова и Полякова, старшего сержанта Мартемьянова, к ордену Красной Звезды — секретаря парторганизации полка политрука Виннера, к медали «За отвагу» — красноармейца Иванова (того самого, с которым выходили из окружения), к ордену Красной Звезды в числе других был представлен и я.

Как в то время практиковалось, командование полка решило сообщить о представлениях родным и близким. Я об этом узнал, только вернувшись домой и обнаружив среди бумаг копию ответа моих родителей. Вот что я прочитал: «Москва. 12.XII.41 г. Дорогие товарищи! Сегодня получили ваше письмо, в котором вы сообщаете, что сын наш показал себя храбрым воином, патриотом нашей великой Родины, преданным делу партии. Письмо глубоко взволновало нас, и мы благодарим командование за высокую оценку боевой деятельности нашего сына и представление его к правительственной награде — ордену Красной Звезды. Мы гордимся тем, что воспитали в нашем сыне беззаветную любовь к Родине и преданность тому делу, на которое она его призвала. Пусть сын наш, выполняя задания своего командования, громит фашистских захватчиков, осуществляя задачу, поставленную Верховным Главнокомандующим: истребить всех немецко-фашистских оккупантов до единого, пробравшихся на нашу Родину для ее порабощения. Желаем сыну и вам, дорогие товарищи, здоровья, счастья в боях и победы над гитлеровским фашизмом. Е.Н. Сергеева, М.Е. Сергеев».

В начале ноября боевого командира нашей дивизии комбрига Д.В. Аверина отозвали для формирования нового соединения. Конечно, я не был в числе ближайших сотрудников Дмитрия Васильевича. Но ведь не случайно фронтовики, даже рядовые, вспоминая былые походы, говорят «наш», а иногда и «мой» комдив, командарм, командующий фронтом. Решение общих боевых задач, как ничто другое, спланивало воинские

коллективы в единый организм, развивало чувство товарищества, личной сопричастности ко всему, что происходило вокруг. Вот почему решения и действия командира дивизии становились как бы общими, в том числе и моими, решениями и действиями. Особое уважение вызывала личная храбрость комбрига и то, что, пережив вместе с нами тяжелейший период отступления, он вывел дивизию из вражеского кольца.

Тогда я совсем немного знал об Аверине, редко видел его, и только после войны переписка с его дочерью Августиной Дмитриевной помогла восполнить этот пробел, дала возможность хотя бы коротко рассказать о его славном, но мало кому известном боевом пути.

Дмитрий Васильевич Аверин 19-летним парнем добровольно вступил в Красную Армию и был в составе Первой Конной армии Буденного кавалеристом-разведчиком. После Гражданской войны — служба в строевых частях, учеба в Академии имени М.В. Фрунзе. В должности командира дивизии участвовал в 1939 году в освободительном походе Красной Армии в Западную Белоруссию.

С первых дней Великой Отечественной войны — на фронте. В июле 1941-го был назначен комендантом Киевского укрепрайона, в августе — командиром 199-й стрелковой дивизии.

И вот, простившись в Староверовке с дивизией, которую провел через, казалось бы, непреодолимые преграды, комбриг Аверин отбыл в Чкаловскую область формировать 196-ю стрелковую дивизию. В 1942 году это соединение было выдвинуто на донские рубежи.

В ходе наступления немецко-фашистских войск на Сталинград и их выхода к Дону в районе Калача-на-Дону 196-я стрелковая дивизия оказалась в окружении. И вновь Аверину, как ранее под Полтавой, пришлось вести свои части на прорыв. 7 августа 1942 года командир 196-й стрелковой дивизии комбриг Аверин погиб смертью храбрых. Тело отважного командира-коммуниста покоится близ хутора Плесистов Суровикинского района Волгоградской области...

7 ноября 1941 года, в день 24-й годовщины Великого Октября, командир, комиссар и начальник штаба полка уехали в подразделения, чтобы поздравить их личный состав с праздником, а в штабе для текущей работы остался я один. Распахнулась дверь, и вошли двое военных в белых полушубках и шапках-ушанках. Знаков различия на воротниках полушубков, естественно, не было, но по всему угадывалось начальство, поэтому я встал из-за стола, представился и спросил, кто они. Рослый человек с открытым, волевым лицом, сильно окая, ответил:

— Я ваш новый командир дивизии, полковник Давыдов. Зовут меня, — добавил он как-то не вполне по армейским канонам, — Всеволодом Владимировичем, — и крепко пожал мне руку.

Не скажу, чтобы и в те годы я был слишком доверчивым или, скажем, восторженным. Разных встречал людей и уже не торопился давать им оценку. Но полковник Давыдов (как узнал позже, Давыдов-Лучицкий) чем-то сразу расположил к себе, вызвал доверие. Полковник выслушал мой доклад о численном составе и вооружении полка, поинтересовался моральным состоянием бойцов, уровнем боевой подготовки пополнения. Он приказал передать майору Карапетяну, чтобы тот немедленно явился в штаб дивизии, попрощался и ушел.

К тому времени на нашем участке фронта обстановка изменилась: немецко-фашистские войска, выйдя на рубеж реки Северский Донец и захватив плацдарм к востоку от нее в районе Коробочкино, Волчий Яр, приостановили наступление. По данным разведки и рассказам гражданских лиц, выходивших с оккупированной врагом территории, фашисты переоборудовали большие здания под казармы, создавали оборонительные рубежи и, похоже, собирались отсиживаться за ними до весны. Разрыв между расположением противника и нашим составлял тогда несколько десятков километров. Большая территория оказалась ничейной.

Уже вечером 7 ноября стало ясно, зачем полковник Давыдов срочно затребовал к себе командира части. Полк получил приказ: с приданными ему артиллерийской и минометной батареями в течение 8 и 9 ноября совершить марш из Староверовки на Шевченково и далее на Коробочкино, овладев которым выйти на реку Северский Донец в районе Чугуева, форсировать реку, захватить и удерживать плацдарм на ее западном берегу.

Тут, наверное, нужно внести ясность в одно обстоятельство. Дело в том, что помощник начальника штаба по разведке (ПНШ-2) лейтенант И.С. Березовский был тяжело контужен еще до моего прибытия в полк. Он очень просил не отправлять его в тыловой госпиталь, а так как относились к нему в полку уважительно, ему пошли навстречу: Березовский продолжал числиться в должности ПНШ-2, но на самом деле находился то в полковой медсанчасти, то в каких-то других лечебных подразделениях. Здоровье его восстанавливалось медленно. Раз или два, пытаясь вернуться в строй, он появлялся в штабе полка, но врачи тут же апеллировали к командиру части и вновь укладывали беглеца на госпитальную койку. Поэтому на меня были возложены еще и обязанности ПНШ-2. Честно говоря, мне казалась более живой и увлекательной организация разведки, чем, скажем, составление ежедневных боевых донесений и тем более написание боевого пути полка. И кто не знает, что при всем понимании важности того или иного дела мы все-таки тянемся к тому, которое больше по душе, где видишь возможности лучше себя проявить.

Вместе с приказом на боевые действия мы не получили практически никаких сведений о противостоящих нам силах врага, характере его обороны. Как всегда в таких случаях, разведке отводилась особенно важная роль, и организовывалась она весьма тщательно. Двигавшаяся впереди колонны на расстоянии 3—5 километров пешая разведка обеспечивала необходимую дорожную информацию. По пути до Шевченково никаких сюрпризов не встретили. А вот неподалеку за ним внимание разведчиков привлекла группа людей, копавших в поле картошку. Это оказались женщины, находившиеся под присмотром пяти немецких солдат.

Вероятно, правильнее было бы захватить в плен всех конвоиров, но командир разведки принял другое решение: наши бойцы скрытно, по оврагу, подошли к охране на близкое расстояние и открыли огонь. Три фашиста были убиты, двое подняли руки.

Услышав выстрелы, Сироткин и я верхом поскакали вперед и вскоре были на месте происшествия. Впервые мне представилась возможность поговорить с немцами. В детстве по настоянию мамы я изучал немецкий язык, и хотя знал его посредственно, но все же оказалось, что в случае необходимости мог кое-как объясниться.

Ноябрь стоял холодный, по ночам были заморозки, и хотя земля еще глубоко не промерзла, ветер был пронизывающий. Между тем пленные были в одних мундирчиках, даже без шинелей. Как же они одеты, — поинтересовался я. Не надеясь на свои познания немецкого языка, стал расстегивать у одного из немцев мундир. Пленный побледнел и забормотал: «Я рабочий. Я социал-демократ. Я имею четырех детей. Я не немец. Я австриец». Он подумал, что его собираются расстреливать.

Под мундиром оказалось три шерстяных женских кофточки, надетых на грязную-прегрязную рубашку, по которой ползали вши. Я обратился к разведчикам: «Смотрите, ребята, вот она — вшивая фашистская грабармия. Смотрите, кому мы отдаем и отдаем нашу землю и наших советских людей». Обратился к пленному, показавшемуся почему-то наиболее осведомленным. Из его показаний следовало, что немецкая разведка не обнаружила поблизости частей Красной Армии, поэтому хозяйственные подразделения, мобилизовав местных жителей, приступили к уборке и вывозке для нужд армии урожая, в первую очередь картофеля.

Далее выяснилось, что в Коробочкино находился штаб 297-й пехотной дивизии, в состав которой входили 522, 523 и 524-й пехотные полки, расквартированные в окрестных селениях с целью несения караульной службы и заготовки продуктов.

Освобожденные разведчиками женщины-колхозницы подтвердили эти показания и сообщили еще много ценных сведений, особенно о том, как можно скрытно подойти к тому или иному населенному пункту.

Тем временем подтянулась к нам и колонна. Командир полка, ознакомившись с полученными разведкой данными, принял решение выбить фашистов из селений, расположенных на пути к Коробочкино. Сопротивление врага, встретившего нас лишь ружейным огнем, оказалось незначительным, он явно «прошляпил» подход полка. Жаль, конечно, что некоторым из оккупантов удалось на повозках или бегом удрасть от возмездия, но сам факт панического бегства врага вызвал и у бойцов, и у командиров приподнятое настроение.

Заночевали мы в небольшом поселке Булацеловка. Дом, где остановилось командование полка, находился на берегу большого пруда, по другую сторону которого темнел густой лес.

Поздно вечером я выслал группу разведчиков во главе с сержантом с задачей подойти вдоль железной дороги как можно ближе к Коробочкино, определить характер и расположение позиций, а по возможности и численность вражеского гарнизона. Несмотря на сложность задания, оно было выполнено успешно: противника разведчики обнаружили в нескольких километрах от нас, в районе железнодорожного разъезда Бурлуцкий. Бойцы так близко подобрались к его расположению, что разглядели в темноте четыре замаскированных танка. Поскольку враг теперь наверняка знал о нашем продвижении, а у него здесь была целая дивизия, то с большой степенью вероятности утром можно было ожидать контратаки.

Так оно и вышло. На рассвете при поддержке танков гитлеровцы двинулись на Булацеловку. Бой длился несколько часов. Мы видели, как падали вражеские солдаты, бежавшие по полю в обход поселка прямо на позиции наших артиллеристов и минометчиков. Но и наши подразделения под массированным вражеским огнем несли большие потери.

После четырех часов боя стало ясно, что гитлеровцы нас обходят и вот-вот отрежут пути к отступлению. Только тогда командир полка приказал отходить.

К тому времени обстановка сложилась так, что штаб полка мог отходить только по тонкому льду пруда, к тому же простреливавшемуся пулеметным и минометным огнем. Но другого выхода не было. Прошли мы по пружинившему под ногами льду уже больше половины пруда, когда Сироткин открыл свою планшетку, проверил ее содержимое и как-то неестественно спокойно сказал:

— А я забыл карту.

Повернулся и пошел обратно, именно пошел: бежать по тонкому льду нельзя было, к тому же повсюду зияли воронки от мин. Я двинулся вслед за ним.

Подошли к дому, где недавно размещался штаб, успели заметить, что напуганные недавней близкой перестрелкой хозяева выглядывали из погреба. К дому была приставлена лестница, на которой сидели белые, все до одной, куры. Когда мы поровнялись с лестницей, издали раздалась пулеметная очередь, куры с кудахтаньем разлетелись в разные стороны, а одна, на глазах перекрашиваясь в красный цвет, забилась на земле. Возьми пулеметчик чуть пониже — и вместо курицы лежал бы один из нас, а может быть, и оба...

Сироткин выскочил из дома со словами «На столе лежала», и мы снова бросились к пруду.

Теперь уже, чувствуя за спиной дыхание противника, шли быстрым шагом, скользя по потрескивавшему, пружинившему льду, но на этот раз обстрела почему-то не было. Перебрались на другой берег, прошли сквозь тянувшийся вдоль склона оврага лесок и вышли на его опушку. Впереди — большое поле. Далеко, очень далеко маячили фигурки отходивших бойцов. Мы остались вдвоем.

Враг, захватив Булацеловку, не стал пока развивать успех, преследовать наши отступавшие подразделения, но находился всего в трехстах — четырехстах метрах за нами и не мог, конечно, нас не заметить. А вот и подтверждение: неподалеку шлепнулась одна мина, другая... Пришлось броситься на землю. Но сколько можно лежать на нейтральной полосе? Ведь рано или поздно, быть может, очень скоро гитлеровцы могут пойти дальше или просто выделяют группу солдат для захвата нас. Что же делать?

— Вот так, Женя, — сказал Сироткин. — Надо подниматься и идти к своим. И немедленно. Решили?

— Петя, дорогой, — ответил я. — Идем. Мы с тобой еще повоюем.

Как-то даже не заметили, что впервые за два месяца совместной службы назвали друг друга по имени. Очевидно, никогда еще мы не были так близки, как сейчас, в минуту смертельной опасности. Быстро, почти бегом, бросились вдогонку за своими, успевая еще и делиться самым сокровенным, словно торопились высказать все до того, пока не ударила в спины пулеметная очередь. Но она почему-то (а эти «почему-то», случавшиеся на войне, далеко не всегда можно объяснить) не ударила, и мы беспрепятственно добрались до поселка Василенково. Казалось бы, все опасности позади. Но тут на поселок обрушился массивный артиллерийский огонь. Отсидевшись до его окончания в первой попавшейся на пути канаве, спустились с горки мимо церкви вниз и сразу же попали... в штаб своего полка.

Здесь уже разобрались в том, что произошло. Майор Карапетян пришел к выводу, что нам в какой-то мере повезло: главный удар противник

нанес по пустому месту, вдоль железной дороги на Шевченково, в то время как мы, выбивая врага из окрестных гарнизонов, уклонились к северу от нее. Правда, вражеские танки, продвигаясь вдоль железной дороги, нанесли потери левофланговому батальону, но дальше почему-то не пошли, что дало возможность артиллерийским и минометным батареям своевременно выйти из боя, а всем остальным не попасть в окружение.

297-я немецкая пехотная дивизия захватила райцентр Шевченково, наступая на него с запада вдоль железной дороги на узком участке фронта, но дальше продвинуться на восток, видимо, уже не решилась, ибо и без того оказалась в мешке. Мы же получили приказ вернуться в Староверовку. Не могу сказать «на щите иль со щитом», но упрекнуть нас не в чем было: ни один боец не дрогнул, никто без приказа не отошел.

Почти без паузы наша дивизия всеми силами вновь двинулась на Шевченково. С юга с ней взаимодействовала 304-я стрелковая дивизия под командованием генерала Н.П. Пухова, наступавшая в обход этого райцентра. КП командира 199-й дивизии полковника Давыдова оборудовали в нескольких километрах восточнее Шевченково в железнодорожной будке, и он нередко подвергался вражескому артиллерийскому обстрелу. Однажды сюда были вызваны командир и комиссар полка, которые на всякий случай прихватили и меня.

Когда мы верхом подъезжали к КП, уже стемнело, но остановившие нас патрульные порекомендовали дальше добираться пешком.

Давыдов поздоровался и сразу спросил:

— Сколько штыков в вашем 617-м?

— Примерно сто, — ответил Карапетян.

— Ну и хорошо. Поднимайте полк и двигайтесь на Петровку. — Давыдов указал на карте поселок в трех-четырех километрах к северу от Шевченково. — Поведет вас вот этот товарищ. Ему можно полностью доверять.

Только тут мы заметили сидевшего в темном углу мужчину средних лет в гражданской одежде.

— Он хорошо знает Шевченково, покажет, где лучше ворваться в него с севера. Гитлеровцев там немного, но отдельные заставы попытайтесь пройти незаметно. Полк разделите на две группы, — продолжал полковник. — Первую возглавите вы, майор, вторую — комиссар полка. Задача первой группы: скрытно подойти к штабу вражеской дивизии и уничтожить его; второй группы — атаковать батарею тяжелых орудий и вывести все их из строя. Завершить задание завтра до пяти часов утра.

Ночью в километре от Шевченково нас догнал верховой посыльный и передал Карапетяну пакет. Тот вскрыл его и при свете фонарика про-

читал: «Свой приказ о действиях в Шевченково отменяю. Полку принять участие в общем наступлении на Шевченково в 5 часов по сигналу: три красные ракеты. Задача — наступать правее железной дороги, овладеть элеватором. Комдив 199-й Давыдов».

Так бывало на войне: что-то изменилось в обстановке, поступили новые данные о противнике, сложилась новая ситуация у соседа — и надо менять решение, действовать по-другому. Иначе нельзя.

В 5 часов утра подразделения полка при поддержке артиллерии пошли в атаку. Вскоре, почти не встретив сопротивления, они вышли к элеватору, где отбивалась попавшая в окружение группа вражеских автоматчиков. Все они были уничтожены.

Как выяснилось позже, 297-я пехотная дивизия немцев понесла в боях под Шевченково большие потери. Практически были разгромлены ее 523-й и 524-й пехотные полки, насчитывавшие до двух тысяч солдат и офицеров каждый.

Наши войска захватили 18 орудий, десятки минометов, пулеметов, склады боеприпасов. Лишь 522-й пехотный полк, непосредственно занимавший Шевченково, успел отойти, принеся в жертву прикрывавшее его подразделение. В нашей части в том бою больших потерь не было.

617-й стрелковый полк получил приказ расквартироваться в Шевченково и находиться в резерве командира дивизии. Остальные части дивизии двинулись на запад, в район, где мы располагались перед нашим походом на Коробочкино.

П.И. Сироткин присмотрел для штаба полка большой добротный дом под железной крышей на центральной улице, к которому со всех сторон тянулись красные телефонные провода. «Ну если здесь у немцев был штаб, то почему бы и нам тут же не расположиться?» — решили мы.

— Вот только как бы дом не занял кто-нибудь другой, — забеспокоился Сироткин. — Поставим-ка у дверей часового.

Часового поставили. Немецкие провода сняли, а к дому подвели свою линию.

Внутри помещение оказалось разделенным дощатой перегородкой на две части: на большую гостиную и на маленький закуток, в котором, кроме кровати, занимаемой больной хозяйкой дома, шкафа, тумбочки да табуретки, ничего больше и не разместилось бы. За больной ухаживала приехавшая к ней сестра. Хозяйка, то и дело охая, сообщила, что «животом мается», но от услуг врача отказалась, сославшись на то, что лечится народными средствами. На вопрос, где хозяин, ответила: «Где вы, там и он. Жив ли только, не знаю», — и тут же начала всячески поносить немецких солдат — «разбойников и кровопийцев», ограбивших дочиста весь дом. «Кабанчика зарезали», — несколько раз повторила она.

В то время еще не было категорического требования выселять хозяев из домов, в которых располагались штабы. Больше того, это казалось негуманным актом, который мог породить недовольство населения. Поэтому мы, пожелав хозяйке скорого выздоровления, оставили ее в закуске вместе с сестрой.

Началась обычная штабная жизнь. Посыльные и связные от батальонов разместились в прихожей. Мы их часто вызывали, давали различные служебные поручения; разговаривали по телефону с подразделениями полка, обменивались между собой мнениями по тем или иным вопросам.

На исходе второго дня пребывания в Шевченково Сироткину вдруг захотелось молока. Впрочем, к молоку он всегда питал особое пристрастие и мог выпить его столько, сколько содержалось в крынке или в другой посудине любого размера.

Он зашел к хозяйке и спросил, у кого поблизости можно купить молока. Охая, хозяйка сообщила, что рядом коров никто не держит и надо искать где-нибудь домов через десять.

— Неужели пойдешь на ночь глядя за семь верст молока хлебать? — пошутил я.

Но Петр сделал вид, что не понял иронии, накинул шинель, надел фуражку и вышел. А выйдя, решил почему-то заходить подряд во все дома. В соседнем с нами доме хозяйка ответила, что молоко у нее есть, скотина нехворая, и даже от денег отказалась наотрез. С наслаждением отхлебывая молоко, удивленный Сироткин начал расспрашивать женщину, как же могло получиться, что наша больная хозяйка не знает о появлении у соседки коровы. Та, в свою очередь, еще больше удивилась:

— Что значит о появлении? Корова у меня давным-давно. Да у нас здесь, почитай, в каждом доме есть корова. Как это она не знала? Просто уж такие люди вредные.

Дальше — больше. Из ее рассказа выяснилось, что хозяин нашего дома дезертировал из Красной Армии, скрывался в подвале до прихода немцев, после чего сам предложил им остановиться в его доме, сам зарезал для «постояльцев» кабана. Фашисты же, видя такое усердие, назначили его старостой, да развернуться он не успел — быстро фашистов отсюда выбили. А вот ходят слухи, что удрать вместе с ними старосте почему-то не удалось и, надо думать, спрятался он где-то в своем доме, ибо никто из односельчан предателя не приютит.

Обо всем этом встревоженный Сироткин рассказал сначала мне, а затем срочно вызванному уполномоченному особого отдела полка старшему лейтенанту Редюхину. Тот ответил:

— Я уж и сам получил аналогичные сведения. Есть все основания полагать, что староста остался в Шевченково. Поэтому советуую усилить

охрану дома, помимо часового у двери выделить еще одного, который ходил бы вокруг штаба. А засветло проведем обыск.

Утром тщательный осмотр погреба, сарая, подполья и чердака ничего не дал. Оставалось лишь проверить закуток, в котором лежала больная хозяйка. Редюхин зашел туда.

Через тонкую перегородку отчетливо было слышно все, что за ней происходило. Запомнилось это примерно так:

— Болееете, хозяйка?

— Маюсь, спасу нет.

— Мужик-то где?

— Я уже говорила.

— Ладно. А что у вас под кроватью? — И после небольшой паузы: — Посудину-то не мешало бы вынести, а то здесь хоть топор вешай.

Несколько секунд тишины, и снова голос Редюхина:

— Загляну, пожалуй, с вашего разрешения, в шкаф.

— Да зачем вам в бабьем тряпье копать?

— Ничего, я мельком.

Скрипнула дверца шкафа. Секунда... другая... И:

— А, вот ты где! Мы его ищем, а он устроился как у Христа за пазухой и помалкивает. Ну, вылазь да руки подними повыше — затекли небось. Одного не пойму: как ты в этом гробу двое суток дышал и все остальное? Впрочем «остальное» понятно — жинкина сестра двоих обслуживала. Разогнулся? Тогда пошли. А ты, хозяйка, пока собирайся — будем лечить. Да и сестричку свою прихватить не забудь.

Из-за перегородки появился здоровенный, заросший щетиной мужик, а вслед за ним и старший лейтенант Редюхин. Под аккомпанемент причитаний «больной» они прошли через комнату и исчезли за дверью.

— Вот тебе и «лазарет», — огорченно произнес Сироткин. — Чуть не провели нас на мякине. Теперь хоть людям на глаза не показывайся — засмеют.

Какой уж там смех: досталось нам по всем линиям, особенно на состоявшемся вскоре собрании партийного актива дивизии. Выводы для себя мы, конечно, сделали, а к тому, насколько они оказались действенными, я еще вернусь.

В Шевченково мы вновь пополнились личным составом. И когда численность полка была доведена примерно до шестисот человек, нас опять выдвинули на передний край обороны. Впрочем, в данном случае понятие «передний край обороны» носило чисто условный характер, ибо не свидетельствовало о наличии каких-либо серьезных оборонительных сооружений. Лишь на отдельных участках были созданы противотанковые и противопехотные минные поля.

Зима выдалась морозной, снежной. В таких условиях наша оборона строилась на удержании тех или иных населенных пунктов, в которых обычно размещался какой-либо батальон. Такого же принципа придерживался противник, но в отличие от наших его опорные пункты были укреплены более основательно: обнесены колючей проволокой, на окраинах поселков оборудованы дзоты, а подходы прикрыты почти сплошными минными полями, как противопехотными, так и противотанковыми. Так, например, были укреплены два слившихся воедино поселка — Анновка и Лебяжье, находившихся на левом берегу Северского Донца, неподалеку от села Базалеевка, обороняемого нашим правифланговым батальоном. Правда, в ноябре — декабре некоторые из захваченных населенных пунктов враг укрепить до такой степени еще не успел.

Вот на таком тактическом фоне наш полк и вел с ноября сорок первого и практически всю зиму так называемые бои местного значения в районе Базалеевка, Волхов Яр. В зависимости от планов командования дивизии полк перебрасывали то севернее, то южнее участка железной дороги Купянск — Чугуев, так что у нас даже определение появилось — «кочующий» полк.

В мае 1975 года я получил письмо из Брянска от своего однополчанина, политрука 1-й стрелковой роты Эстрина. В нем Афанасий Захарович писал: «Я и Вы прошли один долгий и тяжелый боевой путь. Помните оборону осени, зимы и весны 1941 — 42 гг.? А вообще, наша 1-я стрелковая рота была кочующей, бои вела и под Печенегами и у сел Волхов Яр и Волчий Яр». Он ошибался. «Кочующей» была не рота, «кочующим» был полк. Трудно вспомнить все боевые эпизоды. Остановлюсь на тех, которые забыть нельзя.

В моем письме жене от 16 декабря 1941 года есть такие строки: «... ведь я собственными глазами видел тела зверски замученных, до неузнаваемости изуродованных наших бойцов, попавших к фашистам в плен. Наверное, никогда не забуду этой страшной картины».

Прошли десятилетия, но из памяти не изгладилось потрясение, вызванное изуверством гитлеровцев, диким, бессмысленным надругательством над уже беззащитными людьми. А произошло все это в ходе первого же боя полка в районе Базалеевки.

Перед полком была поставлена задача выбить противника из населенного пункта Анновка-Лебяжье, находившегося в трех-четыре километрах западнее наших позиций. Командир принял вполне логичное, на первый взгляд, решение: скрытно подойти к вражеским позициям с южной стороны по широкой залесенной балке и, используя внезапность, овладеть поселком.

Оказалось, однако, что противник предвидел такой вариант и серьезно подготовился к отражению атак с любой стороны. Батальоны, выдвигавшиеся один к балке, а другой — на Анновку-Лебяжье с востока, еще на дальних подступах к поселку попали под такой массированный пулеметный и минометный обстрел, что вынуждены были залечь, а с приходом темноты начали окапываться.

Батальон, наступавший на балку, был остановлен в 200 — 300 метрах от нее. Мерзлый грунт долбили, окапывались поспешно. Люди выбились из сил, продрогли. И когда перед рассветом в одну из рот прибыла полевая кухня, противник неожиданно провел здесь атаку, отрезал от основных сил и окружил группу красноармейцев. Усилиями других наших подразделений врага вскоре заставили отойти на исходный рубеж, но неподалеку от еще дымившейся полевой кухни воины увидели потрясшее их зрелище: на снегу лежали истерзанные гитлеровцами бойцы. У многих были отрезаны уши, носы, вырваны языки, выколоты глаза. Почти все они после издевательств были добиты выстрелом в голову.

Комбат доложил командиру полка о случившемся и, получив его согласие, повел батальон в контратаку. Бойцы, ставшие только что свидетелями кровавого злодеяния фашистов и охваченные жаждой справедливой мести за своих погибших товарищей, атаковали яростно и неудержимо. Словно не замечая вражеского огня, они на одном дыхании перебежали через поле, выбили гитлеровцев из траншей и вслед за ними устремились в поросшую лесом балку. Теперь бой переместился в лес, и связь штаба полка с комбатом прервалась. Когда стало ясно, что командир батальона на вызовы не отвечает, майор Карапетян приказал мне разыскать его, уточнить на месте обстановку и немедленно вернуться обратно.

Как ни спешил, но в пути все же задержался на две-три минуты около повозок, на которые красноармейцы из тылового подразделения уже укладывали замученных фашистами бойцов. А на КП батальона я застал лишь двух связистов. Где комбат, они не знали, но, указав на красный немецкий телефонный провод, посоветовали:

— Вы комбата легко найдете, если пойдете вдоль провода. К нему наши ребята тянут связь. А провод трофейный, красный, его хорошо видно и на поле, и в лесу.

Связавшись с командиром полка, доложил, что батальон ведет бой в балке, куда сейчас направляюсь и я, после чего быстро зашагал вдоль красного провода. Спустился по склону в поросшую деревьями и густым кустарником балку и углубился в эти заросли. Провод вел в ту сторону, где в отдалении гремели выстрелы, раздавались взрывы гранат. «Наши продвинулись уже далеко, — подумал я. — Пожалуй, скоро выйдут и к

поселку». Идти было легко: земля промерзла, снега мало. Красный провод был хорошо виден. Стрельба впереди совсем близко. Мелькнула мысль: «В лесу скорее окружить могут и немцы нас, и мы их».

...Его я увидел первым. Меня насторожило, заставило затаиться что-то едва уловимо мелькнувшее впереди. Да, определенно кто-то шел мне навстречу. Достал из кобуры ТТ, поставил на боевой взвод. Чуть отодвинулся в сторону за густую заросль орешника. Увидел, что между стволами деревьев мелькнула фигура человека в длиннополой шинели и в фуражке с высокой тульей. Немецкий офицер! Как он здесь оказался, за спиной нашего батальона? Враг шел настороженно, останавливался, прислушивался. Увидев трофейный красный провод, он направился к нему и пошел прямо на меня.

Возможно, мне следовало бы крикнуть «Хендехох!», но нервы не выдержали. Я, задержав дыхание, прицелился и выстрелил. Офицер словно споткнулся, упал навзничь. Убитый оказался обер-лейтенантом. Рядом с ним валялся взведенный парабеллум с наградной серебряной пластинкой на рукоятке. Невольно подумалось: «Хорошо, что не пытался брать его в плен!»

Вытащил из карманов убитого документы, забрал парабеллум, снял с пояса кобуру и тут услышал шаги и голоса. Быстро снова встал за дерево, достал лимонку, подготовил ее для броска.

На этот раз все обошлось благополучно: появились два красноармейца-связиста, сматывавших провод. Увидели меня, растерялись — я был в телогрейке без знаков различия.

— Не бойтесь. Я из 617-го полка, иду к вашему комбату. А вот его надо было опасаться, — показал я на труп обер-лейтенанта. — Не успели бы вы свои винтовки скинуть с плеча — парабеллум у него в руке был. Так где же комбат?

— Приказал связь снимать. Командир полка разрешил отходить. У нас мало людей осталось.

Чуть позже комбат подтвердил, что к концу атаки в строю батальона осталось не более сотни бойцов, в то время как противник, судя по резко возросшей плотности огня, подтянул свежие силы и создал многократное численное превосходство. С минуты на минуту следовало ждать контратаки.

Анновку-Лебяжье взять не удалось...

Кончался 1941 год. Ноябрь и декабрь мы провели в боях местного значения, не преследовавших решительных целей, но изматывавших противника, отвлекавших его силы с других направлений и державших его в постоянном напряжении. А поскольку эти бои носили эпизодический характер, то уже через несколько дней после встречи Нового,

1942 года, запомнившейся главным образом переходом полка на новый участок — южнее железной дороги Чугуев — Купянск, я имел основание писать родителям: «Сейчас подвергаюсь опасности в гораздо меньшей степени». А вот в письме, отправленном чуть позже жене, уже несколько подкорректировал истинное положение дел, сообщив: «Немного простудился. Охрип. И в общем, получил грипп». Даже в рифму получилось, во всяком случае, гораздо более складно, чем было на самом деле.

Как-то январским вечером майор Карапетян ознакомил меня с приказом комдива. В нем предлагалось следующей ночью частью сил полка выбить противника из трех хуторов, превращенных в опорные пункты, вынудив его тем самым либо занять оборону в чистом поле, либо отойти на другие рубежи.

— Ввиду того что операция назначена на ночь, — продолжал командир полка, — необходима особенно тщательная разведка системы обороны противника, тем более что он ее непрерывно совершенствует. Поэтому выполнение приказа я решил возложить на сводную группу в составе батальона Полякова и приданных ему батареям семидесятисестимиллиметровых орудий и минометов. Командовать же этой группой поручаю вам. Еще раз напоминаю о том, что успех боя в решающей степени зависит от получения достоверных разведанных.

Поскольку через мои руки проходила вся разведывательная информация, интересовавшая штабы полка и дивизии, я и сам знал, насколько она в данном случае недостаточна. Если выслать разведчиков, а потом анализировать их доклады, можно потерять драгоценное время. Гораздо надежнее и оперативнее — пойти в разведку самому.

За ночь выделенный для операции отряд сосредоточился на исходном рубеже, в поселке Волхов Яр. На рассвете я, Поляков и оба командира батарей, все в белых маскировочных костюмах, в сопровождении нескольких бойцов вышли на рекогносцировку с целью общего осмотра местности, изучения подходов к тем хуторам и системы их обороны. Эти данные и должны были составить основу плана ночного боя. Продвигались мы по неглубокому, тянувшемуся в сторону опорных пунктов противника оврагу, соблюдая все меры предосторожности. Все шло нормально.

Уже рассвело, когда добрались до конца оврага. Взяли с собой одного красноармейца, а остальных оставили на месте с задачей прикрыть, если потребуется, огнем наш отход. Впятером выбрались из оврага, проползли метров двадцать пять — тридцать, залегли и взялись за бинокли.

Несмотря на ранний утренний час, у вражеских позиций было довольно оживленно. Помимо солдат здесь находилось немало людей в гражданской одежде, большей частью женщин. Они перетаскивали и

укладывали тяжелые бревна; долбили ломами и мотыгами мерзлую землю, отбрасывали ее лопатами. Все ясно: фашисты интенсивно укрепляли свою оборону, нещадно эксплуатируя и местное население. Вдруг откуда-то сбоку выскочила лиса-огневка и понеслась между нами и вражескими позициями. Поляков потянул было руку к лежавшему рядом автомату, но я схватил его за рукав:

— Ты что, с ума сошел? Выдадим себя — провалим задание!

— Да нет, — шепотом ответил он. — Это охотничий рефлекс.

Лиса пробежала прямо перед нами, когда (и опять «вдруг») по ней ударил немецкий пулемет. Ударил не издалека, не от траншеи, а всего метрах в ста от нас, из амбразуры хорошо замаскированного дзота. Мы обомлели. Веер трассирующих пуль пронесся прямо над нашей головой, заставив недвижно распластаться на снегу. Отползать? Однако, если пулеметчик и не видит нас сейчас, то при движении обязательно обнаружит. Значит, надо оставаться на месте, лежать столько, сколько потребуется. Тихо сказал:

— Никому не двигаться без команды. Пока наблюдаю я один.

Медленно приподнял голову, еще медленнее поднес к глазам бинокль. Кажется, обошлось: на позициях возобновили работу, возможно, видели метнувшуюся в сторону лису и поняли, чем вызвана ложная тревога. Становилось все очевиднее, что строилась вторая линия обороны, а передовая позиция, по крайней мере дзоты, амбразур которых мы теперь благодаря случайности обнаружили, уже готова. Оказывается, их можно было заметить и невооруженным глазом. Ошибка наша заключалась в том, что мы сразу же взяли за бинокли и стали рассматривать происходившее вдали, не подумав о том, что враг мог быть совсем рядом.

Пролежали мы под дулом пулемета, почти не шевелясь, еще долго. Замерзли страшно, несмотря на ярко светившее солнце. Наконец, решаю: пора отходить. Медленно, не разворачиваясь, попятились кто как мог. Только в овраге вздохнули с облегчением, а один из командиров батареи высказал вслух общую мысль:

— Ну, друзья, лисе надо сказать спасибо: спасла она не только нас, дураков, но и тех, кто в ночной атаке напоролся бы на эти проклятые дзоты.

Уже на обратном пути вполголоса прикидывали план ночного боя. Все оказалось значительно сложнее, чем думали раньше, — ведь только для того, чтобы приблизиться на расстояние броска к хуторам, надо было овладеть как минимум двумя дзотами или подавить их, разорвав тем самым огневую связь с другими. Ни о какой внезапности нападения на хутора в таких условиях не могло быть и речи. Словом, поломать голову еще было над чем.

Однако, вернувшись в Волхов Яр, мы получили новое распоряжение, которое снимало все вопросы: личному составу группы немедленно прибыть к местам прежнего базирования. Оказалось, что задача по овладению хуторами отменялась, а полк возвращался на свой старый рубеж. В одном только полезной и оказалась памятная рекогносцировка — удалось точно определить состояние ранее не известных нам вражеских оборонительных сооружений. Полученные сведения мы передали сменявшей нас части.

4 января выступили обратно и 5-го были на ранее обжитом участке обороны. Все бы ничего, но для меня длительное лежание в снегу не прошло даром — заболел. Поднялась температура, начисто сел голос. Так что с трудом выдержал переход, еле добрался до койки. Правда, отлеживаться не пришлось: «рядовая» простуда на фронте во внимание не принималась, да и от неотложных дел куда не уйдешь. На войне как на войне. Так что поднялся я в тот же вечер. А вот недели две голос никак не прорезался, приходилось объясняться шепотом.

Надо сказать, что если мы зимой проявляли активность, то и противник иногда делал вылазки, вел разведку боем. Вероятно, действия нашего «кочующего» полка дезориентировали врага относительно состава противостоявшей ему группировки. Явно с целью получения необходимых данных противник в конце первой декады января организовал разведку боем, нанеся удар от Анновка-Лебяжье на Вазалеевку. Примерно в 10 часов утра лыжный батальон гитлеровцев, одетых в маскхалаты, предпринял попытку с ходу ворваться в поселок. Однако воины боевого охранения, располагавшегося на занесенных снегом дюнах у подступов к Вазалеевке, не дали застать себя врасплох — встретили противника дружным огнем, сбили темп атаки, после чего отошли на оборонительный рубеж, занятый уже поднятым по тревоге батальоном Полякова. Гитлеровцы вынуждены были залечь, и начали ружейно-пулеметный обстрел наших позиций. Вскоре к трескотне перестрелки добавились и глухие разрывы мин — враг вновь пустил в ход свое мобильное оружие.

Командир полка приказал:

— Сергеев, немедленно в Вазалеевку! Выясните на месте обстановку и докладывайте мне о ее малейших изменениях.

Как ни спешил, но когда я прискакал в село, вражеская атака была уже отбита, фашисты отошли и только как бы в отместку за неудачу беспорядочно обстреливали Вазалеевку из минометов.

В штабе батальона я попросил соединить меня с командиром полка. Докладывал ему, а сам прислушивался к близким разрывам мин. «Чего доброго, — подумал, — и на наш дом упадет». На всякий случай,

насколько позволил шнур, отодвинулся от окна, около которого стоял телефон. А секунду-другую спустя в палисаднике рядом с этим окном грохнул взрыв, вдребезги разлетелись стекла.

В трубке послышался взволнованный голос Карапетяна:

— Сергеев! Алло, Сергеев! У вас там что-то произошло?

— Все в порядке, товарищ майор. Это мина перед окном разорвалась.

— Ничего себе «порядок». Никто не пострадал?

— Ни одной царапины.

— Ну, считай, что повезло. Возьми сведения о потерях в батальоне и возвращайся...

Где-то в середине января руководящий состав полка, в том числе и я, был собран в штабе дивизии и ознакомлен с содержанием директивного письма Ставки Верховного Главнокомандования, в котором обобщался опыт проведенных Красной Армией наступательных операций. Да, мы, кому еще не довелось испытать радости крупных побед, знали, что то на одном, то на другом участке советско-германского фронта наши войска успешно громили фашистов. И каждый их успех воспринимался как предвестник будущих побед, укреплял уверенность в том, что немецко-фашистских захватчиков можно успешно бить. Особую радость вызывало контрнаступление наших войск под Москвой, освобождение от захватчиков тысяч населенных пунктов, многие из которых мне как москвичу были хорошо знакомы и близки. Правда, сейчас дорогими сердцу стали опаленные боями украинские села и города, и часто думалось: «Когда же мы их отобьем, когда повернем на запад, чего для этого не хватает?»

А не хватало пока еще многого. В директивном письме Ставки речь, в частности, шла о массировании на направлениях главных ударов артиллерии и танков и даже о переходе от практики артиллерийской подготовки к практике артиллерийского наступления. Но орудий в полку и даже в дивизии было слишком мало для того, чтобы думать об их массированном применении.

Именно их отсутствие послужило одной из причин неудачных действий полка в боях, начавшихся 18 января. Трое суток не могли подразделения преодолеть вражескую оборону, выйти на заданный рубеж. И только когда мы узнали о том, что войска взаимодействовавших нашего Юго-Западного и Южного фронтов, разгромив крупную группировку врага, освободили города и железнодорожные узлы Лозовая и Барвенково, стало очевидным, что своими активными действиями на второстепенном, а вернее вспомогательном, направлении воины полка отвлекли на себя часть вражеских сил и способствовали тем самым успешному поначалу развитию Барвенково-Лозовской операции наших войск, на

осуществление которой командование, несомненно, выделило основную массу боевой техники.

И на войне люди не жили одним лишь боем. Даже в самые напряженные и трудные периоды выпадало время для человеческого общения, душевного разговора, быть может, как раз особенно необходимых и желанных в дни наивысшего напряжения сил. В декабре 1941 года я писал жене: «Люди в нашем полку замечательные. Вместе с такими командирами, товарищами легче преодолевать тяготы войны. Теперь я убедился, что фронтовое товарищество и дружба прочнее и надежнее любых других».

Действительно, 617-й стрелковый полк стал моей фронтовой семьей. Здесь я нашел как искренних друзей, так и старших товарищей, которых ставил себе в пример. Среди руководящего состава полка, помимо уставной субординации, сложились просто добрые отношения, основу которым заложил сам майор Асканаз Георгиевич Карапетян, счастливо сочетавший необходимые командирские качества с душевной теплотой и, я бы сказал, с какой-то неброской заботливостью о подчиненных.

Когда позволяла обстановка, командир полка обедал или ужинал не только со своими заместителями, но приглашал и штабных командиров, в том числе и меня. Непринужденные беседы, настрой на которые умело создавал майор, помогали нам лучше узнать друг друга, проникнуться взаимным доверием и симпатией. С интересом слушали мы и рассказы самого Асканазы Георгиевича о его службе в Красной Армии, в которой он прошел путь от взводного до полкового командира, не «перескочив» ни одной служебной ступеньки. Не отсюда ли и его глубокое понимание забот и проблем, волновавших как красноармейца, так и командира любого ранга?

— Мне вот, — рассказывал майор, — довелось пять лет командовать взводом. Думаете, наскучило? Ничуть не бывало — ведь все, что входило в мои тогдашние обязанности, я изучил настолько глубоко, что не возникало, по существу, никаких сложностей, служилось легко, даже весело. Так может быть только тогда, когда уверен в себе, в своих силах и возможностях. А вот тем, кто не прошел последовательно армейскую школу жизни, значительно труднее: они подчас, хотя в этом и не виноваты, не знают многих азбучных истин, теряются в относительно простой обстановке.

Поскольку последнее в полной мере относилось и ко мне, я старался извлечь из воспоминаний кадрового командира как можно больше полезного и для себя. А насчет полученных нами за короткие сроки высоких званий и должностей кто-то пошутил, что и сам майор Карапетян «рискует» вскоре получить генеральское звание. Шутка запомнилась,

потому что оказалась вещей: А.Г. Карапетян закончил войну генерал-майором, а за отличие в боях под Ростовом-на-Дону был удостоен высокого звания Героя Советского Союза.

Однако командир полка оставался для меня все же командиром полка, а самая крепкая дружба сложилась у меня с Петром Ивановичем Сироткиным. С ним мы буквально делили и хлеб, и табак, нередко спали на одной постели, случалось, в равной мере рисковали жизнью. Что же еще может более тесно связать людей? Впрочем, на служебных делах наши взаимоотношения никак не отражались, даже называли мы друг друга по имени только в тех случаях, когда рядом не было посторонних. А вот что касается совместного риска, то это дело вполне естественное — ведь мы, как правило, находились рядом, и на обоих хватило бы одной автоматной очереди или одной гранаты.

Однажды выбил наш полк гитлеровцев из небольшого поселка, расположенного западнее Шевченково, в непосредственной близости от железной дороги Купянск — Чугуев. Разместили в одном из домов штаб полка, но так как там постоянно толпились люди, то ночевать мы устроились в стоявшей несколько на отшибе небольшой хатке, привлекавшей тем, что ее хозяйева отвели нам довольно широкую, да еще и застеленную чистым бельем кровать. Около дверей поставили часового, с удовольствием разделись и нырнули под одеяло. Засыпали мы тогда мгновенно, стоило только голове коснуться подушки или предмета, ее заменявшего.

Где-то среди ночи нас разбудила перестрелка, и тут же бухнул чуть ли не под самыми окнами одиночный выстрел. Быстро оделись, выскочили на улицу. Первое, что увидели, был лежавший шагах в пятнадцати от хатки немецкий солдат с зажатой в руке гранатой на длинной рукоятке.

Произошло же вот что. У полотна железной дороги, проходившей в нескольких десятках метров от окраины поселка, выставляли на ночь один из постов боевого охранения. Сержант — командир отделения комендантского взвода провел туда трех бойцов. На подходе к посту остановился, прислушался. Что-то показалось ему подозрительным, и он, приказав бойцам оставаться на месте и быть начеку, направился к часовому, выставленному у нашей хатки, чтобы и его предупредить о необходимости усилить осмотрительность. Не успел к нему подойти, как услышал в стороне, где оставил своих бойцов, оклик: «Стой, кто идет?» — и сразу же автоматные очереди, винтовочные выстрелы, а несколькими секундами позже — приближавшийся топот ног бегущего человека.

Сержант, опытный фронтовик, тут же упал на землю, приготовился к стрельбе из винтовки. И вовремя: из темноты на него буквально выскочил здоровенный гитлеровец с автоматом на груди и поднятой для броска ручной гранатой. Выстрел почти в упор сразил фашиста наповал.

Обо всем этом и рассказал нам сержант, вернувшийся вскоре после того, как выяснил, что же произошло на посту. Мы как раз закончили осмотр убитого и были удивлены, что на его мундире отсутствовали какие-либо знаки различия, а главное, не нашли в карманах ни одной бумаги, ни одного документа.

— Там, — заметил сержант, указав в сторону железной дороги, — красноармейцы еще одного такого же шлепнули. У него тоже — ни погон, ни документов. Не иначе как диверсионная группа. Разведали небось, где здесь расположились штаб, командный состав. Забросали бы дома гранатами, повыбили бы все руководство, а может, и «языка» захватили бы. Хорошо, у меня слух абсолютный, уловил, что кто-то идет в темноте. Могли просочиться — их ведь специально готовят.

Сержант рассуждал не только интересно, но весьма логично. Высказал он предположение и о том, что если основная группа диверсантов, наравшись на наш пост, предпочла бегство, то убитый около нашей хатки немец — может быть, нацистский фанатик — решил все же выполнить задание. Похоже, так оно и было. Вот почему мы с Петром в дальнейшем старались не ночевать на окраинах населенных пунктов, а тем более в чем-нибудь приметных домах вроде злополучной хатки, отличавшейся от других строений поселка не только размером, но и расположением.

Постоянная близость противника держала нас в неослабном напряжении, создавала все новые неудобства. Вскоре пришлось расстаться еще с одной довоенной привычкой. И тоже по воле случая. Тогда мы ждали прибытия в полк пополнения, но поскольку о его продвижении ничего не знали, то договорились с Сироткиным, что будем по очереди дежурить в штабе круглые сутки. После одного из таких дежурств я в два часа ночи вернулся в дом, в котором мы жили, разбудил отдохавшего Петра, а когда он отправился в штаб, улегся в теплую постель и тут же уснул.

Разбудил меня сильный стук в дверь и ставни окон. В темноте слышались топот босых ног по дощатому полу и причитания хозяйки — пожилой женщины, которая большую часть суток проводила на печи. Теперь она испуганным голосом выкрикивала одно и то же:

— Немцы! Ой, господи, немцы! Ой, господи, немцы!

Меня с кровати как ветром сдуло. Схватил предусмотрительно положенные на стол пистолет, гранату — и к окну. Сквозь щель в разошедшейся ставне разглядел силуэты красноармейцев, прыгавших с ноги на ногу, ругавшихся и барабанивших в дверь и окна. Ну конечно же — пришло пополнение! Замерзли бойцы, хотят обогреться.

— Успокойтесь, — говорю хозяйке, — это наши, только еще не знают, где должны размещаться. А на дворе морозище. Открывайте!

А та с перепугу забилась в угол, что-то бормочет. Пришлось самому выскочить в одном белье в сени, откинуть крюк и, открыв дверь, командовать:

— Десять человек, заходи, остальные — в соседние дома!

Хочешь не хочешь, а надо отправляться в штаб. Выслушав меня, Сироткин расхохотался, а потом стал серьезным и сказал:

— Знаешь что, дружище, а ведь могли оказаться и на самом деле немцы. Что-то у нас не сработало: никто колонну не встретил, не сопроводил ее до штаба, как было задумано. За такие осечки, раз они возможны, легко поплатиться головой. Ну, с этим разберемся, а вот подумать стоит и о другом. То, что мы оружие всегда держим рядом, — это правильно. Но случись прорываться из окруженного дома, придется в одном белье по морозу бегать. Не пристало такое советскому командиру. Так что давай с завтрашнего дня будем снимать на ночь только сапоги, а с «барской» привычкой раздеваться перед сном покончим, пока мы на передовой.

Представил я мысленно, как бы все выглядело, если бы подняли меня с постели не наши бойцы, а вражеские солдаты, и согласился.

Известно, что будничное забывается быстро: хочешь вспомнить, а не за что зацепиться — все гладко, однообразно. Но бывают дни, которые остаются в памяти на всю жизнь. Одним из таких для меня стало 31 января 1942 года, когда я получил первый в жизни орден — орден Красной Звезды.

В штабе дивизии, куда в тот день были вызваны несколько человек из нашего полка, мы узнали, что награды будет вручать член Военного совета 38-й армии бригадный комиссар В.М. Лайок. Помимо бойцов и командиров нашей части сюда же прибыла группа воинов из подразделения гвардейских минометов. Нам еще не приходилось сражаться во взаимодействии с «катюшами», только удалось услышать издали их голос в первых числах октября минувшего 1941 года, во время обороны Милорадово. Позже узнали, что тогда реактивные минометы поддерживали наших кавалеристов, наступавших с севера на юг вдоль реки Ворскла. Постепенно немало наслушались о сокрушающей мощи нового оружия, об огромных потерях, которые оно наносило врагу. Нам бы такое сюда! Но пока вот только с некоторой завистью поглядывали на представителей молодой Советской гвардии — отличившихся в боях воинов гвардейских минометных частей. Внешне — ничего богатырского, такие же, как и мы. Но уже знали и то, что сверхсекретное оружие доверяли людям всесторонне проверенным и надежным. Значит, такими они и были на самом деле.

В штабе соединения прибывших на церемонию вручения наград встретили командир дивизии полковник В.В. Давыдов и полковой ко-

миссар Ф.Н. Дроздов. Какое-то время люди знакомились друг с другом, оживленно беседовали, то тут, то там слышались шутки, смех — жизнь, молодой задор и на фронте брали свое.

Но вот ко мне подошел полковой комиссар Дроздов и попросил (именно попросил, а не приказал) построить награждаемых, по прибытии члена Военного совета армии доложить ему о цели построения, а в конце торжества выступить от имени награжденных однополчан. Естественно, эти дополнительные почетные обязанности добавили и волнения. Однако все обошлось хорошо.

На другой день армейская газета опубликовала репортаж об этом событии. Разумеется, я вырезал его и отослал вместе с письмом домой.

Бригадный комиссар В.М. Лайок выступал спокойно, говорил проникновенно, искренне, для каждого награжденного находил теплые слова. Мне он сказал примерно следующее: «Поздравляю с высокой наградой. Особенно рад, что вручаю орден не младшему, как сказано в приказе, а уже старшему лейтенанту. (Это звание было присвоено накануне награждения.) Желаю дальнейших боевых успехов».

После награждения гвардейцы уехали в свою часть, а наша группа из 617-го стрелкового полка осталась на праздничный ужин, организованный командиром и комиссаром дивизии. Запомнилось короткое выступление полковника Давыдова, который подчеркнул, что мы теперь не просто бойцы, командиры и политработники Красной Армии, но еще и орденосцы. А орден, медаль на груди обязывают быть примером для всех, кто воюет в рядах Красной Армии против гитлеровского фашизма.

Орден Красной Звезды был всегда на моей гимнастерке, он постоянно заставлял меня быть настороже по отношению к самому себе. Больше всего я боялся сделать что-либо такое, что могло бы уронить меня в глазах других как командира, коммуниста и орденосца.

Награждение орденами и медалями отметили, конечно, и в полку. По этому поводу был устроен небольшой концерт самодеятельности. Оказалось, что Сироткин прекрасно играл не только на пианино, но и на баяне. Под его аккомпанемент, лихо приплясывая, пела звонким голосом частушки одна из наших радисток — Марина Фаустова.

После войны я очень долго ничего не знал о ее судьбе, и вдруг весной 1979 года услышал по телефону веселый голос: «Евгений Михайлович, здравствуйте! Это я, радистка 617-го полка, помните, Вы меня еще Чижилом звали?» И сразу же из глубины памяти всплыл образ невысокой, светловолосой, никогда не унывавшей девушки, которую я когда-то действительно называл Чижилом. Это она вместе со своей фронтовой подругой переводчицей Татьяной Сергеевной Смирновой под вражеским

обстрелом вплавь переправлялась через реку Оскол. Таким же способом Марине Георгиевне пришлось форсировать и Дон. Во время Сталинградской битвы она была ранена.

И вот теперь узнал, что Марина вышла замуж за бывшего командира артиллерийской батареи Александра Филипповича Воронова. Александр Филиппович после расформирования 199-й дивизии воевал на Ленинградском фронте. Был тоже ранен. Сейчас у них трое взрослых детей, все получили высшее образование; одна из дочерей стала кандидатом наук. 23 февраля 1980 года — в День Советской Армии и Военно-Морского Флота — Петр Сироткин, Татьяна Смирнова и я были гостями в этой дружной семье, сидели рядом со своими однополчанами и вспоминали о том, как сражались за счастье Родины, за мирную жизнь, крепкие семьи, счастье детей.

Татьяна Сергеевна Смирнова приехала к нам в полк в звании лейтенанта. Она была студенткой Историко-философско-литературного института (ИФЛИ) и направлена в наш полк переводчицей немецкого языка. Встретили ее приветливо. Подкупали юность, простота в обращении и в то же время серьезность. Я подарил ей маленький трофейный пистолетик. Татьяна Сергеевна отступала с полком летом 1942 года и, в конце концов, оказалась в Сталинграде переводчицей в штабе 62-й армии генерала В.И. Чуйкова.

Во время войны ИФЛИ влили в Московский университет и мы встретились с Таней в День Победы на митинге в Коммунистической аудитории МГУ. Она заканчивала университет. Затем мы долго не встречались. Лишь в 1974 году Татьяна Сергеевна позвонила мне на работу и дала номер своего телефона, который я легкомысленно записал на какой-то бумажке и умудрился потерять. Было ужасно жаль.

Потом я получил от нее открыточку:

«Дорогой Евгений Михайлович! С Новым годом Вас поздравляет одна бабушка, которой Вы (когда она была еще маленькой) подарили... маузер! Теперь можно сознаться, что я очень гордилась подарком и сохранила его до Москвы, вплоть до демобилизации. В преддверии 30-летия Победы особенно часто приходят на память трудные дни 617-го полка. Надеюсь, что мы когда-нибудь соберем ветеранов.

Самые добрые Вам пожелания! Здоровья и успехов во всем! Татьяна Смирнова, бывш. переводчица 617-го».

В середине февраля 1942-го меня вызвали в штаб дивизии. На случай, если по каким-то обстоятельствам задержусь, я сунул в полевую сумку туалетные принадлежности, бритву, а в вещмешок три буханки душистого свежее испеченного хлеба. Надо мной еще посмеялись: «Зачем столько набираешь, зимовать там собрался?» Отшутился, что, дескать,

наш полковой хлеб — самый вкусный, буду в дивизии угощать вместо пряников. И поехал.

А в штабе дивизии меня ждал, оказывается, «сюрприз» — приказ о немедленном убытии в распоряжение штаба 38-й армии. Вот тебе и «зимовка»! А что, если действительно надолго? Ведь все мое, пусть и немудреное, но с трудом собранное за пять месяцев, прошедших после пропажи московского чемодана, имущество осталось в штабе полка. Я возмутился:

— Что же Вы не передали, что меня отзывают в штаб армии? Я хотя бы вещи свои взял.

— Да не беспокойтесь, Вас, наверное, за ними отпустят или прикажут переслать.

Приехал с ординарцем в штаб армии, зашел в отдел кадров и сразу получил нахлобучку:

— Где Вы пропадали? Эшелон отходит через два часа. Вы направляетесь в Воронеж, в учебный центр Юго-Западного фронта. Будете там учиться на начальника штаба полка.

— Позвольте, — возразил я, — какая учеба, когда идет война. Весной немцы наверняка начнут активные действия, а в полку и без того большой недокомплект.

— Учеба — дело приказное, как и все в современной армии, — сухо ответил кадровик. — Надо полагать, что о возможном характере боевых действий, укомплектованности частей и вопросах подготовки кадров думаете не только Вы. Поэтому выполняйте приказ, да поторапливайтесь.

Остались без внимания и мои, как теперь понимаю, действительно не слишком основательные доводы о том, что даже не успел попрощаться с товарищами, что не взял с собой никаких вещей.

— Ничего страшного, товарищей увидите, когда вернетесь обратно в дивизию. Надо полагать, что сохранят они и Ваше имущество.

Ничего тут не поделаешь. Получил документы, написал коротенькую записку Сироткину и передал ее ординарцу. Дрохали мы с ним до железнодорожной станции города Купьянск, разыскали эшелон, идущий на Воронеж, а в нем теплушку для комсостава. До свидания, родной 617-й стрелковый полк! А может быть, прощай? Кто мог это знать...

Глава 13

В учебном центре

Теплушка оправдывала свое название: в железной печурке потрескивали дрова, придавая помещению своеобразный уют, мягко, неназойливо мерцал фонарь «летучая мышь», не высвечивая крашеных суриком стен и потолка. В вагоне оказалось всего четыре человека, все — военные врачи, получившие назначение на другой фронт.

Встретили они меня приветливо, предложили чаю. В ответ на любезность я выложил на сколоченный из неоструганных досок стол одну из буханок хлеба. Во время чаепития стало еще теплее, и мы сняли шинели. Сидели, неторопливо беседовали, время от времени поглядывая на часы: что-то долго поезд не трогался.

Завыли сирены, предупреждая о воздушной тревоге. Нам-то как на нее реагировать? Ничего не придумали лучше, чем продолжать беседу, как будто ничего не случилось. И все же невольно тревожно переглядывались и чутко прислушивались к тому, что происходило за пределами вагона. Вот уже открыли огонь зенитки, прикрывавшие станцию, и тут один из врачей вспомнил:

— Черт возьми, а ведь в нашем эшелоне несколько вагонов с авиабомбами и другими боеприпасами. Можно принять самое непосредственное участие в грандиозном фейерверке.

Вот уж действительно нашел время для вдохновляющей информации! А тут и душераздирающий визг бомбы, прогремевший где-то неподалеку взрыв. За ним второй, третий... Вздрагивал вагон, качалась «летучая мышь». Инстинктивно хотелось куда-то спрятаться. Усилием воли заставил себя достать кисет с махоркой, свернуть самокрутку, вставить ее в мундштук и закурить.

Несколько бомб разорвалось довольно близко, но «фейерверка» не произошло. После отбоя тревоги эшелон, наконец, тронулся с места. Ехали медленно, с продолжительными остановками, так что в Валуи-

ках оказались только утром. Побежал я на телеграф, чтобы отправить весточку родным, и у входа в здание вокзала лицом к лицу столкнулся с Олейником — тем самым старшим лейтенантом, которому передал взвод в резерве Юго-Западного фронта. Только теперь на петлицах его гимнастерки вместо трех кубиков были нашиты три матерчатые шпалы, а на груди сверкали два ордена. Я на секунду опешил: он ли?

— Товарищ подполковник, вы ли это?

— Здорово, Сергеев, я самый! Рад видеть тебя живым. Да и повоевал ты, судя по «звездочке», неплохо.

— Как учили. А у вас, я вижу, еще лучше получилось.

— Куда уж лучше, если нашпиговали меня фашисты железом, а теперь после госпиталя еду долечиваться в Кисловодск. Ну, прощай, мой эшелон сейчас тронется, а до него еще доковылять нужно.

Тяжело ступая, подполковник направился к своему вагону. Встретимся ли мы еще когда-нибудь?

В Воронеж приехали 21 февраля. Я разыскал управление кадров штаба Юго-Западного фронта и там узнал, что учебный центр базируется в селе Самойловка, что в двухстах километрах от Саратова, а ехать надо до железнодорожной станции Три Острова, которая находится между Балашовой и Камышином.

На вокзал из управления кадров я ехал вместе с Иваном Титовым, тоже старшим лейтенантом. Он был кадровым командиром и встретил войну вблизи нашей западной границы. Буквально за несколько дней до этого он женился на девушке, которой только исполнилось восемнадцать лет. Где она, что с ней — он не знал, тосковал и беспокоился.

Все это мне стало известно позднее, во время нашего совместного пребывания в учебном центре. А по дороге на вокзал выяснилось, что мой попутчик и есть тот самый Титов — начальник штаба соседнего стрелкового полка, с которым мне не раз приходилось разговаривать по телефону. Этот полк, входивший в состав другой стрелковой дивизии 38-й армии, был у нас притчей во языцех благодаря его боевым успехам: то вражеский опорный пункт возьмет, то очень нужного «языка» захватит, то успешно отобьет внезапную атаку. На мой вопрос, как это им все удавалось, Титов ответил:

— Никакого секрета нет. Просто подобрался хороший состав командиров, политработников, бойцов. Один батальон Олейника чего стоит — все, как один, в своего командира.

— Какого Олейника? — встрепнулся я и рассказал Титову о встречах со «своим» Олейником.

— Да, это наверняка он, — задумчиво сказал собеседник, — Храбрейший командир, хотя и очень своеобразный. Скажем, идет наступление,

его батальон атакует, а он на КП сидит и патефон слушает. Кто-нибудь доложит, что батальон залег, дальше продвинуться невозможно, Олейник сразу преобразится: «Как залег?» Прибежит, не стигаясь, в переднюю цепь, поднимет над головой пистолет: «За мной! Бей фашистскую сволочь!» Поднимаются все до одного и уж, будьте уверены, не остановятся, пока не выполнят задание. В последнем бою Олейник был ранен в ногу, но продолжал командовать батальоном. Вторая пуля попала ему в шею, и, несмотря на это, он покинул поле боя только по приказу командира полка.

У окошечка вокзальной кассы мы познакомились еще с одним будущим слушателем, капитаном П.А. Фильджаном. Втроем и сели в вагон. Рядом с нами ехали две молоденькие девушки, как мы поняли из их беседы, на работу. Постепенно завязался общий разговор. Один из нас шуточно задал в общем-то тривиальный вопрос:

— Наверное, дома вам пирогов в дорогу напекли?

— А как же, без этого не ездим.

— Ну, вот и хорошо, сейчас будем чай пить. Есть кипяток, заварка, сахар. Давайте свои пироги, давно домашнего теста не пробовали.

Тут одна из девушек не выдержала, горько заплакала:

— Какие пироги? Неужели вы и правда подумали, что у нас пироги есть? Да мы вкус обычного хлеба едва помним.

Вот досада! Сами того не желая, обидели девушек, забыли, как живет-ся нашим людям в тылу, на какие жертвы они идут, чтобы вооружить, одеть, накормить защитников Родины. Я торопливо достал из вещмешка последнюю буханку хлеба и увидел, какую радость доставило это, не упоминаемое в кулинарных книгах, блюдо нашим юным попутчицам.

Когда в послевоенные годы я вспоминал этот эпизод в поезде, ту последнюю буханку из своего вещмешка и истосковавшихся по обыденному хлебу двух девушек, то невольно думал о том, как мы должны дорожить хлебом, как высоко должны ценить нелегкий труд хлебороба.

Не знаю, по каким соображениям собирались разместить учебный центр фронта в небольшом районном центре Самойловка. Здесь не оказалось условий ни для занятий, ни минимальных бытовых. Потеряв впустую несколько дней, мы были отправлены обратно в Воронеж. За время этих переездов я подружился с Иваном Титовым, привлечшим меня неизменной выдержкой и доброжелательностью к людям и в то же время решительностью суждений, умением отстаивать свои взгляды и убеждения, убеждения коммуниста и советского патриота. Такие люди нужны всегда, повсюду и всем. На войне — особенно. Вот так и случилось, что у меня появился еще один фронтовой друг.

15 марта я отправил жене из Воронежа открытку и просил ее писать мне на главпочтамт до востребования. Казалось бы, невелико событие,

но на самом деле я обрел на какое-то время постоянный адрес и теперь мог узнать, что делается дома, как живут близкие и любимые люди.

В Воронеже нас разместили сначала в показавшихся просто роскошными номерах городской гостиницы. Но вскоре слушателей переселили в казармы, где и обосновался, наконец, учебный центр Юго-Западного фронта, в котором проходил переподготовку командный состав, начиная от командиров взводов и кончая командирами полков. Начальником центра был генерал-майор С.И. Недвигин, носивший кавалерийскую форму и всем своим видом, особенно усами, напоминавший Буденного, а нашим 1-м учебным полком командовал полковник А.П. Николаев.

Первая рота нашего батальона была самой «привилегированной» — в ней готовили командиров полков. Во второй роте, в которую определили Титова, Фильджана и меня, готовились штабные работники: начальники штабов полков, сотрудники штабов дивизий. В большинстве своем слушатели уже имели опыт практической работы в должностях начальника штаба полка или его помощников. Отношения между слушателями сразу же сложились хорошие, товарищеские, занимались все серьезно, отчетливо представляя, насколько сейчас важны новые знания, соответствующие требованиям и условиям такой огромной по масштабам войны, как Великая Отечественная.

Надо сказать, что преподавательский состав в центре был достаточно квалифицированным, и по многим дисциплинам, особенно таким важным, как тактика и техника штабной службы, я лично значительно пополнил свой багаж, стал достаточно быстро и, как правило, безошибочно разбираться в сложных ситуациях, которые содержались в предлагаемых нам вводных.

Больше всего из наших начальников мы уважали и любили двух человек: основного своего преподавателя, майора, обучавшего нас тактике и технике штабной службы, и батальонного комиссара, комиссара нашего батальона. Майор казался нам уже пожилым человеком, носил мушкетерские усы и бородку, обычно пользовался очками. От него так и веяло интеллигентностью. Мы уважали и слушались его беспрекословно за отличное знание своих предметов.

Растущее благодаря хорошо поставленному учебному процессу чувство уверенности в своих силах и возможностях позволило мне сообщить жене в письме от 20 апреля: «...не жалею, что попал на учебу. Несмотря на некоторые «накладки», главным образом бытового характера, получил много новых, очень нужных для меня знаний».

Не скажу, что «накладки», о конкретном содержании которых я в письме, естественно, умолчал, были такими уж незначительными. Думается, прояви командование побольше заботы о слушателях, результаты

учебы оказались бы более высокими. Начать хотя бы с того, что жили мы в неотапливаемых каменных казармах. Температура в марте и апреле в комнатах не поднималась выше пяти градусов тепла. Поэтому шинелей не снимали практически в течение всего дня. Вечером трудно было заставить себя раздеться, улечься в холодную, влажную постель, укрыться с головой стареньким, тоненьким одеялом и опять же шинелью. Свет в комнате на ночь не гасили, памятуя, что лампочки излучают хоть какое-то тепло.

В отличие от фронтового бытия, где день и ночь становились понятиями относительными, здесь царил твердый распорядок дня. Поднимали нас в 6 часов утра. В 7 часов — завтрак, в 15 — обед, в 20 — ужин. Нормальное, казалось бы, трехразовое питание имело, увы, лишь одно преимущество перед питанием на передовой — регулярность. Кормили же здесь хуже, чем на фронте, нередко даже значительно хуже. Случалось, кто-то поднимал этот вопрос перед снабженцами, но получал стереотипный, в общем-то правильный, ответ: «Вы разве не знаете, что идет война? А подумали о тех, кто сейчас мерзнет в окопах?» Как же не подумали, если сами не из санатория сюда приехали! Но аргументация наших оппонентов была достаточно надежной, так что приходилось терпеть.

Хорошо, что далеко не все прятались за фразой, уходили от ответов на острые вопросы. Огромным уважением в батальоне пользовался его комиссар (к величайшему моему сожалению, не запомнил его фамилию). С ним можно было откровенно говорить на любую тему, зная, что он обязательно откликнется, убедит, поможет. Да и держался он со слушателями просто, как подобает настоящему политработнику, хотя и не панибратски. Сам он был авиатором, в минуты откровенности признавался, что тоскует по летной части, откуда его откомандировали по состоянию здоровья, все сделает, «мыслимое и неммыслимое», чтобы вернуться в авиацию.

Разгильдяев он терпеть не мог, требовал соблюдения железной дисциплины, но становился на нашу сторону, когда мы нарушали внутренний распорядок в погоне за культпрограммой.

Весь день мы напряженно занимались, а после ужина у нас было свободное время. Но кому оно нужно, это свободное время, если в центре не было даже библиотеки, а ты в шинели и шапке сидел в холодной казарме? Между тем стоило затратить всего лишь один час на дорогу — и ты оказывался в городе, где сравнительно легко можно было попасть в театр, кино, цирк. Ради этого стоило отказаться и от малоаппетитного ужина.

Мы не раз обращались к руководству центра с просьбой организовать культпоходы или разрешить нам по очереди ходить в город по увольнительной, но получали отказ. И тогда бывалые фронтовики, боевые

командиры, словно несознательные новобранцы, стали удирать в самоволку, смело минуя со своими кубиками и шпалами проходную, где дежурили от силы сержанты.

На вечерней поверке то и дело кого-то не доставало. Командир роты, которого тоже можно было понять, выходил из себя, обещал принять сверхсуровые меры, но нарушители обычно являлись прямо к комиссару батальона, докладывали, где были, предъявляли билеты, рассказывали о своих впечатлениях. На этом все и заканчивалось, если... если от прибывшего не пахивало спиртным. В таком случае комиссару лучше было не показываться и провинившиеся предпочитали получить любое взыскание от командира роты, но не потерять доверия у комиссара. Впрочем, такого рода ЧП всего-то и было одно или два.

Мне как секретарю парторганизации роты неудобно было ходить в самоволку. Батальонный комиссар понимал это и иногда, зная, что я дружен с Титовым, сам вручал нам увольнительные, советовал, куда пойти. Так, однажды по его рекомендации мы оказались в драматическом театре, где шла новая тогда пьеса «Парень из нашего города». Нечего говорить, что несколько дней были под ее впечатлением. Удалось нам посмотреть несколько кинофильмов, побывать на концерте в Доме Красной Армии. И всем этим мы были обязаны нашему батальонному комиссару, который утверждал, что культурный досуг воинов является одним из важных элементов их боевой подготовки.

В Воронеже, впервые после отъезда из Москвы, я начал получать много писем: от родных (уже и от дочки), университетских товарищей и, конечно же, от фронтовых друзей. Много радости доставляли письма П.И. Сироткина. В допустимых пределах он сообщал о том, чем жили однополчане, об успехах и неудачах в боях, радостях и переживаниях, а на войне одно ходит рядом с другим. Из его писем я узнал о гибели нашего командира дивизии полковника В.В. Давыдова и некоторые подробности этого тяжелого события.

8 марта 1942 года Давыдов приехал в наш полк, ознакомился с обстановкой, после чего решил пройти на НП, который располагался на ветряной мельнице, стоявшей на бугре неподалеку от поселка Василенково. В светлое время суток добираться туда было слишком рискованно, ибо идти надо было по ровному, простреливаемому противником полю. Да и сама мельница не раз подвергалась артиллерийским налетам. Однако этим доводам командира полка Давыдов не придавал особого значения и от своего замысла не отказался.

Вместе с полковником, естественно, пошли командир и комиссар полка, адъютанты, связисты. Образовалась группа людей, которая не могла не привлечь внимания противника. Когда они находились уже

около мельницы, немцы дали залп из минометов. Услышав свист мин, все бросились на землю. Все, кроме Давыдова, который, как бы раздумывая, стоит ли кланяться вражеским минам, медленно опустился на бедро, оперся о землю рукой. Мины взорвались. Все остались невредимы, и только один осколок попал прямо в сердце комдива.

Вот что я написал жене в апреле: «На днях получил подтверждение, что убит полковник Давыдов, наш командир дивизии. Замечательный он был командир: культурный, спокойный, храбрый и знающий. Расцеловал меня, когда вручили мне орден, и пожелал успехов. Сам же он имел несколько орденов. И вот такого командира не стало. Невосполнимая и очень обидная потеря».

К 1 мая у нас должны были закончиться занятия, и за пять дней до этого долгожданного события я писал жене: «...пока это письмо дойдет до тебя, пока вернется твой ответ, меня, наверное, здесь уже не будет. Всей душой я уже рядом со своими боевыми друзьями, с нетерпением жду встречи с ними на передовой, где теперь смогу принести еще больше пользы...» Но на этот раз не все получилось как по писаному.

Нет ничего удивительного в том, что все экзамены я сдал на «отлично» — для человека с университетским образованием и определенным боевым опытом иной результат был бы просто неправомерным. Сразу настроился на отъезд и, конечно же, в свой полк. Но тут произошли непредвиденные события. Началось с того, что в учебный центр приехал майор — представитель находившейся в то время в Ташкенте Военной академии имени М.В. Фрунзе, с целью отбора командиров для обучения в ней, продолжительность которого составляла тогда шесть месяцев. Из состава роты ему приглянулись Иван Титов, я и еще один кадровый командир, лейтенант, казах по национальности — высокий, стройный, с волевым лицом, всегда подтянутый и аккуратно одетый.

Майор детально ознакомился с нашими личными делами, поэтому, беседуя с нами и словно предвидя какие-то возражения, не столько расспрашивал, сколько рассказывал об академии, называл прославленных военачальников — ее выпускников, объяснял, насколько нужны для победы над сильным и коварным врагом командиры высокой квалификации, какую может дать только военная академия. Он говорил, что война будет тяжелая, что шесть месяцев — срок небольшой, и мы успеем еще повоевать, но зато будем квалифицированными командирами. И вот нас троих, только что мечтавших как можно скорее вернуться на фронт, к своим товарищам, вдруг увлекла перспектива окончить академию. Это может показаться непоследовательным, нелогичным, но так было. Возможно, здесь сыграли роль не только красноречие майора, но и уже осознанная необходимость воевать по-новому, на основе последних до-

стижений военной науки. То, что мы пережили за минувшие полгода с небольшим, не должно было повториться.

Получив наше согласие, майор сказал, что нужно через своего командира подать рапорты на имя начальника учебного центра. Рапорты мы написали и передали. В тот же день последовал вызов к полковнику Николаеву.

Привели себя в образцовый порядок и отправились к командиру полка. Вошли в кабинет, доложили, что такие-то прибыли по приказанию. Стоим, ждем решения. Полковник оторвал взгляд от лежавших перед ним наших рапортов, посмотрел на нас явно недружелюбно.

— Вот что, — холодно сказал он наконец. — Судя по вашей писанине, вы забыли, что сейчас идет война. Или как раз именно поэтому захотелось подальше в тыл забраться, пусть, мол, другие повоюют? Отсиделись в Воронеже, а теперь вот на фрукты в Ташкент потянуло? Я еще подумаю, как с вами поступить. И запомните: всякие там представители академий мне не указ. Идите!

Мы слушали эту тираду, не веря своим ушам. В душе прямо-таки клотало от незаслуженных подозрений и обвинений. По команде «Идите!» мы, словно заранее сговорившись, дружно повернулись через левое плечо и, демонстративно печатая шаг, пошли к двери, хоть этим давая выход охватившим нас чувствам.

Полковник, видимо, не понял нашего состояния. Он скомандовал нам: «Стой!», «Кругом!», «Три шага вперед, марш!». Все это мы выполнили безукоризненно. И вновь были ошарашены. Полковник вдруг заулыбался и четко, с расстановкой произнес:

— За отличную строевую подготовку ходатайствую перед командованием центра о направлении вас в академию.

Первым после затянувшейся паузы отреагировал Иван Титов:

— Товарищ полковник, прошу вернуть мне рапорт. Я отказываюсь ехать в академию.

За ним сделал шаг вперед и я:

— Товарищ полковник, прошу вернуть и мой рапорт.

Такое же заявление сделал и лейтенант-казах.

Теперь настала очередь растеряться полковнику. Он вскочил со стула и закричал:

— Это — коллективка! За такое в военное время отдадут под трибунал! Я уже полностью пришел в себя и спокойно возразил:

— Никак нет, товарищ полковник, вовсе это не коллективка. Просто Вы нам очень убедительно объяснили, что идет война, а, следовательно, в академию ехать не время. Вот мы и просим послать нас обратно на передовую. За это не судят.

Вот так и ушли мы со своими рапортами в руках, которые сразу же после выхода из штаба порвали в клочья.

Крепко ругал нас поначалу представитель академии «за малодушие», но и он в конце концов понял, что в сложившейся для нас ситуации ни о какой учебе не могло быть и речи.

Прошли годы, десятилетия... Вспоминая о пребывании в учебном центре, я думал: а все ли было таким однозначным, как казалось тогда? Какими были на самом деле те люди, коим доверили готовить слушателей к грядущим боям? Нет, недаром говорят, что время — лучший лекарь или судья! Сейчас многое из того бескомпромиссного прошлого смотрится более мудро, что ли, во всяком случае легче понять несколько подрастерявшихся в период неудач на фронтах наших командиров-наставников. В самом деле, как надежно учить науке побеждать, когда она формально существует, а отдачи от нее маловато? Как строить взаимоотношения с подчиненными, какой взять тон, если на фронте все еще основным приказом было не «Вперед!», а «Ни шагу назад!»? И кто знает, может быть, за внешней суровостью, не всегда логическими словами и поступками людей стояли более высокие помыслы, чем могло показаться сгоряча.

Сейчас полагаю, что нелегко было и хозяйственникам из той ЧМО — части материального обеспечения, коей надлежало снабжать нас, слушателей, всеми видами довольствия. И положила руку на сердце, трудности, испытываемые так называемым переменным составом учебного центра, призванным прежде всего успешно освоить курс переподготовки, едва ли были соизмеримы с теми проблемами, которые возникали у организаторов учебного процесса в тыловой зоне, жизни и быта обучаемых. Отсюда, очевидно, и разного рода недоразумения, недоуменные вопросы, ответы на которые давала лишь сама война, правильно, во всех взаимосвязях воспринимать которую всем нам нужно было еще учиться.

После визита к комбату, последствия которого оказались достаточно неожиданными, прошло еще несколько дней. Мы ждали, что будет дальше.

Вызвали, наконец, меня и Титова в штаб учебного центра. Мы думали, что идем для направления к месту дальнейшей службы, надеялись, конечно, что вернемся в свои части, но... нам объявили о зачислении в штат учебного центра преподавателями, вручили заготовленные уже служебные удостоверения и предложили немедленно подыскать себе квартиры в городе.

Вот так! Штаб центра — не батальон, инстанция для нашего брата — среднего командира — весьма высокая, диспутов здесь с руководством не устроишь. Да и предложили ведь почетное дело — готовить кадры

для фронта. Осталось только сказать «Есть!» — и приступить к новым обязанностям.

Кто-то из слушателей, уезжавших в родную часть, назвал адрес своих знакомых в Воронеже, и мы с Титовым впервые с начала войны стали квартирносъемщиками.

Уже на следующий день утром я был поставлен в известность, что должен проводить занятия по тактике и технике штабной службы со взводом, укомплектованным военными инженерами, которых решили переквалифицировать в ПНШ-1. Тактику и технику штабной службы, как я уже отмечал, преподавали у нас замечательно, знания были свежи в памяти, и можно было смело браться за дело.

Занятия по тактике с самого начала я проводил в основном на местности, подкрепляя положения боевого устава конкретными примерами из собственного военного опыта, что, как мне казалось, понравилось слушателям. Мне думалось также, что я нашел главное в учебном процессе — конкретность и предметность каждого занятия, анализ различных ситуаций с привлечением к этому слушателей. Собственно, в этом не было никакого открытия, такой подход к преподаванию я вынес из стен университета. Все это, увы, оказалось в данном случае не главным, а точнее, не принятым.

Уже на третий день занятий явился проверяющий, походил, присмотрелся, исписал полблокнота, а затем, отозвав меня в сторону, объявил, что к занятиям я совершенно не подготовлен. Оказывается, мне нужно было написать внушительный конспект, содержащий темы и цели занятий, вопросы преподавателя и правильные ответы на них слушателей, основные положения уставов и наставлений, приказов и распоряжений и многое-многое другое.

Ну, если так положено, то спорить не о чем. Просидел я над конспектом пару ночей, закончил, перечитал, и повеяло от него таким формализмом, начетничеством, далекими от живого фронтового опыта, полученных в центре полезных и нужных зданий, что понял: это не для меня. Решил твердо: добиваться направления в свою дивизию, в свой полк. Но как это сделать? И опять помог случай.

С конспектом в планшетке, невыспавшийся, в плохом настроении, шел я утром на завтрак по двору учебного центра. И вдруг — глазам своим не верю — навстречу мне, не торопясь, идет комиссар нашей 199-й стрелковой дивизии Федор Никонович Дроздов. Всмотрелся, не ошибаюсь ли? Нет, точно он! Догоняю:

- Товарищ полковой комиссар, разрешите обратиться?
- Ба, Сергеев!
- Здравия желаю, товарищ полковой комиссар!

— Здравствуй, здравствуй! А ты что же, братец, задержался? Тебя в дивизии ждут, твой, как я знаю, друг Сироткин уже несколько раз справлялся, когда же вернешься. Или жизнь в Воронеже чем-то приглянулась?

— Какое уж там приглянулась, товарищ полковой комиссар! Не пускают в дивизию, оставили преподавателем в центре. А мне очень хочется вернуться в свой полк, к товарищам. Помогите, пожалуйста.

— Постараюсь помочь. Я ведь тоже получил новое назначение — в политуправление Юго-Западного фронта. А сюда приехал с первым заданием: возглавляю комиссию по проверке деятельности центра. Сейчас иду к генералу Недвигину, поговорю с ним заодно и о тебе. Если есть свободное время, то пойдем со мной, можешь понадобится.

Иду с полковым комиссаром.

— Знаешь, — говорит, — что в 617-м новый командир полка?

— Никак нет. А кто же?

— Думаю, порадуешься: капитан Сироткин.

— Сироткин? Так это же замечательно! Вот бы меня к нему начальником штаба!

— Чего не могу обещать, того не могу. Попробую только добиться откомандирования тебя в распоряжение штаба 38-й армии, а дальше — это уж как там решат.

В штабе учебного центра Дроздов оставил меня в приемной, а сам прошел к генералу Недвигину. Минут через пять раздался звонок, адъютант скрылся за обитой клеенкой дверью и тут же пригласил меня к начальнику центра. Я вошел в просторный кабинет, представился.

Генерал Недвигин внимательно посмотрел мне в глаза и, как показалось, осуждающе сказал:

— Не уверен, что Вы правы, отпрашиваясь обратно в часть. Ведь нам здесь очень нужны наставники, имеющие высшее образование и боевой опыт, чтобы готовить командиров, не просто способных остановить врага, но и разгромить его. Я не отпустил бы Вас, если бы не знал, что, когда человек не отдается целиком порученному делу, не видит в нем цели жизни, он не сможет работать в полную силу. Что скажете?

— Товарищ генерал, я теперь живу одной мыслью: хочу быть на фронте и, если можно, в своей части.

Семен Иванович задумчиво покрутил кончик пышных усов, хитро прищурился и спросил:

— А может быть, послать вас в академию имени Фрунзе? (Видно, дошла до него наша история с рапортами.)

— Я прошу направить меня на фронт, товарищ генерал!

— Ну что же. На фронт так на фронт! — И нажал кнопку звонка.

Вошедшему адъютанту генерал приказал:

— Проследите, чтобы подготовили документы об отчислении старшего лейтенанта Сергеева из числа преподавателей учебного центра, выписали ему направление в штаб 38-й армии и проездные до станции Купянск. — И обратился ко мне: — Желаю успехов, старший лейтенант!

В приемной, где я задержался в ожидании полкового комиссара, Дроздов подошел ко мне, пожал руку:

— Желаю и я тебе удачи. Воюй, как подобает коммунисту.

Я поблагодарил, отдал честь и, узнав у адъютанта, что все бумаги могу получить через час, отправился к своим слушателям. Попрощался с ними, доложил старшему преподавателю по тактике о своем назначении, собрал скудные вещички и разыскал Ивана Титова. Он и проводил меня на вокзал. Это было 25 мая 1942 года.

А 26 мая я послал открытку жене: «Дорогая Шура! Пишу тебе с дороги. Еду обратно на фронт, надеюсь, что в свою дивизию, но удастся ли это, еще не знаю. Ты, пожалуйста, не беспокойся, уверен, что все будет хорошо. Не хочу от тебя скрывать, что еду по собственному желанию».

Кажется, впервые и в последний раз за всю мою фронттовую жизнь получил я в ответ плохо скрытый упрек: неужели, дескать, нельзя было остаться в учебном центре, перестать рисковать жизнью, которая так дорога родным и близким? Читал, перечитывал, не мог поверить, что такое написала мне жена, так стойчески проводившая меня на фронт. Только много позже узнал, что мое письмо пришло тогда, когда сразу несколько знакомых жены получили похоронки.

Судьба — дело труднопредсказуемое. Не знаю, остался бы я в живых, если бы не уехал из Воронежа на фронт. Летом 1942 года враг предпринял наступление на Воронеж. Оно развивалось очень быстро, и танковые части противника появились под городом внезапно. Навстречу им были брошены все наличные силы, в том числе и личный состав учебного центра. Потом мне рассказывали, что среди наших бойцов были большие потери. Как сложилась судьба Ивана Титова, я не знаю. Ни одного письма от него я так и не получил.

В штабе 38-й армии я, не успев даже высказать свои пожелания, получил назначение в родную 199-ю стрелковую дивизию на должность помощника начальника оперативного отделения ее штаба и 29 мая был уже на месте. Но как здесь все изменилось! Все командование новое: командир дивизии — полковник Василий Поликарпович Иванов, комиссар дивизии — полковой комиссар Илья Львович Басин, начальник штаба дивизии — полковник Федор Андреевич Веревкин, начальник оперативного отделения — майор Духов. Все они появились в соединении за последние три месяца. Никто из них меня не знал, поэтому и встретили без

особой заинтересованности. Впрочем, это и понятно: в штабе дивизии я раньше не работал, ничем себя здесь еще не проявил, так что авторитет, уважение еще предстояло заслуживать трудом. Из «старичков» среди начальства остался только капитан Полевой — начальник разведотделения штаба дивизии. Но у него был очень расстроженный вид, и он сразу стал жаловаться, что командование требует захватить пленных, а взять их невозможно: передний край у немцев — сплошная проволока в несколько рядов, а между ними — минные поля.

Разрешили мне съездить в штаб 617-го полка. Приехал я туда верхом рано утром. Разыскал Сироткина. Он спал. Бесцеремонно разбудил его. Оба мы обрадовались нашей встрече, как малые ребята. И только Сироткин время от времени повторял одно и то же: «Как же ты в полк не вернулся?» На что я ему отвечал: «А ты добейся. Ты комполка. Добейся! Честное слово, буду рад».

Так закончилась моя служба в 617-м полку. И хотя я был в той же 199-й дивизии, в полку я появлялся редко, только когда возникала в этом необходимость.

Глава 14

Снова в дивизии. Между Осколом и Доном

Пока я был в Воронеже, многое на фронте изменилось. Наша 199-я стрелковая дивизия продолжала занимать оборонительные рубежи западнее Шевченково. Но уже не было безразмерной нейтральной полосы — она сократилась до минимума. Передний край обороны врага хорошо просматривался с наших позиций невооруженным глазом.

По данным разведки, противник создал здесь солидный оборонительный рубеж: сплошные проволочные заграждения в несколько рядов кольев, обширные противопехотные и противотанковые минные поля. Ночью передний край обороны почти непрерывно освещался ракетами. Все огневые точки соединялись между собой ходами сообщения полного профиля.

У нас, как и раньше, передний край в инженерном отношении был оборудован слабее. Главное внимание обращалось на надежность огневых точек. В ночное время выдвигалось боевое охранение.

В частях за это время значительно возросло количество пулеметов, минометов, орудий, появились противотанковые ружья, которые я впервые увидел в одной из колонн, когда ехал на попутном грузовике по вновь проложенной грейдерной дороге в штаб дивизии. Тогда же встретилось необычное подразделение: воины-проводники вели на коротких поводках крупных служебных собак, главным образом восточно-европейских овчарок.

— Истребители танков, — пояснил водитель. — Собаки-смертники. Когда я служил в пехоте, видел, как на них надевали жилеты, прикрепляли мины со штырями и пускали против танков. Жаль, конечно, этих красавиц — ведь у нас в деревне ни одной такой не было, только дворняги. Но что поделать, — вздохнул шофер, — война, она для всего живого — погибель.

На каждой собаке был надет жилет, из которого торчал штырь, напоминающий современную автомобильную антенну. Но, по-видимому, такой вид борьбы с танками себя не оправдал. Нив печати ни в устных сообщениях он не получил положительной оценки.

Обратил я внимание и на то, что с каждой ротой следовала медсестра с брезентовой сумкой с красным крестом. В минувшем году у нас в дивизии их почти не было. Да и вообще в 1942 году уже много девушек появилось в армии. Они служили в канцеляриях штабов, обслуживали связь, ими были укомплектованы посты воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС), некоторые подразделения ПВО; многие несли нелегкую службу в медсанбатах, госпиталях, «летучках» (так тогда называли санитарные поезда, эвакуировавшие раненых).

Но мне думается, что самыми героическими были те девушки, которые служили санинструкторами в стрелковых ротах и батальонах. Каким мужеством, добротой, состраданием к людям должны были они обладать, чтобы под вражеским огнем выносить с поля боя раненых, делать им перевязки, поддерживать в трудную минуту ласковым словом! А какие нужно было иметь выдержку и достоинство, чтобы наряду с воинами-мужчинами в их среде стойко переносить все сложности фронтового солдатского быта! Для меня эти девушки всегда останутся героинями. (Я немного отвлекся от рассказа, но мне очень хотелось где-то об этом сказать.)

Итак, оснащенность материальной части наших наземных войск значительно выросла. Но в воздухе продолжал господствовать враг. Мы часто наблюдали воздушные бои, которые заканчивались гибелью наших самолетов. Причины были всякие: и численное превосходство в бою немецких самолетов, и их большие скорости, и порой большее мастерство немецких летчиков. С каким восторгом рукоплескали мы нашим летчикам, когда видели падающий и горящий «мессершмидт» или «юнкерс»! Несмотря на то что гитлеровцы тоже несли потери в воздушных боях, с каждым днем наших самолетов в воздухе становилось все меньше, а немецких все больше, и к моменту летнего наступления на нашем участке фронта враг уже полностью господствовал в воздухе. Такое положение сохранялось долго, до начала нашего наступления под Сталинградом.

Когда я прибыл в дивизию, летнее наступление немцев 1942 года уже началось. Войска Юго-Западного и Южного фронтов вели тяжелые оборонительные бои в районе барвенковского выступа. 23 мая войска немецкой армейской группы «Клейст», наступавшие из района Славянск, Краматорска, соединились южнее Балаклеи с частями 6-й немецкой армии, наносившей встречный удар с севера. В результате этого главные силы наших 6-й и 57-й армий, а также оперативная группа генерал-

майора Л.В. Бобкина оказались в окружении и пробивались из него с большими трудностями.

Что и говорить, настроение в штабе дивизии, вызванное неудачным исходом столь обнадежившего вначале Харьковского сражения, было настроженным, ждали, что и на нашем участке фронта враг перейдет к активным действиям. Потому-то хотя и встретили меня сдержанно, но вот насчет заданий не поскупились — обеспечили уже привычной двойной нагрузкой. Из анализа обстановки здесь сложилось мнение, что, завершив боевые действия против окруженных 6-й и 57-й армий, враг предпримет наступление на восток, в полосе которого может оказаться и участок фронта, занимаемый нашей 38-й армией, и в частности 199-й стрелковой дивизией.

Естественно, надо было выяснить намерения противника, и командующий армией генерал К.С. Москаленко требовал во что бы то ни стало добыть «языка». Поскольку бывший начальник разведотделения (НО-2) штаба дивизии капитан Полевой с этой задачей не справился, он был снят с должности и отчислен из соединения, а исполнять по совместительству его обязанности приказали мне. Словом, повторилось положение, знакомое мне по службе в 617-м стрелковом полку, когда я числился ПНШ-1, а занимался больше разведкой. Только вот ответственности прибавилось, о чем постоянно напоминала судьба моего предшественника.

Времени на раскачку мне никто не выделил, поэтому пришлось сразу же с головой уйти в работу: подробно изучить наш участок фронта на карте, просмотреть полученные ранее разведданные о противнике, побывать на наблюдательных пунктах командира дивизии и командиров полков, полежать там по несколько часов с биноклем, изучая все, что можно было увидеть, и главным образом передний край вражеской обороны. Не один раз выезжал на наш передний край, посетив в первую очередь бывший свой полк. Там полночи провел в боевом охранении так близко от врага, что отчетливо слышал доносившиеся из его окопов отдельные фразы, негромкое покашливание.

Из выездов на передовую у меня сложилось впечатление, что особенно обостренной бдительности противник не проявляет и, если соблюдать все правила маскировки, а главное, не шуметь, то к вражескому переднему краю можно подойти достаточно близко.

6 июня 1942 года я писал жене, пометив на открытке — «час ночи»: «Прошла неделя, как я снова на фронте. Живу хорошо, часто бываю на свежем воздухе. К новой работе стал привыкать, хотя она более кропотливая, чем прежняя: массу времени отнимает различная срочная писанина. Так что спать особенно не приходится.

Погода стоит хорошая: солнечно, жарко, отцвели уже все фруктовые деревья. Кругом бегают цыплята, гусята — и вся эта мирная картина как-то не сочетается с тем, что в пяти-шести километрах отсюда проходят немецкие окопы, стоят нацеленные на нас орудия, готовые в любую секунду открыть огонь».

Противника на местности я мог изучать сколько угодно, но никто не освобождал меня от составления текущих сводок, донесений и многих других необходимых документов. И если, скажем, ночь я провел на передовой или день на наблюдательном пункте, то на оформление документов мог тратить лишь оставшееся время, урезая нередко скудные часы, отведенные на отдых. Словом, выспаться, даже в период затишья, мне не удалось. А тишина стояла грозная — тишина перед бурей.

В один из тех дней к нам в штаб дивизии приехал командующий 38-й армией генерал К.С. Москаленко. Переговорив с командиром, он пригласил на совещание руководящий состав соединения, в том числе и меня. Я уже много хорошего слышал о нашем командарме, но увидел его впервые. Генерал был худощав, подвижен, энергичен. Выглядел он очень усталым. Я невольно подумал: наверное, нелегко быть командующим армией.

Командующий прибыл к нам по той же грейдерной дороге, по которой добирался сюда и я. А эта, по понятиям того времени, магистраль содержалась в образцовом состоянии. Поскольку было уже известно, что противник наступает преимущественно по дорогам и вблизи от них, генерал в ходе поездки к нам сделал соответствующий вывод, который изложил примерно так:

— Очень хорошо, что эту дорогу оседлала ваша 199-я стрелковая дивизия, которая имеет большой боевой опыт. Я хотел было передвинуть ее севернее, полагая, что главный удар противник будет наносить вдоль железной дороги. Но теперь думаю, что наступление вдоль этой дороги покажется ему не менее заманчивым. Во всяком случае, он может попытаться прорвать оборону и на этом участке. Поэтому необходимо уплотнить боевые порядки дивизии, выделить дополнительные средства усиления. Я придам вам, товарищ Иванов, дивизион противотанковых пушек, а во втором эшелоне дивизии сосредоточим танковую бригаду.

Вскоре после отъезда генерала Москаленко мы получили из армии приказ, из которого следовало, что наступление врага ожидается в ближайшие дни и в связи с этим дивизия должна находиться в состоянии готовности к отражению удара. Чтобы отдать необходимые распоряжения, командир дивизии зашел в дом, где располагалось оперативное отделение штаба, и обратил внимание на стоявший в помещении тяжелый запах.

— В чем дело? — недоуменно обратился он к находившимся в комнате. — Как вы работаете в такой атмосфере?

Весной 1942 года хозяев уже обязательно выселяли из помещений, занимаемых штабами воинских частей и подразделений. Но здесь от хозяйки в наследство оперативному отделению все же осталась гусыня, сидевшая на яйцах в большом решете, стоявшем в прихожей. Хозяйка слезно просила не трогать птицу, иначе та бросит насиженные яйца и семье придется голодать. Скрепя сердце разрешили ей раз в день приходить, чтобы напоить и накормить гусыню, и очень скоро в этом раскаялись. Ну кто бы мог подумать, что от одной птицы может так отвратительно пахнуть? К тому же люди обычно привыкают к постоянному запаху, перестают обращать на него внимание, а тут что ни день, то хуже. И когда в дом зашел комдив, дышать уже действительно было нечем. Поэтому полковник с полным основанием учинил разнос:

— Безобразия, вонь какую развели. Наведите порядок, уберите помещение! К черту всяких гусынь! Чтобы через пять минут духа ее здесь не было!

И ушел. Сотрудники оперативного отделения с нескрываемым удовольствием бросились выполнять приказание, начав с того, что выволокли злополучное решето вместе с гусыней за дверь. И вдруг на том месте, где стояло решето, увидели лаз с лестницей, уходившей в глубокий темный подвал. В нос ударило нестерпимое зловоние.

Один из красноармейцев полез было с фонариком вниз, но тут же выскочил обратно:

— Там мертвец лежит!

Вызвали начальника особого отдела дивизии. Привели хозяйку дома. Та запричитала:

— Ой, господи, да же ж мий чоловік вмер!

Постепенно все выяснилось. Хозяин дома, в котором расположилось оперативное отделение, уклонился от призыва в Красную Армию и отсиживался в заранее подготовленном убежище. Под домом был выкопан глубокий подвал, в котором умещались кровать, стол, табуретка, параша. На столе стоял чайник с водой, в миске лежали хлеб и сало.

Врач констатировал смерть от угара. Тогда только вспомнили, что несколько дней назад писари штаба сжигали в печи ненужные бумаги, а заодно какие-то доски и рано закрыли вьюшку. Их еще отругали тогда за то, что напустили угару. Комнату, конечно, проветрили, а вот в подвале вентиляцию дезертир не предусмотрел, чем и подписал сам себе справедливый приговор.

Жена, приходя кормить гусыню, передавала мужу питье и еду, получая от него ободряющие записки. Когда все это выяснилось, я подумал:

сколько же жизнь должна учить людей, чтобы минувшие уроки пошли впредь? Ведь чуть ли не каждый день мы твердили о бдительности, не раз обжигались на благодущии и вот опять просмотрели самую элементарную ситуацию. Не знаю, что уж там высидела гусыня, но запомнилась она надолго.

В ночь на 7 июня никто в штабе дивизии не спал. Из штаба 38-й армии поступил приказ: в связи с готовящимся наступлением фашистов утром 7 июня, в 4 часа, открыть огонь по позициям противника. В точно назначенное время заговорили все орудия и минометы. Били и по переднему краю, и по тактической глубине вражеской обороны. Огонь продолжался минут тридцать. Потом все стихло. Враг не отвечал.

8 и 9 июня все повторилось. Мы уже стали привыкать, что наш «рабочий» день начинается в 4 часа с артобработки вражеских позиций. Но 10 июня я, кажется, едва успев заснуть, проснулся от артиллерийской канонады — фашисты на 30 минут раньше нас обрушили огонь на наши огневые точки и передний край обороны. Мы выскочили на улицу.

На востоке еще едва брезжил рассвет, небо пока оставалось темным, но оно в буквальном смысле гудело: над головой шли колонны вражеских самолетов. А через десять — пятнадцать минут, когда я добрался до НП дивизии, их можно было уже и разглядеть — бомбардировщики выходили на боевой курс к нашим позициям.

Бомбежка не заставила себя ждать, да такая, какой ни я, ни многие из моих сослуживцев ни разу еще не видели. Отбомбившиеся самолеты сразу уступали место другим. Над передним краем нашего соседа справа, перекрывавшего железную дорогу, стоял неумолчный гул взрывов; было отчетливо видно, как вздыбливалась земля. Значит, главный удар враг все же наносил вдоль железной дороги, по недавно прибывшей на этот участок стрелковой дивизии.

Глядя со стороны на эту вакханалию огня, я достаточно четко представил, как невероятно трудно нашему соседу, оборону которого методично перепыхивали сотни бомб, не оставляя, кажется, нетронутым ни одного квадратного метра земли. Уцелеет ли хоть кто-нибудь на этой искромсанной территории и когда нам самим ждать подобной обработки?

А на участке нашей дивизии гремели лишь орудийные залпы — дивизионная артиллерия оказывала посильную помощь соседу, обстреливая расположенные перед ним вражеские позиции.

Немцы наступали на узком участке фронта. После массированного налета бомбардировщиков на поле боя выползла целая армада танков. Вот уже пора открывать по ним огонь, но артиллерия соседа молчит, — видимо, жестоко пострадала от бомбежки, а заградительный огонь наших орудий с дальней дистанции недостаточно эффективен. Танки, не

снижая скорости, без помех преодолели передний край обороны соседа. И вдруг, вместо того чтобы двигаться, как можно было ожидать, по прямой на Купянск, повернули на северо-восток и быстро скрылись из глаз. Какой замысел таился за этим маневром, сказать было трудно.

Между тем на поле боя появилась и вражеская пехота. Казалось, что, после того как бомбы стерли все с лица земли, а потом танки проутюжили позиции, опасаться ей было уже нечего. В бинокль я хорошо видел, как фашистские цепи шли в полный рост. Не столь, правда, парадно, как каппелевцы в кинофильме «Чапаев», но тоже организовали нечто вроде психической атаки. Солдаты двигались в разомкнутых цепях, что-то горланя и пуская автоматные очереди в сторону безмолвствовавших окопов. Невольно подумалось: «Сами себя подбадривают!»

Цепи чуть ли не вплотную приблизились к переднему краю обороны соседа. И тут произошло чудо — другое слово подобрать трудно. Заговорили пулеметы. Сразу несколько! После всего, что здесь произошло, почти невозможно было поверить, что противник встретит отпор. Но оказалось, что наши бойцы мужественно выдержали испытание огнем, выстояли, и теперь все, кто остался жив, взялись за винтовки, нажали гашетки пулеметов. Оборона жила, действовала!

По приказу комдива наша артиллерия немедленно усилила огонь. Теперь, когда вражеская пехота оказалась в пределах досягаемости орудий всех калибров, осколочные снаряды наносили противнику серьезный урон. Все больше и больше падало темно-зеленых фигурок и от пулеметного огня, и от разрывов снарядов. Стройные цепи врага превратились в разорванные звенья. Вот солдаты противника залегли, вот уже преследуемые огнем из всех видов оружия побежали назад — сначала отдельные пехотинцы, а потом и целые группы. Атака была отбита.

С разрешения комдива я приказал командиру разведроты немедленно направить разведчиков на недавнее поле боя с задачей изъять у убитых фашистов документы, а если удастся подобрать раненого, то привести или принести его в штаб. Этот приказ был выполнен. В наши руки попало много документов, а главное, был доставлен немецкий ефрейтор, правда, едва державшийся на ногах. На мой вопрос: «Куда ранен?» — разведчики рассмеялись:

— Да он целехонек, товарищ старший лейтенант, только, наверное, тройную норму шнапса хватил. Они же наступали все выпивши. А этот так набрался, что мы от перегара сами окосели, пока его сюда волокли. Прикажете, пожалуйста, выдать нам по чарке для опохмелки.

Ну что ж, разведчики заслужили поощрения, и не только просимого: добыли кучу документов, а в придачу к ним еще и «языка», выполнив тем самым требование командующего армией. И хоть, на первый взгляд,

невелика птица ефрейтор, но иногда и нижние чины давали весьма ценные показания, особенно в то время, когда перед наступлением немцам на передовой зачитывали приказы даже «самого фюрера», в которых сообщалось о целях операции и многом другом...

Гитлеровцы не смирились с неудачей. Вновь в небе появилась фашистская авиация, заговорила артиллерия. Теперь интенсивно бомбили и обстреливали боевые порядки и нашей дивизии. Причем вражеские бомбы и снаряды рвались не только на передовой, но и в расположении штаба.

Несмотря на отчаянную нехватку времени, я все же ухитрился в те дни написать письмо жене, в котором изложил события следующим образом:

«Обстановка вокруг резко изменилась. Начались сильные бои. Немцы на нашем участке пробуют продвинуться вперед, бросают все, что у них есть: людей, танки, авиацию, но получают достойный отпор. Не скрою, я горжусь тем, что снова на фронте, рядом с нашими героическими воинами. Если бы ты могла видеть, как мужественно они сражаются с вооруженными до зубов фашистами!.. За меня особенно не волнуйся — я сейчас подвергаюсь сравнительно небольшой опасности. Надоедают только «божьи птички», черт бы их побрал! Для них что окоп, что деревня — все стирают с лица земли. Но сегодня и мы немного отвели душу — сбили «Хейнкель-111», да еще и новенький, 1942 года рождения. Недолго он поразбойничал».

С «хейнкелем» же произошло вот что. Неподалеку от штаба дивизии располагалась батарея зенитных пушек. Командиру батареи было приказано ни при каких обстоятельствах огня не открывать, чтобы не демаскировать штаб. Мне это, откровенно говоря, было не совсем понятно — зачем же тогда здесь находится нестреляющая батарея?

И вот 12 июня командир батареи не выдержал. Я как раз в это время был рядом со штабом дивизии и видел все события от начала до конца.

«Хейнкель-111» возвращался на малой высоте с востока в расположение своих войск и, похоже, вел визуальную разведку, хотя для таких целей противник чаще использовал более скоростной и обладавший большим радиусом действия «Юнкерс-88» или специально предназначенный для воздушной разведки «Фокке-Вульф-189» — пресловутую «раму».

Как бы там ни было, но когда «хейнкель» приблизился к нашей зенитной батарее, грянул дружный залп. Самолет сразу густо задымил, задрал нос, свалился на крыло, врезался в землю и взорвался. Сгоряча комдив обрушил гром и молнии на голову лейтенанта, осмелившегося нарушить его приказ, но быстро отошел: что ни говори, не так уж часто удавалось

увидеть такую снайперскую стрельбу, да и упусти мы этого стервятника, сколько он смог бы натворить еще бед! Кроме того, командиру и комиссару дивизии доложили, что самолет взорвался на ничейной земле и что вряд ли летчики успели что-либо сообщить о причинах своей гибели. Словом, командир батареи отделался легким испугом, а вот разведотделение разжилось кое-какими интересными документами, особенно полетной картой, являвшейся всегда весьма желанным трофеем.

Несколько суток вражеская пехота, поддерживаемая танками и авиацией, настойчиво штурмовала позиции нашей и соседней дивизий, но, не добившись успеха, на какое-то время прекратила атаки. К сожалению, так было не везде: вскоре мы узнали, что участвуем в отражении войсками Юго-Западного фронта наступления 6-й и 1-й танковой армий противника на волчанском и купянском направлениях. Две мощные ударные группировки немецко-фашистских войск, действовавшие из районов западнее Волчанска и восточнее Чугуева, имевшие значительное превосходство в авиации и танках, на некоторых участках фронта вынудили наши части и соединения отходить на восток.

Наступившее было на нашем участке некоторое затишье не давало ни малейшего повода для успокоения и совсем не означало, что враг, сосредоточив все внимание на направлении главного удара, не попытается прорваться в других местах, к чему он всегда стремился раньше. Так оно и вышло: 22 июня, в годовщину начала Великой Отечественной войны, словно бы по старому сценарию, повторилось то, что мы пережили 10 июня, — бомбежка, артобстрел, атаки танков и пехоты. Но теперь противник действовал еще настойчивее, ожесточеннее, не считаясь с потерями. Наши воины наносили врагу немалый урон, одну за другой отбивали яростные атаки фашистов, но и сами несли потери.

На исходе 22 июня к полковнику Иванову прибыл совершенно измученный командир от соседа справа и доложил, что в их соединении осталось очень мало бойцов и вряд ли они смогут продержаться еще один день, если не получат основательного подкрепления. Надо полагать, что у армии не оказалось свободных резервов, ибо 23 июня соседняя дивизия, воины которой проявляли до этого исключительную стойкость, начала отходить. Гитлеровцы организовали преследование, продвинулись на восток на несколько километров и могли бы оказаться в тылу нашей дивизии, но на этот раз мы своевременно получили приказ из штаба армии об отводе частей за реку Оскол.

Несмотря на активные действия вражеской авиации, бомбившей и обстреливавшей наши колонны, отход дивизия провела организованно, с минимальными потерями. Мой родной 617-й стрелковый полк, надежно обеспечив прикрытие, позволил остальным частям оторваться

от противника. И 25 июня дивизия заняла оборону на восточном берегу реки Оскол. Здесь у меня появилась возможность отправить письма родным.

«Я жив и здоров, как и большинство моих товарищей. Очень беспокоился о Сироткине, выполнявшем очень трудное боевое задание, но у него, как выяснилось, тоже теперь все в порядке. Более того, пришло известие о присвоении ему звания майора».

Используя полученный опыт, особенно последних боев, уже к концу июня дивизия создала прочную оборону и продолжала ее совершенствовать. Отделявшая нас от противника водная преграда — река Оскол позволяла чувствовать себя несколько увереннее, но и она не гарантировала от новых ударов врага. К тому же и невооруженным глазом можно было увидеть на том берегу бесконечный поток немецких танков и автомашин, двигавшихся с севера на юг. Куда и с какой целью осуществлялась эта переброска войск, каковы их структура, численность, настроение, узнать было просто необходимо. Поэтому после тщательной подготовки разведчики провели смелый ночной рейд на другой берег реки и захватили вражеского солдата, румына. «Язык» попался достаточно осведомленный и, когда уяснил, что мы пленных не расстреливаем, а значит, война для него уже благополучно закончилась, охотно рассказал, что мы наблюдаем переброску соединений немецкой 1-й танковой армии в Донбасс; назвал даже запомнившиеся ему номера нескольких частей. Мне показалось, что немецкие военные секреты румынский солдат раскрывал чуть ли не с удовольствием, старался припомнить побольше подробностей. Как видно, союзники фашистской Германии не слишком рвались проливать кровь за бесноватого фюрера, а при случае не прочь были и навредить своему старшему партнеру.

Пленного отправили в штаб армии, мы же продолжали внимательно следить за тем, что происходило в расположении противника. Пока там ничего непосредственно нам угрожавшего вроде бы не отмечалось; это позволило бойцам и командирам немного отдохнуть, привести себя в порядок, конечно, в свободное от подготовки оборонительного рубежа время. Я не упустил и возможности написать письма родным.

Перечитывая их сейчас, вновь окунаюсь в атмосферу подъема боевого духа, растущей уверенности в наших силах и возможностях, характерных в то время для бойцов, командиров и политработников дивизии. Враг еще был силен, мы пока отступали, но были уже лучше, чем совсем недавно, вооружены, стали грамотнее, эффективнее воевать, еще больше убедились, что можем успешно бить фашистов.

Из письма жене: «Можно только гордиться тем, какие замечательные у нас бойцы. Не подумай, что это дежурный ура-патриотизм, который

обязывает безоговорочно восхвалять все свое и ругать чужое. Нет, это твердое убеждение, еще более окрепшее под влиянием пережитого в минувшее время.

Выдержали мы массивные бомбежки и артобстрелы, выстояли против бешеных атак. Никто не дрогнул, не пал духом. И отошли на другой рубеж только по приказу командования. На переходе за нами охотились «мессеры» — носились как сумасшедшие и строчили из пулеметов. Но на этот раз они не ушли от расплаты: появились наши соколы, в воздушном бою один «мессер» кувыркнулся и полетел вниз. Летчик выпрыгнул с парашютом и попал прямо к нам. Он стоял передо мной — «чистокровный ариец», по определению Гитлера, «сероглазая, белокурая бестия». У «бестии» был крайне растерянный вид. Еще недавно он атаковал не только наших бойцов, но и женщин и детей и, наверное, считал себя сверхчеловеком, хладнокровно расстреливая безоружных. Теперь же лепетал, что он воевать не хотел, только выполнял приказы. По-новому запели эти вчерашние «покорители мира», когда начали получать по зубам.

А у меня мечта: после окончания войны взять дочурку и проехать с ней по тем местам, где приходилось и придется еще воевать, рассказать ей о том, как здесь все было. Пусть она увидит, как пострадала наша прекрасная страна под натиском фашизма, пусть на всю жизнь возненавидит фашизм и обретет еще большую любовь к своей Родине, к нашей Советской власти».

Как видно по тону письма, чувствовали мы себя спокойно, уверенно, хотя никто и не питал иллюзий, будто все испытания, или хотя бы самые серьезные, уже позади. Пока радовались даже маленьким успехам, тому, что в каждом бою всеми имевшимися у нас средствами наносили гитлеровцам максимально возможный урон. И, даже отходя под давлением грубой силы, временного превосходства вермахта в боевой технике, мы верили, что наши долгожданные большие победы не за горами.

Вернемся, однако, к рассказу о дальнейших событиях.

Я уже писал, что передышка позволила нам оборудовать добротные позиции. Особое значение имело то обстоятельство, что достаточно глубокая в этом месте река Оскол была серьезной преградой для вражеских танков. Здесь можно было бы дать фашистам бой. Но так уж сложилась обстановка на фронте, что дивизия, подчиняясь приказу, скрытно оставила подготовленный рубеж и начала отходить на восток.

Конечно, обидно было покидать позиции, дающие тактическое преимущество над противником, позволявшие остановить и обескровить превосходившего по численности и техническому оснащению врага. Ведь далеко не всегда нам доводилось сдерживать гитлеровцев в более

или менее выгодных для нас условиях. К тому же каждая оборудованная своими руками позиция становилась для бойца и крепостью, и вторым домом, в создание которых он вкладывал огромный труд и которые готов был защищать до предела, а иногда и выше предела человеческих возможностей. Оставив в неравном бою один рубеж, начинали строить другой, торопливо долбили цементированную морозом или иссушенную зноем землю, с каждым днем, с каждым часом углубляясь в нее, готовя к бою и обживая свои стрелковые ячейки. И вот все это снова пришлось оставлять и начинать все сначала...

В середине июля части дивизии остановились и начали закрепляться западнее станции Чертково, расположенной на участке железной дороги между Кантемировкой и Миллерово. Здесь мы узнали, какой страшной силы удары нанес противник в конце июня — начале июля на южном крыле советско-германского фронта, какую большую территорию пришлось оставить нашим войскам, чтобы избежать окружения армий Юго-Западного и Южного фронтов.

Штаб дивизии решено было разместить в хуторе Горобцы, восточнее станции и поселка Чертково. Выбирать подходящее помещение выехал начальник оперативного отделения дивизии майор Духов. Он взял с собой и меня. Прибыли в хутор благополучно, присмотрели просторный дом, поставили около него часового. Духов приказал мне поехать встретить командира и комиссара дивизии, которые должны были находиться в расположении одного из полков. Я отправился в путь, усадив в кузов грузовика бойца, получившего указание бдительно наблюдать за воздухом, ибо вражеские самолеты продолжали активно прочесывать дороги, причем кроме «мессеров» появились уже и небольшие группы «юнкеров», выискивавшие для себя цели.

Не зная точно, в каком полку находились командир и комиссар дивизии, я остановил машину у перекрестка дорог, который нельзя было миновать, направляясь в Чертково из любого полка, присел на обочину дороги и стал ждать. Мимо небольшими группами проходили бойцы, изредка, поднимая густые клубы пыли, проезжали автомашины. А вот на одной из дорог появился комфортабельный, но малопригодный для фронтовых дорог ЗИС-101. Я поднял руку. Лимузин остановился, и из него действительно вышли полковник Иванов и полковой комиссар Басин. Комдив выслушал доклад и приказал:

— Поезжайте вперед, будете показывать дорогу!

Поехали. Я время от времени приоткрывал дверцу кабины и проверял, следует ли за нами ЗИС-101. Все было в порядке. Вскоре мы нагнали комендантскую роту. Пока я объяснял ее командиру, как найти в Горобцах выбранный для штаба дом, ЗИС проскочил вперед и притор-

мозил около группы бойцов, отдыхавших в тени деревьев на окраине Чертково. Никто из машины не выходил, и я решил, что комдив ждет, когда мы тронемся, чтобы и дальше следовать за нами. Стекла дверок лимузина были опущены, поэтому, проезжая мимо, я высунулся из кабины и крикнул:

— Товарищ полковник, надо ехать прямо по этой улице! — И мы направились к железнодорожному переезду.

А через несколько минут, оглянувшись, я обнаружил, что машина сзади не идет. Попросил шофера поддать газку и, не доезжая до железной дороги, свернуть направо. Промчались, как говорят моряки, галсами по параллельным улицам — нет ЗИСа, словно в воду канул. Надо принимать какое-то другое решение. Наиболее вероятно, что комдив, в то время как мы осматривали улицы поселка, уже самостоятельно проехал в Горобцы, тем более что дорогу туда знал командир комендантской роты, мог подсказать. Значит, еду в Горобцы!

За железнодорожным переездом вдоль большака стояли вразброс несколько маленьких домиков. Они казались пустыми. Вдруг из палисадника одного из них выбежала девочка лет десяти — двенадцати и, когда машина поравнялась с ней, закричала:

— Дяденьки, стойте! Дяденьки, стойте!

Остановились. Запыхавшаяся девочка торопливо выпалила:

— Дяденьки, в Горобцах немцы! Жители оттуда прибежали!

Девочка отошла, остановилась, глядя испуганными глазами. И тут в центре Горобцов взметнулся сноп пламени, повалил густой черный дым; через секунду-другую до нас докатился гул взрыва. Это меняло положение. Похоже, что бежавшие из хутора жители не ошиблись. А тут еще со стороны Горобцов слышался рокот моторов, лязг гусениц. Танки?

Да, они самые, выползали на большак. Ветер дул от них в нашу сторону, и за пеленой пыли ничего не было видно. Но вот — поворот дороги, и в каких-нибудь двухстах метрах от нас появился головной танк с черным крестом на башне, за ним — другие такие же. Наблюдать, считать уже некогда. Командую шоферу:

— Разворачивай машину!

Полуторка развернулась и на виду у вражеских танкистов поползла на пригорок. Выстрел! Снаряд разорвался спереди справа. Второй попал прямо в дорогу, метрах в сорока впереди. Третий уже наверняка будет наш! Но тут я заметил слева ничем не огороженный промежуток между домиками у дороги, показал шоферу: «Быстро туда!» Машина резко вильнула в сторону, проскочила через довольно узкий коридор и выкатилась на ровное поле. Где-то сзади слышался запоздалый, не страшный теперь разрыв. Спасибо тебе, неизвестная девочка!

Вдоль тыльной стороны домиков пролежала запущенная дорожка. По ней доехали до железнодорожного переезда, перебрались через полотно и остановились примерно в километре от окраины Чертково. Я вышел из машины, осмотрелся, прислушался. Из поселка доносились выстрелы танковых орудий.

А что теперь надлежало делать мне? На этот вопрос можно было дать только один ответ: как можно скорее добираться до полков и предупредить их командиров о том, что в наш тыл вышли вражеские танки. Поехал вдоль железнодорожной насыпи в сторону Чертково.

Увидев скакавшего навстречу кавалериста, я вышел на дорогу, поднял руку. Всадником оказался незнакомый лейтенант с биноклем на груди. Едва осадив лошадь, он закричал:

— Куда вы? Скорее разворачивайтесь обратно — немцы заняли Чертково!

— Знаем, а сам откуда?

Лейтенант назвал неизвестный мне номер артиллерийского полка, сказал, что приказано отступать. Ну, у него свои начальники, свои приказы. А вот как бы мне сейчас пригодился бинокль.

— Слушай, друг, — говорю я. — Ты в тыл скачешь, а мне, наоборот, к Чертково нужно. Одолжи бинокль.

— Ну ты даешь, старшой! Как это можно одолжить бинокль? Ищи его потом!

— На войне и не такое можно. Знаешь, небось, что все лучшее отдают тем, кто идет в бой, а не в другую сторону. Мы ведь сослепу можем и на немцев напороться. Ну, так как же?

Пауза...

И вдруг лейтенант торопливо снял с шеи свой «цейс» и протянул мне.

— Ладно, бери, он у меня трофейный. Жив останусь, другой раздобуду. Может, еще помянешь меня добрым словом.

Лейтенант козырнул и, не оборачиваясь, поскакал по дороге. А я сразу же приложил бинокль к глазам, покрутил колесико наводки на резкость и первое, что увидел — мчавшуюся по дороге от Чертково пароконную повозку. Съехали. В повозке на толстом слое сена сидели заведующий столовой штаба нашей дивизии, две официантки и ездовой. Лошади — в мыле. Если так гнать по жаре, далеко не уедут.

— Куда гоните?

— Командир дивизии приказал всем отходить на Миллерово.

— А где сам комдив?

— Как только фашисты ворвались в Чертково, он отдал приказ и вместе с комиссаром уехал по этой дороге.

— А знают о приказе в полках?

— Это нам не известно.

На дороге появилась комендантская рота, та самая, которую я еще недавно направлял в Горобцы. У ее командира те же сведения: приказано отходить на Миллерово, но дошел ли приказ до командиров полков, он не знал. Оставалось одно — проверить это лично, добравшись во что бы то ни стало до оборонительных рубежей, расположенных западнее Чертково. Попросил командира роты выделить в мое распоряжение полтора десятка бойцов с автоматами, усадил их в кузов и поехал дальше. И вот, объезжая Чертково с юга, встретили, наконец, полковые колонны дивизии, отходившие на юго-восток. Сразу отлегло от сердца, когда узнал, что приказ комдива они получили.

Теперь, когда самый важный вопрос удалось решить, передо мною встала задача — как можно быстрее разыскать штаб дивизии. Наиболее вероятным казалось, что он проследовал в том же направлении, что командир и комиссар. Поэтому, не теряя времени, развернулись и по пыльному большаку понеслись к знакомой дороге. Уже подъезжая к ней, вновь нарвались на группу вражеских танков, выползших метрах в трехстах от нас из-за невысокого бугра. Танкисты заметили машину, когда она выскочила на дорогу и набрала скорость. Вслед раздалось несколько пушечных выстрелов, но шлейф густой пыли за полуторкой сыграл роль дымовой завесы, вражеский огонь оказался неприцельным. Однако встреча эта вновь подтвердила опасность положения, в которое мы попали, а главное, не было возможности даже примерно определить, когда и где мы снова встретимся с врагом.

К вечеру подъехали к небольшому поселку. Высланные на разведку бойцы доложили, что противника в нем нет, и я решил расположиться здесь на отдых. Прежде всего, надо было накормить людей. В кармане гимнастерки у меня лежало около ста рублей, на которые удалось купить довольно увесистого кабанчика. После сытного ужина все несколько приободрились, но усталость все же буквально валила с ног. Поэтому, выставив часовых, я приказал остальным отдыхать и сам прилег на любезно предложенную хозяином дома постель. Но поспать удалось совсем немного, вскоре меня разбудил шофер:

— Товарищ старший лейтенант, вас подполковник спрашивает.

Вышел из дома и увидел во дворе вроде бы знакомого подполковника. Ну конечно, это инженер нашей дивизии, с которым, правда, до этого мне не приходилось близко общаться. Как бы то ни было, а у меня словно камень с плеч свалился — появился старший по званию и, надо думать, более опытный, чем я, командир. Уж он-то наверняка разберется в обстановке, примет грамотное решение.

Оказывается, дивизионный инженер был неподалеку от Горобцов, в расположении саперного батальона, когда в хутор неожиданно с севера ворвались немецкие танки. Подполковник посадил бойцов на два ЗИСа и вместе с ними отправился искать штаб дивизии. Выбранный им маршрут удивительным образом совпал с нашим и привел в тот же поселок.

Утром, уже колонной из трех автомашин, двинулись к железнодорожному переезду, но, наученные горьким опытом, ехали предельно осторожно, с остановками для обзора местности. Притормозили на почтительном расстоянии от железной дороги, и через восьмикратный «цейс» я рассмотрел у переезда немецкие танки, автомашины, около них солдат и офицеров.

После некоторого раздумья дивинж сказал:

— Мне было приказано в случае отхода дивизии сдерживать врага установкой мин и огнем саперных подразделений. Мин у нас нет, а бойцы, способные вести огонь, есть. Так что будем по мере сил и возможностей выполнять приказ.

— Товарищ подполковник, но ведь для того чтобы прикрывать дивизию, надо сначала ее хотя бы догнать или, во всяком случае, знать, где она находится.

— Сейчас к ней не попадем, она где-то за железной дорогой, через которую нам здесь не перебраться. К тому же теперь совершенно ясно, что немцы наносили удар с севера на Миллерово, и не исключено, что его уже заняли. Если же учесть, что гитлеровцы, как правило, наступают вдоль главных дорог, нам надо двигаться между ними, а при каждом удобном случае, особенно в темное время, атаковать врага, ведь у нас около восьмидесяти бойцов, а это при грамотных действиях немалая сила. Более реальной помощи мы пока оказать дивизии не можем.

Изменив маршрут, мы направились на северо-восток, по существу сближаясь с противником, но с расчетом не попасть в окружение, оказаться у него на фланге. Моя машина шла впереди, за ней ЗИСы. Проехали через несколько населенных пунктов, в которых не было ни наших, ни немецких войск. Вот впереди показалось еще одно село, широко раскинувшееся вдоль живописной долины небольшой речки. Напоенные живительной влагой, ярко зеленели трава, листья деревьев и кустарников. Поселок выглядел оазисом на общем серо-желтом фоне, манил к себе давно забытыми покоем и уютом.

Заехали на окраину села, замаскировали автомашины под кронами деревьев. Я начал в бинокль просматривать длинную, километра на два, улицу и увидел на другом ее конце небольшие группы советских воинов, отдыхавших в тени. Собрался было уже опустить бинокль, но тут внимание привлек пыльный шлейф у горизонта. Вгляделся внимательнее и

увидел, что к восточной, низинной, части села подходили танки. До них еще три — три с половиной километра, и было трудно определить, чьи они. Хорошо, если бы наши!

Пришлось продолжить наблюдение. Вот от танков отделился мотоциклист и направился в сторону отдыхавших военных. Остановился неподалеку от одной из групп, присмотрелся, и вдруг как-то очень ловко, почти прыжком, развернул мотоцикл и помчался обратно. Отдыхавшие вскочили, схватились за оружие, открыли стрельбу, но было поздно — мотоциклист добрался до танков, и спустя две-три минуты они, набирая скорость, двинулись к селу, открыв с ходу огонь. Теперь ясно: немцы!

У нас осталась единственная дорога к отступлению — на запад. Поехали по ней в том же порядке, что и раньше. Поднялись на бугор и увидели, что нам навстречу движется колонна больших, крытых брезентом немецких автомашин. Они совсем уже недалеко. Почти не задумываясь, кричу водителю:

— Налево через кювет — и вниз к реке!

Водитель тоже настороже. Рывок в сторону, удар днищем о край кювета, и мотор газика заглох. Надсадно урча моторами, ЗИСы переползли через кювет, остановились.

Из кабины передней трехтонки выглянул подполковник:

— Чем помочь?

Машу ему рукой:

— Скорее вперед, иначе все пропадем! Сами справимся!

Тем временем наш водитель пулей вылетел из кабины с заводной ручкой. И в общем-то очень капризный мотор завелся на этот раз, как говорят, с полоборота. Бойцы подхватили машину, вытолкнули из кювета и вскочили в кузов. Полуторка рванулась вперед по целине. Гремела уже наполовину пустая бочка с бензином, било, мотало во все стороны бойцов, но никто не обращал на это внимания. Надо было оторваться от врага.

Только километра через три мы догнали поджидавших нас саперов. Подполковник сказал:

— Ну, Сергеев, первую часть нашего плана мы выполнили — хотя и не по своей воле, но вошли в соприкосновение с немцами. Теперь надо выполнять вторую часть — бить врага. И еще: учитывая, что здесь, куда ни ткнишь, везде противник, можно полагать, что его передовые группы продвинулись далеко. Поэтому предлагаю следовать не на Миллерово, а на Морозовск.

Теперь передвигались мы по возможности в темное время суток, избегая сколько-нибудь наезженных дорог. Скорость, конечно, сильно упала, но удалось в значительной мере обезопасить себя от разбойничавших в воздухе вражеских самолетов. А следы их деятельности —

разбитые, обгоревшие автомашины, повозки — встречались на пути довольно часто. Впрочем, совсем избежать удара с воздуха все же не удалось и нам.

В одну из ночей, выполняя вторую часть плана, мы организовали засаду у грейдерной дороги и, пропустив большую колонну противника, обстреляли и атаковали следовавшую за ней группу солдат и офицеров. Дружные автоматные очереди ввергли врага в замешательство, фашисты бросились врассыпную, теряя убитых и раненых. Над ушедшей вперед колонной в небо взлетели осветительные ракеты, с минуты на минуту можно было ждать ее возвращения, но мы, прихватив с собой двух пленных и различные документы, какие успели быстро собрать, вернулись к своим машинам и, не включая фар, уехали по заранее намеченному маршруту.

Операция оказалась удачной. Хотя в темноте и спешке не удалось подсчитать потери врага, но немало гитлеровцев нашли здесь могилу или выбыли из строя, в то время как никто из наших бойцов не пострадал. Вот что значит внезапность и решительность в бою! Да и следовавшая впереди атакованной колонна, судя по продолжавшемуся пуску осветительных ракет, а затем и по донесшейся издалека беспорядочной запоздалой стрельбе, вернулась к месту недавнего боя. Значит, теперь она задержится в пути, не прибудет к месту назначения в установленный срок, спутает в какой-то мере планы своего командования. И еще радовало, что бойцы наши сразу приободрились, даже повеселели — из кузова долго доносились их возбужденные голоса, обрывки фраз: «Тут я ему и врезал...», «Фрицы как драпанут. Но я их из автомата достал...», «Кричу ему "Хендехох!", а он мне, как отзыв: "Гитлер капут!"...». Словом, удача открыла людей.

А вот добраться затемно до мало-мальски надежного укрытия не успели — рассвет застал нас среди степи, и не только рассвет, но и «мессершмитт», пролетевший на малой высоте прямо над головами. Может быть, не заметил? Нет, «мессер» с разворотом набрал высоту и стал заходить для атаки. На одиночной машине можно было бы попытаться выйти из-под огня, маневрируя по направлению и меняя скорость. Здесь же пришлось, остановив полуторку на дороге, а ЗИСы по сторонам от нее, чтобы избежать поражения всех их одной очередью, самим рассыпаться по полю.

Неожиданно возникла проблема морального плана: что делать с пленными немцами? Так и хотелось оставить их связанными в кузове, чтобы посмотрели в лицо смерти, которую готовился сеять их же, немецкий, истребитель. Но что-то не позволило это сделать. Подполковник приказал бойцам прихватить пленных с собой и оттащить подальше в степь. Нет, при всей ненависти к оккупантам не мог советский человек, воин,

учинить расправу над безоружным, потерявшим способность сопротивляться противником. Не знаю, поняли ли это сами пленные, но хотелось бы верить, что поняли и, быть может, даже честно рассказали потом обо всем этом своим соотечественникам.

А «мессершмитт» с пологого пикирования резанул по автомашинам длинной пушечно-пулеметной очередью и, не возобновляя атаки, скрылся за горизонтом.

— Наверное, полетел досыпать — ишь, в какую рань его, мерзавца, принесло, — сказал, облегченно вздохнув, подполковник, когда, убедившись, что опасность миновала, мы собрались у своего транспорта.

Что нам повезло, так это точно: лишь кузов одного из ЗИСов оказался прошитым очередью по диагонали, но ни пули, ни снаряды не повредили ходовой части, и можно было без задержки трогаться в дальнейший путь.

В тот день мы выскочили, наконец, из «мышеловки», влились в поток наших войск, отходивших к переправе через Дон у станицы Нижне-Чирская. По мере приближения к Дону дорога становилась все более забитой стекавшимися к ней с разных сторон людьми и техникой, все труднее становилось продвигаться вперед. Не доезжая до переправы, вышли из автомашин, прислушались к разговорам. В основном речь шла о тяжелых оборонительных боях, серьезных потерях, трудных дорогах. Подполковник приказал мне остаться у машин, а сам, помахивая планшеткой, пошел к переправе. Вернулся он довольно скоро в сопровождении коменданта переправы и нескольких автоматчиков. Не знаю, зачем коменданту так уж понадобились «языки», но у него явно поднялось настроение, когда он убедился, что в кузове одной из автомашин действительно сидели два пленных немца, а в придачу к ним у нас имелась целая сумка трофейных документов.

— Ведь это надо какие молодцы! — возбужденно говорил комендант. — Сколько тысяч бойцов мы уже переправили, а никто до вас не преподнес такого подарка. Едем вместе — я вас без очереди переброшу на тот берег.

Так все и получилось. Мы передали коменданту под расписку пленных, добытые в бою документы, а он пожелал удачи в поисках нашего соединения, и мы расстались с ним, довольные друг другом.

Через двое суток разыскали штаб 199-й стрелковой дивизии и некоторые ее подразделения, разместившиеся в городе Фролово, что в 150 километрах северо-западнее Сталинграда. Здесь же были командир и комиссар дивизии. К сожалению, полк под командованием Петра Сироткина переправился через Дон где-то гораздо южнее нас и был включен в состав другой не только дивизии, но и армии.

Сразу же по прибытии во Фролово, 22 июля, я отправил письмо жене: «Прости за долгое молчание, но на этот раз обстановка сложилась так, что не только писать было некогда, но и отправить письмо не представлялось никакой возможности. Почти 20 дней провел в дороге, изрядно вымотался, хотя почти не вылезал из автомобиля. Зато сейчас условия резко изменились — я нахожусь почти в полной безопасности...»

Где-то в первых числах августа дивизии в том составе, который сгруппировался вокруг ее штаба, нарезали участок обороны западнее Фролово на левом берегу Дона. Вместе с другими командирами съездил туда на рекогносцировку и я. Осмотрели песчаные, поросшие лозняком дюны, а пока прикидывали, как оборудовать на выделенном участке оборонительные позиции, пришел приказ о расформировании дивизии с передачей личного состава в распоряжение 62-й армии.

Я получил направление в разведотдел штаба 1-й танковой армии, создававшийся в Калаче-на-Дону на базе штаба 38-й армии. Командующим армией был назначен генерал К.С. Москаленко. Я был доволен. Сбылось мое желание служить в разведке. Затратив на сборы каких-нибудь несколько минут, я без промедления убыл на попутной автомашине в Калач.

В штабе армии выяснилось, что начальник разведотдела армии подполковник Зайцев, к которому мне надлежало явиться, уехал на передовую. Поэтому, чтобы скоротать время, я вышел в раскинувшийся рядом яблоневый сад, бросил под одно из деревьев свое немудрящее имущество — шинель и тощий вещевой мешок — и прилег в тени на траву. Недалеко, тоже под яблоней, отдыхали два командира. Вид у них был значительно приличнее, чем у меня, и я сразу решил, что это сотрудники разведотдела армии. Они оживленно беседовали и, казалось, не обращали на меня никакого внимания. Лицо одного из них показалось мне знакомым. Добротная пилотка сдвинута на бок. лейтенант был молод и безусловно красив — такие лица не часто встречаются. Без особого труда вспомнил: да ведь это Григорий Зильбер, преподаватель из Львовского университета!

...В январе 1941 года делегация преподавателей и студентов МГУ, в которую включили и меня как молодого ассистента, впервые посетила Львовский университет. Из прикрепленных к нашей группе товарищей мне особенно запомнился преподаватель географии Григорий Абрамович Зильбер, незадолго до нас приехавший в Львовский университет из Харькова. И вот где теперь довелось встретиться снова! Увидев Гришу Зильбера, я страшно обрадовался. Ведь прошло всего полтора года, как мы с ним встречались во Львове.

Только было хотел его окликнуть, как началась бомбежка. Думал, что эти командиры здесь — свои, собрался следовать за ними в ближайшее убежище. Но они остались на месте, только плотнее прижались к земле.

То же самое пришлось сделать и мне. Хорошо, что враг бомбил не прицельно, по площади, и лишь одна бомба разорвалась неподалеку, припорошив нас густой пылью. Когда затих гул самолетов, я представился несколько иначе, чем собирался раньше:

— Какого черта не открыли щели? Мало вас война учила?

Думал, что Зильбер растеряется от неожиданности или хотя бы удивится, а он и глазом не моргнул. Оказывается, Григорий тоже меня узнал еще до бомбежки и даже успел, пока длился налет, рассказать обо мне кое-что своему товарищу.

— Ну вы только посмотрите на него. Щель понадобилась, когда в саду такой чудесный аромат. Да и вообще какой-то невоспитанный: пришел, а вместо того чтобы, как положено, поздороваться с хозяевами дома, начал ругаться. Здорово, Сергеев! Женья? Как же, помню. С прибытием в первую танковую! Я здесь — старший переводчик разведотдела. А ты кем будешь?

Все это было высказано в шуточной, приятельской форме и в то же время с нескрываемым удовлетворением от неожиданной встречи. Какая это радость: прибыть к новому месту службы и увидеть здесь знакомого хорошего человека!

Г.А. Зильбер впоследствии стал одним из самых близких моих друзей. С ним долго были рядом на фронте, при любой возможности встречались и после войны. Приезжая в Москву из Львова (он стал доцентом географического факультета университета), Григорий всегда останавливался у меня дома, вызывал своим неизменным мягким юмором оживление у окружающих его людей, заряжал их бодростью и оптимизмом.

Помнится, мы гуляли с ним вокруг университета в 1970 году, обсуждали предстоявшую ему операцию, которая выглядела заурядной, но оказалась роковой...

Начальник разведотдела подполковник Зайцев, которого я ждал, приехал поздно вечером. Решать ничего не пришлось, ибо был уже получен приказ — ему и всем его сотрудникам штаба 1-й танковой армии утром выехать в Сталинград.

— Все определим на новом месте, — заметил после короткой беседы подполковник, человек энергичный, решительный в суждениях, почти не выпускавший из руки прямую «капитанскую» курительную трубку. — А пока держитесь Зильбера, он хорошо разбирается во всех наших проблемах.

Глава 15

Сталинград

В Сталинграде я пробыл с начала августа до 1 января 1943 года. Моя военная служба сложилась таким образом, что я ежедневно писал разведсводки штаба фронта для Москвы, сопоставляя весь материал, который за сутки поступил в разведотдел. По моей должности мне полагалось знать все, что делается у противника в определенной полосе. И не просто знать, но и предвидеть, что будет делать противник на следующий день. Мое начальство могло отвергнуть мое предположение, высказать совсем противоположную точку зрения, но первое письменное заключение полагалось сделать мне.

Сразу после переезда из Калача в Сталинград (это произошло 6 или 7 августа 1942 года) большую группу командиров, собранных в зале бывшей средней школы, информировали о том, что с этого момента они представляют собой штаб Юго-Восточного фронта, создаваемого на базе части сил Сталинградского фронта, задачей которого является оборона Сталинграда с юго-западной и южной сторон. На самом деле полномасштабного штаба еще, конечно, не было — образовалось лишь его ядро. В течение нескольких дней происходила перетруска личного состава. Несколько командиров, прибывших из штабов армий, были возвращены в свои объединения, немало командиров прилетели самолетами из Москвы. Среди них были и такие, которые оказались на фронте впервые. Я же без задержки получил назначение в отделение, которое возглавил полковник В.И. Белокуров. Вместе со мной работали более опытные, чем я, люди: подполковник Шматок, майоры Сезин, Быков и другие сотрудники. Здесь же в штабе старшим переводчиком РО трудился Григорий Зильбер, хорошо владевший немецким языком. Теперь мы встречались с ним чуть ли не ежедневно как на службе, так и в свободное время. Сравнительно недолго у нас пробыл еще и другой переводчик — Л.Ф. Парпаров. Он был тогда совсем молоденьким лейтенантом. В 60-х годах мы

встретились с ним в Московском университете, когда Лев Федорович, будучи уже подполковником, работал на военной кафедре гуманитарных факультетов. Значительно позже в отдел приехал переводчик с румынского языка Игорь Никитин, такой же молодой лейтенант, как и Парпаров.

О полковнике Белокурове у меня остались самые хорошие воспоминания как об умном и культурном начальнике. Он иногда в свободные минуты живо рассказывал о Японии, где служил помощником военного атташе. Нас поражало в его рассказах многое, особенно традиции обожествления японского императора. Мог ли я тогда думать, что в 1965 году мне придется побывать у этого «божества» на приеме вместе с другими делегатами Международной генеральной конференции университетов и что после моего представления «божественный» микадо закричит своей жене, беседовавшей в нескольких шагах от него с богато одетыми дамами: «Иди сюда, я познакомлю тебя с проректором Московского университета!». Тогда, в Сталинграде, я никогда не поверил бы, что так может быть.

11 августа я писал жене: «...в последние дни я столько раз переезжал с места на место, столько получал различных назначений, что и счет потерял. Сейчас как будто перешел на оседлый образ жизни и энергично включился в работу, которая мне все больше нравится».

Из занятого нами первоначально помещения школы мы переехали в дом на улице, ведущей от площади Павших борцов к долине речки Царица. Небольшое двухэтажное здание стояло недалеко от крутого спуска в долину. Во дворе была открыта глубокая щель, покрытая от осколков снарядов и бомб досками и дерном. В доме мы жили и работали, а питаться ходили в столовую, находившуюся в полуподвальном помещении одного из зданий на площади Павших борцов.

Майор Сезин и я стали направленцами, то есть получили определенную полосу фронта и обязаны были знать по возможности все, что происходило в ее пределах, причем чем подробнее, тем лучше. Это достигалось систематическим сбором сведений, постоянным их анализом, стремлением понять, что происходит и что может произойти на интересующем нас участке. Добытые всеми путями объективные данные наносились на карту, и работу над ней я без малейшей натяжки назвал бы соизмеримой со сложным научным исследованием.

Обстановка на моем направлении в тот момент, когда я вступил в новую должность, оказалась весьма сложной: 4-я немецкая танковая армия, наступавшая на Сталинград вдоль железной дороги со стороны Котельниковского, достигла железнодорожного разъезда «74-й километр». Здесь она встретила упорное сопротивление войск 64-й и 57-й

армий. В донесениях мелькали незнакомые ранее названия населенных пунктов: Абганерово, Плодовитое, Тундутово и другие, номера соединений и частей, их численность, состав, направления ударов... Словом, объем работы оказался огромным, а ответственность за ее результаты и того больше.

Неблагополучно складывалась для нас обстановка западнее Сталинграда, где войска 62-й армии под натиском 6-й немецкой армии вынуждены были отойти на левый берег Дона. И все же, несмотря на обилие дел, отнимавших массу времени и духовных сил, штаб фронта, его службы работали все более слаженно и ритмично, в результате чего постепенно налаживался и быт. Вот что я писал жене 17 августа: «Распорядок дня тоже стал твердым. Встаю часов в 8, иду под душ, потом чищу зубы (ты, конечно, будешь смеяться, что пишу о такой ерунде, но напомним, что за время пребывания на фронте все это для меня — впервые). Затем завтрак и работа; с двух до четырех — обед, и снова работа. Часов в 8 — 10 ужин, потом опять же работа до 12 — 1 часа ночи и, наконец, самый настоящий сон».

Нет, твердый распорядок дня — далеко не пустяк, особенно на войне. По себе убедился, как благотворно действовала организованность на работоспособность, как она дисциплинировала, подтягивала человека. Но, конечно, если для этого были условия.

Жизнь в Сталинграде протекала нормально. Так было до 23 августа. 23 августа я с группой офицеров после завтрака вернулся в свое отделение. Все вошли в дом, а я остался покурить на крылечке. По радио объявили воздушную тревогу, но никто не обратил на это особого внимания: мы уже привыкли к тому, что все ограничивалось либо появлением на большой высоте немецкого самолета-разведчика, либо над городом завязывался воздушный бой наших истребителей с «мессершмиттами», после окончания которого звучал сигнал «Отбой». Но на этот раз громкоговорители упорно повторяли: «Граждане, воздушная тревога!», «Граждане, воздушная тревога!». Это насторожило. Случайно посмотрел на восток, за Волгу, и увидел вдруг идущую к городу со стороны солнца тучу (не найду другого слова) немецких самолетов. Ничего подобного видеть еще не приходилось. Я вбежал в дом и крикнул:

— Товарищи, скорее в убежище, сейчас начнется страшная бомбежка: идет много немецких самолетов!

Все выскочили во двор и спустились в щель. Из непокрытой у входа ее части было видно, как от головного самолета оторвалась первая бомба. Падая, она издавала прямо-таки страшный рычащий звук. Эта первая бомба, сброшенная на Сталинград, упала сравнительно недалеко от нас в долину реки Царица и совсем близко от входа в тоннель КП фронта.

На Сталинград волна за волной накатывались вражеские самолеты. И вот уже черные, вырвавшиеся на глазах точки бомб посыпались на город, как горох. От взрывов бомб все вокруг заходило ходуном, на голову укрывшихся в щели штабистов посыпались песок и мелкие комья земли. Началась варварская бомбежка Сталинграда.

После первого массированного налета вражеской авиации нам приказано было переселиться в туннель КП штаба фронта. Несмотря на колоссальные разрушения в городе, связь работала устойчиво. К сожалению, сведения с передовой поступали неутешительные: к исходу дня части 6-й немецкой армии вышли севернее Сталинграда к Волге, в районе Латошинка, Рынок, отрезав 62-ю армию от основных сил фронта, появились на подступах к Тракторному заводу. Территория, захваченная фашистами севернее Сталинграда, представляла собой узкий коридор, простреливавшийся с севера и юга. Казалось бы, что удержаться там трудно, но гитлеровцы зарыли свои танки в землю, превратив их в малоуязвимые огневые точки, и цепко удерживали захваченный коридор.

Бои развернулись уже в непосредственной близости от Сталинграда; город пылал от вражеских бомб, а я по-прежнему занимался своим направлением в районе разъезда «74-й км», где противник, хотя и прорвался в район северо-восточнее Абганерово, но контрударами соединений 64-й и 57-й армий был остановлен.

На следующий день бомбежка возобновилась с новой силой, на город то и дело сыпались бомбы. Но когда наступило время обеда и выяснилось, что столовая на площади Павших борцов продолжает работать, мы поочередно, по два-три человека, стали бегать туда «на заправку».

На улице, ведущей в столовую, в глубине двора стоял красивый старинный особняк с лепными украшениями на фасаде, а перед ним — большой круглый бассейн давно уже не действовавшего фонтана. В тот день, как и накануне, около особняка было много женщин, детей, стариков, — по-видимому, здесь находился один из пунктов сбора эвакуируемых сталинградских жителей. Когда мы проходили мимо, завывли сирены воздушной тревоги, и часть людей бросилась в бассейн, который хоть в какой-то мере обеспечивал безопасность от осколков бомб и обломков зданий.

Обедать нам пришлось под грохот разрывов бомб, порой довольно близких. Понятно, что в разгар бомбежки выходить на улицу из казавшегося чуть ли не бастионом полуподвала было неразумно. Но, едва дождавшись относительного затишья, мы решили возвращаться на КП. Я поднялся по лестнице, открыл дверь и увидел немецкий бомбардировщик; он летел довольно низко. Вслед за близким грохотом разрыва

стена расположенного с другой стороны улицы универмага отделилась от здания, начала рушиться и осела грудой кирпича. А секунду спустя воздушная волна с такой силой ударила меня в грудь, что я полетел назад на своих товарищей, сбивая их с ног. Каким-то чудом никто из нас не пострадал.

Весь ужас бомбежки мы почувствовали, когда, прислушиваясь к далеким и близким взрывам, бежали обратно по знакомой улице на КП фронта: на месте бывшего фонтана зияла огромная воронка, особняк стоял с выбитыми стеклами и облетевшей лепкой. Рядом не было ни души. Ни одной живой души!..

Думаю, что уже на второй день бомбежка проходила для немцев почти безнаказанно, зенитные батареи были подавлены; наших истребителей было очень мало.

В последней декаде августа произошло приятное для меня событие, которым я, естественно, не мог не поделиться с семьей. 26 августа я написал жене письмо. Там были, в частности, такие строки: «У меня пока все в порядке, присвоили звание капитана, или, как говорил в свое время Петр Сироткин, "окапитанили"».

Наверное, это не главное на войне, но звания в армии дают не за красивые глаза, а за умение, за пользу делу. Не скрою, приятно знать, что умею делать то, что от меня требуется».

Как это нередко бывает, легкомысленное «пока все в порядке» оказалось весьма неустойчивым. И верно, в туннеле КП фронта, хотя рядом с ним еще при первом налете вражеской авиации на Сталинград и разорвалась бомба, мы чувствовали себя в полной безопасности, работали спокойно и уверенно. Но длительное пребывание под землей спровоцировало вдруг застарелую малярию, подцепленную мной еще на первой производственной топографической практике в 1931 году в Северном Казахстане. Шли годы, а я все не мог от нее избавиться. Каждой весной, и только весной, она напоминала о себе. Но ведь сейчас был конец лета! Поэтому я сначала не понял, в чем дело, когда температура перевалила за сорок. Но скоро, прямо за рабочим столом, потерял сознание. Очнулся от тряски в санитарной машине. По отсветам пожаров понял, что едем ночью через Сталинград. Спросил санитаря:

— Куда вы меня везете?

— На переправу. В госпиталь вас приказано доставить.

— Какой там госпиталь, когда я чувствую себя хорошо, ослаб только. Тоже мне додумались: здорового человека из-за какой-то ерунды в тыл отправлять. Поворачивайте назад на КП.

— Ну, как прикажете.

Вернулись обратно. Чувствую, вроде и на самом деле полегчало. Однако на другой день стало меня так ломать и трясти, что догадался наконец: приступ малярии. Попросил зашедшего навестить меня Зильбера:

— Гриша, насколько мне известно, у тебя начальник медсанчасти — приятель. Добудь у него хинина или акрихина и, если сможешь, одолжи у кого-нибудь стаканчик водки, говорят, с ней лекарства лучше всасываются.

Лег на дощатый пол, накрылся шинелью. Жар быстро нарастал. С трудом меня растормошили товарищи. Увидел, что стоит передо мной Григорий, держит в одной руке бумажный пакетик (почему-то вспомнилось допотопное — фунтик), а в другой — большую жестяную кружку.

— Вот тебе ассорти — акрихин со шнапсом.

Не соображая, что делаю, я высыпал все ядовито-желтые таблетки в рот, осушил залпом содержимое кружки и словно провалился в черную бездну.

Утром, осмотрев меня, военврач из медсанчасти фронта только покачал головой:

— Ну и сердце у вас, капитан, прямо железное. От такого лечения запросто могли отправиться к праотцам. А в госпиталь придется ехать, и немедленно. Работать в таком состоянии — чистое самоубийство. И не думайте возражать, все уже решено и подписано.

Ночью 29 августа меня благополучно переправили через Волгу в районе Красная Слобода и довели на попутной машине вместе с ранеными до госпиталя, расположенного в городе Ленинск. Отлежавшись там пять дней и почувствовав себя более или менее сносно, уговорил госпитальное начальство выписать меня. И 4 сентября появился на новом командном пункте фронта, перенесенном на левый берег Волги, в лес, у поселка Ямы. Здесь два дня спустя мне было доверено очень ответственное дело — вести 62-ю и 64-ю армии, державшие оборону на направлениях главных ударов противника, нацеленных на Сталинград. С этого дня я стал «направленцем» на главном участке фронта. Рядом с оперативными картами на моем столе появился крупномасштабный план самого Сталинграда. Трудно было предположить, что пройдет немного времени и этот план станет для меня основным рабочим документом.

Внешне каких-либо серьезных изменений в характере моей деятельности не произошло. Я по-прежнему ежедневно составлял сводки; как и раньше, собирал, анализировал, обобщал многочисленные данные, поступавшие в отделение. На самом же деле пришлось тогда потрудиться с особым напряжением. Связано это было в первую очередь с тем,

что развернувшаяся под Сталинградом грандиозная битва вступила, судя по всему, в решающую фазу. И если за ее ходом с надеждой и тревогой следили все советские люди, то нетрудно понять, какое чувство беспредельной ответственности испытывал каждый ее непосредственный участник. Ведь мы отчетливо представляли, что прорыв немецко-фашистских войск в районе Сталинграда к Волге, захват этого важного стратегического пункта и крупного промышленного района повлекли бы за собой разрыв коммуникаций, связывавших центр страны с Кавказом, резко ухудшили бы политическое и экономическое положение страны.

А обстановка на рубежах обороны курируемых мною армий к тому времени сложилась крайне тяжелая: еще 29 августа немецко-фашистские войска прорвали фронт северо-западнее Абганерово и, развивая наступление, создали угрозу тылам 64-й и 62-й армий. Поэтому приказом командующего Юго-Восточным фронтом эти армии были отведены на внутренний оборонительный обвод, где бои продолжались с нарастающим ожесточением.

Понятно, что быстро менявшаяся обстановка потребовала доведения оперативности в работе до предела, а тут еще возникло дополнительное осложнение — 62-я армия была передана в состав нашего фронта только 28 августа и потребовалось немало усилий, чтобы получить и осмыслить значительный объем новой информации. И нужно ли пояснять, какое удовлетворение я испытывал, если мои заключения оказывались точными, и какое разочарование вызывали пусть даже и не частые ошибки.

Впрочем, штабная работа вообще немислима без предельной собранности, дисциплинированности, личной ответственности каждого за порученный ему участок и слаженности всех звеньев. Именно такого отношения к делу, высокой штабной культуры требовал от подчиненных начальник штаба Юго-Восточного фронта генерал Г.Ф. Захаров. Среди сотрудников штаба он пользовался непререкаемым авторитетом. К сожалению, мы не так уж много знали тогда о его героическом прошлом, об участии в первой мировой и гражданской войнах, о предвоенной службе. Можно только пожалеть, что не было принято доводить буквально до каждого бойца биографии его командиров, комиссаров, командующих. Но и несмотря на это, мнение сотрудников штаба о Георгии Федоровиче Захарове было очень высоким.

Генерал до тонкостей знал штабную работу, отличался завидной работоспособностью, был требовательным и храбрым человеком. Даже в период интенсивных налетов вражеской авиации на Сталинград Г.Ф. Захаров редко спускался в свой блиндаж, а работал обычно неподалеку

от него за столом, над которым был натянут тент, способный защитить разве что от солнечных лучей. Ну а поскольку речь зашла о его требовательности и справедливости, не могу не вспомнить эпизод, в котором я оказался одним из действовавших лиц.

Дело было так. Как-то ночью заглянул к нам в блиндаж заместитель начальника оперативного отдела штаба фронта полковник Н.Я. Прихидько. Зашел, чтобы узнать, нет ли чего новенького на моем направлении. Это была установившаяся практика: сотрудники штаба регулярно обменивались имевшейся у них информацией.

Я как раз сидел над сводкой за истекший день, о содержании которой и рассказал полковнику. А в заключение сказал, что есть сведения, будто в район населенного пункта (названия сейчас не помню), расположенного юго-западнее Сталинграда, прибыла немецкая танковая дивизия. Однако добавил, что я лично точными данными не располагаю, поэтому не могу считать информацию достоверной. Возможно, что в этом районе собраны поврежденные танки для ремонта, а их приняли за танковую дивизию.

Во время нашей беседы Прихидько хотя и посматривал на свою карту, но, как мне показалось, слушал не очень внимательно. Он заметно устал от бессонницы, глаза у него то и дело непроизвольно закрывались, и было видно, какие усилия он прилагал, чтобы не уснуть стоя.

После ухода полковника я дописал сводку. В пятом часу лег спать, а в девять, уже позавтракав, снова сел за стол.

Часа через два в блиндаж вбежал посыльный:

— Капитана Сергеева — к генералу Захарову. Срочно!

Последнее слово можно было и не произносить — не так уж часто меня персонально приглашали к начальнику штаба фронта. Через несколько минут я докладывал генералу о том, что прибыл по его приказанию. Георгий Федорович стоял под тентом около своего рабочего стола, рядом с ним — начальник одного из отделов штаба генерал-майор М.А. Кочетков. Здесь же находился чем-то заметно встревоженный полковник Прихидько.

Генерал Захаров обратился ко мне:

— Вы дали сведения полковнику Прихидько о прибытии на наш фронт новой танковой дивизии немцев?

— Никак нет, товарищ генерал, никому я таких сведений не давал. Полковник Прихидько был у меня сегодня ночью и интересовался последними новостями на моем направлении. Я сообщил ему, что есть, на мой взгляд, недостоверные, данные о прибытии танковой дивизии. — И уже обращаясь к Прихидько, попросил: — Товарищ полковник, подтвердите, пожалуйста, что именно так я вас и информировал.

— Да, так, — отозвался Прихидько.

Наступила тишина, какая бывает, когда на все вопросы получены исчерпывающие ответы и спрашивать больше не о чем. Наконец, генерал Захаров поднял голову и, посмотрев на меня, сказал:

— Вы свободны, капитан, идите!

Едва я вернулся на свое место, как был вызван к начальнику отделения. Полковник начал разговор с вопроса:

— Знаете, что произошло?

— Нет, не знаю.

— После ночного разговора с Вами полковник Прихидько доложил заместителю командующего фронтом генералу Голикову как об установленном факте о прибытии сюда свежей танковой дивизии немцев. Голиков сообщил об этом командующему, а Еременко передал по ВЧ эти сведения в Ставку Верховного Главнокомандования и попросил при этом выделить необходимые силы авиации дальнего действия, чтобы разбомбить вражескую танковую дивизию до ввода ее в бой. Из Ставки позвонили Захарову и потребовали уточнить район сосредоточения этой танковой дивизии врага. Генерал Захаров вызвал меня и возмущился тем, что он ничего об этом не знает. А когда я сообщил, что достоверность этих сведений считаю сомнительной, он при мне позвонил в Москву, спросил, откуда получена такая информация. Там удивились, сказали, что от Еременко. Еременко сослался на Голикова, Голиков — на Прихидько, а вот Прихидько — на Вас.

— Но ведь Вы сами слышали, как было дело, и полковник Прихидько характера нашего разговора не отрицал.

— Верно. Поэтому мы с Вами так спокойно беседуем. Но ведь и Прихидько ничего сам не выдумал. Он только не очень внимательно выслушал информацию. И если бы в Москве не возникла необходимость перепроверки, части авиации дальнего действия могли сбросить бомбы на несуществующую танковую дивизию. Или, предположим маловероятное, Прихидько не подтвердил бы Ваш разговор. Искать бы мне тогда нового сотрудника на освободившееся место. Поэтому запрещаю Вам и всем другим работникам отделения давать какие-либо сведения кому бы то ни было, кроме своих начальников. Идите и передайте это всем своим товарищам.

Только выйдя после беседы из блиндажа, я понял, в какую мог попасть беду сам, а еще хуже, подвести под нее других. Случай, когда я чуть не погорел из-за усталости полковника Прихидько, был единственным, но весьма поучительным.

Выбрав время, 7 октября я писал жене: «Командование мне доверило большую работу, и я отдаю ей все свои силы. Известно, что не оши-

бается тот, кто ничего не делает, но я в своей работе не имею права ошибиться, тем более что на фронте нет мелочей. Здесь может иметь чрезвычайную важность даже то, на что в мирное время никто не обратил бы и внимания».

Думаю, читатель не посетует на то, что я не раскрываю не только всей грандиозной панорамы Сталинградской битвы, но даже событий, происходивших на курируемом мною участке фронта. За минувшие десятилетия издано множество капитальных военно-исторических трудов, мемуарных произведений, публикаций в периодической печати, осветивших шаг за шагом, день за днем все величие ратного подвига советских воинов — защитников волжской твердыни. Подробно описаны, тщательно проанализированы и оценены действия сторон, названы имена отличившихся в боях — от рядового бойца до командующих фронтами. Поэтому автор, который по роду своей деятельности был в то время в курсе развития многих боевых действий, поставил перед собой цель не повторять уже широко известного, а поделиться с читателями лишь лично виденным и пережитым, добавить еще хоть одну строчку в славную летопись героической Сталинградской эпопеи.

Но при всем том нельзя полностью отрешиться от окружавшей автора обстановки, которая и побуждала его к тем или иным конкретным действиям. Поэтому хотя и не в строгой последовательности, без глобального охвата подробностей, но приходится то и дело обращаться к происходившему вокруг.

Войска Сталинградского фронта 5 сентября начали наступление с севера на немецкий клин в районе Латошинка — Рынок с задачей отбросить противника от Волги и соединиться с войсками Юго-Восточного фронта. Сразу же скажу, что это наступление продолжалось сравнительно недолго. Оно было сорвано немецкой авиацией. Наступающим трудно было маскироваться на открытой местности. И господствуя в воздухе, гитлеровцы по сути дела разбомбили наши войска.

При бомбежке Сталинграда в первую половину дня авиация противника всегда заходила с востока. Эскадрильи бомбардировщиков проходили над лесом, где находился КП фронта. Стоило только одной эскадрилье сбросить свой смертоносный груз на наш лесок, и от КП фронта мало что осталось бы, так как перекрытие у блиндажей было в большинстве случаев слабенькое.

Позднее немцы обстреливали наш лесок из 75-миллиметровых орудий (расстояние между ними и КП фронта со временем стало 7—8 км). Один снаряд попал на крышу блиндажа, пробил ее, убил и ранил нескольких человек. Можно себе представить, что было бы, если бы на КП фронта посыпались авиабомбы.

Отбивая наступление войск Сталинградского фронта, немцы сами вели ожесточенные наступательные бои против войск 62-й и 64-й армий на так называемом внутреннем обводе Сталинграда. 12 сентября наши войска отошли к окраинам города.

13 сентября немцы предприняли наступление на Сталинград. Первыми достигли западной окраины города части 71-й пехотной дивизии, носившей название «Glück» («Счастье»). Эта дивизия в числе других позднее оказалась в Сталинградском котле и была разгромлена. Название ее не спасло! Но 13 сентября дивизия как бы подтвердила, что она счастливее других. Тем более, что она встретила сравнительно незначительное сопротивление с нашей стороны. Наиболее ожесточенные бои развернулись севернее, у аэродромного поселка, а затем в районе Мамаева Кургана (высота 102).

Обстановка с каждым днем становилась для нас все более тяжелой. Несмотря на то что в начале сентября нашим войскам удалось сорвать попытку врага выйти на широком фронте к Волге, в дальнейшем гитлеровцы, используя на направлениях главных ударов, в частности против ослабленной в предыдущих боях 62-й армии, подавляющее превосходство в живой силе и боевой технике, ворвались в Сталинград, в ожесточенных уличных боях 14 сентября овладели вокзалом, вышли в районе Купоросное к Волге. Правда, ударом частей 13-й гвардейской стрелковой дивизии враг на некоторое время был выбит из центра города, но в городе продолжались кровопролитные бои за каждый дом, каждую улицу.

С 28 сентября Сталинградский фронт был переименован в Донской, а наш, Юго-Восточный, стал называться Сталинградским. Казалось бы название определяло и объект обороны — Сталинград. На самом деле штаб фронта занимался и более южными районами, вплоть до Астраханского направления.

Работа направлена в условиях городского боя оказалась очень сложной, а именно этим мне и пришлось заниматься. Тактика, которую применял противник, была весьма разнообразной. Чередовались танковые атаки, которые поддерживали значительные силы пехоты, с просачиванием через линию фронта мелких групп автоматчиков. Зафиксированы случаи, когда немцев, переодетых в красноармейскую форму, обнаруживали, когда они выкладывали в расположении наших войск опознавательные знаки для своих самолетов.

Надо признать, что взаимодействие авиации с наземными частями у противника было хорошо организовано. Это обстоятельство еще более усиливало превосходство немецких войск над нашими. Но всему этому противостоял героизм советских воинов, благодаря которому Сталинград остался непокоренным.

В этот период я непосредственно в боях не участвовал. И все же нервное напряжение было огромное, наверное даже больше, чем в первые дни пребывания на фронте. Утомляли чувство большой ответственности и постоянное, систематическое недосыпание. Спать приходилось 3 – 4 часа в сутки, не больше.

Преимущество немцев в авиации, танках, живой силе давало себя знать. В первых числах октября войска 62-й армии, оставив после упорных боев заводские поселки «Красный Октябрь» и «Баррикады», отбивали яростный натиск противника уже непосредственно на территории этих заводов, к которым враг продолжал подтягивать свежие силы. В начале второй декады он сосредоточил здесь около восьми дивизий. Однако полностью овладеть территорией заводов немцы так и не смогли несмотря на два серьезных наступления в этом районе, предпринятых позднее (23 – 24 октября и 11 ноября).

На территории КП фронта мне часто приходилось видеть А.И. Еременко и Н.С. Хрущева. Хрущева можно было увидеть около его блиндажа в первую половину дня, когда эскадрильи немецких бомбардировщиков шли с востока на Сталинград и уже над нами начинали пикировать вниз. Небольшого роста, во фронтовой фуражке и шинели стоял он, иногда долго, смотрел на пикирующие самолеты и о чем-то думал.

А Андрей Иванович Еременко всегда был на ходу, то куда-то уезжал, то за чем-то шел в один из блиндажей. Вечером, уже в темноте, его можно было встретить прогуливающимся с А.В. Василевским, который довольно часто бывал на нашем КП. Во время таких прогулок их охрана состояла из младших лейтенантов, двигавшихся на таком расстоянии, чтобы не слышать разговор начальства и в то же время немедленно оказаться «под рукой».

Очень удачной для нас была операция, проходившая к югу от Сталинграда в конце сентября. В ней участвовали части 57-й и 51-й армий. От последней действовал отряд под командованием полковника Е.Ф. Макаруча. Перед отрядом стояла задача – в ночь на 29 сентября прорвать оборону румын и захватить село Садовое, находившееся в 20 – 25 км за линией фронта. В селе находился штаб румынской дивизии. Расчет был на быстроту и внезапность. При этом, конечно, требовался смелый и решительный командир. Как раз таким и был полковник Макаруч. Операцию по захвату Садового он провел блестяще.

Когда в Садовое вошли танки и автомашины с пехотой, паника там поднялась ужасная. Был убит немецкий офицер, бежавший с портфелем в руках. В портфеле оказался небольшой сейф с важными секретными документами. Среди них – простой лист бумаги, на котором очень схематично карандашом был набросан план летнего наступления немцев.

Гриша Зильбер переводил эти документы, когда они были доставлены в штаб фронта, и считал, что схема была сделана немецким офицером на одном из инструктивных совещаний. Направления главных ударов, даты захвата городов, все, что было до Сталинграда, все идеально совпадало. Вот только со Сталинградом вышла у фашистов осечка. Главное разведуправление и Ставка очень заинтересовались этим документом. И один из командиров нашего разведотдела полетел с ним в Москву.

Гитлеровцы понимали, что они увязли в Сталинграде, понимали, что надо формировать события и стали готовить большое наступление на территорию Сталинградского тракторного завода, которая все время находилась в наших руках.

С утра 14 октября начались усиленная бомбежка и артобработка наших позиций в районе СТЗ, а в 8 часов противник перешел в наступление. На узком фронте действовало до 150 танков, несколько немецких пехотных дивизий (в том числе 305-я и 389-я) и пять саперных батальонов, переброшенных по воздуху из Германии. Ценой больших потерь немцы вышли к Волге и разрезали 62-ю армию. Но и это не решило в их пользу судьбу Сталинградского сражения.

Длительная работа в экстремальной, как теперь говорят, обстановке хотя и выматывала, казалось бы, до последнего предела, но приносила и неоценимый опыт, позволяла действовать все более уверенно и безошибочно. Да, мы накопили известный опыт, штабной коллектив трудился слаженно, каждый твердо знал и четко выполнял свои обязанности. К тому же и для нормальной работы на КП фронта были созданы все необходимые условия. Об этой стороне нашего бытия я так писал жене 25 октября: «Живем, как я тебе уже сообщал, в хорошем, прочном и по-своему уютном блиндаже. Сделали себе нары, вроде тех, что в железнодорожном вагоне, конечно, не в мягком, а в теплушке. Но каждый спит отдельно. Это, по фронтовым понятиям, уже роскошь. А на стенках полочки; столы и стулья самые настоящие. Есть электричество, хорошая печь. Словом, и тепло, и светло. А это необходимо для дела, потому что работать приходится очень много».

Так оно и было. Несмотря на обилие дел, настроение было хорошим, по-настоящему боевым. Особенно оно повысилось, когда наряду с текущей работой получили новое задание: рассчитать, в какой срок и какие немецкие части могут быть переброшены в район Сталинграда в случае нашего наступления. Так, хоть и не в прямой постановке, мы узнали, что в районе Сталинграда готовится наступательная операция и, судя по всему, наш фронт будет принимать в ней участие. Уверенность в том, что не ошиблись, окрепла после того, как мы ознакомились с приказом Народного комиссара обороны И.В. Сталина от 7 ноября 1942 года по

случаю 25-летия победы Великого Октября. Глубоко запади в душу полные уверенности слова: «Недалек тот день, когда враг узнает силу новых ударов Красной Армии. Будет и на нашей улице праздник!»

Мы в меру возможностей отметили этот замечательный юбилей. 6 ноября собрались сотрудники нашего отдела — человек 15 разведчиков, работающих в штабе фронта. После небольшого доклада и выступлений был зачитан приказ по штабу и управлениям Сталинградского фронта. Выписку из него я приложил к одному из писем жене и сейчас храню ее как дорогую реликвию, а вместе с ней и одну вещь — наградные часы. «За хорошие показатели в работе, достигнутые в результате социалистического соревнования, всему личному составу штаба Сталинградского фронта выношу благодарность и награждаю ценными подарками (часы): ...капитана Сергеева Е.М. ...».

В письме я не удержался, похвастался: «Получил по приказу благодарность и часы от человека, имя которого вошло в историю Отечественной войны». Речь шла о командующем фронтом генерале А.И. Еременко.

Когда я пишу эти строки, передо мной лежат большие карманные часы Кировского завода, которые, к великому сожалению, сломались в апреле 1943-го года, о чем я расскажу дальше, и которые сейчас уже не берутся чинить ни в одной мастерской. Но и неисправные, они мне безмерно дороги не только как память о Сталинграде, о командующем фронтом, но еще и как свидетели связанных с ними событий, едва не стоивших мне жизни. Но об этом позже.

7 ноября в Сталинграде было сравнительно тихо. Активничала только авиация. Но 11 ноября противник вновь перешел в наступление в районе завода «Баррикады» и вышел там к Волге, еще раз разрезав 62-ю армию. Это был последний успех его в Сталинграде.

Вскоре после ноябрьских праздников резко изменилась обстановка в воздухе. Господство перешло к нашей авиации.

Подготовка наших войск к контрнаступлению проводилась весьма скрытно. Прибывающие новые части двигались в расположение 64, 57 и 51-й армий только ночью, маскируясь днем в оврагах, рощах, населенных пунктах. Строго соблюдалось радиомолчание. Можно было рассчитывать, что сосредоточения наших войск для наступления южнее Сталинграда разведке противника вскрыть не удалось. В то же время в штаб фронта поступали сведения о перемещениях вражеских войск.

Так, наша радиоразведка все время контролировала работу радиостанции штаба 24-й танковой дивизии, впрочем, как и большинства других немецких дивизий. К нашему удивлению, радиостанция этой дивизии, долго находившаяся на одном месте к западу от Сталинграда, за несколько дней до нашего наступления двинулась на северо-запад.

Авиаразведка подтвердила информацию. Мы только удивлялись: куда ее черт понес? Но, конечно, были рады этому неожиданному факту. По-видимому, немецкому командованию стало известно о готовящемся наступлении войск Юго-Западного фронта (о чем, кстати, мы, разведчики, не знали) и оно начало подтягивать резервы к месту наступления другого фронта.

Наш удар был запланирован по румынским войскам, которые держали фронт южнее Сталинграда. И здесь за несколько дней до наступления наши передовые части отметили усиленное передвижение у противника. Шла какая-то перегруппировка войск. Эта перегруппировка особенно настораживала тем, что проводилась она в канун нашего наступления. У нашего командования возникло опасение, что румынские войска заменяются немецкими, боеспособность которых всегда была выше. Естественно, что командованию фронта необходимо было знать, не обнаружил ли противник сосредоточения наших войск, вследствие чего и готовился к отражению удара. От нас потребовали ответа о том, что происходит.

На этот раз все прояснилось довольно быстро. Нашим разведчикам удалось захватить «языков», которые показали, что на фронт прибыла 20-я пехотная дивизия румын и в связи с этим уплотнялись боевые порядки противника. Кроме того, выяснилось, что моральное состояние солдат и офицеров этой дивизии было низким, ибо ранее она понесла большие потери в боях под Севастополем, долго пополнялась и сейчас, когда уже начались холода, имела в своем составе главным образом необстрелянных, правда хорошо экипированных, солдат.

Последнее обстоятельство имело немаловажное значение, когда речь шла о боеспособности войск. Ведь уже в середине ноября в районе Сталинграда установилась морозная погода. Потом на время потеплело, но вся зима была еще впереди. И мы встречали ее во всеоружии: еще в конце октября получили теплое белье, портянки, шапки, рукавицы и прочее. Перешли на добротную зимнюю форму и войска. Все было готово к броску вперед.

Точная дата контрнаступления хранилась в строгой тайне и нам была неизвестна. Однако о близости его мы сами догадывались по ряду признаков. Так, например, у нас на КП опять появился командир из Генерального штаба — подполковник Ефимов, служивший в свое время начальником штаба 617-го стрелкового полка еще до моего прибытия туда. Как однополчанин он относился ко мне по-дружески, нередко с теплотой вспоминал наших общих фронтовых друзей, но как генштабист умел держать язык за зубами, так что, если и знал о предстоявшей операции, ни разу о ней не обмолвился, а я, естественно, об этом и не

расспрашивал. Кстати, еще в конце сентября он меня обрадовал вестью, что недавно встретил в одной из дивизий Сироткина. Петр воевал хорошо, удостоился еще одного ордена.

Чувство личной сопричастности к делам однополчан, забота о них, столь трогательные и в настоящее время, когда собираются уже ветераны былых сражений, закладывались и формировались еще в огне жесточайшей войны. И тогда, встречаясь на фронтовых дорогах, однополчане испытывали радость, желание помочь один другому в чем-нибудь. Случалось, что это приводило и к курьезам.

Как-то подполковник Ефимов, обратив внимание на мой усталый от постоянного недосыпания вид, предложил воспользоваться для отдыха предоставленным ему небольшим блиндажом, так как сам он на несколько дней выезжал в войска. В ту же ночь (на 20 ноября) я воспользовался любезным приглашением и, договорившись с товарищами, что они меня разбудят, если понадобится, отправился в блиндаж. Там приготовил постель, запер дверь на массивный засов, погасил фонарь «летучая мышь» (электрического освещения в этом блиндаже не было) и забылся в крепчайшем сне.

Проснулся от какого-то грохота. В чем дело — не пойму, где нахожусь — тоже не могу сообразить: темно как в могиле. А рядом что-то трещит, рушится. Рухнула наконец... дверь блиндажа. И когда вспыхнул луч ручного фонарика, я разглядел встревоженные лица сотрудников отделения. Оказалось, что часа через два, после того как я отправился спать в блиндаж, полковник Белокуров созвал всех сотрудников на экстренное совещание. Заметив мое отсутствие, спросил: «Где Сергеев?» Узнав, что отдыхаю в блиндаже, приказал разбудить и немедленно направить сюда. Побежали будить, стучали на совесть, но безрезультатно. Доложили об этом полковнику.

— Ломайте дверь, — приказал он.

Я и проснулся, когда выполнялся этот приказ. Прибежал на совещание. Полковник, упредив мой рапорт о прибытии, жестом руки пригласил сесть, оглядел присутствующих и сказал:

— Ну, теперь все собрались. Товарищи командиры, сегодня в восемь часов наш фронт переходит в наступление. Поздравляю вас!

Командующий войсками фронта А.И. Еременко, член Военного Совета Н.С. Хрущев и часть сотрудников оперативного отдела находились на новом КП фронта в Райгороде, а наше отделение продолжало оставаться на берегу Ахтубы. Но мы по стекавшимся к нам данным могли детально следить за ходом боевых действий.

Уже с самого начала стало ясно, что меры, принятые для скрытного сосредоточения войск, оказались достаточно эффективными и наше

наступление застало противника врасплох. После небольшой задержки, связанной с утренней непогодой, в 10.00 20 ноября ствольная артиллерия и «катюши» открыли огонь по расположению румынских войск. По мере того как рассеивался туман, вступали в бой 51, 57, 64-я армии. После этого в бой были введены танки и пехота.

В первый же день оборона врага была прорвана и в прорыв введены подвижные соединения.

Имевшиеся в штабе фронта данные о низкой боеспособности румынских частей и соединений, в частности 20-й пехотной дивизии, подтвердились: вскоре к нам поступили сведения, что один из ее батальонов сразу же выкинул белый флаг и сопротивления не оказал. Как выяснилось из допроса его командира, капитана румынской армии, это он отдал приказ о сдаче, чтобы сохранить жизнь солдатам. Затем, тоже без боя, сдался артполк этой дивизии; слабое противодействие оказали другие румынские части и соединения. Правда, на ряде участков враг оказывал ожесточенное сопротивление. На помощь румынским войскам были переброшены немецкие, которые пытались контратаковать. Но остановить наступательный порыв наших воинов они оказались бессильны и были разгромлены.

Успех первого дня был удачно развит, и 23 ноября наступавшие танковые части Сталинградского фронта встретились в районе населенного пункта Советский (ст. Кривомузгинская) с танковыми частями Юго-Западного фронта. Войска противника в междуречье Дона и Волги оказались в окружении.

Когда говорят об окружении немецких войск под Сталинградом, то обычно указывают, что попали в окружение войска двух немецких армий: 6-й, которой командовал генерал-полковник Паулюс, и 4-й танковой армии, находившейся под командованием генерал-полковника Хота. А затем о 4-й танковой армии редко вспоминают и все время упор делается на разгром войск 6-й армии Паулюса. В этом скрывается существенная ошибка. 4-я танковая армия Хота по своим боевым качествам и значению не уступала 6-й армии Паулюса. Но вели себя главнокомандующие этих двух армий по-разному.

Штаб Паулюса находился в направлении главного удара Юго-Западного фронта, штаб Хота — в направлении главного удара Сталинградского фронта. У Паулюса был выход отойти на запад, но он предпочел двинуться на восток, чтобы быть вместе со своими войсками в окружении. Это же мог сделать и Хот, если бы он отошел на север. Но Хот бросил свои войска и стремительно двинулся на юг, на Котельниково. Все это мы отчетливо видели на своих картах, используя данные радио-разведки.

В создавшейся обстановке Паулюс стал во главе окруженных войск двух армий: 6-й и 4-й. Поэтому надо ясно отдавать себе отчет в том, что под Сталинградом, а на заключительном этапе и в самом городе были уничтожены две немецкие армии, каждая из которых по своей численности и техническому оснащению превосходила обычные советские армии, принимавшие участие в боях. Надо сказать, что в ходе нашего наступления под Сталинградом особенно резко проявились недоброжелательные, а подчас и враждебные отношения между немцами и румынами.

По агентурным данным, отступавшие румынские части «докатились» до Зимовников. Немцы пытались их остановить на Маныче. Несмотря на поставленные на мосту пулеметы, румыны не подчинились. Дали бой и перешли Маныч. Я этому агентурному сообщению склонен верить. Румынские солдаты и офицеры не хотели воевать за интересы немецких фашистов.

В период нашего наступления работы в разведотделе фронта прибавилось. Но настроение было у всех отличное. Подъем был необычайный: ведь сбылась мечта — фронт наступает! Проблема сна стала еще более острой. 21 ноября я писал жене: «...за последние дни я спал не больше трех часов в сутки. Это — явно не по науке, но поверь, что готов так работать до самой победы — лишь бы продолжалось наше наступление, лишь бы мы били фашистов, и как можно крепче...»

Из письма родителям 27 ноября: «У вас в эти дни должно быть радостное чувство. Совинформбюро сообщает каждый день о продвижении наших войск под Сталинградом. Я помню статью Симонова "Москва". В ней он писал, что в прошлом году вся страна ждала слова "наступление", и 5 декабря в битве под Москвой надежда воплотилась в жизнь.

В этом году весь советский народ тоже ждал наступления Красной Армии, и вот оно развернулось, теперь уже под Сталинградом. И здесь фашистам пощады не будет...»

Из письма жене 4 декабря: «Ты уже знаешь из газет, что по фашистам здорово ударили. Теперь их необходимо добить. Все мы, фронтовики, уверены, что эту задачу наши войска решат успешно, хотя на пути к полной победе нас ждет еще немало трудностей...»

Погода немцам благоприятствовала. Хотя и выпал снег, но морозов больших не было, часто стояли туманы. Волга не замерзала, и это затрудняло снабжение наших наступающих частей боеприпасами, горючим и фуражом, в котором нуждались кавалерийские дивизии. Приезжающие с фронта рассказывали, что лошади сильно отощали и не могут делать больших переходов. Туманы не давали возможности использовать преимущества нашей авиации.

Действительно, трудностей впереди было много, и первая из них — разгромить окруженную крупную группировку врага, не дать ей вырваться из кольца. А по поступавшим сведениям трудно было определить действительную численность окруженных войск, наличие у них боевой техники, продовольствия, боеприпасов. Важно было бы узнать и о моральном состоянии личного состава, определявшем его боеспособность. Но четких ответов на эти вопросы пока не было. Требовалось время, а его-то как раз не хватало и стало еще меньше, когда поступили данные о создании в районах Котельниково и Тормосина двух крупных вражеских группировок, явно предназначенных для деблокирования окруженных войск. Противник готовил контрнаступление. В районе южнее Котельниково формировалась группа армий под командованием фельдмаршала Манштейна (именно — не Хота, а Манштейна), которая должна была ударом с юга на Сталинград соединиться с окруженными войсками Паулюса. Она состояла из отборных воинских соединений.

Сюда была переброшена из Франции 6-я танковая дивизия. На ее танках и автомашинах белой краской была нарисована Эйфелева башня в память о взятии этой дивизией Парижа. Эшелоны шли с 6-й дивизией по «зеленой улице», гнали их быстро, считая, что это такая сила, против которой устоять русским будет трудно. Действительно, дивизия была полностью укомплектована техникой и людьми. Около 30% ее личного состава были награждены почетным знаком «За участие в рукопашном бою» — на лавровом венке наискось лежит винтовка со штыком.

В группу Манштейна входили еще две танковые дивизии (23-я и 17-я). Большой силой были также 16-я мотодивизия и, особенно, мотодивизия СС «Викинг», укомплектованная ярыми фашистами. 384-я пехотная дивизия и румынские части, которые были переформированы и вновь двинуты на фронт, большого значения не имели. Главной силой Манштейна были танки: они должны были решить судьбу Сталинградского сражения.

12 декабря несколько сотен танков из деблокирующей группировки Манштейна перешли в наступление на занимаемые войсками нашего фронта рубежи севернее Котельниково. Ослабленные в предыдущих боях части нашей 51-й армии мужественно приняли на себя удар, но под напором значительно превосходивших сил противника вынуждены были с упорными боями отходить на север.

Именно в этот момент наш разведотдел получил приказ перебазироваться на правый берег Волги, в Райгород. Перебросили нас туда на самолетах У-2.

Из письма жене от 18 декабря: «Пишу тебе с новой своей "квартиры", на которую мы перелетели несколько дней тому назад на самолетах

“королевской авиации” — так в шутку называют фронтовики учебный самолет У-2. Немцы же до недавнего времени эту машину звали “рус фанер”, но сейчас уже убедились, что У-2 — универсальный боевой самолет, пригодный и для связи, и для разведки, и, главное, для изнуряющих врага ночных бомбардировок. Впрочем, об этом уже немало написано. Перелет прошел очень хорошо, длился он недолго, в воздухе “мессеры” отсутствовали — в последнее время их здорово гоняют наши “ястребки”, так что, несмотря на плохую погоду, получил большое удовольствие».

Вообще-то полеты на У-2 под Сталинградом, так же как и в других прифронтовых районах, далеко не всегда были безопасными. В одном из таких полетов погиб полковник Чернов из оперативного отдела, летевший в распоряжение наших наступавших частей для уточнения обстановки. Он был убит прямо в самолете пушечно-пулеметной очередью с «мессершмитта».

В Райгороде нам, разведчикам, приходилось работать на два фронта: изучать действия противника в окружении и особенно внимательно — действия наступающей группировки Манштейна.

Что касается окруженных войск Паулюса, то они перешли к жесткой обороне. По поступившим в штаб данным, там были оборудованы огневые точки, землянки с перекрытием из бревен, железнодорожных шпал и рельсов; отрыты окопы полного профиля. Румынские части расформировали, а их солдат и офицеров распределили по немецким подразделениям. Немецкие офицеры стали жить вместе с солдатами. На каждом участке переднего края гитлеровцы установили пулеметы, расчеты которых получили приказ расстреливать каждого, пытавшегося покинуть позицию. Солдат и офицеров повышали в чинах, многих награждали Железными крестами. Пряником и кнутом делалось все возможное для поднятия морального духа и немедленного пресечения любой попытки сдачи в плен.

Тем временем соединения группировки Манштейна сблизилась с окруженной армией Паулюса на 40 километров. Можно было ожидать наступления войск Паулюса навстречу деблокирующей группировке. Однако этого не произошло. В 10 часов утра 24 декабря в наступление перешла 2-я гвардейская армия под командованием Р.Я. Малиновского. Удар наносился с севера вдоль Дона, во фланг наступавшим немецким частям, и замысел врага был сорван.

К 30 декабря был освобожден от оккупантов г. Котельниково, откуда начиналось наступление Манштейна. Стало ясно, что попытка врага деблокировать окруженную в районе Сталинграда группировку провалилась.

Радостно мы встретили новый, 1943 год в Райгороде. Все были уверены, что Сталинградская битва не только выиграна, но ее исход окажет и решающее влияние на дальнейший ход войны.

1 января 1943 года мы на грузовых автомашинах выехали из Райгорода в Котельниково. Эта поездка осталась в памяти на всю жизнь. Маршрут проходил по тем местам, где 2-я гвардейская армия громила группировку Манштейна. Мне еще никогда не доводилось видеть столько разбитой и брошенной вражеской техники: танков, автомашин, орудий. На многих из них белой краской был намалеван трафарет — Эйфелева башня — опознавательный знак 6-й танковой дивизии. Да, по-разному в разных странах сложилась судьба «завоевателей»: с триумфом вступили они в Париж, а у стен Сталинграда потерпели жестокое поражение. Сталинград — это вам не Париж, говорили мы.

Глава 16

Бои за Донбасс

Морозным вечером 1 января 1943 года, как раз в тот день, когда наш Сталинградский фронт был переименован в Южный, мы прибыли в Котельниково. Помещения, в которых нам предстояло расположиться, еще занимал штаб 2-й гвардейской армии, и довольно долго пришлось прождать в темноте, на морозе, пока все утряслось и мы смогли войти в теплое помещение и обогреться.

2 января я получил задание, которое очень пришлось по душе: меня включили в группу командиров, отправлявшихся на вспомогательный пункт управления (ВПУ). Для приближения работников штаба фронта к наступающим войскам сюда от каждого отдела штаба фронта выделили представителя, который должен был поддерживать связь с войсками на переднем крае, получать от них необходимые сведения и передавать в штаб фронта.

В тот же день мы приехали в село Ильинское, расположенное в нескольких километрах восточнее железнодорожной станции Дубовское. Наши войска в это время были уже значительно южнее — на рубеже реки Маныч, и вели бои за Зимовники. Им противостояла главным образом мотодивизия войск СС «Викинг». Во время наступления Манштейна немцы берегли эту дивизию, и она оказалась значительно менее потрепанной, чем другие, сохранила свою боеспособность.

Враг так поспешно отступал, что не успел разрушить многие населенные пункты. Уцелело и Ильинское. Из письма жене от 4 января: «Поселок, в котором мы остановились, словно бы затерявшийся в необъятных степных просторах, от войны мало пострадал: противник захватил его неожиданно, а драпал отсюда поспешно. Пять месяцев хозяйничали здесь оккупанты, пять месяцев грабили жителей, отбирали птицу, скот, различные вещи, и, несмотря на это, с нашим приходом все преобразилось: на кроватях снова появились подушки и кружевные подзоры,

на окнах — занавески, в некоторых дворах — куры, утки, гуси, овцы, которых во время оккупации крестьяне тщательно прятали в погребах, ометах сена — словом, где только могли. Хозяйки ухаживают за нами, как за своими детьми».

Последнее относилось и к хозяйке домика, который отвели для меня. Пожилая на вид женщина, оказавшаяся на самом деле моложе, чем выглядела, встретила меня очень приветливо, несмотря на мои отговорки, усадила за стол, поставила на него большую кринку с молоком:

— Вы уж не обессудьте, мало чем могу угостить. Корову-то не забрали, велели им, иродам, молоко поставлять, а остальное у меня фашисты проклятые начисто разграбили. И слова поперек им не скажи — запросто могли пристрелить, особенно такую, как я. Ведь люди-то знают, что мой муж и сын в Красной Армии. Где они сейчас, живы ли?

— А кто же больше грабил: немцы или румыны?

— Да, почитай, одинаково. Немцы-то, те нахальней, все среди дня забирала. Пристрелят курочку или овечку, смеются и уносят. А румыны потихоньку старались. Услышишь, выйдешь, зашумишь на них, убегают. А на немцев шуметь нельзя было — пристрелить могли. Слава богу, вы нас вызволили из неволи, — и перекрестилась. Поймала мой любопытный взгляд и продолжала:

— Небось, безбожник. А я в Бога верую. Да и не я одна. Почитай, вся деревня. Мы себе и попа из Белоруссии привезли. Из самой аж Западной Белоруссии. Молельню устроили. За вас же и молились. Господь-то и услышал наши молитвы. Ах ты, господи. Всем-то хороша наша Советская власть, а вот что молиться не разрешает, это плохо.

— А кто же не разрешает? За это время, пока вы были в оккупации, много всяких новостей в стране произошло. Верующие по призыву патриарха собирают деньги на танковую колонну имени Александра Невского. Большую уже суму передали государству. Во всех газетах было напечатано. Я думаю, что попа вашего не тронут, если он с немцами не был связан, и молиться не запретят.

— Слава тебе, господи, — сказала хозяйка с большим чувством. Схватила свое пальтишко, накрылась платком и убежала.

Минут через 10 — 15 приходит женщина, повязанная платком так же, как и моя хозяйка. Села на лавку. За ней другая. Потом третья. Не прошло и получаса, как комната наполнилась чинно сидящими женщинами. Все в пальто, платках. Сидят и молчат. Скоро и моя хозяйка явилась, да не одна — с попом. Поп производил солидное впечатление — с бородой, в рясе, еще не старый.

— Вот мои прихожане радостную весть принесли. На вас ссылаются. Верно ли?

Я повторил то, что рассказывал хозяйке о сборе средств на танки. Закончил свою речь вопросом:

— А где вы церковь себе устроили?

— В школе.

— Вот что я вам точно могу сказать: школа будет школой и оттуда вам придется уйти.

— Да разве мы этого не понимаем? Домов много брошенных, подберем подходящий, освятим и там будем молиться.

Тут все стали обсуждать, какой дом для этого лучше подходит. Пришлось мне немного охладить расшумевшихся женщин.

— Советую вам этот вопрос решать в первую очередь с представителями Советской власти.

— А где они эти представители?

— Через несколько дней обязательно будут.

Запомнился еще один случай, происшедший в Ильинском, но уже другого характера.

3 января утром меня разбудила хозяйка:

— Немца в плен взяли!

— Где?

— Да у нас же в Ильинском.

— Кто взял?

— Бабы. А красноармейцы помогли. Сюда доставили.

— Хорошо, сейчас встану. Пусть его сюда ведут.

Входят два красноармейца. Между ними идет немец. Унтер-офицер. В добротной шинели, но без сапог и шапки. Голова обмотана теплым шарфом, ноги — мешковиной. Сильно перепуган. Он никого не понимает и его никто не понимает. Напрягая свою память я начинаю говорить с ним по-немецки. Пленный обрадовался, заговорил быстро. Приходится его останавливать и все время напоминать: говорить надо медленно и простыми словами — я плохо знаю немецкий язык. Фриц пугается, старается изо всех сил, чтобы я его понял. Часто спрашивает: «Verstehen Sie?» В конце концов я все понял.

Из рассказа немца и его солдатской книжки следовало, что перед нами шеф-повар офицерской столовой зенитного артиллерийского дивизиона. В ночь под Новый год наши танки вышли к расположению дивизиона и стали крушить все, что им попадалось на пути; поднялась паника. Он бросился бежать, не надев даже шапки. Сапоги скользили и жали ноги. Сгоряча сбросил их, рассчитывая на толстые носки. Потом стал замерзать. Никого в степи нет. Ночь. Было очень страшно. Попалась разбитая машина. В ней бумаги, упакованные в мешки. Это было счастье. Можно было мешки надеть на ноги. Шел всю ночь и весь день.

Опять ночь и день. К вечеру увидел деревню. Дождался темноты. Пробрался во двор. Залез в стог сена и заснул. Утром его вытащили женщины. Он не стал сопротивляться. Поднял руки и сказал: «Гитлер капут!».

Стало ясно, что «повар» никаких интересных показаний о противнике дать не может. Но до обеда у меня было свободное время, и я решил расспросить его в отношении организации и вооружения зенитного артиллерийского дивизиона. Это он должен был знать хорошо. «Повара» обыскиали. Оружия при нем не оказалось. Все бумаги, главным образом фотокарточки, передали мне. Накормили.

Очень быстро он сообразил, что я от него хочу, и всеми силами старался, чтобы я понял структуру дивизиона. Наверное, считал, что от этого зависит его жизнь.

После нескольких часов передо мной лежала схема дивизиона и объяснительная записка к ней, которые были позднее отосланы в РО.

В то время я ненавидел немцев. Горе и смерть, которые они нам принесли, встречались ежедневно. Сидящий против меня здоровый небритый верзила, в добротной немецкой шинели и с мешковиной на ногах никакого чувства жалости вызвать не мог. Но мне вдруг захотелось узнать, что он за человек, кем был до войны, есть ли у него семья и т.д. Сначала я внимательно посмотрел все фотографии. Чаще всего была сфотографирована молодая, довольно красивая женщина с девочкой 7–8 лет. Иногда на фото был и сам «повар» в штатском костюме. Только на одной фотографии он был уже в военной форме. Были и групповые снимки: в центре обычно сидели старик и старуха. Ясно было, что все это семейные фотографии.

Работа на ВПУ ничем существенно не отличалась от той, которую я вел до этого. Только здесь больше ощущалось дыхание фронта, и это заставляло действовать оперативнее.

Через несколько дней на ВПУ приехал командующий фронтом генерал А.И. Еременко. Не зная, понадобится ли я ему лично, подготовил на всякий случай обстоятельный доклад. И не зря! Прибегает посыльный:

— Товарищ капитан, к командующему фронтом!

Пошел за ним. Домик чуть побольше моего, но хозяева выселены или их вообще не было. В прихожей встретил адъютант, видимо, знавший уже о цели моего прихода, ибо сразу же предложил пройти в соседнюю комнату. Вошел. Первое, что бросилось в глаза, — какой-то нежилой вид помещения, да и к работе не очень располагающий. Что-то хозяйственники здесь не проявили должного старания.

В комнате было прохладно. Генерал Еременко сидел в накинутой на плечи бурке на деревянной кровати у придвинутого к ней стола.

Я вытянулся, представился.

Еременко был плотный, я бы даже сказал грузный человек. И вдруг раздался не соответствующий фигуре высокий голос:

— Доложите обстановку у противника.

Я достал карту, разложил ее перед ним на столе и стал докладывать, стараясь быть по возможности лаконичным, но и не пропустить чего-нибудь существенного. Кажется, все изложил четко, ничего не перепутал. А командующий слушал и молчал. Выслушав же до конца, поднялся из-за стола, надел папаху, запахнул бурку и вышел из комнаты.

Я остался один. Стою и не знаю, что мне обо всем этом думать и что делать. Минут через пять Еременко вернулся, сел на место, достал из принесенной им кожаной полевой сумки карту, положил ее на стол, сказал:

— Ну вот, а сейчас докладывайте все с самого начала и не торопитесь — я буду уточнять обстановку по своей карте.

Теперь, когда мы спокойно и деловито работали вместе, постепенно ушло понятное чувство некоторой напряженности, которое я испытывал во время своего первого в жизни доклада командующему фронтом.

Уходил я от командующего в приподнятом настроении, довольный тем, что на все вопросы сумел ответить без запинки. И сразу же стал свидетелем и участником интересного для меня события.

Погода с утра стояла пасмурная, сыпал снежок. Но к полудню она разгулялась, тучи ушли на юг, и над Ильинским заголубело чистое небо, засияло солнце. И тут из ушедших к горизонту туч буквально выплыли три немецких транспортных самолета Ю-52.

Рядом с Ильинским располагался полевой аэродром, где базировался полк наших истребителей. Несколько самолетов находилось в это время в воздухе, а через пару минут после появления «юнкерсов» взлетели еще несколько «ястребков». Наши истребители дружно атаковали фашистских транспортников, явно пытавшихся прорваться к окруженной под Сталинградом вражеской группировке. Все три «юнкерса» чуть ли не одновременно задымили и пошли на снижение. Из них на моих глазах выпрыгнули с парашютами ни много ни мало — ровно десять человек.

Я тут же бросился в расположение комендантской роты и поспел как раз вовремя — там готовилась к выезду команда, выделенная для задержания приземлившихся вражеских авиаторов. Я успел занять место в кабине первой автомашины.

Шофер погнал машину напрямую по заснеженной степи. Хотя снег был неглубоким, но он прикрыв ямы, рытвины, так что нас бросало из стороны в сторону. Когда до замеченной нами группы из четырех вражеских авиаторов, успевших уже сбросить парашюты и собраться,

осталось метров пятьдесят, я приказал водителю остановить машину, а выпрыгнувшим из кузова автоматчикам скомандовал:

— Без моего приказа не стрелять! Всех взять живыми, каждого на месте обыскать и обезоружить.

Честно говоря, особой уверенности в том, что обойдется без кровопролития, у меня не было — ведь противник наверняка имел оружие, кто-то из них мог оказаться фанатиком, готовым продать свою жизнь подороже. На снегу при ярком солнце трудно было спрятаться в темных комбинезонах. Некоторые пытались бежать. Однако, видя наше численное превосходство и понимая бессмысленность сопротивления, никто из членов экипажей сбитых «юнкерсов» не пытался защищаться, не открыл огня. Вся десятка, до последнего, подняла руки; четверо были подобраны бойцами с нашей машины, остальные — с двух других.

Понятно, что для штаба фронта такой богатый улов, да еще буквально свалившийся с неба чуть ли не на голову, представлял известный интерес. И в самом деле, захваченные в плен вражеские авиаторы дали немаловажные показания.

Через несколько дней я выехал на новый ВПУ в Мартыновку. Со мной в качестве помощника поехал лейтенант Игорь Никитин — переводчик с румынского языка. В то время против нас не стояли румынские войска, и он был свободен, а прикрепление его ко мне оказалось весьма полезным. Целый день приходилось собирать сведения о действиях войск противника, часов в 12 ночи садиться писать разведдонесение, а затем идти на узел связи, чтобы передавать это донесение в штаб фронта. В результате, только около 4—5 часов ночи можно было лечь спать.

Игорь меня избавил от заключительной части моего «рабочего дня». С утра я работал, а Никитин помогал мне, после чего он ложился отдыхать. После подготовки донесения я будил Игоря, и он отправлялся на узел связи, а ложился спать я. Таким образом, я дополнительно получил для отдыха 2—3 часа, о чем до этого мог только мечтать.

Хозяйка нашего дома, еще молодая и очень приветливая женщина, сердилась, когда я посылал Игоря ночью на узел связи. Хорошо помню, как она, сделав строгое лицо, говорила, мешая русские и украинские слова:

— Такой старый, вже сывый, и такого молоденького посылае. Куды иды? Ничь темна, сам мог бы сходить. Ему бы спаты та спаты.

Мы оба только посмеивались над этими словами. Мне было тогда 28 лет, но война уже заметно посеребрила голову, потому по сравнению с Игорем я и был «старый».

Но за напускной строгостью женщины скрывались доброта и гостеприимство. Как-то Игорь неважно почувствовал себя, ночью на узел

связи пришлось пойти мне. Возвратился через два часа. В хату войти оказалось невозможно: везде вповалку спали уставшие красноармейцы. Хозяйка сказала:

— Вы уж извиняйте, пока вы ходили, я солдатиков переночевать пустила. Подумала, може кто и моего хозяина вот так же пожалеет.

Любимым блюдом хозяйки были вареники. «Мы ведь хохлы», — говорила она. Я как-то заметил: «Не хорошо вы говорите — хохлы, принято — украинцы».

— Э, нет, те что на Украине живут, те украинцы, а мы — хохлы.

Понятно, что хотя подобного рода эпизоды и запомнились как какие-то штрихи многообразной фронтовой жизни, но, конечно, не они составляли главное, чем жили тогда советский народ и воины его Вооруженных сил. Их внимание было приковано к развернувшемуся 10 декабря 1942 года наступлению армий Донского фронта, направленному на ликвидацию окруженных под Сталинградом немецко-фашистских войск. Не буду рассказывать о наших эмоциях, связанных с каждым успехом войск соседнего фронта, возглавляемого прославленным военачальником генералом К.К. Рокоссовским. В те дни я написал родителям: «Думаю, что вы одновременно со мной услышали по радио радостное сообщение: с фашистами под Сталинградом покончено, они потерпели здесь сокрушительный разгром. Красная Армия вписала еще одну блестящую страницу в историю Отечественной войны. Горжусь тем, что и мне довелось участвовать в этой великой битве, испытать ни с чем не сравнимую радость крупной победы, к которой мы так долго и так трудно шли. Не сомневаюсь, что всем вам понятны мои чувства...»

Не понять этих чувств было просто нельзя — их разделяли не только все советские патриоты, но и миллионы людей за рубежом. Свежи, не меркнут эти чувства и сейчас.

Тем временем ВПУ переместился в Большую Орловку, и едва я успел там расположиться, как меня снова вызвал генерал А.И. Еременко. На этот раз он сам нанес на мою карту местоположение полевого аэродрома, на котором базировался наш истребительный авиаполк, приказал немедленно выехать туда и передать его приказание: разведать участки железных и шоссежных дорог южнее Батайска, а также железнодорожный узел в Ростове-на-Дону.

Выйдя от командующего, я получил, как обычно, полторку и вскоре выехал на в общем-то непростые в темноте поиски аэродрома, который находился довольно далеко от ВПУ. Во всяком случае, тронувшись в путь вечером, мы ехали всю ночь и только утром прибыли на место.

Дежурный, тщательно проверив мои документы, сказал, что сейчас командир полка около КП ставит пилотам боевую задачу, и если у меня

приказ командующего фронтом, то надо спешить, пока самолеты не взлетели.

Полуторка помчалась прямо по полю, к стоянке самолетов, и очень своевременно, ибо к ним уже торопились летчики. От имени командующего фронтом я попросил их вернуться к командному пункту и сам поехал туда же. Выслушав меня, командир полка спросил:

— А у вас есть письменное приказание?

— Нет, я получил устный приказ, за точность передачи которого отвечаю. Да и сами подумайте, мог ли я сказать командующему фронтом: «Вас понял, но дайте мне письменный приказ». Вот смотрите, на моей карте пометки, сделанные им лично. К тому же, пока я буду ждать здесь результатов вылета, вы успеете, если захотите, навести любые необходимые вам справки.

Словом, убедил я полковника. Он отдал приказ: двумя самолетами разведать дороги, двумя — железнодорожный узел Ростов. Пилоты быстро подготовили карты, и две пары истребителей поднялись в воздух для выполнения задания командующего фронтом.

Мы сидели в блиндаже полковника, разговаривали о разном, но каждый из присутствовавших наверняка думал: «Ну, как там они?»

Наконец, полковник сказал:

— Подходит время возвращаться машинам, пойдете посмотрим на посадку.

Действительно, скоро два истребителя благополучно приземлились. Ведущий, капитан, очень толково доложил о результатах разведки дорог, по которым в направлении на Ростов сплошным потоком двигались автомашины, повозки, колонны пехоты, артиллерия. Наши истребители прошли над колонной на бреющем полете, все это хорошо видели и обстреляли ее. В свою очередь, подверглись ружейно-пулеметному обстрелу с земли, но повреждений не получили. В воздухе самолетов противника не видели.

Так вот почему генерала Еременко интересовали эти дороги: похоже, что к Ростову отходили войска северокавказской группировки противника.

Между тем вторая пара, ушедшая на Ростов, все еще не появлялась. Полковник стал заметно нервничать, то и дело посматривать на часы. Потом сказал:

— Все! У них больше нет горючего.

И тут же из-за холма на бреющем выскочил самолет и с ходу приземлился на летное поле. Через несколько минут летчик автомашиной был доставлен на КП. Это был лейтенант, ведомый из второй пары.

Лейтенант рассказал, что при подлете к Ростову их пара попала под массированный зенитный огонь. Чтобы не сорвать выполнение задания,

отвернули в сторону и попытались выйти на цель с запада. Но и здесь город прикрывали зенитные батареи. В почти безоблачную погоду вражеские зенитчики стреляли довольно метко, снаряды рвались вблизи от воздушных разведчиков. Пришлось вновь уходить, маневрируя по высоте, скорости и курсу. И в это время со стороны солнца нашу пару атаковала семерка «мессеров». Вступили с ней в неравный воздушный бой, а поскольку горючего оставалось мало, стали постепенно оттягиваться поближе к линии фронта. Пытаясь оторваться от противника, вошли в облако, но при выходе из него самолет ведущего попал под огонь «мессершмитта», задымил, провалился вниз и был ведомым потерян из виду. Самому же лейтенанту удалось переворотом через крыло снизиться до бреющего полета и на последних каплях бензина дотянуть до своего аэродрома.

Поблагодарив командира полка и летчиков, я стал с ними прощаться с тяжелым чувством. Полковник попросил меня доложить командующему, что аэродромы нашей истребительной авиации находятся далеко от линии фронта, и это затрудняет сопровождение своих самолетов, а также прикрытие с воздуха войск. Необходимо ускорить перебазирование истребителей ближе к передовой.

Обратно, по уже знакомой дороге да еще и засветло, мы доехали значительно быстрее. Генерал Еременко был на месте, и я получил возможность сразу доложить ему о результатах разведки.

К сообщению о том, что железнодорожный узел в Ростове разведать не удалось, он отнесся неожиданно спокойно, но зато остро реагировал на сообщение о движении противника по дорогам на Ростов.

— Это же их северокавказская группировка отходит. Очень ценные сведения. Но почему их не бомбят? Я спрашиваю, почему их не бомбят? — повторил он, повышая голос, словно бы забыв, что перед ним стоит капитан, не имеющий полномочий для решения таких вопросов. Однако, поскольку при этом в комнате больше никого не было и генерал смотрел на меня, я сказал:

— Товарищ командующий, позвольте от Вашего имени передать генералу Хрюкину приказ бомбить отходящую вражескую группировку.

— Да, да, передайте! Что у Вас еще?

— Командир истребительного авиационного полка просил доложить вам, товарищ командующий, что их аэродромы находятся далеко от переднего края, а это затрудняет выполнение боевых заданий.

А.И. Еременко придвинул к себе мою карту, приложил к ней линейку:

— Верно, далековато. Сообщите Хрюкину и об этом. Действуйте!

Далеко идти не пришлось — аппараты находились в соседней комнате. По одному из них я передал приказание командующему 8-й воздушной армией.

В первых числах февраля в Большой Орловке обосновался штаб Южного фронта. Настроение у всех было радостное, приподнятое — ведь только что победоносно завершилась Сталинградская битва. Совинформбюро еще сообщало о колоссальных потерях врага, массе пленных, богатых трофеях, а уже успешно развивалось наступление войск нашего фронта, имевшее ближайшей целью разгром ростовской группировки противника. 3 февраля войска 51-й и 28-й армий вышли на рубеж в 25 километрах восточнее Батайска. Близился день освобождения от оккупантов Ростова-на-Дону. Из письма жене от 6 февраля: «Расстояние между нами все увеличивается, и это сразу же чувствуется: письма стали идти дольше. Интересно, сколько времени понадобится, чтобы твои письма дошли до Берлина? Чем черт не шутит, может быть, если останусь жив, удастся добивать фашистов в их логове. Помнишь мои прощальные слова: «Пиши: Берлин, до востребования». И вот теперь окрепла уверенность, что адрес я назвал точный, что все так и будет. А подтверждением этому служит гул моторов проходящих рядом наших танков».

Вскоре я был направлен в группу офицеров штаба фронта, находившуюся в станице Кагальницкая и ожидавшую освобождения нашими войсками Ростова-на-Дону. У каждого было конкретное задание.

В Кагальницкой я пробыл несколько дней. Остановился в доме, хозяин которого, седоусый старик, встретил меня с каким-то особым достоинством. Помимо него и жены в доме еще проживали их дочери, невестки, внуки. Когда я впервые вошел в горницу, то сразу же бросился в глаза висевший на стене фотопортрет, настолько изрешеченный пулями, что невозможно было рассмотреть черты лица. А вот ниже, на груди, виднелись расположенные в два ряда Георгиевские кресты, медали.

На вопросы о том, чей это портрет и что с ним случилось, старик ответил:

— А это меня эсэсовцы расстреливали.

Я, естественно, заинтересовался, попросил рассказать подробнее. Хозяин охотно согласился. Рассказал же он вот что.

— Дело было так. В Кагальницкой размещались подразделения дивизии СС «Викинг». Староста привел к нам на постой четырех немецких солдат. Невестки и дочери попрятались. Фрицы были озорные, всех насильовали. Один из них довольно чисто мог объясняться на русском языке. Он и командовал в доме. Хозяйку совсем загонял: «Приготовь то, убери это, постирай, унеси, принеси...» А может, он и русский был. Все бахвалился: «Ни в жизнь ваши краснопузые нас с позиций не сбили бы, если бы нам начальство не давало приказ об отходе. Мы только приказ выполняем. Пробыли фашисты в станице недолго, но след черный оставили: грабили, насильовали, издевались над местным населением.

Вот и у нас тоже. В сенях стояли две бочки, одна с капустой квашеной, а другая — с огурцами солеными. Отложили себе в ведра и, верите, стали в бочки оправляться и по малому и по большому делу. И гогочут. А этот говорит: «Придется вам капусту и огурцы с приправой кушать, без приправы не получится». Молчим, конечно. Что делать? Мы-то уж со старухой свое отжили, а детишек жалко.

Когда наши войска уже вели бой на подступах к Кагальницкой, фашисты заметались, начали поспешно собирать свое барахло, прихватывая и все, что не успели спрятать станичники. При любой возможности вымещали на мирных жителях и свою злобу. Перед самым уходом «постояльцы» порядком напились. Тот, что говорил по-русски, посмотрел на портрет и спрашивает:

— Ты — казак? Это твой портрет?

Хозяин ответил, что да, он донской казак и портрет его сделан в 1916 году, когда стал он полным георгиевским кавалером. «Сколько раз старуха мне говорила и в гражданку, и когда коллективизация была, и когда германец к нам подходил — сними портрет. А я не хотел. Нехай висит, он мне о моих делах напоминает, о моей военной службе. Мне сейчас под семьдесят, а ведь я такой же, как и вы, молодой был в первую империалистическую. Я эти кресты и медали кровью завоевал. Отдал я их, в фонд революции пожертвовал. А портрет нехай висит, чтобы деды и внуки видели, какой дед их был».

Пьяный фашист за этот портрет и уцепился, заорал, что старик — враг великой Германии, раз имеет столько наград, а за фюрера не воюет. «Почему же ты у красной сволочи остался? Сейчас мы тебя расстреляем!» — сказал он, прошептал что-то по-немецки трем другим, те загоготали: «Гут, гут», схватили старика, поставили под портретом и взяли автоматы. Отошли к противоположной стене, прицелились в старого казака, а потом по команде полоснули очередями чуть выше, по портрету. И так три раза.

А потом гитлеровец сказал:

— Ну, счастье твое, дед, что штаны не замочил. Мы так договорились: выдержишь испытание — живи, наделаешь в штаны от страха — расстреляем. Живи пока, но помни, вернемся обратно, еще поговорим по душам. СС ни черта, ни бога не боится. — С этими словами дали фашисты очередь по иконам и ушли...

— Вот как меня эсэсовцы расстреливали, — закончил хозяин. Я невольно выругался.

— А вы, товарищ капитан, поимейте в виду, почему-то немец невзлюбил нашу Кагальницкую.

— Это как же?

— А так, каждую ночь около 12 часов, надо думать, один и тот же бомбардировщик прилетает, отбомбится и до следующей ночи. То такую бомбу сбросит, что аж сразу пруд образуется, а то мелочью засыпает. Людей столько погибло. Фронт далеко ушел, а мы все воюем.

Войска нашего фронта продолжали успешно наступать. Особенно запомнился день 14 февраля, когда были освобождены от оккупантов Ворошиловград, Краснодар, Красный Сулин, а к исходу дня — и Ростов-на-Дону. Мое сидение в Кагальницкой закончилось, можно было приступить к выполнению задания.

Несколько дней спустя я писал родителям: «За последнее время насмотрелся на бесчинства фашистов, творившиеся ими на временно оккупированной территории, на то, какие страшные следы оставляют гитлеровцы при своем бегстве на запад. Сколько взорвано ими прекрасных зданий в городах, разграблено, разбито, сожжено станиц, расстреляно мирных жителей и военнопленных, убито в бессильной злобе скота, сожжено книг... Трудно перечислить даже малую часть их злодеяний, определить меру возмездия. Но оно теперь уже неотвратимо».

То, о чем я написал, в значительной мере навеяно было моим кратковременным пребыванием в Ростове-на-Дону.

Весь центр города лежал в руинах, подвергся планомерному разрушению. Страшное зрелище представляли стены — коробки, зиявшие пустыми глазницами оконных проемов, груды битого кирпича, валявшееся повсюду искореженное кровельное железо. Это уже были следы не войны, а разнузданного вандализма. Думалось, сколько же понадобится времени, сил и средств, чтобы возродить к жизни наши города, села, предприятия. Только вера в созидательную мощь нашего народа позволяла надеяться на то, что все это поднимется из руин.

18 февраля, когда войска Южного фронта с выходом на реку Миус завершили наступательную операцию на ростовском направлении, я прибыл на новый ВПУ.

Штаб фронта расположился на одной из окраин Новошахтинска, а вспомогательный пункт управления — в 60 километрах юго-западнее, в поселке Совет. Вот как я его описал в письме жене: «Здесь голо, кругом, насколько видит глаз, — черноземные степи, а деревушка такая с виду неприветливая — без садов, одни небольшие домики».

Чтобы не огорчать родных, промолчал еще об одном обстоятельстве, портившем в какой-то мере настроение: почему-то здесь на ВПУ резко ухудшилось питание: кроме овсяной каши на воде, нам ничего не давали. Даже в День Красной Армии, 23 февраля, мы получили ту же овсянку, которая уже и в горло не лезла. Добиться же толкового ответа на вопрос, почему это происходит, нам никак не удавалось.

24 февраля на ВПУ приехал новый командующий войсками фронта генерал Р.Я. Малиновский. Уныло сидели мы за завтраком в неуютной столовой, размазывая ненавистную кашу по тарелкам, когда дверь хаты отворилась и вошел генерал. Кто-то из старших по званию подал команду: «Встать!» Все вскочили. Родион Яковлевич поздоровался, разрешил сесть, спросил, что здесь находится. Узнав, что столовая офицерского состава ВПУ, поинтересовался, как нас кормят.

Мы дружно ответили, что кормят плохо, а майор, представитель оперативного отдела, совсем расхрабрился и брякнул:

— Ржать скоро будем, товарищ командующий.

— Это почему же ржать? — серьезно спросил у него генерал.

— Овсом закормили, товарищ командующий. Вот и вчера, в праздник, жевали овсянку и даже чарку за наши успехи поднять не смогли. Что же это за День Красной Армии без тоста за победу?

— Да, — согласился генерал Малиновский. — Как кормят, сам вижу. Разберусь.

И ушел. Мы в окно видели, что командующий заходил еще в несколько домиков, в некоторых ненадолго задерживался, видимо, вникал в работу различных служб вспомогательного пункта управления.

Выезжая на ВПУ, я в то же время оставался направлением. В период нашего пребывания в Совете наступление войск фронта приостановилось — сказались потери в боях, да и враг прочно засел на своих мощных оборонительных рубежах за рекой Миус. Далее его оборона располагалась тогда по реке Самбек до Азовского моря. Мне было выделено самое южное направление — от Матвеева Кургана до Азовского моря. В этой полосе действовали 57, 51 и 44-я армии.

В марте на нашем фронте было сравнительное затишье. Мы понимали, что ожесточенные сражения должны развернуться весной и летом. Но подготовка к битвам начинается задолго до их начала. Мы накапливали силы, накапливал силы и противник. Разведка сил и расположения противника не прекращалась у нас и во время затишья.

По замерзшему морю мы посылали нашу разведку в обход Таганрога с задачей установить, как охраняется побережье западнее Таганрога. Одетые в белые масккостюмы разведчики вышли на берег в нескольких километрах западнее Таганрога. Берег не был заминирован. Но огневые точки и рядом с ними блиндажи были построены. Разведчики ворвались в один из таких блиндажей. В нем оказались «власовцы». Оказалось, что немецких войск западнее Таганрога нет. Это были ценные сведения.

23 марта 1943 года мне исполнилось 29 лет. Случайно в этот день мне присвоили звание майора. Начальник отдела вечером зачитал мне приказ и сказал: «Поздравляю, товарищ майор».

Появились погоны. Это было так необычно. Когда одна из дивизий, наступавшая на Ростов, вошла в город уже в погонах, то некоторые жители решили: белогвардейцы приехали помогать Красной Армии в борьбе с немецкими захватчиками. В тылу все гонялись за фронтовыми погонами, а на фронте (первое время после того, как они появились) у нас, у молодежи, считалось особым шиком носить золотые погоны. Начальство это не поощряло, но первое время и не запрещало. У меня сохранилась именно такая фотография, с золотыми погонами.

В конце марта я был включен в состав комиссии, которая должна была проверить состояние боевой подготовки 44-й армии. Возглавлял эту группу подполковник Карапетян, мой бывший командир полка. Нашей группе было приказано проверить состояние боевой подготовки дивизии, занимавшей оборону на левом фланге армии на север от устья реки Самбек, впадающей в Азовское море восточнее Таганрога.

По своему национальному составу дивизия состояла в основном из азербайджанцев. Первое же знакомство с организацией разведки в дивизии убедило меня в том, что она находится на достаточно высоком уровне. Противник хорошо разведывался, на картах были четко нанесены оборонительные сооружения на его переднем крае. Вместе с НО-2 мы провели двое суток на переднем крае. Когда я впервые пошел окопам полного профиля, пошел не сгибаясь, потому что их глубина позволяла так ходить, когда увидел солдат, несущих службу наблюдения, когда находящиеся в окопах вскакивали и приветствовали меня, козыряя, я с радостью подумал: мы научились воевать, тяжелые два года не прошли даром, вот она, армия, о которой мечталось в начале войны.

Больше чем полдня мы провели на НП дивизии. Противоположный берег реки Самбек, занятый немцами, хорошо просматривался. Он казался безлюдным. НО-2 усмехнулся:

— Наши снайперы порядок навели.

Были мы свидетелями и работы снайперов. Хорошо просматривалась дорога, соединявшая два населенных пункта. В одном месте она проходила близко от переднего края обороны немцев. По ней на большой скорости, пригнувшись к рулю, ехал немецкий мотоциклист. Неожиданно он, взмахнув руками, рухнул назад. Пустой мотоцикл пролетел еще несколько метров и упал в кювет.

— Видели? Вот это работа! По всему видно — готов, — заметил НО-2.

После возвращения из командировки утром 4 апреля меня вызвал к себе начальник разведотдела. Я шел к нему и старался угадать цель вызова.

Полковник Белокуров встретил меня улыбкой и протянул листок бумаги:

— Читайте.

Прочитал и глазам не поверил:

«Командировочное предписание. Майор Сергеев Е.М. командирован по спецзаданию на ст. Кувандык Чкаловской области сроком на 10 дней, с ... по ... 1943 года. Просьба ко всем организациям оказывать содействие майору Сергееву.

Нач. штаба Южного фронта
генерал-майор (Варенников)».

Надо сказать, что официально я ни к кому не обращался с просьбой о предоставлении мне отпуска для встречи с родными, но в разговорах такую мечту высказывал. Несколько раз я неофициально обращался с просьбой к полковнику Белокурову дать мне возможность слетать к жене с дочерью, находившимся в эвакуации в Чкаловской области. Он отговаривался, что добираться туда сложно. Тогда я стал просить разрешение слетать в Москву к родителям. На это Белокуров соглашался более охотно. Но каждый раз под каким-либо предлогом поездка откладывалась. И вдруг мне вручают заветный документ! Перечитал его еще раз.

— Спасибо, товарищ полковник. Но здесь не указаны даты отъезда и возвращения. Когда я могу отправляться?

— А это от Вас зависит. Командованию фронта не совсем ясна обстановка на самбекском выступе (территория между реками Самбек и Миус. — *Е.С.*), расположенном в курируемой Вами полосе. Авиаразведка день за днем сообщает о движении в этом районе к линии фронта танков небольшими группами по 3 — 5 штук. Сразу возникает вопрос, почему они движутся в светлое время, а не ночью? Допустим, противник рассчитывает, что небольшие группы танков не привлекут к себе внимания. А вот куда же они деваются, эти танки, где концентрируются? Может быть, их так тщательно маскируют, что авиаразведка не может обнаружить? Однако не исключено, что ночью эти танки возвращаются обратно, а на следующий день все повторяется сначала. Гоняют их взад — вперед, создавая видимость, что с самбекского выступа готовится наступление. Словом, надо брать «языка». Поскольку дивизионная разведка медлит с решением этой важнейшей задачи, а здесь знают, что ранее, в 199-й стрелковой дивизии, Вы выполняли по совместительству обязанности начальника разведотделения, решили послать Вас для помощи в организации захвата «языка». Доставьте его в штаб фронта и поезжайте к семье.

В тот же день я прибыл в дивизию, занимавшую рубеж в междуречье Самбека и Миуса, и сразу же приступил к изучению обстановки применительно к полученному заданию. Капитан — начальник разведки соединения, детально ознакомив меня с характером оборонительных

сооружений противника на этом участке, доложил, что добыть «языка» в таких условиях практически невозможно, в чем он не раз уже убеждался лично. Действительно, обстановка была сложной. Перед своим передним краем гитлеровцы возвели сплошные заграждения из колючей проволоки в четыре ряда, установили большое количество противопехотных и противотанковых мин. По ночам над передним краем непрерывно взлетали осветительные ракеты, то и дело раздавались пулеметные очереди, а на нейтральной полосе не было и клочка не простреливаемого фашистами пространства.

Я заинтересовался организацией предыдущих неудавшихся попыток добыть «языка». Выяснилось, что все они строились в расчете на захват пленного из числа солдат, патрулировавших в траншеях, соединявших опорные пункты. Обычно разведчики вместе с саперами пытались осуществить захват пленного ночью, в предрассветные часы, но и при этом только несли напрасные потери.

— А вы не пробовали атаковать один из опорных пунктов? — спросил я капитана.

— Что вы! — удивился он. — Фашисты их создавали очень долго, оборудовали так, что не подступишься. Только людей ни за что положим.

— И все же, — возразил я, — этот вариант надо детально проработать. Ведь гитлеровцы уже привыкли к нападению на патрулей в траншее, все время настороже, ожидают опасности именно там. А в опорных пунктах они чувствуют себя спокойнее, особенно вечером. Вот из этого и будем исходить при планировании действий.

Целый день пробыл я на передовой, осматривал линию обороны немцев, разговаривал с бойцами и командирами, побывал на огневых позициях пушечной и минометной батарей и, наконец, в разведроте, где особенно подробно расспрашивал ее командира, командиров взводов, а также красноармейцев о том, как они ходили в разведку, что видели, какие у них есть предложения.

А когда стемнело, я вместе с начальником разведки и комбатом, на участке которого предполагалось организовать поиск, добрался до боевого охранения, скрытно расположившегося примерно у середины ничейной полосы. Посидели там, намечая пути дальнейшего продвижения, и вернулись в расположение своих войск. Чуть позже, когда решение окончательно созрело, я передал в штаб фронта телеграмму, в которой изложил план действий. Помимо поддержки артиллерийским и минометным огнем я просил с 22.00 до полуночи 5 апреля бомбить с помощью У-2 оборону врага в 1 — 2 километрах от ее переднего края без применения осветительных средств. Такое использование авиации я считал крайне важным. Бомбардировка позиций в тактической глубине обороны про-

тивника должна была отвлечь внимание гитлеровцев от событий, происходящих на нейтральной полосе, и резко снизить интенсивность ее освещения.

Вскоре пришел ответ, что предложенный план утвержден.

Утром в нескольких километрах от переднего края я собрал разведроту и группу выделенных саперов. Обозначили на местности передний край обороны противника и провели репетицию по заранее составленному плану. А заключался он в следующем.

Перед позициями нашего батальона находились три вражеских опорных пункта, расположенных примерно в 300 метрах один от другого. В каждом из них — до взвода солдат. Блиндажи соединялись глубокими ходами сообщения с дзотами, где были установлены не только пулеметы, но и малокалиберные орудия. Опорные пункты соединялись уже упоминавшейся глубокой траншеей, из которой патрули вели круглосуточное наблюдение за нашим передним краем.

В качестве объекта нападения я избрал средний опорный пункт, на котором передний край вражеской обороны как бы переламывался, вследствие чего оказать ему огневую поддержку могли только ближайшие его соседи.

Разведрота была разделена на четыре группы: первой группе — захвата, состоявшей из десяти человек, предстояло пройти через проход, проделанный саперами в минном поле и в колючей проволоке, забросать гранатами опорный пункт, ворваться в ближайший блиндаж, захватить одного или двух пленных и тут же отходить обратно. Вторая группа — прикрытия, возглавляемая заместителем командира разведывательной роты, должна была, находясь около прохода в заграждении, помогать группе захвата оторваться от противника и доставить пленных в наше расположение. Две последние — отвлекающие группы, расположившись перед соседними с атакуемым опорными пунктами, призваны были своим огнем отвлечь внимание противника от отходящих после завершения вылазки разведчиков. И наконец, артиллерийская и минометная батареи имели задачу подавить огневые точки всех трех опорных пунктов.

С выходом саперов и разведчиков на задание начальник разведки дивизии, командир разведроты, командиры батарей и я должны были находиться в расположении боевого охранения батальона, примерно в 200 метрах от противника. Поиск предполагалось начать в 22 часа, в момент прохода над нами самолетов У-2, при появлении которых гитлеровцы, как правило, прекращали пуск осветительных ракет, чтобы не демаскировать своего расположения.

Вначале все шло строго по задуманному. В 22 часа над заданным районом появились девушки «королевской авиации» — У-2. Работали они

превосходно: едва успевал отбомбиться один самолет, как уже слышался шум мотора другого. Получился своего рода непрерывный конвейер. Как мы и рассчитывали, гитлеровцы затаились, радуясь, очевидно, тому, что русские самолеты наносят удар не по важным объектам и не по переднему краю.

Мимо нас проползли саперы, за ними — разведчики. По всем расчетам, не позже чем в 23 часа на вражеском опорном пункте начнут рваться гранаты. Минуло расчетное время, а впереди — тишина, только отдаленный гул рвавшихся авиабомб. Связной, посланный для выяснения причин задержки, доложил, что разведчики залегли, а саперов он не нашел вообще. Поскольку ничего путного он больше сказать не мог, пришлось направить туда командира разведроты.

— Только быстро, — напутствовал я его. — В нашем распоряжении лишь двадцать минут: в полночь авиаторы прекращают бомбежку.

Через 15 минут грязный, запыхавшийся комроты докладывал:

— Разведчики лежат, потому что саперы куда-то делись. Не лезть же им на минное поле и на проволоку.

Что оставалось делать? Приказал дать сигнал отхода. Взвильсь ракеты, и мы оставили свою позицию.

На этом вылазка 5 апреля и закончилась. Я поехал в штаб армии и от туда связался с Белокуровым. Пришлось доложить о неудаче и просить опять выделить ночные бомбардировщики для аналогичных действий. Но уже с 22 часов 6-го до 3 часов 7 апреля.

В 10 часов я собрал всех участников неудавшейся операции. Выяснилось, что главными виновниками оказались саперы, сбившиеся в темноте с намеченного пути. Чтобы избежать повторного провала, провели еще более основательную репетицию. Проверили заодно и эффективность задуманного мною технического оснащения двух главных групп. К поясу одного из саперов привязали телефонный провод, катушка которого должна была остаться в боевом охранении. В группу прикрытия, возглавляемую теперь командиром разведроты, включили бойца с полевым телефоном, подсоединенным к линии, и обязали его держаться рядом с командиром. Если саперы остановятся, катушка перестанет вращаться, мы подключим к линии свой аппарат и командир разведроты, прикрывшись плащ-палаткой, коротко сообщит о причинах задержки. При тренировке связь сработала безотказно, а провод стал для группы прикрытия «путеводной нитью», придерживаясь которой бойцы точно выходили к подготовленным саперами переходам.

Снова мы в расположении боевого охранения батальона. На этот раз в окопе тесно, так как командиры батарей прибыли сюда с радистами, да еще к ним присоединился представитель штаба 51-й армии. Кое-как

все же разместились, но, главное, возросла опасность подшуметь, демаскировать ненароком себя и разведчиков.

Вот уже 22 часа, а мы отсиживаемся на местах: самолеты задерживаются, враг регулярно пускает осветительные ракеты. Наконец, в 22 часа 10 минут в небе раздалось характерное тарахтение мотора. Погасли надоевшие «свечки». Я дал команду приступить к работе.

Катушка со шнуром то неторопливо, то рывками разматывается. Значит, саперы и разведчики ползут вперед. Остановилась. Подключаем аппарат. Спрашиваю: «Ну как?» И отчетливо слышу: «Режут». Еще через полчаса ответ тот же: «Режут». Нервы напряжены до предела, но ничего изменить нельзя, надо терпеливо ждать. Поспешность, неаккуратность в действиях саперов могут сорвать выполнение задания.

В 23 часа 45 минут в районе опорного пункта противника словно бы полыхнули зарницы, и тут же донеслись хлопки рвавшихся гранат, автоматные и пулеметные очереди. Теперь трескотня доносилась и с флангов — это вступили в перестрелку бойцы отвлекающих групп. Тут же, видимо, стало не до маскировки, и гитлеровцы начали пускать осветительные ракеты. Спустя минуту загрели пулеметы опорного пункта, атакованного нашими разведчиками. Значит, их там уже нет, можно открывать артиллерийский и минометный огонь. Командиры батарей дали по радио команды. Всего в 200 — 250 метрах перед нами начали рваться мины и снаряды. Враг огрызнулся — завязались артиллерийская и минометная дуэли. По расчету времени наши группы, захвата и прикрытия, должны быть уже в относительной безопасности. Поэтому дали ракетами сигнал общего отхода и сами перебежками отступили к переднему краю обороны батальона. Над головой летели снаряды, пули. С облегчением перевел дух, спрыгнув в глубокую траншею.

Прошло еще 10 — 15 минут. И до сих пор не знаю, как уж там пилоты-ночники сумели разобраться в сложившейся на земле ситуации, но они перестали бомбить второстепенные объекты и принялись обрабатывать дзоты и огневые позиции на вражеской передовой. Не исключаю, что такой вариант их командованием предусматривался — ведь план наших действий был доложен в штаб фронта. Как бы то ни было, но подобное «вмешательство» в наши дела оказалось предельно полезным — огонь со стороны противника сразу ослабел, поскольку экипажи У-2 не только изнуряли врага ночными налетами, но и славились еще как мастера «точечного» бомбометания.

В темноте одна за другой появились две группы. Бойцы первой, возглавляемой командиром разведроты, спрыгнули в траншею, бережно спустили на плащ-палатке тело убитого разведчика. Вторая же привела столь желанного «языка» — низкорослого, щуплого ефрейтора с кляпом

во рту. Теперь эта мера предосторожности стала излишней. Разрешив вытащить кляп, я в сопровождении разведчиков повел пленного в штаб полка.

Еще по дороге узнал, как разворачивались события. А было так. Разведчики проползли по проходу в проволочных заграждениях и вскоре увидели светлую щель. Поняли: здесь дверь. Толкнули и бросили гранаты. Трое из находившихся в блиндаже фашистов были наповал убиты, а ефрейтора даже не поцарапало. Увидев наших бойцов, он поднял руки. Ему сунули кляп в рот и повели. Тут всполошившиеся фашисты повыскакивали из блиндажей, открыли огонь из всех видов стрелкового оружия. Тогда и погиб один из разведчиков.

В землянке штаба полка провели первый допрос. Полистав солдатские книжки — одну, изъятую у пленного, а другую, прихваченную разведчиками в блиндаже, — я увидел, что обе они принадлежали солдатам из батальона аэродромного обслуживания. Это уже показательно: на направлении предполагаемого наступления нестроевиков на передовую не ставят. Я рассчитывал, что попавший в плен ефрейтор со страху сразу будет отвечать на все вопросы. Но тот начал нести такую чепуху, что ни одного слова нельзя было принять за правду. Например, заявил, что его не взяли в плен, а что он сам сдался, так как с этой целью его направил Гитлер на фронт. Гитлер, дескать, сам был ефрейтором во время первой мировой войны, и поэтому важное государственное дело он поручил тоже ефрейтору. Ну, и все в таком же духе...

Наслушавшись этой ахины, я решил взять пленного в штаб армии. А там нас ждал сюрприз: оказывается, пока мы проводили, скажем прямо, весьма сложную акцию, здесь добыли «языка» без особых усилий — «поймали на живца», как пошутил один из причастных к этому командиров.

Той ночью в соседней с нами дивизии на молодого красноармейца, стоявшего на посту около блиндажа, было совершено нападение. По рассказу бойца перед ним, словно из-под земли, выросла фигура здорового гитлеровца с автоматом в руках. Часовой от неожиданности обмел и, услышав «Хендехох!», поднял руки, выронив винтовку.

Видимо решив, что безоружный противник — добыча верная, фашист жестом указал, куда нужно идти, и отступил в сторону, пропуская бойца вперед. Но красноармеец уже опомнился. Сделав шаг в указанном ему направлении, он бросился на гитлеровца, повалил его на землю и закричал во весь голос: «Тревога! В ружье!».

Из блиндажа с оружием в руках выскочили отдохавшие в нем бойцы, окружили двух барахтавшихся людей. Гитлеровец понял, что игра проиграна, отбросил в сторону автомат, которым так и не воспользовался,

понимая, конечно, что, открыв стрельбу, он живым отсюда не уйдет, и довольно внятно заявил: «Гитлер капут!».

Так он оказался в плену. Это был сорокапятилетний унтер-офицер, пехотинец, воевавший еще и в первую мировую. Видно, он боялся за свою дальнейшую судьбу и рассчитывал, что откровенность смягчит его участь, поэтому показания давал охотно. На вопрос, каким образом он проник в наше расположение, пленный ответил, что вечером его вызвал командир роты, приказал взять несколько солдат и любой ценой захватить русского. Унтер-офицер сказал, что лучше пойдет на задание один, ибо солдаты будут только создавать излишний шум. «Хорошо, приведете пленного — будете фельдфебелем», — пообещал ему командир. В подробностях проникновения гитлеровца в наше расположение предстояло разобраться работникам штаба дивизии, в обороне которой оказалось какое-то «окно». Я же, завершив допрос, собрал все материалы и уехал обратно в Новошахтинск.

Вернулся я в штаб фронта, доложил полковнику Белокурову обо всем, описанном выше. Выслушав меня, полковник достал из лежавшей на столе папки мое командировочное предписание, проставил в нем даты отъезда и возвращения, сказал, что могу выезжать хоть сейчас, и пожелал счастливого пути.

Пока я получал сухой паек и продовольственный аттестат, Гриша Зильбер связался со штабом 8-й воздушной армии, узнал, что как раз сегодня из Ростова отправляется самолет в Чкалов, договорился, что меня до Ростова подбросят на У-2. Вот эта дружеская помощь и дала мне возможность появиться на ростовском аэродроме, когда «мой» не приспособленный для перевозки пассажиров «воздушный грузовик» Р-6 уже выруливал на взлетную полосу. И как благодарен я был пилоту, который, заметив бежавшего наперерез его машине и отчаянно размахивавшего руками человека с вещмешком на плече, притормозил, дождался, пока тот заберется в фюзеляж, и лишь тогда снова порулил на старт. Тем пассажиром был, конечно, я.

В военных мемуарах, наверное, нет необходимости во всех подробностях рассказывать о событиях, подобных моей «спецкомандировке» в тыловой Кувандык, как бы ни были они дороги автору воспоминаний. К тому же из более чем двухнедельной тыловой жизни мне лишь пять суток посчастливилось провести с женой и дочкой. Остальные десять ушли на дорогу. Поэтому коротко останавлиюсь лишь на том, что особенно запечатлелось в памяти как грани, быть может, и не типичного тогда эпизода, но все же эпизода войны.

До места назначения добрался я на перекладных — самолетом и поездом — лишь на третьи сутки. Устаревший Р-6, на котором я вылетел

из Ростова-на-Дону в Чкалов, был забит офицерами, командированными в тыл с различными заданиями. Мне досталось узкое место в хвостовой части грузового отсека фюзеляжа с гофрированной дюралевой обшивкой. Пришлось сидеть прямо на полу, согнувшись в три погибели. А если прибавить к этому оглушительный рев моторов, вибрацию обшивки, изнуряющую болтанку, то трудно даже представить, что я не утратил при этом хорошего настроения. Когда почувствовал, что меня укачивает, стал петь вполголоса, чтобы не привлекать внимания попутчиков. Пел вплоть до посадки в Сталинграде. Этот отвлекающий прием, случайно пришедший в голову, помогал мне и потом. А тогда, выйдя из машины после посадки в Сталинграде, я выглядел куда бодрее, чем мои соседи по отсеку, в том числе и боевые пилоты.

К исходу следующего дня, сделав посадку в промежуточном аэропорту в Уральске, мы благополучно приземлились в Чкалове, а из него, скоротав ночь в донельзя изношенном, отапливаемом только дыханием пассажиров вагоне поезда, доехал до небольшого городка Кувандык, где в поселке «Лесосплава» и разыскал свою семью.

Не останавливаюсь на тех пулях пролетевших пяти дней, ибо ничего не смогу сказать такого, о чем не имел бы представления читатель, если и не по личному опыту желанных встреч после долгих разлук, то из книг, кинофильмов, спектаклей. Достаточно сказать, что когда шел по улице Кувандыка с вещмешком за плечами, за мной бежала целая ватага ребятшек: первый фронтовик, с орденами на гимнастерке, приехавший в этот поселок, казался им настоящим чудом.

Но время-то не остановишь. И вот уже 15 апреля снова шлю жене открытку: «Пока все идет хорошо. Сегодня рано утром приехал в Чкалов со всеми возможными удобствами. Правда, самолет придется менять, так как мой улетел еще 13 апреля. Но, к счастью, здесь оказался еще один попутный, и, если ничто не задержит, вылетим завтра утром».

Да, тот самый Р-6, на котором я добрался до Чкалова, улетел гораздо раньше, чем планировал экипаж. А мне предоставили возможность следовать дальше на новеньком двухмоторном комфортабельном самолете Як-6, прозванном авиаторами «дугласенком» и предназначенном, как мне сказали, для командующего фронтом.

16 апреля самолет поднялся в воздух и взял курс на Саратов. Полет с давно не испытанными удобствами доставил большое удовольствие. А вот в Саратове из-за ненастья засели накрепко. Шли день за днем, которые тянулись теперь невыносимо медленно, срок командировки истек, а метеослужба все держала нас на приколе. И только 21 апреля нам разрешили следовать дальше. При полете на восток мне из металлической коробки грузового самолета ничего не было видно. Теперь же на всем

маршруте я не отрывал взгляда от земли, любовался родной природой, по-новому воспринимал ее красоту с высоты птичьего полета.

Долетели до Сталинграда, и пилоты перед заходом на посадку сделали круг над городом. В то время я мог с закрытыми глазами перечислить все места боев в городе и его окрестностях. И вот они оказались видны с воздуха как на ладони: заводы, Мамаев курган, питомник и многое другое. То, что я увидел, потрясло до глубины души: под крылом медленно вращалась панорама, казалось, убитого огромного города. Такой страшной по размаху картины разрушения не увидишь с земли, где горизонт закрывают стены расположенных рядом домов. Развалины, отдельные коробки зданий и устремленные в небо, какobelisks, почти полностью сохранившиеся заводские и фабричные трубы, особенно рельефно выделявшиеся на фоне руин. Казалось, что эти трубы кричат: «Стойте, смотрите, что сделали фашистские громилы! Отомстите! Такое безнаказанным остаться не может!»

Когда самолет по пологой спирали спустился ниже, я, пристально взглядевшись, вдруг увидел, что город не убит, что он только тяжело ранен и уже живет — повсюду виднелись фигурки людей, возрождавших легендарный Сталинград. По некоторым расчищенным от завалов улицам уже бежали автомашины, сновали пешеходы. Да, можно превратить в прах камни и бетон, но нельзя убить, нельзя согнуть великий советский народ, сломить его волю к победе, к ставшему для него главной целью жизни созиданию. Восстанут из пепла разрушенные города, еще краше, чем раньше, будет героический Сталинград!

Поскольку в Сталинграде пилоты «дугласенка» задерживались, мне пришлось сделать очередную пересадку в выдавший виды двухместный П-5 и наконец-то на его деревянно-перкалевом борту добраться до Ростова. А там-то уж попутная автомашина и мотоцикл плюс собственные ноги доставили меня в штаб фронта в Новошахтинск. Последний отрезок пути от города Шахты в Новошахтинск самым причудливым образом едва не оказался для меня роковым. А ведь это, что ни говори, совсем не на передовой.

Торопясь попасть в штаб фронта, я попросил старшего на контрольно-пропускном пункте на выезде из города Шахты посадить меня на любой транспорт, следующий в Новошахтинск. Первым попавшимся оказался мотоцикл с коляской.

— Да, пожалуйста, товарищ майор, — вроде бы обрадовался попутчику водитель. — Мигом доедем, не сомневайтесь, прокачу с ветерком.

Что касается ветерка, то мотоциклист слово сдержал — газовал лихо, несмотря на сгустившуюся темноту и неважную дорогу. А в остальном оказался далеко не мастером своего дела. Пересекая железную дорогу,

он не попал на положенные там доски. Коляска ударилась днищем о рельс, с хрустом отвалилась от мотоцикла и осталась лежать боком на шпалах. Я с удивлением убедился, что остался цел и невредим. Как ни странно, но мотоциклист удержался в седле.

Затратив с полчаса на освобождение мотоцикла от покореженной подвесной системы и затащив с моей помощью коляску в стоявшую у железнодорожного переезда будку, неунывающий водитель бодро заявил:

— Ничего, товарищ майор, что ни делается — все к лучшему. Без коляски скорее доедем. Садитесь сзади и держитесь за мои плечи.

Поехали. Опять с ветерком. И буквально через несколько минут не вписались в крутой поворот дороги, рухнули в кювет. Теперь мы оба вылетели из седел мотоцикла. Не знаю уж, что спасло водителя, а меня выручил висевший за плечами вещевой мешок с бельем, который смягчил удар головой о кромку кювета. Но поднялся на ноги я уже с трудом — ушиб оказался достаточно чувствительным.

— Товарищ майор, — раздался голос мотоциклиста. — Помогите вытащить машину из кювета. Я ее только проверю, и махнем до места.

Помочь-то я помог, а вот ехать дальше что-то расхотелось. Когда я встал на ноги, перед моими глазами оказался километровый столб с цифрой «21». Это, как я понял, означало — 21 километр до Новошахтинска.

— Мотоцикл можешь проверять сколько хочешь, но поедешь дальше один — я лучше пешечком прогуляюсь. Прямо скажу — боюсь с тобой ехать, на третий раз обязательно убьемся. Так что будь здоров!

Сам удивился, как легко по холодку прошагал я эти два десятка километров, хотя и саднило в боку изрядно после кульбитов с мотоцикла. Одно утешало: дешево отделался!

Вернулся я в штаб Южного фронта с опозданием в несколько дней. Гриша Зильбер успокаивал: «Никто на это даже внимания не обратит». Прогноз Гриши оправдался. Полковник Белокуров, выслушав мой рапорт о возвращении и о причинах опоздания, сказал, что пешком ведь от Кувандыка до Новошахтинска не дойдешь, а попутные самолеты — самый ненадежный вид транспорта, и добавил, что мне надо немедленно приступить к исполнению своих обязанностей.

Отчитался за поездку и засел за работу. Несмотря на перегрузку, выбрал время, чтобы написать жене письмо: «Добрался до места прекрасно, если не считать некоторой задержки в пути. Сразу с головой окунулся в дела, которых меньше за время моего отсутствия, увы, не стало. Не обижайся, но оказывается, что соскучиться по делу можно не меньше, чем по дому».

Май сорок третьего мало сохранился в памяти. Приемка разведдосмотров, составление разведсводки, передача ее в Москву. И так изо дня в день. Радовали только письма. 17 мая был для меня особенно радостным днем — я получил письмо от Петра Сироткина, у нас с ним снова установилась переписка.

В конце мая меня вызвал к себе полковник Белокуров и сообщил, что по приказу Сталина в разведотделах штабов фронтов создаются новые отделения — авиаразведки. Они будут укомплектованы общевойсковыми командирами. Авиаразведку будут по-прежнему вести воздушные армии, но их разведывательные авиаполки будут находиться в оперативном подчинении этих новых отделений. Командиры отделений авиаразведки должны будут вести наблюдения с самолетов и оценивать действия противника.

— Согласны стать старшим помощником начальника этого нового отделения? Начальника пришлют из Москвы. Дело добровольное. Когда сможете дать ответ?

— Сейчас, товарищ полковник. Я согласен.

Честно говоря, мне всегда было по душе живое общение с людьми, смена ситуаций, решение каких-то новых вопросов, притом, чем они казались сложнее, тем вызывали больший интерес и стремление довести дело до логического конца. Так что, когда мне предложили новую должность и разъяснили, чем придется заниматься, я, не задумываясь, дал свое согласие.

Так я связал судьбу с авиацией, но, как оказалось, ненадолго.

Глава 17

Южный фронт. Ранение

Я получил новое назначение на должность старшего помощника начальника авиаразведки штаба фронта. Назначение начальника почему-то задерживалось, и мне пришлось немедленно приступить к исполнению его обязанностей. И первое же задание, которое пришлось выполнять, оказалось для меня крайне интересным: для решения некоторых вопросов я выезжал в дальний разведывательный авиационный полк, входивший в состав 8-й воздушной армии и укомплектованный самыми современными по тому времени самолетами Пе-2. Выяснилось, что в прямом подчинении отделения находятся два самолета У-2, стоящие на окраине Новошахтинска.

Командиром полка оказался полковник значительно старше меня по возрасту. Встретил он меня немного иронически. Его, по-видимому, раздражало, что в некотором отношении он оказался в подчинении у общевойскового майора, который раньше никакого отношения к авиации не имел.

Как я полагал, от первой встречи с командиром части зависело многое, и прежде всего то, как сложатся наши отношения. Мне кажется, я нашел правильный тон в разговоре, откровенно рассказав полковнику, что хотя мне и приходилось заниматься разведкой, но не так уж много смыслом в специфике авиаразведки, с которой, коли уж я сюда прибыл, просил бы меня ознакомить. Такой характер разговора все и решил.

Выслушав меня, полковник заметно «оттаял», сказал вполне доброжелательно:

— Не волнуйся, майор, не боги горшки обжигают. Раз тебе поручили в это вникнуть, то поможем. Я так полагаю, что чем больше работники штаба фронта знают о деятельности частей и подразделений, тем лучше для всех. Так что выясняй все, что необходимо, секретов держать не

будем. Мне кажется, что поработаем с пользой для дела. Только прошу тебя на первых порах не ставь нам никаких задач, предварительно не посоветовавшись со мной. Ты ведь технических возможностей наших самолетов не знаешь и летный состав тоже. А все это надо учитывать при постановке задачи на авиаразведку. Тебе виднее, что надо, а мне — что можно. Вот и будем решать вместе.

Действительно, полковник очень обстоятельно и доходчиво ответил на все мои вопросы. Беседа оказалась весьма для меня интересной. Но когда я высказал пожелание в составе экипажа Пе-2 слетать на воздушную разведку, полковник ответил решительным отказом, сославшись на то, что «Петляков» — это бомбардировщик, рассчитанный на экипаж из трех человек: командира, штурмана и стрелка-радиста. На место любого из них можно посадить только такого же высококвалифицированного специалиста, особенно если речь идет о разведывательных полетах, где только профессиональное мастерство каждого авиатора и четкое взаимодействие всех членов экипажа обеспечивают выполнение сложных задач.

— Если уж так рвешься в небо, — заключил командир полка, — летай на У-2: небось для работника штаба фронта организовать вылет на нем не проблема. Машина тоже именитая — на ней все, даже великие сейчас, летчики начинали. А на самолеты моего полка не рассчитывай. Я же объяснил тебе, что это не просто невозможно, но и нелогично, может только нанести ущерб делу.

Поскольку контраргументов я не нашел, та встреча на том и закончилась.

Мне и позже доводилось бывать в этом полку, беседовать с командирами, пилотами, штурманами, знакомиться с оборудованием кабин самолета. А вот полетать на Пе-2 командир полка так мне и не разрешил. Наверное, он все-таки был прав. После знакомства с деятельностью воздушных разведчиков я и сам убедился, как важна в их чрезвычайно сложной и опасной работе сработанность членов экипажей. А занимались они делом огромной важности и весьма успешно. Мне хотелось заглянуть поглубже в тыл к немцам, выяснить, где идет переброска войск у противника. Но полковник доказывал, что слишком далеко разведку пускать нельзя. Все же за относительно короткий срок экипажи полка разведали основные железнодорожные узлы и представлявшие для нашего командования интерес многие крупные населенные пункты Донбасса. Это по данным, полученным воздушными разведчиками, в штабе сложилось впечатление, что в полосе нашего фронта противник к крупным наступательным операциям не готовился, что впоследствии и подтвердилось. Так что дело свое они знали хорошо.

Новая моя работа действительно оказалась очень живой, динамичной, а главное, творческой, заставлявшей непрерывно что-то продумывать, искать новые решения. Все это было близко по духу к тому, что я впитал в стенах университета, готовя себя к научной работе. Кстати, и с университетом у меня тогда наладилась наконец переписка. Одним из самых волнующих стало письмо от товарищей по МГУ, в котором сообщалось, что Комитет по делам высшей школы сохранил за мной Сталинскую стипендию. Вот ведь даже о чем не забывали люди в ходе такой жестокой войны! Хотелось, чтобы меня поняли правильно: радуясь этому, в общем-то, любого человека взволновавшему бы сообщению, я все же в тот момент не очень ясно представлял, сыграет ли оно когда-нибудь какую-нибудь роль в моей жизни. Ибо главным, определявшим все остальное, была война.

Несмотря на систематические поездки в войска, отнимавшие немало времени, я стал почти нормально отдыхать, чаще писать в Москву и Кувандык. 25 июня сообщил жене об одном событии, которое, как окажется, будет иметь неожиданное продолжение. Вот выдержка из письма: «Вчера в городе буквально столкнулся со Степаном Андреенком, о котором ты слышала от меня, но не как о майоре, которым он вдруг предстал передо мною, а как о вожаке комсомольской организации биологического факультета МГУ. Представляешь — это один из немногих университетских товарищей, встреченных мною здесь за два года пребывания на фронте! Работать будем почти рядом, найдем возможность при встречах вспомнить далекие и такие близкие студенческие годы...»

24 июня, после обеда, я шел по улице Новошахтинска из столовой в расположение своего разведотдела. Выглядел я тогда щеголевато. Новые хромовые сапоги, гимнастерка из английской шерсти, золотые погоны и лихо сдвинутая пилотка. Охрана из комендантской роты меня знала в лицо, и я не предъявлял документов, выходя и входя в расположение штаба фронта. Так было и на этот раз. Проходя, я только отметил про себя, что у какого-то военного тщательно проверяют документы. Он стоял ко мне спиной. Бросился в глаза вещмешок за плечами, довольно потрепанная шинель и запыленные сапоги. Я прошел несколько шагов, когда меня остановил оклик:

— Товарищ майор, к Вам в разведотдел новый майор приехал.

Я обернулся.

— Андреенок!

— Сергеев! Вот не ожидал, что встречу здесь знакомых.

Мы оба обрадовались друг другу.

— Ну и помучился я, прежде чем Вас нашел. Никто не знает, где штаб Южного фронта находится. Две недели еду от Калининского фронта к

Южному. Как я рад, что наконец-то добрался. Сейчас где-нибудь надо помыться, побриться и идти представляться начальству.

— Идем сейчас ко мне. Приведешь себя в порядок. Отпразднуем твой приезд. А завтра утром представишься начальству. Кстати, недавно к нам прибыл новый начальник разведотдела — полковник Герценштейн.

Степан Сидорович Андреенок специализировался по организации агентурной разведки и в соответствии с этим ему надлежало отправиться во 2-е отделение нашего разведотдела, располагавшееся тогда в Ростове-на-Дону. Выезд был назначен на 28 июня, а поскольку от нас никакой оказии не предвиделось, то добираться ему пришлось бы случайным попутным транспортом. Вспомнил я свою «спецкомандировку» в Кувандык и особенно езду с ветерком на мотоцикле и, откровенно говоря, пожалел товарища. Но чем я мог ему помочь?

Однако недаром говорят, что на ловца и зверь бежит. Вечером 27 июня я получил задание вылететь утром на одном из приданных штабу фронта самолетов У-2, базировавшихся у окраины Новошахтинска, и проконтролировать, надежно ли укрыты от вражеского наблюдения наши оборонительные объекты, пункты дислокации войск. Когда я уточнил маршрут полета, увидел, что он пролегает неподалеку от расположения штаба 347-й стрелковой дивизии, в полосе которой мне довелось недавно организовывать добычу «языка». С тех пор я несколько раз пытался добраться туда, но все не представлялось случая.

А дело в том, что, ползая там по передовой, я повредил наградные часы. Увидев мое огорчение, кто-то подсказал, что в штабе соединения есть замечательный часовщик и он мигом их исправит. Часы я ему передал, но получить тогда не успел. Теперь же возникла возможность вернуть дорогу для меня реликвию, если, конечно, разрешат отклониться от маршрута и выполнить посадку рядом со штабом дивизии. А предварительно можно было бы отправить самолетом в Ростов Степана Андреенка, избавив его тем самым от дорожных осложнений.

Выслушав мою просьбу, начальник отдела подошел к висевшей на стене карте, упер кончик карандаша в точку, где находился штаб 347-й стрелковой дивизии, и задумчиво посмотрел на змеившуюся рядом с ней полосу линии фронта. Неужели откажет?

— Ну ладно, — произнес он наконец. — Именные часы от командующего фронтом — это награда, а значит, должна быть при Вас. Однако помните, что над прифронтовой полосой шныряют «мессершмитты», поэтому летите только на малой высоте. Рисковать категорически запрещаю.

Рано утром мы со Степаном подъехали к стоянке самолетов. Пилот одного из У-2 — молодой лейтенант, награжденный орденом Красного

Знамени, как я уже знал, за полеты в тыл врага на связь с партизанами, — доложил, что машина готова, спросил, какое будем выполнять задание.

Я ответил, что надо доставить майора Андреенко в Ростов и вернуться обратно, после чего слетаем к линии фронта. Андреенко сел в кабину самолета, техник крутанул винт, и через минуту У-2 взял курс на Ростов.

Был ясный, солнечный день, на небе — ни облачка. И только тут я ощутил реальность того, что в предшествовавших разговорах казалось абстракцией, — в такую погоду «мессершмитты» наверняка кружатся в районе Ростова и обнаружить У-2, даже летевший на малой высоте, когда от него бежала по земле черная тень, совсем нетрудно. Что, если я своего товарища на смерть послал?

Как я мог так легкомысленно поступить? Да и начальнику ничего об этом вылете не сказал...

Прилег я на травку под крылом оставшегося У-2, разговорился с авиатехником о разном, а мысли все вокруг опрометчивого поступка вертелись, и на душе лежало какое-то нехорошее предчувствие. Тревога еще больше возросла, после того как истекло ожидаемое время возвращения самолета. Теперь уже каждая минута тянулась мучительно долго. А тут еще разгулялся ветер, под его порывами вздрагивал и жалобно поскрипывал привязанный к специальным «штопорам» выдавший виды У-2. Что и говорить, музыка — как раз по настроению!

— Что-то нет самолета. Как думаешь?

— Прилетит, куда ему деться, — беззаботно ответил техник.

И действительно, самолет прилетел. Но прилетел с опозданием примерно часа на два против расчетного времени.

— Все в порядке, товарищ майор. Долетели хорошо. Майор просил передать Вам свою благодарность, — как ни в чем не бывало доложил лейтенант.

— Что ж так долго?

— Да пока заправился. Нам ведь с Вами еще лететь надо, а с полным баком спокойнее. Ну и, честно говоря, позавтракал — у них там харч получше нашего, только вот обслуживают долго. Пиво там было очень хорошее. Хотел Вам захватить, да не во что. Зато теперь можно отправляться хоть на край света. Ну как, летим, товарищ майор?

А мне лететь уже расхотелось: очень перенервничал, как говорят, перегорел. И еще это предчувствие беды. Но об этом не скажешь, поэтому я выразил сомнение в целесообразности полета при таком сильном ветре.

— Ну что нам ветер? Это пустяки, справимся. Вы не бойтесь, все будет отлично.

Не скажи лейтенант «не бойтесь», я, пожалуй, все-таки не полетел бы. Но после этого выбора уже не было.

— При чем тут не бойтесь? Задание не такое срочное, поэтому у меня и возникло сомнение, тем более что дел и здесь хватает. Вы же сами проканителелись в Ростове, вот и вышел я из своего графика. Но Вы, пожалуй, правы: раз решили лететь сегодня, значит, летим. Дайте Вашу карту!

Я показал лейтенанту место, где мы должны были приземлиться. На прокладку маршрута ему понадобилось несколько минут, и вот мы уже в воздухе...

Еще перед вылетом я уговорил пилота вести машину не «впритирку» к земле, а по возможности повыше, чтобы иметь лучший обзор. Он пообещал так и сделать, но, в свою очередь, попросил внимательно следить за задней полусферой, чтобы избежать атаки «мессершмитта»-охотника. Так что в полете я усердно крутил головой, стараясь разглядеть все на земле и в воздухе.

Вот по расчету времени должны подлетать к нашему запасному оборонительному рубежу. Увижу ли я его? К сожалению, не только увидел, но даже определил, что на нем продолжают работы. Нанес на карту то, что заметил. Надо будет обязательно доложить руководству о плохой маскировке рубежа — ведь вражеский воздушный разведчик-профессионал без особого труда мог обнаружить то же, что увидел и я. Маскировку необходимо улучшить, а может быть, и создать ложные позиции.

Самолет сильно швыряло; я вспомнил проверенный способ: чтобы «не укачаться», надо петь. Откуда-то всплыл в памяти и мотив «Орленка». Слов я не помнил и поэтому повторял без конца одну и ту же фразу: «Не хочется думать о смерти, поверь мне, в семнадцать мальчишеских лет».

Продолжая наблюдение, я заметил в одном из поселков наши танки, автомашины, повозки. Меня, естественно, не радовали такого рода открытия — ведь беспечность, пренебрежение элементарными правилами маскировки живой силы и боевой техники оплачивались на войне дорогой ценой. Пока наносил новый объект на карту, а попросту — обводил его кружочком, немного отвлекся от всего остального.

Два «мессершмитта» справа возникли так неожиданно, словно проявились на чистой до этого, но экспонированной фотопластинке. Я, как уговорились, немедленно хлопнул летчика по правому плечу и, когда он обернулся, указал в сторону «худых», как их звали наши авиаторы. Пилот кивнул головой и резко бросил машину в левый разворот со снижением. Меня так придавило к сиденью и борту кабины, что стало не до наблюдений, а пилот, переложив У-2 в правый крен, вывел его на

малую высоту и повел бредущим или стригушим — в этих тонкостях я так до конца и не разобрался — вдоль какой-то балки, видимо, в расчете нырнуть в нее, если возникнет необходимость.

Снова обретая способность к наблюдению, осмотрелся: «мессеров» не видно, наверное, не заметили нас. Но где же мы находимся? Летчика не спросишь, для этого пришлось бы расстегивать замок привязных ремней. Внимательнее взгляделся в пролетаемую местность. В отдалении слева проплыл какой-то населенный пункт. Сличил его с картой: так ведь это село Курлацкое! Значит, мы — над нейтральной полосой, сейчас залетим к немцам! Дотянулся рукой до пилота, хлопнул по плечу. Жестом показал: «Разворачивай машину на 180°!» И тут...

Около самолета пронеслась светящаяся трасса малокалиберных снарядов. Под сиденьем что-то звонко треснуло, левую ногу дернуло словно бы сильным электрическим разрядом. Мелькнула мысль, что, наверное, снаряд угодил в магнето, произошло короткое замыкание и искра попала в ногу. А летчик уже развернул машину на восток и вел ее, едва не касаясь колесами земли. Обстрел прекратился, под нами наверняка расположение советских войск. Теперь можно посмотреть, что там случилось с ногой.

Руками подтянул ногу вверх и увидел невероятное: стопы нет, из-под словно бы отрезанного голенища сапога свисают сухожилия, ручейками льется кровь... Значит, в ногу попала не какая-то искра, а осколок снаряда оторвал стопу с частью голени!

Я снова хлопнул пилота по плечу, показал на землю: «Садись!» Видимо, по выражению моего лица пилот понял, что действительно надо садиться. Он довернул машину, убрал газ, и немного времени спустя самолет уже катился по полю, подпрыгивая на неровностях. Сели.

— Что случилось, товарищ майор?

— Ногу оторвало.

— А у меня тоже несколько осколков в пояснице сидит, но, похоже, неглубоко.

Он с трудом вылез из кабины и направился к проходившей неподалеку дороге, по которой медленно двигалась повозка. Я же решил прежде всего остановить кровотечение. Снял поясной ремень, обвязал им ногу выше колена и закрутил с помощью пистолета. Получился довольно плотный жгут. Когда кровотечение прекратилось, я на одной ноге выбрался из кабины на крыло, а с него съехал на землю.

Было странно и страшно смотреть на изуродованную ногу, на обрывки сухожилий и при этом не чувствовать никакой физической боли. Тем временем пилот перехватил на дороге и подогнал к самолету повозку. Вместе с возницей усадили меня на нее, вывезли на большак. Долго бы

трястись мне на конном транспорте, но вскоре к нам подъехал «виллис». В нем сидел подполковник — начальник политотдела той самой дивизии, в которую я так и не долетел. Он пересадил меня в машину и приказал шоферу гнать в медсанбат. Оказалось, что с КП дивизии видели все происшедшее с нами и подполковник выехал специально на помощь.

— Сейчас я доставлю вас в медсанбат. Там помогут.

— Спасибо. Сколько раз был в бою и под бомбежками. Сто раз могли убить, но чтобы так глупо ранили! Если бы раньше сказали, никогда не поверил бы.

— Глупых и умных ранений не бывает. Сделают вам протез, майор, и будете еще танцевать.

Ехали мы по пыльной дороге. К сожалению, ни у кого из нас не оказалось перевязочных средств. На припекаемую солнцем открытую рану садилась поднятая «виллисом» пыль, и ее края чернели на глазах. Невольно подумалось, как бы не произошло заражение крови, о последствиях которого я достаточно был наслышан. А боли не было.

Когда добрались до поселка Водяной, где размещался медсанбат 347-й стрелковой дивизии, выяснилось, что он убыл к месту новой дислокации соединения. Но сюда уже приехали два хирурга из состава 228-го отдельного медико-санитарного батальона 151-й стрелковой дивизии и как раз готовились оперировать двух бойцов, раненных осколками мин, пешком пришедших с передовой. Поскольку ранения у них были легкими, меня буквально с ходу уложили на операционный стол, промыли, обработали рану, наложили на нее повязку и сделали какие-то уколы. А боль все не появлялась, и это уже начало беспокоить своей необъяснимостью. Рядом со мной в комнате на соломенных матрацах, уложенных прямо на полу, находились еще человек десять раненых. Многие из них стонали. А мне не было больно.

Но вот к утру нога разболелась, и по-настоящему. Не произойди этого, увезли бы меня на прибывшей из штаба фронта автомашине, отправили бы в тыловой госпиталь, на что требовалось определенное время. А оно, как оказалось, было уже на вес золота. Когда боль разгулялась вовсю, меня перенесли в соседний домик, где размещались операционная и перевязочная. Разбинтовали ногу. Взглянув на нее, подполковник медицинской службы нахмурился, я сразу почувствовал неладное, приподнялся и увидел, что нога неузнаваемо опухла, покраснела, на ней четко выделялись синие пятна. Понял, что дела мои плохи...

Подполковник сказал, произнося слова с заметным грузинским акцентом:

— Придется, товарищ майор, подрезать ногу для пользы вашего здоровья.

- Режьте сколько надо, только одним разом.
- Все будет хорошо.

Оперировали меня в полдень 29 июня. Подошли два санитаря. Один стал держать ноги, другой — руки. Медсестра положила на лицо большой кусок ваты, пропитанный эфиром. Эфир потек по лицу, попал в рот, стал жечь во рту. Говорить не могу. Хотел показать рукой на рот, но только шевельнулся, еще крепче навалился на нее санитар. Подумал: «делайте, что хотите». Вдохнул глубоко два-три раза и больше ничего не помню.

А очнувшись после наркоза, на следующий день, часов в пять утра, я увидел, что лежу в незнакомой комнате на деревянной кровати под лоскутным одеялом, а рядом, на коротком и узком диванчике, поджав ноги и подложив под голову планшетку, спит оперировавший меня подполковник. Отдыхал он чутко, как, вероятно, отдыхают у постели больного все те, кто пришел в медицину по велению сердца.

Потихоньку откинул одеяло и удивился. Я был уверен, что ногу мне отнимут выше колена, а оказалось, что колено сохранено, да и голени осталось две трети. Боль сильная.

Подполковник, как только я завозился, встал.

- Как дела, майор?
- Спасибо. Чувствую себя неплохо. Но вот только нога болит.

Подполковник сильно сжал ногу выше колена:

- Здесь больно?
- Нет, ниже колена, — ответил я.

— Тогда все в порядке. Ниже колена мы сделали глубокие продольные разрезы, чтобы дать выход инфекции. Хорошо, что Вы никуда не поехали, делали операцию здесь. Успели захватить газовую гангрену в самом начале ее развития. Еще бы полтора-два часа промедления, и было бы плохо. А теперь наберитесь терпения: сделают Вам протез, и вернетесь Вы к нормальной активной жизни, к семье, к любимому делу. Ну, а мне пора идти к другим раненым. До свидания.

- Спасибо, доктор.

На том мы расстались. Больше я никогда его не видел. И сколько потом раз я ругал себя за то, что не спросил, не запомнил фамилию человека, спасшего мне жизнь. Только спустя десятилетия начал его искать. Чтобы узнать фамилию подполковника, пришлось обратиться в архив Военно-медицинского музея Министерства обороны СССР и Центральный архив МО СССР. Благодаря их помощи я теперь точно знаю, что это был старший хирург 228 ОМСБ подполковник Чанкветадзе Андрей Мелитонович, который прослужил в Советской Армии до 1961 года и после этого уехал в Тбилиси. Я обратился к своему другу Д.В. Чхеидзе с

просьбой выяснить судьбу этого прекрасного хирурга и человека. Ответ пришел очень быстро, но, к сожалению, был печальным: А.М. Чанкветадзе скончался в 1964 году в возрасте 56 лет. Его семья любезно передала мне несколько его фотографий. Трудно узнать на них молодого подполковника, оперировавшего меня в 1943 году. Но это, безусловно, он. Списавшись с его семьей, я узнал, что его жена, Елена Макаровна, будучи в те памятные годы медсестрой 228-го ОМСБ, помогала Андрею Мелитоновичу во всех операциях и, как оперировали мне ногу, запомнила. К сожалению, сейчас ушла из жизни и она.

А тогда другая сестра, совсем еще девочка, пришла ко мне с лекарствами и в своей ребячьей неопытности стала рассказывать:

— Товарищ майор, хорошо что Вы очнулись. А мы думали, что Вы умрете во время операции. У Вас дыхание остановилось и Вы стали синий-синий. Подполковник сказал, что это потому, что Вам пришлось дать наркоз в состоянии сильного шока (она особенно четко и даже с удовольствием, что может повторить такие умные слова произнесла «состояние сильного шока»). Подполковник заставил Вам искусственное дыхание делать. И мы руками вашими двигали, двигали, пока Вы вздохнули. Дышите, а в себя не приходите. Подполковник сказал «Ничего, несите его ко мне, очнется». Это Вы на его постели лежите. Вот и очнулись. Хорошо, что не умерли, не зря мы старались.

Сколько же спасли жизней, сколько раненых вернули в строй, в души скольких растерявшихся под жестокими ударами судьбы воинов вдохнули веру в их силы и возможности, в достойное человека будущее наши фронтовые медики. Одним из таких был Андрей Мелитонович Чанкветадзе.

Поскольку опасность миновала, меня в тот же день на грузовой автомашине вместе с другими ранеными отправили в Ростов-на-Дону. При оформлении документов перед отъездом мне не вернули пистолет.

— Товарищ майор, пистолет вы получали на общих основаниях или он является наградным?

Я понял, что его отдавать мне не собираются.

— Это подарок начальника штаба полка в сорок первом году, — попробовал я его отстоять. Понимал, вряд ли мне будет нужен пистолет, а расставаться с ним было жалко.

— Но приказ о награждении был?

— Нет, не было.

— Тогда мы не можем вам его вернуть. Оружие мы обязаны сдавать.

Все верно. А жалко было расставаться с пистолетом. Несколько раз спасал он мне жизнь. Последний раз — когда я накручивал жгут на ноге, чтобы остановить кровотечение после ранения.

И тогда только я впервые со всей очевидностью осознал, что я инвалид и не вернусь в боевой строй, с которым еще недавно собирался связать свою дальнейшую жизнь. Могу заверить, что по эмоциональному воздействию расставание с личным оружием значительно сильнее, чем его получение, считавшееся на фронте само собой разумеющимся.

Погрузили меня вместе с другими ранеными на грузовую машину. Теперь, после операции, путь от Водяного до Ростова — какие-нибудь 70 — 80 километров — оказался трудным. Как ни старался шофер вести машину поаккуратнее, но фронтовая дорога оставалась таковой. Машину сильно бросало. Раненые невольно ругались. Больно было и мне, но я этому даже радовался: «Больно — значит шока больше нет». Что такое «шок», я в общем-то не знал, но со слов сестрички понял, что «шок» это плохо.

К вечеру мы приехали в Ростов-на-Дону. Госпиталь находился в подвальном помещении. Очень скоро меня навестил Степан Андреенко. Пришел взволнованный. Расспрашивал о самочувствии. Старался подбодрить. Вот с этого момента и началась наша большая дружба, которую мы пронесли через всю жизнь.

В ростовском госпитале пробыл недолго, но там наконец-то решился написать письмо родителям. Совсем умолчать о ранении было нельзя, но не хотелось сразу раскрывать всю правду — ведь она могла бы показаться сознательно преуменьшенной ради того, чтобы скрыть что-то более серьезное. Поэтому, сообщив, что при полете около линии фронта вражеская пуля задела мне ногу, что в настоящее время нахожусь в госпитале и рана постепенно заживает, я перешел к другим новостям: «Здесь меня навещает бывший однокашник по МГУ Степан Андреенко, проявляющий прямо-таки трогательную, а главное, очень искреннюю заботу. Последняя особенно дорога, когда человек в беде. Вот почему я думаю, что у меня со Степаном сложится хорошая, прочная дружба». Аналогичное письмо я отправил и жене. Точными в тех письмах были только строки, посвященные Степану Сидоровичу Андреенко: мы действительно крепко и навсегда подружились. А вот относительно заживления раны дело обстояло неважно: шли дни, менялись лечебные учреждения, пейзажи за окнами палат, а систематические мучительные перевязки продолжались.

5 июля из Ростова санитарный поезд доставил меня в город Зерновой (ныне Зерноград). Здесь я попал к врачу Нине Антоновне Чумаковой, которую вспоминаю с глубокой благодарностью. Относилась она к раненым не только как врач, а как любящая старшая сестра или мать.

Между тем положение у меня было довольно тяжелым, температура поднималась за 38°. Оказались мучительными перевязки. Продольные

разрезы на ноге, спасшие колено, были глубокими и большими. В них закладывалась марля, которую при перевязках меняли, отрывая прямо от живого мяса. Боль при этом была жестокой, и так каждый третий день. Но по сравнению с другими ранеными, хотя я и считался «тяжелым», это было терпимо.

В перевязочной стояли два стола. Один раз, когда мне делали перевязку, на соседнем столе лежал раненый, подорвавшийся на mine. У него оторвало обе ноги, левую руку, снесло лоб и при этом вытекли глаза.

Он спрашивает:

— Доктор, я буду видеть?

— Будешь, милый, будешь!

— Это хорошо. Это самое главное. Говорят, сейчас хорошие протезы делают. А у меня на левой ноге даже колено сохранилось. И правая рука есть. Без левой-то легче прожить, чем без правой. Мне бы только видеть. Это хорошо, что я буду видеть, — повторял он. Сколько же жизненных сил у человека, если после такого ранения он живет и мечтает только об одном — видеть?! Что впереди у этого парня? Какая судьба? Проклятая война!

В Зернограде узнал я о разгроме немцев под Курском. Как мы все радовались! Радовались и завидовали, что нас там нет.

Пролежав в местном госпитале несколько дней, я сообщил уже подготовленным, на мой взгляд, родным всю правду о ранении, чтобы при встрече они не увидели худшего, чем ожидали. Жене я писал 20 июля: «Прошу тебя, не волнуйся и не очень расстраивайся — ведь за два года пребывания на фронте могло случиться и не такое, не раз и не два приходилось смотреть смерти в глаза, терять боевых товарищей. А рана заживет, сделают хороший протез, и я вернусь к нормальному образу жизни, смогу работать там, где понадобятся мои знания и опыт».

А скитания по госпиталям продолжались. 25 июля меня отправили в тыл. Поезд от станции Верблюд тронулся на юго-восток, как мы вскоре узнали от медперсонала — в Баку. Санитарный поезд состоял из пассажирских вагонов, в которых койки были прикреплены в два ряда вдоль стен. Я лежал наверху и смотрел в окно. Путь до столицы Азербайджана оказался далеко не безопасным. На одном из перегонов, неподалеку от Тихорецка, паровоз дал длинный гудок, извещая о воздушной тревоге, и поезд остановился. Способные передвигаться выбрались из вагонов и рассыпались по полю. Я же, как и многие тяжелораненные, остался лежать на койке и сквозь окно с возрастающей тревогой наблюдал, как, приближаясь к нам, заходили на бомбежку три «Юнкерса-88». Для меня не было секретом, что на выполнение таких заданий назначались самые опытные экипажи и особенно рассчитывать на промах врага не прихо-

дилось. И вновь, как два года назад, когда застал меня воздушный налет в теплушке, испытал я чувство беспомощности и незащитности перед вооруженным до зубов, беспощадным врагом. Нельзя даже прижаться к земле. Лежишь на койке и ждешь: попадут в тебя или не попадут. Пожалуй, не ждешь, а оцениваешь. Потому что в окно было видно, и как пикируют самолеты, и как отрываются бомбы, и где они рвутся. Как нелепо, несправедливо было бы погибнуть не в бою, а на пути от линии фронта в глубокий тыл.

Трудно объяснить, каким образом фашисты промазали, сбрасывая бомбы среди бела дня с небольшой высоты по такой уязвимой цели, как стоявший неподвижно железнодорожный состав, да еще не встречая никакого противодействия. Но это было так, ни одна бомба в санитарный поезд не попала. Однако были убиты и ранены несколько человек, выбежавших из вагонов.

Через Тихорецкую нас быстро «протолкнули», и дальше мы уже спокойно доехали до Баку.

Вечером 28 июля в Баку нас направили в пункт, где происходило распределение по госпиталям, а 30 июля меня определили в госпиталь с запомнившимся, типичным для военного времени, адресом: Баку-8, часть 972, корпус 1. Из окон была видна электрифицированная железная дорога. Улицы, перпендикулярные нашей, резко поднимались в гору, где-то совсем рядом был небольшой рынок. Весной 1980 года я в третий раз после войны был в Баку, с помощью водителя такси нашел дом, где был наш госпиталь. Внутри он сильно перестроен. Теперь в этом здании находится республиканский институт курортологии.

Поместили на третьем этаже в так называемую «офицерскую» палату. Это была довольно большая комната, где лежало четырнадцать человек, большинство с ранением в ноги. Некоторые были более тяжелые, чем я. Так, молодой капитан Николай (фамилии не помню) потерял всю левую ногу и было ясно, что никогда никакой протез ему уже не надеть. Всю жизнь придется ходить на костылях.

Встретили товарищи дружелюбно. Расспросили, кто, откуда, при каких обстоятельствах ранило. Оказалось, что у каждой палаты есть шефы, которые приносят книги, газеты. Можно покупать фрукты. Деньги у меня были, и я набросился на помидоры, груши, сливы, яблоки. Может быть, они помогли, а может быть делало свое дело время, но температура стала снижаться.

Первая перевязка была 2 августа. Я надеялся, что будет не так болезненно, но боль по-прежнему оставалась сильной. Палатный врач, женщина в очках, очень внимательная и, наверное, опытная, хотя до войны она не была хирургом, а работала гинекологом.

Через неделю начал пробовать сидеть и стоять. Последнее было особенно нелегко, потому что кровь прилиwała к ноге и становилось очень больно. Понял, что надо тренироваться и постепенно привыкать, сразу не получится. Показали меня профессору. Говорили о нем как о человеке, который больше всего любит «резать».

Осмотрев мою ногу, профессор предложил сделать реампутацию. Я наотрез отказался и сказал, что если уж она потребуется, то буду проводить ее в Москве. Профессор не настаивал, заметив при этом:

— Ну, как хочешь. Если бы операция могла вернуть тебя в строй, я и уговаривать не стал, положил бы тебя под нож как миленького. А так тебе самому решать, может, и в самом деле обойдется.

Неожиданно раны стали быстро заживать. Помог случай. У нас в семье не было принято есть чеснок. Между тем, многие в палате покупали чеснок. И однажды сосед протянул мне дольку:

— Попробуй, майор.

Я съел и захотелось еще. Тут же попросил кого-то сходить на базарчик и купить мне чеснока. На тумбочке лежат разные фрукты, а я набросился на чеснок. Ему его беспрерывно, какая-то непреодолимая потребность в организме.

Подошла очередная перевязка. Положили на стол. Разбинтовывают ногу. Закрыв глаза, стиснул зубы, только бы не вскрикнуть от боли. Боли нет.

Приподнялся и спрашиваю:

— Доктор, что случилось, почему боли не было?

— Я и сама не знаю, что случилось, но продольные разрезы все затянулись.

— Доктор, это чеснок!

— Может быть, может быть, — сказала она недоверчиво. Это было 19 августа. После этого жить стало легче.

Время в госпитале тянулось медленно, особенно для лежачих. Раненые, прикованные к постелям, использовали его, слушая радио, читая газеты, журналы, книги. И устное, и печатное слово воспринималось с огромным интересом и вниманием.

Как-то по просьбе товарищей я читал вслух только что вышедшую повесть Бориса Горбатова «Непокоренные». Тишина стояла в палате необыкновенная, казалось, люди боялись не только проронить слово, но даже застонать, хотя многие испытывали страдания. Да ведь все то, о чем писал автор, каждому из нас было близко и понятно. Позже я перечитал эту повесть, и она вновь меня взволновала. Но тогда временами у меня дрожал голос и на глаза навертывались слезы, которых я перестал стыдиться, лишь увидев такую же реакцию у моих слушателей. А ведь все они были

закаленными в боях фронтовиками. Что-то не припомню, чтобы в других условиях чтение какой-либо книги вызывало такие же эмоции.

Из письма родителям от 9 сентября: «В последнее время радио и газеты каждый день приносят замечательные известия. Вы, конечно, и сами слышали, что наши войска, наступающие в Донбассе, уже освободили много населенных пунктов, в том числе такие города, как Таганрог, а вчера и Сталино. Трудно даже передать, как я рад за своих товарищей, которые вновь переживают ни с чем не сравнимую радость победы, видят, как бежит с поля боя враг. И надо же было случиться, что в такое долгожданное время я вышел из строя! До сих пор, читая или слушая сообщения Совинформбюро, я зримо представляю линию фронта не только на карте, но и как она выглядит на местности. Освобожденные от оккупантов населенные пункты для меня вполне реальны.

Теперь мои боевые товарищи идут вперед уже без меня. Но я горжусь тем, что в их сегодняшних успехах есть частица моего вчерашнего труда».

К этому времени я начал учиться ходить на костылях. И так в этом преуспел, что однажды дошел до здания Бакинского университета, посидел против него на лавочке и вернулся обратно. Поход оказался утомительным, еле дошел до своей кровати. Но зато испытывал удовлетворение: не такой уж я инвалид, захотел и дошел. Жить еще можно.

Время в госпитале текло утомительно медленно. Наверное, от этого я стал плохо спать. Каждую ночь ковылял на костылях в дежурку за бромом. Однажды шел я по темному коридору и не заметил лужу на кафельном полу. Костыль заскользил, и стал падать. Попытался устоять, «опершись» на несуществующую ногу. Упал. Рана заживала плохо.

Интуиция подсказывала мне, что реампутацию в Баку делать не надо, надо подождать до Москвы. Я попросился в Москву. Но с открытыми ранами не выписывали. У меня же продольные разрезы на ноге, заживая, стянули кожу и в результате кости оголились и медленно обрастали тонкой кожей. Наступил октябрь, а площадь раны почти не уменьшилась. Наконец, заведующая нашим отделением при очередной перевязке сказала:

— Хорошо, товарищ майор, я вас отправлю в Москву, но при одном условии: оформим так, будто рана у вас зажила, а если что случится, то скажете, что открылась она в дороге. И не потому, что я боюсь взыскания, просто хочу, чтобы вы в случае осложнения не пытались этого скрыть, а сразу же обратились к врачу.

25 октября в эвакогоспитале № 3682 я получил свидетельство о болезни, в котором помимо медицинского заключения содержался вывод:

«Следовать пешком может. В провожатом не нуждается...» Подобрали мне чистое красноармейское обмундирование, выдали пару новых то ли американских, то ли английских ботинок и выдавшую виды шинель. Итак, я еду в Москву!

Поезд в Москву отходил поздним вечером. Повезли меня на вокзал в санитарной машине. Провожала девушка — шеф, которую я видел в первый раз, но которая проявляла так много внимания и заботы, как будто мы с нею были давно знакомы. На вокзале выяснилось, что поезд формируется не в Баку, а идет на Москву из Тбилиси. Когда он придет в Баку, никто не знает, но билеты на него дают. С помощью моей спутницы я быстро получил билет: в офицерской кассе очередь устанавливалась по званию. Я был майор, да к тому же на костылях.

В зале было много народу, большинство расположились прямо на полу. Пристроился и я. Моя провожатая беспомощно оглаживалась, не зная, что ей делать.

— Знаете что, девушка, давайте прощаться. Большое спасибо, что вы меня проводили. А теперь вам пора домой, а то скоро комендантский час и вам придется просидеть на вокзале до утра.

Поезд пришел около двух часов ночи. О его прибытии никаких оповещений не было. Просто в окно увидели подходящий состав и кто-то крикнул: «Московский подошел». Все стали собирать свои вещи и бросились к дверям. Я обратился к одному лейтенанту:

— Товарищ лейтенант, помогите мне надеть вещмешок.

Идти в темноте, на костылях, в толпе бегущих людей с вещмешком за плечами, где лежали хлеб, консервы и тяжелые ботинки, оказалось непросто. Кончилось тем, что я упал. Мне помогли подняться, и опять каждый побежал к своему вагону.

Мне повезло. Я довольно быстро добрался до нужного вагона. Но около него столпилось множество людей, и едва ли мне удалось бы пробиться к двери, если бы не один офицер.

— Товарищи, пропустите инвалида, — увещевал он людей, поддерживая меня под руку и постепенно протискиваясь вперед.

«Инвалид». Ведь это же обо мне! Впервые воспринятое так, это слово резануло слух. Но от правды никуда не уйдешь, надо ее принимать, какой бы жестокой она ни была. А возбужденные, стремившиеся поскорее пробиться в вагон и занять получше место люди расступались, пропуская нас вперед, помогли подняться по таким крутым теперь для меня ступенькам.

Это был вагон со средними и боковыми полками. Я остановился в начале вагона, чтобы отдышаться. Внизу на одной полке спал ребенок, на другой лежала женщина. Увидев меня, она сказала: «Не ходите дальше,

товарищ майор. Там все места заняты. Я перейду к сыну, а вы занимайте мое место».

Моя новая знакомая сказала, что едет с сыном в Москву к мужу, который занимает «большую военную должность». Она оказалась славной женщиной. Мало того, что из-за меня она стала ютиться на одной полке с десятилетним сыном, она еще предложила мне вместе питаться, дала свое полотенце и вообще старалась во всем помочь. Спасибо ей за это. Я отдал свой паек на «общий стол», но понимал, что он очень скудный.

Несмотря на то что вагон был набит пассажирами до предела, никто за всю дорогу на мою нижнюю полку уже не претендовал, хотя я, немало смущенный непривычным привилегированным положением, не раз выражал готовность «самоуплотниться». И сейчас с душевной теплотой вспоминаю трогательное отношение советских людей к раненым воинам, искреннее уважение к тем, кто пролил кровь в боях с врагами социалистической Родины.

Не помню, сколько дней мы ехали до Воронежа. В Воронеж поезд пришел ночью. Кругом железнодорожные составы, все ими забито. Поставили нас где-то далеко от вокзала. И вдруг завывли сирены, загудели паровозы — воздушная тревога. Невольно мелькнула мысль: неужели накроет бомбой здесь, почти рядом с Москвой. Захлопали зенитки. Потом разрывы бомб. Война ощутимо о себе напомнила в последний раз в Воронеже. Можно сказать, что моя война началась и закончилась в Воронеже.

Постукивая колесами на стыках рельсов, наш поезд неторопливо двигался к Москве, подолгу простаивая на станциях и полустанках. А на зеленые огоньки светофоров шли эшелоны с войсками и боевой техникой. На платформах, покрытые брезентом, теснились орудия, танки, гвардейские минометы — грозное оружие, выкованное нашим героическим народом. Провожая взглядом воинские эшелоны, я не мог не радоваться тому, что теперь Красная Армия в достатке получала все необходимое для разгрома врага. Задумывался, конечно, и о будущем: о том, как приеду в Москву, где вновь увижусь с близкими людьми, вернусь к любимой работе. Надо было настраиваться на новую жизнь.

...В солнечный полдень поезд замедлил ход и остановился у перрона Павелецкого вокзала. Здравствуй, родная Москва! Прими своего бывшего солдата!

ЧАСТЬ III

**Московский университет.
Учителя и ученики**

Глава 18

Жизнь продолжается

Опасения, что мою телеграмму не получили и что меня никто не встретит, к счастью, не оправдались. На перроне Павелецкого вокзала я увидел свою семью. Вышел из вагона и попал в их объятия.

От вокзала домой, на Большую Ордынку пришлось идти пешком. Это порядочное расстояние, и к концу пути я почувствовал, что здорово устал: не привык еще ходить на костылях.

Наконец, я дома. Сажусь на свой диван — это наша с Шурой первая покупка, которую мы сделали в тридцать пятом году, вернувшись с Дальнего Востока. Оглядываю комнату — как все хорошо и как все знакомо. Но многих вещей нет. Ну, да бог с ними! Все равно хорошо. Даже замечательно. Самое главное, что фашистов гонят на запад, война, правда, еще не закончилась, но мы все вместе, дома, в Москве, и хотя я инвалид, но все мы живы. Начались расспросы. Я попробовал начать рассказывать все по порядку, но скоро понял, что это невозможно.

— Потом как-нибудь расскажу. — Это «потом» продолжается много лет. Так живы в памяти события военных лет.

В первые же дни надо было сделать уйму дел: сходить в военкомат, оформить пенсию, восстановиться на работе в университете, встать на партучет и т.д.

Вначале мне установили инвалидность второй группы, но вскоре заменили на третью с ежегодным переосвидетельствованием (как будто за год нога могла вырасти!). И только через несколько лет здравый смысл восторжествовал и такие инвалиды, как я, получили инвалидность пожизненно.

Отцу очень хотелось, чтобы мы вместе сфотографировались. Эта фотокарточка сохранилась. Вид у нас у обоих неважный. 7 ноября 1943 года праздновали радостно. К этому времени наша армия освободила Киев. Для меня это не только столица Украины, здесь я пошел учиться в пер-

вый класс в 1921 году, в Киев я приехал по направлению райвоенкомата в 1941 году, чтобы надеть форму младшего лейтенанта и отправиться на войну.

И вот еще одна небольшая радость. Звонок ... и в комнату входит Петр Сироткин. Долго я ждал этой встречи. На одной ноге я запрыгал к нему. Мы обнялись. Начался длинный разговор. Я рассказал о себе, Петр — о себе. Он был командиром полка, защищал Главный Кавказский хребет, участвовал в боях на Малой Земле под Новороссийском и при прорыве «голубой линии» на Кубани. Потом его направили на учебу в Москву, в академию имени Фрунзе. Узнал наш адрес, и вот мы встретились.

Закончил академию Петр Иванович в звании полковника и был направлен на работу в Министерство обороны СССР. Его семья переехала в Москву. Петр Иванович неоднократно бывал у меня дома со своей женой, Ниной Валентиновной. Посмеиваясь, он рассказывал, что ему приходится работать над новым Боевым уставом пехоты (БУП-ом), который все мы в свое время зубрили от корки до корки. Новый БУП создавался на основе опыта Великой Отечественной войны. Видно было, что, с одной стороны, он гордился тем, что ему поручили подготовить такой важный документ, а с другой стороны, — эта работа его не очень удовлетворяет. Дальнейшая судьба Петра Ивановича сложилась не очень удачно. Он был направлен в Академию Генерального штаба, окончил ее с золотой медалью, был назначен заместителем главного редактора «Военного журнала». Плохо стало со здоровьем, все чаще пошаливало сердце. После третьего инфаркта в 1971 году по возрасту был уволен в запас. Петр Иванович остался жить в Москве. Редактировал военные рукописи. Научился резьбе по дереву. Эти его работы можно посылать на любую выставку.

Благодаря Петру Ивановичу моя книга «За строкой фронтового письма» увидела свет. Ждал книги так же, как и я, и не дождался — четвертый инфаркт прервал жизнь Петра Ивановича Сироткина. Ушел из жизни воин, талантливый журналист.

Для того чтобы добраться до университета, мне надо было на костылях дойти от Большой Ордынки до трамвайной остановки на Большой Полянке и доехать на трамвае до Манежа. Инвалидам разрешалось ездить на передней площадке трамвая, если не возражает вагоновожатый. Здесь меня и увидела Зоя Петровна Игумнова.

Зою Петровну хорошо знали в Московском университете. До войны она была директором рабфака университета, заместителем декана по учебной работе биологического и исторического факультетов. Знал Зою

Петровну и я как энергичного и принципиального человека, но тогда даже и не предполагал, какими замечательными душевными качествами она обладает. Увидев меня на костылях, Зоя Петровна бросилась ко мне, как к родному человеку.

— Евгений Михайлович, здравствуй. Вернулся. Да ты на костылях. Ах, беда какая. Ну, ничего, протез сделают. Да ведь тебе трудно так на трамвае ездить. Слушай, у моего мужа машина есть. Я могу попросить его прислать за тобой машину, когда ты поедешь следующий раз в университет.

— Спасибо, Зоя Петровна. Но машины мне не надо. Буду приспособливаться жить по-новому. А потом и я надеюсь на протез.

Вот с этой встречи в трамвае наше знакомство переросло в большую дружбу, которая возникла позднее во время совместной работы в парткоме университета.

Добрался до университета. И первое, что я сделал, это зашел на свою родную кафедру грунтоведения. Обстановка там была совсем другая, по сравнению с довоенной непривычная. Лаборатории почти пустые: студентов и сотрудников мало. Над газовыми горелками стоят кастрюли, в которых что-то варится, закипает чайник. Нет, это не значит, что никто не работал. Наоборот, все работали и работали сверх всякой нормы, но при этом стремились и обед сварить, и лишний раз чайку попить (пусть даже без сахара).

Исполнял обязанности заведующего кафедрой доцент Сергей Сергеевич Морозов. Сергей Сергеевич всегда был склонен к полноте. Таким мы привыкли видеть его до войны. Но в ноябре 1943 года ко мне вышел худой, осунувшийся мужчина, на котором, как говорят, костюм висел. Я вспомнил своего отца, и, кажется, по-настоящему понял, какими трудными были годы войны для многих в тылу.

В свое первое посещение университета мне надо было зайти к ректору и подать ему заявление с просьбой о восстановлении в университете для продолжения работы над диссертацией. Кабинет ректора находился в правом крыле «казаковского» здания, на втором этаже. Надо было подняться по крутой, высокой лестнице. Вошел в приемную, запыхавшись. Подал заявление секретарю. Это была Анастасия Порфирьевна Новчикова, которая работала в этой должности до 1986 года, более 40 лет. Она прочитала заявление.

— Сейчас доложу Илье Саввичу Галкину. — Это был новый ректор университета, назначенный на эту должность во время войны.

Об Илье Саввиче Галкине мне хочется сказать несколько слов. Илья Саввич был назначен ректором МГУ во время войны, до этого он не

работал в университете. Участник гражданской войны, профессор, но без докторской степени, придя в МГУ, он стал заведовать кафедрой на историческом факультете. Не могу не упомянуть о том, что когда Илья Саввич перешел с должности ректора целиком на работу на кафедру, он защитил докторскую диссертацию. Просто будучи ректором, да еще в такое трудное время, у него до этого «руки не доходили». Освободился от административной работы и доказал, что он настоящий ученый.

— Илья Саввич просит вас зайти.

Захожу. Знакомимся. Передо мною сравнительно молодой человек с щеточкой усов, взгляд пристальный, внимательный. Говорит, что немедленно подпишет приказ о восстановлении, и вдруг спрашивает: «Не надо ли для дома дров?». Мне неудобно при первом же знакомстве сказать, что «да, надо», я благодарю и отказываюсь. На этом наше свидание с ректором заканчивается.

Мне еще надо подняться на четвертый этаж, в партком университета. Два костыля под мышку, правая рука опирается на перила. Со ступеньки на ступеньку прыгаю до четвертого этажа.

Вхожу в партком. Новые, незнакомые люди. Спрашиваю секретаря парткома.

— Секретарь парткома у нас Василий Федорович Ноздрев. Недавно избрали. Сейчас скажу о вас.

— Заходите.

Вхожу. За столом, где перед войной сидел я, сидит молодой парень, моложе меня. Смотрит на меня с любопытством. Большие умные глаза. Он никуда не спешит, я тоже. Начинается разговор. Василий Федорович знает, что я был секретарем парткома МГУ. А я его не помню. Он был аспирантом на физическом факультете и активно общественной работой не занимался. Уже во время войны его привлекли к партийной работе, сначала вне университета, а потом рекомендовали избрать секретарем парткома МГУ. В конце нашей беседы Ноздрев говорит:

— Евгений Михайлович, а вы не согласитесь войти в состав парткома? Заместителя у меня по оргработе нет. Вот хорошо, если бы согласились.

— А вы думаете, что я на костылях буду вам полноценным помощником?

— При чем тут костыли? Разделим работу так, что вы будете больше находиться в парткоме, а я буду ходить на факультеты, в райком партии, в общем буду представлять партком где надо.

Предложение было неожиданным, но мне сразу же захотелось снова войти в активную жизнь университета. Тут же забыл, как трудно мне было только что подниматься по лестнице, и я ответил:

— Я не возражаю. Если коммунисты выберут, согласен.

В марте 1944 года на партийном собрании университета меня доизбрали в состав парткома и на ближайшем его заседании выбрали заместителем секретаря по оргработе.

Перед войной я провел большие экспериментальные исследования по теме «Теплота смачивания грунтов». Все мое оборудование пропало во время эвакуации МГУ в Ашхабад и Свердловск, но, к счастью, сохранились все записи моих исследований. Теперь важно было вникнуть в эту тему, изучить имеющуюся литературу не только на русском, но и на иностранных языках, осмыслить свои собственные результаты и, как итог — написать диссертацию. Нужна была литература. Ездить зимой на костылях в библиотеку университета для меня было очень сложно. И тут на помощь пришла Мария Николаевна Кагнер, сотрудник нашей кафедры, которая предложила привозить мне книги домой. Так продолжалось до тех пор, пока я не стал сам регулярно бывать в университете. В значительной степени благодаря помощи Марии Николаевны мне удалось быстро подготовить диссертацию к защите. Большое ей спасибо за это. Не считая пребывания в рядах армии, мне удалось подготовить и защитить утвержденную тему диссертации в двухгодичный срок.

В диссертации доказывалось, что величина теплоты смачивания изменяется от химико-минерального состава и размеров частиц, слагающих дисперсные грунты (глины, торф, лёссы, пески и другие); устанавливались закономерности, определяющие величину теплоты смачивания от этих факторов. Было доказано, что теплота, выделяющаяся при смачивании грунтов, есть результат потери кинетической энергии молекулами воды при переходе их в прочносвязанное состояние на поверхности твердых частиц. В общем работа развивала «филатовское» направление в грунтоведении и явилась известным этапом в изучении других свойств дисперсных грунтов с физико-химических позиций.

Официальными оппонентами по диссертации выступали профессора, доктора геолого-минералогических наук Иван Васильевич Попов и Иван Николаевич Антипов-Каратаев.

В день защиты было не просто. Мне не повезло. Пришлось защищать больным ангиной, стоя на костылях с температурой за 38°. Откладывать защиту не хотелось. Впрочем, я доложил все нормально и отвечал на вопросы правильно. Меня поздравляли, но единственным желанием было как можно скорее вернуться домой и лечь на свой диван. 19 июня 1944 года я был утвержден в ученой степени кандидата геолого-минералогических наук. Таким образом, я выполнил возложенные на меня обязательства, связанные со «сталинской» стипендией.

Таким образом, уже в 1944 году я вернулся к активной работе в университете, защитил кандидатскую диссертацию, а осенью в должности доцента (так как преподавателей на кафедре грунтоведения было мало) стал читать студентам пятого курса спецкурс «Избранные главы грунтоведения» и руководил работой трех дипломников. Учебник М.М. Филатова «Дорожное грунтоведение», изданный в 1936 году, по которому мы занимались, будучи студентами, безнадежно устарел (переиздать его было нельзя), а сам наш учитель, к большому сожалению, скончался в Свердловске в 1942 году. Основной курс грунтоведения читал Сергей Сергеевич Морозов. Но ему трудно было охватить все вопросы по утвержденной Минвузом программе, несмотря даже на его огромную эрудицию. Поэтому и возникла необходимость в дополнительном спецкурсе по грунтоведению. Доверили его мне, начинающему работу доценту.

Чтобы систематизировать материал и облегчить студентам слушание спецкурса, я написал, и издательство МГУ издало в 1946 г. первое мое учебное пособие по грунтоведению, куда вошли и мои материалы по диссертации о теплоте смачивания грунтов и новые работы, опубликованные за рубежом. Название книги «Избранные главы общего грунтоведения», объем 10 печатных листов. В 1952 году вышло уже большое учебное пособие по общему грунтоведению — 30 печатных листов, получившее гриф Минвуза «учебное пособие для студентов геологических факультетов». Оно было переиздано в Китае в 1957 году на китайском языке. Эта книга послужила основой для издания уже учебников не только в этих, но и в других странах (например, в Болгарии, Сирии).

Здесь в качестве отступления хочу сказать несколько слов о дальнейшем создании учебников по грунтоведению. В 1959 году вышел учебник по грунтоведению объемом 35,5 печатных листов как второе издание. Тем самым первое издание «Грунтоведения» было возведено в ранг учебника. После окончания Второй Мировой войны инженерная геология как наука, изучающая все геологические вопросы, связанные со строительством (горные породы, геологические процессы, региональные изменения в строении земной коры), стала бурно развиваться в нашей и других странах. Возникла необходимость в новом учебнике, более широкого профиля. Я пригласил своих сотрудников кафедры: Галину Андреевну Голодковскую, Рема Сабировича Зиангирова, Виктора Ивановича Осипова и Виктора Титовича Трофимова быть моими соавторами в 3-м издании. Они любезно согласились и очень дружно, в сравнительно короткий срок наш коллектив написал 3-е издание «Грунтоведения» — учебник объемом более 50 листов, который вышел тиражом более 5000

экземпляров в 1971 году. Думаю, что он стал не только учебником, но и помощником в работе специалистов, их настольной книгой. Книга быстро разошлась, и нашему авторскому коллективу пришлось готовить 4-е (более сокращенное) издание в 1973 году, 5-е (значительно переработанное) в 1983 году и 6-е в 1988 году. 30 лет просуществовал учебник «Грунтоведение». Им широко пользовались в нашей стране и других странах (Китае, Польше, Болгарии и др.). Научная общественность выдвинула его на Государственную премию. Ее получили все авторы за 5-е издание учебника в 1988 году на одном из последних заседаний Комитета по научным Государственным премиям. Думаю, что «Грунтоведением» пользуются и сейчас. За учебники редко давали такие награды.

Но вернемся в 1946 год. Все было бы хорошо, если бы не костыли и необходимость ежедневного передвижения на них от Большой Ордынки до университета и обратно.

Ректорат и партком приняли решение дать мне комнату на территории университета. Возможность такая была. В учебных корпусах, построенных еще до революции, были предусмотрены большие профессорские квартиры. Большинство из них давно уже превратились в коммунальные. Получили комнату и мы.

Вход в эту комнату был через кухню. Но мы считали, что попали в рай. Площадь комнаты около 20 метров, большое светлое окно выходило в тихий университетский двор. Подумать только, наша жилая площадь больше чем удвоилась! Есть место еще для одной детской кроватки. Ведь мы снова ждали ребенка. 26 марта появилась на свет Наташенька. Когда выбирали имя, я высказал некоторое сомнение:

— А как они с письмами разбираться будут. Придет письмо «Н.Е. Сергеевой», а кому — Нине или Наташе?

— Ничего, разберутся, — сказала Шура и к этому вопросу мы уже больше не возвращались. Наташа стала Наташей. А ведь мое опасение оказалось справедливым. Случилось так, что обе дочери стали геологами. Нина окончила университет по кафедре минералогии. На этой же кафедре она проходила обучение в аспирантуре, стала кандидатом геолого-минералогических наук, старшим научным сотрудником, одна из первых среди геологов применила электронный микроскоп при изучении минералов. Естественно, что у Н.Е. Сергеевой появились научные статьи.

Наташа окончила Московский университет по кафедре геохимии, а затем изучала колчеданные месторождения Карелии. Собранный во время трехлетней работы материал позволил ей поступить в аспирантуру на кафедру полезных ископаемых МГУ. Она тоже стала кандидатом геолого-минералогических наук, старшим научным сотрудником и у нее

тоже появились публикации. Чтобы избежать библиографической путаницы статьи Наташи стали публиковаться за авторством: «Нат.Е. Сергеева». Тогда, 40 лет назад мы, естественно, об этом и не думали. Мы просто радовались, что нас стало четверо.

Нина помогала маме. Ее обязанностью стало ходить в продуктовый магазин и отоваривать карточки. Однажды в магазине в начале месяца у нее украли все продуктовые карточки.

— Только на минутку положила их на прилавок, пока хлеб в сумку укладывала, а их уже нет, — плача рассказывала Нина. Месяц этот для нас был тяжелый.

От меня помощи было мало. Во-первых, костыли, во-вторых, занятость работой с утра и до позднего вечера. Пришлось Шуре временно, как мы считали, оставить работу. Но часто бывает так, что временное превращается в постоянное. Так случилось и у нас. После рождения второго ребенка Шура посвятила свою жизнь воспитанию детей, потом внуков. Неизвестно, что бы смог я сделать в жизни, не будь ее рядом. Мы часто обижаем своих дорогих друзей, когда на вопрос «чем занимается ваша жена?», не задумываясь, отвечаем: «она не работает». Мать, жена, бабушка, посвящающие жизнь семье, делают большое государственное дело — они растят будущее поколение, они в работе, неинтересной в своей обыденности, с утра и до ночи. Возможно, они больше трудятся, чем остальные члены семьи. В молодости такие мысли не приходят, тем более не до них было в годы войны. Тогда приходилось решать конкретные вопросы — как организовать жизнь и работу людей в трудное военное время. Многими такими вопросами занимались ректорат и партком Московского университета.

Секретарь парткома в 1943 — 1945 гг. Василий Федорович Ноздрев был, безусловно, одаренный человек. В.Ф. Ноздрев окончил физический факультет, его учителем был профессор Александр Саввич Предводителев, пользовавшийся большим авторитетом на факультете и, конечно, у своего ученика. Ноздрев сочетал в себе черты не только ученого, физика, но и «лирика». Он был поэтом, печатался. Его стихи мне понравились. Сейчас они изданы отдельной книжкой. Поэзия отнимала значительную часть времени у партийного работника. Но это беда небольшая.

Заканчивалась война. Ни у кого не было сомнения, что мы победим, что фашизм будет разгромлен. Победа воспринималась не только как победа советского народа, но и как победа его идеологии. Поэтому идеологические проблемы приобретали все большее значение. По инициативе секретаря парткома была подготовлена и проведена научная конференция, посвященная роли русской науки в развитии мировой культуры.

Проходила она в Коммунистической аудитории, до предела заполненной народом. В президиуме помимо руководства университета были представители партийных организаций, известные ученые. Был на этой конференции и академик Н.Д. Зелинский. В общем, получилось крупное и нужное мероприятие, которое привлекло внимание научной общественности к важной проблеме, к проблеме, которая не потеряла своего значения и в наше время. И постановка вопроса, и организация конференции — все это в значительной степени является заслугой секретаря парткома, Василия Федоровича Ноздрева.

Но наряду с этой проблемой им (я думаю, что под влиянием некоторых своих учителей — физиков) был выдвинут еще один тезис, который, как показала жизнь, является ошибочным. Суть его заключалась в том, что в нашей стране существуют две науки: «университетская» и «академическая», которая противостоит первой. При этом приводились следующие доводы: университетская наука может постоянно развиваться за счет наиболее талантливой молодежи, академическая — получает только то, что не надо университетам; крупнейшие русские ученые и писатели не были в составе Российской Академии (Д.И. Менделеев, В.В. Докучаев, А.М. Горький и др.); уровень развития науки в США выше, чем у нас, потому что там она развивается главным образом на базе университетов. Спорный тезис, но заманчивый для университетской общественности.

К секретарю парткома зачастили профессора физфака, считавшие себя «обиженными», «обойденными». От них на имя Сталина, отдельных членов политбюро были направлены письма, которые, как правило, заканчивались просьбами о поощрении ученых-физиков Московского университета. Причем в этих письмах были и конкретные рекомендации с указанием, кому надо дать Сталинскую премию, кого избрать в Академию наук СССР или наградить орденами.

Тенденция противопоставления университета академии не была общеуниверситетским явлением. Все это происходило в рамках одного факультета — физфака, но поскольку активное участие в нем принимал сам секретарь парткома, оно могло охватить и другие факультеты. Ведь в то время мы ничего не знали о работах Королева, Курчатова, Келдыша — они были строго засекречены, а демагогические доводы о передовой роли университетской науки часто звучали весьма подкупающе для ученых и студентов университета.

Ректор университета Илья Саввич Галкин был категорически против противопоставления университета академии. Я тоже считал, что такое противопоставление недопустимо. В этом вопросе наши точки зрения совпадали, хотя мы ни разу специально не обсуждали этот вопрос.

Вот с Василием Федоровичем Ноздревым у меня были дискуссии по этому поводу, и не раз. Он отстаивал свою точку зрения, я — противоположную, необходимость более тесных связей между Московским университетом и Академией наук. Большинство членов парткома были такого же мнения. В декабре 1945 года я был вновь избран секретарем парткома МГУ. Заместителем секретаря парткома по идеологической работе была Зоя Петровна Игумнова, как я уже писал, человек замечательный. Из деревенской девочки она, благодаря условиям, созданным Советской властью, и, конечно, своим способностям, стала прекрасным педагогом, воспитателем молодежи. Жизнь Зои Петровны неразрывно связана с Московским университетом. Ректорат и партийная организация всегда направляли ее на работу туда, где что-то не ладилось. Зоя Петровна работала директором рабфака при МГУ. Я помню ее заместителем декана биологического факультета, а потом в той же должности на историческом факультете. Во время войны Зоя Петровна преподавала историю КПСС. Говорила она убежденно, от души, аудитория слушала ее затаив дыхание. Многому я у нее научился и горжусь тем, что могу себя отнести к числу ее друзей.

Летом 1983 года мы отдыхали с женой в Прибалтике, в Юрмале. Вышли первый раз к морю и увидели пожилую, стройную женщину, идущую в сопровождении молодого человека (мы решили — внука). Я еще издали узнал в ней Зою Петровну. Окликнул ее, и мы расцеловались к удивлению ее спутника.

Яркой фигурой был декан географического факультета Сергей Дмитриевич Муравейский. Он работал сравнительно недавно в Московском университете, был уже немолод и имел большой жизненный опыт. В 1941 году, когда сократившийся до минимума коллектив Московского университета был эвакуирован в Ташкент, а затем вскоре в Ашхабад, он встретился там с большими трудностями. Не было подходящих помещений для занятий, для жилья профессорско-преподавательского состава и немногочисленных студентов. Плохо обстояло дело с питанием. Сотрудники университета отправлялись за город, в пустыню ловить черепах и собирать их яйца. Надо было подкармливать себя и свои семьи. В этих условиях Муравейский, будучи ректором Среднеазиатского государственного университета, делал все возможное, чтобы помочь москвичам. Перезнакомился со многими учеными, у него установились дружеские отношения с их семьями. К нему привыкли, считали своим. Когда университет переехал в Свердловск, а затем в Москву, Сергей Дмитриевич тоже приехал в Москву вместе с университетом.

По специальности он был гидролог, точнее лимнолог. Став, деканом географического факультета МГУ, он поставил перед собой задачу ор-

ганизовать учебную базу для студентов факультета. До Муравейского обучение проходило только в стенах университета и в экспедициях, куда кафедры устраивали своих студентов. Муравейский поставил вопрос о новом виде обучения — долгосрочной учебной практике. Внимание Сергея Дмитриевича в первую очередь привлекло только что полученное университетом подсобное хозяйство «Красновидово».

Красновидово находится западнее Можайска, сравнительно недалеко от места Бородинского сражения. До революции это было имение фон Мекка, возможно, потому оно не было разрушено немцами, в то время как все деревни вокруг были полностью сожжены. Там Сергей Дмитриевич и стал организовывать учебную базу и научную станцию географического факультета. В течение ряда лет на ней проходили практику студенты географического и геологического факультетов.

Сергей Дмитриевич был тяжело болен. В районе сонной артерии у него образовалась злокачественная опухоль. Ее неоднократно удаляли, но она снова проявлялась, и каждый раз операции становились все сложнее и опаснее. Ему пришлось отпустить бороду, чтобы скрыть рубцы на шее и искривление лица. Думаю, Сергей Дмитриевич понимал, что дни его сочтены и, несмотря на это, он, человек увлекающийся и энергичный, активно участвовал в жизни университета. Он любил и пошутить. Посмеиваясь, рассказывал, как его задержали, когда он осматривал окрестности Красновидова. Местные жители заподозрили в нем шпиона.

— Нет, — отвечал им Муравейский, — я не шпион, я диверсант. Ведите меня прямо в Красновидово.

Каково же было их разочарование, когда им сказали, что это уважаемый профессор Московского университета.

Не могу не вспомнить добрым словом Аркадия Александровича Космодемьянского, члена парткома МГУ, профессора механико-математического факультета. Аркадий Александрович был молодым профессором; он очень увлекался работами Циолковского, охотно поддерживал студентов физфака, мехмата, мечтавших о полете на Луну.

Однажды помог он и мне, когда понадобилось рассчитать нагрузку на образец грунта в результате воздействия на него ударного копра, установленного на мехмате в лаборатории проф. А.А. Ильюшина. Расчет был достаточно сложным, и сам бы я с ним не справился. Аркадий Александрович был веселым, общительным человеком, мог быстро переключиться на обсуждение серьезных вопросов. В начале пятидесятых годов он перешел на работу в Военную академию им. Жуковского.

Хочется подробнее рассказать о члене парткома МГУ Клавдии Васильевне Топчиевой. Уже в то время она была доцентом химического факультета и работала на кафедре физической химии, которой заве-

довал проф. А.В. Фрост. Клавдия Васильевна была высокой, стройной женщиной, мастером спорта по волейболу. И тогда, и до последних дней жизни (мы проводили ее в последний путь в 1984 году) она всегда была принципиальным человеком. Жизнь у нее сложилась трудно, она потеряла родителей, четырех братьев, молодой умерла ее дочь после родов, оставив матери внучку. И несмотря на это, Клавдия Васильевна вела большую педагогическую и научную работу, всегда принимала активное участие в общественной жизни университета. Я всегда высоко ценил возможность посоветоваться с ней, узнать ее мнение. Когда естественные факультеты переехали в новые здания на Ленинских горах, Клавдия Васильевна была избрана деканом химического факультета, но проработала в этой должности недолго. Административная работа ей была не по душе.

Клавдия Васильевна много уделяла внимания молодежи — аспирантам, студентам. Успешно читала лекции по физической химии. Об этом я знаю от студентов своей кафедры, для которых курс физической химии всегда был сложным. А вот Клавдию Васильевну они хорошо понимали и с удовольствием ходили на ее лекции. Совершенно справедливо, что она одна из первых среди профессоров университета была награждена орденом Ленина.

Я остановился на характеристике отдельных членов парткома 1943 — 1944 гг., чтобы показать, что уже во время войны, когда университет был малочисленным, когда большинство коммунистов были на фронте, в составе парткома были люди, которые в послевоенный период много сделали для дальнейшего развития Московского университета. Ректорат и партком делали все, чтобы университет смог нормально работать после Победы, которая была не за горами.

Часто в партком обращались с просьбами помочь разыскать кого-нибудь из сотрудников или студентов университета их родственники или друзья. Так «разыскали» меня Заславские.

Входит технический секретарь парткома:

— Евгений Михайлович, о Вас наводят справки какие-то Заславские, говорить им о том, что Вы в парткоме или не надо?

— Да где они?

— В приемной.

Я без костылей, на одной ноге, выскочил в приемную.

— Марк! Нина!

С 1941 года мы ничего не знали друг о друге. И вот живы, встретились вновь в университете. Марк и Нина переезжали на работу с Дальнего Востока в Молдавию, в Кишинев и на всякий случай зашли в партком. Удачно получилось. Но это, конечно, счастливое исключение.

Обращались в партком и по самым разным бытовым вопросам, решить которые не всегда удавалось. Однажды приходит пожилая женщина с мальчиком лет десяти, бабушка с внуком. Зима 1944/45 г. Мальчик одет плохо и явно не по росту. Внук молчит, с любопытством разглядывая обстановку комнаты. Говорит бабушка:

— Мы к вам из Суздаля приехали. Сынок мой окончил университет, поехал на фронт и в сорок первом его убили. Похоронка пришла. На мне внучок-то. Учиться ему надо, а в школу ходить не в чем. В райвоенкомат пошла, а там говорят: это его МГУ на фронт послал. В МГУ приехали, говорят: да ведь он окончил университет, как же мы можем вам какие-то ордера выдавать. Сын-то у меня коммунистом был. Вот и пришли в партком, помогите.

— А как фамилия сына?

— Баулин. На геолого-почвенном факультете учился.

— Виктор Баулин?

— Он самый.

— Мы вместе с ним учились. Жаль его, но вопрос у вас не простой. Однако надо его решать.

— Ты уж, пожалуйста, сейчас решай. Нам ведь в Москве ночевать негде. Надо в Суздаль ехать.

Надо созваниваться по телефону. Все это решить оказалось не так просто. Немало прошло времени, пока меня спросили: на кого же надо выписывать ордера?

— Тебя как зовут?

— Володя.

Владимир Викторович Баулин пошел по стопам отца. Он поступил на геологический факультет, окончил его, окончил аспирантуру по кафедре мерзлотоведения, стал работать в системе Госстроя СССР. Сейчас Владимир Викторович Баулин профессор, доктор геолого-минералогических наук, лауреат Государственной премии СССР, директор одного из головных институтов Госстроя РСФСР, дружно избранный трудовым коллективом на эту должность. Но при разговоре со мной по телефону он всегда представляется как тогда в сорок четвертом: «Евгений Михайлович, здравствуйте, говорит Володя».

Большое внимание партком уделял подсобному хозяйству в Красновигово. Оно вносило существенное подспорье в общественное питание. Кроме того, на его базе мы решили открыть пионерлагерь для детей сотрудников университета.

В годы Советской власти на территории бывшего поместья фон Мекка были построены три хороших каменных корпуса, где разместился интернат для испанских ребят, которых отправили родители в нашу

страну, подальше от ужасов гражданской войны. Когда фронт стал приближаться к Москве, ребятишек эвакуировали в глубь страны. При уходе из Красновидова фашисты не стали разрушать эти корпуса, надеясь, что они снова вернутся и тогда фон Мекк получит свое имение.

После отступления фашистов, советские люди, скрывавшиеся в лесах, вернулись в свои родные деревни. И вместо домов увидели пепелище. Положение ужасное, зима, жить негде. Вот тогда и решено было временно соорудить землянки, используя для них двери, окна, полы, в общем все, что можно было взять из корпусов интерната в Красновидово. Другого выхода не было. Поэтому университет получил уже не корпуса, а только оставшиеся от них кирпичные коробки. Одну из таких коробок и решено было отстроить для пионерлагеря.

Главная трудность была с рабочей силой. Материалы, транспорт удалось получить. Есть прораб. Но кто будет строить? Партком и профком обратились с просьбой к коммунистам — аспирантам университета помочь в строительстве пионерлагеря и нашли поддержку с их стороны. Не помню ни одного случая отказа от участия в этих работах. Два месяца отпуска аспиранты посменно проводили на строительстве. В результате летом сорок пятого пионерлагерь начал действовать.

Можно считать, что это предыстория вузовских строительных отрядов. Думается, что этот отряд аспирантов Московского университета был одним из первых вузовских отрядов, внесших свою, пусть небольшую лепту в военное время в восстановление народного хозяйства страны.

После того как 2 мая отгремел по случаю взятия Берлина салют, всем стало ясно, что война в ближайшие дни закончится. Все ждали Победу, понимали, что это должно неминуемо случиться. Дома у меня был телефон, выходивший тогда на университетский коммутатор. В ночь с 8-го на 9-е мая раздался продолжительный звонок. Я допрыгал до телефона, снял трубку.

— Это дежурная телефонистка говорит. Вы не сердитесь, что разбудила. Поздравляю с Победой. Сейчас мы услышали, что Германия капитулировала. Завтра будет праздноваться день Победы. А вот, что с Гитлером сделалось, где он, проклятый изверг, не знаю. Неужели его не поймаем? Вы ничего не слышали?

— Нет, ничего не знаю. А за информацию спасибо.

После этого звонка, а был он в два часа, заснуть было невозможно. Мы с Шурой поздравили друг друга. Затем я позвонил своим друзьям и знакомым. Было одно желание — как можно скорее сообщить кому только можно: все, мы победили. Разве можно спокойно спать в такую ночь!

Днем университет бурлил. Начиная с осени 1944 года ряды сотрудников и студентов значительно пополнялись демобилизованными из армии: кто после госпиталя, кто был отозван для научной и педагогической работы. Все больше и больше на дворе и в аудиториях МГУ мелькало шинелей, гимнастерок с нашивками за ранение, с орденами и медалями.

На митинг по случаю Победы, собрались в Коммунистической аудитории. Она была так же набита до отказа, как и 22 июня 1941 года. Но тогда выступавшие говорили: «Мы победим!», а 9 мая 1945 года все с радостью и гордостью говорили: «Мы победили!».

По окончании митинга ко мне подошла студентка.

— Вы меня не узнаете?

— Узнаю. Таня Смирнова — переводчица 617-го полка. Какими судьбами здесь в университете?

— Да ведь я ушла на войну, не окончив ИФЛИ, а он влился в университет, вот я и стала студенткой университета. Мне надо защищать диплом.

— Вот хорошо, что встретились в день Победы, да еще в университете. Ты извини, сегодня день такой, не могу уделить тебе много времени. Еще увидимся и поговорим обо всем.

Народ хлынул на Красную площадь. Там качали военных, обнимались и целовались, радовались и плакали. Конечно, туда же отправились и многие студенты университета.

Вечером в день Победы все окна в Москве светились. Никто не отдавал распоряжение об отмене светомаскировки. Народ распорядился сам. Всем было ясно: раз Победа — к черту светомаскировку, надоела. Поэтому совсем неожиданно прозвучал голос Левитана, объявившего очередной салют в честь освобождения Праги. Тут только спохватились, что там, на западе, несмотря на капитуляцию, идет еще война, и гибнут наши советские люди.

Нам казалось, что после победы все должно измениться, жизнь будет прекрасной. Измученные войной люди считали, что иначе и быть не может. Но действительность оказалась суровой. Понадобился упорный труд миллионов советских людей на долгие годы, чтобы жизнь наладилась. В этом упорном труде участвовали рабочие, крестьяне и интеллигенция, все народы, населяющие нашу страну, люди разного возраста от школьников до стариков. Но главной «ударной силой», как и в годы войны, в годы восстановления было поколение Октября.

По улице идет человек на костылях. Прохожие невольно обращают на него внимание. Ему это неприятно и он делает вид, что ничего не за-

мечает. Прыгает и прыгает, опираясь на костыли. К такому привыкнуть трудно. И еще мучительно сознавать, что полученная инвалидность изменила твои жизненные планы, не дает тебе возможности заняться любимым делом. Но есть еще и физические трудности. Идешь зимой на костылях по обледеневшему тротуару. Скользко. Надо приложить немалые усилия, чтобы костыли не разъезжались в стороны, чтобы не упасть. А сделать это не так просто, если в одной руке портфель с книгами, а в другой сверток чертежей. Идешь и невольно думаешь: хоть бы поскорее добраться до трамвая или метро, а еще лучше до цели своего путешествия. Дошел до нужного здания, а лифта нет или он не работает. Надо подниматься по лестнице на костылях.

И все-таки моральный фактор доставлял мне больше неприятностей, чем физические нагрузки. Выходишь читать лекцию студентам. Костыли под мышку и что-то чертишь или пишешь на доске. При этом бывают неловкие движения, вплоть до прыжков на одной ноге. Тишина стоит в аудитории, и вдруг появляется мысль: а что больше привлекает внимание студентов — излагаемый материал или сам лектор? Возможно, многим эти рассуждения покажутся странными. Но ведь я пишу о себе, а у меня было так. Встать на две ноги — вот была мечта, вот что снимет чувство неполноценности и даст возможность заниматься своей специальностью, участвовать в работе экспедиций.

В 1945 году я решил, что пора попробовать осваивать протез. Инвалидов войны было много, предприятий и институтов, где изготовлялись протезы — мало. Очень хвалили специализированный институт в Теплом переулке. Написали письмо директору института профессору Николаю Николаевичу Приорову, и он меня принял. Я ему начал рассказывать о своем ранении, о плохой культе, и вдруг Николай Николаевич говорит: «На любую культю протез можно сделать». Тут же позвонил и отдал распоряжение: «Сделать протез». Дежурный врач и протезист высказали другое мнение: «Раз Приоров распорядился, протез мы Вам сделаем, но ходить Вы на нем не сможете. Культя такая, что надо делать реампутацию».

Протез был сделан. Но стоило мне его надеть и хоть немного походить, как выпирающие кости прорезали тонкую кожу. Я сам убедился — реампутация неизбежна, и стал к ней готовиться. Решил обязательно ее сделать у Приорова.

Шел сорок шестой год. В мае я явился в приемное отделение института. Здесь на меня заполнили необходимые документы и отправили в санпропускник. Никакие уверения, что я только что дома принял ванну, не помогли. В санпропускнике было сыро и очень холодно — дуло из разбитого окна. Нянечка для вида окатила меня чуть теплой водой, вы-

дала изрядно пожелтевшее белье, пижаму и тапочки, из которых одну я держал в руке.

Попал я в отделение, где заведующим был доктор Блохин (однофамилец известного ученого Н.Н. Блохина). Он тогда пользовался в институте (по крайней мере, у больных) очень большим авторитетом. Говорили, что он первый или один из первых произвел операцию на сердце.

Вечером у меня заболело горло, и поднялась температура 38°. Утром температура продолжала держаться.

Пришел Блохин. Утренний обход заведующего отделением. Его сопровождали врачи и сестры отделения. Увидел меня.

— А, новенький. Что у него?

— Реампутация левой голени.

— Покажите. (Это уже ко мне.) Да, реампутация необходима, завтра ее и проведем. Готовить на операцию.

— Доктор, а ничего, что у меня температура?

— Сколько?

— Сегодня 37,8°.

— Почему?

— Горло болит. Наверное, простудился: в санпропускнике было очень холодно.

— Возможно. Выпишите его.

И пошел дальше. Пришла сестра.

— У нас выписывают после обеда. Вы не расстраивайтесь. Пройдет несколько дней, поправитесь, и снова к нам придете.

— Хорошо.

Позже пришел профессор Приоров. Поздоровался, присел на кровать.

— Ну, как дела?

Я ему рассказал о решении Блохина. Он удивился.

— Впервые слышу, что человека надо выписывать из больницы, потому что он болен. Мы Вас сейчас в другое отделение переведем, к Розе Львовне Гинзбург. У нее есть небольшая палата. Сейчас там двое. Вы будете третий. Сейчас распоряжусь.

Через 20 – 30 минут я был переведен в эту самую палату. Один из моих новых товарищей оказался главным врачом протезного завода на Ленинградском проспекте: лежал он с инфарктом, не по профилю института и попал сюда случайно. Другим соседом по палате был начальник Главпаткоуправления Минздрава СССР Николай Александрович Петриченко. Он был ранен в ногу (голень) еще в годы гражданской войны под Астраханью, совсем молодым парнишкой. С тех пор прошло много лет, а рана все давала о себе знать. Ужились мы все трое хорошо.

Роза Львовна Гинзбург повела себя иначе, чем Блохин. Быстрая, энергичная, немного шумливая, она была очень внимательным и умным врачом. Расспросив меня об обстоятельствах ранения, осмотрев ногу, сказала:

— Прежде чем решать вопрос об операции, надо выполнить специальный анализ крови, посмотреть, не осталось ли в организме возбудителя газовой гангрены. Да и вообще пообследовать вас со всех сторон. Нина Афанасьевна, займитесь этим.

Нина Афанасьевна Попова была нашим палатным врачом. Совсем еще молоденькая, стройная, интересная, очень живая и веселая, она, приходя к нам, всегда вселяла чувство уверенности, что все будет хорошо. Через несколько дней Роза Львовна на очередном обходе сказала:

— Должна вас огорчить, Евгений Михайлович, в крови обнаружен возбудитель газовой гангрены — белый стафилококк. Операцию сейчас делать нельзя. Будем с ним бороться, колоть антибиотики.

Прошло еще около трех недель, когда к нам в палату пришел Николай Николаевич. Как и в первую нашу встречу, он присел на краешек кровати, как бы подчеркивая этим неофициальность своего визита.

— Как самочувствие, Евгений Михайлович?

— Спасибо, отличное. Вот только Роза Львовна все не решается на операцию. Не пора ли, Николай Николаевич?

— Роза Львовна — молодец. Таким и должен быть настоящий хирург. Все надо взвесить и предусмотреть, чтобы операция прошла удачно. Белый стафилококк — вещь весьма опасная. Лечили вас не зря, в крови его стало значительно меньше, единичные экземпляры, но и они опасны. Я хочу, чтобы вы знали правду и сами приняли решение. Вряд ли сейчас после операции у вас вспыхнет газовая гангрена. Раньше вероятность этого была большой, сейчас — минимальная, но она есть. Если это случится, чтобы спасти жизнь, придется отнять всю ногу. Элемент риска есть. Если решаете положительно — будем оперировать, если отрицательно — тоже не зря у нас пролежали, хороший курс лечения провели.

— Николай Николаевич, спасибо за откровенность. На костылях не житье, а существование. У меня только одна просьба: прооперируйте вы меня сами.

— Хорошо, тогда в следующий понедельник, 11 июня, наркоз, как всегда, пентотал.

Разговор у нас был в четверг, а на следующий день, в пятницу, произошел несчастный случай. Все операции в институте, требовавшие общего наркоза, проходили с пентоталом. В пятницу при очередной операции скончался под наркозом больной. Следующим на операцию в по-

недельник должен был идти я. Не могу сказать, чтобы меня этот случай очень вдохновил, но и не поколебал моего решения.

Зашла Нина Афанасьевна.

— Звонил Николай Николаевич, просил у вас спросить: может быть, хотите оперироваться при спинно-мозговом уколе. Но велел передать, что несовместимость по отношению к пентоталу бывает очень редко.

— Давайте ничего не будем менять. Пусть все остается, как договорились.

— Вот и молодец. Увидите, что все будет хорошо.

Пришли в операционную. У стола, с масками на лицах стояли: Николай Николаевич, Роза Львовна, Нина Афанасьевна, сестры.

Положили на стол. Вставили капельницу в вену:

— Считайте.

Помню, что досчитал до 19.

Очнулся уже у себя в палате. Как будто пьяный: весело и хочется кому-то объясниться в любви. Вошла Нина Афанасьевна. Объяснился ей. Она, как обычно, посмеивается и протягивает стакан с вином.

— Пейте, это портвейн. После операции мы всегда его даем.

Выпил и сразу заснул.

На следующий день Нина Афанасьевна, посмеиваясь, спрашивает:

— Помните, как мне вчера в любви объяснялись?

— Кажется, помню.

— Не смущайтесь. Это не Вы объяснялись. Это объяснялся пентотал. Не было еще случая, чтобы после него человек в любви не объяснялся. Но жаль, что Вы не объяснились в любви Розе Львовне. Она этого заслуживает. Это она вас так отлично прооперировала. А Николай Николаевич только смотрел и изредка давал советы. Самому ему уже трудно оперировать. Практики мало стало. Административная работа мешает.

Реампутация прошла удачно. На протезном заводе на Ленинградском шоссе мне сделали протез. Первым моим протезистом был Александр Федорович Комаров. Вскоре его сменил Наум Яковлевич Дайн, протезы которого я носил много лет.

Сбылась моя мечта, я снова стал ходить на «двух ногах». Но ненадежная вторая «нога». То она болит, то ломается протез. Однако все же я почувствовал себя работоспособным человеком, а не инвалидом, и решил остаться геологом, способным участвовать в далеких и трудных экспедициях. Первым таким опытом была Каракумская экспедиция.

Глава 19

Строительство новых зданий МГУ на Ленинских горах. Ректор А.Н. Несмеянов

24 мая 1947 года на заседании оргбюро ЦК ВКП(б) слушался вопрос: «О положении университетского образования и мерах по его улучшению». На обсуждение этого вопроса от университетов были приглашены ректор Ленинградского университета Вознесенский, ректор и секретарь парткома Московского университета. Председательствовал А.А. Жданов. Он сидел один за большим столом для президиума, на котором стояла табличка с надписью «место для оратора». Секретарей и стенографисток не было, и поэтому табличка красноречиво говорила о том, что выступления и весь ход заседания будут записываться.

Члены оргбюро ЦК, работники аппарата ЦК и приглашенные — все находились в зале, где стояли зигзагообразно столы с вращающимися креслами, а приглашенные — за ними. Слово для доклада было предоставлено министру высшего и среднего специального образования СССР С.В. Кафтанову. При этом Жданов предупредил, что время для сообщения не должно превышать 20 минут. «Материалы по Вашему сообщению у членов оргбюро имеются», — сказал он.

В своем сообщении Кафтанов основное внимание уделил укреплению материальной базы университетов. Жданов раздраженно перебил докладчика: «Что Вы все нам говорите: надо дать и еще надо дать. А под что давать? Вы не говорите о главных проблемах университетов. Скажите, что главное в университете: наука или обучение?»

С моей точки зрения, вопрос был поставлен совершенно неправильно. Сергей Васильевич растерялся: бывший каталь из содовой шахты Донбасса, безусловно, умный человек, ученик академика Баха, он еще

не имел достаточного опыта в таких дискуссиях и прямо ответил: «Я считаю, что наука». Жданов вспыхнул. «Да какой же Вы министр после этого! Да Вас близко к высшей школе подпускать нельзя! Вы забыли, что делали университеты до революции? Они готовили в первую очередь учителей для средней школы. И этим они сейчас заниматься должны. Садитесь».

Стали выступать члены оргбюро. Среди выступавших были Попов, Шкирятов и другие. Все они поддержали Жданова: «Да, университеты должны готовить в первую очередь преподавателей для средней школы». Сидевший рядом со мной И.С. Галкин торжествовал: «Я говорил, что задача университетов — готовить преподавателей средней школы! И видите — я был прав». Да, он имел право так говорить: дискуссия о профиле выпускников университета проходила в МГУ в сравнительно узком кругу. Некоторые из ее участников поддерживали ректора. Большинство же считали, что Московский университет в первую очередь должен готовить исследователей. Я поддерживал это большинство.

Попросил слово ректор Ленинградского университета Вознесенский. Спокойно он начал:

— Вы меня извините, товарищи, но я не понимаю, что здесь происходит. Собрались люди, которые не являются специалистами ни в области высшего образования, ни тем более университетского, и решают вопрос о том, какие специалисты должны готовиться в университетах.

Жданов: Интересно послушать специалиста, что он скажет.

Вознесенский: Товарищ Кафтанов был прав, когда сказал, что наука в университетах должна быть на первом месте. Университеты должны в первую очередь готовить научных исследователей в различных областях науки.

Жданов: Кто их обязывает к этому?

Вознесенский: Вы, Андрей Александрович, точнее ЦК партии, который своими решениями обязывает нас открывать то одну, то другую специальность, имеющую не массовый, а чисто научный или идеологический характер.

Жданов: Если мы действительно принимали такие решения, то поступали неправильно. И вы должны были опротестовать наши решения.

Вознесенский: Нет, мы не должны были протестовать, потому, что решения были правильными.

По ходу заседания Галкин попросил слово для выступления, но Жданов сказал, что время для обсуждения вопроса истекло и надо принимать постановление. «Пишите, — сказал он, — Создать комиссию для подготовки решения по докладу Кафтанова об оказании материальной

помощи университетам, особенно Московскому и Ленинградскому. Председателем комиссии назначить Попова, в состав комиссии ввести ректоров названных двух университетов Галкина и Вознесенского. Комиссии дать предложения в месячный срок. Все. Обсуждение вопроса закончено».

Выходили мы с Ильей Саввичем из здания ЦК в приподнятом настроении. Вот когда, наконец, будут решены все проблемы нашего университета. Вот когда можно просить не железо на крышу старых зданий, а ставить вопрос о строительстве нового комплекса университетских современных зданий.

И действительно, вскоре состоялось первое заседание комиссии. На нем произошел обмен мнениями, но никаких решений принято не было. Прошел июнь, потом июль, август, ноябрь на дворе, а комиссия больше не собиралась. Как будто никакого заседания и решения оргбюро не было. Естественно, что это меня беспокоило. Кто мог отменить решение? Политбюро? Сталин? Тогда надо обращаться прямо к нему.

С этой мыслью я зашел к Галкину и предложил написать письмо Сталину, просить его вмешаться в это дело. Выслушав меня, Илья Саввич ответил примерно так: «Видите ли, дело касается партийных органов, органов ЦК партии. К тому же вопрос рассматривали на закрытом заседании. Вы секретарь парткома, а я ректор, представитель Министерства высшего образования. Если бы вопрос касался работы министерства, то, конечно, я бы первый подписал такое письмо, но в отношении партийных органов мне это делать неудобно. Хотите писать — пишите, но только от своего имени».

Я хотел возразить Илье Саввичу, что мы оба в первую очередь коммунисты, но потом решил, что этим его не убедить. Да я и сам понимал, какую большую ответственность на себя берет автор такого письма, содержащего по существу жалобу на Попова и Жданова. Какой вес имеет Жданов в руководстве партией — это я имел возможность лично убедиться на заседании Оргбюро ЦК. Попов тоже обладал огромными полномочиями, будучи секретарем ЦК партии, членом Политбюро и Оргбюро, первым секретарем МГК ВКП(б) и, если не ошибаюсь, первым секретарем МК ВКП(б) и председателем Моссовета. Никаких возражений он не терпел, и на этой почве, к сожалению, у меня уже были с ним конфликтные ситуации.

Но в Сталина, как и большинство советских людей, тогда я верил бесконечно и решил такое письмо написать ему лично. Советоваться ни с кем не стал, чтобы не дать возможности говорить о «скрытой оппозиции» или «группировке» в университете. В газетах иногда печатали

письма на имя Сталина. Они всегда начинались так: «Дорогой Иосиф Виссарионович». Я и начал свое письмо по «газетному образцу». Текст его у меня сохранился, и я привожу его полностью.

«Чувство большой ответственности перед партией и советским народом за работу Московского государственного университета заставляет меня обратиться к Вам и просить помочь нашему коллективу в разрешении его неотложных нужд.

На протяжении 1944 – 45 гг. Советское правительство дважды выносило постановление по оказанию помощи Университету, но ни в одном из них не был разрешен коренной вопрос, обеспечивающий нормальную работу университета – расширение его аудиторного и лабораторного фондов.

По сравнению с 1940 годом количество факультетов и кафедр, а также весь коллектив университета выросли в два раза, а занимаемая им площадь остается прежней.

Учебные занятия ведутся с 9 часов до 11 часов вечера, с использованием всех «уголков», многие кафедры не имеют помещений, не хватает лабораторий. Недостаток помещений значительно осложняет партийно-политическую работу в университете. Все это приносит большой ущерб государственным интересам, так как снижает качествоготавливаемых специалистов и ограничивает развертывание научной работы в университете. Создался разрыв между возможностями ученых и всего коллектива университета и его фактической работой.

24 мая сего года на Оргбюро ЦК ВКП(б) слушался вопрос: «О положении университетского образования и мерах по его улучшению».

В решении Оргбюро ЦК ВКП(б) было особо указано на необходимость улучшения материальной базы Московского университета. Подготовить решение этого вопроса для Оргбюро ЦК ВКП(б) в месячный срок должна была специальная комиссия. Времени прошло шесть месяцев – комиссия ничего не сделала.

Мне известно, что с сентября месяца вопрос о дальнейшей работе Университета, его развитии и о расширении площади Университета обсуждается в Министерстве, Госплане СССР и в Бюро Культуры Совета Министров СССР. Срочно разрабатываются различные проекты постановлений, которые при согласовании с заинтересованными министерствами тут же отменяются.

Из предыдущих постановлений Правительства не выполнен ряд пунктов. Московский Совет, несмотря на двукратное решение СНК СССР, отказывается предоставить университету жилой дом, что значительно улучшило бы положение профессуры и позволило бы вывести жиль-

цов из зданий Университета. Это дискредитирует постановление СНК СССР, по поводу которого в Университете проводились митинги.

Дорогой Иосиф Виссарионович, я глубоко убежден, что в решении огромных задач, стоящих перед советским народом, большую пользу может принести Московский университет. Эта польза может быть значительно большей, если будут созданы нормальные условия для его работы.

Мы постоянно чувствуем заботу и внимание к университету со стороны Партии и Правительства. Однако, я убежден, что кардинальное решение важнейших жизненных вопросов университета в ближайшее время возможно только лишь при наличии Ваших указаний. О чем я и прошу Вас.

С глубоким уважением к Вам
Секретарь партийного комитета
Московского государственного университета (Сергеев)
3.XII.47 г.»

Удивительно легко писалось это письмо. С этого времени прошло более сорока лет, а я и сейчас помню, что для написания его и перепечатки на машинке понадобилось меньше трех часов. Я сам вложил его в конверт и отнес в бюро пропусков у Спасских ворот, где принималась подобного рода почта.

Но уже на обратном пути появилось сомнение: а как будет воспринято письмо? А что если секретариат Сталина не сочтет нужным доложить его Сталину и переправит его в горком партии, Г.М. Попову. Вот тогда мне будет плохо. После того как я позволил себе выступить с возражениями против некоторых его критических замечаний в адрес Галкина, отношение его ко мне стало явно недоброжелательным. Если письмо будет передано ему для рассмотрения, то он нашел бы возможность расчитаться с «неудобным человечком».

Прошла неделя, на письмо никакой реакции. Идет вторая неделя — мне уже плохо спится. И как-то, ворочаясь с боку на бок, я решил, что дальше в неведении быть нельзя.

На следующий день я позвонил Ф.И. Коровину, с которым я работал в профкоме МГУ и который рекомендовал меня в партию, и попросил его срочно меня принять. В это время Федор Иванович работал в Совете министров СССР.

Не помню, какую должность он занимал, но оказалось, что у него был «кремлевский» телефон, то, что сейчас называется «вертушка». Выслушав меня, Федор Иванович посоветовал:

— А ты позвони товарищу Сталину и узнай, получил он твое письмо или нет.

— Но как же я могу это сделать?

— Очень просто. Вот на столе «кремлевка», а рядом справочник, в котором указан телефон Сталина.

Я взял справочник, открыл, и на первой же странице, крупными буквами стояло «И.В. Сталин» и указан номер телефона. Я набрал этот номер. Длинные гудки и тут же голос: «Я вас слушаю».

Я представился и объяснил причину моего звонка.

— Это вам надо узнать по другому телефону.

Продиктовал мне номер и положил трубку. Я набрал новый номер, снова представился и снова объяснил причину моего звонка. Человек, слушавший меня, сразу же ответил: «Ваше письмо товарищ Сталин прочитал и направил товарищу Жданову».

Гора с плеч свалилась, хотя я еще не знал, что же будет дальше. На следующий день раздался телефонный звонок в парткоме, и женский голос произнес: «Товарищ Сергеев? Вас хочет видеть товарищ Жданов завтра в 16.00».

Я замялся.

— Видите ли, у меня как раз на это время назначена встреча с избирателями. Моя кандидатура выдвинута в депутаты Краснопресненского райсовета.

— Сейчас доложу. Да, на встрече с избирателями вам надо быть. Поэтому товарищ Жданов переносит встречу с вами на 10 часов утра. В бюро пропусков заходить не надо. Предъявите партбилет при входе.

На следующий день в здании ЦК я получил пропуск. Посмотрел на него и очень удивился. Был указан номер комнаты, в которой мне приходилось неоднократно бывать, так как в ней работал зав. отделом науки и учебных заведений. Подумал, что мы вместе пойдем с ним к Жданову. Захожу в приемную. Поздоровался с секретарем.

— Здравствуйте, Юрий Андреевич вас ждет. Заходите пожалуйста.

Было чему удивиться. Думал, что иду к Андрею Александровичу Жданову, а оказался у его сына Юрия Андреевича. Неделю назад я приглашал его к себе, так как нам хотелось, чтобы Юрий Андреевич возглавил редакцию газеты «Московский университет». Во время войны он служил в Политуправлении Советской Армии и занимался там печатью. После демобилизации был восстановлен в аспирантуру на кафедре органической химии. Отзывы о нем были как о человеке умном, решительном и политически образованном. Газета «Московский университет» была довольно «серенькой». Хотелось, чтобы она соответствовала тому коллективу, для которого существовала. Я пытался убедить Юрия Ан-

дреевича помочь парткому решить этот вопрос. А он отказывался, говоря, что во время службы на флоте отстал в науке и сейчас приходится много работать над диссертацией. Договорились, что через некоторое время мы еще встретимся. Но я, конечно, не мог предположить, что эта встреча произойдет в ЦК и Юрий Андреевич к этому времени будет зав. отделом науки и учебных заведений.

Жданов-младший встретил меня с улыбкой.

— Вот, видите, никак не могу принять ваше предложение быть главным редактором газеты «Московский университет». Давайте поговорим об университете вообще.

Глаза у Жданова стали строго официальными.

— Первый вопрос такой. Почему вы подписали письмо товарищу Сталину один? Почему проигнорировали ректора?

— Вы ошибаетесь, я предлагал Илье Саввичу вместе написать письмо товарищу Сталину. Но он привел ряд соображений, почему не может этого сделать. — И я постарался точно воспроизвести наш разговор.

Выслушав меня внимательно, Ю.А. Жданов следующей фразой как бы подвел итог.

— Так, значит, испугался обратиться в ЦК партии. Как бы чего не вышло. Значит, правильно у нас в отделе считают, что он не может сейчас быть ректором. Сначала надо решить вопрос о новом ректоре, а потом уже с его участием рассмотреть вопрос о развитии и университета. Кого Вы можете порекомендовать ректором университета?

— Александра Николаевича Несмеянова.

— А еще кого?

— Я ведь специально этим вопросом не занимался. Вы меня с ходу спросили, и я вам назвал бесспорную кандидатуру Александра Николаевича Несмеянова.

Жданов снова пристально, испытующе на меня посмотрел. Я продолжал:

— Несмеянов — воспитанник университета, ученый в расцвете сил, это нашло признание в избрании его академиком, он единственный академик среди деканов факультетов университета, коммунист. Есть и еще одно соображение, хотя оно может быть не принято во внимание.

— Какое же?

— Несмеянов — представитель естественных наук. Ему легче будет разобраться в развитии, направлениях и проблемах таких фундаментальных наук, как физика, биология, математика, не говоря уже о химии, чем любому представителю гуманитарных наук.

— Я думаю, что Вы правы. На данном этапе развития науки ректором следует быть представителю естественных наук. Но надо будет посовет-

товаться по этому вопросу. Теперь я хочу спросить Вас: не хотите ли Вы поработать в отделе науки и учебных заведений ЦК партии?

— Что Вы, Юрий Андреевич, я же инвалид, с трудом осваиваю протез, до сих пор ходил на костылях. Мне бы хотелось заняться научной работой. Я уже и так четыре года работаю в парткоме МГУ.

— Ну, если уж Вы считаете, сколько времени отдали партийной работе, тогда, конечно, дальнейший разговор ни к чему.

На этом мы распрощались, и больше подобных встреч со Ждановым у меня не было.

В конце декабря 1947 года вместо И.С. Галкина ректором университета был назначен декан химфака академик А.Н. Несмеянов. С его приходом обновилось руководство университетом. Была введена должность проректора по общим вопросам. На эту должность был назначен профессор Григорий Данилович Вовченко, ранее в университете не работавший. Предполагалось, что на его плечи должны лечь самые сложные вопросы жизни университета и в том числе строительство новых зданий. Проректором по учебной работе стал Виктор Иванович Спицын, заведующий кафедрой общей химии, известный ученый, будущий академик.

Ректор попросил меня рекомендовать кого-нибудь из профессоров или заведующих кафедрами на должность проректора по административно-хозяйственной части. «Я исхожу из того, — говорил Александр Николаевич, что эту должность должен занимать обязательно ученый, причем энергичный ученый, разбирающийся в хозяйственных делах в связи с учебной и научной деятельностью университета.

— Александр Николаевич, недавно на геолого-почвенном факультете открыта новая кафедра геологии и геохимии горючих ископаемых. Возглавил ее профессор Игнатий Осипович Брод. Он производит впечатление человека умного и очень энергичного. Сейчас рядом с факультетом возводится небольшой домик для его кафедры силами той организации, для которой кафедра будет проводить работы вокруг Каспийского моря; это оговорено хоздоговором. Строительство пустыняковое, но продвигается очень быстро. Студенты и сотрудники факультета шутят: «строится Бродвей». Брод сам следит за этим строительством. Но я Игнатия Осиповича почти не знаю. Рекомендовать его не могу, а встречу с ним стоит организовать. Знаете, есть пословица: не зная брода — не суйся в воду.

Во время встречи ректор изложил Игнатию Осиповичу свои мысли относительно обязанностей проректора по административно-хозяйственной части. Тот дал согласие и тут же приступил к работе. Через некоторое время, когда я уже не был секретарем парткома, Не-

смеянов мне сказал: «А знаете, Брод оказался бродом». Мы оба посмеялись.

Работал Игнатий Осипович неутомимо. Вместо отдыха — в экспедицию. В экспедиции у него был свой режим работы — переезжать из партии в партию только ночью, чтобы не терять дневного времени и по возможности в дороге знакомиться с материалами партии, в которую он едет. В результате возвращался он еще более усталый, чем был до командировки. А в кабинете проректора его ожидает кипа бумаг, которые надо срочно подписать. Подвел его помощник, подsunул какие-то документы, которые не следовало подписывать. Помощник был уволен из университета, а ректор был вынужден освободить Брода от должности проректора.

Игнатий Осипович Брод был человеком, преданным науке, преданным Московскому университету. Но силы человеческие не безграничны, организм не выдержал перегрузок и талантливый ученый ушел из жизни внезапно, в расцвете сил.

Как ни странно, но в Московском университете долго не было проректора по науке. После войны такая должность была введена приказом министра и на нее этим же приказом назначен известный математик, академик И.М. Виноградов. Большой ученый, но очень плохой администратор. Его рабочим местом был письменный стол, поставленный в кабинете ректора, когда им был И.С. Галкин. Приходил Виноградов, когда не было ректора, и уходил, когда тот появлялся. Как решился этот вопрос при Несмеянове — не помню. Но, может быть, в связи с этим Александр Николаевич оборудовал свой кабинет в «круглом зале», где обычно заседал Совет университета и проходили разные большие и маленькие совещания.

Первое такое совещание в узком составе проводилось перед вторичным посещением Несмеяновым Сталина. Александр Николаевич сказал, что хочет составить впечатление об оснащении университета научным оборудованием. И предложил небольшой группе лиц сопровождать его на биологический факультет.

Ближе всех к ректору находилась кафедра биохимии животных, которую возглавлял академик Сергей Евгеньевич Северин. Зашли туда. Несколько больших комнат, разделенных шкафами. В этих «закутках» находились по 1 — 2 сотрудника, иногда микроскоп, иногда еще какой-нибудь прибор, на котором еще учился сам Сергей Евгеньевич. В шкафах книги, коллекции, препараты. Сам Сергей Евгеньевич отсутствовал, но сотрудники его рассказали об организации учебного процесса и подтвердили, что никакого нового оборудования за последние годы не поступило, поэтому приходится учить студентов на том, которое есть.

Такая же картина повторилась еще на двух-трех кафедрах, и ректор вернулся к себе в кабинет весьма расстроенным.

Первые слова, которые произнес Александр Николаевич, войдя к себе в кабинет, были: «Никогда не думал, что Московский университет имеет такое плохое научное и учебное оборудование. Придется просить помимо строительства новых зданий денег для приобретения импортного и отечественного оборудования. Поэтому бросьте все дела и считайте вместе с учеными, что надо приобрести университету и сколько это будет стоить в советских рублях и в валюте».

Через два дня Александр Николаевич собрал опять руководство университета. Говорил он всегда кратко:

— Я был у товарища Сталина. Он согласен, что по существу надо строить новый университет. С оборудованием и общежитиями. Вы знаете, что недавно было постановление о строительстве высотных зданий в Москве. Одновременно с ними строить и новые здания университета правительство считает невозможным. Это слишком дорого стоит. Поэтому предлагается на наше усмотрение или выбрать любое высотное здание из числа спроектированных, и рядом с ним построить дополнительные корпуса, если в этом возникнет потребность, или подождать, когда будут построены высотные здания и после этого приступить к строительству нового университетского городка. Ваше мнение? Я должен дать ответ правительству в ближайшее время.

Все как-то очень быстро пришли к единому мнению: отказываться от высотного здания никак нельзя, к строительству университета надо приступать немедленно. Для этого надо выбрать площадь не в центре города, где потребуются снос большого количества построек, а на окраине, на свободной площадке, чтобы иметь возможность рядом с высотным зданием построить отдельные корпуса факультетов, требующих специальных коммуникаций и более опасных в пожарном отношении. Общежития должны быть при университете. Не забыть о комбинате питания. Нужны телефонная станция, почта.

В мою жизнь Воробьевы горы вошли еще с 1930-го года. Именно там, по засыпанным сейчас оврагам, сохранившимся частично в районе Дворца пионеров, проходила наша топографическая учебная практика, когда я был студентом Московского топографического техникума, а также практика по геодезии для ряда специальностей студентов первого курса МГУ, на которую я приезжал навестить своих товарищей, так как за моими плечами стояли три года работы топографических экспедиций на Дальнем Востоке.

Очень нам нравился вид на Москву с Воробьевых гор, особенно из района маленькой церквушки, приютившейся над самым обрывом, в

которой, по преданию, венчался Суворов. К Москве-реке спускался оползневой склон, а от склона в противоположную сторону шли овраги, частично поросшие кустарником. Это примерно там, где в настоящее время пробегает заасфальтированный Университетский проспект. Думаю, что такое радостно-привольное впечатление оставалось у многих поколений, смотревших на Москву с Воробьевых гор. Вспомним Огарева и Герцена.

В середине XIX века сенат Московского университета обратился в правительство России с просьбой расширить площади университета за счет сноса окружающих его зданий. Правительством было принято положительное решение, но с условием: дополнительное строительство новых зданий на Воробьевых горах, не разрушая при этом дома, построенные вокруг университета в центре Москвы. Сенат Московского университета был обижен, что часть университета хотят «выпихнуть» из Москвы.

Несколько позднее один из наследников Демидова предложил построить новый Московский университет целиком за свой счет, такой, какой захотят ученые, но с обязательным условием — только на Воробьевых горах. Опять последовал резко отрицательный ответ.

И вот надо принимать решение по этому же вопросу в 1949 году. Где же строить? Краснопресненскому РК ВКП(б) очень не хотелось, чтобы университет уходил в другой район Москвы. Позвонил секретарь райкома и просил ректора посмотреть, строительную площадку, которая, с его точки зрения, является идеальной. Несмеянов охотно согласился, пригласил Вовченко и меня, и через час мы уже осматривали предлагаемую площадку. Это было место, где сейчас построен Советский торговый центр. Оно никак не могло подойти для строительства нового университета. Вовченко считал, что единственное подходящее место — Ленинские горы. Здесь высокий правый берег реки возвышается над городом и университет будет виден издали. Несмеянов тоже придерживался этих позиций, но ему захотелось еще посоветоваться с президентом АН СССР С.И. Вавиловым.

Я был свидетелем как Александр Николаевич Несмеянов звонил по телефону президенту АН СССР С.И. Вавилову и просил его разрешения приехать и посоветоваться с ним по поводу дальнейшего развития МГУ. Сергей Иванович ответил, что он сам готов приехать в МГУ и поговорить по этому вопросу в спокойной обстановке, потому что в его президентском кабинете это сделать невозможно. Два руководителя договорились о времени встречи, после чего Александр Николаевич пригласил меня как секретаря парткома МГУ принять участие в разговоре. Я был рад тому, что ректор не проигнорировал партийный комитет МГУ, хотя бе-

седа и носила неофициальный характер. Впервые совсем близко от меня за маленьким столиком сидел Сергей Иванович Вавилов. Держался он очень просто. Хороший костюм, массивное обручальное кольцо (такие тогда мало кто носил). Внимание и доброжелательность к собеседникам. Все это сливалось как-то воедино и располагало к нему. Лично для меня это была не только первая встреча с президентом АН СССР, это был урок и притом наглядный урок «высшей интеллигентности» в беседе между двумя крупнейшими учеными. Во всем: в уважительности, тактичности, непринужденности. Сергей Иванович внимательно слушал ректора, задавал ему вопросы и вставлял в разговор свои реплики. Идея разместить МГУ на Воробьевых (Ленинских) горах ему понравилась.

При следующей встрече со Сталиным Александр Николаевич доложил ему ряд пожеланий университета. Первое — просим передать университету высотный дом, начать немедленно его проектирование и строительство на Ленинских горах. Второе — рядом с высотным зданием построить ряд корпусов для факультетов, которые нецелесообразно располагать в высотном здании. Третье — выделить средства для приобретения научно-учебного оборудования, мебели, спортивного инвентаря и другого. Все эти предложения были приняты.

15 марта 1948 года правительство постановило построить для Московского государственного университета новый комплекс на Ленинских горах, разместив в нем механико-математический, физический, химический, биологический с ботаническим садом, геолого-почвенный и географический факультеты, жилые помещения для 5250 студентов и 750 аспирантов и 200 квартир для профессорско-преподавательского состава.

Таким образом, в новые здания на Ленинских горах переезжали только естественные факультеты, а гуманитарные оставались в старых зданиях, расширяясь за счет освобождающихся помещений.

Такое предложение Несмеянов сделал в самом начале обсуждения вопроса о возможности переезда части университета на новую территорию. Мотивировал он это тем, что для естественных факультетов значительно сложнее построить новые здания и тем более оснастить их современным оборудованием. Приспособить же помещения естественных факультетов для гуманитарных значительно проще. Это казалось убедительным. Все были согласны. А потом оказалось, что все не так просто, что вопрос этот следовало обсудить внимательнее и в разных аспектах. Я, например, убедился, что, разделив факультеты университета на естественные и гуманитарные при решении вопроса о переезде части факультетов университета, мы допустили ошибку и невольно создали два университета, потеряв при этом преимущество, свойственное

университетам вообще и, в частности, Московскому университету — тесную взаимосвязь между разными науками.

Проектирование комплекса новых зданий осуществлялось под руководством архитекторов Л.В. Руднева, С.Е. Чернышева, П.В. Абросимова, А.Ф. Хрякова и инженера В.Н. Насонова. В структуре университета появилось управление капитального строительства, а в штаты были включены должности главного инженера (И.П. Морозов) и заместителя главного инженера (М.Ю. Эпштейн). Последний со временем заменил И.П. Морозова.

Вопросами строительства новых зданий университета жил весь коллектив. Проходило общественное обсуждение эскизных проектов новых зданий. На некоторых я присутствовал. Каких только не было предложений! Мне запомнилось выступление механика с физического факультета, предлагавшего предусмотреть наверху главного корпуса сооружение площадки для дирижаблей, так как, по его мнению, им будет принадлежать главная роль при развитии воздушного транспорта. На стройку приезжали профессора и преподаватели. Было интересно посмотреть, как сооружаются новые здания и особенно главный корпус. В нем должен был разместиться вместе с другими подразделениями университета и геологический факультет, ставший после августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 года самостоятельным факультетом, так как почвенное отделение вместе с биологическим образовали новый биолого-почвенный факультет, который получил отдельный корпус рядом с ботаническим садом.

Вместе с геологами бывал на стройке и я, но уже не в качестве секретаря парткома МГУ, а как доцент геологического факультета. Мне удалось, наконец, решить свой личный вопрос. Я обратился в городской комитет партии с просьбой освободить меня от партийной работы в университете и дать возможность заняться учебно-научной работой. По моей рекомендации секретарем парткома МГУ был избран доцент химфака МГУ Михаил Александрович Прокофьев, с которым до сих пор у нас сохранились дружеские отношения. После 1948 года я на освобожденной партийной работе не был. Хотя избирался в состав районных комитетов партии и даже в состав бюро райкомов в силу своего служебного положения, будучи проректором Московского университета и ректором Академии народного хозяйства при Совете министров СССР.

Скоропостижно скончался Сергей Иванович Вавилов. Президентом АН СССР был избран А.Н. Несмеянов. Должность ректора университета оказалась вакантной. В мае 1951 года ректором Московского университета был назначен воспитанник университета, известный ученый, математик, академик Иван Георгиевич Петровский.

К этому времени строительство, начавшееся в 1949 году, шло полным ходом. Проектировщикам хотелось поставить главное здание как можно ближе к крутому берегу реки, чтобы оно было видно из всех районов города. Но геологи доказали, что этого делать нельзя: стоит выйти на смотровую площадку на Ленинских горах, как перед вами откроется вид не только на Москву, но и на склон берега реки, который имеет ярко выраженный оползневой характер. Сейчас, говорили геологи, оползневые процессы приостановлены, но огромные нагрузки сосредоточатся вблизи кромки берега, под влиянием касательных напряжений может произойти оживление оползневых процессов. В этом случае придется не столько строить, сколько заниматься борьбой с оползнями.

Пришлось выбирать новую строительную площадку примерно метрах в пятистах в глубину от берега (примерно туда, где сейчас проходит Университетский проспект). Но в этом случае здание «садилось» на уже давно существующие водоснабжающие Москву сооружения, и категорически запротестовал Моссовет. Пришлось опять отступить дальше от берега и здесь на расстоянии примерно километра от его кромки начали рыть котлован. Фундамент главного корпуса находится на глубине 13–14 м. Объем бетона фундаментной объемной коробки составляет 43 000 куб. м. В качестве несущей конструкции центральной части корпуса принят стальной каркас. Расчет был проведен таким образом, чтобы давление здания на грунт было близким к давлению, которое испытывали грунты на этой глубине от снятых слоев пород в условиях их естественного залегания. Такой подход в какой-то степени гарантировал незначительные осадки уникального здания.

Мне кажется принятое решение удачным. При настоящем положении главное здание университета достаточно хорошо видно из различных районов Москвы и производит еще большее впечатление, когда посетители постепенно приближаются к университету от смотровой площадки. Особенно большое впечатление создается, когда перед главным входом работают фонтаны; вдоль аллеи расположены скульптурные бюсты великих русских ученых. В процессе строительства (1949–1953 гг.) в первоначальный проект вносились дополнения и изменения в связи с проработкой отдельных вопросов. Например, верхние этажи главного здания решили использовать для организации Музея землеведения, в котором экспонировали свои коллекции географический, геологический и факультет почвоведения.

Известно, что все геологические коллекции, собранные в МГУ и в Горной Академии, были переданы в Московский геолого-разведочный институт при его организации. На кафедрах геологического факультета остались отдельные экспонаты от учебных коллекций. Так же плохо об-

стояло дело с экспонатами на почвенном и географическом факультетах. Пришлось организовать для нового Музея специальные «экспедиции» по сбору материалов в природе (главным образом), в краеведческих и других музеях, у частных лиц. На должность директора музея был приглашен профессор Львовского университета лауреат Государственной премии Николай Порфирьевич Ермаков.

Под строительство новых зданий на Ленинских горах был выделен участок 168 га, а объем всех зданий университета составлял 2611 тысяч куб. м.

В главном здании университета должны были разместиться ректорат университета, актовый зал на 1500 мест, дом культуры со зрительным залом на 800 мест, механико-математический, геологический и географический факультеты, музей землеведения, спортивные залы и бассейн, четыре столовые и общежития студентов и аспирантов. Думаю, что на долю общежитий приходится больше всего или во всяком случае излишне много полезной площади в самом главном корпусе. Студенты и аспиранты, живущие в главном корпусе, всем обеспечены — столовые, буфеты, спортивные залы, бассейн, почта, различные мастерские, парикмахерские. Можно окончить университет, ни разу не выйдя на улицу!

Вокруг главного корпуса разместились корпуса факультетов: физического, химического, биолого-почвенного; институтов механики, ядерной физики, астрономии; лаборатории сверхвысоких давлений, радиохимии, искусственного климата и др. В этих зданиях насчитывается 37 000 помещений. Можно только позавидовать тем, кто в них работает. Там совершенно другая обстановка, чем в главном корпусе. Как и должно быть в научно-педагогическом центре, нет суетни, непрерывного движения людских масс, бабушек с колясками и т.п.

Большинство новых зданий построено в небывало короткий срок. Приезжающие к нам иностранные коллеги всегда обращают внимание на даты у главного входа — «1949 — 1953 гг.». Не верят, не могут поверить. И когда мы говорим нашим гостям, что за четыре года построен не только этот корпус, но и ряд других зданий для больших факультетов, таких как физический, химический, почвенно-биологический, то это казалось и кажется сейчас почти чудом. А между тем это так. В 1948 году правительством только было принято решение о строительстве новых зданий университета на Ленинских горах, в 1949 продолжалось проектирование и началось строительство, в 1950 г. стали поступать заказанные мебель и оборудование.

Одновременно со строительством расставлялась мебель и оборудование, развешивались картины (более 2000 картин и портретов ученых).

В фойе Актового зала помещено 60 мозаичных портретов крупнейших ученых мира. На фоне юго-западного фасада Главного корпуса соорудили памятник Ломоносову, выполненный скульптором Н.В. Томским.

Московский университет начал 1 сентября 1953 года новый учебный год по-новому. Огромная подготовительная работа была проделана ректором Несмеяновым, ректоратом и в первую очередь управлением капитального строительства. Но главным фактором явилось доброжелательное, неформальное отношение к строительству руководителей правительства, понимание строителями — рабочим классом, что они возводят университет, равного которому у нас в стране не было. Из песни слова не выбросишь, принимали участие в строительстве и заключенные; был случай, когда один из них пытался бежать, спрыгнув с высокого этажа, держа над головой лист фанеры, который должен был сыграть роль парашюта. Несчастный, конечно, разбился насмерть. Не думаю, что это послужило поводом для отзыва со стройки университета всех заключенных. А вот зачем это было сделано, зачем надо было задержать ввод в срок всех зданий университета — трудно сказать. Может быть, по этому поводу мог что-нибудь рассказать Александр Николаевич Несмеянов, но, к сожалению, его уже давно нет среди нас.

Мне хочется охарактеризовать Александра Николаевича как оригинального ученого с большой научной эрудицией, как человека смелого, не идущего ни на какие компромиссы, как человека, всегда готового протянуть руку помощи, и как человека, отстаивающего свои убеждения.

Не раз приходилось мне слышать от Александра Николаевича и на больших собраниях в специальных докладах и при беседах вдвоем одну и ту же идею: современное состояние науки таково, что наиболее интенсивное развитие и кардинально новые результаты, приводящие к скачкообразному ее развитию, происходят на стыках наук. Например, на контакте геологии и химии зародилась геохимия, без знания законов которой нельзя было создать термоядерное оружие.

В свое время Александр Николаевич возражал против передачи институтов, лабораторий, организованных в АН СССР, в промышленные министерства, только потому, что они из своих теоретических работ делали выводы, имеющие практическое, значение. Хрущеву же хотелось хотя бы на базе академических научных организаций укрепить отраслевую науку. Мне рассказывали, что, будучи на приеме у Хрущева и увидев заготовленное постановление по этому поводу, Несмеянов сказал:

«Я категорически возражаю против этого постановления, Никита Сергеевич».

Н.С.: «Потому, что вы в этом ничего не понимаете».

А.Н.: «Тогда освободите меня от обязанностей президента и руководите сами работой Академии наук».

Однажды, весной 1951 года, когда уже во всю шли экспедиционные работы, я оказался случайно в Москве. Неожиданно дома раздался телефонный звонок. Вежливый голос просит зайти завтра в ЦК. Называется подъезд, номер комнаты, время, просят быть без опозданий.

Прихожу в назначенное время, мне говорят: «Есть такое мнение — направить вас на работу ректором в Саратовский университет и одновременно доизбрать в бюро Саратовского обкома». Я начинаю отказываться: болею, нога никак не заживает.

— Там будет создано лучшее медицинское обслуживание, чем в Москве, и уж во всяком случае лучше, чем в экспедиции.

— В Саратовском университете нет кафедры по моей специальности.

— О чем говорить, вы же ректор, можете создать все, что захотите. Не ищите причин, будьте завтра весь день дома, я вам позвоню, когда вам надо будет приехать в ЦК.

Впервые называется фамилия члена Политбюро ЦК, курирующего этот вопрос. Что делать? Уже вечер, вряд ли я застану в университете Александра Николаевича. Но все-таки еду в университет, мне повезло, застаю его, собирающегося уехать домой. Выслушав меня, он говорит: «Когда меня назначали ректором, то обещали без моего согласия ни одного человека из университета не брать. А со мной о вас никто не говорил. Не обижайтесь на меня, но 5 — 10 минут я должен побыть один, а вы поговорите о чем-нибудь с Анастасией Порфирьевной (А.П. Новичкова — секретарь ректора университета на протяжении многих лет)».

Мне показалось, что и пяти минут не прошло, как Александр Николаевич позвал меня и, довольно улыбаясь, сказал: «Саратов и всякие другие назначения отпадают. Продолжайте спокойно работать в Московском университете. Если надо ехать в экспедицию, поезжайте в экспедицию, в общем, ведите себя так, как будто никаких разговоров на эту тему не было».

Александр Николаевич, будучи химиком, всячески способствовал развитию биохимии, биологии, отдельных направлений химии. В то же время мечтал на «вегетарианские мотивы». Ему хотелось, чтобы домашние животные свободно разгуливали в природе и составляли лишь один из элементов пейзажа. Для своих потребностей люди, по его представлениям, должны были употреблять синтетические продукты. И в то же время нельзя представлять себе Александра Николаевича «неким Маниловым». Это было бы беспардонное искажение его портрета. Слова у Александра Николаевича не расходились с делами. Напомню, что одно

время в магазинах продавалась синтетическая черная икра, изготовленная по технологии А.Н. Несмеянова.

Александр Николаевич был женат вторым браком. После всех официальных процедур он получил для себя и своей новой жены квартиру в том же корпусе, где наша семья живет с 1953 года. При одной из встреч Александр Николаевич попросил меня найти время и заглянуть к нему «на минуточку». В указанное время я спустился с шестого этажа на третий.

Оказалось, что Александр Николаевич и его супруга написали гимн Московского университета к его 200-летию. Слова и музыку. И выбрали меня в числе первых слушателей, прежде чем вынести свое произведение на суд общественности. Не знаю, как кто прореагировал на новый гимн, но мне он понравился. Правда, ни в поэзии, ни в музыке я не разбираюсь, могу только сказать «нравится» или, наоборот, «не нравится». Так вот мне понравилось и я порекомендовал передать текст и ноты хору МГУ. Знаю, что хор разучивал этот гимн, но о дальнейшей судьбе его мне ничего не известно.

У меня в памяти Александр Николаевич Несмеянов остался как талантливый человек, благожелательно относящийся к людям, но в случае необходимости готовый занять жесткие, непримиримые позиции. Надо иметь в виду, что строительство зданий университета на Ленинских горах совпало с двумя крупными политическими кампаниями, которые были развернуты ЦК ВКП(б) и в которых не могли не участвовать ректор и партком университета — это борьба с вейсманизмом и морганизмом в биологической науке и борьба с космополитизмом. Дискуссия началась вокруг вопросов генетики. Эта область знания, далекая от моих научных интересов, поэтому в моей передаче могут быть неточности, за которые я заранее приношу извинения. Мичурин — известный селекционер, практик, трудами которого пользовались миллионы людей. Все в его методах просто и доступно. Морган, Вейсман — авторы классических трудов по генетике, в которых доказывалось, что наследственность передается с помощью генов. Учение это основано на изучении материалов и процессов на уровне клетки и в те годы было трудно доступно и, может быть, поэтому отвергалось частью биологов как лженаучное.

Естественно, что эти проблемы в первую очередь рассматривались на биофаке университета. Секретарем парторганизации этого факультета (в 1947 г.) был С.И. Алиханян, сам занимавшийся вопросами генетики. Первое его выступление на общеуниверситетском партийном собрании я слышал еще до войны и оно произвело на меня большое впечатление. Речь шла о том, как, применяя общие законы генетики, можно достигнуть значительных успехов в решении практических задач сельского

хозяйства. По словам автора, ему удалось вывести новую породу кур, которые одновременно обладали значительно большим, чем обычно, весом и повышенной яйценоскостью. Довести до конца работу не удалось — началась война и куры исчезли. Но Алиханян в моей памяти остался последовательным сторонником классической генетики. Он мне рассказывал о возникающих проблемах, о борьбе, которая развернулась между последователями классической генетики и сторонниками Мичурина во главе с Лысенко. Не отрицая заслуг Мичурина и его учеников и последователей, Алиханян считал его талантливым селекционером и только. По его словам, все должно было разрешиться на ближайшей сессии ВАСХНИЛ, где будут доизбираться на свободные вакансии академиков и членов-корреспондентов ВАСХНИЛ ученые, придерживающиеся законов классической генетики. И после этого подавляющее большинство ученых подвергнет всесторонней критике работы Лысенко. «Ученые нашего факультета, — говорил Алиханян, — занимают правильные позиции».

Примерно такой же точки зрения придерживался заместитель секретаря парткома МГУ, преподаватель биофака, мой фронтовой товарищ С.С. Андреев. Степан Сидорович считал, что гены, носители наследственности, могут изменяться, как и всякая материя, под влиянием среды, и эти изменения становятся наследственными. Это положение лежит в основе учения Мичурина, недоучитывать его, как делают некоторые классические генетики, нельзя. Руководителем кандидатской диссертации Степана Сидоровича был заведующий кафедрой физиологии растений профессор Д.А. Сабинин. Не знаю, были ли ему известны эти взгляды своего аспиранта, но никаких дискуссий по этому вопросу не возникало. И, честно говоря, мне, геологу, тогда это казалось второстепенным. Особого беспокойства развернувшаяся дискуссия в биологии у меня не вызвала. Я не думал, что она может приобрести острый политический характер.

В значительно большей степени беспокоило «дело» Роскина — Ключевой, которое тоже проходило на биофаке и о котором первую информацию я получил тоже от С.И. Алиханяна, а он, в свою очередь, заверил, что все рассказал со слов самого профессора Роскина. Профессор Роскин, один из известных ученых Московского университета, вместе со своей женой — профессором Ключевой, работавшей в одном из медицинских институтов Москвы, разрабатывали препарат для борьбы с раковыми заболеваниями. Им удалось добиться некоторых, по-видимому, положительных результатов с помощью препарата, приготовленного из крови броненосцев. Естественно, что исходный материал для препарата, поставляемый из Америки, дорого стоил, но правительство не жалело

для этого средств. И вот первые положительные результаты были изложены в виде секретного доклада, представленного авторами заместителю министра здравоохранения СССР, академику В.В. Парину, который отправлялся в США на биологический конгресс. Между ним и авторами существовала договоренность, что оглашать или не оглашать материал — решит на месте сам Парин в зависимости от обстановки. С одной стороны, все трое понимали, что закрытые работы не обсуждаются на международных конгрессах, а с другой — так хотелось приоритета в этой проблеме, всемирной известности и славы. Ведь американцы обещали, что человеку, избавившему людей от раковых заболеваний, будет при жизни отлит памятник из чистого золота.

Прошло несколько дней и Сталин получает телеграмму от одного из американских миллиардеров, в которой тот просит принять в Советский Союз его племянницу для излечения от ракового заболевания по методу Роскина — Ключевой. При этом он готов принять любые условия. Сталин пришел в бешенство, узнав, чем вызвана эта телеграмма. Немедленно было собрано политбюро, были приглашены Роскин и Ключева. Они рассказали о своих работах и подтвердили общее положение дел, но настаивали на том, что не просили опубликовать полученные ими результаты, а предоставили решить этот вопрос Парину и огласить результаты их исследований лишь в случае, если он убедится, что ученые других стран идут по тому же пути и близки к решению этих вопросов. Наверное, это смягчило несколько обстановку, но Сталин был настолько возмущен, что, обращаясь к Роскину и Ключевой, называл их не иначе, как «господа» и космополиты. Затем Сталин задал вопрос: «Смогут ли иностранные ученые на основании опубликованных данных довести до конца работу раньше вас? Лишить вас авторства? Лишить приоритета в этом вопросе нашу страну?» Ключева ответила: «Нет!» А Роскин высказал противоположное мнение: «Да, смогут».

Решением политбюро за несколько дней для Роскина и Ключевой был создан большой закрытый НИИ в центре Москвы, выделены и укомплектованы штаты, установлено необходимое современное оборудование, в общем созданы все условия для успешного продолжения исследований. Но и открытый суд тоже был, на котором оба ученых получили общественное порицание.

По возвращении в Советский Союз В.В. Парин был арестован и осужден на длительный срок. Только смерть Сталина принесла ему освобождение. Ну, а как дело обстояло с практическими результатами? Насколько мне известно, они были более чем скромные. Дело Роскина и Ключевой послужило сигналом для развертывания кампании «борьбы с космополитизмом», которая принесла огромный вред советской

науке. Предлагается использовать новую методику, разработанную за рубежом — космополитизм, делаются ссылки на работы иностранных ученых — космополитизм, дается положительный отзыв на работу, опубликованную в капиталистической стране — космополитизм и т.д. Трудно сейчас себе представить, что это было так, но это было. Проректор университета по учебной работе лично просматривал все учебные программы и решал — оставить в них иностранную фамилию или ее должно вычеркнуть. Все это была безграмотная чушь, которая, получив благословение от высших партийных органов, доходила до первичных партийных организаций как серьезная научная проблема.

В 1946 году была опубликована моя первая небольшая книга «Избранные главы общего грунтоведения». В нем рассматривались вопросы, которые, с моей точки зрения, методологически более правильно, нежели в других изданиях, определяли ряд понятий, связанных с микроструктурой грунтов. В стенгазете геологического факультета появилась статья доцента Н.Н. Большшева, в которой мне предъявлялось обвинение в космополитизме на основании того, что в книге делались ссылки на двух хорошо известных иностранных ученых — К. Терцаги (ученый, заложивший в 20 — 30-х годах основы механики грунтов) и Казагранде (тоже известный ученый в той же области). Взгляды Терцаги по вопросам капиллярной связности грунтов в моем учебнике подвергались резкой критике и им противопоставлялись экспериментальные исследования советских ученых; а схема, предложенная Казагранде, приводилась как принятая в инженерной геологии в США. Секретарь парткома МГУ Сергеев находится на космополитических позициях! Я потребовал рассмотреть этот вопрос на совместном заседании редколлегии стенгазеты и партбюро факультета в присутствии автора статьи и с моим участием. Сейчас смешно вспомнить об этом, а тогда слухи росли, как снежный ком. Мотивировка автора статьи: «Терцаги — космополит, он приезжал в нашу страну и давал консультации по строительству гидроэлектростанций, а потом поехал в фашистскую Германию и тоже консультировал там какие-то объекты, да кроме того до возвращения в США посетил еще ряд других стран в Европе. Всюду его приглашают — типичный космополит! Ну, а Казагранде был награжден фашистским орденом: «я сам видел эту фотографию в библиотеке, название журнала, год и номер не помню, но видел. Разве можно фамилии таких людей упоминать в учебном пособии?» — говорил Большшев.

Даже в то трудное время абсурдность и бездоказательность этих рассуждений были настолько очевидны, что все на этом и кончилось. Но даже такие бездоказательные обвинения не осуждались и не наказывались. Считалось, что товарищ проявил бдительность.

Летом 1948 года я с семьей отдыхал в Геленджике. Приходит знакомый на пляж и приносит свежие газеты. На видном месте опубликовано, что правительство своим решением пополнило состав ВАСХНИЛ без всяких выборов. На вакантные должности были назначены сторонники Лысенко, близкие к нему люди, активно выступавшие в печати против законов классической генетики, обещавшие, что своими работами они создадут изобилие продуктов в стране. Было ясно, что такое могло произойти только по указанию Сталина, что на сессии ВАСХНИЛ противники Лысенко будут разгромлены.

Особенного беспокойства за университет я не испытывал, главным образом потому, что биофак считался одним из лучших факультетов университета. Его декан Сергей Дмитриевич Юдинцев пользовался большим авторитетом и поддержкой заведующих кафедрами, крупных ученых с мировым именем. Достаточно назвать академика ВАСХНИЛ М.М. Завадовского — заведующего кафедрой динамики развития организма, известного ученого Л.И. Курсанова — заведующего кафедрой низших растений и других. Но когда на августовской сессии ВАСХНИЛ «был осужден вейсманизм-морганизм» и президентом избран Лысенко, то по указанию ЦК партии начали проводиться из ряда вон выходящие акции. Многие видные ученые-биологи были уволены из университета без всяких объяснений — декан биологического факультета С.Д. Юдинцев (много лет считавшийся одним из лучших деканов университета), Д.А. Сабинин и другие; на их места тут же были назначены сторонники Лысенко. Деканом факультета и заведующим кафедрой дарвинизма был назначен ставленник Лысенко — Президент, человек, скоро восстановивший против себя большинство коллектива факультета. Бывали случаи, когда неприязнь к нему демонстрировалась открыто. Помню, как на одном заседании Ученого совета университета Президент выступил с предложением о перестройке учебного плана. Произошел примерно такой диалог между ним и профессором Курсановым:

Курсанов: «Все молодые специалисты, заканчивающие биофак, буквально берутся нарасхват самыми разнообразными научными организациями и вдруг презент — учебный план не годится».

Презент: «Моя фамилия Прэзент».

Курсанов: «Так я и говорю, что все было хорошо и вдруг — презент».

Собрался общеуниверситетский партийный актив. Признавали ошибки, занимались самокритикой. Президент сидел в центре президиума, и когда на второй день партийный актив завершил свою деятельность, попросил слово. Смысл его выступления был примерно следующий: «Партактив университета проходит недостаточно критично и самокритично. Давайте говорить прямо: были в университете случаи, чтобы оргбюро

ЦК назначало кого-нибудь на должность декана факультета? Не было. Меня назначили первого. Ректор и партком должны были поставить об этом в известность коллектив университета через газету «Московский университет», опубликовать мою биографию, дать фотографию нового декана. Ничего не было сделано. Что это? Как это можно назвать? Это недооценка решения ЦК!». — После этого прозаседали еще почти два дня. Деканом биологического факультета Презент пробыл недолго. Он скомпрометировал себя будучи нечистоплотен в быту, как человек наглый и безнравственный был снят с работы и строго наказан комиссией партийного контроля. Больше в университете он не появлялся.

Однако мне не хотелось бы, чтобы создалось впечатление, что в университет приходили в то время только люди, подобные Презенту. На отдыхе в Кисловодске у меня состоялось знакомство, перешедшее в дружбу, с новым заведующим кафедрой физиологии растений профессором Борисом Анисимовичем Рубиным и его семьей. Борис Анисимович принес на кафедру новое направление, вдохнул в нее биохимические знания, полученные у своего учителя академика Баха. 30 лет заведовал Борис Анисимович кафедрой и все это время ближайшим помощником был у него Степан Сидорович Андрееenko. Думаю, что Степан Сидорович помог новому заведующему кафедрой правильно разобраться в сложившейся там обстановке. Никаких массовых увольнений на кафедре не было, а вот новые сотрудники появились как соучастники разработки новых тем. В целом же применяемые административные методы принесли большой вред биологическому факультету, а иногда приводили к трагическим результатам. Скончался бывший декан биологического факультета С.Д. Юдинцев, покончил жизнь самоубийством бывший заведующий кафедрой физиологии растений Д.А. Сабинин, оставшийся безработным после увольнения из университета. Ушел из университета со своей лабораторией академик ВАСХНИЛ М.М. Завадовский. Все это были крупные и даже невосполнимые потери для Московского университета.

В связи с этими событиями большое уважение в глазах тех, кто его лично знал, приобрел Александр Николаевич Несмеянов. Ведь он мог заявить: все это было до моего назначения ректором, я ничего не знаю и прошу мне никаких претензий не предъявлять. Александр Николаевич занял прямо противоположную позицию: «Я — ректор Московского университета и отвечаю за все, что делается не только сейчас, но и происходило раньше. Тем более, что со многими оценками, которые даются, я не согласен».

Такая позиция ректора вызвала гнев вновь назначенного декана Презента, который стал считать его своим главным противником. Но чем

дело кончилось — уже известно. Жаль только, что эта история с космополитизмом, борьба с вейсманизмом-морганизмом для многих достойных людей закончилась трагически. Но жизнь продолжалась.

Было поднято на высоту учение Р.В. Вильямса о почвах, и отделение почвоведения передала на биологический факультет. Внезапно возник новый «биолого-почвенный» факультет, для которого построили отдельный огромный корпус. И это мероприятие, я думаю, можно полностью одобрить. Ведь биологические и почвенные факторы, тесно между собой связанные, дали импульс развитию и теоретических и практических вопросов. Вот так «случайно» образовался геологический факультет, который получил возможность организовать новые кафедры, в то же время не разрывая традиционные связи между геологией и почвоведением, сложившиеся при совместной работе. Ректор университета, поместив геологический факультет в Главном корпусе МГУ, тем самым определил пути его дальнейшего развития как равноправного и важного факультета университета.

Деканом геологического факультета и одновременно заведующим кафедрой динамической геологии был утвержден молодой доктор наук, ранее не работавший в МГУ, Георгий Петрович Горшков. Он выступил перед сотрудниками факультета и покорила наши сердца. Говорил прекрасно, охватил широкий круг проблем, которые должны решаться в ближайшее время геологической наукой.

Примерная структура нового факультета запомнилась мне так:

1. Кафедра динамической геологии — профессор Георгий Петрович Горшков.

2. Кафедра исторической геологии — профессор Александр Николаевич Мазарович, один из старейших работников МГУ, автор вузовских учебников, читавший лекции по исторической и четвертичной геологии.

3. Кафедра палеонтологии — академик Юрий Александрович Орлов, уже создавший ядро этой кафедры, сотрудник МГУ.

4. Кафедра петрографии — профессор Ефим Александрович Кузнецов.

5. Кафедра минералогии, богатая своей историей в МГУ (начиная от В.И. Вернадского), на нее был приглашен заведующим участник Великой Отечественной войны, доктор наук Георгий Павлович Барсанов, защитивший докторскую диссертацию после тяжелой контузии на фронте.

6. Кафедра кристаллографии и кристаллохимии — профессор Георгий Борисович Бокий, имевший опыт педагогической работы в МГУ и проводивший большие исследования в АН СССР, членом-корреспондентом которой он был вскоре избран.

7. Кафедра геохимии была создана позднее за счет помещений кафедр, уже въехавших в Главный корпус и приступивших к работе; часть помещений отобрали у нашей кафедры, часть у минералогов и еще у кого-то. Мы даже не очень и роптали. Понимали, что это будет бесполезно, так как речь шла о кафедре геохимии, заведовать которой дал согласие Александр Павлович Виноградов, академик, Герой Социалистического труда и (добавлю то, что говорили шепотом) один из создателей советской атомной бомбы.

8. Кафедра геофизических методов разведки — профессор Александр Игнатьевич Заборовский, геофизик широкого профиля.

9. Кафедра полезных ископаемых — на самом деле кафедра занималась не всеми полезными ископаемыми, а главным образом, рудными. Но все же это была одна из важнейших кафедр университета. Заведовал ею Владимир Иванович Смирнов, успевший до университета поработать и в экспедициях на изысканиях, и в Мингео СССР; вскоре он был избран членом-корреспондентом, а в следующие выборы — академиком АН СССР. Одно время В.И. Смирнов был академиком-секретарем геологического отделения АН СССР.

10. Кафедра горючих полезных ископаемых (нефть, газ, уголь) — совершенно новая кафедра для МГУ, заведовал ей профессор Игнатий Осипович Брод, который стал создавать кафедру, не ожидая переезда университета в новое здание путем строительства маленького домика на старой территории университета за счет договорных средств.

11. Кафедра гидрогеологии и инженерной геологии — профессор, заслуженный деятель науки Узбекской ССР Октавий Константинович Ланге, ближайший ученик А.П. Павлова. О.К. Ланге работал в Московском университете, затем по призыву Ленина уехал в Ташкент и много сделал для создания Среднеазиатского университета в Ташкенте и развития гидрогеологической науки.

12. Кафедра грунтоведения — после смерти в 1942 году в Свердловске ее основателя М.М. Филатова долго юридически оставалась без заведующего. Фактически ее работой руководил Сергей Сергеевич Морозов, но формально он не мог быть избран заведующим, т.к. не имел профессорского звания и все «тянул» с защитой докторской диссертации. Только с 1954 года кафедрой стал заведовать автор этой книги.

13. Кафедра мерзлотоведения — заведующим стал Владимир Алексеевич Кудрявцев, один из учеников В.А. Обручева и М.И. Сумгина, работавший в академическом институте мерзлотоведения. Связи МГУ с этим институтом установились через А.Г. Федосеева, который читал нашим студентам курс мерзлотоведения, но, к сожалению, скончался в Якутии во время войны. Не погрешу, если скажу, что инициатором

создания этой кафедры был я, после моей длительной беседы с Владимиром Алексеевичем Кудрявцевым у меня дома. Всю организационную работу взял на себя Н.Ф. Полтев, который стал ближайшим помощником Кудрявцева.

Итак, 13 кафедр. Плюс к этому факультетская библиотека, картбюро (А.Г. Дубровский), ряд общефакультетских лабораторий, шлифовальная мастерская, а впоследствии и учебный полигон в Крыму, созданный по инициативе профессора А.А. Богданова. Вот что собой представлял геологический факультет.

В 1951 году при избрании А.И. Несмеянова президентом АН СССР опять встал вопрос о ректоре Московского университета. Разные были кандидатуры, но для А.И. Несмеянова был лишь один человек, которого он твердо поддерживал как своего преемника — Иван Георгиевич Петровский.

Насколько мне известно, Александр Николаевич исходил из того, что Иван Георгиевич — известный ученый-математик, академик, был деканом очень непростого механико-математического факультета, сумел наладить его работу, тесно был связан в своей деятельности с космическими исследованиями и дальнейшим развитием компьютеризации, с внедрением ЭВМ в учебный процесс и научные исследования (вспомним, что это был 1951 год). Кандидатами на пост ректора назывались и другие, с моей точки зрения, тоже достойные ученые. Но Александр Николаевич настоял на своей кандидатуре, и после него ректором университета стал академик Иван Георгиевич Петровский. Вскоре после своего назначения ректором Иван Георгиевич пригласил меня к себе. Суть разговора сводилась к тому, что в университете мало уделяется внимания студентам, молодежи и что хорошо бы по этим вопросам иметь специального проректора. Иван Георгиевич предложил мне занять должность проректора (которую он надеялся получить) по воспитательной работе студентов и молодежи. Для меня это предложение было неожиданным, и я попросил разрешения обдумать его. Иван Георгиевич согласился. Но долго думать мне не пришлось. Придя к себе в лабораторию, я увидел на столе короткий приказ ректора. Смысл его был таков: в университете имеют место случаи, когда лекции студентам читают доценты. Это недопустимо. Запрещаю чтение лекций доцентам.

Этот приказ меня поразил. Речь шла не о том, что доценты плохо читают лекции, а о самом факте, что они не имеют право их читать, хотя положение о высшей школе это предусматривает. Я сам был в то время доцентом и читал курс грунтоведения, написал учебное пособие, по молодости лет очень гордился, что мои лекции студентам нравятся. И вдруг оказывается, что все это перечеркивается, что я больше не имею

права читать лекции. Ужасно было обидно и думаю, что не мне одному, многим. Но мы просто не знали еще нашего нового ректора. Иван Георгиевич был способен «вспыхнуть», узнав о каком-то безобразном факте, а потом, разобравшись, не настаивал на своем решении. По-видимому, в данном случае так и было. Кто-то пришел, настроил его соответствующим образом, и появился приказ, который моментально был разослан по кафедрам. Читали, пожимали плечами, удивлялись.

Вскоре состоялось общеуниверситетское партийное собрание. Я выступил в прениях и в довольно резкой форме отреагировал на приказ ректора. Собрание меня поддержало аплодисментами. Кто из нас любит критику? Иван Георгиевич тоже ее не любил. Естественно, что после этих событий никаких разговоров о работе в ректорате не могло быть.

В марте 1952 года я уехал на работу в Каракумскую экспедицию.

Глава 20
200-летие
Московского университета.
Ректор И.Г. Петровский

Иван Георгиевич Петровский родился в 1901 году. По окончании Московского университета вскоре стал известным ученым в области теории дифференциальных уравнений, теории вероятностей, математической физики. Его исследования были связаны с оборонной тематикой. Упорство в труде было всегда отличительной чертой его характера. Иван Георгиевич любил свой мехмат, но когда стало ясно, что астрофизика в наше время получила большее практическое значение, чем небесная механика, и тесно связана с ядерной физикой, он принял решение о передаче подготовки астрономов на физфак, создав там в виде отдельного подразделения астрономическое отделение. Одновременно передавались все обсерватории с преподавателями и студентами. Протестов по этому поводу было много на самых разных уровнях. Выдержал ректор потому, что был уверен в своей правоте, и не ошибся. Это характеризует Ивана Георгиевича как человека, правильно понимавшего тенденции развития современной науки и умеющего их отстаивать. Он стремился превратить университет в один из центров мировой науки и культуры.

Иван Георгиевич был человек противоречивый. С одной стороны, он мог быть очень добрым, с другой — раздражаясь в пылу полемики, приводил не всегда корректные доводы.

Но справедливость требует сказать, что гораздо чаще Иван Георгиевич стремился помочь людям, которые обращались к нему как к ректору или депутату Верховного Совета. Будучи деканом геологического факультета, я зашел к Ивану Георгиевичу посоветоваться по поводу приема на первый курс. Увидев меня, он сказал: «Как удачно, что Вы зашли,

помогите мне решить вопрос, как раз связанный с приемом. (Рядом с Иваном Георгиевичем стоял очень скромно одетый деревенского вида белобрысый паренек.). Посоветуйте, как быть. Вот товарищ приехал к нам из Башкирии, из села Дуван, из колхозной семьи. Село Дуван в двухстах километрах от железной дороги (паренек оживился и добавил: «Я до этого никогда поезда не видал»). Видите, никогда поезда не видал, а окончил школу с золотой медалью. И аттестат подтверждает его слова. А медали нет потому, что нужно утверждение в области. Пока они утвердят и пришлют нам подтверждение, несколько дней пройдет. Где и как он жить будет? Боюсь, что намучается медалист!»

— Как тебя зовут? — обратился я к парню.

— Виктор, Виктор Иванович.

— Уверен, что будет золотая медаль?

Тот кивнул головой.

— Иван Георгиевич, поручите мне этот вопрос.

— Очень хорошо, поручаю. Только Вы его не обидите?

Посмеялись. Вышли из кабинета. Спрашиваю:

— Хочешь быть геологом?

— Хочу.

— Тогда я тебя возьму к себе на кафедру грунтоведения и инженерной геологии.

Коротко рассказал ему о будущей специальности.

Документы и золотая медаль пришли. Все утряслось. Виктор Осипов хорошо учился и работал. Был оставлен на кафедре. Защитил кандидатскую, потом докторскую диссертацию. Стал профессором кафедры. В 1992 году избран академиком Российской Академии наук по разделу горные науки — экология.

Иван Георгиевич уделял много внимания основным вузовским ячейкам — кафедрам, совершенствованию их структуры, насыщению современным оборудованием.

После выделения геологического факультета в самостоятельную структурную единицу МГУ, Минвуз запросил Мингео, какие специалисты должны готовиться на геологическом факультете. Управление кадрами Мингео ответило: «Общего профиля, без выделения специализации». Для нас, работников геологического факультета МГУ это оказалось полной неожиданностью, так как до этого все было согласовано между Мингео и МГУ: общая структура факультета и профиль выпускаемых специалистов, специальности, вплоть до специализаций.

Пришлось мне как декану геологического факультета МГУ срочно проситься на прием к министру геологии Петру Яковлевичу Антропову, для того чтобы дезавуировать ответ его заместителя в Минвуз СССР.

Антропов сам выпускник МГУ и долго этот вопрос ему объяснять было не надо. Я просто кладу перед ним письмо, подписанное от имени министерства. Антропов «бросает» мне: «Прошу остаться во время моей беседы с кадровиками». Приходят его заместитель по кадрам в форме геологического генерала и два заведующих отделами. Нас всего пять человек. Работники Мингео видят подписанное письмо и начинают волноваться. Поглядывают на меня, но я выполняю, по существу, просьбу, точнее приказ министра. Несколько минут молчания и дрожащий от гнева голос министра, обращенный к своим помощникам: «Вы чем думаете, головой или задницей? Или Вы сознательно хотите загубить геологию в стране?». — «А что случилось, Петр Яковлевич?» — «Не надо меня спрашивать. Прочитайте свое собственное письмо и через час с новым вариантом приходите ко мне. Советую прислушаться к мнению декана факультета; оно совпадает с моим.»

В результате решили, что на геологическом факультете МГУ целесообразно готовить геологов по четырем отделениям: геологическому, геохимическому, геофизическому и гидрогеологическому и инженерно-геологическому. Далее более подробно рассматривались специализации и распределение по ним студентов. Всего выпуск 200 человек в год. Можно довести при необходимости до 225.

Этот эпизод обеспечил спокойную работу геологического факультета МГУ и всех его экспедиций. Вопросы, которые мы могли решить своими силами, не задумываясь, решали. Примером может служить создание на кафедре грунтоведения «Лаборатории по технической мелиорации грунтов». Возглавил ее С.С. Морозов. Это дало ему возможность увереннее принимать решения и по тематическим, и по научно-организационным вопросам.

Вокруг Сергея Сергеевича оформилась группа учеников по технической мелиорации грунтов, в связи с решением ряда проблем. В первую очередь, я назвал бы Б.В. Толстопятова, П.Ф. Мельникова, Е.Г. Борисову, С.Д. Воронкевича, Л.В. Гончарову, Р.И. Злочевскую, Г.А. Куприну, В.Г. Самойлова, Л.И. Кульчицкого, Л.А. Евдокимову, В.И. Баранову, Э.А. Бочко и ряд других сотрудников из других организаций, и даже городов.

Чем особенно привлекал С.С. Морозов к себе этих людей? Думаю, что не ошибусь, если скажу, что двумя своими особенностями: изучением в геолого-минералогическом направлении грунтов разного литологического состава и генезиса, и «своим божьим даром» — особой памятью. Редко ошибался Сергей Сергеевич, когда давал справку, где можно найти материал по тому или иному вопросу. Все свое свободное время Сергей Сергеевич посвящал консультациям людей, обращавших-

ся к нему за помощью. И к этому же он приучал большинство своих учеников и последователей.

Еще до моего прихода в деканат геологического факультета стала уточняться его структура. Были организованы кафедра геохимии, мерзлотоведения, картографическое бюро, кабинет истории геологии и другие подразделения. Совершенно нелогично было существование двух близких по своему профилю кафедр: грунтоведения и гидрогеологии и инженерной геологии. Первая существовала на геолого-почвенном факультете, вторая, которой заведовал Октавий Константинович Ланге, возникла из недр кафедры динамической геологии. Октавий Константинович по своим научным интересам был ближе к гидрогеологии, чем к инженерной геологии. Он и был утвержден заведующим кафедрой гидрогеологии.

Возник вопрос о заведующем кафедрой грунтоведения. По этому поводу со мной разговаривали И.В. Попов, С.С. Морозов и Н.В. Орнатский, предложив, неожиданно для меня, взять на себя руководство кафедрой. Аргументы были такие: «Вы еще молоды (мне тогда было 40 лет), надеемся, что кафедру и свою науку любите, должны помочь ей развиваться, расти, как декану вам это будет легче сделать, чем любому другому, а мы все поможем в решении любых вопросов. Каждому хочется иметь побольше времени для собственных научных разработок, но кому-то надо подумать и о развитии кафедры в целом». Тогда же мы обсудили дальнейшие пути развития кафедры и пришли к решению, что ее надо назвать по-новому: «кафедра грунтоведения и инженерной геологии». Когда ученые геологического факультета заказывали оборудование для нового здания, то стремились получить уже освоенное на физическом, химическом, механико-математическом факультетах, а если такового не существовало, то спроектировать более совершенные приборы, по сравнению с теми, на которых работали в производственных организациях. Примером может служить лаборатория механики грунтов, где под руководством профессора Н.В. Орнатского и доцента М.Н. Троицкой были сконструированы и установлены приборы для определения прочности грунтов различного состава, сопротивления их сдвигу, сжимаемости под нагрузкой и других физико-механических свойств.

Сейчас существуют в других странах, да и у нас тоже, более совершенные приборы. Но ведь речь идет о начале 50-х годов, а тогда первая же американская делегация во главе с профессором Лембом провела не один час в нашей лаборатории механики грунтов, знакомясь с новыми приборами, оценивая их достоинства и придирчиво выискивая в них недостатки. За последнее мы были только благодарны, потому что все

изготавливалось срочно и достаточного опыта у сотрудников кафедры в этом отношении не было.

Наиболее совершенными микроскопами тогда были поляризационные, на которых мое поколение работало, будучи еще студентами. К началу 50-х годов появился новый тип микроскопа — электронный. Наша кафедра предусмотрела в новом здании лабораторию электронной микроскопии. Первые образцы электронных микроскопов были импортные и позволяли наблюдать суспензии, получать их фотографии при увеличении до 10 000 раз и более. Первая освоила этот метод на нашей кафедре Галина Гавриловна Ильинская. Открылся мир коллоидных минералов. Большую роль коллоидным минералам придавал в своих работах академик А.Е. Ферсман. Переворот в этой области произошел, когда стало возможным взять каплю глинистой суспензии и в лучах просвечивающего электронного микроскопа увидеть частицы, измеряемые долями миллиметра. Как это было интересно! Оказалось, что глинистые минералы могут иметь самую разнообразную форму, шестигранники каолинита, «растрепанные» частицы монтмориллонита, щепьевидные пластинки гидрослюд, трубчатые кристаллы галлуазита, игольчатые сепиолита, сферообразные тела органического вещества.

Стало ясно, что свойства глинистых пород зависят не только от размера слагающих их частиц, но и (и пожалуй, в большей степени) от их минерального состава, от формы кристаллов, от того, как эти частицы, реагируют с катионами, содержащимися в поровой воде.

Новая модель — сканирующий электронный микроскоп — позволила при тех же огромных увеличениях увидеть породы с ненарушенной структурой. Увидеть, как глинистые минералы различной формы взаимодействуют между собой. Стала понятна микроструктура породы, от которой во многом зависят их прочностные и деформационные свойства. Итоги этих исследований были подведены значительно позже, в 1984 году в «Атласе микроструктур пород», впервые изданном в Польше на английском и русском языках. Основными авторами его являются сотрудники кафедры грунтоведения и инженерной геологии МГУ В.И. Осипов и В.Н. Соколов и профессор Варшавского университета Б. Грабовска-Ольшевска.

Сейчас на кафедре работает сконструированная сотрудниками установка, соединяющая сканирующий микроскоп с ЭВМ и позволяющая в считанные минуты давать полную графическую и количественную (числовую) характеристику всех особенностей осадочных пород. Этот метод получил международные патенты, подтвержденные за рубежом.

Реорганизация кафедры грунтоведения в кафедру грунтоведения и инженерной геологии сказалась на расширении рассматриваемых ею проблем в учебном плане самой кафедры, на тематике научных исследований, на спецкурсах и спецсеминарах, на тематике дипломных работ и кандидатских диссертаций. Хотелось бы подчеркнуть широту вопросов, разрабатываемых на кафедре: от тем, которые могут быть названы «классически» грунтоведческими, до типичных тем инженерно-геологического характера: Г.Г. Ильинская — влияние на свойства осадочных грунтов, особенности их мезоструктуры; Г.М. Березкина — причины возникновения оползней залесённого правого берега в среднем течении р. Оби; С.Д. Воронкевич — факторы, определяющие водопрочность осадочных пород Средневолжья при гидротехнических строительствах; А.К. Агошков — причины, вызывающие деформации взлетно-посадочных полос на аэродромах без внешних нагрузок; А.С. Герасимова — инженерно-геологические условия г. Барнаула и др.

Очень важно, что для студентов кафедры была введена подмосковная учебная практика, программа и оборудование которой постоянно совершенствовались. Инициатором организации этой учебной практики был профессор Г.С. Золотарев, а затем ее бессменным руководителем стал профессор В.И. Осипов. Проходит она в районе Звенигорода.

Структура кафедры стала более дифференцированной: наряду с большими лабораториями (грунтоведение, механика грунтов) появились сравнительно небольшие лаборатории, но с хорошим современным импортным оборудованием: в их числе я могу назвать лаборатории по электронной микроскопии (Ильинская, Осипов, Соколов и др.), технической мелиорации грунтов (Морозов, Воронкевич, Гончарова и др.), региональной инженерной геологии (Трофимов, Герасимова, Зилинг, Минервин), рентгеновского анализа (Шлыков и др.). В этих лабораториях, объединяющих 5–10 человек, наиболее тесно были связаны между собой преподаватели, научные сотрудники, аспиранты, дипломники, студенты-курсовики, инженерно-технический персонал.

Сотрудники кафедры были инициаторами создания нового направления в инженерной геологии — региональной инженерной геологии. Вышла в свет «Инженерная геология СССР» — 7-томная монография, написанная большим коллективом авторов — 301 человек. Руководители этого коллектива И.В. Попов, Е.М. Сергеев, И.С. Комаров, М.В. Чуринов были удостоены в 1977 году Ленинской премии. В 1990 г. издательство «Наука» издало впервые книгу «Инженерная геология Земли» на английском языке. Авторский и редакционный состав ее интернационален.

От микромира до планеты в целом все страшно интересно. Но у одного человека больший интерес вызывает природа, у другого — достижения техники, у третьего — законы общественного развития. Я показал, как менялось лицо лишь одной кафедры — кафедры грунтоведения и инженерной геологии. Но это не исключение, а общая закономерность для большинства кафедр университета, которая всегда поддерживалась ректором Иваном Георгиевичем Петровским.

Одновременно с переездом естественных факультетов на Ленинские горы значительно изменилась структура всего университета, начиная с кафедр и кончая факультетами. Количество их возросло. Естественно, что это происходило не в один день и даже не в один год, но тенденция возрастания количества факультетов, самостоятельных институтов и лабораторий является характерной особенностью для времени, когда ректором университета был И.Г. Петровский.

Хотя университет и потерял значительную часть площадей на своей старой территории (они были переданы МГРИ, Академии наук и консерватории), но все же жизнь развивалась таким образом, что пришлось даже в этих трудных условиях открывать новый факультет психологии, Институт стран Азии и Африки, организовать Институт повышения квалификации для преподавателей общественных наук, расширить факультет журналистики. Принципиальные изменения были проведены в структуре группы естественных факультетов. Это стало возможно благодаря тому, что строительство отдельных корпусов университета, предназначенных для новых факультетов, практически не прекращалось.

Иван Георгиевич Петровский хотел иметь помимо традиционного механико-математического факультета факультет вычислительной математики и кибернетики с вычислительным центром, оснащенным современными машинами. И эти планы ему удалось осуществить. Возглавил эти новые подразделения академик А.Н. Тихонов.

Большое значение я придаю разделению биолого-почвенного факультета на два самостоятельных: биологический и факультет почвоведения. Насколько мне известно, факультет почвоведения в университете стал первым самостоятельным факультетом не только у нас в стране, но и во всем мире. До последнего времени его возглавлял академик РАН Глеб Всеволодович Добровольский, продолживший и развивший традиции В.В. Геммерлинга.

Примерно в это же время (в 1966 г.) в МГУ был организован общеуниверситетский факультет повышения квалификации, который возглавила профессор Ирина Вячеславовна Ракобольская. Под ее руководством этим факультетом была развернута в университете огромная

работа. Достаточно назвать одну цифру — к 1990 г. ФПК окончили более 60 тысяч человек.

Изменилась структура обучающихся в университете: увеличилось количество аспирантов, появились вечерние отделения, спецфакультеты для лиц, имеющих высшее образование.

Усилены были требования к занятиям. Например, студенты на IV курсе всех факультетов держали госэкзамен по иностранному языку и в случае хороших показателей получали удостоверение переводчика по своей специальности. Студенты и аспиранты стали больше привлекаться для выполнения курсовых и дипломных работ по реальным, иногда «горячим» темам, особенно если они работали в хоздоговорных экспедициях. Все это требовало единого подхода в организации учебного процесса, единства в решении отдельных элементов учебного процесса на факультетах, как естественных, так и гуманитарных.

В зимние каникулы, на базе дома отдыха «Красновидово» стали проводиться «Красновидовские семинары» для работников учебных частей ректората и деканатов, а затем и для партийных работников университета и факультетов, самих деканов и их заместителей. Заслушивались сообщения разных должностных лиц, с разных факультетов, которые горячо обсуждались. Устанавливалось что-то общее для университета, что-то индивидуальное для отдельных факультетов. Приказов, распоряжений никаких не принималось. Нравится — делай, хочешь по-своему — пожалуйста, но чтобы в обоих случаях качество учебного процесса повышалось не на словах, а на деле.

Вечером — отдых: кино, танцы, бильярд, в свободное дневное время — рыбалка со льда. В ней даже принимали участие наши гости из Варшавского университета, и хотя клева не было никакого, проректор по учебной части Варшавского университета профессор Рыбицкий случайно зацепил за бок небольшого судачка и с гордостью говорил: «Это потому, что у меня фамилия такая: Рыбицкий. Придется подписать договор между нашими университетами».

Престиж Московского университета стал быстро возрастать не только среди университетов, но и среди различных зарубежных политических и общественных организаций. В 1955 году торжественно отмечалось 200-летие Московского университета. Прошло только два года, как естественные факультеты получили новые здания на Ленинских горах, стали получать новое оборудование. Нельзя за такой короткий срок рассчитывать на большие результаты, но коллектив университета смог показать своим многочисленным гостям, чем мы располагаем, и со многими из них установить рабочие контакты, действующие по сегодняшний день.

В ректорате меня просили шефствовать над делегацией Белградского университета, представляющей Югославию. Она была небольшой, всего два человека: ректор Драгиша Иванович и заведующий отделом внешних связей Драгиша Стиевич. Оба прекрасно владели русским языком, а Иванович год обучался у нас в аспирантуре на физическом факультете, пока не произошел разрыв отношений между нашими странами. В США он закончил работу над своей диссертацией и вернулся на родину.

Ректор Драгиша был высокий, красивый мужчина с характерными чертами лица черногорца. Мы его прозвали «Драгиша-большой». Он не обижался, только посмеивался, тем более что его помощник был невысокий и очень подвижный — к нему очень подходило «Драгиша-маленький». Драгиша-большой всю войну находился в армии Тито в должности комиссара партизанской бригады. У него были две высокие боевые награды: звание «Народный герой Югославии» и наш советский орден — Отечественной Войны I степени. Хорошо они смотрелись рядом!

Вначале предполагалось, что на торжественном заседании в актовом зале юбиляра будут приветствовать все приехавшие университетские делегации в порядке русского алфавита, что было логично. В этом случае Белградский университет должен был идти первым. Драгиша-большой радовался, что он будет открывать шествие гостей и демонстрировал, как будет нести знамя. Но, увы, когда «наверху» узнали о предполагаемом порядке торжественного заседания, то было дано указание, что университеты должны проходить в соответствии с названием страны. В этом случае первым с приветствием выступал Софийский университет (Болгария), а последним — Белградский (Югославия). Драгиша был очень расстроен такой перестановкой и, не удержавшись, скачал: «Я так и думал, что первым югослава не выпустят, хотя он и представляет Белградский университет». Я эту перестановку объяснил ему так: «Из некоторых стран приехали не один, а несколько университетов, и они просят дать им возможность выступить не «отдельно», но «рядом». Например, из Чехословакии два университета: Карлов из Праги и университет Каменского из Братиславы. Карлов старинный университет, Братиславский — сравнительно молодой. Тут есть над чем подумать». Драгиша успокоился. А когда зал бурно приветствовал его на трибуне, увидев его боевые ордена и услышав добрые слова и пожелания, сказанные на русском языке, то он был просто счастлив.

Здесь мне хочется сделать, некоторое отступление. В Московском университете много лет проработал другой народный герой Югосла-

вии — профессор Петр Матвеевич Огибалов, которого многие знали и как секретаря парткома МГУ, и как активного коммуниста, занимавшего различные руководящие должности в университете, но не подозревали, что он имеет такое высокое звание. По присущей ему скромности. Петр Матвеевич никогда об этом не рассказывал. Узнал я об этом от югославских товарищей. Петр Матвеевич служил в авиационной части. В одном из боев с немецкими фашистами над территорией Югославии он был ранен. А затем узнал, что ему присвоена высшая награда «Народный герой Югославии». Вернувшись в университет, Петр Матвеевич, не считал нужным широко рекламировать эту награду, ни мне, ни другим своим товарищам ничего об этом не говорил. Но везде в официальных документах это было зафиксировано, и сама награда находилась у него на руках. Произошел разрыв отношений между Советским Союзом и Югославией. Всех имевших югославские награды вызывали в райкомы партии и давали указание немедленно эти награды отослать обратно в Югославию или в посольство и отказаться от них. Истинные причины разрыва отношений не были известны, требования были жесткие, да и времена тоже.

Вызвали в РК КПСС и Петра Матвеевича. Объяснили в чем дело. Он спрашивает: «Это указание или постановление?»

— Указание для всех.

— Для всех обязательным может быть только постановление, с соответствующими подписями и печатями. Я его должен прочитать, может быть, расписаться на нем, и тогда оно для меня становится обязательным. А указание я принимаю к сведению, но выполнять пока не буду. Я эту награду кровью своей заслужил.

Сказал и ушел. Многим он тогда рисковал.

В 1968 году мы с женой приехали в Белград по приглашению ректора университета. Нас опекал Драгиша-младший. Первый день был посвящен осмотру Белграда. Красивый город. Но там, где река Сова впадает в Дунай, место редкой красоты. При своем слиянии они образуют высокий обрывистый берег, скорее уступ, с широченной панорамой. На вершине построен музей, посвященный борьбе югославского народа с фашизмом. Входишь в большой зал, где на мраморе золотом высечены фамилии героев Югославии. Драгиша показывает мне: «Вот фамилия нашего ректора Ивановича, а вот фамилия вашего профессора Московского университета Петра Огибалова». Так я впервые узнал, что мой друг — народный герой Югославии.

Спрашиваю:

— А еще есть народные герои Югославии из Советского Союза?

Жестко ответил Драгиша:

— Нет. Сейчас нет. Были, но испугались Сталина и вернули награды. Очень даже своевременно. Доски этой тогда еще не было. А то пришлось бы все переделывать.

Через несколько лет правительство Югославии приняло решение подарить каждому Народному герою Югославии виллу на берегу Средиземного моря. Петру Матвеевичу подарили виллу на острове в районе всемирно известного курорта Дубровник. Петр Матвеевич поблагодарил за подарок, но просил правительство Югославии передать его в пользование трудящимся. В ответ на этот великодушный поступок правительство Югославии приняло решение открыть на его имя счет в банке Югославии. Об этом мне тоже стало известно случайно в связи со следующим обстоятельством.

В начале семидесятых годов приехал я в столицу Черногории Титоград заключать договор о сотрудничестве между университетом Титограда и МГУ. Университет в Титограде еще был в стадии создания. В частности, его библиотека только комплектовалась. Наша маленькая делегация привезла с собой небольшой комплект книг. Черногорцы поблагодарили и решили «отдариться» изданиями, которых, они считали, в библиотеке МГУ быть не может. Пришлось брать и благодарить. А в уме только одна мысль вертится: как их отправлять, что же делать? В это время в Титограде находился Петр Матвеевич. (У П.М. было плохо с глазами и его лечили югославские врачи.) Зашел ко мне. Я ему показываю на комнаты с книгами и жалуясь на трудности пересылки их в Москву.

— Мне бы твои заботы. Напиши, что я отправляю эти книги в МГУ.

— Да у нас с тобой у обоих денег не хватит оплатить их упаковку и отправку.

И вот тут югославские товарищи рассмеялись.

— Да неужели вы не знаете, что у Петра Матвеевича есть открытый счет в Госбанке Югославии?

Проблема решилась просто. Книги Титоградского университета были упакованы и отправлены в библиотеку за счет открытого счета Огибалова. Вот с этих первых поездок установились хорошие контакты между геологами Московского и Белградского университетов и другими югославскими геологами, работавшими в разных организациях.

Личное общение ученых привело к расширению международных связей между Московским университетом и университетами других стран. Наиболее тесные связи установились с Варшавским университетом у нашей кафедры грунтоведения и инженерной геологии.

На геологическом факультете Варшавского университета, на базе кафедры четвертичной геологии была организована подготовка ин-

женеров-геологов. Во главе этой кафедры стоял Витольд Ковальский. К нам на стажировку приехала доцент Алина Фалькевич. А через некоторое время я выехал в Варшаву для чтения лекций по основным главам курса грунтоведения.

На перроне вокзала меня встречали Ковальский и сотрудники кафедры, среди которых были Фальковский, Барбара Грабовска, Галина Лозинска и многие другие молодые и смеющиеся, говорливые женщины; мужчин было значительно меньше — сказала война. Идем по улице, на нас оглядываются. Предметом внимания оказалось мое длинное драповое пальто. Такие пальто в Польше носят только ксендзы. Встречающие коллеги потихоньку хихикают. Конфуз.

На следующий день познакомили меня гостеприимные хозяева со своими студентами, аспирантами, лабораториями и аудиториями. Время начинать читать лекцию. Звонок, но никто не торопится в аудиторию. Оказывается, это звонок для студентов, за двадцать минут до начала лекции. Второй звонок — и лекция началась. В аудитории народу немного, но те, кто пришел, слушают внимательно и тщательно записывают. Впечатлений от Польши было много.

Первой из Польши приехала к нам в аспирантуру на геологический факультет Женя Зимнох. Сейчас она профессор Варшавского университета. Женя защищала диссертацию под руководством академика В.И. Смирнова на кафедре полезных ископаемых, а я в то время был деканом факультета. Женя пригласила меня к себе домой на обед: «Вам будет интересно познакомиться с папой. Отец машинист, больше сидел по тюрьмам, чем работал; сейчас пенсионер».

Что ни вечер, хозяева приглашают нас в ресторан, дорогой ресторан. Я говорил, что тоже хочу участвовать в расходах, а хозяева только смеются и отвечают: «За все уже заплатил ректорат».

- Откуда же столько денег?
- Заем у США получили.
- Так ведь отдавать придется.
- Конечно.
- Когда?
- Когда это будет экономически возможно.

Деканом геологического факультета я проработал больше четырех лет. Как будто работа шла нормально, но появилось чувство усталости, захотелось сесть за письменный стол, чтобы подготовить новое издание учебника, подытожить экспедиционные исследования. Стал просить отпустить меня па кафедру, а на должность декана факультета предложил заведующего кафедрой минералогии профессора Георгия Павловича Барсанова. Вопрос был решен положительно.

В 1963 году меня пригласил к себе Иван Георгиевич Петровский. Спрашиваю у помощника:

— По какому вопросу?

— Не знаю. Но сказал, что вы обязательно должны прийти.

Прихожу. А в кабинете ректора почти все заведующие кафедрами нашего факультета. Иван Георгиевич видит, какое это на меня произвело впечатление, доволен и говорит: «Ну, вот, что я могу с ними поделаться. Настаивают на вашей кандидатуре как декана факультета. Соглашайтесь! Ну как?».

Мои коллеги поняли, что наступил решающий момент, и тоже начали произносить всякие хорошие слова. Дальше тянуть нельзя, ведь просят в своем большинстве мои же учителя. И я говорю то, что еще пять минут назад казалось совершенно невозможным.

— Спасибо, Иван Георгиевич, я постараюсь оправдать ваше доверие, моих учителей и коллег. Только все так неожиданно, что никаких речей произносить сейчас не могу.

— И очень хорошо, — говорит ректор. — На этом и закончим, спасибо. Все свободны, а Евгения Михайловича я прошу задержаться.

— Вы на меня больше не сердитесь за приказ о запрещении чтения лекций доцентами?

— Иван Георгиевич, да я тогда тоже погорячился.

— Значит будем вместе работать с полным доверием друг к другу.

Через несколько дней встретил я Михаила Васильевича Солодкова, тогдашнего секретаря парткома университета.

— Слушай, Евгений Михайлович, надо Вовченко освобождать, перестал он работать, партком думает о твоей кандидатуре. А сам как думаешь?

— Я уже дал согласие вернуться обратно на должность декана геологического факультета.

— Знаю, ко мне приходили согласовывать. Я сказал: «Не годится. На другой работе хотим использовать».

— Неудобно, Михаил Васильевич, да и мне оглядеться надо. Я прошу меня сейчас больше не трогайте, как-то еще пойдет. И Вам и мне станет многое яснее.

Григорию Даниловичу Вовченко стало действительно трудно работать проректором. Слишком много сил было вложено при строительстве университета. Но вместе с тем появилась самоуспокоенность, что все идет как надо, все идет хорошо. А если со стороны посмотреть, то можно было увидеть много недостатков и в работе университета, и в работе ректората.

Прошел год пребывания деканом геологического факультета и в Минвузе передо мною прямо поставили вопрос: «Г.Д. Вовченко переходит

работать профессором по своей специальности на химфак; мы рассчитываем, что Вы дадите согласие занять его место». Для меня это был уже не неожиданный разговор. Я чувствовал, что к этому идет дело, а сам не мог для себя принять окончательного решения. Нормальные отношения были с подавляющей частью коллектива факультета. Работа идет хорошо. В ректорате — все сложнее.

Пока я обдумывал сделанное предложение, все случилось иначе. Меня очень попросили не отказываться от проректорства Иван Георгиевич, проректор по гуманитарным факультетам Николай Иванович Мохов, новый секретарь парткома Борис Михайлович Мочалов. Вернулись к этому вопросу в Минвузе.

И вот в июле состоялось официальное представление нового проректора по учебно-научной работе естественных факультетов. Оно заняло немного времени, а вот много времени ушло на знакомство с факультетами, институтами, кафедрами, лабораториями, о некоторых я только слышал, а о существовании других даже и не подозревал.

Я считал, что, прежде чем браться за решение кардинальных вопросов, надо все обстоятельно изучить. Пришлось пожертвовать своей личной научной работой. Но до того как поехать в отпуск, я успел посмотреть все факультеты, институты, кафедры, наиболее крупные лаборатории. Через неделю приехал на дачу. С одной стороны к нашему участку примыкал участок доцента Сергея Николаевича Максимова, где он отдыхал со своей семьей. Он уже месяц был в отпуске и ничего не знал об изменении моего служебного положения.

Сергей Николаевич спрашивает:

— Есть новости?

— Есть. Деканом нашего геологического факультета назначен Алексей Алексеевич Богданов. Приступил к исполнению своих служебных обязанностей. Вот скоро перестанете малину есть, а будете моделированием усиленно заниматься.

— Нет, Евгений Михайлович, я серьезно.

— И я серьезно.

— А вы-то чем же будете заниматься?

— А мне доверили должность Вовченко, который вернулся к себе на кафедру.

Знакомство с естественными факультетами дало мне очень много. Самое главное — стало ясно, что они не стандартны по принципиальной схеме построения учебного процесса и организации научной работы. В то же время штаты кафедр часто складывались случайно. Можно привести такие примеры. На одной кафедре работали пять профессоров и два ассистента, другие категории преподавателей на кафедре отсут-

ствовавали. На другой кафедре такого же профиля — один профессор и шесть ассистентов. Сразу же встал вопрос об оптимальной модели кафедры, обеспечивающей наилучшую организацию учебного процесса и научной работы. Неясными были соотношения между лекционными, семинарскими и лабораторными занятиями у различных курсов. Стало понятно, что общее количество часов по тому или иному предмету само по себе еще ничего не значит, что при этом академические часы должны быть еще дополнительно дифференцированы. Но эта дифференциация в значительной степени зависит от постановки вопросов и освещения их самим лектором, от обеспечения кафедры оборудованием. Всех стричь под одну гребенку нельзя.

Проректором по учебно-научной работе гуманитарных факультетов был Н.И. Мохов, мы переговорили с ним по всем вопросам, и оказалось, что они волнуют его так же, как и меня. Главная цель, которую мы перед собой ставили, — это восстановление единства университета, слияние двух групп факультетов (естественных и гуманитарных) в единый равноправный и территориально обобщенный мощный учебно-научный коллектив.

Эта точка зрения получила полную поддержку со стороны Петровского и секретаря парткома МГУ Б.М. Мочалова. Проректоры по внешним связям В.М. Федосеев, затем В.И. Тропин, по административно-хозяйственной работе М.С. Унянян, М.М. Маслов, руководители профкома также придерживались этой точки зрения. Но были и такие руководители, которые стремились добиться каких-то преимуществ, исключений для возглавляемых ими организаций. Но обычно это все кончалось без больших конфликтов.

Очень важно было получить решение о строительстве на Ленинских горах новых зданий для гуманитарных факультетов для воссоединения их с естественными. Как только этот вопрос выходил за рамки университета, реакция на него обычно была отрицательной. «Как, опять деньги давать на строительство? Это после того, что для них уже сделано? Нет, надо чувство меры знать». Стало ясно, что без отдела науки и учебных заведений ЦК этот вопрос не решить. А заведующим этим отделом был только что назначен С.П. Трапезников, много лет проработавший в аппарате, но плохо знавший и организацию научной работы, и работу учебных заведений.

Чтобы не быть голословным, приведу следующий эпизод. После вступления в должность Трапезников решил провести совещание руководителей крупнейших вузов Москвы, на котором выслушать их пожелания по улучшению их работы. От Московского университета пригласили меня и предложили выступить сразу после вступительного слова Тра-

пезникова. Оно было кратким и призывало присутствующих говорить, что они думают, не оглядываясь на руководство, понравится сказанное ему или нет.

Выступал я первым и остановился на трех вопросах: 1) среди строящихся на Ленинских горах новых объектов есть «замороженные», невыгодные для строителей и очень нужные университету; 2) прием всех категорий обучающихся в университете во много раз больше, чем это было предусмотрено проектом и это вызывает большое недовольство студентов (в одноместной комнате живут два, а то и три человека); 3) Минвуз спускает нам твердые штаты, которые изменить университет не может, а между тем не хватает учебно-вспомогательного лаборантского состава и квалифицированным преподавателям приходится вместо научной работы заниматься мытьем лабораторной посуды; мы просим утверждать нам численность и фонд зарплаты, исходя из этого университет сам будет устанавливать штатные должности по факультетам и кафедрам.

Сергей Павлович никаких замечаний по моему выступлению не сделал. Но когда ректор Нефтяного института, сославшись на мое выступление, сказал, что и у них тоже не хватает учебно- и научно-вспомогательного персонала, вследствие чего преподаватели и научные работники нерационально тратят свое рабочее время, Трапезников взорвался: «Вы уже второй, кто поднимает вопрос о лаборантах. Я работал проректором в Институте марксизма-ленинизма на протяжении полугода. Мы, наоборот, не знали, что нам делать с бывшими там лаборантами. Принесут чай, уберут грязную посуду и не знают, чем им еще заняться. Мы не знали, как от них избавиться, а вы ставите вопрос об увеличении их числа». Наступило неловкое молчание, после которого мы разъяснили Сергею Павловичу, какая разница существует между лаборантами, подающими чай и обслуживающими практические занятия и сложные механизмы, с которыми студентам приходится иметь дело во время занятий. На такие вещи он не обижался и даже сам вызывал на откровенный разговор. Мне вскоре задал такой вопрос:

— Скажите откровенно, чем больше всего недовольны студенты в своей повседневной жизни?

— Тем, что их уплотняют в общежитиях за счет увеличения приема сверх плана студентов, аспирантов, стажеров. В комнате, рассчитанной на одного человека, живут двое-трое. Удовольствие небольшое.

— Как исправить положение?

— Сейчас заканчивается строительство «Дома нового быта». Это очередная преждевременная фантазия архитекторов. Ломают голову, что с ним делать? А ведь там 1000 мест. Передайте его, Сергей Павлович,

университету. Хотя это и не полное решение вопроса, но значительно облегчит положение в общежитиях МГУ.

— Давайте письмо на мое имя.

Очень скоро вопрос был решен положительно. Мы получили еще одну должность зам. проректора по хозяйственной части. На нее была назначена Маргарита Сергеевна Хвальнская, и благодаря ее энергии и напористости к следующему учебному году университет получил «Дом аспирантов и стажеров» на 1000 человек. Выручает это здание университет и сейчас.

Глава 21

В Каракумах

На кафедре грунтоведения до 1950 года хоздоговорные работы проводились сравнительно в небольших масштабах. Мне запомнились две темы. Одна из них связана с изучением процесса рассоления пород при строительстве гидроэлектростанций на р. Каме (Е.Г. Борисова, Н.Г. Дьячкова при общем научном руководстве С.С. Морозова). Под руководством С.С. Морозова выполнялась и вторая хоздоговорная работа по борьбе с фильтрацией воды, собранной колхозами и совхозами в небольших водоемах при весеннем снеготаянии для использования ее при поливах в весеннее и летнее время (В.Г. Самойлов, Н.Ф. Полтев). Небольшие исследования проводила М.Н. Кагнер по военным аэродромам. И это все. Конечно, эти работы не могли служить серьезной базой для подкрепления учебного процесса. Переезд кафедры на Ленинские горы, новые помещения и оборудование давали возможность развернуть более интересные и значимые для страны исследования. Этому также способствовало то, что в конце Великой Отечественной войны Московский университет заполнился преподавателями и обучающимися аспирантами, студентами. На многих можно было видеть боевые ордена, медали и другие знаки отличия.

Моей первой крупной экспедицией, начальником и руководителем которой я являлся в 1950 — 1953 гг., была Каракумская. Экспедиция была организована скоропалительно по просьбе начальника Гидропроекта С.Я. Жука и на средства его института. В 1950 году Гидропроект завершил разработку схемы канала, соединяющего два моря — Каспийское и Аральское. В низовьях Амударьи, в районе Тахияташа проектировалось строительство плотин и гидроэлектростанции. Часть воды Амударьи по проекту направлялась в канал, трасса которого проходила по орошаемым в древности землям Хорезма, затем шла по сухому руслу Узбоя и выходила в Каспийское море южнее города Небит-Даг.

Предполагалось, что канал будет судоходным, даст воду для орошения большого массива когда-то культурных, а потом заброшенных земель. С его помощью решались крупные народнохозяйственные задачи, в том числе разработка нефтяных промыслов Небит-Дага. Эти разработки директор Гидропроекта С.Я. Жук взял с собой при очередном посещении Сталина и среди других вопросов доложил свою идею. Для всех было неожиданностью, что С.Я. Жук развернет перед Сталиным карту Средней Азии, на которой была нанесена схема, показывающая принципиальную возможность соединения Аральского и Каспийского морей в районе города Красноводска. Было удивительно, зачем понадобилось С.Я. Жуку докладывать Сталину такой неподготовленный, «сырой» материал. Однако идея Сталину понравилась и он без дополнительных экспертиз одобрил все предложения, утвердил проект и дал указание немедленно приступить к строительству канала. Вопрос был решен, несмотря на то что инженерно-геологические и другие исследования в районе трассы канала не проводились. Не берусь объяснить, почему было принято такое решение, но оно было принято и его надо было выполнять.

Обо всем этом мне рассказал при первой встрече главный инженер проекта Иван Семенович Семенов, награжденный орденом Ленина за участие в проектировании и строительстве канала Москва – Волга. Иван Семенович предложил кафедре грунтоведения помочь Гидропроекту в инженерно-геологической характеристике каракумских песков.

– Трасса Главного Туркменского канала должна пройти песками около 500 километров. Нас интересует, в первую очередь, их водопроницаемость. Конечно, и устойчивость откосов тоже. Но самое важное – водопроницаемость. Потери воды на испарение будут большие. Тут уж ничего не поделаешь. А вот водопроницаемость песков можно и нужно уменьшить. Но как? Ведь 500 километров – большое расстояние. Если проводить силикатизацию или цементацию песков, то это будет очень дорого стоить. Да и практически это вряд ли возможно. Поэтому хотим просить вашу кафедру посмотреть, что можно сделать по уменьшению водопроницаемости песков простейшими методами, используя местные материалы. И наконец, что будет происходить с почвами при фильтрации воды из канала? Денег для исследований дадим сколько надо. Транспортом, оборудованием помочь не сможем. Приступить к исследованиям желательно в ближайшее время. Очень надо это сделать, – закончил Иван Семенович.

В это время нашей кафедрой руководил Сергей Сергеевич Морозов. По моей просьбе он собрал ведущих сотрудников кафедры, которым я

рассказал о предложениях Гидропроекта. После детального обсуждения предложений Гидропроекта решили создать Каракумскую экспедицию из двух партий: маршрутной и стационарной. Маршрутной партии предстояло обследовать пески по всей трассе канала и дать предложения по уменьшению их водопроницаемости, стационарной — изучить влияние изменения водного режима на местных почвах. Начальником маршрутной партии назначен был я, начальником стационарной партии — доцент нашей кафедры Павел Федорович Мельников. Сергей Сергеевич сказал: «Евгений Михайлович, Вы инициатор Каракумской экспедиции, Вам и быть ее начальником».

В декабре 1950 года был подписан хоздоговор с Гидропроектом. Перед нами встали три неотложных организационных вопроса: транспорт, место базирования экспедиции, заместитель по административно-хозяйственной работе. На эту должность был зачислен Василий Иванович Ремизов, который работал уже в экспедициях и хорошо знал автомашины. Решили базироваться в городе Кизыл-Арвате. И с транспортом вопрос решился довольно просто. Минвуз дал разрешение использовать три автомашины ГАЗ-63, полученные среди прочего оборудованием для новых зданий МГУ на Ленинских горах. В.И. Ремизов с транспортом и всем оборудованием выехал в Кизыл-Арват в феврале 1951 года. На март был намечен отъезд всех участников экспедиции.

До отъезда предстояло прочитать много работ, относящихся к интересующему нас району; среди них были серьезные научные исследования и научно-популярная литература. Из литературы понравились «Каракумские записки» В.Н. Кунина и особенно книга Бориса Александровича Федоровича «Лик пустыни». С Владимиром Николаевичем Куниным мы познакомились в Кизыл-Арвате в свой первый приезд, а затем встречались до последних дней его жизни. Борис Александрович Федорович и его супруга Александра Семеновна Кесь были крупными учеными и интересными людьми, прекрасными знатоками географии Средней Азии. Поэтому их советы и замечания были для нас очень полезны. А со временем деловые отношения переросли в дружеские, хотя в научных вопросах мы не всегда были согласны друг с другом.

В одной из работ академика А.Л. Берга говорилось о том, что в сухом и засоленном русле Узбоя находятся три пресноводных озера, в которых водится рыба. Это натолкнуло меня на мысль взять с собой рыболовные принадлежности и в том числе удочки. Сколько же было смеха и шуток, когда начальник экспедиции явился с этими удочками к поезду Москва — Ашхабад. Забегая вперед, скажу, что все пригодилось. Ловили мы на эти удочки на озере Ясхан крупных сазанов, а на Амударье — небольших сомиков.

Кизыл-Арват оказался очень зеленым городком. В.И. Ремизов подыскал для базы экспедиции хорошее помещение с большим двором, где могли находиться наши автомашины.

Я познакомился с секретарем райкома и сотрудниками экспедиции АН СССР, среди которых были уже упоминавшиеся В.П. Кунин (гидрогеология), А.С. Кесь (физическая география и геоморфология) и сотрудники химических институтов. Задачей последних было всестороннее изучение залежей солей в русле Узбоя.

Секретарь райкома спросил меня, не может ли кто-нибудь из сотрудников экспедиции выступить с докладом перед партийным активом города. Я ответил, что готов сделать это сам, так как являюсь участником семинара по международным вопросам при парткоме МГУ. И в свою очередь попросил секретаря райкома порекомендовать мне проводника для работы в песках. Он, не задумываясь, назвал имя Кутли: «Лучше Кутли нет человека в этом отношении, он был проводником караванов, проводником у Красной Армии при борьбе с басмачами, сейчас работает в колхозе, но на некоторое время его можно будет оттуда взять».

С Кутли мы встретились на следующий день. Он был небольшого роста, худощавый, с характерными для туркмена усами и бородкой и очень живыми глазами; выглядел значительно моложе своих шестидесяти пяти лет. Хорошо говорил по-русски. Охотно согласился быть проводником в экспедиции.

— Кутли, нам надо проехать через пески от Кизыл-Арвата до Узбоя и дальше на Куня-Ургенч.

— Есть дорога, есть. Много лет ходили караваны из Ирана в Курия-Ургенч.

— Проедем мы на машинах?

— Не знаю. Верблюд ходил, ишак ходил, машина никогда не ходил. Как могу знать?

Решили сделать пробный выезд. Кизыл-Арват расположен у подножья Копетдага. К северу от него раскинулась бесплодная предгорная равнина. Во время снеготаяния и после дождей из ущелий Копетдага сюда вырываются мощные потоки воды; они проложили себе на равнине дороги в виде глубоких промоин, которые местные жители называют «арыками». Если по склону таких арыков посадить семена дынь и арбузов и в течение весенне-летнего времени их трижды смочит вода, то осенью снимают замечательные по величине и качеству плоды. Так плодородна земля предгорной равнины. Но когда мы работали, воды не было и земля была бесплодной.

В 30 — 40 километрах к северу от Кизыл-Арвата проходила южная граница Каракумских песков. Пески резко обрывались около равнины,

в виде непрерывной цепи очень высоких барханов. Как будто невидимая рука (возможно, воздушные течения) остановила движение песков и вследствие этого они росли вверх. Высота барханов достигала 50 – 60 метров.

Кутли показал нам старую караванную тропу, которая шла вверх между барханами. Мы направили машину на нее и тут же застряли в сыпучем песке. С собой у нас были доски. Стали их подкладывать под колеса. У местных жителей это называется «шалманить». Проедет машина метра три-четыре по доскам и снова проваливается в песок. Езда такая очень тяжелая – все время надо перекладывать доски. Но все же мы поднялись на первую, самую высокую цепь барханов. И нам открылся вид на Каракумскую пустыню.

Беспредельное море песков со скудной растительностью, главным образом саксаула. Но это не была мрачная или скучная, однообразная картина. Нет. Картина была величественной. Растительность и ветер придали причудливые формы рельефа: грядовые пески, барханы. Было по-настоящему красиво.

К вечеру мы вернулись в Кизыл-Арват с уверенностью, что через пески проехать на наших автомашинах можно. Окончательно определился состав маршрутной партии Каракумской экспедиции. В нее входили два научных сотрудника нашей кафедры – Сергей Сергеевич Поляков и Петр Иванович Фадеев, два научных сотрудника, привлеченных к работе за счет хоздоговорных средств – наша выпускница Рита Болдина и Людмила Георгиевна Рекшинская, аспиранты – Галина Алексеевна Куприна и Александра Николаевна Вахтанова, студенты-дипломники – Рэм Зиангиров, Валентин Мощанский, Лариса Романовская. На озере Ясхан к нам присоединился художник Георгий Александрович Петров. Из местных жителей были Кутли, пять рабочих туркмен и повариха Матрена (отчество не помню). В последующие годы состав партии несколько изменялся.

Основным исполнителем по своей партии я считал Галину Алексеевну Куприну. Перед ней была поставлена задача охарактеризовать «сложение, состав и физико-технические свойства отдельных генетических типов песков, имеющих наибольшее распространение на территории Западных Кара-Кумов». Такие материалы тогда (1950 г.) отсутствовали. Название самой диссертации Г.А. Куприной по инициативе её автора было несколько расширено: «Генезис, состав и свойства песков Западных Кара-Кумов, и прилегающих к ним районов Прикаспийской низменности Юго-Западной Туркмении». Я как научный руководитель только приветствовал такую инициативу и просил Галину Алексеевну в дальнейшем заняться еще рядом вопросов, которые в ее диссертацию не

вошли. Галина Алексеевна Куприна защитила диссертацию по характеристике песков Западных Кара-Кумов в 1953 г. Интересно отметить, что она была первой, кто защищал диссертацию в Большой геологической аудитории нового главного корпуса МГУ на Ленинских горах. После нее в этой замечательной аудитории прошли сотни разнообразных защит, но она была первой. Диссертация Галины Алексеевны по глубине и новизне своих исследований была близка к докторской. Она не стала доктором наук только вследствие своей ранней смерти, после тяжелой болезни. Её дочь, Татьяна Павловна Кольчугина, так же как и ее мама, была у меня в аспирантуре (защита диссертации состоялась в 1986 г.) и по существу развивала работы своей талантливой мамы. Вопрос, который она изучала на стыке биологической и геологической наук, был настолько сложен, что потребовал двух руководителей (вторым руководителем ее был заведующий кафедрой микробиологии МГУ профессор Д.Г. Звягинцев).

В конце марта двумя машинами выехали в маршрут. По знакомой тропе проехали первый километр в песках. Я заметил время, оказалось, что один километр мы проехали за два с половиной часа. Пришлось сделать остановку на северном склоне первой барханной гряды. Было видно, как тропа сбегает в белую низину.

- Это шор Демирджан, — сказал Кутли.
- А почему он белый?
- Соль — кратко ответил Кутли.

Когда мы въехали на шор, то оказалось, что можно двигаться по нему без досок. Но при этом колеса глубоко вязли в песке. Моторы ревели, а машины двигались со скоростью пешехода. Через час моторы перегрелись. Пришлось поднять капоты, чтобы их остудить.

У нас было время побродить по шору, и мы отправились к ближайшему бугру. Подошли к нему и очень удивились. Бугор представлял собой большую кучу (иначе не назовешь) огромных кристаллов гипсового песчаника. Кристаллы достигали метра и более в длину, форма их была самая причудливая. И располагались они по отношению друг к другу беспорядочно. Что кристаллы образовались при капиллярном поднятии и испарении сульфатных вод, было ясно. Но почему они, такие разнообразные, оказались вместе? Да еще в форме бугра? Вот это было загадкой.

Мы отобрали несколько больших причудливых кристаллов для отправки в Москву. А позднее, когда определялись темы дипломных работ, я предложил Рэму Зиангирову посвятить генезису бугров свою дипломную работу. В 1952 году, защищая диплом, он высказал весьма правдоподобную гипотезу образования этих загадочных бугров. Мне

неизвестно, чтобы этим вопросом занимался еще кто-нибудь из исследователей пустыни. А сам Рэм Сабирович больше любил точные науки. Аспирантуру он проходил в Московском инженерно-строительном институте (МИСИ). Став кандидатом технических наук, вернулся на свою родную кафедру. Читал курс лекций и проводил лабораторные занятия по механике грунтов, но защитил докторскую диссертацию по прочностным свойствам глин с физико-химических позиций.

Когда машины отдохнули, мы двинулись дальше. Добрались до песков. И тут оказалось, что они закреплены растительностью — травой «иляк». Иляк захватил и старую караванную тропу. Благодаря этому по ней можно было ехать без досок со скоростью 20 — 30 километров в час. Приходилось «шалманить» только там, где дерновый слой был нарушен и ветер снова стал развеивать песок.

Первое впечатление о пустыне. Она совсем не такая безжизненная, как можно было себе представить из литературы. Весной пустыня зеленая, такой ее, в первую очередь, делает иляк. Он растет повсюду, кроме передвигающихся песков. Везде пробивается зеленая травка, которая очень быстро сторает. Но корневища иляка продолжают жить в песке до следующей весны на глубине 2 — 5 см. Думается, что они приурочены к слою, где конденсируется парообразная вода из воздуха.

Встречались нам цветущие эремерусы. Представьте себе цветущий белый гиацинт, но только в десять раз больше обычного, таков эремерус. Белая свеча, благоухающая медом. Ни у кого рука не поднялась, сорвать такое чудо. А красные тюльпаны мы рвали, но не в песках, а в предгорьях Копетдага. Там их бывает так много, что отдельные участки горных склонов казались красными.

Однажды в мае мы встретили в песках, рядом с тропой куст пшеницы, высокий, с большим колосом и очень крупным зерном. Но он еще только наливался. Очень хотелось приехать через месяц в это место еще раз. Собрать спелые зерна и отдать их селекционерам. Может быть, и получилось бы что-нибудь интересное, но по ходу работы экспедиции это оказалось невозможным.

Пожалуй, животный мир пустыни более многочислен, чем растительный. Это — царство грызунов. И среди них преобладают мыши. Встречались впадины между бугров, где поверхность так густо была испещрена отверстиями их норок, что ее можно было сравнить с сотами пчел. Много сусликов, тушканчиков. На второе место по численности можно поставить змей и насекомых. Дважды нам приходилось иметь дело с эфой, укус которой обычно кончается трагически.

Был и комический случай. 1 мая вечером все мы пошли в кино. На базе оставались Василий Иванович с женой. Как раз в этот день она

вместе с дочкой Таней приехала в Кизыл-Арват из Москвы. Приходим из кино на базу и видим, в темноте за столом сидят супруги. Скучные сидят. Сначала мы подумали — поссорились.

— Вот такое дело, товарищи, — говорит Ремизов, — у нас несчастье случилось, скорпион укусил обоих. Сами знаете — начало мая, самое «ядовитое» время. Вы уж, пожалуйста, не бросайте здесь Таньку, в Москву к родственникам отправьте.

— Да когда это было?

— Совсем недавно. Мы уже спать на кошму легли и вдруг он как жажнет меня в левую руку, выше локтя. Рука вся окаменела и сердце холодит.

— Так вы что, умирать собрались?

— А что можно сделать? Ведь скорпион большой и май к тому же.

— Глупости. Федорович в своей книге «Лик пустыни» пишет, что при укусе скорпиона это место надо растирать мокрой крупной солью. Есть у тебя такая?

— Есть.

И мы стали растирать руку Василия Ивановича. Через 10 — 15 минут он уже заявил, что чувствует себя лучше и что надо заняться его супругой.

— А ее куда укусил?

— В ягодицу, два раза, — смущенно ответил Василий Иванович.

— Вот тебе соль, приступай к работе. Сможешь?

Утром было много шуток по этому поводу.

Среди ядовитых насекомых самый ядовитый каракурт. Сравнительно небольшой паук с четырьмя белыми пятнышками на спинке, которые образуют как бы крест. Кутли говорил, что люди иногда выживают после его укуса. Он сам выжил, проболев более трех месяцев, причем два из них был без памяти. Верблюд погибает через пять минут после укуса.

Кутли всегда внимательно осматривал места наших ночевков, дневных стоянок. Приезжаем на точку, где должны копать шурф, бурить скважину, первым делом рабочие наломают веток саксаула и в тени машин (а они были с высоким тентом), раскладывают небольшой костер. Достают кошмы из машин и раскладывают их на песок. Считалось, что на кошме сидеть безопаснее, чем на песке, на кошму ни одна тварь не заползает. Правда, на первой же стоянке, когда все уселись на кошмы, мы увидели, как по курточке одного из рабочих быстро вверх бежит большой скорпион. При очередном осмотре места стоянки Кутли взволнованно что-то заговорил по-туркменски. Оказывается в двух метрах от кошмы он обнаружил норку каракурта и по некоторым признакам решил, что паук находится там. Рабочие взяли лопаты, стеклянную банку и через несколько минут мы с любопытством разглядывали в банке каракурта —

«черную смерть». Но не надо думать, что каракурты встречаются часто. Мне его пришлось увидеть только в тот раз.

Однако вернемся к нашему первому маршруту. В районе шора Демирджан мы взяли также и образцы песка. Это нас задержало и поэтому мы не успели доехать до колодца, а заночевали в песках. Воды с собой у нас было много. Недалеко от нашей стоянки находился большой бархан, верхняя часть его не была задернована и ветер заставлял ее понемногу «куриться», к вечеру все успокоилось. После ужина, уже в темноте, мы с Сергеем Сергеевичем, поднялись на вершину, сели на еще неостывший песок, посмотрели вверх и впервые увидели красоту, рассказать о которой трудно. Безоблачное и безлунное небо. Темное-темное, почти черное. И ярко сверкающие звезды. Впечатление такое, что над тобой черный свод с электрическими лампочками, вставленными в хрустальные бра. Уходить не хотелось. Понимали, что надо идти к машинам, что на рассвете придется вставать, собирать вещи и ехать дальше, а оторваться от созерцания неба не было сил.

Потом пошли, ориентируясь на светящуюся точку костра. В лагере все спали. Только один Кутли сидел около костра и время от времени подбрасывал в него ветки.

— Вас жду, не даю костру потухнуть. Ночью в песках, как в лесу, можно заблудиться. Спать надо.

Посидеть в темноте на верхушке бархана, полюбоваться сверкающими звездами — стало у нас традицией.

На следующий день мы выехали к колодцу Кирпили, находившемуся на такыре того же названия. Не доезжая, во впадине, натолкнулись на четыре кибитки. Нас встретили хозяева. Высокий, уже пожилой рыжебородый туркмен, четыре женщины в возрасте от 20 до 60 лет, несколько молодых парней и куча ребятишек.

Хозяин и Кутли почтительно приветствовали друг друга, потом были представлены остальные участники экспедиции. Самая молодая из женщин лет двадцати, оказалась женой хозяина. Остальные три — ее «сестры», каждая жила в отдельной кибитке со своими детьми. Вспомнилось, что по закону ислама можно иметь четыре жены. Скорее всего в этом случае совпадение не было случайным.

Нас пригласили в кибитку, где жил сам глава семьи с молодой женой. Впервые мы пили чал (кумыс, приготовленный из верблюжьего молока). В жару это замечательный напиток. Он хорошо утоляет жажду и немного пьянит, вроде пива. Нас угостили традиционным зеленым чаем и лепешками. Был проявлен максимум гостеприимства.

Кутли объяснил, что колхозники-туркмены давно слышали шум моторов, но не придавали этому значения. Они привыкли, что время

от времени прилетает самолет ПО-2, садится на такыр, и из него выгружаются сотрудники противочумной станции: отловив контрольную партию грызунов, отвозят их в Кизыл-Арват. Ведь чума как раз и зарождается в популяции грызунов, живущих в пустыне. Так что самолет ПО-2 — дело привычное. А вот автомобиль многие здесь вообще увидели впервые. Мы были благодарны за теплый прием, но все же решили разбить свой лагерь поближе к колодцу, непосредственно на такыре Кирпили.

Такыры в песках встречаются часто. Размеры и формы их различны. Но перепутать такыр с другим природным образованием невозможно. Для такыра характерна ровная поверхность, разбитая трещинами на крупные шести-восьмигранники. Трещины могут быть открытыми или заполненными пылевато-песчаным материалом. Поверхность такыра обычно красновато-бурая.

В сухом состоянии глины такыра обладают высокой прочностью. Их можно сравнить с бетонно-взлетной полосой аэродрома. На них может садиться самолет. Все меняется, если поверхность такыра увлажняется атмосферными осадками. Она теряет прочность, глина переходит в пластичное состояние. Но бывает это редко. Ведь годовая норма атмосферных осадков в пустыне невелика.

Как образуется такыр? Каковы состав и свойства слагающих их глин? Ответы на эти вопросы мне представлялись важными и для строительства канала, и для использования глин такыров при уменьшении водопроницаемости песков. Такыры стали темой кандидатской диссертации Александры Николаевны Вахтановой, которую она защитила в 1954 году.

После защиты диссертации А.Н. Вахтанова получила много предложений на работу в Москве и в других городах и регионах страны, но предпочла поехать обратно в Туркмению, в Геологический институт, с тем чтобы разрабатывать вопросы микросейсмического районирования территорий. Слишком еще ярко в памяти сохранилось впечатление от катастрофического Ашхабадского землетрясения 1948 г., несмотря на то что, к счастью, нас там в это время еще не было. В 1972 году А.Е. Вахтанова защитила докторскую диссертацию и переехала работать в Воронежский университет. Через некоторое время была избрана зав. кафедрой инженерной геологии и гидрогеологии. Это была одна из первых инженерно-геологических ячеек, начавших изучать экологические проблемы с позиции своей специальности. Александра Николаевна активно участвовала в мероприятиях РАН, уже не будучи зав. кафедрой по своему возрасту. А.Н. Вахтанова — первый доктор наук из числа моих непосредственных учеников.

На такыре Кирпили мы прожили несколько дней. Объектом нашего изучения были не только глины, но и окружающие их пески. Каракумские пески казались, на первый взгляд, удивительно однородными. В них преобладали частицы размером от 0,1 до 0,25 мм. Количество их иногда составляло более 90%. Под микроскопом хорошо было видно, что пески состоят из многих минералов. Примерно в равном количестве в них содержались: кварц, полевые шпаты, слюда, карбонаты, гипс, агрегаты из сцементированных глинистых частиц. Окатанность у частиц, за исключением слюды, была очень хорошая. Это обстоятельство и высокая отсортированность песков обусловили их высокую водопроницаемость, несмотря на мелкозернистость.

Величина коэффициента фильтрации песков изменялась в пределе 5–10 метров за сутки, т.е. могла изменяться в два раза. Почему такое большое изменение водопроницаемости у таких схожих песков? Ответ на этот вопрос дала в своей кандидатской диссертации Галина Алексеевна Куприна (1953 год). Это была первая диссертация, защищенная на геологическом факультете в новом здании на Ленинских горах. Оказалось, что водопроницаемость зависит от распределения самих частиц и их формы в преобладающей фракции (0,1–0,25 мм).

По вечерам на огонек нашего костра приходили пастухи верблюдов и вместе с ними женщины и девушки. Посидеть с нами, выпить чаю, попробовать консервов, русской каши, послушать о городах и железной дороге, о кино, о вещах, которых, многие никогда не видели. Женщины вначале стеснялись нас и приходили, обязательно надев «платок молчания». Туркменские женщины не носили чадру. Но должны были нижнюю половину лица, особенно губы, прикрывать платком. Для того чтобы он не съехал, не обнажил губы, его придерживали зубами. Говорить при этом было нельзя. Постепенно привыкнув, придя к нам, на наш огонек, туркменки отбрасывали с лица свой платок. Никогда не приходил сам глава семьи. По-видимому, чувство собственного достоинства было сильнее любопытства.

С рабочими-туркменами у нас установились добрые, дружеские отношения. Вечерами они охотно рассказывали о своих обычаях, о том, как жили раньше. Мы спрашивали о калыме.

— Есть и сейчас (шел 1951 год), — говорили они, — но потихоньку. Отец жениха приходит вечером, когда темно, чтобы не видели, к отцу невесты и отдает ему деньги. Не то, что раньше было.

А раньше было так. К отцу невесты приезжал отец жениха договариваться о браке и о калыме. Торговались, сколько дать верблюдов, барашков, халатов, ковров. Затем назначалось время, когда приедут за невестой. При этом пригоняли и привозили с собой половину калыма:

половину верблюдов, половину барашков и т.д. Девушку торжественно увозили в дом жениха. Там она три дня «стеснялась», молчала, отказывалась от пищи. После этого жених и невеста становились мужем и женой. На месяц. Если в течение этого времени невеста жениху понравилась, он оставлял ее себе в жены. Если нет — отсылал обратно к отцу. Калым, взятый «авансом», оставался у отца невесты. Но вторично он не имел права требовать за девушку калым больше, чем оставшаяся невыплаченная половина.

Кутли рассказывал: «До революции я совсем бедный был. С десяти лет верблюдов пас, потом с караванами ходил, хорошо пустыню знал, сам водил караваны, хотя еще и молодой был. Все равно денег не было. Откуда калым было брать? Пришлось за половину цены девушку брать. Дешево платил, а хорошо жили. Умерла она, другая у меня жена. Тоже дешево платил». Вот такие рассказы, наверное, можно услышать только в экспедиции, у костра, который как бы объединяет, сближает ее участников.

Работу в районе колодца Кирпили мы закончили и двинулись дальше на север к Узбою. Долина Узбоя необычна. Здесь нет поймы, речных террас. Узбой напоминает собой огромную промоину, длиной в несколько десятков километров, шириной в несколько десятков метров и глубиной в несколько метров.

Когда-то Амударья впадала в Сарыкамышскую впадину. Вода полностью заполнила ее и прорвалась в Каспийское море. Образовалась гигантская промоина, которая со временем превратилась бы в реку, но «капризная» Амударья изменила свое течение, устремилась восточнее и вместе с Сырдарьей образовала Аральское море. А Узбой так и остался промоиной, на дне которой накопились мощные слои солей. Среди солей много легководорастворимых. При дождях и снеготаянии Узбой заполняется водой, вернее не водой, а рассолом. Кончилось время дождей, засветило солнце, испарилась вода и снова яркими красками заиграли соли Узбоя.

Когда мы подъезжали к Узбою, именно так и было. Зрелище красивое, но невольно возник вопрос: как же можно использовать русло Узбоя под канал? У нас сложилось отрицательное мнение. После стоянки на Узбое мы двинулись дальше к Амударье.

Амударья, большая полноводная река, произвела на нас впечатление. Вода — цвета кофе с молоком, мутная. По реке иногда плывут целые кусты: видно, что интенсивно подмываются берега. Наверное, в реке было много рыбы, но в песках трудно найти земляных червей. Искали всей партией, в корешках растений и нашли штук пять каких-то хилых. На каждого из них вытащили по сомику, больше килограмма каждый. Получилась неплохая уха.

По ходу работы заезжали в городок Ходжейли. Городок старый, улочки узенькие, машины едва проходили. Домик к домику вплотную. Был вечер, темнело. У входа в дом сидели люди во всем белом. На жаровнях готовилась пища.

Недалеко кладбище. У каждой могилы лесенка из трех жердочек. Нам объяснили: чтобы душа могла ночью посидеть, отдохнуть. Были мы также и на развалинах крепости Шах-Санем. Звучит-то как романтично! Во дворе крепости я случайно нашел старинную монету. Показывал туркменам, но, несмотря на ее хорошую сохранность, ничего они не смогли о ней сказать. Значит, монета древняя. В тот же день умудрился ее потерять!

В районе Шах-Санем сохранились еще следы древней ирригационной системы. Здесь тоже были отобраны образцы песков и древних орошаемых земель.

Второй наш маршрут проходил вдоль южной кромки песков, на озеро Ясхан, далеко к Узбою и вдоль Узбоя до соединения с первым маршрутом.

При движении вдоль кромки песков сразу бросилось в глаза, что в ряде мест, где воды, стекающие с гор, достигали песков, образовались небольшие озера. Кутли и рабочие утверждали, что через месяц-два их не будет. Высохнут. Но почему же вода, дойдя до кромки песков, не просачивалась в них? Почему сыпучие пески служат водоупором? Чтобы понять это, заложили в разных местах шурфы, пробурили скважины. И везде получили один и тот же ответ: вода несла с собой глинистые частицы, которые закупорили поры песка. Происходил природный процесс кольтации песков. Пески превратились в глинистые водонепроницаемые песчаники.

Нам показалось, что найден способ уменьшения водопроницаемости песков — их искусственная кольтация. Природная происходила веками. И это понятно, ведь концентрация глины в водах, которые достигали кромку песков — ничтожная. А если взять глинистые растворы, то концентрация глинистых частиц в них на несколько порядков выше. Значит и скорость кольтации будет больше, надо только проверить. Решили после маршрута приступить к опытным работам. В них участие принимали Сергей Сергеевич Поляков и Галина Алексеевна Куприна.

Каракумская экспедиция работала три года. И все это время мы занимались изучением процесса кольтации песков. Отрыли первый опытный котлован площадью в несколько квадратных метров. С трудом заполнили его водой. Приготовили глинистый раствор, залили его в котлован и перемешали. Вода профильтровалась, а слой глины остался на поверхности. Образовалась тонкая пленочка — глина «не пошла» в

песок. Заполнили снова котлован водой. При этом пленочка разрушилась, а вода стала глинистым раствором. Водопроницаемость песка не уменьшилась. Добавили новые порции глинистого раствора — тот же результат. Стало ясно, что вот так просто «наскоком» процесс кольматации песков не освоить. Его надо изучать. И поехали в Москву различные образцы песка, обычного и закольматированного, образцы глин, пробы природных вод.

Все это подробно изучалось в лабораториях и вывод был такой. Процесс кольматации мелкозернистых песков определяется размером, соотношением и расположением их частиц; составом глинистых минералов в растворе, составом обменных катионов, адсорбированных на поверхности глинистых частиц; составом и концентрацией растворимых солей в воде. При оптимальном соотношении этих факторов можно достигнуть кольматации мелкозернистых песков на глубину до 20 сантиметров. Стало ясно, что кольматация песка — это проявление не только его механической, но и физической поглотительной способности по отношению к глинистым частицам.

На второй год работы экспедиции, когда суть процесса кольматации была раскрыта, опытные работы в полевых условиях прошли успешнее, на третий год — еще лучше.

Изучение процесса кольматации песков продолжалось после завершения работ Каракумской экспедиции, под Москвой, на мелкозернистых песках Мещерской низменности. В связи с этой тематикой на геологическом факультете была создана Мещерская станция, существующая и поныне. Но тематика Мещерской станции за это время несколько раз менялась.

В изучении процесса кольматации принимали участие ученые различного профиля: профессор нашей кафедры Н.В. Орнатский и сотрудник Института механики АН СССР Ю.М. Шехтман. Полученные материалы и установленные закономерности были опубликованы в двух книгах: «Исследование кольматации песков» (Сергеев Е.М., Орнатский Н.В., Шехтман Ю.М., 1955 г.) и «Кольматация песков» (Г.А. Куприна).

В 1959 году автору этих строк впервые пришлось выехать в капиталистическую страну для чтения лекций. Это была Норвегия. Пригласили меня университет города Осло и Норвежский геотехнический институт. После долгих колебаний я включил в программу своего пребывания лекцию на тему: «Кольматация песков». Сомнения мои понятны: Каракумы, Мещера и ... Норвегия. Но эффект оказался неожиданным. Две другие лекции особенно положительных эмоций у слушателей не вызвали. А текст лекции по кольматации песков был полностью опубликован в двух научных журналах на норвежском и английском языках. Наших коллег

интересовал процесс кольматации с других позиций: как не допустить вообще его возникновения или свести до минимума, чтобы нормально работали дренажные сооружения.

На озере Ясхан мы познакомились с художником Георгием Александровичем Петровым, приехавшим из Москвы в Туркмению, чтобы написать серию картин. Мы охотно согласились принять его в свой отряд. Георгий Александрович оказался замечательным рассказчиком. После окончания художественного училища в Ленинграде он уехал во Фрунзе и работал художником театра. В летнее время проводил свой отпуск вместе с братом в горах Киргизии.

— Однажды, — рассказывал Георгий Александрович, — к нашей палатке спустились киргизы-охотники. Они говорили, что были высоко в горах и поймали там дикую бабу. Вся голая, вся в волосах, а груди отвисшие. Видно, что ребенка кормит. Охотники связали ее веревкой и повели с собой. Утром проснулись, веревка лежит, а дикая баба исчезла. Вот как можно одичать, как Маугли, — закончил свой рассказ Георгий Александрович.

В 1951 году еще никаких разговоров о «снежном человеке» не было. Выдумать такое? Но зачем?

Георгий Александрович ездил с нами и последующие два года, оформляясь на работу в экспедицию на летний период в качестве старшего лаборанта. В его обязанности входила зарисовка стенок шурфов и ландшафта. Думаю, что тома Каракумской экспедиции, где содержится фактический материал, в этом отношении уникальны. В свободное время Георгий Александрович писал этюды. Он был неутомим. Некоторые его картины приобрел Московский университет.

В 1952 году в районе между горами Большой Балхан и Малый Балхан мы попали в песчаную бурю. Собственно говоря, по размеру летящих частиц это скорее была пылеватая буря. Но так уж принято говорить — «песчаная буря». Все потемнело. Видимости никакой. Среди дня сразу наступила ночь. Это не точно: ночью можно ехать с включенными фарами, а при песчаной буре фары не могут «пробить» и два-три метра. Кругом летящие пыль и песок. Пришлось остановиться, залезть под тент в машины и ожидать окончания бури. Впечатление от нее осталось большое.

Нечто подобное мне пришлось наблюдать в 1958 году в Китае, в Пекине. Тогда, несмотря на плотно закрытые окна, пыль, тонким слоем покрыла все предметы, находившиеся в комнате.

Золотая гипотеза образования лессов родилась и развивалась теми учеными, которые неоднократно переживали песчаные бури. Рихтгофен, высказавший ее впервые, работал в Китае. В.А. Обручев, развивав-

ший и поддерживавший эту гипотезу, много лет проработал в Средней Азии. Но к этому вопросу мы вернемся позднее в связи с работами по Западной Сибири.

В марте 1953 года умер Сталин, по инициативе которого началось строительство Главного Туркменского канала. Появилась возможность еще раз взвесить все «за» и «против» его строительства. В основном «против» было то обстоятельство, что для сельскохозяйственного освоения прилегающих к каналу земель понадобилось бы переселить сюда чуть ли не два миллиона человек. В то время это почти равнялось численности Туркменской республики. А рассчитывать на переселение сюда людей из других районов страны было невозможно из-за климатических условий. Хорошо помню, что в 1951 году 2 мая температура воздуха в Каракумах уже была 40,5 °С. Кто же поедет жить в таких условиях?

Поэтому было принято решение провести трассу канала ближе к населенным пунктам, вдоль железной дороги Ашхабад — Красноводск. И цель при строительстве канала была другой — исключить судоходство, связь Каспийского и Аральского морей, а ставились задачи лишь ирригационного характера. По существу речь шла о новом канале. И он получил новое название — Каракумский канал имени В.И. Ленина. Это решение было принято в 1953 году. Оно совпало с завершением нами полевых работ. Значит ли это, что мы сработали «на полку»? В какой-то степени — да, и в то же время — нет.

Уже после первого года работ у нас возникло предложение коренным образом изменить трассу канала, «уйти» от Узбоя с его солями и держиваться той древней караванной дороги, по которой мы впервые проехали на автомашинах. Приехав в Москву, я встретился в Гидропроекте с И.С. Семеновым и изложил ему свои соображения. Улыбаясь, он достал карту.

— Вот, посмотрите, как совпали наши мысли. Видите, второй вариант трассы, он прямо выходит на Кизыл-Арват, хотя я и не знал об этой караванной тропе. Этот вариант дает возможность подключить к орошению значительные площади предгорной равнины. Сосредоточьте внимание на втором варианте. И мы сосредоточили свое внимание на этом варианте. Были разработаны общие положения, которые не только могли быть использованы при строительстве Каракумского канала, но и вошли в учебник «Грунтоведение» и были опубликованы в трудах XX Международного геологического конгресса в докладе «Теоретические принципы инженерно-геологической оценки пород аридной зоны».

Работы по кольматации песков были доведены до такого состояния, что они вполне могли быть использованы при строительстве Каракумского канала. К сожалению, меры по уменьшению водопроницаемости

песков из канала предусмотрены не были. Мотивы, часто у нас решающие — «долго и удорожается строительство, обойдемся». Результат — не просто большие потери воды из канала, но и засоление огромных территорий, примыкающих к каналу, подтопление Ашхабада.

Много неприятностей принесло оплывание песчаных откосов. А между тем этот вопрос был подробно изучен в 1952 году в дипломной работе В.А. Мощанского. Все это достойно сожаления и показывает, какие существенные потери мы несем, когда между наукой и практикой — разрыв. А виноваты в этом мы — ученые, проектировщики, строители, а больше всех — руководители строительства в нашей стране: не успеют закончить одну работу, как начинают другую гигантскую стройку, которая поглощает все силы, все средства. Так было и с работами в Каракумах.

Работы по инженерно-геологической характеристике каракумских песков были опубликованы в специальных сборниках, в трудах Международного конгресса по инженерной геологии. Так пользуйтесь, товарищи проектировщики и строители, этими материалами! Вам что-нибудь не ясно? Обращайтесь к авторам. Вы хотите, чтобы авторы вернулись на объект, который они изучали? Так скажите им, они вернуться. Но если полное равнодушие и молчание — надо браться за другую работу.

Так было и у нас. Большая часть сложившегося коллектива Каракумской экспедиции в 1954 году выехала на работу в Западную Сибирь вместе с экспедициями Гидропроекта.

Глава 22

Обская и Западно-Сибирская экспедиции

Все началось с беседы с начальником Гидропроекта С.Я. Жуком. Под его руководством были спроектированы крупнейшие гидротехнические сооружения в нашей стране. Впервые в мире были построены гидроэлектростанции не на скальных грунтах, а на рыхлых осадочных породах. Сергей Яковлевич придавал большое значение инженерно-геологическим изысканиям. И сегодня Гидропроект известен как организация, где сосредоточены специалисты в области инженерной геологии очень высокой квалификации. Зная отношение С.Я. Жука к инженерной геологии, я попросил его о встрече. Договорились на вечернее время. Беседа наша продолжалась около двух часов. Сергей Яковлевич остановился на энергетических ресурсах рек Западной Сибири, Оби, Иртыша и других. Он говорил о необходимости существенного развития энергетической базы страны. Считал, что эту проблему можно решить путем строительства гидроэлектростанций в первую очередь в нижнем и среднем течении Оби. Тогда все это звучало убедительно, поскольку на территории Западной Сибири еще не были открыты месторождения нефти и газа.

— Мы, — говорил Сергей Яковлевич, — уже наметили створы, в местах возможного строительства плотин. Перебрасываем из Туркмении в Западную Сибирь своих изыскателей. Они будут вести бурение по створам. Было бы очень хорошо, если бы университет взял на себя проведение инженерно-геологического картирования долин Оби и Иртыша. Хоздоговор мы готовы заключить на ряд лет.

Предложение С.Я. Жука было принято.

Это был довольно смелый шаг с нашей стороны. Западная Сибирь — огромная территория: 3,5 млн кв км, на севере — тундра и вечная мерз-

лота, к югу — тайга, многочисленные болота и озера, дальше — степи на лёссовых просадочных грунтах. Все это разнообразие ландшафтов прорезывается двумя мощными речными потоками — Обью и Иртышом, текущими с юга на север, в Северный Ледовитый океан. Можно было ожидать разнообразие геологических процессов в речных долинах. На большей части Западной Сибири полное бездорожье. Населенные пункты, даже по долинам крупных рек, были отдалены друг от друга на десятки километров. Пожалуй, только это и было общим между Западной Сибирью и Каракумами.

Мы понимали, что трудности впереди большие. И все же решили взять на себя инженерно-геологическое картирование долин Оби и Иртыша. Уж очень это было ново и интересно. Все экспедиционное оборудование было переброшено из Туркмении к новому месту работ.

В условиях Западной Сибири автотранспорт использовался первое время только на базах. Для маршрутов нужен был водный транспорт. Пришлось его арендовать и приобретать. Полевые работы начались в июне 1954 года одновременно двумя партиями. Начальником одной из партий была Галина Гавриловна Ильинская, другой — Сергей Сергеевич Поляков.

Сергей Сергеевич Поляков базировался со своей партией ниже впадения Иртыша в Обь, в селе Кондинское (теперь — Октябрьское). Работы велись на отрезке долины Оби от устья Иртыша до устья Казыма.

Партия Галины Гавриловны начинала свой маршрут от устья Томи до устья реки Кеть. Связь между партиями отсутствовала и разрыв между ними составлял более 700 километров. В партии Ильинской были арендованы баржа и буксирующий ее катер. На палубе баржи установлены палатки, сооружен длинный стол, который использовался для работы и для еды. Все оборудование и продовольственные запасы размещены в трюме. Получилась хорошая плавучая база.

Я уговорил Сергея Сергеевича Морозова принять участие в работе экспедиции в качестве научного консультанта. Хотелось самому поучиться у него, как надо вести мелкомасштабную инженерно-геологическую съемку. Вместе мы поехали сначала в Томск, чтобы помочь в работе Ильинской. Хотелось также перед началом работы побывать в Томском университете и познакомиться с местными геологами. Ведь должны же у них быть какие-нибудь геологические материалы по Западной Сибири.

В Москве кроме старой геологической карты масштаба 1:1 000 000, где поверхностные отложения не были расчленены, другими геологическими материалами мы не располагали. У геологов Гидропроекта

тоже были очень скромные данные о геологическом строении Западной Сибири. Никогда не забуду, как один из них утверждал, что Западная Сибирь похожа на «тарелку» с блинами, настолько горизонтально и упорядоченно залегают на ее территории слои горных пород. Это оказалось большим заблуждением.

На геологическом факультете Томского университета нас встретил декан доцент Л.А. Рагозин. Позднее он работал в Московском университете в должности профессора кафедры динамической геологии. Л.А. Рагозин выразил сожаление, что ученые геологического факультета отсутствуют, они принимают участие в похоронах своего коллеги, умершего от укуса энцефалитного клеща. Сергей Сергеевич Морозов насторожился:

— Что же он, уже в экспедиции побывал?

— Нет, нет. Он гуманитарий. В экспедиции вообще не ездил. Подарили ему студенты после экзамена букет цветов. А в букете клещ оказался. Перебрался на него. Впился. В результате энцефалит. И вот сегодня хоронят. Советую вам в маршрутах тщательно бинтовать ворот и рукава одежды. После маршрута осматривать одежду и тело. — Такой рекомендацией закончил свой рассказ Рагозин. А мы об энцефалите ничего не знали. Прививок тогда не делали. Неприятно. Неизвестно, что лучше — скорпионы и тарантулы в песках Средней Азии или клещи в западно-сибирской тайге.

Оказалось, что четвертичными отложениями (т.е. поверхностными толщами) томские геологи тоже занимались очень мало и никаких материалов передать нам не могут. Со скудными геологическими данными мы начали свои экспедиционные исследования.

Катер потащил нашу баржу по реке Томь к устью. К вечеру вышли на Обь и остановились на ночевку на правом берегу Оби. Мимо нас на лодке проехал бакенщик. Издали что-то прокричал, а что — никто не разобрал.

Мы разошлись по палаткам. Я и Сергей Сергеевич забрались в свои спальные мешки. Слышим шум на палубе. Какой-то переполох. Наша повариха из местных жителей причитает: «О господи, все тринадцать погибнут, о господи, все тринадцать погибнут...».

Мы с Сергеем Сергеевичем стали быстро одеваться. Вышли на палубу. И видим — на нашу маленькую баржу надвигается громада баржи, которую буксир вел вниз по Оби. Течением ее стало сносить именно к тому месту, где мы остановились. По-видимому, об этом и хотел предупредить нас бакенщик. А теперь эта громада, словно трехэтажный дом, неумолимо двигается на нас. Прижмет к крутому берегу. И все, раздавит. И сделать ничего нельзя. Сходни до берега не достают. Прыгать и

воду — не успеешь до берега добраться. Ближе, ближе... И корма этой громады проходит в метре от нашего борта. Рукой можно было коснуться. Той же ночью мы переменили место стоянки, спустились на несколько километров ниже.

Оказалось, что мы недалеко от населенного пункта, который был исходным в нашем маршруте. Длинная цепочка домов вдоль берега. Зашли в один из них, чтобы купить молока. Сергей Сергеевич спрашивает у хозяйки:

- У вас бывают случаи заболевания энцефалитом?
- Бывают.
- И умирают?
- Да, умирают, но в этом году немного, всего три человека померло.
- Ничего себе, успокоила.

Нам надо было подняться на коренной берег Оби. Склоны были покрыты густым лиственным лесом. Больше всего нам доставалось от гнуса, от комаров и мошки. В 1955 году на реке Полуи, ночью, при низкостоящем солнце, в воздух поднялось такое количество комаров, что он стал как бы серым. Даль не просматривалась. Спасение было только на середине реки, в лодке.

Но работа есть работа. Надо и расчистку обнажений проводить, и шурфы копать, и образцы отбирать, парафинировать их для отправки в Москву, и с картой работать, и в полевые книжки соответствующие записи делать. В накомарниках не поработаешь. Смазывали время от времени лицо и руки «антикомариной» жидкостью. Но мало она помогала. Приходилось терпеть. Мне было легче, чем другим. Еще сохранился в организме иммунитет, выработанный на Дальнем Востоке.

Проработав некоторое время с партией Ильинской, мы с Сергеем Сергеевичем поехали в партию Полякова. В то время пассажирские маршруты по реке осуществлялись только в пределах одной области. Мы были на территории Томской области. Село Кондинское находилось в пределах Тюменской. Невидимая граница между областями оказалась непреодолимым препятствием. Пришлось нам втроем (вместе с Сергеем Дмитриевичем Воронкевичем) из Томска поездом ехать в Омск. Там «с боем» садиться на пароход, который и доставил нас в Кондинское.

В итоге мы не жалели, что проехали по Иртышу. Сидя на палубе первого класса с хорошими биноклями, мы уже получили некоторое представление о территории, по которой проплывали. Очень интересны были террасы долины Иртыша. Сложенные лёссами, они образовывали отвесные обрывы палевого цвета, на фоне которых четко выделялись темные погребенные почвы.

Погребенные почвы тянулись непрерывно на десятки километров. Глядя на них, начинаешь сомневаться в правильности эоловой гипотезы происхождения лёссов. Известно, что отложения речных долин имеют водный, аллювиальный характер. Трудно себе представить, что там, где залегают лёссы, эта закономерность почему-то на больших площадях на тысячи лет нарушается и здесь накапливается слой пыли, приносимой ветром. Потом ветер перестает дуть (?) и снова формируется почва. И так дальше, вплоть до сегодняшнего дня, когда на поверхности сформировалась почва, не имеющая ничего общего с эоловыми осадками.

Спрашиваю Сергея Сергеевича, который незадолго перед этим опубликовал классификацию лёссовых пород: «Перед нами лёссовая толща?» Ответ: «Конечно, да еще с погребенной почвой». — «И все это эолового происхождения?» — «Возможно, ветер принес материал из различных районов». — «Не могу согласиться с таким предположением, слишком большая однородность материала для эоловых отложений. Вы знаете, Сергей Сергеевич, что, когда мы в Кара-Кумах попали в песчано-пылеватую бурю, я сразу уверовал в гипотезу Рихтгофена, Обручева и других, что лёсс — порода эолового генезиса. И возможно, так оно и есть для тех районов, где они работали. Здесь же мы видим совсем другое. Что? Не могу сказать, но это не эоловые образования! Значит с этим надо разобраться. Выделим одного аспиранта и дадим ему тему кандидатской диссертации "Лёссовые породы Западной Сибири". Пусть попробует разобраться. Ваше мнение?»

Во время моего монолога Сергей Сергеевич согласно кивал головой, а когда я закончил, спросил: «И о ком вы думаете?»

— Об Андрее Владимировиче Минервине. Он как раз подойдет к партии Полякова.

— А Вы знаете, я тоже о нем подумал. Ведь во время войны я был в эвакуации в Ашхабаде. Там другие лёссовые отложения, он к ним привык, вот и пусть сравнивает.

Так зародилась идея о полигенетическом происхождении лёссов — пород пылеватых, у которых преобладают частицы размером 0,05 — 0,005 мм. Сейчас по этому вопросу накопилось много материала, но не будем забывать о том, что впервые он был поставлен не так уж давно (всего 50 лет назад), и в связи с необходимостью срочного решения практических задач.

Мы не ошиблись, решая поручить возглавить в 1954 году работы по изучению лёссов Западной Сибири Андрею Владимировичу. По состоянию здоровья (он пережил Ашхабадское землетрясение 1948 года), А.В. Минервин никогда не стремился к защите докторской диссертации, но он «влюбился» в лёссовые породы, и я лично убежден, что

Андрей Владимирович хорошо знает их и все, что с ними связано. Ученых, изучающих эти породы, в нашей стране немало. Среди своих учеников я могу назвать В.И. Копейкина (защита 1962 г.), А.К. Воронина (1973), Т.А. Горбунову (1975), Н.Х. Тимирясову (1976), Х.В. Рахматуллаева (1977), Н.Н. Комиссарову (1978), Н.В. Коломийцева (1985), Н.Г. Мавлянова (1986) и других. Но каждая кандидатская диссертация названных коллег — это событие в изучении лёссовых пород.

Партия Полякова работала на моторных лодках. Геологическое строение этого участка резко отличалось от того, что мы видели в районе устья Томи и в долине Иртыша. Долина Оби была резко асимметрична. Правый берег высокий, левый — широкая пойма. И где-то далеко, далеко первая надпойменная терраса. Отсутствовали лёссы, но зато широко была развита морена. И лишь на поверхности ее повсеместно залежали лёссовидные суглинки и супеси, имевшие мощность до двух метров. Они как бы наглядно показывали, что лёссовые породы могут возникать в результате процесса выветривания, протекающего в условиях сезонного промерзания и протаивания. Даже термин есть такой: «покровные суглинки».

Мы приехали в Кондинское накануне выпуска десятого класса местной школы. Выпускники школы — румяные, загоревшие, крепко сбитые юноши и девушки. Директор школы попросил выступить перед ними и рассказать о Московском университете. Это тема, по которой я всегда и везде готов выступать. Я не агитировал их поступать в МГУ. Я рассказал им немного об истории университета, о его сегодняшнем дне (1954 год). Слушали с интересом. Задавали вопросы. А следующим пароходом пятнадцать парней, большинство с самодельными фанерными чемоданами, поехали в далекую Москву сдавать вступительные экзамены на геологический факультет МГУ.

В то время я был деканом и очень гордился тем, что из «глубинки» к нам поехали отличные парни. На всякий случай дал телеграмму и написал письмо, где просил хорошо встретить ребят и проследить, как у них пройдут вступительные экзамены. Через месяц узнал, что четырнадцать из пятнадцати вернулись в Кондинское, не выдержав вступительных экзаменов: срезались на первом же — на письменной математике.

Одного все же удалось зачислить на первый курс, но окончить он его не смог. Сам понял, что не «тянет» и отчислился. Тоже вернулся к себе на родину. Эффект оказался нулевым. Прошло 30 лет, но нечто подобное существует и сейчас — разрыв в требованиях при окончании средней школы и при поступлении в высшую; особенно если речь идет о ведущем вузе и о школе из глубинки. Проблема сложная. Но ее надо

решать путем повышения качества преподавания в средней школе и перестраивая систему отбора в вузы. Об этом некоторые соображения хочется высказать дальше. Возвращаясь к 1954 году, хочу честно признаться, что тяжело переживал неудачу ребят, и старался даже не заезжать в Кондинское. Чувство неловкости, какой-то вины перед ребятами тревожило.

Когда мы приехали в партию Полякова, она работала по долине Оби, ниже Кондинского. Большие оползни на правом берегу постоянно были объектами нашего изучения. Беспредельно широкая пойма на левом берегу, кочковатая, с мелкими, соединяющимися с рекой озерами («сорами»), по которым с трудом можно было пробиться на лодке (трава выше человеческого роста), была не менее сложным инженерно-геологическим объектом. Пойма была настолько широкой, что левого коренного берега Оби нигде не было видно, и невольно возникала мысль: где же проектировщики хотят построить плотину? И какие размеры будет иметь эта плотина?

Работа в Обской экспедиции была тяжелым трудом, поглощающим почти все светлое время, с 6—7 часов утра до 10—11 часов вечера. В этих условиях на одних консервах и крупах не проживешь: добывали и рыбу, и дичь. Передвигались мы на моторных лодках, но если мотор выходил из строя, иногда приходилось вспоминать тридцатые годы и браться за весла.

В 1954 году, работая в партии Полякова, мы заехали в небольшую речушку, впадающую с правой стороны в Обь, хотели по ней продвигнуться в сторону Сибирских увалов. Далеко проехать не удалось, речушка оказалась мелкой. Болотистая пойма, поросшая кустарником, шириной 100 м. За этой полосой начинается горная гряда, сложенная коренными породами, состав и условия залегания которых нам надо было установить. Ну, что такое пройти сто метров? Ерунда. Но это только так казалось. Подтянули голенища резиновых сапог и вошли в тростник. Первая неприятная неожиданность — свежая куча медвежьего помета, от которой еще пар идет. Это мишка моторную лодку испугался: наверное, впервые в жизни слышал шум мотора. Стоял, вслушивался, а потом бросился наутек, когда мы около него остановились. Пришлось взять ружья. Так спокойнее, но зато и идти тяжелее. А идти было действительно тяжело, особенно мне. Ноги проваливались до колен. Сколько усилий надо приложить, чтобы сделать очередной шаг. А когда протез на ноге! Конечно, помогали рядом идущие товарищи. И несмотря на это, когда мы прошли тростник и вышли к коренному склону, сердце колотилось как бешеное. Дальше я уже не смог идти. Пошел Поляков с коллектором, а я, отдышавшись, стал описывать ближайшее обнажение.

С 1955 года вся Обская экспедиция была переориентирована Гидропроектом на работу в низовьях Оби. У проектировщиков возникла бредовая идея соорудить плотину и ГЭС в самом низовье Оби между ж.д. станцией Лобьтнанги и Салехардом. При этом протяженность плотины действительно была бы сравнительно небольшой и создавалась мощная Обская ГЭС, но бесцельно затапливалась бы огромная территория (правда, не обжитая, заболоченная, но с богатейшими лугами, сенокосными угодьями). И второе — почти повсеместное развитие многолетней мерзлоты. Как она будет вести себя под водой? Как поднимется уровень подземных вод территории, примыкающей к водохранилищу? Что произойдет при этом? Вот круг вопросов, который возник перед экспедицией. В связи с этим состав ее пополнился мерзлотоведами (В.В. Баулин и др.) и географами, изучавшими историю развития территории Западной Сибири в четвертичное время (Г.И. Лазуков и др.).

От Салехарда экспедиция захватывала долину Оби вниз до самой Обской губы и вверх до г. Березово. При этом объектом изучения являлась огромная территория, включавшая Игарку, Обь, притоки Оби: Полуи, Северную Сосьву и другие.

Понадобилась целая «флотилия» моторных лодок. Кроме того, нам был передан Гидропроектом катер «Полярник». Думаю, что его хозяева расстались с ним без сожаления. По существу, это был маленький двухколесный пароходик, настолько неустойчивый, что начинал валиться на бок, если с одной стороны собирались на 2–3 человека больше, чем на другой. Но он был нужен нам как плавучая база, способная доставлять в отряды горючее, продукты и необходимое для работы оборудование, всё то, что на моторной лодке не увезешь.

В 1955 году, будучи деканом геологического факультета, я считал необходимым, чтобы работники хозяйственной части деканата хотя бы по две недели в году работали в экспедициях не на базах, а непосредственно в отрядах. Вот тогда они получали ясное представление, что можно требовать от геологов, что является плодом их канцелярского воображения и что выполнить в процессе работы практически невозможно. И самое главное: хозяйственники факультета понимали специфику работы геологов, их экспедиционные нужды.

В 1955 году я обратился с просьбой к Ивану Васильевичу Попову провести вместе полевой сезон в различных экспедициях. Иван Васильевич охотно согласился. Мы разработали подробный маршрут: вначале поехали в Североуральск на бокситовое месторождение, где работали сотрудники и студенты нашей кафедры и кафедры геофизики под руководством Огильви. Задача Североуральской экспедиции состояла в

разработке методов борьбы с сульфозионно-карстовыми процессами. Подземные воды не давали возможности нормально разрабатывать бокситовые руды. Из Североуральска мы возвратились в Свердловск и поездом, идущим на Воркуту, доехали до станции Сейда, откуда шла ветка на Лобьитнанги — поселок на берегу Оби против Салехарда, стоящего на правом берегу Оби, при впадении в него реки Полууй. Здесь мы должны были познакомиться с инженерно-геологическими условиями намечающегося гидротехнического створа, с характером вечной мерзлоты, установить контакты с местными руководителями, проконтролировать начало работы отрядов.

С Поповым и Поляковым мы совершили маршрут по реке Полууй. Нас очень удивило, что по его правому берегу, от Салехарда была проложена железная дорога. Она шла вдоль реки, в общем направлении на восток. Это была «мертвая» железная дорога. Широкая колея, хорошие шпалы, но между ними уже растут березки, рельсы покрыты ржавчиной, бездействующие семафоры, нет никаких признаков ни железнодорожных составов, ни присутствия людей. Во всех станционных постройках выломаны рамы, двери. Эта железная дорога строилась по указанию Сталина заключенными с тем, чтобы соединить Салехард с Норильском. От Норильска в сторону Салехарда шло такое же строительство. Нигде информация по этому поводу не давалась, все было засекречено. Как только умер Сталин, строительство было прекращено и все, что можно было вывезти, было вывезено. Ни один человек на трассе дороги не остался.

Мы были ошеломлены. Сколько тяжелого труда надо было положить, чтобы построить несколько десятков километров этой дороги в условиях вечной мерзлоты. Надо думать, что немало жизней она унесла. Конечно, это было одно из преступлений Сталина. Но раз дорога уже была построена, как можно было немедленно ее уничтожить? Ведь это тоже преступление. Второе преступление. Кто его совершил? Кто в этом виноват? Если бы по дороге ходил паровоз с одним-двумя вагончиками, то ею бы пользовались и местные жители — рыбаки, охотники, возможно и геологи, и любители туризма.

Поездка по реке Полууй оказалась тяжелой. Мы не могли спокойно работать, спать, есть — гнус буквально заедал. Когда солнце спускалось к горизонту и по часам наступало «ночное время», в воздух поднимались такие тучи комарья, что даль просматривалась как сквозь туман. Спасаясь в дыму костра, мы пробовали подсчитать, сколько понадобится железнодорожных вагонов, чтобы вывезти весь гнус с территории Западной Сибири. Получались фантастические цифры — железнодорожный эшелон должен бы занять расстояние от Москвы до Владивостока. Так

проходили бессонные ночи, а днем обычная работа, осмотр и описание обнажений, выработок вдоль железной дороги.

Несколько дней продолжался наш маршрут, и несмотря на все трудности дал достаточно полное представление о строении четвертичных отложений к востоку от Салехарда.

После Обской экспедиции мы посетили партию Г.С. Золотарева, проведившего обследование территории будущей Нижне-Камской ГЭС. От него вернулись в Москву, проехав при этом по долине реки Вятки от ее устья до ж.д. станции Вяткинские поляны на маленьком, чистеньком пароходике, с которого открывались такие чудесные виды, такие сосновые боры, что мы только приговаривали: вот бы сюда Шишкина.

В 1956 году я поехал в Обскую экспедицию со своим заместителем по административно-хозяйственной части Илларионом Петровичем Шафаростовым. Он выехал раньше меня и должен был подготовить все отряды по месту их будущей работы.

После нескольких совместных маршрутов (чтобы потом в разных местах смотреть на геологические объекты по возможности одинаково) отряды на моторных лодках направлялись к своим участкам. В нашем распоряжении остался «Полярник» и одна забракованная моторная лодка, которая шла у него на буксире. Начали загружать трюмы «Полярника».

У меня оказался день свободного времени. Решил половить рыбу. Уселся я с удочкой на корме «Полярника». Поклевка. Вытаскиваю ерша величиной со столовый ножик. И пошло. Заброс. Поклевка. Ерш в ведре. Ерши все мерные, никогда раньше таких не видал. Один из местных жителей заинтересовался.

— Чего это вы ловите? А... ерши. Да разве это ерш? Ерши скатились давно в Обскую губу. Они приходят в Полуйна икрOMETание, а потом тут же после ледохода уходят обратно к себе в Обскую губу. Вот тогда мы их и ловим.

— Да чем же эти плохи? У нас таких в Подмоскowie нет. Каждый ерш 100 — 150 граммов. Сказать московским рыбакам — не поверят.

— У нас ерш полноценный не мельче чем на 400 граммов, а бывает и на килограмм потянет, — я усмехнулся.

— Вот вы не верите. А когда Николашка короновался, один купец отправил на царскую уху сорок сороков таких ершей и за это медаль от царя получил.

— Да как же он мог отправить? Самолетов тогда не было, железной дороги тоже.

— Да очень просто, на оленях. Во вьючных кожаных мешках. А в мешках вода со спиртом. Так они и приехали в Москву. Завсегда так рыбу в дальнюю дорогу отправляли.

Не знаю, какова была царская уха, а наша была замечательной. Рано утром снялись с якоря, и пошли по Игорской Оби. Дошли до соединения ее с основным руслом Оби. В этом месте был расположен небольшой рыбацкий поселок. Решили здесь заночевать. На «Полярнике» остановили машину, поужинали и стали устраиваться на ночь. Кто на буксире, кто на берегу в палатке.

Встали утром рано, а машина на «Полярнике» не заводится. Долго копались с ней и затем вынесли окончательный приговор: и не заведется, пока не будут заменены такие-то ее части. Запасных частей, конечно, нет. Обычная история.

Что делать? Решили послать попутным транспортом за запасными частями в Салехард. Достать их там во что бы то ни стало. «Полярник» должен идти вперед, ведь на нем лежит обязанность снабжения отрядов всем необходимым. Заняться этим делом я поручил Шафаростову. А сам решил двигаться к отрядам вперед на списанной, непригодной моторке. Беспокоило, как начнется работа. Решил не терять время.

Что же собой представляла эта списанная лодка? Какие у нее были недостатки? Во-первых, течь, которую практически невозможно было ликвидировать никакими доступными нам средствами. Во-вторых, — слабый мотор, который обеспечивал скорость движения против течения примерно 5 км/час и «съедал» при этом много бензина. В-третьих, небольшая грузоподъемность — четыре человека с вещами — это был ее предел.

Поэтому я решил идти строго вдоль правого берега Оби, удаляясь от него не больше чем на 10 метров. Вместе со мной в лодку сел студент нашей кафедры Дьячков (он опоздал с приездом в Салехард и поэтому не успел уехать со своим отрядом), моторист и еще один рабочий на руле. Поехали вдоль берега со скоростью пять километров в час. Кажется, что еле движемся. Но все же движемся. К вечеру волны на Оби исчезли. Не река, а зеркало. И это соблазнило меня на такое рискованное предприятие.

Как раз в этом районе, где мы проезжали, на левом берегу Оби от главного русла отходила протока, которая выше снова соединялась с главным руслом. Если пересечь Обь (а ширина ее в этом месте была несколько километров), войти в протоку и дальше двигаться по ней, то можно было резко сократить путь и значительно быстрее дойти до первого отряда. При этом надо было снова пересекать Обь. Но ведь при такой тихой спокойной погоде это не страшно. И я решил рискнуть. Мы пересекли Обь, вошли в протоку и двинулись по ней. Наступила ночь, но было светло как днем: мы были примерно на широте 66°, да к тому же июнь месяц.

Впереди показалось небольшое стадо гусей. Лодка приближается к ним, а они не взлетают. Только стараются скорее добраться до маленького, заросшего ивняком и высокой, в рост человека травой.

Моторист, местный житель, сразу понял, в чем дело и радостно сообщил: «Да ведь это гусаки собрались. У них сейчас линька, они летать не могут. Мы их сейчас руками переловим. Соблазн был велик — привезти в отряд гуся. Вот ребята обрадуются! Лодка подошла к островку. И действительно, моим спутникам удалось поймать четырех гусей, но при этом мы потеряли час времени. И были за это наказаны.

Когда наша лодка вышла из протоки и стала вторично пересекать Обь, на горизонте показалось солнце. И сразу же потянул ветер «низовик» против течения реки. Моментажно возникли волны, начали захлестывать лодку. А лодка находилась примерно на середине реки. Поворачивать обратно не было смысла. Если ее перевернет или заглохнет мотор — конец.

Я перебрался на корму и сам взялся управлять лодкой. Вспомнил свою юность на Дальнем Востоке. Однажды в районе Комсомольска-на-Амуре я попал в такую же передрыгу. Навстречу волне, вдоль нее и опять навстречу волне и опять вдоль зигзагом. К счастью, старенький мотор не заглох и мы благополучно подошли к правому берегу, где волны были совсем небольшие.

Вот тут ко мне обратился Дьячков:

— Евгений Михайлович, пожалуйста, не надо так больше делать, ведь мы погибнуть могли.

— Вполне с тобой согласен, если бы шли вдоль правого берега, как было задумано вначале, никаких переживаний не было бы. Больше так делать не будем никогда.

Н.Г. Дьячкова работала долгое время у нас на кафедре старшим лаборантом. То ли он не стал волновать свою мать и не рассказал ей об этом эпизоде, то ли она молчала по своей природной скромности, но никогда не упрекнула меня, что по моей вине ее сын подвергнулся такой опасности.

Я подробно так остановился на этом эпизоде, чтобы показать, как опасна работа в экспедиции в сложных условиях, малообжитых районах. К сожалению, через два года мне пришлось сообщить своему товарищу по работе в университете Михаилу Юрьевичу Эпштейну, который был тогда главным инженером МГУ, что его сын Генрих погиб на Ангаре, преодолевая на лодке пороги. Тело его река не отдала. Тяжело мне было об этом говорить, а каково было услышать об этом отцу. Никогда не забуду, с какой благородной стойкостью принял этот жестокий удар судьбы Михаил Юрьевич.

Тогда на Оби скоро мы увидели палатки нашего первого отряда, который возглавлял молодой сотрудник кафедры Андрей Владимирович Минервин. Было раннее утро. Только одна дежурная по отряду — студентка нашей кафедры Лорина Шаумян готовила завтрак, рядом с костром ошипывала уток. К ним добавился и один из наших гусей. Сейчас, когда пишутся эти строки, Лорина Ваграмовна Шаумян работает главным научным сотрудником в Экологической комиссии Академии наук, давно защитила докторскую диссертацию по геолого-минералогическим наукам.

Поработав с отрядом Минервина, мы поехали дальше и по дороге до Березово побывали во всех отрядах. В Березово уже прибыл «Полярник», снабдив по дороге всем необходимым отряды экспедиции. Можно было мне и И.П. Шафаростову возвращаться в Москву.

В Тюмени у меня состоялась встреча с начальником Тюменского геологического управления Ю.Г. Эрвье. Юрий Георгиевич был убежден, что Западная Сибирь — это кладовая нефти и газа нашей страны. Многие геологи были не согласны с этой точкой зрения. Много сил пришлось приложить Юрию Георгиевичу, чтобы продолжать поисковые работы. Скважины в районе Березова дали первый газ.

— Во время нашей беседы Юрий Георгиевич показал мне карты, на которых геофизики, по данным сейсмической разведки, впервые нарисовали под чехлом четвертичных отложений куполообразные геологические структуры, образование которых было логично связать с возможными месторождениями нефти и газа.

— Послушайте меня, Евгений Михайлович, — убеждал Ю.Г. Эрвье, — никто никогда не будет строить гидроэлектростанции на реках Западной Сибири. Разве можно затопить нефтяные и газовые месторождения? В ближайшее время они будут открыты, начнется их эксплуатация. Будут строиться промышленные объекты, города, дороги, ЛЭПы, трубопроводы. Где? Когда? Сейчас нельзя сказать. Но это будет, и поэтому надо немедленно приступать к составлению инженерно-геологической карты на всю территорию Западной Сибири. У нас нет в управлении своих инженеров-геологов, и поэтому мы просим вас персонально взять на себя решение этой большой задачи. Ведь у Московского университета есть ученые и специалисты разных направлений, которые помогут в этой работе. Расторгните договор с Гидропроектом. Мы готовы немедленно подписать с вами договор на любую сумму.

— Юрий Георгиевич, предположим, Вы правы, но ведь площадь Западной Сибири 3,5 млн кв. км. Передвигаться по ней трудно. Только по

рекам, да и те почти не обжиты. Пройдут десятилетия, пока мы такие карты сделаем.

— Нет, это не годится. Надо сделать быстро. По новой методике.

— Юрий Георгиевич, нужны будут аэрофотоснимки. Поможете нам их получить?

— Помогу.

— Тогда, наверное, мы согласимся с Вашим предложением.

Я посоветовался со своими товарищами. Большинство загорелись новой перспективой. Но у некоторых возник такой правомерный вопрос: а как же быть с материалами, собранными по долине Оби? Выходит, что мы их на полку сработали, а сколько было труда вложено, чтобы получить первые инженерно-геологические карты долины Оби и ее притоков. Я успокоил своих товарищей.

— Жаль, что мы мало успели закартировать за время работы экспедиции. О какой «полке» может быть речь? Эти материалы — наша основа, на них мы и будем базироваться в дальнейшей работе. Они войдут составной частью в будущую работу.

Договорились о методике сплошного картирования Западной Сибири. Оно должно было проводиться на аэрофотоснимках, где четко были видны ландшафты, гидросеть, оползневые участки на берегах рек и др. Инженерно-геологическая карта на всю территорию Западной Сибири составлялась в масштабе 1:1 500 000. Убедившись, что методика себя оправдывает, мы расторгли договор с Гидропроектом и подписали новый договор с Тюменским геологическим управлением. Так возникла Западно-Сибирская экспедиция. Вся территория Западной Сибири была разделена на две части по широте Ханты-Мансийска (у впадения Иртыша в Обь), и в соответствии с этим были созданы две крупные полевые партии. Северную партию возглавил Виктор Титович Трофимов, южную — Антонина Сергеевна Герасимова. Виктор Титович Трофимов был моложе своих сотрудников и не имел еще кандидатской степени, но общаясь с ним, я убедился в его научной эрудиции и в организационных способностях. И несмотря на некоторые возражения своих коллег, назначил его начальником Северной партии. Жизнь показала, что я не ошибся, обе партии работали успешно. В каждой партии были тематические отряды. Так был создан отряд по инженерно-геологическому изучению болот (А.И. Сергеев), лёссовых пород (А.В. Минервин), по изучению влияния неотектоники на инженерно-геологические условия территории (С.Б. Ершова).

В Северной партии принцип выделения отрядов можно было назвать «региональным». Так, Сибирские увалы на протяжении всего времени изучал отряд под руководством Геннадия Михайловича Терешкова,

окончившего почвенный и геологический факультеты МГУ и защитившего кандидатскую диссертацию в 1970 году. Несколько лет подряд его отряд вертолетом забрасывался на водораздел и затем на лодке спускался в долину Оби. Расстояние, отделявшее его от населенных пунктов, было настолько большим, а наши радиостанции были настолько мало-мощными, что мы не имели возможности пользоваться радиосвязью, и что делается в отряде, узнавали с большим опозданием. Мне как начальнику и научному руководителю экспедиции оставалось только одно — волноваться и ждать, когда его отряд достигнет Оби. Но все было хорошо. Г.М. Терешков был умным и хорошим организатором.

Примерно в таком же положении иногда оказывались отряды Веры Николаевны Коломенской, изучавшей территорию между Обью и Енисеем, и Н.А. Филькина, работавшего на севере по долинам рек Палым, Пур и Таз.

В работе Западно-Сибирской экспедиции принимали активное участие мерзлотоведы (В.В. Баулин и др.), почвоведы (Г.В. Добровольский и др.) и географы Московского университета.

Особенно хочется вспомнить Григория Ивановича Лазукова. Несмотря на тяжелое ранение, полученное на войне, он в труднейших условиях подробно изучил четвертичные отложения на территории Западной Сибири и создал интересную гипотезу о синхронности морской трансгрессии и континентального оледенения в среднечетвертичное время. Эта тема явилась впоследствии его докторской диссертацией. Западно-Сибирская экспедиция использовала также материалы более крупномасштабных исследований геологов Мингео СССР.

Хочется еще отметить, что в экспедиции принимал участие первый иностранный аспирант — чех Имрих Вашковски. Здесь он собрал материал для своей кандидатской диссертации. Сейчас Имрих работает в Геологическом институте Словакии в Братиславе. Он давно защитил докторскую диссертацию и является известным ученым по стратиграфии и генезису четвертичных отложений Европы.

Западно-Сибирская экспедиция много дала нового материала, который явился основой для научного роста молодежи.

Только с кафедры инженерной геологии под моим руководством 15 человек защитили кандидатские диссертации (И. Вашковски, А.С. Герасимова, А.В. Минервин, Л.И. Одинцова, Л.А. Коцеруба, В.Т. Трофимов, А.И. Сергеев, Г.М. Терешков, С.Б. Ершова, А.М. Воронин, Н.И. Барац, Н.А. Филькин, Т.А. Горбунова, В.Н. Коломенская, Б.Т. Трофимов). Наибольших успехов в инженерно-геологическом изучении Западной Сибири добился В.Т. Трофимов, защитивший на эту тему докторскую диссертацию.

Ю.Г. Эрвье был прав, когда предсказывал большое строительство на территории Западной Сибири. Оно началось быстрее, чем мы думали, и в значительно больших масштабах, чем можно было предполагать. Для проектировщиков и строителей понадобились данные об инженерно-геологических условиях их территории. Были случаи, когда они разыскивали наши отряды, работавшие в труднодоступных условиях, чтобы получить нужные им данные. В конце 60-х годов инженерно-геологическая карта в масштабе 1:1 500 000 была составлена на всю территорию Западной Сибири. Написана объяснительная записка к ней. Повесили мы эту карту на стену и поняли, что она очень сложная по своей легенде и трудно будет осваиваться негеологами. Стремясь показать наряду с геологическим строением особенности самих горных пород, наличие мерзлоты и ее характера, состав и условия залегания подземных вод, рельеф территории, мы перегрузили карту фактическим материалом.

У меня появилась идея по готовой инженерно-геологической карте сделать еще одну карту, на которой охарактеризовать только верхнюю 10-метровую толщу (ведь здесь, главным образом, сосредоточена инженерная деятельность человека), и при этом показать самые главные факторы, влияющие на строительство любых объектов. Попробовали, и получилось хорошо. На севере «заиграла» многолетняя мерзлота, в центре бросалась в глаза огромная заозеренность и заболоченность территории, а на юге — просадочность лёссовых пород. Эту карту мы назвали «Картой грунтовых толщ Западной Сибири». Так, в практику инженерно-геологических работ вошло составление карт грунтовых толщ. Они помогали в дальнейшей разработке понятия «грунтовая толща».

В 1972 году обе карты были изданы с объяснительной запиской: основная работа была завершена, на это ушло 18 лет. За это время было опубликовано много статей, монографий, а в 1976 году вышел в свет второй том «Инженерная геология СССР», посвященный Западной Сибири. Научная общественность высоко оценила исследования по инженерной геологии Западной Сибири. За цикл инженерно-геологических монографий и карт в 1977 году их основным авторам была присуждена Государственная премия СССР.

Не остался в стороне и Московский университет. На Ломоносовских чтениях, на заседании Ученого совета университета я как научный руководитель сделал доклад об итогах инженерно-геологического изучения Западной Сибири. Ученый совет присудил научным руководителям А.С. Герасимовой, Е.М. Сергееву и В.Т. Трофимову Ломоносовскую премию первой степени.

Западно-Сибирская экспедиция не прекратила своей деятельности, но проходила она в значительно меньших масштабах. А жаль. Московский университет мог бы больше внимания уделять этому важному народнохозяйственному региону страны. В этом, по-видимому, есть и моя доля вины. Но жизнь есть жизнь. Она ставит перед учеными все новые и новые задачи. Наряду с работами по Западной Сибири проводились инженерно-геологические исследования в других регионах, в частности в районе Красноярска и по долине Енисея. В этих работах принимали участие С.Н. Максимов, Г.А. Голодковская, Н.С. Красилова и другие сотрудники и студенты кафедры. Главными же были работы по инженерно-геологическому картированию долины верхней части Амура, совместная советско-китайская Амурская экспедиция.

Глава 23

Амурская экспедиция

В пятидесятых годах международные связи университета стали усиленно развиваться. Особенно много студентов приехали учиться к нам из Китая. Обычно я встречался с ними еще до распределения по кафедрам. Собралась очередная группа в кабинете декана геологического факультета. Большинство — девушки. Спрашиваю их, на каких кафедрах хотите обучаться. И вместо привычных общеизвестных кафедр, таких как «минералогия», «палеонтология», слышу тринадцать раз подряд: «грунтоведение», «грунтоведение, грунтоведение»... Показываю им свой учебник «Грунтоведение», переведенный на китайский язык. Радостно кивают головами: «Да, да, грунтоведение».

Учились китайские студенты хорошо. У меня было несколько случаев, когда я собирал их в деканате, и, беседуя с ними о распорядке их рабочего дня, убеждал, что кончать заниматься надо не позднее полуночи, что надо обязательно отдыхать один-два часа перед сном, лучше во время прогулки. Они улыбались, вежливо соглашались и продолжали работать в общежитии в своих комнатах до 2 — 3 часов ночи. И их труд не пропал даром, несмотря на то что на своей родине многим из них потом пришлось пережить тяжелое время.

На первой встрече в деканате высокая девушка с длинными косами заговорила по-китайски, обратившись с просьбой к переводчику помочь ей перевести на русский. Вот что она сказала: если получим такое образование, как в этой книге написано, будет очень хорошо. У нас мало геологов и все они занимаются полезными ископаемыми. А геологи специалисты по строительству приезжали из других стран, заключали договора с фирмами или правительством, выполняли работы и уезжали, а мы даже проконтролировать их не могли. Нам надо самим научиться грунтоведению. Это была моя будущая дипломница У Сяо Линь. Сей-

час она профессор Института гляциологии КНР. В 1989 г. ее муж, тоже выпускник геологического факультета МГУ, передал мне фотографию с дарственной надписью, где У Сяо Линь снята вместе со своим американским аспирантом в экспедиции на территории Канады.

Производственную практику китайские студенты и аспиранты проходили в Амурской экспедиции. Гидропроект вновь обратился к МГУ с просьбой помочь охарактеризовать в инженерно-геологическом отношении большую территорию. В этот раз речь шла о речных долинах Верхнего Амура. И КНР, и Советский Союз нуждались в источниках энергии на территории Верхнего Амура (выше устья Зеи). Строительство здесь гидроэлектростанций сравнительно небольшой мощности не только не являлось бы вредным в экологическом отношении, но, наоборот, позволило бы регулировать сток Амура и избежать катастрофических наводнений. Климат территории, примыкающей к долине Верхнего Амура, проявляет черты резкой континентальности и в то же время носит муссонный характер. Причем соотношение этих двух факторов изменяется при движении вниз по Амуру — уменьшается континентальность, а черты муссонного климата становятся более отчетливыми.

Основная часть годовых осадков (до 90 — 95%) в долине Верхнего Амура выпадает в летний период: из них около 50% — в июле — августе. Количество летних осадков значительно колеблется по годам. Например, для Благовещенска оно зафиксировано от 350 до 800 мм в год. В июле и августе количество осадков в дождливый год может быть больше, чем в течение всего засушливого года. В летние месяцы осадки нередко выпадают в виде ливней, что приводит к высоким и резким летне-осенним паводкам, переходящим в отдельные годы в катастрофические наводнения. Свидетелями такого катастрофического наводнения были участники Амурской экспедиции в 1958 году.

Это было страшное зрелище. О поднятии уровня воды в Аргуни, Шилке, в верховьях Амура были сообщения по радио. Местные жители, считая опасность наводнения вероятной, начинают эвакуировать скот, птицу, уносят наиболее ценные вещи в сопки.

Уровень воды поднимается быстро. На наших глазах затопило огороды и деревню, в которой мы жили. Дома все глубже и глубже погружались в воду, последними скрывались под водой трубы на крышах. Прошло некоторое время и то в одном месте, то в другом дом, оторвавшись от своего фундамента, вылетал как пробка па поверхность воды. Постоит на воде, покачается, как бы в раздумье, на одном месте и поплывет вниз по течению.

Совместное строительство плотин через Амур выгодно было тем, что давало в первую очередь возможность зарегулировать сток Верхнего

Амура, было надежным средством борьбы с грозными стихийными процессами. И одновременно с этим решалась энергетическая проблема.

Геологический факультет МГУ подписал договор с Гидропроектом на инженерно-геологическое картирование долины Амура от устья Зеи до слияния Шилки и Аргуни и дальше по долинам этих рек на несколько сотен километров. Полоса, подлежащая съемке, по 35 километров от русла реки в обе стороны. Масштаб — 1:500 000.

В этом масштабе закартировать советскую территорию было значительно легче, чем китайскую. На советской стороне были уже выполнены работы по стратиграфии и местами проведено геологическое картирование отдельных территорий в масштабах 1:200 000 и 1:1 000 000. Значительно хуже обстояло дело с изучением китайской территории. На нее имелись крупномасштабные геологические карты, составленные на маленькие строительные площадки в разное время от начала века до наших дней, разбросанные на сотни верст друг от друга. Репером для этой территории должны были служить наши же советские карты, хорошо выверенные и увязанные между собой.

Амурская экспедиция была комплексная. В состав экспедиции входили с советской стороны: сотрудники и студенты кафедр геологического факультета: исторической геологии, петрографии, гидрогеологии, грунтоведения и инженерной геологии, мерзлотоведения и сотрудники географического факультета МГУ. С китайской стороны во всех партиях и отрядах участвовали китайские геологи как стажеры и китайские студенты, обучающиеся в Московском университете и проходящие свою производственную практику. Все рабочие были китайцы. Экспедиционное оборудование — наше, советское.

Участники экспедиции независимо от подданства имели право совершать работы в полосе 35 километров от берега Амура как на советской, так и на китайской стороне. В большинстве случаев это были расчистки обнажений и рытье шурфов с отбором образцов, бурение на подземные воды и многолетнюю мерзлоту, описание экзогенных процессов: оползней, курумов, обвалов.

Передвигались участники экспедиции на моторных лодках и пешком. Начальником Амурской экспедиции был назначен старший научный сотрудник кафедры гидрогеологии И.Г. Глухов.

Изучая инженерно-геологические особенности речных долин по нашим картам, геологи Гидропроекта намечали возможные створы плотин и сами уже проводили более детальное их изучение. Их задача была выбрать оптимальные по всем показателям створы.

В 1957 году работы проходили по Аргуни, Шилке и захватывали самую верхнюю часть Амура. Мне как декану факультета было известно, что

работы на Амуре проходят нормально и поэтому я мало уделял внимания Амурской экспедиции. В это время мне больше приходилось заниматься Западно-Сибирской экспедицией, научным руководителем которой я являлся. Да и по значимости и сложности проведения работ Западно-Сибирская экспедиция не уступала Амурской. При рассмотрении итогов научной работы 1957 года в Минвузе и ректорате МГУ особых замечаний в адрес геологического факультета не было. Но меня предупредили, что отчет об Амурской экспедиции и полученные результаты за 1957 год придется докладывать лично мне как декану факультета на коллегии Министерства геологии КНР в Пекине, иначе это будет воспринято китайской стороной как недостаточное внимание к ней советского партнера.

Для меня это была не очень приятная новость, так как надо было срочно входить в детали состояния работ Амурской экспедиции и детально знакомиться с ее материалами. В то же время отказываться от руководства Западно-Сибирской экспедицией — своего детища — не хотелось. Решил попробовать совмещать и то, и другое. Работы хватало. Но зато, когда мы прилетали с И.Г. Глуховым в Пекин, я мог быть спокоен, что смогу доложить материалы первого года работы Амурской экспедиции так, как будто давно знаю этот район.

С аэродрома заехали в гостиницу «Пекин», где нам были приготовлены два хороших номера. Хозяева хотели нас покормить, но мы, узнав, что в Министерстве геологии в страшную жару нас ждут приглашенные ученые и специалисты, категорически отказались от всякой еды и настояли на начале собрания через 10 минут.

Китайские коллеги довольно четко изложили, чего они ждут от нашей совместной экспедиции, а мы доложили не только то, что хотим получить в итоге совместных работ, но и что уже передали Мингео КНР привезенные материалы. На моей памяти это был первый случай, когда мы передавали геологические материалы, характеризующие геологическое строение территории, где проходит наша государственная граница. Далее был уточнен план полевых работ 1958 года и завершения инженерно-геологического картирования всей долины Верхнего Амура в 1959 году.

Китайские товарищи обратились ко мне с просьбой прочитать в Пекине лекции о последних достижениях в области инженерной геологии и проконсультировать инженерно-геологические исследования в створе плотины Санминся на реке Хуанхе. Сначала были лекции, потом поездка на Хуанхе. Доехали мы поездом до места назначения благополучно, но несколько необычно. Поездка превратилась в сплошную консультацию. К нам в купе подсаживались два китайских геолога с заранее подготовленными вопросами. И начиналось: вопрос — ответ,

вопрос — ответ. В очередном крупном областном городе китайские геологи горячо благодарили нас за «ценные сведения» и уходили, а на их месте появлялись два новых. И все начиналось сначала. Надо сказать, что это было утомительно.

Глубокую долину реки Хуанхе образуют хорошо выраженные террасы, сложенные лёссовыми породами с вертикальными стенками. Спрашиваю у своих сопровождающих, что произойдет с этими породами, когда начнется затопление водохранилища. Смущенно переглядываются, потом отвечают:

— А нам советские товарищи ничего об этом не говорили.

— А вы их спрашивали?

— Нет.

— Жаль, дайте мне возможность им написать письмо. И написал записку в вежливом тоне своим неизвестным коллегам. Спрашивал их, как могло случиться, что договор подписан у нас с КНР только на изыскания и строительство самой ГЭС? Кто будет вести изыскания по переработке берегов будущего водохранилища? Если оно тоже за нами, то когда же мы начнем этим заниматься? Ведь работы идут полным ходом.

Работы действительно шли полным ходом. Круглосуточная непрерывающаяся цепочка людей. К выемке и от нее, на коренной берег Хуанхе. У каждого за спиной большая плетеная корзина. Рабочий спускается в выемку. Несколько взмахов лопат и корзина полна грунта. Первые шаги делаются неуверенно, но вот он становится в общую цепочку и равномерным шагом идет наверх, где высыпает в общую кучу свою ношу и вновь возвращается за очередной корзиной грунта. Это производило впечатление живого конвейера.

Небольшое отступление. Руководство и общественность КНР объявили кампанию по уничтожению сначала четырех, потом семи зол, мешающих жить китайскому народу. Сюда попали воробьи, мыши, комары, мухи и др. Они подлежали уничтожению. Убитых привозили на специальные пункты, где их взвешивали, и данные об этом публиковались не только на китайском, но и на русском языке для советских граждан. Наверное, эта кампания себя оправдала, но не полностью — воробьев нельзя было уничтожить полностью. Мы жили в маленьком населенном пункте, состоящем из одно- и двухэтажных домиков. Санитарные условия самые примитивные, а никаких мух и других «зол» нет.

При возвращении в Пекин я обратил внимание руководителей Мингео Китая, что никто не изучает инженерно-геологические условия будущего водохранилища Санминся. Заверив меня, что этот вопрос будет решен в ближайшее время, они, в свою очередь, обратились ко мне еще с двумя просьбами: осмотреть водохранилище Гуантин (недалеко, со-

общение по железной дороге, в один день можно съездить туда и обратно) и организовать повышение квалификации китайских специалистов, которые никогда не занимались инженерной геологией, а теперь, в этом году должны начинать изыскания под новые объекты. Народу будет немного, уверяли китайские товарищи, человек 150 — 200(!). Что делать? На Амур надо ехать. Экспедиция должна начинать работать. С другой стороны, вежливым хозяевам, которые оказались в трудном положении, трудно отказывать, хотя понятно, что одному человеку все «дыры» залатать нельзя. Поэтому я ответил так: «Давайте распланируем наше время. Два дня нам надо для осмотра Пекина и встречи с друзьями. Один день — на поездку на водохранилище Гуантин. Три дня — на лекции перед аудиторией из ста человек. Обязательно заранее передать мне вопросы, какие их интересуют. Что смогу, сам расскажу. Остальные вопросы слушатели самостоятельно проработают по литературе, которую укажу. Занятия будут проходить по шесть часов в день. После окончания занятий на следующий день улетаем в Москву. Итого можем пробыть в Пекине еще одну неделю. Не больше. За вами билеты. Согласны?»

Водоохранилище Гуантин было сооружено в лёссах. Крутые берега. Полный штиль, веточка от ветра не шевельнется, никакой ряби на поверхности нет и вдруг страшный шум и несколько десятков кубометров лёсса рушится в водохранилище.

Вода пропитала нижние горизонты лёссового берега, он оказался неспособным держать вышележащие горизонты и они рухнули в воду. Проехали мы на катере несколько километров в одну и в другую сторону. Китайские геологи спрашивают: «Что делать?» Я отвечаю: «Не знаю. Остается только ждать, когда образуется перед основным берегом пляж, о который будут гаситься волны. Можно еще попробовать посадить по разрушающимся берегам растения, закрепляющие пески. Но боюсь, что они не смогут закрепиться, так быстро идет размыв берегов. Приглашайте сюда срочно фитомелиораторов, может быть, они что-нибудь посоветуют». В общем водохранилище Гуантин было зрелищем поучительным, но от нас никаких полезных рекомендаций наши коллеги, к сожалению, не получили.

Два дня были в нашем распоряжении. Мы с Глуховым ездили смотреть Великую Китайскую стену, императорский парк и императорские дворцы. Честно говоря, последние большого впечатления не произвели. Красиво оформленные небольшие домики. В одном из них император спал, в другом встречался утром в определенное время со своей мамой, в третьем принимал чиновников и т.д. Побывали в известном ресторане «Пекинская утка». Любопытные кулинарные произведения, которые нам показали, никак не подходят к теме о Московском университете.

Второй свободный день я провел в семье своего друга Марка Николаевича Заславского и его жены Нины Михайловны. Они уже жили в Китае более трех лет, в специальном городке, построенном для советских специалистов. Много за этот день было всего оговорено: и о будущих советско-китайских отношениях, и о развитии нашей страны, и о развитии Китая, и об инженерно-геологических особенностях территорий КНР и СССР, и о современной подготовке кадров, и о совместной работе над крупными научными проблемами.

В конце разговора Марк Николаевич спрашивает: «Билет у тебя на самолет есть?»

— Обещали вручить завтра утром.

— Никакого билета ни утром, ни вечером не будет, и никуда ты в ближайшие дни не улетишь. Ниночка, подтверди этому наивному человеку, что он здесь нужен и поэтому слово свое они постараются не сдержать.

— Да, Женя, они могли уже связаться с Москвой и ты получишь указание задержаться здесь еще на некоторое время.

— Да, но Амурская экспедиция...

— Да, но консультации инженерно-геологических работ по всему Китаю!

— Что же делать, Марк?

— Можно рискнуть полететь на китайском самолете. Это самолеты, построенные у нас, но летают полупустыми. Боятся на них летать. Экипажи неопытные, часто бьются.

Все сбылось, как говорил Марк. Передо мной извинились, что билетов на самолет нет. Я попросил поехать со мною в аэропорт. Там меня заверили в том же. Я спросил:

— А в Иркутск на китайский самолет билеты есть?

— Да, но он отлетает ночью и его ведет китайский экипаж.

— Согласны, оформляйте два билета.

Так мы все-таки покинули наших гостеприимных хозяев. Лететь действительно было страшновато. Безлунная ночь. То с одной, то с другой стороны появляются горные хребты. Самолет болтает, он проваливается в воздушные ямы. Единственное приятное впечатление осталось от китайских стюардесс. Невозмутимо спокойные, улыбающиеся, все время в плавных движениях среди пассажиров. Они внушали уверенность, что все будет хорошо.

И вот мы на аэродроме, берем такси и едем на железнодорожный вокзал. Садимся в поезд, который доставляет нас в Благовещенск. Наконец-то можно заняться делами экспедиции. Она уже приехала из Москвы и осваивала участки работы. Приехали и китайские участники экспедиции. Познакомились со своими советскими коллегами. Начались

первые совместные советско-китайские геологические маршруты, первые споры у обнажений.

Долина Верхнего Амура — это уникальное место для учебной практики студентов и молодых специалистов. Здесь представлены почти все породы от древних до современных, осадочные, магматические, метаморфические, талые и вечномерзлые.

Прочность типа одного и того же скального грунта во многом определяется его структурно-минеральными особенностями и воздействием на него постгенетических процессов. Например, прочность гранитоидов небольшого участка долины Аргуни изменялась в широком пределе от 300 до 1120 кг/см². Разгнейсованные биотитовые граниты — 1050 — 1120 кг/см². Выветрелые граниты — 30 кг/см².

Несмотря на значительную прочность многих осадочных сцементированных пород в воздушно-сухом состоянии, например, песчаников — 1750 кг/см², прочность их в водонасыщенном состоянии снижалась до 1100 кг/см², а после 25 циклов замораживания и оттаивания среднее значение прочности равнялось 900 кг/см², т.е. была в два раза меньше, чем в воздушно-сухом состоянии.

Эти два примера показывают, что при выборе створа будущей плотины в таких сложных инженерно-геологических условиях, как долина Верхнего Амура, ни в коем случае нельзя было ограничиться общими представлениями о том, в каком массиве будет работать будущая плотина. Надо на первых же стадиях инженерно-геологических изысканий детально изучать все факторы, которые могут повлиять на работу сооружения. Отбирались нужные образцы и отправлялись в Москву на исследования. Выводы делались при сопоставлении полевых и лабораторных исследований.

При работах на Амуре мы отошли от существовавших в то время методик составления мелкомасштабных инженерно-геологических карт. Выделяя основные виды пород, мы вкладывали в этот термин скорее инженерно-геологический смысл, чем петрографический. Так, при подразделении кислых эффузивных пород в один подвид объединялись липариты, дациты и андезиты как породы, близкие по своим инженерно-геологическим особенностям. Исходя из этих же представлений, рассматривались вместе туфы и туфобрекчии. Было введено понятие «прочность массива пород». Это понятие позволило подразделить массивы пород по их прочностным показателям на пять групп и в некоторых случаях связать прочностные показатели массивов с формой речной долины и геологическими процессами, протекающими в долинах.

Например, резкое сужение долины Амура, высокие отвесные берега, сложенные породами черного цвета, которые пересекаются зеленовато-

желтыми полосами шириною около двух метров, отсутствие «бичевника», вместо него крупные обвальные глыбы — все это являлось признаками того, что берега сложены базальтами.

Действительно, цветные полосы при детальном их рассмотрении оказывались тектоническими трещинами, минеральный состав которых после дробления изменился под влиянием химического выветривания до размера и состава глинистых минералов.

Свои характерные особенности имеют берега, сложенные гранитами, мраморами, аргиллитами и другими породами. И все эти особенности хорошо увязываются с геоморфологией берега, геологическими процессами и минерально-структурными особенностями пород. Поэтому Амурская экспедиция явилась богатым источником для курсовых и дипломных работ и кандидатских диссертаций как китайских, так и советских студентов и аспирантов. Больше того, Амурская экспедиция явилась школой для всех ее участников и для специалистов, работающих в этом районе.

К весне 1959 года отчет о работах в 1958 году был настолько готов, что мы сами решили проявить инициативу и обратиться в Минвуз СССР с тем, чтобы нас пораньше послали в КНР и чтобы мы могли, не теряя времени, с начала сезона продолжить экспедиционные работы.

Хорошо помню свой разговор с одним из руководителей Минвуза СССР, курировавшего Московский университет.

— Хочу доложить вам, что отчет о полевых работах за 1958 год Амурской советско-китайской экспедиции готов, необходимые карты тоже. Хорошо бы все это отвезти в Пекин пораньше, чтобы иметь возможность начать полевые работы экспедиции тоже пораньше.

— А кто вам разрешит все материалы по геологии нашей государственной границы отвозить в другое государство!

— В прошлом году было ваше распоряжение по этому вопросу, так что, я думаю, и в этом году тоже — вы.

— Напрасно так думаете, в прошлом году была одна обстановка и для КНР было сделано исключение. В этом году обстановка меняется и на них распространяются общие правила. Вот и все.

— Тогда мы будем мотивировать тем, что надо провести углубленные исследования собранных нами образцов в лабораториях на приборах, которых нет в Китае, так как не хотим, чтобы в последующем какие-нибудь эксперты упрекнули в недоработке отдельных вопросов. Но какой-то части китайских студентов придется выехать на полевые работы. Иначе у них не будет полноценных дипломных работ.

— Ну, раз надо, значит надо. Дипломные работы должны быть полноценными. — И мы перешли к обсуждению других вопросов.

Третий год работы Амурской экспедиции прошел спокойно. Собираясь на Амур, я, как всегда, взял с собой рыболовные снасти: лески, грузила, крючки. Но с рыбной ловлей не очень получалось. Больше всех трунила над нашими рыбацкими неудачами Галина Андреевна Голодковская. И однажды за ужином, пережевывая какие-то концентраты, произнесла речь, суть которой сводилась к тому, что пора бы и ушицы похлебать. И что она готова внести свой трудовой вклад в это дело. — «Вот если Евгений Михайлович сам поймает больше двух килограммов рыбы, я готова всю ее вычистить сама. Впрочем, сколько будет, столько и вычищу. Но условие — рыба должна быть поймана лично Евгением Михайловичем, ну а доставлять ее в лагерь могут все желающие», — говорила Галина Андреевна. Все дружно посмеялись.

На следующий день ко мне подбегает моторист и шепчет на ухо: «Как раз над нами стоит домик бакенщика. От нас он не виден. А у него корова, навоза полно и в нем черви. Я уже спрашивал, можно ли накопать», — а хозяин говорит: «А на кой они мне, копайте сколько надо, я окромя тайменя на блесну никого не ловлю». И место сказал, где надо ловить. Выше нашего лагеря вода в гранитах бухточку высверлила, так он говорит, что там сомята стоят, невпроворот. Поедем, начальник?

— Поедем. Только никому не говори.

Предупредили дежурных, что к обеду-ужину мы можем не успеть, что ждать нас не надо, и уехали. Нашли бухточку, пристали к берегу. И началась рыбная ловля. У меня впечатление зацепа, и моторист тоже говорит: «Чего-то зацепило». Потом разобрались, что наши «зацепы» очень активные, тащат то в одну сторону, то в другую. Постепенно подтащили «зацепы» к себе. Они были такие, как надо — больше двух кило каждый. Оглушили, сняли с крючка, бросили в мешок.

Мимо нас возвращался один из отрядов. Выделяется атлетическая фигура студента-гидрогеолога Володи Семина. Попросили его помочь нам лески распутать. Втроем дело пошло быстрее, я забрасываю донку, подсекаю рыбу, вытягиваю на катер, а ребята укладывают по порядку леску, глушат рыбу, снимают ее с крючка и в мешок. Заполнили мешок, принялись за другой. Но стало уже темнеть. Пришлось заканчивать эту необычную рыбалку.

Вернулись мы в лагерь, когда ужин уже закончился. Но это не помешало нам положить рыбу к ногам Галины Андреевны с восклицанием: «Дорогая Галина Андреевна, пожалуйста, почистите».

— Вы не могли столько поймать, вы купили у рыбаков.

Но свидетельские показания рассеяли сомнения. Полночи вся партия чистила и потрошила пойманную рыбу. Не успели прилечь — рассвет. Уху надо варить. В общем, то был единственный пир на Амуре, но зато какой!

Итогом Амурской экспедиции явилось инженерно-геологическое районирование долин рек Шилки, Аргуни и Верхнего Амура. Кроме того, были рассмотрены некоторые вопросы прогноза изменений инженерно-геологических условий при гидротехническом строительстве. Все эти материалы находятся в фондах Гидропроекта.

В 1989 году в программе «Время» по телевидению прозвучало, что китайское правительство обратилось к советскому правительству с предложением продолжить изыскания и начать работы по строительству гидротехнических сооружений по Верхнему Амуру. В сообщении говорилось, что советское правительство положительно отнеслось к этому предложению. На следующий день раздается телефонный звонок из Гидропроекта. Нас просили снова приступить к этим работам, ведь все материалы вплоть до полевых книжек целы. Студенты и молодые специалисты, работавшие в Амурской экспедиции, стали зрелыми, опытными руководителями, большинство из них могут широко использовать международный опыт по своей тематике. К сожалению, эти работы не были напечатаны.

В 1962 году Издательство Московского университета выпустило в свет монографию «Геологическое строение и инженерно-геологическая характеристика долины Верхнего Амура» под редакцией Г.П. Леонова и Е.М. Сергеева. В ней впервые дана всесторонняя инженерно-геологическая характеристика долинам Верхнего Амура и низовьям Аргуни и Шилки протяженностью более 1000 км. Разработаны новые принципы инженерно-геологического районирования долин этих рек. Поставлены некоторые вопросы прогноза изменений инженерно-геологических условий при гидротехническом строительстве.

Все сказанное может облегчить проведение инженерно-геологических изысканий для гидротехнического строительства не только в долине Верхнего Амура, но и в других речных долинах, имеющих сходные инженерно-геологические условия.

Придет время, и потребности экологического народно-хозяйственного характера снова заставят обратиться к Московскому университету по «амурским» проблемам. А если участники экспедиции 1957 – 1959 гг. не смогут уже поехать в поле, то их материалы окажут большую помощь новому поколению геологов.

Глава 24

Многотомная монография «Инженерная геология СССР»

На кафедре грунтоведения и инженерной геологии МГУ и во многих других организациях, благодаря инженерно-геологическому изучению отдельных регионов, накопилось много материала по характеристике разных районов территории бывшего СССР. И наш учитель, Иван Васильевич Попов начал писать монографию «Инженерная геология СССР». Однако оказалось, что одному человеку это сделать невозможно. К тому же здоровье и возраст тоже осложняли его деятельность. Вышло несколько книг по Европейской части СССР и при работе над книгой «Урал» Иван Васильевич скончался. Жаль было потерять такого замечательного человека и своего учителя, и мы ему должны быть благодарны, что он правильно определил время, когда следовало приступить к такой большой и нужной работе.

Я как проректор университета подал рапорт министру геологии о необходимости написания многотомной монографии «Инженерная геология СССР», просил необходимые ассигнования для этого, предложил состав редколлегии и авторов отдельных томов. С небольшими изменениями все это было утверждено приказом по Мингео СССР. Работа вышла на всесоюзный уровень. По этому вопросу в Мингео появился приказ министра геологии СССР за №444 от 2 декабря 1970 года. Думаю, что будет лучше, если он будет опубликован полностью, без пересказа его содержания.

Приказ, конечно, хороший. Но нам хотелось привлечь к написанию монографии не только разных ученых, работающих в плане названия монографии. Редколлегия установила необходимость участия в написании монографии ученых, работающих в ОГТТГН АН СССР и Московском университете имени М.В. Ломоносова, а также план самой монографии.

ПРИКАЗ
Министра геологии СССР

№444

г. Москва «2» октября 1970 г.

О составлении монографии
«Инженерная геология СССР».

Учитывая все возрастающую потребность различных организаций в инженерно-геологических материалах для целей размещения объектов гражданского, промышленного и сельскохозяйственного строительства, а также рационального планирования инженерно-геологических исследований, проводящихся в больших масштабах на территории Советского Союза, и в соответствии с решением коллегии от 13 марта 1970 года

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Возложить на Второе гидрогеологическое управление составление совместно с министерствами и управлениями геологии союзных республик, научно-исследовательскими и учебными институтами 8-томной монографии «Инженерная геология СССР» общим объёмом 250 п.л. с завершением этой работы в 1975 году.

2. Утвердить состав главной редакционной коллегии монографии «Инженерная геология СССР» согласно приложению.

3. Главной редакционной коллегии (т. Сергееву) разработать и представить к 15 декабря 1970 года в Управление гидрогеологических и специальных работ проспект содержания и структуру монографии.

4. Контроль за выполнением настоящего приказа возложить на Управление гидрогеологических и специальных работ (т. Даниловича).

А. Сидоренко

Приложение

к приказу Министра геологии СССР
от 2 октября 1970 г. №444

СОСТАВ

редколлегии монографии «Инженерная геология СССР»

Сергеев Е.М. — проректор МГУ, доктор геолого-минералогических наук, член-корреспондент АН СССР — главный редактор

Попов И.В. — профессор Московского государственного университета, доктор геолого-минералогических наук — заместитель главного редактора

Голодковская Г.А. — профессор МГУ, доктор геолого-минералогических наук — заместитель главного редактора

Чаповский Е.Г. — главный геолог Второго гидрогеологического управления, заместитель главного редактора — председатель рабочей комиссии редколлегии

Чуринов М.В. — руководитель отдела инженерной геологии ВСЕГИНГЕО, доктор геолого-минералогических наук — заместитель главного редактора

Антоненко К.И. — начальник Второго гидрогеологического управления

Бабинец А.Е. — руководитель лаборатории Геологического института Академии наук Украинской ССР, член-корреспондент АН Украинской ССР, доктор геолого-минералогических наук

Бондарик Г.К. — руководитель отдела ВСЕГИНГЕО, доктор геолого-минералогических наук

Буачидзе И.М. — ректор Грузинского политехнического института, доктор геолого-минералогических наук

Данилович М.Я. — начальник Управления гидрогеологических и специальных работ Министерства геологии СССР

Дмитровский В.И. — главный гидрогеолог Гидрогеологического управления Министерства геологии Казахской ССР

Дроздов С.В. — декан факультета МГРИ, кандидат геолого-минералогических наук

Золотарев Г.С. — профессор МГУ, доктор геолого-минералогических наук

Коломенский Н.В. — заведующий кафедрой инженерной геологии МГРИ, доктор геолого-минералогических наук

Кудрявцев В.А. — заведующий кафедрой мерзлотоведения МГУ, доктор геолого-минералогических наук

Ломтадзе В.Д. — заведующий кафедрой инженерной геологии Ленинградского горного института, доктор геолого-минералогических наук

Диковская С.Л. — старший геолог тематической партии Второго гидрогеологического управления — ученый секретарь редколлегии

Начальник Управления гидрогеологических и специальных работ

М. Данилович

За три года было опубликовано 8 томов, в написании которых участвовал 301 автор.

1978 г., Том 1 — Русская платформа, под редакцией И.С. Комарова, коллектив авторов; 46,2 печ. листа.

1976 г., Том 2 — Западная Сибирь, под редакцией чл.-корр. АН СССР, Е.М. Сергеева, коллектив авторов; 43,4 печ. листа

1977 г., Том 3 — Восточная Сибирь, под редакцией Г.А. Голодковской, коллектив авторов; 54,2 п.л

1977 г., Том 4 — Дальний Восток, под редакцией Е.Г. Чаповского, коллектив авторов; 41,8 п.л.

1978 г., Том 5 — Алтай, Урал, под редакцией Е.В. Трепетцова, И.В. Попова, Г.М. Терешкова, коллектив авторов; 33,6 п.л.

1977 г., Том 6 — Казахстан, под редакцией В.И. Дмитровского, коллектив авторов; 22,9 п.л.

1978 г., Том 7 — Средняя Азия, под редакцией Х.Т. Туляганова, Р.П. Теуш, Н.Н. Ходжибаева, коллектив авторов; 30,8 п.л.

1978 г., Том 8 — Кавказ, Крым, Карпаты, под редакцией И.М. Буачидзе, К.И. Джанджгава, М.В. Чуринова, коллектив авторов; 32,2 п.л.

Научная общественность нашей страны и ученые других стран высоко оценили проделанную работу. Вскоре после выхода последнего тома монографии ко мне в кабинет, на кафедру, неожиданно зашли руководители инженерно-геологической службы США профессор Шустер и профессор Вайс. Говорят: «Извините, что мы зашли без предупреждения, но были в Грузии у Буачидзе, и решили до отлета самолета навестить Вас». Отвечаю: «Очень рад; у нас хорошая столовая, пойдете пообедаем». «Ни в коем случае, у нас всего полчаса времени. Скажите, а что это у Вас за интересные книги? А посмотреть их можно?» Отвечаю: «Конечно. Будем рады если американские ученые станут первыми читателями».

Гости быстро полистали книги и спрашивают: «Простите, а купить их у Вас можно?» Отвечаю: «Конечно, можно и купить, но Вы наши друзья, а я главный редактор монографии и в моем распоряжении есть несколько ее комплектов для подарка. Я прошу Вас принять это как подарок в знак дружбы между нами, советскими и американскими людьми».

— Вы это серьезно? И Вам не надо это нигде согласовывать?

— Нет, не надо.

— Большое спасибо. Но мы не можем их взять сейчас с собой. Вы не сумеете нам их выслать почтой?

— Сможем.

На этом мы и распрощались. Почта не подвела, и наши американские друзья получили все 8 томов. Через некоторое время мы получили от них хвалебный отзыв, в котором содержалась такая фраза: «Вы нам показали, в каком направлении должна развиваться инженерно-геологическая наука». Подписи и печати на официальном бланке. Это дало мне возможность приложить подлинник к документам, которые научная общественность нашей страны представила в правительство для присуждения Ленинской премии — в то время высшей награды за научную работу в нашей стране.

Среди геологических работ было немного, отмеченных Ленинской премией. В данном случае Комитет по Ленинским и государственным премиям СССР в 1982 году принял положительное решение, подтвердив тем самым, что работа превосходит мировые достижения в этой области. Персонально Ленинскую премию получили: Е.М. Сергеев, И.В. Попов (посмертно), М.В. Чуринов (ВСЕГИНГЕО), И.С. Комаров (МГРИ). Очень жалею, что круг персонально награжденных невелик. Но авторитет кафедры грунтоведения и инженерной геологии МГУ значительно вырос не только у нас в стране, но и за рубежом.

Глава 25

Связи с зарубежными учеными.

МАИГ

В 1958 году не успел я приехать в Москву из Китая, как мне передали приглашение для чтения лекций в Польше в Варшавском университете.

На геологическом факультете был организован институт инженерной геологии и гидрогеологии во главе с профессором Витольдом Ричардовичем Ковальским, который подобрал молодых, умных и энергичных специалистов.

В частности, к нам приехала на стажировку в Москву, в МГУ Алина Фальковска; ей предстояло на будущий год читать лекции по грунтоведению. От нее я услышал такой комплимент: «Когда мне сказали, что я должна читать лекции по грунтоведению, я прямо упала духом — такой скучный и сухой предмет. А слушаю Вас вместе со студентами и удивляюсь, как интересно и доходчиво Вы все рассказываете. Научите меня». Я ответил, что постараюсь, и после лекции, если было время, мы разбирали с ней различные варианты возможного построения уже прочитанной лекции. Не знаю верить или нет, но мне кажется, Фальковска была искренна, когда говорила, что теперь она не побоится выступить перед своими студентами, но только на польском языке.

Витольд Ковальский много внимания уделил мне во время моего пребывания в Варшаве, и мы договорились о совместных работах. В дальнейшем я был в Варшавском университете в 1957, 1979 гг. После того как у нас в МГУ побывал профессор Ковальский и выступил со своей лекцией перед студентами и сотрудниками нашей кафедры, завязались тесные контакты между Варшавским и Московским университетами по инженерно-геологическому изучению городов, дорог, разработке карьеров и других объектов в условиях Европы. Со стороны Варшавского университета в них принимали активное участие доцент Фальковска, старшие научные сотрудники Галина Лозинска и другие. От нашей ка-

федры активно включились в эти работы профессор Г.А. Голодковская, старшие научные сотрудники Г.М. Терешков, Л.В. Бахирева, А.В. Шаумян и другие.

В 1974 г. я был избран почетным доктором наук Варшавского университета.

Еще раньше в 1962 году меня пригласили в ГДР, в автодорожный Дрезденский институт, для чтения курса грунтоведения студентам-дорожникам. Я согласился, но оговорил срок своего пребывания — две недели. До Берлина доехал из Москвы поездом, а там меня встретили сотрудники Дрезденского автодорожного института и представили мне мою переводчицу, уточнив, что сами лекции будет переводить их аспирант, приехавший к ним с Украины. Когда я посмотрел на свою переводчицу, то встретил буквально ненавидящий взгляд. Может быть, это и понятно, ведь после окончания войны прошло сравнительно немного лет. Но все время быть рядом с человеком, который тебя ненавидит, — это ужасно. Поэтому я поблагодарил своих хозяев за заботу (на плохом немецком языке), сказал, что хочу потренироваться сам в течение двух недель, и поэтому переводчик мне не нужен. Оскорбленная фрау удалилась, даже не считая нужным как-то отреагировать на мои слова. Ох, и тяжелые были эти две недели, тем более что мои хозяева поместили меня в доме для приезжих, находившемся за городом, где не было ни магазинов (хотя бы продуктовых), ни кафе, вообще ничего, кроме тускло освещенных кустов.

Единственное, за что я могу их поблагодарить, это за знакомство с профессором Фрицем Ройтером из Фрайбургской горной академии. Профессор Ф. Ройтер и его немецкие коллеги активно подключились к нашим советско-польским исследованиям. Вслед за ними выразили желание и, действительно, приняли активное участие в наших комплексных исследованиях Европы ученые Болгарии, Венгрии и Чехословакии. В Братиславском университете я выступил с удачной лекцией. И в 1972 году был избран почетным доктором Братиславского университета имени Каменского.

Согласованные между нашими странами макеты различных инженерно-геологических карт хотели издать в ГДР. Но, к сожалению, сделать это Фрицу Ройтеру не удалось. Почему? Для участников группы это осталось неизвестным. После этого я решил, что более эффективным сотрудничество может быть при чтении лекций в рамках Международной ассоциации инженеров-геологов (МАИГ).

Хочу рассказать о некоторых своих посещениях Парижа. Впервые я попал в Париж в 1961 году, когда там проходил очередной Международный конгресс по механике грунтов и фундаментостроению. Прово-

дила его очень авторитетная организация, существующая под тем же названием. Желающих поехать на этот конгресс в Советском Союзе было очень много. Для многих тематика его была очень интересной и нужной для своей работы. Наверное, еще большее число ученых хотели совместить полезное с приятным: участвовать в конгрессе, познакомиться с Парижем и принять участие в одной из экскурсий по Франции. К их числу принадлежал и я.

До этого мне приходилось выступать с лекциями и докладами в Пекине, Варшаве, Осло, Копенгагене. Особенно мне понравился Копенгаген. Много зелени, парки с озерами. Разгуливают не только люди, но и ручные звери и птицы. Маленькая деталь — открываю окно в отведенном мне номере и рядом с ним пролетает стая уток. Первый раз в жизни тогда увидел в городе объект своих охотничьих подвигов и стало как-то не по себе. Много маленьких дешевых кафе и ресторанчиков. И наконец, знаменитая скульптура — русалка на море.

Но от Парижа я ждал еще больших впечатлений. Такой представительный международный конгресс, сам город, экскурсия по Франции...

Были сформированы две группы для поездки на конгресс и во Францию. Одна небольшая, человек 5—6 — официальная делегация, за которую деньги платили государственные организации. Вторая группа участников конгресса, человек 30—35 оформлялась «Интуристом» за личные деньги, которые вносили сами ученые в рублях и которые по курсу обменивались на франки, необходимые для оплаты вступительного взноса и на другие многочисленные расходы. Все было согласовано. Деньги переданы «Интуристу». И вдруг... Вмешался в этот вопрос всезнающий и нами всеми тогда управляющий Никита Сергеевич Хрущев.

Последовало его прямое указание: «Туристам на конгрессе делать нечего, вступительные взносы за них не платить, пусть занимаются туризмом». Ему объясняют, что «туристы» — это те же ученые, но они пошли навстречу своим организациям, у которых не хватает денег для заграничных командировок. Не знаю, что было сказано в ответ, но полетели мы с напутствием руководителей «Интуриста» немедленно обратиться к советскому послу в Париже. «Туристы» избрали для этого группу, человек 4—5. В нее входил и я. Мы немедленно отправились в наше посольство, которое тогда находилось на улице Грюнель. Посол нас принял, выслушал и сказал: «Но ведь это бессмысленно приехать на научный конгресс и не участвовать в нем. Тогда вообще не надо было приезжать. Идите на конгресс и предупредите, что вступительные взносы вы оплатите завтра. Завтра утром загляните еще разочек ко мне. Сегодня я переговорю с Москвой, а завтра выдадим вам деньги». Вот так просто, оказывается,

решался этот вопрос. Но это только казалось. На следующий день перед началом работы конгресса вся группа туристов была в посольстве. Ведь каждому надо было получить валюту и заплатить вступительный взнос. Посол принял только тех, кто был у него накануне. Куда девалось его благодушное настроение. Перед нами предстал новый и к тому же недовольный человек.

— Оказывается, все не так просто. Втравили вы меня в неприятную историю. Ничем помочь не могу. Ступайте на конгресс и попробуйте побыть там в качестве гостей без уплаты членских взносов.

Это указание мы выполнили. Но когда пришли в ЮНЕСКО (а именно там проходил конгресс) мы увидели в регистратуре пустые полки и на них сиротливую горку папок с приколотыми к ним значками членов конгресса. Сразу поняли, что эти папки и значки ждут нас.

Организаторам конгресса все стало ясно и без наших объяснений. Дежурные сотрудники ЮНЕСКО подходили к нам с вопросом: «Что Вы тут делаете, мсье?» Почти все отвечали однотипно: «Пришли встретиться со своими коллегами, узнав, что они приехали на конгресс (а наши официальные делегаты, получив свои папки и значки, конечно, отправились на заседание конгресса)». На это нам отвечали: «Я надеюсь мсье, что вы уже встретились и теперь можете покинуть помещение, где проходит конгресс». Нас просто выгнали.

Не помню, кто, но кто-то бросил фразу, облетевшую всех туристов: «Ну и черт с ним, с конгрессом. За все заплачено, кроме вступительных взносов. Значит можно сейчас идти и знакомиться с Парижем, что ни делается — все к лучшему». Настроение изменилось, послышались шутки и смех. И отдельными группками, по признаку личного знакомства и симпатий отправились смотреть Париж. Тот самый Париж, который так манил нас к себе в Москве.

В отеле я жил в одной комнате с Николаем Васильевичем Коломенским. Естественно, что мы пошли вместе. К нам присоединились Иван Васильевич Попов, Анатолий Константинович Ларионов и еще два-три человека. Во-первых, мы ходили по улицам Парижа, по Большим бульварам, побывали на Елисейских полях, везде, где нам казалось интересно. Во-вторых, побывали во многих музеях. Конечно, в первую очередь в Лувре и музее импрессионистов. Но больше всего мне понравился небольшой музей Родена. В Париже мне пришлось еще побывать девять раз. И каждый раз, независимо от сроков командировки я считал своим приятным долгом посетить этот музей, постоять и полюбоваться его скульптурами. В конце концов мы должны были бы благодарить Хрущева, что вместо утомительных докладов, мы наслаждались Парижем. А дальше, закончился конгресс и начались экскурсии. Я выбрал для себя

экскурсию по югу Франции — Ницца, Монте-Карло, Канны, и на запад, поближе к Испании, где на фермах французы выращивали черных бычков для испанских коррид.

В Каннах в ресторанчике мы познакомились с художником Пикассо. Он уже был в преклонных годах и большого впечатления, честно говоря, на меня не произвел. Сам он очень заинтересовался туркменской тюбетейкой, которая была надета на Николае Николаевиче Маслове. Тот объяснил Пикассо значения стилизации узоров на тюбетейке и просил принять ее в дар на память о встрече. Пикассо попросил у Маслова визитную карточку и обещал выслать ему один из своих рисунков. Все поздравляли Николая Николаевича и напрасно. Ничего Пикассо ему не прислал.

В 1970 году Министерство иностранных дел Франции пригласило меня вместе с супругой на месяц во Францию для чтения лекций по своей специальности. На аэродроме Орли нас встретила молодая мадам, которая отрекомендовалась: «Марина Михайловна Голицина — ваша помощница; я и переводчица, и шофер, и секретарь. Если у Вас возникнут вопросы, пожалуйста, обращайтесь ко мне. А сейчас мы поедем в отдел культуры МИДа Франции».

Заведующая этим бюро оказалась женщиной очень вежливой, приветливой и деловой. Произошел следующий разговор:

— Мы пригласили Вас во Францию на месяц. Сможете ли Вы пробыть все это время?

— К сожалению, смогу пробыть только две недели. Исходя из этого, прошу оформить наши авиабилеты.

— Значит, мы выдаем Вам на руки половину месячной зарплаты нашего профессора.

Звонок по телефону, и через десять минут деньги я получил, распившись в ведомости.

— Отель для Вас уже заказан, и расчеты за него мы будем проводить сами. Он находится напротив Лувра, по другую сторону Сены; рядом мост через Сену. Надеемся, он Вам понравится. Есть у Вас ко мне вопросы?

— Спасибо. Все ясно.

— Когда и где будут Ваши лекции, Вы договоритесь со своими коллегами. Марина Михайловна, вот Вам ключи от машины, которая стоит у подъезда. До свидания.

Мы распрощались. Невольно подумалось, вот если бы так же четко и организованно мы встречали своих гостей. От кого это зависит? К сожалению, сейчас это стало еще менее доступно, чем было раньше. Да и раньше дело было поставлено тоже не очень хорошо.

В Париже у меня были два друга или, вернее, две дружеские семьи: семья проф. Арну и семья Линниковых. С профессором Арну мне настоятельно рекомендовал познакомиться А.А. Богданов, узнав, что я еду в Париж. Профессор Арну был одним из инициаторов создания МАИГ, долгое время был его президентом. Он работал в Высшей Горной школе Франции. Основная лаборатория проф. М. Арну размещалась в корпусе, построенном рядом с Люксембургским парком. Совсем еще молодой профессор приветливо нас встретил и стал показывать свои работы и исследования, над которыми работали его сотрудники. В то время профессор М. Арну был увлечен составлением карт «геологического риска» с помощью ЭВМ и получением прочных облицовочных и других подделочных искусственных камней путем соответствующей их обработки. Оба эти направления у нас отсутствовали или, точнее сказать, находились в зачаточном состоянии. Я пригласил профессора М. Арну приехать в Московский университет для чтения лекций сотрудникам и студентам нашей кафедры и попросил принять к себе в лабораторию на стажировку сотрудника нашей кафедры, Е.Н. Коломенского, знающего французский язык. Оба предложения были приняты. Профессор Марсель Арну познакомил нас со своей семьей. Оказалось, что мадам Арну имеет четырех сыновей и несмотря на это учится на курсах русского языка, потому что ей нравится русская музыка и русские песни. Встретила она нас как своих старых знакомых. Хорошие отношения между нашими семьями продолжались долгое время. Арну часто приезжал в Москву со своей супругой, и мы в их честь каждый раз устраивали небольшой прием у себя дома. А когда мы бывали в Париже, то Арну всегда приглашал к себе домой, независимо от того, с кем бы я не приехал.

Вторая французская семья — семья Линниковых была небольшой, всего три человека. Николай Яковлевич Линников приехал с родителями во Францию вместе с белыми, во время гражданской войны в России, будучи гимназистом. Отец Николая Яковлевича был начальником железнодорожного вокзала в одном из крупных городов Украины. Старший брат в это время учился в медицинском институте в другом городе. Он остался в Советском Союзе, воевал с немцами во время Отечественной войны (был военным врачом), продолжал служить в Советской армии в звании подполковника, жил в Белоруссии. Они переписываются и мечтают встретиться. Встреча эта состоялась позднее, когда Николай Яковлевич приезжал в Советский Союз. Во Франции довольно много русских, будучи студентами, выбирали себе геологическую специальность, на нее было легче поступить, чем на многие другие. Геология отпугивала французских студентов: может быть, придется всю жизнь провести вне Франции, в диких необжитых французских колониях!

У русских эмигрантов такого чувства не было. Студент Николай Линников стал специализироваться по изысканиям под строительство различных плотин. К моменту нашей встречи он был известен как крупнейший специалист в мире по проблемам, возникающим при строительстве плотин, консультировал во многих странах мира. Позднее Николай Яковлевич прочел лекцию и у нас на Геологическом факультете МГУ, демонстрировал слайды, переносившие нас с одного континента Земли на другой.

Его жена, Евгения Ивановна, попала во Францию в 1920-х годах пятилетней девочкой. Привезли ее родители из Казахстана; там она родилась в г. Петропавловске. Евгения Ивановна говорила по-русски уже с некоторым акцентом. Это и не удивительно. Во-первых, с 5 лет она росла и жила среди французов. Во-вторых, когда родился Сережа, то родители решили не говорить ему, что он русский, и в его присутствии говорили только по-французски. На мой вопрос: «Почему так решили?» ответили, что французские ребята плохо относились к детям русских эмигрантов, дразнили их, и они хотели от всех этих неприятностей избавить своего сына. Сережа, будучи уже взрослым мальчиком, узнал, что он не француз, а русский, и стал учить русский язык. Не помню, да я и не расспрашивал, при каких обстоятельствах он вступил во французскую коммунистическую партию, но он там не просто числился, а вел активную работу. В моих архивах, наверное, сохранилась открытка с видом на поселок Шавиль, на которой надпись: «профессору Сергееву от коммунистов поселка Шавиль». Около десяти подписей, а секретарем этой маленькой организации был Сергей Линников. Когда в Париж приезжал Л.И. Брежнев, его поездка по городу транслировалась по телевидению. И вдруг мы видим, что берут интервью у Сережи Линникова. Последний вопрос к нему был такой: «Где Вы так хорошо научились говорить по-русски?» На что последовал ответ: «Здесь, в Париже». И это была правда. В результате своей политической деятельности Сережа попал в «черный список» и по окончании университета его нигде не брали на работу. С трудом Николаю Яковлевичу удалось устроить его на гидрогеологические изыскания в Канаду. Туда он уехал с женой, и по словам родителей, прекратил всякую политическую деятельность, чему способствовали очень трудные условия работы. Не знаю, как сложилась дальнейшая жизнь Николая Яковлевича Линникова. Думаю, что при нашем первом знакомстве ему было уже «в районе 60 годков». А ведь это было в 1966 году; прошло не меньше 25 лет — четверть века. Знаю, что он вышел на пенсию, а Евгения Ивановна, наоборот, стала работать. Она поступила на должность администратора одной из французских туристических компаний. И в связи с этим несколько раз приезжала с туристами в Москву. Бывала у нас дома, и мы с женой принимали ее

приглашение поужинать в ресторане, где она останавливалась со своими туристами.

У Линниковых я познакомился с очень известным ученым — геологом широкого профиля профессором Н.Н. Меньшиковым. Он носил розетку ордена Почетного легиона, которым был удостоен за открытие нефтяных месторождений в Северной Африке, когда французам очень нужно было горючее для боевых операций против немецко-фашистских войск. Профессор Меньшиков производил хорошее впечатление знающего, культурного и очень интеллигентного человека. Недаром в Москве, перед поездкой во Францию, Алексей Алексеевич Богданов говорил мне: «Обязательно познакомьтесь с Меньшиковым — жалеть не будете, а спасибо мне скажете». Это действительно так.

С Арну и Линниковым мы обсудили, сколько и какие лекции я должен прочитать во Франции. Решили — три, две в Париже и одну в Орлеане, где расположен геологический центр Франции. Во всех трех случаях народу было не очень много, но это были люди, которые мне задавали кучу вопросов.

Интересной была поездка в Орлеан. Не могу на ней не остановиться. Машина «летит» в Орлеан на огромной скорости. Марина Михайловна за рулем, я рядом с ней. Спрашиваю: «Марина Михайловна, Ваша фамилия Голицына, Вы княгиня Голицына или просто Голицына?» Она отвечает: «Просто Голицына», — и, помолчав, добавляет: — «Но мой муж — князь Голицын». — «Тогда Вы тоже княгиня Голицына». — «Да, но это так было по законам Российской империи, а ее давно уже нет». — «Вы на меня не обижайтесь, просто мне хотелось узнать, а то меня спросят друзья в Москве, кто у Вас был переводчиком, и как только я назову Вашу фамилию, тут же последует вопрос, на который надо дать ответ».

После лекции в Орлеане, на которой слушателей было даже больше, чем в Париже, хозяева предложили посмотреть их информационный центр. Спросили: «Хотите узнать о своих работах?» Отвечаю: «Буду рад». Через десять минут машина стала называть мои публикации, их оказалось много, но самое интересное, что среди них была моя лекция, которую я прочитал в Хельсинки для студентов университета, и рукопись которой была опубликована в журнале, где тематика была близкой к инженерной геологии. О публикации этой лекции я ничего не знал. По-видимому, организаторы семинара забыли спросить мое согласие. Я не обиделся, а просто посмеялся. Я записал название лекции и все другие координаты, и потерял эту записку.

Прошла неделя нашего пребывания в Париже. Мы освоились настолько, что решили сами без Марины Михайловны, организовать свое питание. Завтрак нам давали в отеле; он входил в стоимость номера.

Проблема ужина решалась просто. Можно было зайти в соседний магазин и купить там любое количество продуктов (я имею в виду и 100 г, и больше). Что мы и делали. Ужины у нас были очень хорошие, т.е. мы обслуживали себя сами. Вскипятим, например, чай или выпьем молоко с вкусными бутербродами. А с обедом, первый раз получилась «осечка». Мы зашли в ближайший ресторан, не обратив внимания на то, сколько звездочек на вывеске с его названием. Народу было мало. Выбрали себе столик. Тут же подошел к нам официант с хорошо оформленным меню. Я стал его просматривать. Не зная французского языка, надеялся, что попадутся названия блюд, имеющие международный характер. Остановились на трех названиях: бифштекс, торт, кофе. Подошел гарсон. Спрашиваю его: «Говорите по-русски или по-немецки?» Отвечает: «Нет, мусье, только французский. Называю, что мы хотели бы получить. Он кивает головой и что-то спрашивает меня по-французски. Я не понял, о чем идет речь, но подтвердил, сказав «Уи (да)». Через некоторое время приносит нам два отличных бифштекса с хорошим гарниром и хлеб. По-видимому, пожелал нам хорошего аппетита и ушел.

Мы приступили к своим бифштексам, но только дотронулись до них ножами, как убедились, что перед нами сырое, слегка обжаренное мясо. По-видимому, гарсон меня спрашивал: «Хотите Вы кровавые бифштексы?». И я, не зная французского языка, легкомысленно ответил: «Да». Что заказали, то и получили. Шура говорит: «Я сырое мясо есть не буду». Я отвечаю: «Забирай мой гарнир, а мне давай свой кусок. Если французы едят, значит можно есть и нам — русским геологам. В экспедиции мы бы съели не раздумывая». Так неудачно началось наше самостоятельное питание. Неудачное, еще и потому, что пришлось за такой обед заплатить 100 франков.

Потом мы нашли маленький ресторанчик недалеко от отеля и обедали в нем вместе с французскими рабочими-строителями, которые охотно вступали с нами в контакт; помог один из них, знавший немного немецкий язык. Обед там стоил всего 20 франков. Это дало возможность сэкономить и привезти из Франции для своих родных несколько сувениров.

Пишу я эти воспоминания о пребывании в Париже и невольно посматриваю на стену нашей комнаты, где висит портрет Александры Михайловны, сделанный карандашом одним из художников во время посещения бульвара Монмартр. Могу засвидетельствовать, что художник ни разу не поправил того, что было им уже сделано. Портрет немного мрачноват, но любой сразу же узнает мою супругу, какой она была почти четверть века тому назад...

Последующие посещения Парижа были связаны с деятельностью МАИГ. МАИГ — международная ассоциация инженеров-геологов —

была создана по инициативе ученых, работающих в этом направлении во Франции, Израиле, Чехословакии, Англии и ФРГ на одном из Международных геологических конгрессов, проходившем в Индии. Думаю, что это был 1965 год. Первая генеральная конференция МАИГ проходила в 1968 году в Праге. На ней присутствовала и советская делегация. Я быть там не мог, так как находился в Австралии и как проректор МГУ вел переговоры об укреплении зародившегося сотрудничества между МГУ и Национальным университетом Австралии.

Делегаты конференции были в смятении, когда узнали, что в Прагу вошли советские танки. Эта никчемная «затея» тогдашних руководителей Политбюро потрясла многих людей, и в данном случае даже пришлось «свертывать» работу конференции. Но все же успели принять ряд решений. Президентом МАИГ был избран профессор Заруба, известный ученый из Чехословакии, написавший одну из первых книг по инженерной геологии, вице-президентами — руководители национальных ассоциаций по инженерной геологии и в том числе по предложению советской делегации проректор МГУ профессор Е.М. Сергеев, генеральным секретарем МАИГ — профессор М. Арну. Местонахождение «штаба ассоциации» — Париж. Там живет и работает генеральный секретарь Арну, там же находится и штаб-квартира ЮНЕСКО, к которому собравшиеся обратились с просьбой помочь в организации вновь создаваемой и очень нужной для самого ЮНЕСКО международной ассоциации.

Избрание М. Арну оказалось очень удачным. Он организовал регулярный бюллетень МАИГ, в разных странах с его участием проходили различные конференции, международные симпозиумы по инженерной геологии.

В дальнейшем Арну сменил Зарубу на посту президента МАИГ и в знак его заслуг был избран ее почетным президентом, в должности президента ассоциации оказался я, а генеральным секретарем был избран ученый из ФРГ, доктор Вольтерс, оказавшийся также инвалидом Второй Мировой войны. Его уже нет в живых, и хочется помянуть его добрым словом. Всю его деятельность в МАИГ можно охарактеризовать несколькими словами: продуктивная и очень инициативная деятельность, тщательная исполнительность и доброжелательное отношение к людям. Да, была жестокая война (слава Богу, что Вольтерс воевал, был ранен и контужен в Югославии, а не у нас на фронте). Она закончилась, и мы оба заняты мирным делом — развитием науки для надежного возведения инженерных сооружений, где бы они не строились; независимо от политики они строятся для людей, для человечества. Вот из этого мы оба исходили в самый разгар «холодной войны».

В 1972 – 1978 гг. я был вице-президентом МАИГ, а в 1978 году был избран президентом МАИГ на конгрессе, проходившем в Мадриде. Одним из первых моих мероприятий было проведение в Советском Союзе международного симпозиума по морской инженерной геологии. Проходил он в Грузии. Председателем оргкомитета был Иосиф Моисеевич Буачидзе – директор научного центра по гидрогеологии и инженерной геологии Грузинской АН. Два дня заседали в Тбилиси, а затем переехали машинами в Сухуми; по дороге осматривали Грузинские ГЭС. В Сухуми грузинские коллеги ознакомили нас со своими работами по экспериментальным исследованиям изменения морского шельфа под влиянием деятельности человека. Была однодневная экскурсия в Батуми.

Разве могли тогда подумать участники семинара, что в Грузии может вспыхнуть гражданская война, которая проходит сейчас, безжалостно и бессмысленно разрушая все созданное самими грузинами и абхазцами за долгие годы совместной жизни? Трудно и больно смотреть информацию об этом по телевизору...

В 1982 году заканчивался срок моего пребывания на посту президента МАИГ. На очередной генеральной конференции в Нью-Дели (Индия) президентом МАИГ был избран профессор М. Лангер, работавший в одном из институтов Ганновера (ФРГ). До этого много лет он был назначаем МАИГ и хорошо знал работу ассоциации. Неоднократно приезжал в Москву, с лекциями в МГУ и по другим вопросам. Между нами были очень хорошие дружеские отношения.

Решением совета МАИГ я был награжден медалью Ганса Клооса за выдающиеся заслуги в области инженерной геологии и развитие международного научного сотрудничества. Один из моих учеников из Болгарии Кирил Ангелов, был удостоен премии МАИГ, впервые установленной для молодых ученых. Это произошло уже позднее.

Но думаю, что еще большее значение имела моя деятельность в другой международной ассоциации – МАУ.

Глава 26

МГУ и Международная ассоциация университетов (МАУ). Ректор Р.В. Хохлов

Некоторая замкнутость университетов всегда была для них характерна, и объединение между ними началось только после войны. Международная ассоциация университетов (МАУ) была создана по инициативе ЮНЕСКО в 1948 году. Первая (учредительная) конференция состоялась во Франции. На ней был принят устав, избраны руководящие органы. Своей основной целью МАУ считает координацию сотрудничества на международном уровне между университетами во всех странах, а также между различными организациями, чья деятельность имеет отношение к высшему образованию.

В соответствии с уставом, в МАУ принимается по крайней мере по одному высшему учебному заведению от каждой страны, обратившейся с просьбой о приеме. Все члены МАУ в рамках Ассоциации обладают равными правами. Региональные объединения университетов могли приниматься в МАУ в качестве ассоциированных членов, обладающих совещательным голосом.

В 1948 году членами Ассоциации стали более 800 высших учебных заведений из 120 стран и 8 ассоциированных членов: Ассоциация африканских университетов, Ассоциация арабских университетов, Ассоциация университетов стран Британского Содружества, Ассоциация высших учебных заведений Юго-Восточной Азии, Ассоциация университетов с частичным или полным преподаванием на французском языке, Международная федерация католических университетов, Союз университетов Латинской Америки и Постоянная конференция ректоров и вице-канцлеров европейских университетов (КРЕ).

II Генеральная конференция состоялась через пять лет в Турции, в Стамбуле. В качестве наблюдателя на ней присутствовал от Советского Союза заместитель министра высшего образования СССР М.А. Прокофьев. По его рекомендации Московский университет вступил в члены МАУ.

На III Генеральной конференции (Мексика, 1960) членом Совета МАУ был избран проректор МГУ профессор Г.Д. Вовченко.

IV Генеральная конференция МАУ проходила в Токио в 1965 году и была посвящена проблемам доступности высшего образования, роли университетов в развитии экономики и культуры, их автономии в разных странах. На этой конференции советская делегация была представлена ректором университета им. Патриса Лумумбы С.В. Румянцевым, ректором Киевского университета И.Т. Швецом, проректором Московского университета Е.М. Сергеевым и переводчиком Минвуза СССР.

Перед делегацией Минвуз поставил задачу не только участвовать в конференции, но и изучить отдельные вопросы работы японской высшей школы, и установить личные контакты с руководителями японских университетов (государственных и частных), осмотреть лаборатории университетов и ознакомиться с организацией учебного процесса в японских университетах. По всем этим вопросам сведений было мало и приходилось пользоваться лишь отдельными публикациями, так как работники советского посольства в японские университеты не допускались.

В советском посольстве нам объяснили, что собрать сведения о японских университетах — задача не простая. Ни в один университет нас не пустят, потому что все они работают по указке американских советников, которые к нам очень враждебно настроены. Американские советники, помогающие в организации работы японских государственных университетов, вряд ли будут рекомендовать им вступить с нами в контакт, а частные университеты ориентируются на политику государственных университетов. Министерство просвещения Японии также не пожелает иметь никаких контактов с советскими учеными. Но мрачные прогнозы сотрудников нашего посольства не оправдались.

Разместили делегатов конференции в 17-этажном отеле «Нью-Атлантия». Это было одно из самых больших зданий того времени. Япония, и в том числе Токио, располагается на территории высокой сейсмичности, и поэтому многоэтажные здания не было принято строить. Сейчас антисейсмическая техника ушла вперед и ландшафт города стал неузнаваем. На экране телевизора, показывающего Токио, найти гостиницу, где мы жили, я не смог, ее закрыли более высокие здания.

После завтрака автобусы отвезли делегатов в главный корпус Токійского университета. Стоило только войти в здание, как становилось ясно, что работать в нем будет очень трудно. На улице изнуряющая жара (август месяц), в актовом зале все раскалено, а кондиционер отсутствует. Выходя из своей современной гостиницы, мы и подумать не могли, что можем попасть в такую обстановку.

Среди делегатов преобладали мужчины. Среди них ярким пятном, в пышных народных платьях, усыпанных драгоценностями, выделялись три дамы. Это были ректоры женских филиппинских университетов. Обучение мужчин и женщин, не знаю, как сейчас, но тогда на Филиппинах проходило раздельно. Советские делегаты внешне никак не выделялись по своей одежде от других, но кто-то успел шепнуть филиппинским дамам, что в таком-то ряду расположились «красные», приехавшие впервые на конференцию из далекой Москвы.

Во время перерыва все три дамы направились к нам. Обычное приветствие на английском языке, а затем прямой вопрос: «Правда, вы из Москвы?» Так началось знакомство. Весь разговор шел через нашего переводчика. Мы были очень удивлены, когда самая молодая из женщин — ректор, переодевшись в европейское платье, выступая в общей дискуссии, резко критиковала систему отбора абитуриентов в американские университеты по тестам, без участия при этом самих экзаменуемых. «Экзамен по почте», как выразилась она, когда нельзя взглянуть друг другу в глаза и представить себе, что за человек перед тобой находится, — это профанация. Время выступлений в общей дискуссии соблюдалось строго — пять минут, но и за это время наша новая знакомая успела наговорить много неприятного нашим коллегам-американцам, закончив примерно так: «При вашей системе исчезает живой человек, его заменяет бумага». Ей дружно аплодировали.

В общей дискуссии выступали С.В. Румянцев, И.Т. Швец и я по тем вопросам, которые, нам казалось, должны были произвести впечатление на наших японских коллег: бесплатное обучение, обеспечение работой всех окончивших университет, аспирантура и систематическое повышение квалификации после определенного срока работы.

Вечерами проходили приемы. Принимал делегатов конференции ныне покойный император Японии Хирохито. Он был ученый, доктор биологических наук, изучал беспозвоночных Тихого океана. Прием проходил строго официально: делегаты подходили к императору, статс-секретарь министерства просвещения читал, что написано на жетоне делегата, император пожимал ему руку и приглашал в зал. Конвейер действовал непрерывно и только один раз дал сбой. Статс-секретарь зачитал мою фамилию и занимаемую должность «вице-президент Мос-

ковского университета». Император вдруг востропнулся и стал задавать вопросы: есть ли у нас биологический факультет, изучаются ли морские беспозвоночные, кто заведующий кафедрой (оказалось, что они знакомы и обмениваются публикациями)? Есть ли у меня самого аспиранты и сколько их? — и пошло, и пошло. Вопрос следует за вопросом, цепочка делегатов стоит, переминается с ноги на ногу и не понимает, в чем дело, почему остановилось движение. Кончилось тем, что микадо закричал через весь зал своей супруге: «Иди сюда, я тебя познакомлю с вице-президентом Московского университета». А когда она подошла к нам, пояснил: «Они тоже изучают морских беспозвоночных Тихого океана». Я осторожно прикоснулся к руке императрицы и темная лента мужских костюмов двинулась дальше.

На следующий день один из японских коммунистов, председатель общества японо-советской дружбы (а в то время их было в Японии три и все с разными платформами) сказал мне: «Какой Вы счастливый, только приехали в Японию и были приняты императором, а я родился в Японии, все время здесь живу и даже издали не видел нашего микадо».

Наша знакомая — ректор женского университета Филиппин — очень хотела познакомиться с советскими коммунистами. Ее муж летчик погиб во время войны, находясь на стороне немцев. Поэтому она немного знала немецкий язык, примерно на моем уровне. В этом случае люди как-то лучше понимают друг друга. «Филиппинка» поинтересовалась, как нам понравился президент университета Хиросимы Морито. Мы честно сознались, что первый раз слышим эту фамилию.

— Да ведь он президент совета японских президентов университетов, независимо от того, государственные они или частные. Авторитет его очень большой. Второй день идет генеральная конференция, а вы не просили его о встрече. Какая ошибка!

Мы тут же решили исправить эту ошибку и попросили его принять нас по вопросу о связи между японскими и советскими университетами.

На следующий перерыв нам было назначено время для приема. Комната, в которой находился Морито, была просторная и благодаря сквознякам достаточно прохладная. Сам хозяин полулежал на низком диванчике у такого же низкого столика. Рядом с ним хлопотал его секретарь: он расставлял около Морито вполне подходящие по своей высоте стулья. Обмен приветствиями. И в этот момент входит смеющийся чиновник министерства просвещения, запретивший нам посещать японские университеты и всякие поездки по стране. За руку он тащил ректора из университета Сан-Франциско, которого все узнавали по его почти двухметровому росту.

Морито прошептал, вернее прошипел, что-то нечленораздельное. Чиновник изменился в лице, остановился и стал задом выталкивать американского ректора из комнаты в коридор.

Мы сидели спокойно, делая вид, что ничего не видим и не слышим и воспринимаем это как обычное ритуальное происшествие. Когда порядок в комнате был восстановлен, мы изложили наши просьбы Морито и он сказал, что охотно поддержит их.

В этот же вечер мы встретились с некоторыми японскими ректорами и профессорами; их было человек тридцать. Наши коллеги без всяких предисловий начали так:

— Вы хотели с нами поговорить? Слушаем Вас внимательно и готовы ответить на все Ваши вопросы.

Вот мы и начали задавать вопросы, от которых самим потом стало и смешно, и неловко. Например:

— Что вы делаете, чтобы студенты не пропускали занятий, чтобы они лучше учились?

— Ничего. Они платят деньги за обучение и стараются за эти деньги получить как можно больше знаний.

— Дается ли вам специальное время на написание учебников?

— Нет. Мы учебники не пишем. Вы пишете их за нас и в других странах тоже. Пока учебник напишешь, пока его отпечатают, материал устаревает. Лучше рекомендовать один из наиболее удачных учебников и дополнить его собственными лекциями.

Японские профессора дают ответы очень вежливо, но в подтексте их чувствуется: неужели это не понятно? И затаенный смешок. Беседа явно не получилась, разные взгляды, представления, усвоенные со школьных лет.

В тот же день к нам в отель приехали представители университета Васеда — частного, одного из лучших университетов Японии с приглашением посетить университет и осмотреть интересующие нас лаборатории. Было семь часов вечера, и мы невольно выразили сомнение, не поздно ли? «Нет, нет, не поздно, университет работает и ректор вас ждет». Подъезжаем к университету, все здания освещены, везде народ. Университет действительно работает.

Небольшая беседа с ректором. Какие факультеты мы желаем осмотреть? Останавливаемся на химическом и механическом. После осмотра факультетов вернемся и продолжим беседу.

Входим в здание химического факультета, и кажется, что попали в музыкальную шкатулку. Играет музыка, не громко, скорее приглушенно, она успокаивает, не отвлекает от работы, не мешает думать, а наоборот, способствует думать и работать. Идем по помещениям фа-

культета. Поражают чистота, свежий вид стен, окрашенных в легкие полутона — все успокаивает глаз, создает рабочий настрой. Уже вечер, около девяти, а все студенты работают, никто не мешает друг другу, не отвлекается.

К студентам иногда подходят такие же, как они, молодые люди. Иногда между ними проходит совсем краткий разговор, а иногда начинается тщательный просмотр записей. На нас мало кто обращает внимание. Мы — люди, только мешающие, только отвлекающие от работы, от процесса обучения.

Спрашиваю нашего ведущего:

— Молодые люди, которые помогают студентам, — это преподаватели?

— Нет, что Вы, — это аспиранты, они только учатся в свободное время, как надо преподавать.

— Сколько же они получают за свою работу?

Мой собеседник улыбается: «Нет, вы меня не поняли. Университет предоставил возможность им самим учиться методике преподавания, и за это они платят деньги университету: правда, это небольшая сумма».

После двухчасовой экскурсии вернулись к ректору. Он предлагает для начала подписать договор об обмене между университетами Васеда и МГУ. На год по одному преподавателю (желательно профессору) и по одному студенту старшего курса. Дорогу оплачивает посылающий университет, пребывание — принимающий университет. Мы понимаем, что это хорошо, больше — это победа, ничем не заслуженная, разве только одним именем Московского университета. Надо радоваться, а лица у советских делегатов напряженные, и понятно почему — такие соглашения можно подписывать только с разрешения Минвуза и по согласованию с партийными органами. Но я вижу в руках проректора университета Васеда подготовленные соглашения, протягиваю руку, беру русские экземпляры, внимательно прочитываю их и подписываю все. То же делает мой японский коллега. Обмениваемся подписанными соглашениями. Они войдут в силу, как только на них будут поставлены печати университетов.

Когда мы вернулись в отель, мои старшие «товарищи» начали меня прорабатывать:

— Как Вы могли сделать такой шаг, не запросив Москву? Не посоветовавшись с посольством? Могут быть большие неприятности!

Честно говоря, на сердце немного щемило, но ведь нельзя было упустить случай вступить в прямые контакты с одним из лучших японских университетов. И действительно, в Москве одобрили принятое мною решение.

Накануне отъезда из Москвы в Японию мне в Минвузе показали телеграмму из редакции газеты «Асахи», в которой содержалась просьба прочитать лекцию для президентов японских университетов на тему «Подготовка научных кадров в Советском Союзе». Я не думал над этой темой, не собирал материал и, естественно, сказал: "Не могу". На что последовал ответ: «Что хотите делайте, а просьба газеты «Асахи» должна быть выполнена». К счастью, вместе с нашей делегацией ехала японка — выпускница университета им. П. Лумумбы, окончившая университет по русскому языку. Она с удовольствием согласилась быть переводчицей.

Добирались мы сложно: самолетом до Хабаровска, поездом от Хабаровска до порта Находка и пароходом от Находки до японского порта Йокогама (практически Токио). Всю дорогу в самолете, в поезде, на пароходе я писал текст лекции и написанные куски давал для перевода на японский язык. А потом мы добивались синхронности в моем выступлении и ее переводе. При приезде в Токио мне показалось, что лекция «получилась», но все же она меня сильно беспокоила.

Наступил день, когда была назначена моя лекция в зале заседаний газеты «Асахи» для японских ректоров, президентов университетов и сотрудников газеты. Большая аудитория амфитеатром. Когда мы прибыли туда с переводчицей, то оказалось, что я выступаю четвертым. Не помню темы предыдущих лекций, но первым должен был выступить профессор из Англии, за ним из США, потом из Франции и завершающим я.

Пришлось попросить переводчицу не оставлять меня одного, так как я оказался бы совершенно беспомощным. Жарко. Солнце палит всю, время приближается к четырем. Все окна открыты, но кондиционер отсутствует. В костюме, при галстуке. Дышать нечем. 16.05, 16.10 — все терпеливо ждут. Около 16.15 появляется Морито в сопровождении своей молоденькой жены. Краткий разговор между Морито и администратором. Последний поднимается на сцену и объявляет через микрофон: «По рекомендации уважаемого господина Морито порядок выступлений несколько изменен. Первым выступит проректор Московского университета профессор Сергеев. Далее порядок выступлений сохраняется».

Услышав это, моя переводчица срывается со своего места и бежит наверх в помещение для переводчиков, на ходу доставая из сумочки текст моей лекции. Меня просят на трибуну к усилителю. Лекция начинается. Говорю по-русски, а через наушники слушаю, когда кончается японский перевод, это происходит почти синхронно, продолжаю дальше.

От жары, от напряжения начинает болеть голова, хотя это у меня очень редко бывало. Дело подходит к концу. Встает и аплодирует Мо-

рито, за ним слушатели. Администратор преподносит мне цветы и подарок в коробке; переводчице — конверт с деньгами. Ей же я передаю свои цветы и прошу: «Скорее в ближайшую аптеку, очень болит голова». «Нет, нет, — отвечает она, рядом народный рынок, идем туда».

Действительно, рынок оказался недалеко. Около входа по обе стороны горели костры из больших плах, которые не столько горели, сколько дымили. Входящие и выходящие из крытого рынка старались, чтобы дым попадал на них. Многие при этом кланялись в знак благодарности. Моя помощница забрала у меня коробку и заставила меня подойти поближе к одному из костров и обеими руками нагонять на себя дым. Через несколько минут сказала: «Хватит, пойдемте на рынок, там продаются интересные вещи». Зашли. Ряды маленьких лавочек. В одной из них купил для своих родителей два магнитных браслета, снижающих давление крови. (Это оказалось действительно так). Еще немного прошли, и вдруг я с удивлением обнаружил, что никакой головной боли у меня нет. Сказал об этом моей спутнице. Она улыбнулась и лишь кивнула головой: «Так и должно быть, а Вы мне, наверное, не верили. Это народная японская медицина». Не знаю, как сложилась жизнь у этой славной, приветливой девушки. Хотелось бы, чтобы хорошо. Газета «Асахи» подарила мне после лекции изящную эмалированную вазу, которая стоит у нас в квартире на видном месте и напоминает о моей первой публичной лекции в Японии.

На следующий год Морито посетил Московский университет и я с удовольствием исполнял роль гида.

Так зародились почти сорок лет тому назад связи между Московским и японскими университетами. Первым, кто поехал из МГУ в Токио, был мой аспирант Юрий Борисович Осипов. Ныне он профессор, доктор, работает в Академии народного хозяйства при Российском правительстве.

На конференции в Токио были приняты в ассоциацию из советских университетов Киевский и Университет имени Патриса Лумумбы. Кроме того, тайным голосованием был избран в Административный совет представитель Московского университета проректор Е.М. Сергеев. За одним столом на заседаниях постоянно находились люди различных национальностей, стран и вероисповеданий. Возникали дискуссии, но они всегда разрешались мирно.

Совет МАУ собирался довольно часто. Одно из его заседаний прошло в 1967 году в Париже; штаб-квартира МАУ находилась непосредственно в здании ЮНЕСКО. В состав Совета входил от США ректор крупнейшего Йельского университета доктор Бруствер.

Вначале у меня были наивные представления, суть которых заключалась в том, что если д-р Бруствер выступает с каким-то предложением и

настаивает на его принятии, то это должно быть выгодно американцам и невыгодно социалистическим странам и поэтому мне надо привести доводы против этих предложений. Думаю, что не ошибусь, так же был настроен и д-р Бруствер. Было время «холодной» войны, поэтому, если Сергеев говорил «Да», то Бруствер старался найти аргументы для «Нет». «Грешил» также и я. Но через некоторое время эта «глупая игра», иначе ее не назовешь, прошла. И как ни странно, мы впервые это поняли, когда рассматривался вопрос о принятии в МАУ маленького университета (не помню названия), находящегося при католической церкви. Бруствер задал вопрос: «А библиотека есть при университете?» — «Конечно», — отвечали ему. «И сколько книг?» — «Двести». — «Что, двести тысяч?» — «Нет, двести книг». Бруствер вспылал: «Да у меня дома в шкафу в несколько раз больше! Университет без библиотеки — это не университет. Я против принятия его в МАУ». Я с удовольствием присоединился к его точке зрения. Как ни странно, но это был переломный момент в наших отношениях. Мы стали доверять друг другу. И затем мы как-то оба поняли, что есть общеуниверситетские интересы, и стали решать вопросы исходя из них. Забегая вперед, скажу, что на генеральную ассамблею МАУ в Москве Бруствер приехал, кажется, всей семьей (четыре или пять человек).

Подготовка V конференции в Монреале началась с обсуждения ее программы в специальном программном комитете в Париже.

Я предложил тему: «Мероприятия по дальнейшему объединению университетов мира». И я никак не ожидал бурного протеста со стороны представителя США, ректора Йельского университета д-ра Бруствера. Он горячо настаивал на формулировке «Выявление причин, разъединяющих университеты мира, и борьба с ними».

Программный комитет был небольшим — пять человек. До хрипоты мы спорили, потом пили чай или кофе, гуляли вокруг здания ЮНЕСКО. Снова садились за стол, и все повторялось снова. Истекли три дня, отведенные на обсуждение этого вопроса, и был объявлен перерыв в заседании комитета на месяц. Бруствер полетел к себе в Йельский университет, Сергеев — в Москву и на этом дело кончилось.

Через месяц собрались снова на три дня. Первым попросил слово для выступления Бруствер и заявил, что время дало возможность ему хорошо подумать и что он пришел к выводу, что прав профессор Сергеев. «В мире и так много причин, разъединяющих людей. Поэтому университеты должны способствовать их объединению, а не разъединению». Он полностью за мою формулировку и, если я не буду возражать, готов внести это предложение в Административный совет ассоциации университетов от имени нас обоих. Я поблагодарил Бруствера и с этого

момента у нас установились откровенные дружеские отношения. Единственно, что вызывало досаду, это то, что я не знал английского языка, а он — русского, и всегда кто-то третий должен был служить нам переводчиком.

Административный совет МАУ накануне V Генеральной ассамблеи заседал в городе Квебеке на берегу реки Св. Лаврентия, в замке, переделанном в отель. Сама река поражает своей мощью. Широкая набережная как бы обрамляет ее, сохраняя природную величавость. Народа на набережной мало, только те, кто живет в отеле или поблизости от него. Заседаний Административного совета по существу не было. На них в протоколах оформлялось то, о чем договаривались между собой во время прогулок по набережной.

Мне надо было решить довольно много «сложных» для того времени вопросов. Первое — пригласить провести VI Генеральную конференцию в Москве, но при этом надо было взять на себя ряд обязательств, таких, например, как: все желающие смогут участвовать в конференции независимо от того, в какой стране они проживают. Второе — добиться принятия в члены МАУ Берлинского университета имени Гумбольдта (в то время все организации ГДР подвергались международному бойкоту) и принять большую группу советских университетов в МАУ. Все эти задачи были успешно решены с помощью Бруствера, Сломана (Англия) и других членов Административного совета и секретариата ассоциации.

Провести конгресс в Москве было решено единогласно. Приглашение было сделано от имени Московского университета и встречено бурными аплодисментами. Такими же бурными аплодисментами была встречена предложенная тема конференции «Высшее образование на рубеже XXI века». Ответственным секретарем оргкомитета VI Генеральной конференции был утвержден я по предложению делегации Московского университета. В состав Административного совета на освободившееся место избрали проректора МГУ И.М. Тернова.

Вернувшись в Москву, мы создали небольшую орггруппу по подготовке к конгрессу и пригласили возглавить ее Георгия Александровича Бухвалова из иностранного отдела Минвуза СССР. По завершении конгресса он остался работать в университете в должности заместителя проректора.

Вспоминая работу, которую проводили представители Московского университета в МАУ, невольно удивляешься, как мы с ней могли справиться, одновременно уделяя большую часть времени университету. Выручала дружная работа и в частности помощь со стороны гуманитарных факультетов, учебно-методическую деятельность которых возглавлял тогда проректор Николай Иванович Мохов.

Первым проректором мне пришлось проработать девять лет. И кажется, эта должность безусловно полезна в крупном университете.

В январе 1973 года мы с женой вернулись из Кисловодска в Москву. Узнав, что ректор на работе, я поспешил его навестить, узнать, когда он уходит в отпуск и, чем мне надо будет заниматься в ближайшее время. Вошел в маленький кабинет и был поражен больным видом его хозяина. Сумел подавить в себе это впечатление и только спросил, когда и куда он собирается поехать отдохнуть. Иван Георгиевич рассказал о I Всесоюзном совещании работников высшей школы. На нем он собирался выступать в прениях и хотел показать текст своего выступления в ЦК Сергею Павловичу Трапезникову. «Сейчас еду к нему, — говорил Иван Георгиевич, — а от него в Барвиху, там и буду отдыхать. Но у Трапезникова я сейчас пробуду недолго. По дороге вернусь в кабинет за некоторыми вещами, расскажу Вам, чем надо заняться и больше меня до конца отпуска не ждите. Хорошо?» — Хорошо, Иван Георгиевич, будем Вас ждать до конца отпуска. — Посмеялись, Иван Георгиевич ушел, а ко мне зашли несколько товарищей и начался разговор о прелестях зимнего Кисловодска. Прошел час, другой. Вбегает в комнату помощница Ивана Георгиевича Татьяна Владимировна и говорит срывающимся голосом: «Сейчас позвонил Яков Егорович (его шофер) и сказал: “Ивана Георгиевича больше нет с нами”». Я тут же позвонил Трапезникову. Сергей Павлович отвечает: «Да, он только что был у меня, хорошее выступление написал на совещание. Недавно ушел. Не вижу причины волноваться. Но сейчас разберемся». Через десять минут: «К сожалению, десять минут тому назад скончался. Реанимировать не удалось. Пошлите кого-нибудь из проректоров к жене, лучше Ф.М. Волкова, пусть ее подготовит, а потом и самому Вам надо будет съездить». — «Да, конечно». Я позвонил Волкову. Он ответил: «Хорошо». Через час я поехал сам. Ольга Афанасьевна встречает как обычно и я сразу понял, что она ничего не знает, Волков не был. Пришлось мне самому сообщить ей печальное известие.

Траурная панихида состоялась в фойе Актового зала университета на Ленинских горах, захоронение на Новодевичьем кладбище. Помещения ректора в старом здании университета на проспекте Карла Маркса были превращены в «Музей И.Г. Петровского», куда были доставлены из квартиры его любимые книги. Иван Георгиевич был большой книголюб. До конца жизни Ольга Афанасьевна была директором музея. Хочется думать, что этот музей сохранится на долгие времена, по соседству (в этом же здании) с бесценными сокровищами «Музея редких книг МГУ». Его осматривали участники Генеральной конференции ректоров в 1975 году; он был открыт к началу работы Конференции.

Особенно были поражены ученые-англичане. Большое впечатление произвело первое издание «Механики» Ньютона с авторскими пометками на полях. Наши английские коллеги предлагали назначить любую цену за эту книгу, но она бесценна и поэтому осталась в Московском университете.

Достойным преемником И.Г. Петровского в должности ректора Московского университета явился воспитанник Московского университета, лауреат Ленинской премии, член Президиума АН СССР, утвержденный в должности вице-президента АН СССР, академик Рэм Викторович Хохлов. Он принял активное участие в подготовке генеральной конференции МАУ в Москве.

Рэм Викторович внес новую струю в работу коллектива МГУ. Мне кажется, что самым главным было усиление взаимосвязи между научными исследованиями и крупными промышленными предприятиями, разработка научных проблем, имеющих большое народнохозяйственное значение, взаимосвязь между исследованиями Московского университета и медициной, расширение международных связей.

Рэм Викторович сразу подключился к организации Международного конгресса МАУ. Следует обратить внимание на одну структурную особенность ассоциации. Помимо отдельных университетов, являющихся членами МАУ, в ее состав входило восемь ассоциированных членов, среди которых семь объединяли университеты по территориальному, языковому или мировоззренческому принципу (католические университеты), восьмая ассоциация скорее напоминала клуб, поскольку объединялись не сами университеты, а только их руководители, ректоры и вице-канцлеры европейских университетов. При этом, естественно, студенты в КРЕ не входили.

Сам по себе вопрос об участии студентов в работе МАУ принимал все большую остроту. В 1965 г. большинство делегатов IV Генеральной конференции в Токио высказывались за привлечение студентов к управлению университетами. Английский делегат высказал точку зрения о невозможности ограничить деятельность студентов спортом и клубами и обязательном их привлечении в качестве наблюдателей и полноправных членов к управлению университетами. Однако эта точка зрения не была общей среди участников конференции. Так, представитель Бразильского католического университета, соглашаясь с участием студентов в управлении университетом, категорически возражал против их политической деятельности. Представитель Багдадского университета, наоборот, допускал политическую деятельность студентов, но возражал против их участия в решении академических вопросов.

Монреальская (V) Генеральная конференция рассматривала такие вопросы, как «Международное сотрудничество университетов» и «Университеты и нужды современного общества». По первому вопросу выступили представители Московского и Ленинградского университетов, а также Университета дружбы народов имени П. Лумумбы, по второму — Кишиневского университета. Казахский университет представил доклад на тему «Обмен студентами и улучшение информации между университетами».

Интересные доклады, посвященные таким важным в наше время проблемам, как социальный состав студентов, подбор преподавательских кадров и участие студентов в определении методов обучения и воспитания, представили руководители Казанского и Новосибирского университетов. Можно было ожидать, что эти вопросы будут и на VI Генеральной конференции в Москве и что она будет большим событием в жизни Ассоциации.

VI Генеральная Конференция МАУ проходила в Москве с 19 по 25 августа 1975 года и собрала самое большое количество участников за четверть века существования ассоциации — 775 делегатов и наблюдателей из 387 университетов 79 стран мира. Многие делегаты приехали со своими семьями, так что общее количество людей, имевших отношение к конференции, превышало 1000 человек.

В приветствии участникам VI Генеральной конференции Международной ассоциации университетов, направленном правительством Советского Союза в день открытия, подчеркивалось, что в наше время деятельность университетов становится все более значимой в экологической и социальной жизни каждой страны. Они осуществляют подготовку высококвалифицированных специалистов для всех отраслей материального производства и духовной жизни, вносят весомый вклад в развитие научно-технической революции.

Обращаясь с приветствием к участникам конференции, заместитель Генерального директора ЮНЕСКО доктор Джон Фобс сказал: «Ваша шестая Генеральная конференция проходит в год исторического Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, в котором приняли участие 35 государств. В этом году также празднуется тридцатая годовщина окончания Второй мировой войны, самой опустошительной войны в истории человечества. За последние двенадцать месяцев состоялись международная конференция по проблеме населения, международная конференция по вопросу продовольствия, конференция Международного года женщин. В следующем месяце начнет свою работу специальная сессия Генеральной Ассамблеи ООН. Предстоят и другие крупные встречи. Мы все стали более отчетливо осознавать проб-

лемы, требующие неотложного решения, несоответствия, приносящие страдание человечеству и становящиеся все более невыносимыми. ...Вы не только руководите процессами обучения в ваших университетах, вы служите человечеству в его стремлении к знаниям, направляете и контролируете работу преподавателей и студентов в ваших учебных заведениях и странах. На вас лежит особая ответственность за высшее образование на рубеже XXI столетия».

Основной докладчик по теме «Высшее образование на рубеже XXI века» академик Р.В. Хохлов подробно обрисовал структуру, цели и задачи советской высшей школы, перспективы ее развития: современная высшая школа, осуществляя базовое образование, не может дать своему выпускнику запас знаний, достаточный на всю его рабочую жизнь. В наше время и, в особенности, в будущем, за сорок – сорок пять лет, которыми измеряется средняя продолжительность активной рабочей жизни дипломированного специалиста, происходят значительные изменения в промышленности и в других сферах экономики. Это обстоятельство должно, во-первых, привести к перестройке самого базового учебного процесса со студентами. Во-вторых, должны быть развиты формы систематизированного пополнения знаний дипломированных специалистов. Обучение должно носить непрерывный характер и продолжаться всю трудовую жизнь. В-третьих, еще теснее должна стать связь между вузами и сферами народного хозяйства, для которых ведется подготовка кадров. В-четвертых, вузы должны охватывать своей деятельностью все более широкие слои населения, они должны развивать и удовлетворять духовные потребности народа. Эти основные положения доклада Р.В. Хохлова были развиты в выступлениях ректоров других университетов.

Высказывая свои взгляды относительно перспектив развития мирового высшего образования, на Генеральной конференции в Москве вице-канцлер Оксфордского университета профессор Дж. Хабаккук дал четкую концепцию отношения к проблеме высшего образования: «Если допустить, что университет станет все более дорогостоящим учреждением, то многое будет зависеть от предпочтения и желания государств поддерживать их. Эти факторы могут сильно различаться в зависимости от страны».

Доктор Э. Гурай (ректор Братиславского университета имен Я.А. Коменского) поставил вопрос об эффективности образования. По его мнению, материальные и духовные потребности человечества на рубеже XXI века требуют создания специальных дисциплин, которые необходимо иметь в виду при перестройке обучения. Однако для их возникновения, развития и координации необходимо увеличить долю

дисциплин, составляющих общеобразовательную базу. К ним относятся такие предметы, как философия, математика и кибернетика и т.п. Без них невозможно проникнуть в глубь специальных дисциплин, использовать их на пользу общества, а в этом и заключается эффективность образования.

Ректор Национального автономного университета в Мексике Гильермо Соберон в своем докладе «Научные исследования как важная функция деятельности университетов» обратил внимание на тот факт, что в наше время, в эпоху научно-технической революции, научно-исследовательская деятельность университетов стран «третьего мира» в значительной мере тормозится не из-за отсутствия необходимого научного потенциала, а, в первую очередь, по экономическим причинам: «Сложные политические факторы и экономическое положение на современном этапе поставили, однако, многие государства в прямую техническую зависимость, создавая, таким образом, особое неравенство в отношении государственной мощи и увеличивая различие между областями развития. Одной из причин этой зависимости является недостаточность возможностей научно-исследовательской работы. Даже те государства, где сейчас происходит сокращение исследовательской работы в университетах из-за непродуктивности, не могли бы достичь своего современного уровня развития без проведения ранее множества исследований. Положение еще очевидней в тех районах мира, где исследовательская деятельность едва начинается или не успевает угнаться за техническими потребностями. Эти районы вынуждены импортировать комплексы, которые не всегда отвечают их требованиям, планам или даже умственному складу и которые, естественно, затормаживают рост исследовательской деятельности». Надо только учесть, что это было сказано в 1975 году и за прошедшие 20 лет положение в Мексике и других странах могло измениться.

Может показаться странным, что канцлер Открытого университета Великобритании А. Кристодулу признал в своем выступлении, что дискуссия на конференции «резко подчеркнула контраст между задачами образовательных систем в высокоразвитом плановом социалистическом обществе и целями самостоятельных, автономных систем образования западного мира». Об этом же говорил в своем выступлении и президент Пенсильванского университета Джон В. Освальд, объяснявший проблемы, связанные с трудоустройством выпускников вузов, «сложностями прогнозирования и развития экономики».

Таким образом, обсуждение вопросов, поставленных на конференции, не только касалось проблем образования, но и затрагивало социальную структуру общества. Причем все выступавшие отмечали дух

взаимопонимания, царивший на конференции, явившейся первым крупным мероприятием после совещания в Хельсинки, которая продемонстрировала всему миру стремление разных стран к практическому осуществлению положений Заключительного акта Хельсинского совещания, относящихся к области высшего образования.

Впервые в истории Ассоциации вице-президентом МАУ был избран представитель социалистической страны — ректор МГУ академик Р.В. Хохлов, избрание которого на этот почетный пост не только явилось признанием его заслуг на поприще высшего образования, но и означало уважение к нашей стране, к той плодотворной работе, которую проводили в Административном совете проректоры МГУ.

От имени членов Международной ассоциации университетов новый президент — ректор Монреальского университета профессор Роже Годри выступил с посланием благодарности, адресованным советскому правительству, в котором было особо подчеркнуто, что «...конференция имела возможность проводить свою работу в самых благоприятных условиях и в атмосфере дружбы, за что она глубоко обязана советским организаторам конференции. Столь эффективным вкладом в успех конференции советское правительство способствует делу мира и сотрудничества, в духе которого проходила работа МАУ с момента ее основания».

Руководство МАУ на заседании Административного совета в Париже высоко оценило значительный вклад, который Советский Союз вносит в деятельность Ассоциации.

Успех Московской генеральной конференции способствовал активизации деятельности советских вузов в Ассоциации. В ее «Бюллетень» были направлены материалы, отражающие различные аспекты развития высшего образования в нашей стране, международные связи советской высшей школы.

Конференция проходила в Колонном зале Дома Союзов с участием представителей правительства. Был устроен прием для участников конференции в Георгиевском зале Кремля. В университете был дан обед. Подавались старинные русские блюда. Потом прекрасный концерт студенческой самодеятельности из разных вузов страны. Вспоминается гигантский самовар в фойе актового зала. Любители чая подходили к нему неоднократно. Помимо чая, видимо, влекла их к нему и прехорошенькая «хозяйка» в сарафане и в кокошнике.

Можно с уверенностью сказать, что проведение VI Генеральной конференции МАУ на базе Московского университета явилось признанием его мирового значения. Я думаю, что для МГУ это главное.

После завершения конференции заместитель председателя Совмина СССР Мазуров сказал мне: «А ведь в правительстве не думали, что у

Вас все так хорошо получится. Спасибо за все, что было сделано». Мне пришлось сознаться, что нам не удалось решить вопрос реорганизации КРЕ в Конференцию европейских университетов. Мазуров ответил: «Не сразу все получается. Значит, еще не все осознали преимущества КРЕ как части МАУ, а не клуба ректоров». Он был прав, но обидно, что все сорвалось в последний момент по нашей вине, точнее по вине отдельных работников Минвуза СССР.

Положение изменилось после проведения Генеральной конференции университетов в Москве в 1975 году. Руководители КРЕ поняли, что по широте охвата университетов МАУ и КРЕ несопоставимы, что по существу КРЕ является в лучшем случае региональной ассоциацией Европы и что для завоевания части авторитета МАУ наиболее видные руководители КРЕ должны войти в Совет МАУ.

Среди руководителей МАУ и КРЕ были сторонники и противники объединения. Я относился к числу первых. Мне думалось: чем больше университетов будет объединено под одной идеологической и методологической крышей, тем успешнее будут они работать. Ведь университеты разных стран — членов НАТО и стран Варшавского договора входили в МАУ, и это не мешало нам работать.

Нельзя также забывать о том, что в Европе наряду с ассоциациями учебных заведений существуют и активно работают международные ассоциации по отдельным научным направлениям. Например, «Международная ассоциация по инженерной геологии» (МАИГ). МАИГ имеет свой журнал, регулярно проводит международные симпозиумы и конференции, где обсуждаются научные проблемы, интересующие ученых, работающих в странах, находящихся не только в различных политических блоках, но и даже на различных континентах.

Я был членом совета МАИГ, президентом МАИГ с 1978 до 1982 г., т.е. захватил еще «прохладный» период между странами НАТО и Варшавского договора и по собственному опыту знаю, как трудно бывает решить проблемы, интересующие ученых Запада и Востока. И насколько все упрощается, когда организация научных мероприятий происходит под «единой крышей». Примером могут служить международные геологические конгрессы. Наоборот, сколько ненужных трудностей возникало, когда одновременно пытались координировать работу университетов две не связанные между собой организации: КРЕ и МАУ.

15–16 октября 1974 года я встретился в Болонье с президентом КРЕ Л. Райзером (ФРГ) для выполнения поручения рабочей группы, созданной по этой проблеме МАУ. Прежде всего я предложил решать вопросы поэтапно, вначале обсудить вопрос о том, какой должна быть Ассоциация, разработать ее устав, а затем, когда этот вопрос будет согласован,

обсудить организационные мероприятия по созданию самой Ассоциации. Карапчини (Италия) и Райзер дали на это согласие. За основу при обсуждении был положен проект устава, привезенный мною и потому получивший название «проект Сергеева». После двухдневного обсуждения он был полностью согласован между тремя участниками совещания.

Подводя итоги нашей встречи, которая была весьма напряженной как по накалу страстей, так и по продолжительности (дискуссии нередко оканчивались за полночь), Райзер под общий смех спросил: «Профессор Сергеев, Вы в спорах все нам уступали. Так где же Ваши уступки, профессор Сергеев?»

Так, я убедился на практике, что даже в политически неблагоприятное время, когда во всех сферах международной жизни господствовал дух конфронтации, можно было достичь того, что сейчас часто называют модным словом «консенсус». Но Минвуз потребовал от членов КРЕ, чтобы они наравне с другими университетами подавали заявления о своем желании работать в КРЕ. Этим все соглашения были перечеркнуты.

Прошли годы. Наступили новые времена. В комитет по народному образованию, сменивший Минвуз, пришли новые, неординарно мыслящие люди. Сегодня полноправными членами КРЕ являются Казанский и Ленинградский университеты, Университет имени Баумана, Московский университет. Идет работа по совершенствованию деятельности европейских университетов. КРЕ, как и другие региональные объединения, дает материалы МАУ для общего прогноза развития высшей школы в XXI веке.

Можно думать, что объединение европейских университетов могло произойти и раньше, а эффективность всей работы МАУ была бы большей, если бы не трагическая смерть Рэма Викторовича Хохлова. Всеми нами уважаемый и любимый ректор Рэм Викторович Хохлов трагически погиб на Памире при альпинистском восхождении на пик Коммунизма. Вместо него на территории университета появилась «улица Хохлова» — плохое утешение. Я уверен, что будучи вице-президентом МАУ, а затем (так нам хотелось) президентом, Р.В. Хохлов смог бы нацелить университеты на такие научные проблемы, которые до сих пор у нас считаются неразрешимыми.

VI генеральная конференция МАУ — это славная, но, к сожалению, забытая страница в истории Московского университета, которая у многих ученых других стран коренным образом изменила представление о Советском Союзе, сложившееся во время «холодной войны». Все на этом и закончилось, а сколько было приложено усилий к осуществлению единства науки.

Вскоре в МГУ ректором был назначен академик Анатолий Алексеевич Логунов, первым проректором — Виктор Антонович Садовничий. Мне же Правительство доверило руководить Академией народного хозяйства при Совете министров СССР. Работа оказалась очень сложной, так как приезжали повышать квалификацию и обучаться на более длительные сроки люди с определенными, установившимися взглядами, с тем, чтобы потом занять еще более высокую административную должность.

Глава 27

Нечерноземная экспедиция МГУ. Работа в АН СССР

Выше уже говорилось, что Р.В. Хохлов как ректор всегда активно поддерживал научные проблемы, имеющие народнохозяйственное значение. Мне хочется подтвердить это на примере темы комплексных исследований Нечерноземной зоны России, научным руководителем которой я был в течение ряда лет.

В начале 1976 года меня пригласил к себе министр геологии РСФСР Лев Иванович Ровнин, предупредив, что ему хочется поговорить о комплексном картировании Нечерноземья России. При встрече выяснилось, что у руководства Мингео РСФСР и ученых МГУ нет никаких противоречий как по оценке самой территории Нечерноземья, так и по основным положениям программы будущих работ. Вот как мы об этом думали.

С точки зрения организации экспедиционных работ было неудобно охватывать ими Калининградскую область, отделенную от других частей РСФСР прибалтийскими республиками, и горные сооружения Урала, которые потребовали бы много времени, несмотря на свою сравнительно небольшую территорию. И главное: профиль народнохозяйственного использования Урала был другой по сравнению с основной частью территории Русской платформы. На ней мы и решили в первую очередь сосредоточить комплексные исследования, имея в виду, что они должны рассматриваться как первоочередные.

Нечерноземье — это огромная территория, протянувшаяся от берегов Северного Ледовитого океана на севере до лесостепной зоны на юге, от Балтийского моря на западе до Западной Сибири на востоке. Здесь возникло Русское государство. К моменту начала наших работ на ее территории находилось 29 областей и автономных республик с населением 59 млн человек. Общая площадь изучаемой территории составляла 2,7 млн кв. км. Это соответствует площади восьми крупнейших

капиталистических стран Европы вместе взятых: Великобритании, ФРГ, Франции, Италии, Испании, Португалии, Швеции и Норвегии.

Значительная часть территории Нечерноземья РСФСР занята сельскохозяйственными угодьями (520 тыс. кв км), из которых 320 тыс. кв км или 32 млн гектаров — пашня. Долгое время по ряду причин средняя урожайность зерновых на этих площадях оставалась низкой, около 13 центнеров с гектара.

Нельзя также забывать, что на территории Нечерноземья находятся столица нашей Родины Москва, Ленинград, Горький и другие крупные промышленные города, что на ее территории в больших масштабах происходит строительство трубопроводов, дорог, линий электропередачи, что здесь в больших масштабах добываются нефть, уголь и другие полезные ископаемые, что здесь были построены крупнейшие водохранилища и каналы, изменившие экологическую обстановку.

Казалось бы, что при таком интенсивном инженерно-хозяйственном освоении территории Нечерноземья она должна быть всесторонне и хорошо изучена во всех отношениях, тем более что Нечерноземье весьма неоднородно по рельефу, климату, почвам и геологическому строению.

Действительно, под отдельные объекты проводились детальные изыскания и на всю территорию Нечерноземья существуют геологические, почвенные и физико-географические карты, но они не дают необходимой информации для плановых и проектных организаций для решения тех задач, которые возникают при народнохозяйственном освоении региона. Но к началу 70-х годов сложилось парадоксальное положение — центр Российской Федерации оказался значительно хуже изучен в инженерно-геологическом, гидрогеологическом и других отношениях по сравнению с другими ее регионами, например Западной Сибирью. Для Нечерноземья отсутствовали обзорные карты, по которым можно было бы охарактеризовать изменения и общие закономерности его территории в отношении природных факторов, определяющих условия мелиорации и других видов строительства.

Известно, что решение, принятое на первой стадии проектирования, является наиболее принципиальным. Все остальные изыскания могут его лишь детализировать. Вот почему так важно иметь обзорные карты на всю территорию Нечерноземья. Подобно тому как из космоса мы видим по-новому Землю и можем понять то, что нельзя установить, находясь на ней, на обзорной карте можно увидеть общие закономерности, которые нельзя подметить, работая на отдельных участках или проводя изыскания уже по выбранной трассе.

Для больших территорий, таких как Нечерноземье, удобным является масштаб 1:1 500 000. При таком масштабе видны общие закономерности

и могут быть детально проработаны отдельные проблемы. Например, составленная под руководством проф. Ф.Р. Зейделя карта почвенно-мелиоративного районирования дает возможность выбрать способ мелиорации и показывает факторы, ее осложняющие, для сравнительно небольших площадей, а карта инженерно-геологических условий вместила в себя информацию восьми вспомогательных карт и может дать ответ на многие вопросы, интересующие строителей и проектировщиков.

Хорошо понимая трудную обстановку, которая сложилась с обеспечением необходимой геологической документацией территории Нечерноземья, министр геологии РСФСР Л.И. Ровнин обратился к геологам Московского университета с предложением составить в кратчайший срок, за 4 года серию обобщающих и специальных карт масштаба 1 : 1 500 000 на указанную часть Нечерноземья. Такая же потребность возникла и в Минводхозе СССР.

Совершенно ясно вырисовалась необходимость создания в Московском университете новой комплексной межфакультетской темы, комиссия по которой и была утверждена приказом ректора. Для выполнения комплексных исследований по Нечерноземью, сущность которых заключалась в выяснении закономерностей геологических, почвенных и других природных условий этой территории на основе составления новой серии специализированных карт, объединились ученые геологического, почвенного и географического факультетов. В программу работ было включено составление 16 карт масштаба 1:1 500 000 и написание к ним отчета.

Мы хорошо понимали, что выполнить такую огромную работу для территории в 2,7 млн кв км за четыре года можно только при двух обязательных условиях: первое — если Московский университет сумеет объединить вокруг себя все заинтересованные организации и будет осуществлять научно-методическое руководство их деятельностью и второе — если будут рационально использованы все накопленные материалы для территории Нечерноземья, рассеянные по фондам организаций разных ведомств.

Удалось объединить вокруг Московского университета 18 организаций, принадлежащих к системе Минвуза СССР и РСФСР, Мингео СССР и РСФСР, АН СССР и других ведомств. Авторский коллектив состоял из 196 человек, а принимали участие в работах значительно больше людей. Среди авторов 96 человек сотрудников Московского университета. Следует также указать, что в работах участвовало 137 студентов нашего университета, многие из которых при этом выполняли свои курсовые и дипломные работы.

В процессе работы был охвачен огромный фондовый материал: различные крупномасштабные карты, аэрофотоснимки и аэрофотосхемы, космические снимки, данные о составе и свойствах горных пород и почв, данные об урожайности почв, данные метеостанций и многие другие.

В качестве примера можно указать, что при составлении карты изменения геологической среды в связи с разработкой месторождений полезных ископаемых (проф. Г.А. Голодковская и др.) были использованы материалы по 2040 месторождениям твердых полезных ископаемых, отрабатываемых карьерами и шахтами, нефти, газа, минеральных вод, разрабатываемых с помощью скважин.

Для того чтобы составить карту сельскохозяйственного использования земельных угодий (проф. А.Н. Ракитников и др.), понадобилось проанализировать данные около 10 тысяч сельскохозяйственных предприятий. И все же ограничиться одними фондовыми материалами было нельзя. В 1977 — 1980 годах под руководством Г.М. Терешкова работала комплексная Нечерноземная экспедиция МГУ, полевые партии которой были разбросаны от Ледовитого океана и Кольского полуострова до Москвы и Владимира.

Наряду с нашей экспедицией полевые работы проводились территориальными геологическими управлениями и другими организациями. Экспедиционные работы проводились с целью увязать между собой отдельные разрозненные материалы, провести ревизию старых представлений и собственными исследованиями «закрыть» белые пятна, которые оставались после обобщения фондовых материалов.

Наши экспедиции явились также хорошей школой для студентов и аспирантов геологического, почвенного и географического факультетов. Большое значение имеет то обстоятельство, что на базе Московского университета систематически проводились семинары для всех участников работ, в том числе и иногородних. В процессе сбора материала и составления карт большинство их авторов поддерживали постоянные контакты между собой. Все это способствовало тому, что новая серия обзорных карт Нечерноземья представляет собой единое целое.

Хоздоговорные работы, а как раз они явились «ядром» проводимых исследований, были закончены в срок и с отличной оценкой сданы заказчику — организациям Мингео РСФСР и Минводхозу СССР.

Такова формальная сторона дела, хотя она немаловажна. Но еще более важным является вопрос о том, какие же научные выводы вытекают из проведенных исследований, из полученных итоговых документов и каково их практическое значение.

Ответить полностью на этот вопрос сейчас вряд ли еще удастся. Это потребует контрольных исследований использования полученных мате-

риалов. Но некоторые научные положения, которые стали ясны в процессе выполнения работ и которые вытекают из составленных карт, можно сформулировать сегодня.

Известно, что рельеф, особенности геологического строения поверхностной толщи Земли и ряд других природных факторов сформировались за последние 30 млн лет, как говорят геологи, «в новейшее время». При этом большое значение имеют интенсивность и направленность тектонических движений земной коры, происходивших в это время, — неотектоника.

Достаточно подробных и обобщенных данных по неотектонике Нечерноземья не существовало, не была изучена связь неотектоники с древним и современным рельефом. Все это было выполнено в процессе составления карты геоморфолого-неотектонического районирования территории (проф. Н.И. Николаев, В.И. Бабак). При этом было сделано много интересных выводов.

Очень важно, что на территории Нечерноземья были установлены многочисленные тектонические нарушения: глубокие региональные швы, поверхностные разрывы, зоны повышенной трещиноватости. Анализ этих элементов отчетливо показывает блоковое строение Нечерноземной зоны, причем блоки эти имеют дифференцированное движение. Оказалось, что территория, традиционно считавшаяся спокойной в тектоническом плане, активно живет за счет движения блоков по новейшим разрывным нарушениям (зоны пониженной прочности горных пород, увеличение проницаемости пород, глубинный газо- и водообмен, активная взаимосвязь поверхностных и подземных вод, увеличение теплового потока и другие процессы).

Представление о блоковом строении территории Нечерноземья и ее современной тектонической активности позволяет по-новому понять и оценить гидрогеологические и инженерно-геологические условия, без чего, в свою очередь, невозможно понять закономерности распространения почвенного покрова и многие другие вопросы.

Естественно, что возникла необходимость установить зависимость распространения почв от всех факторов: биоклиматических и литолого-геоморфологических. С этой целью на карте почвенно-географического районирования Нечерноземья (Г.В. Добровольский) были впервые в пределах провинций выделены типологические почвенные округа. Для Нечерноземья их выделено 40. Это значит, что в среднем их площадь приближается к 70 тыс. кв. км. То есть площадь отдельных почвенных округов значительно больше площади таких стран Европы, как Албания, Бельгия, Дания, Нидерланды, Швейцария. Почвенные округа — это крупные территории, отличающиеся друг от друга по своему почвенно-

му покрову, и поэтому ведение сельского хозяйства должно строиться с учетом их особенностей. Вот главный вывод, который вытекает из новой карты почвенно-географического районирования. За разработку этой темы Г.В. Добровольский был удостоен Ломоносовской премии МГУ.

Среди различных инженерных сооружений особая роль принадлежит городам, где к концу XX века предположительно будет жить больше половины населения планеты. Город — это территория, где воздействие человека на поверхностную часть литосферы наиболее интенсивно и разнообразно. Особенно это относится к крупным городам, которых немало на территории Нечерноземья России.

Был сделан очень важный вывод общего характера, что изменение геологической среды при градостроительстве зависит от ее особенностей и характера воздействия человека. Не буду утомлять читателей рядом принципиальных выводов инженерно-геологического, гидрогеологического, криогеологического и экологического характера. Они подробно изложены в большой монографии «Почвенно-геологические условия Нечерноземья», изданной в 1984 г. издательством Московского университета.

Мне как научному руководителю всех комплексных исследований по Нечерноземью по просьбе ректора Московского университета академика А.А. Логунова пришлось выступить с докладом на Ломоносовских чтениях, проходивших в Доме культуры МГУ. При этом все составленные карты были вывешены для всеобщего обозрения в фойе Дома культуры. Все выступавшие положительно оценили выполненную работу. Я бы сказал, что в МГУ работа получила достойное завершение. К сожалению, к ней безразлично отнеслись тогда в правительстве страны.

В 1966 году проходили очередные выборы академиков и членов-корреспондентов АН СССР. Среди вакансий была одна — по гидрогеологии. Я никогда не считал себя бесспорным кандидатом на эту вакансию, так как вопросами гидрогеологии мне приходилось заниматься только в связи с проблемами инженерно-геологического плана. Например, взаимодействие поровой воды с минеральными частицами (этому была посвящена моя кандидатская диссертация в 1944 году) или оценка роли подземных вод при характеристике инженерно-геологических условий территории будущего строительства. Но мои товарищи считали, что я должен подать документы на гидрогеологическую вакансию и что при избрании меня на эту вакансию возрастут связи между гидрогеологией и инженерной геологией, что сыграет положительную роль для дальнейшего развития этих двух научных направлений. Я подал необ-

ходимые документы, но считал, что шансы мои на избрание невелики. Даже не стал говорить ничего об этом своим родителям.

В день голосования в Академии наук мне надо было отвезти родителей в подмосковный дом отдыха, что я и сделал. Вернувшись домой, узнал о своем избрании и получил приглашение по этому поводу на банкет. Очень захотелось порадовать своих стариков и прежде чем ехать в Академию, поехал к ним.

Отец спрашивает: «Зачем вернулся?»

— Хочу порадовать вас, выбрали членом-корреспондентом в Академию наук.

— Не валяй дурака. Об этом и разговора не было.

— Тогда прочитай этот приглашенный билет на банкет.

— Ну, молодец. Спасибо, что раньше не говорил, мы действительно с мамой волновались бы. А теперь будем волноваться, что можешь опоздать на ужин. Поезжай!

На следующий день меня пригласил к себе опять наш академик-секретарь А.П. Виноградов. «Поздравляю, но ведь в Академии работать надо». — «Думаю организовать с Вашего разрешения при отделении Совет по инженерной геологии». — «Это очень узко». — «Можно и даже нужно добавить и грунтоведению». — «Вот это хорошо, это подойдет, только не тяните, действуйте».

При Академии наук существовали небольшие комиссии по карстоведению, спелеологии, селевая и другие. Всех мы объединили в новую комиссию по инженерной геологии, введя в нее дополнительно известных специалистов, работающих в этой области в вузах, НИИ, Госстрое, ВСЕГИНГЕО и других организациях не только Москвы, но и Ленинграда, Ростова-на-Дону и в других городах.

Когда вице-президентом АН СССР стал А.В. Сидоренко, по его просьбе мы расширили действие нашей комиссии и она стала называться Комиссией по инженерной геологии и гидрогеологии АН СССР. Первым ученым секретарем при создании этой комиссии был В.И. Осипов. Потом его сменила В.С. Шibaкова и проработала в этой должности до ухода на пенсию.

Несмотря на то что прибавилась работа еще по Академии, решать многие вопросы стало легче — помогала приставка «член-корреспондент АН СССР» на бумагах, направляемых как внутри страны, так и в другие страны.

15 марта 1979 года меня избрали действительным членом (академиком) АН СССР. Думаю, что этому помогло также удачное проведение VI Генеральной конференции в Москве с 19 по 25 августа 1975 года.

Много времени и энергии пришлось мне затратить, добиваясь открытия нового научного журнала «Инженерная геология» при АН СССР. Наконец, «директивные органы», как тогда говорили, дали свое «добро» и вопрос был решен. Когда я держал в руках первый номер отпечатанного журнала за 1979 год, то невольно подумал, только ради одного этого — нового академического журнала — стоило жить и бороться. Подписчиков оказалось много, и журнал не был убыточным. Мы печатали в нем статьи по всем разделам инженерной геологии, по гидрогеологии и геокриологии, геофизике и другим наукам, если они контактировали с инженерной геологией. Журнал нашел подписчиков и за рубежом, но в сравнительно небольшом количестве.

Ответственным редактором журнала был утвержден инициатор его создания, а членами редколлегии — крупнейшие ученые из различных организаций и городов. Когда недавно Президиум РАН пересматривал список академических журналов, наш журнал был переименован в журнал «Геоэкология» с тремя самостоятельными разделами: «инженерная геология», «гидрогеология», «геокриология». Я остался членом редколлегии, а главным редактором стал инициатор такой перестройки академик Виктор Иванович Осипов. Совместная работа этих трех близких между собой наук — не новость. Ведь в 1989 году состоялся I Всесоюзный съезд инженеров-геологов, гидрогеологов, геокриологов. Его проводили АН СССР и АН УССР. Тематика съезда — «Проблемы инженерной геологии, гидрогеологии и геокриологии районов интенсивной инженерной нагрузки и охрана геологической среды». В работе съезда приняли участие 1253 специалиста из 332 организаций 31 министерства и ведомства страны, расположенных в 155 городах и союзных республиках. В подготовке съезда я принимал некоторое участие, но потом болезнь сердца не позволила мне на нем присутствовать. МГУ был достойно представлен в оргкомитете В.Т. Трофимовым, В.М. Шестаковым, Г.А. Голодковской, С.Д. Воронкевичем и Н.Н. Романовским. Но события последних лет в стране невольно осложняют проведение в жизнь принятых решений.

Глава 28

Академия народного хозяйства при Совете Министров СССР

Мне было известно от А.В. Сидоренко, что академик Н.В. Мельников выступил с проектом создания Академии народного хозяйства при Совете министров СССР. Задача этой Академии — подготовка и повышение квалификации руководящих кадров, работающих, главным образом, в промышленности и на транспорте. Мысль, с моей точки зрения, правильная, потому что многие руководители выдвигались на руководящие должности за хорошую работу на партийной или какой-либо другой общественной работе без знания экономики, специфики управленческих дисциплин, взаимосвязи в самом народном хозяйстве и других вопросов, которые хорошо должен знать любой руководитель.

Такая Академия была создана в середине 70-х годов с двумя видами обучения: 2-летний срок обучения для лиц, которые намечаются на выдвижение на должности республиканских министров и их заместителей, начальников главков, директоров крупных заводов, и 6-месячный срок для лиц, которые занимают эти должности, но хотят сами (или хотят их руководители) повысить свои знания в области управления.

ЦК партии придавало этому мероприятию большое значение. Аппарат многочисленных отделов ЦК партии держал все это (и организацию работы Академии, и посылаемых в нее слушателей) под контролем. Н.В. Мельникову удалось построить для Академии в районе станции метро «Юго-Западная» 5-этажный корпус и при нем общежитие со столовой. Академия начала свою работу. Рядом выстроили несколько больших корпусов для Академии общественных наук ЦК КПСС. На их фоне АНХ Совмина СССР казалась «игрушкой». Интересно, что ректор Академии общественных наук неоднократно посещал АНХ, но никогда не приглашал работников и руководителей АНХ к себе, в Академию

общественных наук. Наши сотрудники и слушатели утверждали, что это потому, что там все очень шикарно, и при сравнении трудно будет объяснить, почему так получается.

Все, что я написал, стало мне известно, когда я стал ректором АНХ. А до этого я только знал, что появилась у Совмина такая Академия, которая располагается рядом с Академией общественных наук ЦК КПСС на юго-западе и что ректором ее и инициатором создания был Н.В. Мельников. Неожиданно академик Мельников скончался, и я теперь понимаю почему: должность ректора АНХ оказалась ему уже не по годам, не под силу. Появилась необходимость в новом ректоре, который был бы тоже академиком и хорошо знал учебный процесс в высшей школе. Обоим этим требованиям моя кандидатура отвечала.

Меня пригласил к себе сначала зам. зав. отделом науки и вузов ЦК КПСС Сергей Георгиевич Щербаков, потом С.К. Трапезников, возглавлявший отдел науки и вузов ЦК партии.

Отказаться грубо и решительно я не мог. Решил ответить так: «Спасибо за доверие, которое оказывает мне ЦК, постараюсь осваивать это новое поручение, но у меня есть своя просьба. Решением ЦК и Совмина (поскольку я становлюсь их номенклатурой) разрешить мне продолжать по совместительству работу в МГУ на должности зав. кафедрой грунтоведения и инженерной геологии, на кафедре, которая была создана мною в 1954 году в новом здании университета на Ленинских горах». С.П. Трапезников сказал: «Это хорошо, связь с МГУ порывать не надо», — и обращаясь к присутствующим, — «оформите это через Минвуз и Совмин».

Утверждали меня в должности ректора АНХ на заседании оргбюро, которое вел Кириленко и на заседании которого в качестве члена оргбюро присутствовал секретарь ЦК по сельскому хозяйству М.С. Горбачев, пожелавший мне успешной работы.

Смена руководства быстро стала известной, заволновались мои друзья, приуныла на кафедре часть сотрудников. На улице у входа в университет, со стороны клубной части, встретил я Клавдию Васильевну Топчиеву, которая с упреком бросила мне: «Евгений Михайлович, да как же ты мог покинуть Московский университет? Прямо не верится». — «Да ведь я буду по совместительству заведовать кафедрой». — «Сам понимаешь, что это всего лишь ничего по сравнению с тем, что ты делал в университете. Создал единственный в мире факультет почвоведения и после этого уходишь!» — «Клавдия Васильевна, мы с тобой давно дружим и ты должна понять, что иначе поступить я не мог».

А через некоторое время мы провожали в последний путь Клавдию Васильевну, у нее оказался неизлечимый рак. Жаль было, очень жаль, что рано ушла она из жизни.

Работа ректором АНХ при Совмине СССР была должностью почетной, но весьма хлопотливой и ответственной. Началось с того, что постановлением Совмина СССР из Академии в ближайшее время должны были отобрать большую часть автотранспорта. В этом случае налаженная работа была бы фактически сорвана. Я попросился на прием к Михаилу Сергеевичу Смиртюкову (управляющий делами Совмина СССР), рассказал ему всю обстановку и просил не отбирать в АНХ автотранспорт, а наоборот, довести его до необходимого количества в соответствии с ранее поданными заявками.

Я был очень рад, когда услышал слова Михаила Сергеевича, неизвестно кому сказанные в телефон: «Слушай, Вы хотите навести порядок со служебным транспортом. Это хорошо, но не трогайте АНХ: эта Академия еле дышит, ей наоборот помогать в работе надо и удовлетворить все их просьбы. Ты меня понял? Будь здоров и доложи, что выполнил мое указание».

Я был очень удивлен такому быстрому и простому решению вопроса. А Смиртюков, посмеиваясь, говорит: «Будут у Вас выпускные собрания — меня не забывайте приглашать». Это, конечно, мы не забывали.

Через 2–3 года ректорства у меня состоялась первая встреча с новым председателем Совета министров Николаем Ивановичем Рыжковым. В отличие от своего предшественника Н.А. Тихонова, которому я тоже докладывал о работе АНХ, он проявил большую заинтересованность в ее деятельности. А может быть, я был хорошо к этому разговору подготовлен. Во-первых, я доложил Николаю Ивановичу, что мы провели за последние годы большую работу по повышению квалификации министров наших союзных стран, и не по своей инициативе, а по их просьбам. У нас прошли краткосрочное обучение все министры Монгольской Народной Республики и, скажем несколько осторожнее, большинство министров Болгарии, Чехословакии и Польши, многие — из ГДР и Венгрии. Не удалось установить контакты с Румынским правительством, хотя я сам ездил в Румынию и получил заверение на «высоком» уровне, что слушатели от Румынии обязательно будут.

Дальше я привел Николаю Ивановичу цифры, из которых следовало, что то, что мы делаем для своих руководителей народного хозяйства, — это капля в море, что надо создавать филиалы АНХ Совмина СССР и в других городах. Ему эта мысль очень понравилась.

— Так приступайте, действуйте, — говорит Николай Иванович. — Поезжайте в обкомы партии, с ними сначала обо всем договоритесь, а потом уж мы будем решать.

— Хорошо, Николай Иванович, сейчас я постараюсь это сделать, а раньше не мог.

– Почему?

– Потому что в АНХ не было проректора по учебной работе, первый проректор этот участок не обеспечил, приходилось самому ректору заниматься учебной работой. А сейчас из Мингео на должность проректора по учебной части пришел хороший ученый и организатор Николай Павлович Лаверов, член-корреспондент АН СССР (теперь академик РАН). На него я могу оставлять Академию.

– Мне нравится, что Вы берете в Академию крупных ученых.

– Могу Вам доложить, что на должность заведующего одной из кафедр я пригласил доктора наук, профессора Осипова Юрия Борисовича, своего ученика из МГУ, своего бывшего аспиранта.

– Полностью поддерживаю Вашу линию. Только не тяните.

Да, хочешь поскорее, а не получается. Должность ректора АНХ тянет за собой ряд других обязанностей. В 1981 – 1984 гг. я был депутатом Московского городского совета. Честно говоря, это было хорошо для Академии. Мне большого труда стоило за 5 лет удвоить учебную площадь Академии, построив второй учебный корпус, и оснастить его современным научным оборудованием, получить 50 квартир в Олимпийской деревне для слушателей, приезжающих с семьями на срок два года. Наше академическое, ранее построенное общежитие не предусматривало возможного приезда слушателя с семьей.

В какой-то степени, наверное, мне помогло решить эти трудные вопросы и то, что в 1980 году мне и ряду ведущих ученых была присуждена Ленинская премия в области науки и техники за монографию «Инженерная геология СССР» в восьми томах. Это обстоятельство оказало моральное давление на московских строителей. Надо было выбрать время, чтобы в 1982 году слетать в Индию и сдать полномочия президента МАИГ на очередном конгрессе этой организации. Заседания пленума ВАКа при Совмине СССР с 1982 по 1992 год тоже немало отнимали времени. Нельзя было совсем забросить свою науку – инженерную геологию, ведь я был главным редактором 4-томного издания «Теоретические основы инженерной геологии». Я выступал на первом пленарном заседании XXXVII Международного геологического конгресса, проходившего в Москве, с докладом о роли инженерной геологии в экологическом плане.

Сердце и не выдержало. Пошли больница за больницей. Выходишь из больницы – вроде ничего, а через месяц-два опять плохо себя чувствуешь...

И, несмотря на то что в 1984 году я был награжден вторым орденом Ленина в связи с 70-летием, начал добиваться освобождения от работы в должности ректора Академии. Окончательно этот вопрос поручили

решить М.Б. Зимянину, который некоторое время был одним из секретарей ЦК КПСС. После долгой и очень спокойной беседы он дал свое «добро». В 1989 году я вернулся в университет на свою кафедру, которую мы решили переименовать в «кафедру инженерной геологии и охраны геологической среды».

По возрастному цензу мне уже заведовать кафедрой было нельзя, и Анатолий Алексеевич Логунов предложил должность советника при ректоре Московского университета. В этой должности я продолжаю работать и в настоящее время. Новый ректор Московского университета Виктор Антонович Садовничий поддержал это предложение. На 3 ноября 1993 года я продолжаю оставаться советником ректора МГУ.

Заключение. Мои ученики

Рассматривая общий фон работы Московского университета и своей собственной деятельности, я преследовал несколько целей. Во-первых, еще раз привлечь внимание читателей к своей любимой Alma Mater МГУ, которая должна быть одним из источников пополнения Российской Академии наук научными кадрами и не только ее. Во-вторых, хотелось показать, что подготовить полноценных научных сотрудников сейчас совсем не просто. В-третьих, донести до читателя идею, что в наше время, а тем более в будущем, новое поколение ученых должно знать больше и лучше уметь организовать свою работу, чем их учителя. Ничего плохого в том нет. Ученики должны сами превращаться в учителей и в конце концов становиться выше своих учителей по уровню своих знаний.

Я уверен, что ряд моих работ стоит выше большинства работ моих учителей, но я также убежден в том, что ряд работ моих учеников стоит выше моих собственных, и могу только гордиться этим, но уж никак не сокрушаться, что я не сам это сделал.

Для того чтобы не быть голословным, хочу хотя бы кратко охарактеризовать тех, которых имею формальное право назвать «своими учениками», раз они решили на авторефератах своих диссертаций написать: «научный руководитель Е.М. Сергеев». Таких в таблице 1 указано 75 человек. Из них 38 мужчин и 37 женщин. Часто нужны точность и аккуратность, которыми обладают большинство женщин. Отсюда следует первый вывод: в новом направлении геологической науки, инженерной геологии и грунтоведения процент женщин-научных работников повышается по сравнению с предыдущими годами развития геологической науки. Конечно, такой вывод нельзя распространять на всю геологическую науку, но возможно, что это будет типичным и для других ее разделов.

Ученики академика Е.М. Сергеева

(по имеющимся у автора сведениям на 1993 г.,
в алфавитном порядке)

№	Ф.И.О.	Год за- щиты	Дальнейшая работа после защиты диссертации
1	Агошков А.К.	1957	Строительство и эксплуатация взлетно-посадочных плит на аэродромах (точных сведений нет)
2	Алексеенко Г.А.	1974	Доцент кафедры инженерной геологии и механики грунтов ВЗИСИ
3	Ангелов К.А. (Болгария)	1976	Доцент Болгарского Горно-геологического института, удостоен первой премии МАИГ для молодых ученых
4	Березкина Г.М.	1958	Пенсионерка
5	Белый В.Л.	1964	Руководит инженерно-геологическими изысканиями в ряде стран
6	Бронштейн Б.Е.	1965	Работал в Донбассе, затем в Днепропетровске в связи с разработкой угольных месторождений
7	Бочко Р.А.	1971	Работает в Академии нефти и газа им. Губкина (ГАНГ)
8	Барау Н.И.	1974	Уехала на работу в Омск
9	Бабаев А.	1976	Работал в горах Азербайджана на строительстве земляных плотин, затем преподавал в одной из африканских стран на французском языке инженерную геологию. Вернулся на Родину
10	Бирюкова О.Н.	1978	Работает на факультете почвоведения
11	Бахирева Л.В.	1979	По окончании географического факультета МГУ работала на кафедре инженерной геологии геологического факультета и защитила кандидатскую диссертацию по проблемам городских агломераций на примере Москвы, зав. лабораторией Инженерно-геологического и геоэкологического научного центра РАН
12	Бородулина Д.В.	1980	Работает в институте г. Целинограда в должности доцента
13	Вахтанова А.Н.	1954	Работала в Институте геологии Туркменской АН, после защиты докторской диссертации в 1972 г. заведовала кафедрой гидрогеологии и инженерной геологии Воронежского университета
14	Вашковски И. (ЧССР)	1957	Защитил на Родине докторскую диссертацию в 1974 г. Работал зав. отделом четвертичных отложений в Геологическом институте Словакии (ЧССР)
15	Васильева А.А.	1960	Работала научным сотрудником в НИИ
16	Воронин А.М.	1973	Доцент кафедры инженерной геологии и механики грунтов ВЗИС
17	Вашковска Е.	1963	Работала в отделе четвертичных отложений Геологического института Словакии в должности научного сотрудника
18	Герасимова А.С.	1962	Зам. зав. кафедрой инженерной геологии и охраны геологической среды МГУ

№	Ф.И.О.	Год защиты	Дальнейшая работа после защиты диссертации
19	Горбунова Т.А.	1975	Работала в Барнауле преподавателем в институте
20	Григорьева С.В.	1979	Работает по изучению инженерной геологии отдельных территорий
21	Градский Б.В.	1980	Работает в Мингео по инженерной геологии
22	Дивисилова В.И.	1972	Работает на кафедре по искусственному закреплению грунтов
23	Димитрова Р.И.	1974	Работала на изыскании под строительство метрополитена в Софии
24	Ефременко С.Д.	1991	Оставлена работать м.н.с. на кафедре инженерной геологии и охраны геологической среды геологического факультета МГУ
25	Ершова С.Б.	1971	Работала на кафедре с.н.с., сейчас на пенсии
26	Злочевская Р.И.	1966	Работала на кафедре по изучению физико-химических процессов в дисперсных грунтах. Недавно уехала на постоянную работу в США
27	Ильинская Г.Г.	1954	Работала на кафедре в лаборатории грунтоведения, внедряла в исследования грунтов электронную микроскопию. Рано умерла
28	Куприна Г.А.	1953	Первый мой аспирант, блестяще защитила кандидатскую диссертацию (тоже первой) в МГУ в главном корпусе на Ленинских горах по западным Каракумам, очень рано умерла
29	Кульчицкий Л.И.	1962	Работал во ВСЕГИНГЕО, продолжал изучение физико-химических свойств высокодисперсных грунтов; защитил докторскую диссертацию
30	Коцера Л.А. (Романовская)	1962	Работала по изучению осадочных пород; в последнее время не по инженерно-геологическому профилю
31	Копейкин В.И.	1962	Изучал лёссы Днепропетровска и их изменение под влиянием промышленной и гидротехнической деятельности человека
32	Красилова Н.С.	1963	Физико-химические исследования грунтов на базе инженерно-геологического картирования трассы БАШ. Оставлена на кафедре старшим научным сотрудником
33	Коломенский Е.Н.	1969	Математические методы в инженерной геологии. В 1985 г. защитил докторскую диссертацию. Работает на кафедре инженерной геологии МГУ
34	Кириин Б.М.	1973	После защиты работал на химфаке МГУ
35	Коломенская В.Н.	1974	Инженерно-геологическое изучение Западной Сибири. Работала с.н.с. в лаборатории Инженерно-геологического и геоэкологического научного центра РАН. Сейчас на пенсии
36	Калачев В.Я.	1974	Оставлен на работу на кафедре
37	Котлов В.Ф.	1976	С.н.с. института литосферы РАН

Продолжение таблицы

№	Ф.И.О.	Год защиты	Дальнейшая работа после защиты диссертации
38	Кожобаев К.А.	1977	Защищал по тиксотропии глин; был на стажировке в Югославии. Доцент в Киргизии
39	Комиссарова Н.Н.	1978	Изучение микроструктуры лёссов, ассистент нашей кафедры
40	Королев В.А.	1978	Физико-химические свойства грунтов. В 1989 г. защитил докторскую диссертацию. Профессор кафедры МГУ
41	Куликова З.В.	1983	Проблемы региональной инженерной геологии. Работает в ПНИИИСе
42	Коломийцев Н.В.	1985	Проблемы инженерной геологии Прикаспийской низменности, работает научным сотрудником по специальности
43	Козлякова И.В.	1988	Инженерно-геологический и геоэкологический научный центр РАН
44	Кольчугина Т.П.	1985	Изучение взаимодействия микроорганизмов с минералами при решении различных задач. Читает лекции на эту тему по контракту в американских (США) университетах
45	Кутепов В.М.	1967	Окончил кафедру грунтоведения и инженерной геологии по вечернему отделению в 1961 г. В 1967 г. защитил кандидатскую диссертацию, в 1988 — докторскую. Зам. директора по научной работе Инженерно-геологического и геоэкологического научного центра РАН
46	Минервин А.В.	1959	Оставлен на кафедре, старший научный сотрудник. Известный специалист в изучении лёссовых пород
47	Матвеев Ю.Д.	1970	Изучение процесса выветривания при различных видах строительства. Трагически погиб
48	Мохит Эль Дик (Банана)	1975	Инженерно-геологические процессы в связи со строительством ирригационных каналов
49	Максимова Т.В.	1984	Региональные исследования по трассе БАМа. В последнее время в г. Владимире
50	Мавлянов Н.Г.	1986	Изучение просадочных лёссов в связи с их абсолютными отметками залегания
51	Николаева С.К.	1982	Изучение природы тиксотропности глинистых грунтов; научный сотрудник кафедры
52	Одинцова Л.И.	1957	Сотрудник ВСЕГИНГЕО. Сдвигание грунтов
53	Осипов В.И.	1964	Применение физико-химических методов в инженерной геологии. Доктор наук (1977), член-корр. РАН (1987), академик РАН (1991)
54	Осипов Ю.Б.	1966	Доктор наук (1977). Зав. кафедрой Академии народного хозяйства
55	Павлов Б.М.	1963	Строительство в условиях севера (вскоре после защиты умер)

№	Ф.И.О.	Год защиты	Дальнейшая работа после защиты диссертации
56	Подкаминер О.С.	1967	Работает в С.-Петербурге. Инженерно-геологические особенности морских отложений
57	Поляков А.С.	1973	Оставлен на работе в университете
58	Рекшинская Л.Г.	1964	Электронная микроскопия глинистых минералов. Приглашена на работу на кафедру исторической геологии
59	Рахматуллаев Х.Х.	1977	Лёссы Узбекистана. Работает в АН Узбекистана
60	Серегина Ю.А.	1964	Тема диссертации – аллювий Оби. Оставлена на работу в университете, сейчас на пенсии
61	Сергеев А.И.	1970	Болотные отложения Западной Сибири. Работает старшим научным сотрудником в Инженерно-геологическом и геоэкологическом научном центре РАН
62	Слонимская М.В.	1967	Тема диссертации – теплота смачивания грунтов и адсорбционные процессы. В настоящее время уехала работать в США
63	Соколов В.Н.	1974	Исследования грунтов с помощью растрового электронного микроскопа и специальных приставок к нему. Доктор наук с 1989 г., профессор кафедры
64	Соколов Б.А.	1975	Доктор наук. Работает в Минвузе и по совместительству на кафедре
65	Трофимов В.Т.	1964	Инженерно-геологические условия севера Западной Сибири. Доктор наук (1977), профессор. Проректор МГУ по научной работе, зав. кафедрой инженерной геологии и охраны геологической среды
66	Терешков Г.М.	1970	Сибирские увалы. Нечерноземье России (начальник экспедиции). Внезапная скоропостижная смерть в Москве
67	Тимирясова Е.Х.	1976	Изучение лёссовых пород в связи со строительством КАМАЗа; новые представления
68	Трофимов Б.Т.	1977	Инженерно-геологическое изучение кремнистых пород Западной Сибири в ее западной части. Работает в ПНИИИСе
69	Усупаев Ш.Э.	1992	Доктор наук. Лёссы Киргизии
70	Филькин Н.А.	1973	Долины рек, впадающие в Северный Ледовитый океан восточнее Оби. Зав. кафедрой инженерной геологии и механики грунтов ВЗИСМ
71	Филимонов С.Д.	1980	Старший научный сотрудник Инженерно-геологического и геоэкологического научного центра РАЕ
72	Цаберт Е.А.	1984	Работает по специальности во ВСЕГИНГЕО
73	Шаронова В.В.	1961	Последние годы по специальности не работает
74	Шибакова В.С.	1967	Работала ученым секретарем научного совета Академии наук по инженерной геологии и гидрогеологии. Сейчас на пенсии
75	Чжа-Цзе-Сань	1963	Доктор наук КНР, руководитель института

Защита кандидатских диссертаций по десятилетиям

1951–1960 – 8	1981–1990 – 9
1961–1970 – 27	1991–н.в. – 2
1971–1980 – 29	Всего – 75

Второй вывод: подготовка кандидатов наук по десятилетиям шла неравномерно. Наибольшее число кандидатов было подготовлено с 1961 по 1980 г., когда развернулись экспедиционные работы и полностью было освоено новое лабораторное оборудование кафедры. Отсюда следует, что кандидатские диссертации по нашей специальности, как и по другим, хотя и зависят в первую очередь от способностей их авторов, могут успешно выполняться только тогда, когда для их разработки существует необходимая база.

Третий вывод: способность автора «не ставить точку», когда помимо основного материала у него оказывается еще дополнительный. Лучше задержать защиту, но обработать и этот дополнительный материал. Примером могут служить исследования А.Н. Вахтановой, работавшей в Западных Каракумах. Помимо диссертационного материала по такырам она собрала много материала по геологии, инженерной геологии и другим особенностям Западных Каракумов и поэтому сумела защитить в 1954 году кандидатскую диссертацию по такырам, а в 1972 году — уже докторскую диссертацию по факторам, определяющим сейсмичность Западной Туркмении. А.Н. Вахтанова на протяжении длительного времени заведовала кафедрой в Воронежском университете и, как мне кажется, подготовила значительное количество кандидатов наук с уклоном в экологию.

Имрих Вашковски приехал в МГУ в аспирантуру из Словакии, окончив Братиславский университет им. Каменского. Под моим руководством в 1957 г. защитил в МГУ кандидатскую диссертацию по теме «Инженерно-геологические особенности Томского Приобья», а у себя на родине в 1974 г. — докторскую диссертацию. Является известным специалистом по четвертичным отложениям Европы.

Сотрудник нашей кафедры в МГУ С.Д. Воронкевич защитил кандидатскую диссертацию в 1958 году, а после защиты докторской диссертации стал заведовать у нас на кафедре лабораторией по искусственному закреплению грунтов (технической мелиорации грунтов) после кончины Сергея Сергеевича Морозова.

«Урожайный год» на докторов на кафедре инженерной геологии и грунтоведения МГУ был 1977. В этом году защитили докторские диссертации воспитанники кафедры со студенческих лет: Осипов Виктор Иванович (кандидат с 1964 г.), Трофимов Виктор Титович (кандидат с

1964 г.), Осипов Юрий Борисович (кандидат с 1966 г.). У каждого из них были свои идеи, свой собранный в экспедиции материал.

В дальнейшем наибольших успехов добился В.И. Осипов, будучи избранным членом-корреспондентом АН СССР в 1987 году и академиком РАН в 1991 году. По существу, он возглавляет инженерную геологию в РАН.

Ответственную работу ведет Виктор Титович Трофимов в Московском университете, став заведующим кафедрой инженерной геологии и охраны окружающей среды и проректором МГУ по научной работе.

Юрий Борисович Осипов заведует кафедрой в Академии народного хозяйства при Совете министров.

Студенты и аспиранты, приезжавшие из Китая для обучения в МГУ, тоже проявили большие способности. Защитивший кандидатскую диссертацию под моим руководством в 1963 году китайский аспирант Чжао Цзе Сань (полученные им данные были использованы в учебнике «Грунтоведение», изданном в МГУ) в настоящее время является одним из ведущих ученых КНР в области инженерной геологии. Моя дипломница У Сяо Линь, выполнявшая дипломную работу по Советско-Китайской экспедиции на верхнем Амуре в 1958 году, защитила у себя на Родине докторскую диссертацию, является заместителем директора института гляциологии и научным руководителем Канадско-Китайской экспедиции в Канаде, США. Все это мне известно из ее писем и присланных фотографий.

Не могу не рассказать о своем ученике В.Н. Соколове. Вячеслав Николаевич Соколов защитил кандидатскую диссертацию в 1974 году по минералогии глин, точнее самих глинистых минералов, исследованных с помощью сканирующего электронного микроскопа. Со своими сотрудниками он сконструировал уникальный прибор, получивший авторские приоритетные справки в Японии, США и других странах мира, который в считанные минуты дает характеристику исследуемой глины (ее минерального состава, структуры, основных свойств). Естественно, что он легко защитил докторскую диссертацию. Приходится удивляться, что авторы, кафедра, факультет и МГУ в целом слабо пропагандируют эти работы.

Думаю, что не менее 12 докторов из моих учеников ведут активные научные исследования. Значительный вклад в развитие науки был сделан при организации Инженерно-геологического и геоэкологического научного центра в ОГГГГН РАН. Академик В.И. Осипов — директор этого центра, его заместителем по научной работе является Владимир Митрофанович Кутепов, который защищал докторскую диссертацию при наличии моего положительного отзыва. Главный научный сотрудник ИГЦ РАН Лорина Ваграмовна Шаумян, по моей рекомендации защи-

щала докторскую диссертацию, посвященную инженерно-геологической характеристике массивов горных пород в связи с добычей полезных ископаемых. Должен оговориться, что в этой области ведущим специалистом является не одна она. Больше всего работала в области инженерной геологии массивов горных пород Г.А. Голодковская и Л.В. Шаумян, ее ученица. Но, к сожалению, руководитель просмотрел возможность использовать собранный Л.В. Шаумян материал для обобщения в виде докторской диссертации, а заведующий кафедрой подсказал такую возможность. Когда работаешь друг с другом повседневно, этот момент можно пропустить и чисто случайно.

Так, например, получилось у меня с Ренатой Исааковной Злочевской. Она была сотрудницей С.С. Морозова и пришла к нам на кафедру с почвенного факультета. Очень способная, инициативная, аккуратная в постановке и проведении эксперимента и очень скромная, не навязывающая свои идеи. С.С. Морозов — человек очень скромный — особенно не пропагандировал ее достижения в области искусственного закрепления грунтов. Ею была подготовлена кандидатская диссертация, когда она занимала чуть ли не лаборантскую должность или должность младшего научного сотрудника. Я прочитал ее диссертацию, и создалось убеждение, что она написана на докторском уровне. Сказал об этом С.С. Морозову, тот подтвердил, что у нее нет специального инженерно-геологического образования и служебная должность низковата. Посоветовался со своими товарищами по кафедре. Говорят: «Мы еще не кандидаты, а вы уже хотите ее в доктора. Нехорошо». Тогда я принял решение: защита кандидатской диссертации должна состояться при трех официальных оппонентах: академик П.А. Ребиндер, профессор, доктор с физического факультета МГУ Киселев, заведующий кафедрой грунтоведения ЛГУ А.К. Ларионов. Академик П.А. Ребиндер написал отзыв — «доктор», Киселев — «при повторной защите можно присвоить докторскую степень» (что-то вроде этого), Ларионов был такого же мнения.

Работу Рената Исааковна защитила хорошо, ее тут же перевели на должность старшего научного сотрудника. У нее появились свои ученики и среди них Владимир Александрович Королев, который сейчас стал и доктором, и профессором. А Ренату Исааковну в этом году «переманили» к себе американцы на постоянную работу. Вот как приходится расплачиваться за допущенные ошибки. На память о себе Рената Исааковна подарила мне самодельный сувенир с дарственной надписью...

Отсюда я делаю четвертый, и последний, вывод — руководитель должен помогать в науке своим ученикам-аспирантам смелее, без оглядки, без раздумья о том, а что скажут другие. Совесть научного руководителя должна быть его единственным судьей.

Исходя из этого я поддержал докторскую диссертацию Усупаева Шойшелы Эшманбетовича «Формирование лёссовых пород Чуйской впадины» (1982 г.), несмотря на возражения некоторых ученых, работающих в области изучения лёссов, имея в виду, что она будет переиздаваться. ВАК присвоил Усупаеву ученую степень доктора геолого-минералогических наук.

В заключение мне хочется рекомендовать аспирантам, кандидатам и просто научным сотрудникам, работающим в инженерной геологии и экологии, знакомиться с литературой, которая поможет им в построении комплексных исследований и глубже разобраться с вопросами экологии в инженерной геологии. Надо рассматривать эту книгу и как обмен опытом в работе, и как информацию научной общественности о некоторых аспектах развития инженерной геологии и современной геологической науки вообще.

— — —

На этом автор решил закончить свою рукопись. Просматривая ее, я нашел ее несколько странной по построению. Но, думалось мне, писать иначе я не мог — это моя жизнь. Так она сложилась. Я мог бы всю жизнь проработать топографом и, наверное, принес бы какую-то пользу. Мог работать в парторганах, но, к счастью, этого не случилось, мне никогда не нравилась жесткая дисциплина, «демократия только сверху», но я мирился с этим потому, что верил в будущее. Судьба была милостива ко мне: был на фронте, тяжело ранен, но остался жив. Трудно гадать, как сложилась бы жизнь. Но я выбрал Московский университет и не ошибся. Здесь я приобщился к науке, работал с молодежью, с интересными людьми, большими учеными и не имеющими высоких степеней и званий, просто хорошими людьми. Я рад, что мои дети и внуки выбрали своей специальностью тоже геологию. А всю нашу семью объединяет дорогая моя супруга Александра Михайловна. Жизнь подарила мне прекрасных друзей-товарищей, память о которых я берегу. Хочется верить, что Московский университет будет развиваться плодотворно, что страна наша обретет достойные ее благополучие и покой, хочется, чтобы всем жилось хорошо, а наша планета была мирным домом.

1979—1993 гг.

Е.М. Сергеев

Оглавление

Предисловие	5
ЧАСТЬ 1. ЮНОСТЬ	13
<i>Глава 1. Деды и прадеды</i>	<i>15</i>
<i>Глава 2. Первые детские воспоминания. Родители</i>	<i>20</i>
<i>Глава 3. Школьные годы.....</i>	<i>26</i>
<i>Глава 4. Летние каникулы.....</i>	<i>39</i>
<i>Глава 5. В топографическом техникуме</i>	<i>53</i>
<i>Глава 6. На Дальнем Востоке.....</i>	<i>62</i>
<i>Глава 7. Студент Московского университета.....</i>	<i>86</i>
<i>Глава 8. На пороге науки</i>	<i>120</i>
ЧАСТЬ 2. ЗА СТРОКОЙ ФРОНТОВОГО ПИСЬМА.....	129
<i>Глава 9. Война началась</i>	<i>132</i>
<i>Глава 10. В резерве направления</i>	<i>142</i>
<i>Глава 11. В действующей армии.....</i>	<i>148</i>
<i>Глава 12. От Максимовки до Харькова. В боях под Шевченково</i>	<i>177</i>
<i>Глава 13. В учебном центре</i>	<i>214</i>
<i>Глава 14. Снова в дивизии. Между Осколом и Доном.....</i>	<i>227</i>
<i>Глава 15. Сталинград.....</i>	<i>248</i>
<i>Глава 16. Бои за Донбасс.....</i>	<i>269</i>
<i>Глава 17. Южный фронт. Ранение</i>	<i>294</i>
ЧАСТЬ 3. МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ. УЧИТЕЛЯ И УЧЕНИКИ.....	311
<i>Глава 18. Жизнь продолжается</i>	<i>313</i>

Оглавление

Глава 19. Строительство новых зданий МГУ на Ленинских горах. Ректор А.Н. Несмеянов.....	332
Глава 20. 200-летие Московского университета. Ректор И.Г. Петровский.....	359
Глава 21. В Каракумах	376
Глава 22. Обская и Западно-Сибирская экспедиции	393
Глава 23. Амурская экспедиция.....	410
Глава 24. Многотомная монография «Инженерная геология СССР»	421
Глава 25. Связи с зарубежными учеными. МАИГ	426
Глава 26. МГУ и Международная ассоциация университетов (МАУ). Ректор Р.В. Хохлов	437
Глава 27. Нечерноземная экспедиция МГУ. Работа в АН СССР	456
Глава 28. Академия народного хозяйства при Совете министров СССР	464
Закключение. Мои ученики.....	469

Евгений Михайлович Сергеев

ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ГОДЫ. ВОСПОМИНАНИЯ

Издание осуществлено при финансовой поддержке
ИГЭ РАН и ООО «Геомассив»

Главный редактор *В.И. Осипов*
Составители: *О.Н. Еремина, Н.Е. Сергеева*

Компьютерная верстка: *М.В. Старшова*

Подписано к печати 24.01.2014.
Формат 70x100 1/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Baltica. Печать офсетная. Уч.-изд. л. 44,0.
Тираж 600 экз.

Издательство ГЕОС
119017, Москва, Пыжевский пер., 7. к. 332
Тел./факс: (495) 959-35-16
e-mail: geos-books@yandex.ru
www.geos-books.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета в ООО “Чебоксарская типография № 1”
428019, г.Чебоксары, пр. И.Яковлева, 15.